18 fr.

LA TRIBUNE

ТРИБУНА

ЖУРнал-ГАЗета
№ 1
март
1983

КАКИМ ОНО БУДЕТ — ЭТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ?

К.ЛЮБАРСКИЙ: ВИДЕТЬ ЧИТАТЕЛЯ!

Мне кажется, что самой главной бедой русской зарубежной периодики является отсутствие ясного понимания того, какому читателю адресовано то или иное издание. Газеты или журналы пытаются потрафить всем — и, разумеется, не удовлетворяют никого. С этой точки зрения лишь два издания (по крайней мере из тех, что я читаю регулярно) мне представляются очень хорошими. Это "Посев" и "Вече". У них есть свой определенный адресат и позиция, в которой они совершенно последовательны. Многие (включая меня самого) эту позицию могут не разделять или даже активно отвергать ее, но это уже совсем другой вопрос.

ГАЗЕТА?

У русской прессы нет технических и финансовых возможностей пойти по пути, скажем, "Нью-Йорк Таймс", в толстом кирпиче которой читатель из любого социального слоя найдет для себя интересное. Поэтому четкое понимание читателя — жизненно необходимо. В противном случае мы получаем нечто аморфное типа "Русской мысли" или "Нового американца". Эту аморфность часто воспринимают как плюрализм, но это иллюзия. "Русскую мысль", например, делают люди, которые имеют свою определенную политическую линию, но не решаются последовательно ее выдерживать и пытаются представить себя "газетой для всех". Отсюда и диаметрально противоположные письма читателей, на которые газета с гордостью ссылается в доказательство своего плюрализма.

Хотелось бы, чтобы новорожденное издание было хорошим не только с этой журналистской точки зрения. Лично я заинтересован в том, чтобы адресатом газеты стал демократически мыслящий читатель внутри страны. Надо на любой материал смотреть как бы глазами оттуда — это трудно, конечно, но это не невозможно и необходимо. До сих пор такого издания в Зарубежье не появилось. И это при том, что нет у нас более важной задачи, чем в меру наших сил помогать демократическому духовному развитию внутри страны. И если есть все же издания "толстого" типа, находящиеся в русле русской демократической журналистики (например, "Синтаксис", в большой степени "Время и мы"), то изданий газетного типа — нет ни одного.

Разумеется, как часто правильно указывают, нет также и газеты, реально осуществляющей гласность в среде русской эмиграции. Это тоже плохо. Русская эмиграция — целый микрокосм с интенсивной внутренней жизнью и заслуживает освещения. Но мне эти проблемы представляются все же проблемами второго порядка — если только события в эмиграции не затрагивают интересов людей в СССР (таковы, например, проблемы радиовещания на СССР, проблемы изданий, направляемых в СССР и т.п.) ■

Б.ШРАГИН: САМОЕ СТРАШНОЕ

Мы, эмиграция из Советского Союза, заняли или, если угодно, захватили посредническое положение между нашей страной и остальным миром — прежде всего, Западом. Но наше посредничество все больше начинает походить на игру в "испорченный телефон".

Из нашей среды по большей части раздаются голоса людей, которые по чисто личным своим обстоятельствам не смогли духовно прижиться на Западе. В демократических государствах они выступают как решительные противники всего того, что дорого западному человеку, что он отстоял ценой борьбы и жертв. Их взгляды выпадают за пределы всего спектра западного политического плюрализма. Они идут гораздо дальше самых крайних из западных консерваторов: они отрицают саму идею демократии. Они не останавливаются перед тем, чтобы похваливать время от времени таких деятелей, как Франко или Пиночет.

ЖУРНАЛ?

Их, конечно, дело. Однако, совершенно необоснованно создается впечатление, что будто бы они — представители *всех* оппозиционных сил в Советском Союзе. И практически — пусть неосознанно — они добиваются того, что западное общественное мнение отворачивается от советских диссидентов, отворачивается от них как от ретроградов и обскурантов.

С другой стороны, развитие оппозиционной мысли и действия в Советском Союзе отнюдь не исчерпывается тягой к освеженным формам антидемократизма. Оно начиналось как *демократическое* движение, как защита прав человека. И оно продолжает развиваться, особенно со второй половины 70-х годов, приведя к возникновению разных кружков и групп, породив множество самиздатских публикаций и периодических изданий — не только демократических, но и социалистических.

И тут получается самое страшное, самое позорное. Наша эмигрантская печать подвергает цензуре произведения, которые, на ее вкус, слишком "левые". Наши соотечественники сегодня часто идут в тюрьму за идеи, статьи и книги, которые равно отвергаются и советским официозом, и эмигрантским официозом. И тот, и другой пытаются создать впечатление, будто ни этих идей, ни этих статей и книг не существует. ■

П.АБОВИН-ЕГИДЕС: НАДО РАЗОБРАТЬСЯ

Смысл нового журнала я связываю с определенной закономерностью социальной борьбы в тоталитарных государствах: эта борьба возможна лишь как единство *двух* потоков — внутреннего (оппозиционного) и внешнего (эмигрантского). История освободительных движений свидетельствует о том, что диктаторские режимы могут быть преодолены только при взаимодействии этих двух потоков. Разделяя своих явных и потенциальных противников, эти режимы не дают им не только объединиться, но даже и договориться между собой. Вот тут-то и прорисовывается роль политической эмиграции: как ни парадоксально, но в условиях тоталитаризма именно через

ЗАЧЕМ?

эмиграцию оппозиционные силы внутри страны могут связываться с собственным народом. К тому же эмигранты, оказавшиеся в демократических странах, имеют большие возможности для теоретической работы, для осмысления социального бытия своей Родины.

(Другое дело — вопрос о том, кто имеет моральное право эмигрировать, а кто должен оставаться внутри страны).

Сейчас на Западе диссидентов-эмигрантов уже не несколько человек, а целая колония. Эмиграция стала значительным социально-историческим феноменом — и перед ней встала во весь рост задача осмыслить свою миссию. Однако мы оказались лицом к лицу с печальным фактом: наша эмиграция пока со своей задачей не справилась. Неизбежное *размежевание* на сторонников демократии и автократии дошло до непростительного тотального *разобщения*. Мышиная возня вместо конструктивных дискуссий, бесовщина вместо полемики, цензура вместо толерантности, дешевая софистика под видом глубокомысленных парадоксов — вот с чем мы зачастую сталкиваемся.

Следует тщательно разобраться в нашем эмигрантском "хозяйстве", — на его складе за эти годы нагромоздилось много всякой всячины. В хаосе из талантливых зарисовок, лоскутных идей, поверхностных наблюдений и болезненных амбиций следует разобраться не из любви к внешнему порядку, а для того, чтобы отделить от наносного и ненужного то пригодное, что способно вызвать позитивные сдвиги в социальном мышлении народа. Этот

КОМУ

отбор — условие объединения демократических сил внутри и вне страны.

Пророкомании в любом виде, тенденциям нового культа, замене одной моноидеологии другой следует противопоставить совершенно новые установки:

гарантированную свободу обсуждений,

гарантированный истинный плюрализм,

гарантированную действительную толерантность.

Только такая позиция позволит продвинуться нам вперед и в правозащитной деятельности. До сих пор нет, например, настоящего массового движения за возврат Сахарова в Москву. Сейчас нарастает волна повторных сроков, а серьезной кампании в защиту *повторников* нет. Даже "параллельный Мадрид" был весьма куцым. И во всем этом — немалая вина нашей эмиграции...

Новый журнал может и должен помочь духовному оздоровлению эмиграции. ■

Ефим ЭТКИНД: ЭТО НЕОБХОДИМО!

Чем меня не удовлетворяет существующая на Западе русская пресса? Почему я считаю необходимым создание новой газеты? Односложно ответить не могу. Это слишком важный вопрос, чтобы ограничиться краткой отпиской. Думаю, что каждый номер нашей "Трибуны" будет содержать ответ. Пока — только три пункта.

1. 'Homo soveticus: о нем пишут все чаще и больше, с издевкой, отвращением, злорадством. "Жуткий образ социального робота, человека без "я", заклейменного общим "мы" " ("Русская Мысль" 30.12.1982 г.). Это оскорбительная неправда. Как бы ни была вездесуща и сильна советская пропаганда, она не могла — и никогда не сможет! — низвести живущих в Советском Союзе людей до уровня "социальных роботов". Конечно, есть слабые, которые уступают, капитулируют, продаются в рабство; но слабых везде много, не только в СССР. Зато немало и сильных, которые от террористического давления становятся сильнее. Пушкинская формула здесь особенно уместна: "тяжкий млат, дробя стекло, кует булат". Понятие "homo soveticus" — проявление своеобразного расизма. Впрочем, чаще — это дурная злая шутка. Всерьез этот термин употребляют те, кто никогда в нынешней России не был и быть там не желает. Или те, кто жил в Москве в кругах привилегированных зубоскалов и в самом деле никого не видал, кроме "социальных роботов".

Да, в нынешней России большинство населения — атеистично. Что же из этого? Во Франции тоже. Разве атеист не может быть человеком высочайшей нравственности? Атеистами были Афанасий Фет и Генрих Гейне — что же, они хуже других поэтов? Я против того, чтобы русская пресса игнорировала инакомыслящих, тем более очерняла их. Никакого "homo soveticus"а на свете нет, как нет "homo germanicus" или "homo judaicus"; существуют известные черты, сформировавшиеся под влиянием исторических и общественных обстоятельств, и они, эти черты, исчезнут, когда обстоятельства изменятся. Так, демократический порядок за короткий срок воспитал новое поколение немцев. Не забудем и о том, как высока культура человека, презрительно именуемого "гомосос": как жадно он читает мировых классиков, как благоговейно относится к историческому прошлому и своим предкам, как тянется к поэзии. Все это рождается не благодаря режиму, а вопреки. Но зловещая легенда о "социальном роботе" дезориентирует мир, да и нас самих. Я мечтаю об издании, уважающем моего соотечественника — не только если он политический борец. Население Советского Союза не делится на хоро-

ЭТО

ших диссидентов и "гомососов", а на людей, преданных культуре — и враждебных ей. На порядочных и бесчестных, на преданных нравственным идеалам и карьеристов.

2. Нынешняя печать не признает элементарных принципов *гласности*. Она имитирует терпимость, будучи в основе своей свирепо нетерпимой. Она публикует лишь то, что соответствует ее представлениям, иногда позволяя инакомыслящим высказаться петитом в разделе "Наша почта" — и то лишь с той целью, чтобы ударить их еще больнее, уже "закрывая дискуссию". Иногда это попрание гласности приобретает гротескные черты. Так, в "Континенте" № 33 в "Колонке редактора" (стр. 375-377) читаем: "Один из таких жрецов... неймется болезному... Другой подобный же жрец... дитя эфира... В одном из номеров нашего журнала, в рецензии на исторический сборник, молодой критик допустил не совсем ловкое выражение по адресу одного из тех немногих, ныне уже, к сожалению, покойных писателей, которые... редакция получает разгневанное письмо дочери писателя, уважаемой всеми нами литературной деятельницы..." и т.д., все в том же духе. В каком номере журнала? Как имя критика? Какое выражение он допустил? О каком покойном писателе идет речь? Что это за таинственная дочь? Чем она так возмутилась? Только посвященные догадались, что речь идет о К.И.Чуковском, за честь которого вступилась Л.К.Чуковская. Но все эти нелепые умолчания представляют собой издевку над гласностью. Новое издание должно найти в себе мужество, чтобы говорить с читателем прямо, честно, без недостойных и оскорбительных обиняков.

3. *Монополизация прессы* убивает свободу печати. Немцы давно негодуют по поводу империи Акселя Шпрингера, захватившей большую часть прессы ФРГ. Французы возмущены цинизмом и безнаказанностью Робера Эрсана, который купил два десятка газет, в том числе крупнейшие — "Фигаро", "Орор" и "Франс суар". И топчет свободу информации. Однако у немцев кроме шпрингеровской "Ди Вельт" есть немало других газет, вроде "Франкфуртер Альгемайне", да и у французов не свет клином сошелся на "Фигаро": еще существуют "Ле Монд", "Матэн", даже "Юманите". Только у русской эмиграции нет выбора. Вся пресса захвачена ее правым крылом, связанным с Акселем Шпрингером, НТС, церковью. В том, что подобная пресса существует, дурного нет — при условии, что ей противостоит иная. Монархические позиции правомочны при условии свободы для республиканских идей. Православие и церковность прекрасны — при уважении к инакомыслию. Даже приверженность идее Российской империи допустима — если равную возможность высказываний имеют "сепаратисты", сторонники свободного самоопределения всех национальностей, входящих в состав СССР, и даже входивших прежде в Российскую империю. Новое издание должно предоставить свои страницы этим другим голосам, которые до сих пор были обречены на молчание. ■

Д.СЕЗЕМАН: НАШ ДОМ

Не успел государь Петр Алексеевич несколько опрометчиво пробить окно в Европу, как стали шастать взад-вперед тридцать пять тысяч курьеров, кто за фижмами и духами для императрицы Елизаветы, кто за философическими трактатами для матушки Екатерины. Преображенцы Александра Первого, очарованные полоненным Парижем 1814 года, везут оттуда не только огорчительные последствия веселых ночей, проведенных в обществе девиц Пале-Рояля, но и зачатки пестелевской конституции. В Лондоне Герцен

НАДО?

кается в грехах российского крепостничества; Тургенев в Буживале тоскует об орловских вальдшнепах; Достоевский, проигравший в Рулетенбурге последнее колечко Анны Григорьевны, в сердцах срывает злобу на "жидишках" и "полячишках"; Тихомировы-Лавровы, а затем Плехановы-Ульяновы кто в Цюрихе, кто в Париже, кто в Лонжюмо никак не поделят наследство Маркса, Бакунина и князя Кропоткина; Чехов на немецком курорте говорит "Ich sterbe", отвернувшись к стенке, а Максим Горький под каприйским солнцем кропает чахоточные пьесы о русских машинистах и присяжных поверенных.

Шутки в сторону — Европу мы знали. Русские мануфактурщики привезли в Москву лучшую в мире коллекцию Гогена, Матисса и Пикассо, когда Парижский Салон только собирался выставить Сезанна. У нас издавалось собрание сочинений Ницше, когда профессора Сорбонны еще думали, сообщить или нет своим студентам о существовании Гегеля. А Художественный театр ставил в сиреневых декорациях скандинавских драматургов, которых семьдесят лет спустя открывают парижские авангардисты.

Это все к тому, что русская интеллигенция, эмигрировавшая после революции, переехала из одной еще недавно цивилизованный страны в другую, а не с одной планеты на

другую. Выросшая на своей национальной русской почве, она однако была вскормлена той же христианской цивилизацией, той же системой моральных, этических и эстетических ценностей, в том же уважении и гуманистической культуре, которые породили все лучшее, созданное Западом. Может быть только тогда стало окончательно ясно, что извечный российский спор велся не между западниками и славянофилами, а между дремучим зубодробительным хамством и хрупкой, всегда ранимой культурой, как полвека спустя между кочетовцами и твардовцами.

Слов нет, жилось ей на чужбине туго. Жена Григория Петровича Федотова ходила по домам мыть полы, Алексей Михайлович Ремизов разыгрывал в лотерее билетики, расписанные фантастической вязью, а Константин Коровин пытался продавать куски картона с чудовищными псевдорусскими пейзажиками. Все так. Но православное богословие пережило здесь поразительный подъем; но Шагал, Сутин, Пуни, Кандинский открыли эпоху в европейской живописи; но споры Бердяева с Шестовым, и встреча Шестова с философией Кьеркегора задолго до Хайдеггера и тем более Сартра поставили вопрос о грядущей смерти идеологии.

КАК

А потом явились мы, родившиеся и выросшие в стране с лучшей в мире цензурой. Долгие годы о современной западной литературе мы знали немного: болгарские, вьетнамские и уругвайские романы, печатающиеся в журнале "Иностранная Литература", а также произведения товарищей Арагона, Эльзы Триоле и Андре Стиля; о духовной жизни Запада мы знали речи Хьюлетта Джонсона о борьбе за мир; западное кино мы отождествляли с Тарзаном, Жаном Марэ и покойным Луи де Фюнесом; о западном быте мы судили то по сообщениям "Правды" о забастовках в Англии или землетрясениях в Италии, то по сказочным бутылкам и банкам, скрытым за плотными шторами "Березки". Но странным образом, оказавшись в этой Европе, которая для нас была более метафизической категорией, нежели географическим и культурно-историческим понятием, нашей первой заботой стало не познание наконец открывшейся нам реальности, а брюзгливое осуждение и громкое выражение разочарования. Нас раздражает — то гипертрофированная законность, то до пределов доведенная демократия, то избыток информации, то неуважение к старшим, то чрезмерное уважение к младшим, то голые барышни на афишах, то арабы в метро. Конечно, нашим долгом было предупредить Запад о грозящей ему опасности, которую мы знали изнутри; но не довольствуясь этим и сами не желая пальцем пошевелить, чтобы поближе узнать здешнюю жизнь, мы требуем, чтобы Запад бросил все дела, занялся нами и нашей судьбой. Тяжко вздыхая, мы говорим: "Ох, уж эти европейцы! Вот ужо придут наши, они вам покажут!"

Эти европейцы. Не мы. Мы — не европейцы. Ми никак не вступим во владение этого *нашего* наследия. Никак не свыкнемся с мыслью, что этот дом — наш, даже если нам не нравится расположение комнат, стиль мебели, соседские дети и автомобильный грохот под окнами.

Европейцами в лучшем, высшем смысле были Пушкин и Чаадаев, Тютчев и Блок, Владимир Соловьев и Осип Мандельштам. Им и многим другим присуще было глубокое ощущение того, что судьба России и судьба Европы — одно. Нам есть на кого сослаться, если не равняться. ■

Ю.ВИШНЕВСКАЯ: ПОЧЕМУ У ВАС НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ...

Поскольку, переехав на Запад, мы унесли с собою нашу советскую родину на подошвах своих сандалий, то и здешние русские печатные органы просто на удивление похожи на типовую газету "Большевистские темпы". Люди, имеющие возможность сопоставлять и сравнивать, не перестают удивляться: почему это англичане, французы, итальянцы или немцы узнают из своих газет про то, что им ИНТЕРЕСНО, а вот русскому читателю (в Советском Союзе ли, или в эмиграции — все равно) в газетах предлагают прочесть только то, что с точки зрения правительства (московского или в изгнании) — НАДО. Другими словами — в западной прессе — информируют, а в русской — воспитывают. А вот то, что нас реально интересует, реально волнует, мы как дома, в Москве, так и здесь, в эмиграции, обсуждаем на кухне, по телефону или даже при помощи "Самиздата".

Можно ли, например, представить себе ситуацию, когда, скажем, директор лондонского Музея современного искусства сэр Роланд Пенроз явился бы на вернисаж в галерею "Тэйт" и под дулом пистолета потребовал бы от своих коллег, чтобы они не смели устраивать никаких выставок без его, сэра Роланда, ценных указаний — а выходящая в том же Лондоне газета "Таймс" на другой день ничего об этом эпизоде не сообщила? Между тем, аналогичный случай имел место у нас, в русском Париже. И разумеется, эта история мо-

ЭТО

ментально стала предметом толков и пересудов града и мира. И лишь выходящая в том же городе на Сене газета "Эмигрантские темпы" сохранила полное молчание.

Вообще все обязанности, которые в нормальном обществе были бы возложены на газету, у нас выполняет наше единственное информационное агентство — ОДС ("одна дама сказала"). Об аресте и суде над эмигрантом Е. Ласкиным, пойманном в ФРГ с багажником, полном фальшивыми долларами, которые, как подозревает немецкая полиция, он якобы вез из ГДР для передачи террористам из группы "Баадер-Майнхоф", мне рассказали в буфете у меня на работе. О том, что при террористическом нападении на еврейский ресторан в Париже пострадали несколько выходцев из Советского Союза, я прочла в сообщении *американского* агентства ЮПИ. Об обстоятельствах увольнения Виктора Некрасова из журнала "Континент" мне сообщили в телефонном разговоре из Парижа. А между тем, о приходе Некрасова в "Континент" я прочла в "Русской мысли" в 1975 году и, казалось бы, как постоянный читатель имею право прочесть в той же самой газете, когда, как и почему Некрасов из журнала "Континент" вышел. Но ни "Русская мысль", и никакой другой печатный орган никогда не сообщает того, что именно русского читателя может заинтересовать. То есть заинтересовать не потому, что тот или другой эмигрант не знает иностранных языков и вынужден в силу этого довольствоваться местным эквивалентом советской политинформации вместо газеты — а потому, что каждый выходец из России принадлежит к определенному землячеству и имеет право знать обо всем происходящем в его землячестве правду.

Как это принято во всех антидемократических социальных образованиях, русская пресса борется со всеми безобразиями в нашей среде в лучшем случае путем умолчания о них. Но ведь в действительности, единственным способом борьбы с любыми безобразиями может быть только гласность. Может быть, если о явлении директора Русского музея в изгнании А.Глезера на выставку "Русские в Париже" сообщила бы своевременно, как это принято у цивилизованных людей, местная русская газета, то в следующий раз упомянутый директор все-таки постеснялся бы наставлять газовый пистолет на конкурента?

Подобное положение вещей имеет свое официальное объяснение:

— У нас, — говорим мы друг другу доверительно, — есть Один Общий Враг! И мы не должны выносить сора из избы — ЧТОБЫ НЕ РАДОВАТЬ СОВЕТСКУЮ ПРОПАГАНДУ.

Но возьмите любую подборку любой советской газеты, послушайте программу советского радио... Что больше всего на свете радовало всегда советскую пропаганду? Неужели эмигрантские склоки? Черта с два! Безработица в Западной Европе, расовые волнения в Америке... Но представьте себе на минутку, что вдруг "Вашингтон Пост" не пишет ничего о негритянском бунте в Майами, а "Дейли Телеграф" скрывает от своих читателей число безработных в Великобритании — "чтобы не радовать советскую пропаганду" (или иного какого-нибудь "врага", безразлично, внутреннего или внешнего).

Помимо всего прочего, все равно мы этому, поставленному нами же самими условию "не выносить сора из избы", не соответствуем. На самом деле русская зарубежная пресса преисполнена "полемикой" — зачастую в форме грубой брани, никаких доводов, кроме оскорблений инакомыслящих, не содержащей. Хуже того, наша "третья волна" принесла с собою омерзительную советскую манеру изъясняться в печати с помощью закодированных инсинуаций, никому, кроме непосредственных участников склоки да их личных друзей, заведомо не понятных.

СДЕЛАТЬ ?

Дело в том, что в Советском Союзе доступ к информации: возможность брать в библиотеке иностранные газеты или, скажем, получать какой-нибудь "белый ТАСС" — есть объект привилегий, наравне с правом выезжать за границу или покупать колбасу в закрытом распределителе. Поскольку последнее от них не зависит, бывшим представителям советской элиты пришлось смириться с тем, что здесь, на "бездуховном Западе", все могут поехать, куда хотят, и купить в магазине все, на что хватает их финансовых возможностей. Но от своей священной привилегии — по знакомству получать информацию и превращать ее в скверную агитку для воспитания широких народных масс — наши эмигрантские секретари обкомов отказаться не в состоянии.

Ежедневно — с регулярными перерывами по причине очередной забастовки — ко мне в кабинет приносят свежий номер газеты "Таймс". Газета полна опечаток, оставляет на руках следы типографской краски и стоит столько, что вместо годовой подписки здесь, в Германии, можно купить большой холодильник. Тем не менее, я плачу эти деньги, ибо "Таймс" — "моя" газета. Газета, в которой меня, читателя, уважают.

Газету "Эмигрантские темпы" я получаю за казенный счет. Я не согласна платить из собственного кармана за то, чтобы меня постоянно воспитывали. У меня для этой цели

есть мама, которая делает это бесплатно. И я, между прочим, не буду подписываться на "Трибуну", если она будет обращаться со мною таким же образом. Ибо есть у меня ощущение, господа, что из вашей затеи ничего не выйдет.

Я не верю в успех задуманного вами издания ни на грош, потому что, на мой взгляд, в нашей среде царят совершенно извращенные представления о свободе печати. К ужасу своему я постоянно наталкиваюсь то тут, то там на рассуждения эмигрантских теоретиков — причем не только поклонников "авторитарного строя", но и людей, называющих себя "либералами" или "христианскими социалистами" — о том, что-де простому народу свобода печати не нужна, что свобода печати интересует лишь тех, кто что-то пишет (то есть, иными словами, "гнилую интеллигенцию") — а простой народ ничего писать и, следовательно, печатать не собирается. Но почему-то никому в голову не приходит, что в наше время, в эпоху сплошной грамотности, все, в том числе и пресловутый "простой народ", умеют читать, и что в силу этого обстоятельства у него, "простого народа", тоже могут быть какие-то права. Например, право знать о том, что происходит в его собственном доме. А не только "безмолвствовать".

Существует коренная разница между профессией литератора и профессией журналиста. Писатель, как сказано еще у Гейне, за свою работу "дает ответ лишь Богу". Журналист, кроме того, еще несет ответственность перед публикой. Вы не сможете издавать журнал, который задумали, если вы своего читателя не уважаете. Если вы к своему читателю относитесь как к быдлу, которое не способно при помощи собственных, Богом данных ему мозгов разобраться, что к чему, без того, чтобы его постоянно агитировали. Я не полюбила аргентинскую хунту, несмотря на то, что в течение шести-семи лет, вплоть до Фолклендской войны, вся русская печать непрерывно меня за нее агитировала. И я, честное слово, не разлюблю западных демократий, даже если меня не будет агитировать за них "Трибуна".

Меня вообще не нужно агитировать. Дайте мне факты. ■

●

ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ НАС САМИХ ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ К ОБСУЖДЕНИЮ И СОТРУДНИЧЕСТВУ

ОТ БРЕЖ

А.Синявский КОНЕЦ ОДНОЙ

Говорят, однажды знатный иностранец, пожелав предварительно товарищу Сталину долгих лет жизни, спросил — кто же будет наследником великого вождя в конце концов — после его смерти? Ибо, сказал вежливо иностранец, Политическому Деятелю такого масштаба, как Вы, господин Генералиссимус, приходится, по всей вероятности, много думать о будущем такого великого и прекрасного государства, как Ваше, господин Генералиссимус... Бестактный вопрос был задан в присутствии членов Политбюро, и те затрепетали. Решалась их судьба: кто придет к власти? кто любимый ученик? Кто?!. Сталин, говорят, обвел собрание зорким глазом, как бы выбирая самого достойного, ни на ком не остановился и презрительно процедил: "— Эти — что ли?" Потом, подумав, мягко воздел палец к потолку, сам, по-видимому, заинтригованный этой философской проблемой: "— Кто будет после меня? Интересно..." И, выдержав хорошую паузу, расплылся в гостеприимной кавказской улыбке: "— Неизвестный молодой человек"...

Все облегченно засмеялись. Обманул Отец родной, в который раз, иностранца с его провокационным вопросом.

Но Сталин сказал правду. Возможно, он вспомнил себя в молодости: "неизвестный молодой человек"... Помимо того, обладая запасом здорового черного юмора, Сталин понимал, что история, вопреки марксизму, развивается, в общем-то, неисповедимыми путями и дарит нас приятными неожиданностями... Все же он постарался сделать так, чтобы никакой другой неизвестный молодой человек не смог воссесть на его престоле. С тех пор подобного рода люди перевелись на Руси. Сталин их истребил. И настолько успешно, что и теперь, тридцать лет спустя после смерти Сталина, этот "неизвестный молодой человек" еще не подрос и, может, сейчас едва-едва родился, чтобы еще лет этак через тридцать оправдать своим появлением блистательное предсказание Сталина.

Во всяком случае, в нынешней элите вы такого не найдете. Система так отработана, что наверху сидят, свесив ножки, одни безликие и замечательно долговечные старцы. Находясь внизу, мы их не различаем. Знаем по именам, да и то не всегда и не всех, — настолько они одинаковы и взаимозаменяемы. А чтобы туда, на вершину власти, прошел самостоятельно-мыслящий человек или хотя бы наглый, умный авантюрист, — подобный вариант почти исключен. Наверх проникают исполнительные посредственности, да и то к старости, ступенька за ступенькой. Сама партия и весь аппарат власти так устроены и налажены, что выделяться умом и талантом, отвагой и собственным мнением там не рекомендуется. Голову снимут на первом же вираже. Отсутствие лица и самостоятельной, свежей мысли давно уже стало условием партийной карьеры. Последним авантюристом, который всех перехитрил, был — Сталин. Последним по времени чиновником в этой среде с собственным, пускай придурковатым, лицом был — Хрущев. За это лицо его и свергли.

Брежнев так долго умирал, что, кажется, он с того и начал свое царствование. Даже если он был фигурой чисто символической, подобный символ хорошо подошел режиму в пору его правления, когда, согласно анекдотам, каждое утро Брежнева начиналось — с реанимации. И, действительно, в течение многих лет он был живой развалиной, и это, по-видимому, как-то устраивало систему, пришедшую вместе с Брежневым в относительно неподвижное и как бы "вечное" состояние.

В народном сознании Брежнев был либо "никто", "никакой" и за 18 лет своего правления не успел определиться, либо выступал в анекдотической роли, неизменно одной и той же, — старого дурака и тотального маразматика. И словно из чувства юмора, с тем, чтобы дать пищу российским острословам, Брежневу вручили Ленинскую премию за литературные достижения. Такого позора советская литература, кажется, еще не знала. Сгорая от стыда, некоторые интеллигенты (и я в том числе) строили догадки, что это, может быть, тайные конкуренты Брежнева, готовясь к его смерти, решили придать его образу еще более комический вид и сделать из него, в довершение, литературное чучело. Боюсь, однако, мы преувеличили: наверху автоматы разучились смеяться...

Смерть Брежнева настолько затянулась, что мы уже мно-

НЕВА К АНДРОПОВУ

ОЧЕНЬ СКУЧНОЙ ЭПОХИ

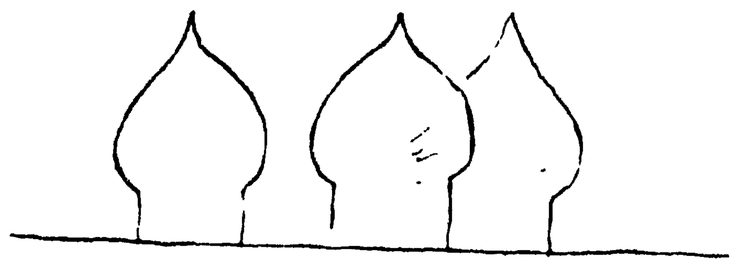
го лет подыскивали в уме достойного ему преемника, ведя эту игру, разумеется вслепую. Я, например, одно время склонялся в пользу двух имен, исходя исключительно из звучания фамилий, которые подошли бы режиму на следующем этапе: Кулаков и Романов. "Кулаков" (от слова — кулак), с одной стороны, передает мощь и грозный образ советского государства, всегда готового к драке, а кроме того неплохо, чтобы "кулак", ликвидированный как класс физически, обосновался наверху пирамиды с ее действительно кулацкой, жадной и прижимистой психологией дорвавшегося до всяческих благ и власти полуграмотного мужика. Имя же "Романов" беззлобно пародирует царскую династию, приятно напоминая о цикличности исторического развития: начинали Романовы и закончил бы Романов.

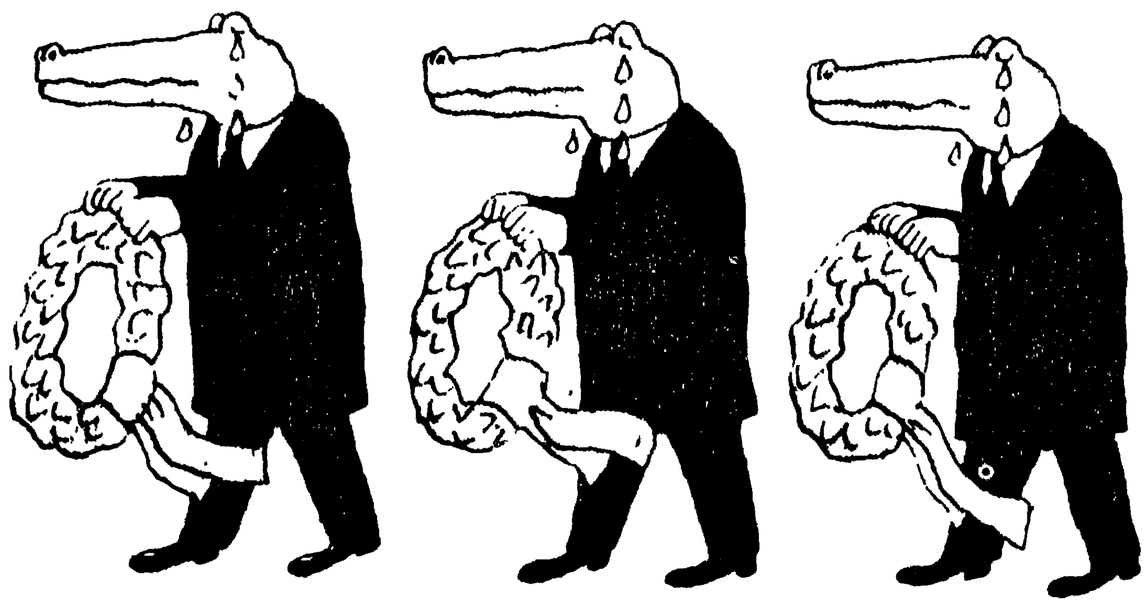
Наши мечты, увы, не сбываются, и Кулаков преждевременно скончался где-то в Африке, а Романов застрял на иерархической лестнице, подняться по которой, возможно, и помешало ему как раз слишком колоритное и красивое имя.

Но, рассуждая серьезно, самое последнее время перед брежневской смертью я отдавал предпочтение Андропову, поскольку все равно нет выбора и не из чего выбирать. Ходили слухи, что Андропов умнее других, энергичен и сравнительно молод: ему всего 68 лет. Очки в тонкой оправе (насколько я помню его портреты) придают его лицу даже черты редкой в этой среде интеллигентности. Окончание на "ов" обеспечивает нам полноценно русского руководителя, что сегодня тоже в моде. Ведь даже Хрущев таил в себе некий хитрый украинизм: "хрущ" по-украински — жук. "Андропов" же звучит благородно. Кроме того, и это самое главное, за Андроповым тянется репутация признанного и многолетнего вождя КГБ, и от подобной репутации надо долго отмываться. То есть необходимо сделать какие-то либеральные шаги или жесты, показывающие всему миру, что ты не такой уж кровожадный зверь, каким тебя все считают, и полиция тут не причем. К подобному маневру после смерти Сталина прибегал даже тогдашний главный палач Берия, преждевременно растрелянный (успел только дать маленькую амнистию). С другой же стороны, новым руководителям Советского Союза, кто бы они ни были, со смертью Брежнева предоставлялся удобный случай, немного повременив, свалить на покойника вину за экономический кризис и хроническое недоедание советского народа. Вывести страну из этого состояния, конечно, неизмеримо труднее. Но очередного виновника отыскать легко, и товарищ Брежнев на эту должность генеральной куклы вполне подходит.

К сожалению, я не вижу, чтобы со смертью Брежнева начались большие перемены к лучшему. Уж очень велика инерция тяжести, которая обременяет Империю множеством придатков во всех частях света, за исключением пока что Австралии. Это "социалистическое окружение" необходимо держать, а то оно развалится. Столь же велика инерция колоссального правящего и карательного аппарата, который ведь тоже есть-пить просит и хочет быть "при деле". Но, может быть, всего необратимее ситуация "бесструктурного общества", где почти никто не заинтересован в работе и все лишены личной инициативы. Всего губительнее это сказывается на советском крестьянстве, которое вырвано из земли с корнями, лишено земли и давно уже потеряло вкус к сельскому труду. Как эти корни назад — привить?

Наконец, существует громадная инерция скуки, прямо-таки исходящая от коммунистической идеологии. Не Брежнев ее начинал, но Брежнев ее довел до состояния маразма. От кровавого смерча, каким прошел по земле Сталин, от непредсказуемых, залихватских прыжков Хрущева (в разные стороны, к хорошему и плохому) брежневское правление отличалось, мне кажется, более медленным, спокойным и сравнительно "тихим" течением событий, а также отсутствием каких-либо иллюзий, порывов и надежд. Со смертью Брежнева очерчивается эпоха, когда большинству людей в России жилось очень скучно. Эпоху скучнее, чем брежневское время, трудно себе представить. Словно здесь история остановилась, зайдя в тупик. А ведь история — сама по себе — вещь интересная. Недаром греческие боги для тех, кто занимался историей, назначили специальную музу — Клио. Значит, история и занятия ею это тоже своего рода художественное изделие. И жить без истории скучно: нет игры, нет сюжета... И, вообще, зачем жить, если исчезла история?





Правда, именно в эту скучную пору (когда не стреляли, а сажали) возникло самое интересное и значительное (и, вообще — уникальное в советской истории) явление: диссидентство. Советские люди вдруг стали думать и выступать, не согласовывая свои взгляды с указаниями начальства. Но диссидентство появилось вопреки власти и не отразилось на жизни народа. Диссидентству, естественно, положили предел, однако процесс необратим. И разве не знаменательно, что в виде финала этой эпохи, брежневской, и начала другой, еще гипотетической, поставлен не кто-нибудь, а Андропов, глава самой страшной в мире и самой, вероятно, мощной Тайной Полиции? Водителем коммунизма стал Шеф Жандармов — это ли не символ?

Этим умозаключением я не хочу сказать ничего дурного по поводу лично Андропова. Вполне возможно, что он и есть самый достойный кандидат на ленинско-сталинский престол — из всех претендентов, кто есть в наличии. Может быть (вполне допускаю), что он самый талантливый, и умный, и гуманный, и твердокаменный из них. Свои незаурядные политические способности он показал в весьма разнообразной тактике расправы с советскими диссидентами: кого направить в лагерь, кого объявить сумасшедшим и посадить в психбольницу тюремного типа, кого ссучить, кого избить на улице, а кого-то пустить в эмиграцию. Эта разнообразная гамма действий говорит в его пользу. Другими политическими шагами раньше он себя не проявил, но теперь, вероятно, проявит. Знаменательнее другое, и тут я от личности нового Генсека, вполне, предположим, достойной, вновь возвращаюсь к проблеме символов, которыми украшена всемирная история. Если на пост идеолога, теоретика и вдохновителя всемирного коммунизма история поставила такого выдающегося человека, то это что-нибудь значит? Это значит, что коммунистическая идеология и КГБ равны и от идеологии ничего не осталось, кроме Тайной и Явной Полиции.

Ну что ж, брежневская скука завершилась, наконец, интересным поворотом, из которого следует, что коммунисты — это прошлые или будущие полицейские всего мира. В советскую историю, как в старые добрые сталинские времена, вновь впрыснута доза мистики. Не скажу, что после этого жить будет лучше и веселее. Но мертвец Брежнев произвел на свет нечто детективное. И в следующую эпоху, как бы она ни обернулась, жить будет безусловно напряженнее, драматичнее, острее. Появилась интрига жизни. Началась — игра...

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ С АДАМОМ УЛАМОМ

Адам Улам — директор Русского Исследовательского центра при Гарвардском Университете, профессор Гарвардского университета, историк, автор более 15 книг по истории Советского Союза и КПСС.

Интервью проводилось 15 ноября 1982 года.

ВОПРОС: Профессор Улам, как бы вы определили личность Брежнева как исторического деятеля, его роль в истории Советского Союза?

УЛАМ: Если не заводить это сравнение слишком далеко, мы могли бы сопоставить Брежнева с Александром III. Александр III пришел к власти после периода великих реформ Александра II. Он эти реформы, по мере возможности, вытравил, создав более репрессивный режим, который, впрочем, не был простым повторением порядков при Николае I. Так и режим Брежнева не был простым восстановлением сталинского режима. Александр III попытался как бы остановить историческое развитие и закрепить в России самодержавное правление. Брежнев, вместе со своими коллегами, делал примерно то же самое, во-первых, приостановив десталинизацию, положив конец попыткам сделать партию более гибкой, а во-вторых, пытаясь подавить открытые проявления недовольства настолько, насколько это было в их силах, хотя, конечно, это не было возвратом к сталинскому террору. Таким образом, по моему мнению, годы правления Брежнева были годами реакции и закрепления автократических методов правления.

ВОПРОС: Но если немножко продолжить это сравнение, можно вспомнить, что царствование Александра III сыграло роковую роль для монархии в России, поскольку оно не разрешило назревавшего кризиса, а, наоборот, обострило его.

УЛАМ: То же самое можно сказать и о Брежневе. Он попытался положить под сукно многие из самых насущных проблем внутренней и внешней полптики Советского Союза, отказываясь от попыток эти проблемы решать. Конечно, сравнение, которым я пользуюсь, должно быть ограничено. Царский режим никогда не пользовался такой гигантской концентрацией власти, которой отличается советский режим. У царизма никогда не было такого мощного аппарата репрессий, которым отличается советский стиль руководства. Но все-таки будущий историк, вероятно, скажет — как говорят и об эпохе Александра III, — что Брежнев лишь повредил советской системе, откладывая решение назревших в ней противоречий.

ВОПРОС: Можно ли в каком-то смысле оправдать претензии Брежнева, что он был верным учеником Ленина?

УЛАМ: Есть множество аспектов ленинского наследия. И одним из них является аморализм, вера, что цель оправдывает средства. И в этом смысле Брежнев, как все последователи Ленина, придерживался мнения, что власть, насилие и тому подобное пригодны для достижения целей, к которым он стремился. Брежнев также был приверженцем идеи о монолитности партии, которую Ленин, как это ни смешно, определял как демократический централизм, хотя подразумевал под этим скорее централизм, чем демократию. Однако, есть и другие аспекты ленинского наследия, которые исчезли еще при Сталине и, конечно, не были восстановлены при Брежневе. Ленин, как и другие большевики его времени, действительно верил в коммунизм. Он искренне заботился о распространении коммунизма по всему миру, о мировой революции. У него было глубокое и сильное чувство строителя нового справедливого общества. Что же касается Брежнева и его коллег, то они всего лишь пользовались ленинской риторикой. На самом деле идеологические соображения играют для них исчезающе малую роль.

ВОПРОС: Какое наследие оставил Брежнев руководителям Советского Союза, какие проблемы возникают после того, как он ушел со сцены?

УЛАМ: Он оставил им очень тяжелое наследие. В области международной политики он создал множество неразрешимых конфликтов, продолжая в этом отношении весьма рискованные действия Хрущева и стремясь территориально расширить, насколько возможно, советскую власть за границей. Он в этом отношении пошел даже дальше Хрущева, проникнув, например, в Африку, что Хрущеву не удалось. Какая-то специфическая жадность увлекла его в такие авантюры, как вторжение в Афганистан. В результате Брежнев сильно ухудшил отношения с Соединенными Штатами. В последнее время он попытался смягчить отношения с Китаем, но пока что без какого бы то ни было видимого результата или даже подхода к такому результату. Брежнев оставил своим наследникам репутацию Советского Союза как агрессивного государства, и этот образ Советского Союза как агрессора именно при его правлении завладел сознанием всего мира. Конечно, это очень неприятное наследие. С точки зрения внутренней политики, Брежнев, вместе с Косыгиным, поначалу попытался ввести экономическую реформу, в какой-то мере провести децентрализацию экономики, повысить ее эффективность, улучшить положение работников сельского хозяйства и так далее. Однако, очень скоро эти попытки натолкнулись на сопротивление прочно окопавшейся бюрократии. Брежнев отступил и сдался, что в конечном счете повело к застою экономики, падению производительности и другим очень тяжелым последствиям, которые сейчас всем очевидны. Все это ложится теперь на плечи Андропова и других коллег Брежнева.

ВОПРОС: А что вы думаете об отношениях с Восточной Европой?

УЛАМ: Брежнев пытался ее замирить, но Восточная Европа все больше становилась при нем ахиллесовой пятой советской системы. После недавних польских событий, после событий в Чехословакии в 68-ом году, после Венгрии 56-го года становится все труднее вообразить, как в конечном счете советская власть сможет справиться со ста — ста десятью миллионами населения Восточной Европы. Следует отдать должное Хрущеву, который хотя бы пытался найти какое-то решение, установить более мягкие отношения, создать своего рода социалистическое содружество наций наподобие британского. Но Брежнев прибегал только к насилию — сначала в Чехословакии, а потом — в Польше. Это, вероятно, самая взрывчатая проблема из всех, перед которыми оказался сейчас Советский Союз. Если не завтра, то послезавтра, через год, через два следует ждать нового взрыва, если не в Польше, то в какой-нибудь другой стране. А что будет, если такие взрывы произойдут одновременно сразу в нескольких странах Восточной Европы?

ВОПРОС: Считаете ли вы, что переход власти к Андропову представляет собой нечто окончательное?

УЛАМ: Очевидно, нет. У меня есть очень прочное впечатление, что Андропов всплыл после каких-то внутренних столкновений, — прежде всего с Черненко. Как и в другие переходные периоды, процедура преемственности власти в Советском Союзе и сейчас, по всей вероятности, будет такова, что другие члены руководства будут настаивать, чтобы руководство было действительно коллективным. Они будут стремиться ограничить власть первого человека, Генерального секретаря. Поэтому есть достаточно оснований ожидать в ближайшем будущем внутренней борьбы, взрывов страстей, продвижений, смещений и так далее. Только после этого Андропов, а, весьма вероятно, и кто-нибудь другой сможет сконцентрировать власть в своих руках. Тут вполне уместно вспомнить время между 53-им — 55-ым годами, когда развязалась борьба за власть между Хрущевым и Маленковым, которого поддерживали и другие члены Политбюро, хотя и потерпели в конечном счете поражение. Немаловажно и то обстоятельство, что большинство нынешних олигархов — весьма престарелые люди и, по всей вероятности, очень быстро сойдут со сцены вслед за Брежневым.

ВОПРОС: В эти дни в средствах массовой информации в Америке — на телевидении, в газетах, по радио — очень много говорится и пишется о Брежневе и проблемах Советского Союза. Как вы оцениваете содержание и направленность этих высказываний?

УЛАМ: Американской общественности очень трудно понять такое общество, как советское. Структура политики совсем другая, даже основы ее совсем другие. Я всегда стараюсь подчеркивать, что для обыкновенных советских граждан то, что происходит в Кремле, — не меньшая тайна, чем для американцев. Но, по крайней мере, советский гражданин никогда не сделает такой ошибки, чтобы, например, гадать, ка-

кой из вождей окажется более либерален, чем другой. Я думаю, он привык к мысли, что им управляет некая серая масса бюрократов, жадных до власти и навряд ли готовых уступить хоть что-нибудь, если только их к этому не принудят особые обстоятельства. Но здесь, в Америке, все еще сохраняется иллюзия, что как-то, каким-то образом в Кремле может появиться некая либеральная, миролюбивая личность и тогда все будет хорошо.

ВОПРОС: Одним из результатов режима Брежнева является представление о застое советской истории. Так что люди в Советском Союзе часто уже ничего не ожидают от будущего. Как вы думаете, насколько это представление отвечает реальности или является иллюзией?

УЛАМ: Это — очень печальная проблема. Даже когда говоришь с кем-нибудь из диссидентов, которые эмигрировали сюда, в Америку, можно иногда от них услышать: "Боже мой! Уже 65 лет длится этот режим и способность людей действовать независимо уже настолько подавлена, что трудно даже думать, когда может начаться что-то действительно новое, какой-то новый период". Я думаю, что наблюдая историю Советского Союза с большей объективностью, не стоит быть такими уж пессимистами. В русской истории и в прошлом были периоды, которые повергали современников в глубокое уныние. Вспомним хотя бы режимы Николая I-го или Александра III, или времена Сталина. Люди, которые жили под властью Сталина, скажем, в 50-м году, вероятно, думали, что тогдашние ужасы будут длиться бесконечно, и что советский порядок может покоиться только на терроре тогдашних масштабов. С тех пор ситуация все-таки улучшилась, — по крайней мере, — при Хрущеве. И я думаю, что в самом советском народе есть могущественная сила к самовозрождению. Мы, конечно, не знаем, когда и как это произойдет, но, по-моему, как это уже не раз случалось в прошлой русской истории, по мере того, как будут нарастать внутренние противоречия, как будут обостряться стычки между руководителями, хоть немножечко начнут приоткрываться двери для действительной свободы или хотя бы возможности как-то уклоняться от давящего контроля власти. Я бы не удивился, если бы нечто подобное случилось в ближайшем будущем. ■

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Лев Венцов ТУ-РУ! ТУ-РУ!

Вместе с Брежневым отошла в мир иной одна политическая иллюзия. Международные пикейные жилеты не уставали строить предположения о том, кто и как займет место хозяина, который был в явном маразме. Это представлялось им чрезвычайно важным, единственно важным. Ожидалось, что сразу, вокруг еще не успевшего остыть трупа Леонида Ильича, как после смерти Сталина, разгорится борьба за власть, и в условиях нарушившегося равновесия, при ослаблении тоталитарной хватки, обязательно выиграют силы прогресса.

История оказалась изобретательней пикейных жилетов. Она не стала повторять смутных времен ни 1953-56, ни 1964 годов. Она предложила советскому народу нечто новенькое.

Вот несколько выдержек из московской "Экономической газеты" за январь 1983 года.

Сообщается о совещании в ЦК КПСС по вопросам энергоснабжения народного хозяйства. О том, что богатейшие запасы энергии в Советском Союзе расхищены неорганизованным и неумным использованием, что это — одно из самых слабых мест советской экономики, что дефицит энергетических ресурсов чреват кризисом — обо всем этом говорилось компетентными исследователями на Западе. Что же практически предполагает сделать по этому поводу ЦК КПСС — уже не брежневский, а андроповский? Существенное вот в чем: "Министерства и ведомства, ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии должны усилить *организаторскую и политическую работу* по повышению эффективности использования и экономии топливно-энергетических ресурсов на предприятиях и в организациях..." (Курсив мой — Л.В.)

Такова первая еще и пока мало внятная заявка темы, которой предстоит, как в симфонии, развиваться и развиваться — и не только в средствах массовой информации, но, увы, и на спинах советских трудящихся. В том же номере "Экономической газеты" опубликована статья директора Теплоозерского цементного завода Хабаровского края В.Ф.Суханова под заголовком "Путь к отличному качеству". Опять-таки, скверное качество общепризнано одной из главных слабостей советской экономики. И прогрессивный советский менеджер подчеркивает: "Разумеется, сами по себе стандарты еще не обеспечивают высокого качества. Поэтому необходим *повседневный контроль*" (курсив мой — Л.В.).

В том же номере дается обзор газеты "Волгоградская правда". Сообщается, что тресту "Волгострой" удалось обеспечить выполнение планов путем устрожения трудовой дисциплины. Оказывается, что прежде — то есть, при Брежневе — коллектив и руководство "Волгостроя" слишком мягко обходились с пьяницами и прогульщиками. "Дело воспитания порой сводилось к тому, что нарушителя увольняли по собственному желанию". Теперь же — по инициативе самих трудящихся, разумеется, — нарушителя трудовой дисциплины не увольняют, "пока его поведение не обсудят товарищи по бригаде, принимают "летунов" на новую работу только через комисси по трудоустройству исполкомов райсоветов". "Экономическая газета" хвалит "Волгоградскую правду" за то, что она "умело подбирает для публикации письма, помогает читателям найти выход из создавшегося положения, подсказывает темы своим активистам". Эти активисты "решили создать вокруг тех, кто теряет свою рабочую честь и достоинство, обстановку нетерпимости и осуждения"; они подсчитывают в рублях во сколько обходилась "доброта" (кавычки "Экономической газеты" — Л.В.) к нарушителям трудовой дисциплины при прежних — читай: брежневских — порядках.

Централизованная экономика, которая была введена в Советском Союзе Сталиным примерно полстолетия назад, к концу 70-х годов обнаружила свою несостоятельность. Некогда она способствовала стремительному индустриальному росту; теперь она превратилась в тормоз. Не может современная цивилизованная страна развиваться в условиях, при которых у населения намеренно отняты все возможности хозяйственной, социальной и политической инициативы. При сложной технологии производства инициатива нужна почти на каждом рабочем месте. Люди не станут ни стараться, ни изобретать, ни улучшать, если они не видят в этом материальной выгоды или нравственного удовлетворения, если при любых стараниях с их стороны работа не может обеспечить им сносных условий существования.

Упомянутые пикейные жилеты ожидали, что после смерти Брежнева в сумятице предстоящей борьбы за власть как-то пробьет себе дорогу тенденция к социально-экономической и политической реформе. Они рассчитывали, что у кого-то из оставшихся советских руководителей достанет если не разума, то инстинкта самосохранения, чтобы, пока не поздно, попытаться исправить положение.

Поздно. Кремлевские старцы и трусят, и не умеют выступить с какой бы то ни было конструктивной инициативой сверху. Они просто не могут себе позволить даже борьбы за власть, поскольку при сложившихся обстоятельствах стало неясно, какими обвалами всего их режима это грозит.

При Хрущеве была сделана попытка создать *материальную заинтересованность* трудящихся. Брежнев пытался избавить сельское хозяйство от бедственного положения, несколько улучшив оплату колхозников. И все же заработная плата в Советском Союзе осталась в несколько раз более низкой, чем в современных развитых индустриальных странах, да и на нее советскому трудящемуся нечего купить. Еще Адам Смит обнаружил (а Карл Маркс это всего лишь повторил), что труд — это такой же товар, как и все остальные, и что его оплата должна вознаграждать, по крайней мере, расходы на его воспроизводство. Но советско-сталинская система довела себя до того, что платить ей нечем. Она ищет способы повысить эксплуатацию труда за всякие разумные пределы, а в итоге получает *плохой*, некачественный труд. Здесь, по-видимому, — экономический корень нравственной деградации советского общества — алкоголизма, прогулов, безделья на работе, воровства, взяточничества и коррупции.

И вот, отчаявшись решить назревшие проблемы *экономическими* методами, — то есть путем материального стимулирования, — новое кремлевское руководство, олицетворяемое ныне Юрием Андроповым, пытается прибегнуть к *вне-экономическим* методам. С этого, по крайней мере, начинается после-брежневская эпоха.

Публика была шокирована тем, что на посту очередного советского диктатора оказался шеф секретной полиции. Однако, этот выбор не только логичен, но и неизбежен. Да, за спиной Юрия Андропова — скверная карьера, от которой коробит порядочных людей. Он лично был, по-видимому, организатором и руководителем таких кровавых деяний, как подавление Венгерской революции, расстрел законного венгерского правительства, возглавлявшегося коммунистом Имре Надем, или покушение на жизнь папы Иоанна-Павла II. Но для советского режима оказался на нынешнем этапе доступен весьма ограниченный круг методов руководства — полицейские методы. Тут — секрет всех разговоров об усилении "организаторской и политической работы" непосредственно на производстве, о необходимости "повседневного контроля", о том, что пора избавляться от "доброты".

Приемы насилия, которые Юрий Андропов собирается применить в масштабах всей страны, были разработаны и опробованы на преследовании диссидентов, отказников и прочих нежелательных элементов. Это — если отбросить детали — дисциплинарные тиски между нарушениями прав трудящихся на труд и прав на свободу передвижения. Нельзя ни свободно поступить на работу, ни уйти с нее по собственному желанию. Все подстраивается так, чтобы жертве некуда было деться. Лишая человека возможности поступить на работу, его, с другой стороны, объявляют "тунеядцем" и передают на воспитание в соответствующие органы, — арестовывают, ссылают, используют на унизительных и тяжелых работах, То, что намеченную жертву всячески оговаривают, раздразнивая и натравливая на нее общественное мнение, возбуждая погромные инстинкты — тоже не ново. Те же приемы тотального насилия — уже с открытой целью заставить народ работать на условиях, которые он не принимает — опробуются при военной диктатуре генерала Ярузельского в Польше.

Наметившийся исторический поворот можно теоретически определить как превращение тоталитарного государства в полицейское. Это — вовсе не ресталинизация, как склонны думать некоторые. Сталин был тотальным диктатором, который не делил власть ни с кем. Не делил он власти и с тайной полицией. Он решал и приказывал, кого сажать, кого истреблять. Время от времени его карающая длань задевала и самих работников государственной безопасности, чтоб не зарывались. Теперь же речь идет о диктатуре самой тайной полиции.

При Сталине, в отличие от современных условий сажали, как правило, "ни за что". Чистки сваливались на головы той или иной категории населения непредсказуемо, как стихийное бедствие. Они поддерживали в обществе состояние истерики и страха одновременно. Теперь же режим может рассчитывать на один только страх, который, как известно, психологически преодолим. Дальнейшие судьбы Советского Союза будут решаться соотношением страха и социального недовольства. Он станет больше напоминать диктатуру шаха в Иране накануне его падения или различные военные хунты Латинской Америки, чем эру сталинизма.

КГБ под руководством Юрия Андропова было не более успешно, чем любое другое советское министерство. Имея практически неограниченные средства и штаты, несмотря на полную свободу своих действий и гарантированную безнаказанность, КГБ так и не сумело справиться с диссидентским движением. За последние полтора десятка лет, время, когда советскую тайную полицию возглавлял Юрий Андропов, — диссидентское движение, начавши практически с нуля, все разрасталось и разрасталось. Своими систематическими беззакониями, которые советская полиция так и не сумела удержать в необходимой для ее действий тайне, она необратимо подорвала международный престиж Советского Союза. Провал Хельсинкских соглашений, которые Брежнев намеревался сделать фундаментом своей международной политики, — это фактически результат деятельности порученного Юрию Андропову учреждения.

И навряд ли окажется успешной попытка перенести методы, выработанные в борьбе с диссидентами, на управление народным хозяйством СССР. Опыт полицейских режимов показывает, что подавление недовольства насилием автоматически расширяет круг недовольных. Преследуя одного человека, портят жизнь его родственникам, друзьям или просто знакомым. Множится число людей, которые еще вчера ничем не выделялись, а сегодня поставлены в более или менее открытую конфронтацию с режимом, которым практически "нечего терять". Можно себе представить, насколько увеличится их количество, если начнут преследовать "нарушителей трудовой дисциплины", как прежде — диссидентов.

Навряд ли разумно бороться со следствиями, имея целью во что бы то ни стало сберечь причины.

Стабилизирующим моментом может оказаться лишь привычная политическая пассивность советского населения. Новые полицейские руководители рассчитывают ввести внеэкономические методы принуждения при прямой поддержке и участии *самих* масс. Они, во-первых, хотят направить народный гнев на нерадивых или своекорыстных хозяйственных руководителей, а, во-вторых, насадить практику полицейских доносов в будничную жизнь предприятий и учреждений. И то, и другое предназначено создать иллюзию прямого участия граждан в "государственном управлении". Но чем больше они поддадутся этой иллюзии, тем больше они будут разобщены, тем больше они будут бояться и ненавидеть друг друга.

Выход из экономического, социального, политического и нравственного тупика в сложившихся условиях может быть только один — развязывание инициативы народа явочным порядком, осуществленная свобода, политическая и экономическая демократия. На верхи больше нечего надеяться. Спасение общества и государства может придти только снизу или, по крайней мере, при активном давлении снизу.

• • •

В "Истории одного города" Салтыкова-Щедрина — книге, к сожалению, все еще актуальной, — выведен неудачливый городничий Петр Петрович Фердыщенко. При нем случились такие недороды, что даже ко всему притерпевшиеся глуповцы начали задаваться "из рук вон щекотливыми вопросами".

"— Да, убеждениями с этим народом ничего не поделаешь! — рассуждал Петр Петрович, — тут не убеждения требуются, а одно из двух: либо хлеб, либо... команда!

Как и все добрые начальники, бригадир допускал эту последнюю идею лишь с прискорбием; но мало-помалу он до того вник в нее, что не только смешал команду с хлебом, но даже начал желать первой пуще последнего".

Долго поджидал Фердыщенко, сидя у окошка, пока не раздалось вдали: "Ту-ру! Ту-ру!"

Та же музыка зазвучала сейчас над советскими городами и весями. ■

ЭКОНОМИКА

В.СОРОКИН

НЕОРТОДОКСАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СССР

I

Судьба экономической науки в Советском Союзе едва ли не самая плачевная среди всех других наук. Если философия, кибернетика и генетика были загнаны в подполье, то классическая политэкономия к 1923 г. была по существу выкорчевана. Успевшие выйти к этому времени труды Туган-Барановского, Маслова и других политэкономов стали библиографической редкостью. Смерть, эмиграция и репрессии обескровили российскую политэкономию, имевшую все шансы занять видное место в мировой науке.

К 1936 г. был наведен полный большевистский порядок и в рамках самой марксистской политэкономии, представлявшей из себя к этому времени сугубо идеологическую дисциплину. И по сегодняшний день посягательство на незыблемость марксистско-ленинских установок в области базисных общественных отношений рассматривается как самое тяжкое преступление, объясненное, кстати, и самим Марксом: "Английская церковь (читай — и советская партийно-номенклатурная элита) скорее простит нападки на 9 из 10 ее членов, чем на 1/10 часть ее дохода". Нет ничего опаснее, чем ставить под сомнение экономическую целесообразность исключительно высокого уровня жизни правящего класса в СССР, по сравнению с которым

богатство Рокфеллеров и Дюпонов — капля в море! Марксов миф о том, что социализм окажется эффективнее уже в силу более дешевого государственного аппарата, оказался типичной фантазией кабинетного ученого.

Может быть, не случайно, что в послесталинское время общественная независимая мысль начала выходить из-под тоталитарного коммунистического контроля в первую очередь именно в области экономики. В 1956 году, за 10 лет до становления демократического движения, в МГУ под руководством преподавателя Краснопевцева был создан неофициальный научный семинар. Анализируя экономические предпосылки Венгерских событий 1956 года и югославскую модель социализма, участники семинара поставили под сомнение научную состоятельность марксистско-ленинской политэкономии. И весьма жесткие репрессии не заставили себя ждать...

В это же самое время в другой коммунистической стране произошло событие, которое можно, пожалуй, назвать началом идейного краха реального социализма: бывший председатель Федерального Народного Собрания Югославии Милован Джилас написал книгу "Новый класс", которая в середине 60-х годов появилась в российском Самиздате. Книга была написана на единственно принятом в то время марксистском языке. В чисто марксистских категориях Джиласу удалось облечь в словесную форму то, что бродило в подсознании передовых людей России: реальный социализм есть эксплуататорская общественно-экономическая система со своим эксплуататорским классом — правящей бюрократей, которую Джилас называет новым классом. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Достижение не народного благополучия, а удовлетворение ненасытного аппетита правящей верхушки — вот, следовательно, объективная цель социалистического общества вообще и советского в частности, вот предназначение человека в этом обществе!

С разгромом семинара Краснопевцева неофициальная экономическая мысль в стране опять надолго заглохла. Но такова уж общественная потребность — если ее вытолкнуть в дверь, она пролезет в окно. И пролезла. Бредовая навязчивая идея догнать и перегнать Америку заставила советское руководство попытаться использовать имеющиеся резервы. Этими резервами оказались не только отвергнутые в свое время генетика с кибернетикой, но и автоматизация управления: практика технико-экономических выкладок только на счетах оказалась камнем преткновения на пути экономического развития.

Но ЭВМ отказались иметь дело с ложью — они понимали только язык информации. В конце 50-х — начале 60-х годов как грибы стали появляться научно-исследовательские институты кибернетики, информации, прикладной математики, математической экономики. Во многих вузах были открыты соответствующие факультеты. В общественные науки, являвшиеся до этого прерогативой идеологов, ринулись ученые, владеющие точными научными методами.

Когда же в экономической статистике был наведен относительный порядок, то вскрылись факты, которые до тех пор не могли прорваться наружу. Одним из таких прорывов было интервью члена-корреспондента АН СССР А. Аганбегяна, данное им в 1965 году в обществе "Знание" и быстро распространившееся в Самиздате. Сухая статистика показала факт устойчивого снижения темпов развития советской экономики.

Как же так? А нам все время твердили, что социализм — самая прогрессивная в истории человечества общественно-экономическая формация! Анализ частных сторон экономики и вовсе разрушил все иллюзии относительно преимуществ социализма перед капитализмом: треть всех работающих занята в военной промышленности; сверхиндустриализация — это грубейшая экономическая ошибка, а не достоинство; в деревне существует крепостное право; зарплата в сельском хозяйстве нищенская; системы планирования, стимулирования и управления советской экономикой не соответствуют современным требованиям жизни; экономическая информация практически отсутствует; трудности усугубляются нелепой секретностью и отсутствием демократии в хозяйстве (только ли в хозяйстве?); бесхозяйственность является атрибутом советской экономики. Но самое главное — Аганбегян сформулировал вывод, полученный с помощью чисто математических вычислений: полностью сбалансированный план невозможен в принципе! Даже если в эту работу будут вовлечены все быстродействующие компьютеры в мире, то на составление такого плана уйдут миллиарды лет! Таким образом, блеф о плановости социалистической экономики рухнул! Одним только этим фактом если не марксовой, то по крайней мере ленинской политэкономии был нанесен сокрушительный удар.

Осмысление этого факта для советского общества трагично. Если народо-хозяйственный план не может быть составлен с помощью объективных методов, то волюнтаризм есть неотъемлемый атрибут социалистической экономики, а, следовательно, не может быть ликвидирован и в надстройке! А что это такое, думаю, каждому ясно...

Надо отдать должное советской экономико-математической школе. И в моральном, и в научном плане она оказалась на высоте. По сути дела, советские экономисты-математики доказали несостоятельность марксистско-ленинских методов ведения хозяйства. Ими было предложено также множество позитивных решений самых разных хозяйственных и общественных проблем. Это поистине чудо в советской науке об обществе стало возможным благодаря специфическим условиям и форме существования экономико-математических наук. То, что советское государство выкачивает из них определенную пользу — это факт. А мирятся с их антисоциалистическими выводами, потому что от широкой общественности они надежно законспирированы математическими формулами и малопонятным категориальным аппаратом. Этим, на мой взгляд, объясняется изолированность экономико-математической школы от демократического движения в стране.

По-видимому, советские власти осознали повышенную опасность возможного альянса научной экономико-математической мысли с морально-правовым демократическим движением. И чтобы этого не произошло, с началом массовой эмиграции в 70-х годах экономистам-математикам были представлены более широкие, чем другим специалистам, возможности покинуть страну. Когда в 1976 году я прибыл в Центральный экономико-математический институт АН СССР для повышения квалификации, то институт произвел на меня впечатление разоренного дома. Мне сообщили, что эмигрантов — 37 человек. Среди них были такие светила с мировым именем, как Каценеллинбойген, Бирман и многие другие. Кто же подхватил знамя российской экономической науки?

II.

В середине 60-х годов до Москвы стали доходить слухи, что в Закавказских республиках творятся странные вещи: сдачу в магазинах округляют до рубля; за обычное лечение в государственной больнице надо давать взятку; такси работают с отключенными счетчиками. В начале 68-го года подобные явления обнаружили себя и в Москве. Экстраполяция их тенденций на будущее говорила о том, что через пять лет они станут для Центральной России массовыми. И были все основания полагать, что через 10 лет "левые", внесоциалистические отношения проникнут во все сферы советской жизни. Что мы сегодня и наблюдаем.

Более того, если в 60-х годах рядовой советский гражданин шел на службу, чтобы работать на государство, а на себя — только если подвернется случай, то к концу 70-х годов он, этот рядовой работник, стал рассматривать государственное учреждение в первую очередь как место для личного бизнеса, поскольку здесь он мог бесплатно воспользоваться и материалами, и оборудованием.

Пока и государство, и диссиденты были вовлечены в борьбу вокруг морально-правовых проблем, в течение всего лишь одного десятилетия в общественном сознании и общественных отношениях произошла настоящая революция! Если до 70-го года в стране безраздельно господствовал произвол властей, то к 80-му году хозяином по существу стал рубль! Если в 60-м году для исправления плохой работы слесаря-сантехника достаточно было позвонить в жилуправление, то сегодня эта задача надежнее всего может быть решена только с помощью рубля или "бутылки". Если в 60-м году за провоз запрещенной литературы таможенник вероятнее всего отдал бы нарушителя под суд, то сегодня он эту литературу, озираясь, "изымает", с тем чтобы перепродать ее на черном рынке. Если в 60-м году воля прокурора в ведении уголовного дела была непреклонна, то сегодня для каждой категории уголовных дел в большинстве случаев существует определенная такса на их закрытие. А всепроникающий принцип "ты — мне, я — тебе!" есть убедительное свидетельство могущества рыночных отношений в форме, наиболее жизнеспособной в условиях реального социализма.

Развитие рыночных отношений прошло мимо лишь двух общественных групп: высшей номенклатуры и диссидентов. Первая группа и без того все имела и имеет. Государственного кармана с лихвой хватает, чтобы удовлетворять все ее прихоти. Диссиденты же оказались вне новых экономических явлений сразу по нескольким причинам. Во-первых, большая часть диссидентов отвергает марксистский материализм, считая, что духовные ценности не зависят от экономических отношений. Во-вторых, диссиденты в своем большинстве являются работниками умственного труда и, следовательно, мало приспособлены к реально существующей конкурентной борьбе в сфере материального производства. И в-третьих, диссиденты — это единственная общественная группа в стране, которая принуждена строго соблюдать букву и дух закона. Развитие же "левых", внесоциалистических отношений, как правило, сопровождается нарушением формального закона.

И все же новые экономические отношения в советском обществе были настолько заметны и настолько существенны, что нашлись люди, оценившие их по достоинству и взявшиеся за их исследование. Экономическое исследование московского инженера В. Сокирко "Очерки растущей идеологии" в 74-м году было опубликовано на Западе (под псевдонимом К. Буржуадемов) и лет через 5 вернулось к советскому читателю.

Но самым важным, на мой взгляд, событием в советской истории политэкономической мысли (после 1922 г.) явилось основание в 1978 году в Москве самиздатского журнала "В защиту экономических свобод" (ЗЭС). Затравкой первого номера явились статьи Грина "Плановое производство, дефицит, спекуляция" и Буржуадемова "Я обви-

няю! интеллигентов — служащих и потребителей — в противостоянии экономическим свободам и прогрессу Родины".

Грин в своей статье воскрешает похороненную марксизмом теорию ценности, возвращая советскому человеку истинную цель — максимизацию потребления ценностей. В самом деле, человек стремится получить в свое распоряжение как можно больше потребительных, как материальных, так и духовных, ценностей, а отнюдь не стоимости, в чем хотят убедить нас марксисты. Как раз наоборот, стоимость, как затраты труда, абстрактного ли, среднеинтенсивного ли, общественно-необходимого ли — какого хотите — любой нормальный человек стремится до предела сократить! И возрастание стоимости совсем не обязательно влечет за собой увеличение ценности. Отрицание одной только этой элементарной политэкономической истины приносит советскому государству убытки в десятки миллиардов рублей в год. В качестве примера достаточно упомянуть изобретенный в СССР еще в сороковые годы двигатель внутреннего сгорания, который, по-видимому, и на сегодня по всем показателям экономичнее всех других моделей. Тем не менее этот двигатель не внедрен в производство и поныне.

На множестве условных и конкретных примеров Грин показывает, что любое насильственное вмешательство в экономику, будь то в сфере производства, обмена, распределения или потребления, с неизбежностью ведет к снижению жизненного уровня трудящихся и общества в целом. Такими формами насилия Грин считает лишение граждан права распоряжаться так называемой общественной собственностью, запрет частной торговли, а по существу — и производства, принудительное планирование, производство, распределение и ценообразование. В стране, по словам Грина, действует антипрогрессивный закон: те, кто желают и могут поднять экономику страны, не имеют прав, а те, кто имеют права, не хотят и не могут...

Во второй статье названного журнала Буржуадемов, понимая, что выход из тупика, в который зашло общественное и экономическое развитие России, возможен только путем либерализации экономики, ополчается против нахлебнической и рабской психологии советской интеллигенции. Он обращается к ней с призывом изменить свое отношение к свободной торговле, к гибкому ценообразованию, уравнивающему спрос с предложением, к частнопредпринимательской деятельности. Но, главное, он призывает советского человека не выполнять предписанную ему системой рабскую роль винтика, а самым активным образом проявлять свою собственную инициативу, осуществлять свои, а не навязанные извне цели. Хотя при этом Буржуадемов и обошел стороной соблюдение людьми определенных моральных норм, но из его статьи логически следует, что активизация инициативы широких слоев общества сможет противостоять аморальному поведению отдельных его членов.

Вокруг статьи Буржуадемова на страницах ЗЭС разгорелась жаркая дискуссия, в которой приняло участие с дюжину представителей советской интеллигенции. К сожалению, дискуссия показала, что надеждам Буржуадемова оправдаться пока не суждено...

К 82-му году в Самиздате вышло 10 номеров журнала "В защиту экономических свобод". Конечно, власти называют этот журнал "клеветническим" и всячески его преследуют. А между ием, из-за преследования научной и либеральной мысли в стране советский народ расплачивается в конечном счете отсутствием в магазинах самых элементарных продуктов питания и предметов ширпотреба. Поистине — где нет свободы, там не может быть и материального благополучия. ■

Константин Симис

КАМПАНИЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ КОРРУПЦИИ ВМЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Главная проблема, унаследованная новым, андроповским руководством от старого, брежневского, — застой экономики. Выход из состояния глубокого застоя невозможен без радикальной реформы всей системы управления экономикой, без большей гибкости централизованной системы планирования, без наделения промышленных и сельскохозяйственных предприятий и их руководителей оперативно-хозяйственной самостоятельностью, которой они лишены. Весьма маловероятно, однако, что Андропов решится на такую реформу, ибо она неизбежно повлекла бы за собой ограничение власти партийного аппарата, как центрального, так и местного. На такую конфронтацию с партийным аппаратом Андропов и его соправители вряд ли способны хотя бы потому, что сами являются его частью. Тем настоятельней новому руководству нужно найти паллиативные средства для смягчения недовольства народа, найти какие-нибудь понятные объяснения, как провалов советской экономики в прошлом, так и неспособности восстановить экономику, повысить жизненный уровень населения в будущем.

В этих целях, очевидно, разворачивается широко рекламирумая кампания борьбы против коррупции. 11 декабря прошлого года было опубликовано в советских газетах сообщение о заседании политбюро, на котором обсуждались письма трудящихся о приписках, хищениях, взяточничестве. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что правительство стремится привлечь внимание народа к предстоящей кампании, завоевать на этом популярность, создать впечатление в народе, что новое — андроповское — руководство прислушивается к мнению народа, идет навстречу пожеланиям трудящихся.

Коррупция в Советском Союзе действительно стала язвой, разъедающей все общество. Она пронизывает повседневную жизнь рядового советского гражданина. Такая жизнь, да к тому же еще и в обстановке вечной нехватки всего самого необходимого — от продовольствия до жилья, — порождает раздражение и недовольство. И Андропов, несомненно, осведомлен о таких настроениях, хотя бы потому, что в качестве главы КГБ он в течение многих лет имел возможность знакомиться со сводками о настроениях в различных слоях общества, которые регулярно составляются в КГБ на основе донесений сети секретных осведомителей. Не имея реальных возможностей повысить жизненный уровень населения, новый генеральный секретарь ЦК, видимо, избрал шумную кампанию борьбы против приписок, поборов и взяток, против хищений как средство умиротворить недовольство в стране.

Впрочем, все сказанное о пропагандистском характере планируемой кампании не означает, что Андропов собирается ограничиться исключительно газетной шумихой. Назначение Гейдара Алиева — бывшего главы азербайджанского КГБ и первого секретаря ЦК республиканской партии заместителем председателя Совета министров свидетельствует о том, что его намерения гораздо серьезнее. Алиев в течение двенадцати лет вел активную борьбу против коррупции в правящем аппарате республики. Известно, что он не останавливался перед разоблачением и наказанием довольно высокопоставленных членов республиканской элиты, что при этом он не стеснялся применять методы, далеко выходящие за рамки дозволенного законом. Например, Алиев запретил ответственным работникам партийного и государственного аппаратов защищать диссертации, запретил принимать на юридический факультет Бакинского университета детей ответственных работников суда, прокуратуры и милиции. Он сам рассказал об этом в интервью, которое было опубликовано в "Литературной газете" от 18 ноября 1981 г.

Итак, определенной части правящего аппарата уготовлена роль козла отпущения — на нее будет возложена вина за провалы советской экономики. Но какие именно слои окажутся жертвами предстоящей чистки? Естественно предположить, что первыми станут главным образом те, кто связан с торговлей и сферой обслуживания, те, иначе говоря, с кем население сталкивается непосредственно и повседневно и против кого раздражение по этой причине особенно велико. Козлами отпущения будут сделаны также директора заводов и совхозов, председатели колхозов и чиновники соответствующих министерств.

Но трудно себе представить, чтобы затронутые кампанией борьбы против коррупции оказались те, кто составляет костяк партийного аппарата и, в особенности, высшие его слои, по отношению к которым и впредь, очевидно, не будет нарушена традиция безнаказанности. Так это было, например, в 1972 году с кандидатом в члены Политбюро и первым секретарем ЦК компартии Грузии Мжаванадзе, который был уличен в миллионных взятках и отделался увольнением на положенную ему по рангу пенсию.

Не следует ожидать и радикальной чистки нижнего и среднего слоев правящего партийного аппарата. Оба эти слоя заражены коррупцией почти поголовно и радикальная их чистка означала бы практически чистку почти поголовную. А на это не может пойти даже Андропов, хотя он и имеет возможность опираться в борьбе с коррупцией на аппарат КГБ.

Но если бы Андропов и решился на проведение не косметической, а действительно радикальной чистки партийно-государственного аппарата, то и тогда коррупция из жизни советского общества не исчезнет. Вряд ли удалось бы ему сколько-нибудь существенно хотя бы обуздать царящую в стране стихию коррупции. Она — неотъемлемая часть советской системы и бороться с ней, не затрагивая основ этой системы, невозможно. ■

САМИЗДАТ

М.Болховской СОЦИАЛИСТ НА СВЯТОЙ РУСИ

В последние годы в советском Самиздате происходит заметное возрождение социалистических тенденций, долгое время почти не ощущавшихся. До этого, в 70-е годы, почти единственным представителем этих тенденций был Рой Медведев, однако его произведения в Самиздате почти не появлялись и публиковались преимущественно в переводах за рубежом. Отсутствие реакции на его публикации со стороны властей дало повод для того, чтобы рассматривать его как своего рода "оппозицию Его Величества".

Предупреждение, сделанное Рою Медведеву в январе 1983 г. в Прокуратуре СССР, показало, что "терпимость" властей по отношению к "социалистическому инакомыслию" исчерпана.

В конце 70-х годов в СССР появилось сразу два самиздатских журнала социалистического направления: "Варианты" и "Левый поворот" (последний журнал в 1981 г. сменил свое название на "Социализм и будущее"). "Левый поворот" занимал еврокоммунистические позиции и был посвящен главным образом критике конкретных мероприятий Советского правительства и призывал к созданию организационной базы независимого социалистического движения (независимые профсоюзы, журнал, подпольная библиотека и т.д.). Основополагающую идею журнала можно сформулировать так: "реформы сверху под давлением снизу".

Журнал "Варианты", также социалистический по существу, был посвящен более общим, теоретическим вопросам и занимал позицию более близкую к социал-демократической.

В апреле-июне 1982 г. группа лиц, издававшая эти журналы была арестована. В ближайшее время ожидается начало суда над ними. Перед судом должны предстать Андрей Фадин, Павел Кудюкин, Борис Кагарлицкий, Михаил Ривкин, Владимир Чернецкий, Юрий Хавкин. Некоторые из арестованных принадлежали к привилегированным слоям советского общества.

В русле социалистической традиции находятся и многочисленные статьи М.Болховского (псевдоним), регулярно появлявшиеся в Самиздате в течение последних лет. В 1982 году М.Болховской выступил как редактор сборника "Социалист-82", в котором приняли участие несколько авторов. Все они взяли себе псевдонимы, явно намекающие на их "мордовское" прошлое (В.Потьман, Я.Васин, П.Барашев и т.д.) с одним единственным исключением (Е.Колыма). Можно думать, что большинство их — бывшие политзаключенные 60-х начала 70-х годов, годов "расцвета" мордовских политических лагерей (позднее центр тяжести политлагерей переместился в Пермскую область).

Мы пабликуем статью М.Болховского, открывающую сборник, которая является своеобразным предисловием.

С официальной точки зрения в нашей стране существует абсолютное большинство благомыслящих граждан плюс жалкая кучка отщепенцев-злоумышленников. Последние, конечно, предпочитают называть себя "инакомыслящими", "д-и-с-с-и-д-е-н-т-а-м-и".

Представьте себе, как нелепо выглядел бы человек, заявивший о себе в обществе благомыслящих: "Я социалист!" Мы живем в "эпоху развитого социализма", читаем книги, написанные с позиции "соцреализма", участвуем в "соцсоревновании" — зачем нам еще такая индивидуальная характеристика — "социалист"?

В обществе диссидентов социалист может казаться тем, кто поотстал в развитии своего инакомыслия. Он-де еще сохраняет пережитки официальной идеологии. Ему еще не хватает веры, чтобы стать христианитом, не хватает ума, чтобы понять преимущества западного капитализма и буржуазной демократии.

Сто лет тому назад Франция была "республикой без республиканцев".

Теперь *"реальный социализм" (так или иначе, официально или с диссидентской точки зрения) — социализм без социалистов.*

Социалисты бывают во Франции, в ФРГ, за границей, одним словом. Были они и у нас — до исторического материализма — эсеры, социал-демократы, были да сплыли.

И вдруг на тебе — "СОЦИАЛИСТ-82".

Строго говоря, появления этой странной фигуры следовало ожидать.

Писатель Виктор Конецкий, рассказывая о своем предвоенном ленинградском детстве, пишет, что почувствовал себя социалистом, когда наблюдал, как милиционеры гоняли нищих старух с паперти Никольского собора. Будь он стопроцентным пионером, он должен был бы не только сочувствовать, но и содействовать милиции. Но он сочувствовал нищим старухам.

Если бы Конецкий сочувствовал гонимым, разделяя их религиозные убеждения, все было бы понятно: верующему жаль верующих. А каким словом обозначить не предусмотренное ни законами юных пионеров, ни уставом комсомола, ни церковной моралью сострадание чужой беде?

Должно быть, есть люди, для которых интересы государства (аппарата насилия) — превыше всего. Есть индивидуалисты, способные кушать компот, наблюдая мучения ближних. Есть религиозные люди. Но когда ты не тот, не другой и не третий, когда в душе твоей доминируют социальные чувства без примеси государственного или религиозного энтузиазма, разве не правильно будет назвать тебя *социалистом*?

Разумеется, социальные чувства, соответственно преломляясь, могут привести человека и в церковь, и в милицию, и в правящую партию. Раскольников пустил в ход топор, потому что хотел доказать себе, что он "не тварь дрожащая, а право имеет". Это еще не сделало его правозащитником. Петруша Верховенский выдавал свое непомерное честолюбие и властолюбие за социализм. Адольф Гитлер считал себя социалистом. Впрочем, уже Сталин в своем обращении к "братьям и сестрам", как только он опомнился от "внезапного и вероломного" (?) нападения нацистской Германии на Советский Союз, разъяснил нам, что гитлеровцы — не социалисты.

Социалист — тот, кто чувствует и мыслит социально. Нельзя быть социалистом в подлинном смысле этого слова, не будучи гуманистом. Уважение к каждому человеку как к человеку, сострадание ближнему и дальнему, чувство ответственности за все, что происходит со страной и миром, делают человека социалистом, если он рассчитывает не на Творца, не на Имущих Власть, а на свободное саморазвитие общества, на социальные решения, принимаемые демократическими методами.

Так неужто не перевелись еще социалисты на Святой Руси?

Нет такой политической партии.

Есть очевидный экономический кризис. Есть кризис власти, ибо правящие патриархи не вечны. Существует и все увеличивается нравственный разлад.

Откройте любой литературный журнал, прочтите любое мало-мальски талантливое произведение. Авторы вопиют. Не только Абрамов и Астафьев, Распутин и Белов, Рощин и Розов; обычный, не претендующий на обобщения, сочинитель детективов наводит читателя на мысль: честные люди — это или чудаки-одиночки, или... работники МУРа.

О государственных интересах печется лишь госбезопасность, а уж ни в коем случае не внешторг и тем более госцирк. За работниками этих фирм нужен глаз да глаз.

Высоко поднялась волна коррупции.

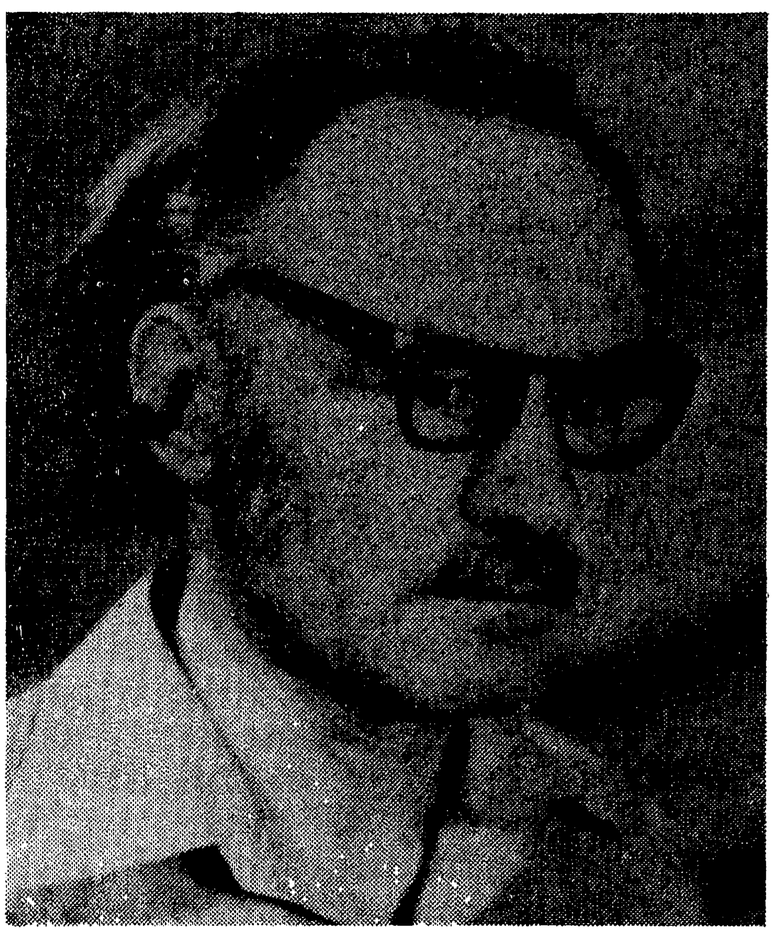
В обстановке общего нравственного декаданса кое-кто уповает на возрождение национализма, в кругах диссидентов ходит фраза о "религиозном ренессансе", но очевидно процветает потребительский индивидуализм.

"Роскошную жизнь не запретить!" — прочел я лозунг в кабине шофера; рядом красовались полуобнаженная девица и портрет застегнутого на все пуговицы генералиссимуса.

Социалист сегодня — "диссидент среди диссидентов", пария из парий.

Единственное, чем он располагает, —традиция социалистической мысли в прошлом, опыт демократического рабочего движения на Западе в настоящем и "вечное", неистребимое беспокойство совести, позволяющее надеяться на демократическую альтернативу в будущем. ■

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА



ОСВОБОЖДЕНИЕ ИВАНА СВЕТЛИЧНОГО

8 января 1983 г. освободился, полностью отбыв срок заключения и ссылки, известный украинский политзаключенный, литературный критик Иван Светличный. Иван Светличный был арестован 12 янв. 1972 г., в черный для украинской культуры день, вместе с целым рядом других видных представителей украинской национальной культуры и правозащитного движения. Он был обвинен в распространении украинского самиздата, передаче на Запад для публикации стихов Василя Симоненко, в авторстве ряда самиздатских литературоведческих статей. Его приговорили к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки. Срок его окончился в 1983 г. ввиду того, что в зачет приговора пошло время, отбытое им в СИЗО во время первого ареста, в 1965-1966 г. (тогда дело было прекращено).

В ссылке в Алтайском крае И.Светличный тяжело заболел. Он перенес инсульт,был неудачно оперирован по поводу височно-теменной опухоли. В течение долгого времени он был парализован, последствия паралича не исчезли и сейчас: он с трудом двигается и говорит. В довершение всего И.Светличный страдает остеомиелитом, туберкулезом и рядом других болезней. Кампания с целью добиться досрочного освобождения И.Светличного из ссылки по болезни (как это предусматривал закон) успеха не принесла. Он отбыл срок до самого конца.

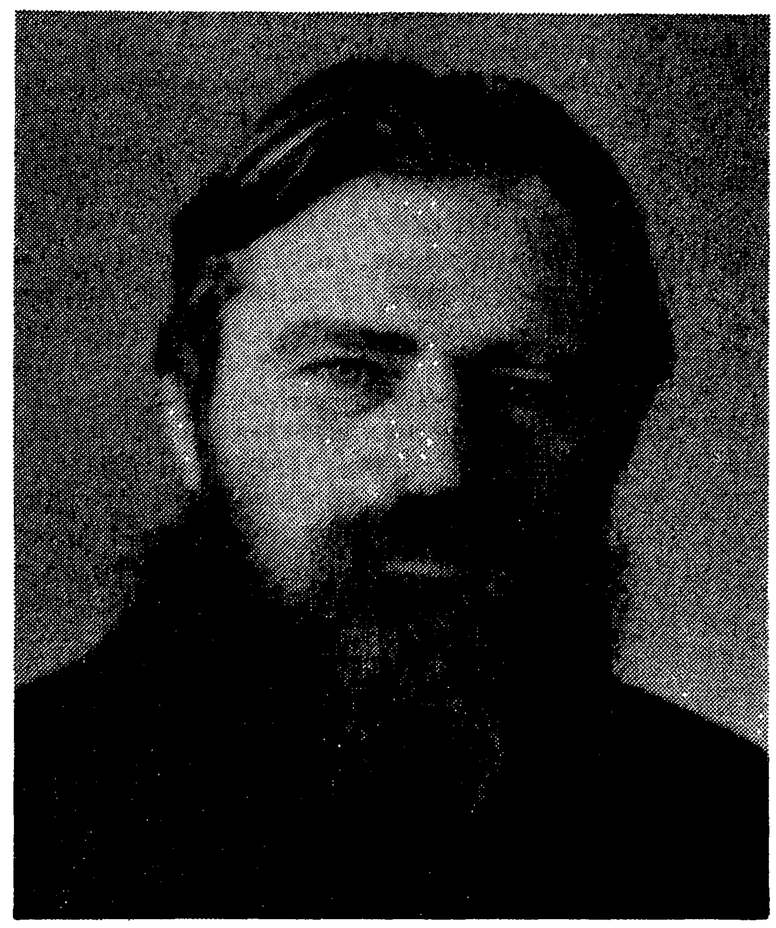
СУД НАД ВАДИМОМ ЯНКОВЫМ

21 января 1983 Мосгорсуд рассмотрел дело кандидата физико-математических наук математика Вадима Янкова.

В. Янков (р. 1935 г.) впервые обратил на себя внимание властей в 1954 г., когда в газете "Московский комсомолец" появилась статья о студентах в общежитии нового здания МГУ на Ленинских горах, "использующих во зло" предоставленные им блага: по вечерам они слушают "враждебные голоса". Позднее В.Янков стал (в 1955-1956 гг.) одним из активных участников студенческого брожения в МГУ — в частности, он принимал участие совместно с М.Белецким, Э.Стоцким, К.Любарским и др. в редактировании независимой стенгазеты "Литературный бюллетень", который вывешивали на механико-математическом факультете МГУ. В октябре 1956 г., когда во время венгерских событий пришел к концу период хрущевского либерализма, В. Янков вместе с рядом других лиц был исключен из МГУ за участие в "Литературном бюллетене".

Позднее ему все же разрешили закончить образование и он начал успешно работать как математик-исследователь в МФТИ. В 1968 г. он был уволен оттуда за подписание коллективного письма 99 математиков в защиту А.Есенина-Вольпина, которого тогда насильственно госпитализировали в психбольницу. В.Янков перешел на преподавательскую работу в МАИ, но в 1974 г. был уволен и оттуда за отказ от учебы в "университете марксизма-ленинизма": он заявил, что не считает марксизм наукой.

В 70-е г. В. Янков опубликовал за рубежом в журнале "Континент" две статьи: "О возможном смысле русского демократического движения" и "Сердцевина связи (мысли и религии)". В 1983 г. под воздействием происходящего в Польше он написал и передал на Запад "Письмо русским рабочим по поводу польских событий", выразив пожелание максимально широкого его опубликования.



К. Любарский

БЕГСТВО ОТ ПОЗОРА

8 февраля 1983 года, за 5 месяцев до открытия Конгресса Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА), в венской штаб-квартире ВПА было получено письмо, подписанное профессором Георгием Морозовым, председателем Всесоюзного Общества невропатологов и психиатров, и всем составом президиума этого общества. Связав себя таким образом круговой порукой, руководство Всесоюзного общества заявило о выходе из ВПА. Полный текст письма советских психиатров, занимающий пять страниц, гласности еще не предан. Элен Мерсен, заведующая международными связами Американской психиатрической ассоциации, лишь заявила, что письмо обвиняет ВПА в том, что она стала "слишком политизированной". Немного более о содержании письма можно узнать из интервью, которое профессор Морозов дал московскому радио, вещающему на английском языке. Он заявил, что "некоторые зарубежные психиатрические ассоциации, включая ассоциации США и Великобритании, по подсказке властей своих стран выдвигают необоснованные обвинения против советских медицинских работников, которые якобы используют психиатрию в политических целях". Профессор Морозов заявил также, что все лица, упоминаемые западной пропагандой "действительно больны". Более того, сказал он, после того, как они покидают Советский Союз, эти лица продолжают подвергаться лечению в психиатрических клиниках западных стран.

Когда несколько лет назад английская коммунистическая газета "Морнинг Стар" опубликовала нечто подобное относительно Виктора Файнберга, проведшего годы в советских психбольницах, а потом уехавшего на Запад, этой газете пришлось предстать перед судом, заплатить штраф и печатно принести Виктору Файнбергу извинения. Георгий Морозов, в отличие от "Морнинг Стар", находится в выгодном положении: советская граница надежно защищает его от английского, да и от любого другого независимого суда. Он должен был, правда, предстать перед судом международной общественности в июле этого года в Вене на очередном конгрессе ВПА. Но и этого суда он (вместе с другими советскими психиатрами) избежал, уйдя из этой международной ассоциации. Доктор Гарольд Высоцкий, один из ведущих американских психиатров, уже назвал этот трусливый уход "признанием вины".

Конфликт советских психиатров с ВПА начался в 1971 году на когрессе в Мехико, где были впервые представлены материалы о долголетнем злоупотреблении советскими психиатрами своей наукой в политических целях. Эти материалы были собраны и отправлены на конгресс Владимиром Буковским. Тогда, однако, конгресс уклонился от открытого обсуждения этой проблемы: ученые — люди осторожные и не любят принимать решения, не проверив многократно исходных данных.

Но число свидетельств росло и росло: все новые случаи помещения инакомыслящих в советские психбольницы становились известными на Западе. Игнорировать эти факты становилось уже невозможно. И на очередном конгрессе ВПА в 1977 году в Гонолулу, вопреки яростному сопротивлению советской и других "дружественных" делегаций, была принята (хотя и с небольшим перевесом голосов) резолю-

В августе 1982 г. В. Янков был арестован.

Из близких на суде В.Янкова присутствовали только его жена и мать. Защищала В.Янкова адвокат Гедда Леви. В.Янков виновным себя не признал, но в последнем слове пообещал более не заниматься той деятельностью, за которую его судят. Его приговорили к 4 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки.

АРЕСТ СЕМЕНА ШНИРМАНА

10 января 1983 г. в Керчи был арестован — уже во второй раз — еврей-отказник Семен Шнирман. Семья С. Шнирмана начала добиваться выезда из СССР еще с 1959 г., когда С.Шнирману было чуть больше года. Отец С.Шнирмана Давид и мать Фаина получили разрешение на выезд только в 1976 г., но Семену в выезде было отказано, т.к. он по окончании металлургического техникума не отработал положенное количество лет (он тогда работал на сталелитейном заводе в г. Запорожье). Отец С. Шнирмана уехал в Израиль, через 2 года уехала его сестра Эмилия, но мать решила остаться вместе с сыном. Семен был в 1977 г. призван в армию, однако отказался явиться на призывной пункт: по опыту многих евреев-отказников известно, что пребывание в армии обычно в дальнейшем служит основанием для отказа в эмиграции "по соображениям секретности". В январе 1978 г. С. Шнирмана арестовали в первый раз за "отказ" от призыва на действительную военную службу и приговорили к 2,5 лет лагерей.

По освобождении С. Шнирман возобновил свое ходатайство о выезде, но 6 января 1983г. получил "окончательный отказ без права повторной подачи заявления" (такая форма отказа в последние 2 месяца стала распространенной). Через 4 дня С.Шнирмана вновь арестовали — с тем же обвинением, что и в первый раз.

14 февраля суд в Керчи приговорил его к 3 годам лагерей строгого режима. Семен Шнирман виновным себя не признал и отказался принимать участие в суде.

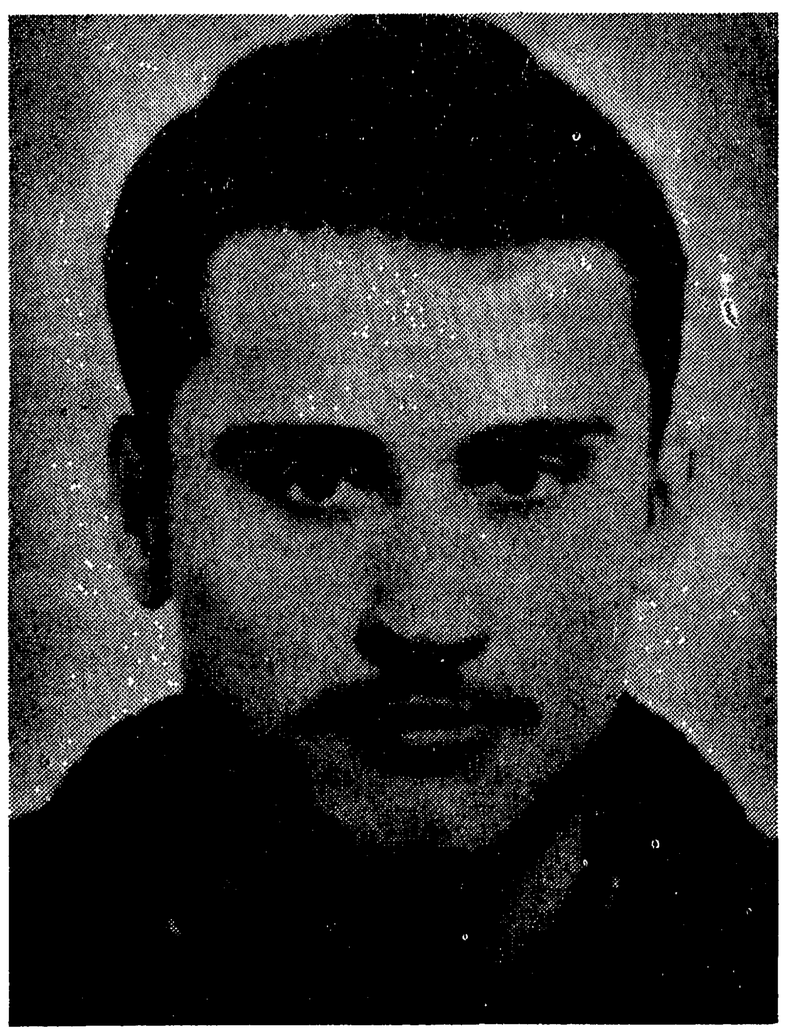
Ранее, в течение ряда лет существовало негласное правило, по которому еврей-отказник, отбывший срок в лагере, получал после этого разрешение на выезд. Были редкие исключения, однако повторных арестов не наблюдалось. Сейчас, повидимому, с этой практикой решено покончить.

НОВОЕ ДЕЛО ЗОРЯНА ПОПАДЮКА

Сведения о положении политзаключенных и политссыльных доходят, как правило, с большим запозданием. Так, только сейчас стало известно, что, по всей вероятности, осенью (повидимому в октябре-ноябре 1982 г.) в ссылке в совхозе Саралжин Актюбинской области Казахстана арестован Зорян Владимирович Попадюк.

Зорян Попадюк был арестован впервые в 1973 г. 20-летним студентом филологического факультета Львовского университета. Вместе с ним арестовали его друга, также студента ЛГУ, Яромира Микитко. Обоих юношей обвинили в том, что они выпускали в ЛГУ самиздатский студенческий журнал "Прогресс", а также распространяли украинский патриотический самиздат. Зоряна Попадюка тогда приговорили к максимальному сроку по статье УК об "антисоветской агитации и пропаганде" — к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки. Я.Микитко был приговорен к 5 годам лагерей.

З. Попадюк отбывал заключение сначала в мордовском лагере № 19 и с самого начала заявил о своей бескомпромиссной позиции по отношению к администрации. Несмотря на свой юный возраст, он буквально в несколько недель стал признанным духовным лидером украинского землячества в лагере. "Дурное" влияние на товарищей привело к тому, что вскоре его отправили в более изолированный мордовский лагерь № 17, а затем в 1975 г., во Владимирскую тюрьму. Во Владимире резко ухудшилось его врожденное заболевание сердца. З.Попадюк был близок к гибели и его спасло лишь внимание и заботливый уход товарищей.



В ссылку З.Попадюка направили в Магаданскую обл., где у него открылось новое заболевание — туберкулез легких в открытой форме. З.Попадюк перенес тяжелую операцию с удалением большей части одного легкого. Положение его практически не улучшилось, так что его вынуждены были, по требованию родных и близких, перевести в район с более мягким климатом — в Казахстан.

С осени 1982 г. от З.Попадюка перестали поступать письма, а письма, посланные ему — стали возвращаться. Тем временем, ряд лиц в разных концах страны стали допрашивать по некоему новому "делу З.Попадюка". В Тюменской обл. был допрошен политссыльный Владимир Мармус, в Вильнюсе — бывшая политзаключенная Нийоле Садунайте. Практически сейчас нет сомнений в том, что З.Попадюк арестован вновь. Аресты политзаключенных и политссыльных в конце их срока стали теперь одним из наиболее часто применяемых методов расправ с политическими оппонентами.

ция, осуждающая использование гуманной профессии психиатров в политических целях. Советские психиатры обиделись, и на защиту их чести встал КГБ. В лагерях и ссылках оказались все без исключения члены рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в СССР в политических целях, организации, созданной группой энтузиастов, поставившей своей целью предавать гласности все случаи политической госпитализации в психбольницы и по возможности предотвращать их. В числе арестованных — врач-консультант комиссии, психиатр, кандидат наук Анатолий Корягин, один из членов-основателей комиссии, автор книги "Карательная медицина" Александр Подрабинек, уже находясь в ссылке, был арестован повторно. Недавно в лагере произошел повторный арест другого члена-основателя Вячеслава Бахмина, и он не вышел на свободу 12 февраля, как это ожидалось.

Между тем, политические госпитализации не прекращались. В этих условиях, по инициативе Королевского колледжа психиатрии, Британская психиатрическая ассоциация предложила в ноябре 1981 года исключить СССР из ВПА. Это предложение позднее было одобрено психиатрическими ассоциациями США, Франции, Швейцарии и Дании, а совсем недавно — в январе 1983 года — Норвегии. Были веские основания ожидать, что резолюция об изгнании СССР может пройти. В ВПА входит 78 стран. Далеко не все из них высказались, но уже становилась ясна тенденция, развивавшаяся от Мехико к Гонолулу и далее. Советские представители предпочли сбежать.

Действительно, как можно рационально объяснить ученой аудитории, например, совсем недавнее дело историка Виктора Арцимовича, автора критического анализа работ Карла Маркса, арестованного менее года назад в Томске? Виктору Арцимовичу был поставлен диагноз "шизофрения, философская интоксикация", со следующим обоснованием: "1. Просится за границу. 2. Возомнил себя личностью. 3. Не имеет друзей, замкнут. 4. Критикует марксизм-ленинизм". Суд согласился с диагнозом, поставленным врачем Шульгой и направил Арцимовича на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Диагноз, видимо, точный: только безумец в условиях нашего государства может считать себя — личностью, а не винтиком государственной машины. Вот только западным психиатрам этого не объяснить.

Во Всесоюзном обществе невропатологов и психиатров около 22 тысяч членов, это крупнейшая национальная ассоциация психиатров. Разумеется, большинство ее членов — не шульги и даже не морозовы. Но с Западом от их лица говорит Георгий Морозов, точно так же, как от лица всех нас претендует говорить Юрий Андропов. Такова система.

О "системе" вспомнил в своем интервью профессор Кеннет Роусли, президент Королевского колледжа психиатрии. Он сказал, что полагает, что советские представители ушли из ВПА, так как "им было бы трудно принять унизительное поражение на открытых публичных выступлениях" на июльском конгрессе в Вене. "Я надеюсь, — сказал Кеннет Роусли, — что когда пыль уляжется, они, может быть, найдут возможность изменить свою систему".

Но вот вопрос: какую именно систему? И по силам ли это одним лишь психиатрам? ■

АСПЕКТЫ СВОБОДЫ

Борис Шрагин ПАРАДОКС ОБ АНТИКОММУНИЗМЕ

— Вы умный человек, — сказал я когда-то одному своему московскому знакомому, — вы все понимаете.

— А какой дурак сейчас все не понимает? — возразил он мне.

Много лет спустя я понял, что в том давнем разговоре мы прикоснулись к некоей сокровенной пружине советского идеологического механизма.

Согласно общему признанию — и экспертов, и неэкспертов, и большинства иностранцев, и моих соотечественников, — коммунизм как идеология в Советском Союзе надежно мертв. Но ведь, с другой стороны, все так же хорошо знают, что Советский Союз — идеологическое тоталитарное государство и что именно коммунизм (или, если угодно, "марксизм-ленинизм") господствует там безраздельно как единственно мыслимое оправдание существующего режима.

Как это возможно, чтобы тоталитарная система сохраняла прочность, когда породившая ее идеология мертва, когда "каждому дураку все ясно"?

Тут, по-моему, и сокрыт парадокс: советская социально-политическая система сохраняет внушительный запас прочности не *вопреки*, а *благодаря* тому, что коммунистическая идеология мертва в глазах рядового советского человека; не коммунизм, не "марксизм-ленинизм", а массовый антикоммунизм — реальная опора этого строя.

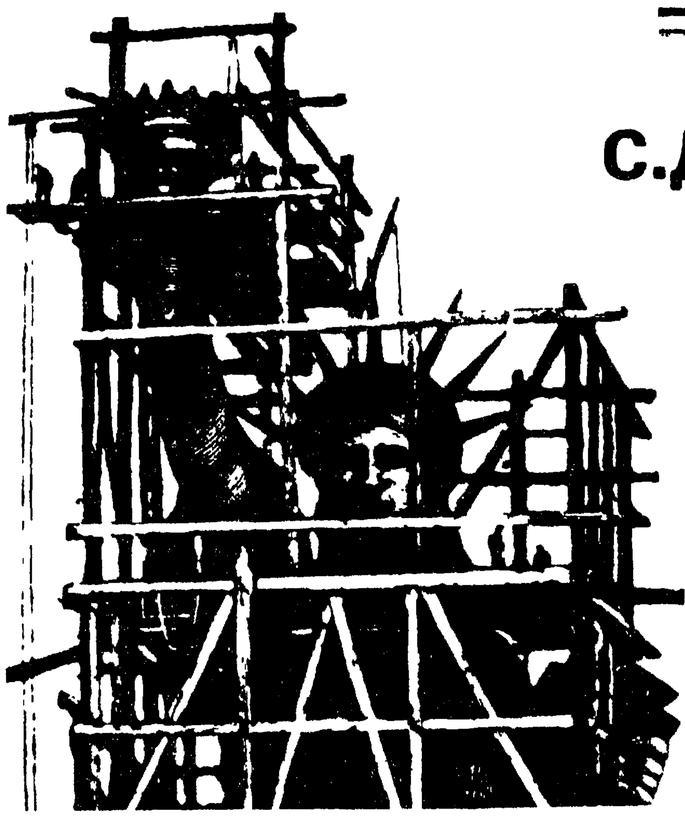
Так парусник набирает скорость в заданном направлении, пользуясь встречным ветром.

* * *

Еще тридцать лет назад, в своей знаменитой книге "Истоки тоталитаризма", Ханна Арендт разработала типологию тоталитаризма. Сопоставляя гитлеровский нацизм и сталинский коммунизм, она обнаружила их внутреннее сродство — вплоть до мельчайших деталей. В те времена, когда только недавно закончилась Вторая мировая война, общественность ни на Западе, ни тем более в Советском Союзе (там книги Ханны Арендт и до сих пор недоступны), не готова была оценить этого открытия: ведь нацизм и коммунизм оказались по разные стороны мирового фронта. А в наши дни, когда гитлеризм отошел в историю, а сталинизм нависает над миром как олицетворение мирового зла, аналогия между ними, опять-таки, утратила остроту.

Но, во-первых, из наблюдений Ханны Арендт неопровержимо следует, что не специфическое содержание той или иной идеологии делает ее тоталитарной. Ханна Арендт имела перед глазами два примера — нацизм и коммунизм. Теперь мы можем прибавить к этому списку также и мусульманство, если иметь в виду так называемую "иранскую революцию". И даже протестантство — эта религия индивидуализма и свободы тоже чревата, оказывается, тоталитаризмом, как свидетельствуют известные тенденции в современной Америке.

Во-вторых, Ханна Арендт показала, что тоталитарная идеология захватывает массы, в конечном счете, не убедительностью и не привлекательностью своих аргументов, а через посредство создаваемого ею аппарата насилия. Зрелый тоталитаризм не нуждается в "истинно верующих". Наоборот, их-то он и истребляет прежде, чем окончательно закрепиться. Он торжествует тогда, когда все — сверху донизу — лгут и при этом прекрасно понимают, что лгут. Всеобщее вольное или невольное соучастие в чем-то явно фальшивом, аморальном и иррациональном порождает иллюзию могущества, которому, кажется, так же невозможно противиться, как стихийным силам природы.



С.Довлатов

ИСПЫТАНИЕ СВОБОДОЙ

Это выступление было сделано на симпозиуме "Интеллектуальная жизнь в СССР", который проходил в университете штата Минесота. В симпозиуме принимали участие Вера Данем, Гаррисон Солсбери, Эрнст Неизвестный, Александр Гинзбург, Джон Боулт, Карл Проффер, Нортон Додж и др.

Господа!

На этот симпозиум я приглашен, во-первых, как литератор и, во-вторых, как редактор еженедельника "Новый американец", но курьез заключается в том, что к началу симпозиума я уже не являлся редактором "Нового американца", и следовательно заголовок "Испытание свободой" приобретает для меня особый личный смысл, отражает мои личные взаимоотношения с американской действительностью и придает моему короткому докладу законченный характер, поскольку вышеупомянутое испытание мною не выдержано, и я с чувством глубокого разочарования удаляюсь из русской периодической печати, и как мне кажется сейчас — навсегда.

Подобно самоотверженным врачам и фармакологам, исследующим на себе действие создаваемых ими препаратов, я имею возможность на примере собственной неудачи исследовать те законы и закономерности, под воздействием которых оказывается русский эмигрант, гуманитарий или, пышно выражаясь, — интеллектуал, пытающийся сохранить на Западе верность своей любимой, а главное — единственной профессии, в данном случае — журналистике.

Симпозиум называется "Интеллектуальная жизнь в СССР", и я не опасаюсь выйти за рамки этой темы, поскольку все мы, российские эмигранты, в той или иной степени отягощены грузом тоталитарного менталитета, в той или иной мере сохраняем психологическую, духовную, нравственную, культурную и ментальную инерцию советского бытия.

Мы являемся подарочными экспортными образцами той замысловатой продукции, которую вырабатывает советский тоталитарный конвейер, и если даже кто-то из нас не без оснований считает себя малотипичным представителем советского интеллектуального слоя, то вместе, в своей неизбежной общности и в своем разнородном единстве мы даем богатое, даже, может быть, исчерпывающее представление о предмете нашего симпозиума.

... Мы выбрали свободу!

Мы без конца повторяем этот горделивый тезис и по тому, какие ясные зарницы вспыхивают при этом в наших глазах, совершенно очевидно, что свободу мы понимали как абсолютное и неоспоримое благо, как нечто противоположное тоталитарной зоне, в которой мы пребывали десятилетиями. Такое представление о свободе характерно для зеков, которые глядят на мир сквозь тюремную решетку, или для паралитиков, которых санитары изредка подвозят к больничному окну...

Свобода представлялась нам раем, абсо-

По-моему, концепция Ханны Арендт помогает нам достаточно точно описать духовную ситуацию современного советского общества. Тоталитаризм в Советском Союзе явно перезрел и клонится к упадку. "Истинно верующих" и в помине нет. К марксизму-ленинизму там относятся со скукой и не осталось чудаков, которые строили бы свои жизненные планы в расчете на "светлое будущее всего человечества". Но искусство выживания и успеха целиком определяется умением различать до тонкостей, что можно говорить, а о чем лучше помолчать, как следует поступать, а как не следует. Действуя в соответствии с предписанными правилами игры, человек добивается своей роли в универсальной силе тоталитаризма, полностью снимая с себя при этом ответственность.

Еще до исторической забастовки докеров в Гданьске, осенью 1979 года вышел журнал "Сервей", посвященный положению в Польше. В предисловии к этому изданию замечательный философ Лешек Колаковский написал: "В Польше и во всех других странах, насильственно попавших в клетку Нового Мира, процесс советизации заключается вовсе не в том, что народ действительно начинает верить абсурдности государственной доктрины (от этой безнадежной задачи давно отказались); этот процесс означает, что народ принимает status quo угнетения как неизбежную реальность и сам себя обрекает на судьбу беспомощных и пассивных подданных полицейского режима. Народ оказывается духовно порабощенным не тогда, когда он или значительная его часть принимает на веру официальную идеологию, а когда он погружается в безнадежность. Воспротивиться этому процессу — одна из решающих задач оппозиции".

Тоталитарным режимам не нужны энтузиасты; достаточно превратить весь народ в циников. Они не нуждаются в том, чтобы доказывать правильность своих идеологических принципов, если этим принципам не противостоит ничего, кроме глухого отчаяния. Именно поэтому содержательные характеристики какой бы то ни было идеологии, если она утвердилась как господствующая, постепенно теряют всякий смысл. Такой идеологии достаточно, если ей противостоит всего лишь духовный вакуум — отсутствие иного, но *положительного* истолкования реальности, конструктивной перспективы национального развития. Тоталитарная цензура не тем разрушительна, что не позволяет критиковать господствующую идеологию, — такая критика время от времени прорывается через цензурные рогатки, а временами, — как было, например, во времена Хрущева, — даже допускается официально. Тоталитарная цензура предназначена начисто перерезать возможности исследования реальности, исходя из иных, вне господствующей идеологии, лежащих предпосылок. И именно поэтому тоталитаризм вполне удовлетворяется всеобщим отчаянием, признанием исторического тупика; тогда как оппозиция тоталитаризму мало чего стоит, если не предлагает народу никакого практически осуществимого выхода из этого тупика. Поэтому мне представляется столь важным сказанное Лешеком Колаковским: задача оппозиции — противиться погружению народа в безнадежность.

И действительно, как мы знаем, польские диссиденты справились с этой задачей. Ни угрозы репрессиями со стороны еще правительства Герека, ни нависшая вероятность советской интервенции, ни "военное положение" генерала Ярузельского не сломили волю поляков, не вынудили их преклониться перед насилием, не превратили их в пассивных и беспомощных рабов полицейского режима. И это, заметьте, — не героизм отчаяния: поляки до сих пор сохраняют веру в практическую осуществимость своих стремлений. У них есть вполне конкретная цель — не слепой, а потому обреченный бунт против "коммунизма", про который никто не знает толком, что это такое, а легализация профсоюза "Солидарность". По крайней мере, перешедшие в подполье лидеры "Солидарности" делают все возможное, чтобы эта вера не была убита.

С другой стороны, нагло насильничая, вынуждая людей давать заведомо фальшивые присяги, наполняя средства массовой информации отъявленной ложью, военный режим в Польше не стремится ни к чему иному, кроме как внушить полякам глухое отчаяние. Если генерал Ярузельский добьется этого, тоталитаризм будет спасен. Так было в Чехословакии, а еще раньше — в Венгрии. К этому, к доведению населения до отчаяния, и сводится процесс "советизации" или, вернее сказать, "тоталитаризации".

Так, как бы "от противного", еще раз доказывается верность концепций Ханны Арендт. И то же самое, но уже впрямую, мы находим в центре "советизации", в моей стране. Над населением Советского Союза безраздельно царит давящая атмосфера безнадежности. Во всех кругах общества господствует уверенность, что режим прочен, что он в таком виде, как сейчас, просуществует десятилетия, а, может быть, и столетия. И почти все, включая самых героических наших "дис-

---

лютным благом, неким головокружительным винегретом из калорийных продуктов, запрещенных книг и электронных вибраторов, которые продаются с вдохновляющим уведомлением: "Оргазм гарантируется!"

Мы были сплющены наподобие камбалы тягчайшим грузом всяческих запретов, наш духовный инструментарий проржавел и затупился, наши парализованные страхом конечности отвыкли делать самостоятельные шаги, мы и думать забыли о том, что такое выбор, как забывают об этом каторжники на этапе или советские граждане возле избирательных урн...

В юности мне довелось три года быть лагерным надзирателем, на моей памяти десятки побегов, в том числе и виртуозно организованных, и все они были ликвидированы по единственной причине: оказавшись на воле, заключенные буквально теряли рассудок, взламывали продовольственные ларьки, насиловали старух, душили гусей, воровали стиранные подштанники с заборов, и в результате все, как один, снова оказывались за колючей проволокой.

Нечто подобное творится с нами, российскими эмигрантами. Мы выбрали свободу, и пересекли океан, оказавшись в стране раскормленных буржуазных гусей и модных капиталистических подштанников...

Я хочу быть понятым верно. Я буду говорить о вещах, вызывающих у меня глубочайшее уныние, чувство безнадежности и пессимистический упадок духа, но я совершенно не претендую на роль прокурора или судьи, олицетворяющего понятие закона, истины и моральной нормы. Во всем, о чем я собираюсь говорить, я принимал участие, и я несу полную и равную с другими ответственность за все безобразия, которые являются предметом настоящего разговора.

Я также заранее отвергаю упреки моих соотечественников и коллег, полагающих, что наши внутренние проблемы, наши глупости, безобразия и ошибки должны быть скрыты от посторонних глаз.

Это давняя советская традиция — скрывать от иностранцев подлинную жизнь, демонстрировать им балетные и музейные чудеса, заслонять горизонты декоративными оазисами красоты и благополучия.

Так, одного моего выпившего приятеля арестовали на главной улице Ленинграда, после чего в милицейском протоколе было указано: "Сквернословил в местах сосредоточения иностранцев", хотя его нецензурные возгласы были менее всего понятны иностранцам и менее всего способны были омрачить их настроение.

Самые достойные люди осудили великого русского писателя Зощенко, который на вопрос английских туристов, считает ли он справедливым учиненный над ним партийный разнос, мужественно ответил, что считает партийную критику совершенно несправедливой. Достойные люди осудили Зощенко за то, что он поделился своей досадой с иностранцами, или, употребляя старинную русскую пословицу, "вынес сор из избы", что считается ужасным преступлением.

Но известно, что если не выносить сора из избы, эта самая изба становится похожа на конюшню, что, собственно, и происходит у меня на родине.

Когда в июне 1935 года в Париже состоялся конгресс европейских писателей "В защиту культуры" и французский поэт Андре Бретон, основатель сюрреализма и бывший коммунист, задал советским делегатам несколько вопросов о Сталине и о системе управления в СССР, Эренбург довольно успешно заткнул ему рот, а советские делегаты, включая таких замечательных писателей, как Бабель и Пастернак, либо преподнесли аудитории отвлеченные рассуждения, либо бодро заверили собравшихся в том, что советская жизнь прекрасна и удивительна. Их можно понять — они боялись, и у них были реальные основания для страха.

Но мы, приехав в эту страну, став ее частью, пользуясь ее гостеприимством, вряд ли должны считать иностранцами Гаррисона Солсбери и Карла Проффера, и потому я выношу сор из нашей эмигрантской избы если не с радостью и ликованием, что было бы довольно глупо, то во всяком случае с ощущением необходимости и долга.

Мы оказались в стране классической демократии, в стране, где альтернативность мышления и разнообразие точек зрения являются не вызывающей сомнения нормой, в стране, где каждый школьник, именно — школьник, я это знаю по своей дочери, бессознательно усвоил потрясающие слова Вольтера: "Я могу ненавидеть ваши убеждения, но я готов умереть за ваше право свободно их выражать..."

С тем, что не каждый российский эмигрант — Вольтер, я в общем-то готов примириться, но та нравственная ситуация, которая сложилась в российских эмигрантских кругах, представляется мне отвратительной, а главное — совершенно бесплодной.

За период с 1970 по 1979 год из СССР эмигрировало около 150 000 человек, значительная часть которых обосновалась в США, и главным образом — в Нью-Йорке.

сидентов", смотрят на польские события с усталой мудростью стариков, которые на собственной шкуре убедились, будто из открытого сопротивления и вообще из попыток что-либо практически улучшить ничего путного, кроме новой волны репрессий, не выйдет.

Когда совершил свой военный переворот генерал Ярузельский, даже в самой, казалось бы, непримиримо антикоммунистической печати русской эмиграции можно было отчетливо расслышать как бы вздох облегчения: мир возвращался в предустановленные рамки, ибо полицейская власть снова доказывала свою способность без труда справляться с порывами к свободе.

(Чтобы не быть голословным, сошлюсь хотя бы на один пример. После событий 13 декабря в Польше А.И.Солженицын опубликовал декларацию под названием "Главный урок". В чем же — "главный урок"? Вот ответ автора: "Что коммунизм уже 65 лет победно и почти беспрепятственно идет по миру — и н е т (разрядка А.И.Солженицына — Б.Ш.) такой нации в Европе, которая бы не готова была поставить нужное число палачей, а затем покориться и вся". Если А.И. Солженицын пришел к такому выводу, Юрий Андропов может спать без кошмаров).

В Советском Союзе возобладали сегодня не репрессии, — которые, в сопоставлении с масштабами страны, не столь уж массовы, — а заведомая всеобщая вера в их неотвратимость. Люди безвольно ропщут, что экономическое положение государства неуклонно ухудшается, что меньше и меньше продовольствия в магазинах, беднее ассортимент и ниже качество товаров, дороже цены, не допуская даже мысли предпринять что-либо конструктивное по этому поводу. Самые сознательные из интеллигентов только и жалуются: "Дышать нечем!" Невольно подумаешь, что одна только власть еще о чем-то заботится, — хотя бы ради самосохранения.

Надежда и безнадежность, воля к сопротивлению и безволие покорности — вот что различает сегодня духовную атмосферу Польши и Советского Союза. И, очевидно, это — не просто различие, но — противоположность.

Как же это вышло? Чего диссиденты Советского Союза не доглядели, почему не справились с задачей, которую Лешек Колаковский определил как одну из главных для оппозиции в советизированном обществе?

Не было недостатка в личном мужестве. Имена героев нашего сопротивления известны всему свету. Но диссиденты как бы повторяли и повторяли своим согражданам: "Вы как угодно живите, а лично я больше молчать не могу и не намерен. Уж лучше лагерь, чем такая жизнь". Протест наш остался каким угодно — экзистенциальным, этическим, правовым, но не практичным, не политическим. Он как бы вписывался во всеобщее отчаяние, оттеняя его, делая более осознанным для большинства. Даже самый позитивно мыслящий из нас, покойный Андрей Амальрик сумел лишь напророчить в своей книге "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" распад и гибель русского народа под ударами внешнего врага. Злорадство Амальрика вполне объяснимо его мученической биографией. Но едва ли оно способно было подвигнуть тот же русский народ на созидательное массовое действие.

На первых порах, при зарождении нашего движения отказ от политических методов был вполне оправдан:

во-первых, не было у нас никакого политического опыта нам оставалось только честно признаваться в отсутствии конкретных решений, если они фактически отсутствовали;

во-вторых, было это и практически разумно, ибо риторическое провозглашение несуществующих программ лишь снабдило бы власти легальными оправданиями репрессий.

Но время шло, конфронтация с властями становилась более откровенной, а после того, как многие диссиденты и недиссиденты оказались в изгнании за границей, пропала причина сохранять сдержанность в высказываниях. И тогда обнаружилось, что наши диссиденты отличаются от основной массы советского населения не столько образом мыслей, сколько образом поведения. Оказалось, что и нам ведома тоже только одна "правда" — негативная, о ложности коммунизма.

Советское общество, как я уже сказал, представляет собою сейчас тоталитаризм, который клонится к упадку. Оно завершает предвиденный Ханной Арендт путь таких обществ от "истинной веры" толпы к универсальному цинизму. И, поскольку история советского тоталитаризма растянулась на шесть десятков лет и захватила не одно поколение, у моих современников и соотечественников не сохранилось в памяти никаких конкретных социально-политических представлений, кроме мертвых догм не оправдавшей себя коммунистической утопии.

Поэтому и новый опыт получил исключительно негативное выражение. В противоположность "коммунизму", выработался "антикоммунизм" — и ничего сверх этой оппозиции. Причем, этот "антикоммунизм" — безнадежно *вторичен*. Он

Я бы не решился утверждать, что эти люди — лучшие представители народа, но рассматривать их как средних типичных граждан было бы также неправомерно. В составе эмиграции очень высокий процент квалифицированных технических специалистов, ученых, писателей, музыкантов, в общем, тех, кто дозрел до идеи панического бегства и сумел проскочить через рогатки ОВИРа, что само по себе является показателем стойкости, мужества и здравого смысла.

Таким образом, интеллектуальный уровень российской эмиграции значительно выше среднего, и духовные запросы в этой среде достаточно высоки.

Что же касается идейных течений, то в этом смысле эмигрантское общество можно грубовато и условно разделить на два потока, за которыми стоят две концепции будущего России — авторитарная и демократическая. Разумеется, такое деление чрезвычайно примитивно, ситуация богата оттенками, но в схематическом смысле ее можно представить именно так, причем авторитаристы опираются на православные, национальные, иногда — монархические идеи, а демократы, как правило, являются западниками, приверженцами общегуманистических идей, а в религиозном плане — либо агностиками, либо стихийными неортодоксальными христианами, пришедшими к Богу через русскую культуру.

Национально-христианская позиция, как правило, ассоциируется с именем Владимира Максимова, редактирующего парижский журнал "Континент", а демократическая, главным образом, с журналом "Синтаксис", также издающимся в Париже.

Я недостаточно хорошо знаю европейский театр военных действий, и поэтому буду говорить об общественной жизни той части русской эмиграции, которая обосновалась в США.

... К моменту моего приезда в начале 79-го года в США имелась единственная крупная газета "Новое русское слово", которая выходила ежедневно, располагала сравнительно большим числом подписчиков и оказывала неограниченное влияние на общественную жизнь российской эмигрантской колонии.

И снова я хочу быть понятым адекватно. Я не считаю эту газету плохой, и тем более — вредной. Я питаю к главному редактору этой газеты искреннее почтительное чувство, восхищаюсь его публицистикой, тем более, что Андрей Седых, отметивший в этом году свое восьмидесятилетие, является единственным в мире редактором ежедневной газеты в столь солидном возрасте, причем — не почетным редактором, не "свадебным генералом", как говорят в России, а реальным ее руководителем, производственником, активно и плодотворно работающим журналистом.

... По приезде своем мы с друзьями в среде третьей эмиграции ощущали довольно заметную неудовлетворенность существующей русской прессой, нам казалось, что "одногазетная" система так же нелепа, как "однопартийная" система, что монополия развращает людей, и как следствие всего этого мы делали вывод, что российской эмиграции необходим оппозиционный печатный орган, необходима демократическая альтернативная газета, выражающая самые разные, иногда диаметрально противоположные точки зрения, предоставляющая читателю право самостоятельно выбирать идейную платформу.

Мы создали еженедельник "Новый американец", который начал свое существование в очень трудных финансовых условиях и в атмосфере беспредельного энтузиазма, достиг в течение года некоторого расцвета и общего тиража — одиннадцать тысяч экземпляров, несколько раз переходил из рук в руки, и наконец прекратил существовать... во всяком случае для меня, усвоив этническое, местечковое направление, делающее сотрудничество в этой газете неприемлемым для взрослого человека, а главное — малоинтересным, скучным и бессмысленным.

На этот раз я ушел добровольно, хотя раньше меня иногда насильственно смещали с должности, и даже покинул редакцию с некоторым облегчением, которое вскоре сменилось глубоким унынием. Мне кажется, я уподобился спортсмену, который долго тренировался и выступал на соревнованиях, а затем сознательно бросил спорт, но организм его продолжает существовать в режиме больших и привычных нагрузок.

Через несколько месяцев это прошло...

Работа в газете была очень напряженной, монопольная господствующая пресса всячески противодействовала нашему развитию, не гнушаясь самыми воинственными и едва ли не запрещенными методами.

Конкуренты обрабатывали наших рекламодателей, внушали им мысль о нестабильности нашего издания, непокорных лишали возможности рекламироваться в ежедневной газете, а покорным давали значительные скидки, вплоть до бесплатной рекламы с условием — не рекламироваться у нас.

Такие же условия ставились авторам, которые хотели бы сотрудничать с нами, но боялись лишиться возможности рекламировать свои книги в ежедневной газете и потерять более широкую читательскую аудиторию.

может нас научить тому, чем *не является* советская действительность, но бессилен открыть путь к ее познанию.

Элементарное знание диалектики должно бы научить нас тому, что простое отрицание всего лишь повторяет отрицаемое, — хоть и с противоположными оценочными суждениями. И действительно, если приглядеться к диссидентским политическим декларациям, — провозглашаемым, главным образом, с почтительного расстояния, из-за границы, — они представляют собою отражение коммунистической догматики как бы в зеркале: правое оказывается слева. Если нас учили, что коммунизм — это рай, а капитализм — это ад, то теперь мы принимаем за истину как раз обратное; если нам внушали, что до Октябрьской революции в России было рабство, а затем наступила свобода, то уже одного этого достаточно, чтобы мы идеализировали царское прошлое. Откровенно говоря, я даже склонен подозревать, что обращение многих моих соотечественников к Богу вызвано тем, что атеизм — официально и насильственно навязываемая советская догма.

Наш анти-коммунизм заражается от своего антипода крайностью и абсолютизмом оценок. И получается, что, в точной противоположности официальной догме, — советское общество представляет собой конечное воплощение космического зла. Единственно, что остается, — разоблачать и разоблачать, то есть до бесконечности повторять то, что и без того "каждый дурак знает". Чтобы, — не скажу, предложить, — но хотя бы задуматься над возможностью конкретного социально-политического выхода, необходимо найти в обществе хоть что-то позитивное, пусть, на худой конец, в зародыше. Но это, с точки зрения новой, антикоммунистической нетерпимости, признается прямо-таки идеологически порочным. Советская система становится похожа на того горбатого, которого, согласно поговорке, только могила исправит. И не предлагается для народа иной перспективы, кроме как улечься в ту же могилу.

В школе и на политзанятиях нам внушали, будто Ленин — самый верный из учеников Маркса и Энгельса, а Сталин — это "Ленин сегодня", а Хрущев и затем Брежнев — "верные ленинцы", будто партия ни разу не отклонилась от намеченной линии, а советская система — это и есть "единственно подлинный социализм". И вот, приняв всю эту пропагандистскую чушь за точку отсчета, самые последовательные из наших антикоммунистов представляют себе отечественную историю так, будто был такой отъявленный злодей — Карл Маркс, который придумал, как утвердить свое господство над всем человечеством, а для этого привлек на свою сторону не менее злодейских единомышленников. Под покровом этой фантастической антидогмы исчезает из поля зрения сложная, наполненная борьбой противоречивых сил и тенденций история советского общества. Вопрос о том, какими внутренними силами, не сверху, а снизу утвердился в Советском Союзе тоталитарный режим, не позволяется даже ставить. Как нельзя ставить и вопроса о внутренних силах, которые могут тоталитаризму противостоять. Фактически отвергается исторический анализ прошлого, а потому и в будущем не предвидится никакой истории.

Марксистская философия истории опровергнута развитием событий нашего столетия. В системе выработанных ею категорий оказалось невозможно не только предвидеть, но и понять, и объяснить, хоть задним числом, что же именно получилось в том же Советском Союзе. Какая форма угнетения там утвердилась — "капитализм", "феодализм", "рабовладение"? И, главное, как, опираясь на какие социальные слои, бороться с ней? И какой новой социально-политической формации добиваться взамен? Марксизм на эти вопросы не ответил, а потому попытки оппозиции советскому тоталитаризму на марксистско-коммунистической платформе неизменно вели к поражениям.

Но если я даже знаю, что, допустим, алхимия — ложная теория, этого еще далеко не достаточно, чтобы получить проходной балл по химии. И точно так же, отвергая коммунизм, мы еще вовсе не приближаемся к положительному социально-политическому знанию, оставаясь за порогом современной социально-политической науки.

Однако, с нашим антикоммунизмом дело обстоит даже хуже. Такие отнюдь не только "коммунистические" понятия (беру их почти наугад), как "свобода", "демократия", "равенство", "общество благосостояния", "рабочее движение" и т.д. отвергаются им начисто, поскольку известны они ему лишь в контексте официальной советской идеологии. А потому он оказывается столь реакционен, что вообще на практике не реализуем. Революция для него нежелательна, ибо вызывает скверные ассоциации; эволюция тоже невозможна, ибо она должна опираться на нечто существующее, какие-то положительные тенденции, которые стоит развивать. Получается тупик и полуосознанное оправдание бездействия.

Более того, распускались слухи о наших связях с госбезопасностью, и на этом я хотел бы остановиться чуть подробнее. В Союзе для того, чтобы скомпрометировать человека, достаточно было намекнуть на его контакты с иностранцами. Идейных же противников тоталитарного режима газеты называли выкормышами буржуазии, агентами мирового капитала, лазутчиками сионизма, и на максимально высоком уровне, как это было с Анатолием Щаранским — сотрудниками ЦРУ.

Здесь, в эмиграции, происходит нечто зеркально противоположное, а следовательно — аналогичное. Чтобы отравить человеку жизнь, достаточно намекнуть, что его видели около здания советского посольства, даже если человек всего лишь покупал чипсы в расположенном неподалеку супермаркете, неугодных лиц монопольная эмигрантская пресса именует замаскировавшимися коммунистами, а на максимально высоком уровне — агентами КГБ.

Безуспешно я пытался говорить о том, что КГБ нет резона засылать своих агентов в наш несчастный еженедельник, что агенты КГБ гораздо комфортабельнее и плодотворнее действуют в аппарате ООН, если не в Белом Доме — меня никто не слушал. "Агент КГБ" и сейчас — наиболее ходкое оскорбление в эмиграции.

Так или иначе, я редактировал газету два года, и за этот период мы опубликовали десятки, если не сотни полемических статей, которые ни при каких обстоятельствах не увидели бы света ни в каком другом издании.

Высказываясь по самому широкому кругу вопросов, мы вели неутихающую полемику с "Новым русским словом", поскольку нам казались совершенно очевидными недостатки этой газеты — узость взглядов, трафаретность мышления, преклонение перед авторитетами, консервативность языка. Мы не противостояли "Новому русскому слову", мы вообще боролись не ПРОТИВ, а ЗА, за право на собственное мнение, за открытую трибуну для выражения самых разных идей, за уважительное доверие к читателю. Иногда, как мне представляется, мы выступали ярко и убедительно, иногда — мелковато и зло, но в целом, по отзывам читателей, газета выдерживала принятое ею направление.

Следует отметить, что за время нашего дерзкого существования "Новое русское слово", благодаря, в основном, уму и таланту главного редактора, заметно преобразилось, в газете стали появляться спорные полемические материалы, возрос интерес к человеческим судьбам, улучшилось оформление, и даже — о чем два года назад страшно было подумать! — в НРС промелькнули 2-3 читательских письма с критикой в адрес газеты.

Таким образом, я уподобился сэру Уинстону Черчиллю, который, угрожая советскому государству войной, объективно способствовал модернизации советских вооруженных сил, что позволило ему в шутку востребовать для себя правительственную награду — орден Красного Знамени...

... Казалось бы, осуществились наши мечты о вольном, независимом русском издании, казалось бы, можно все, публикуйся, высказывайся, открыто и недвусмысленно выражай свое драгоценное мнение. Да здравствует свобода!

— Да здравствует свобода! — соглашались публицисты как авторитарного, так и демократического направления, — да здравствует свобода... для меня. Для моих единомышленников. Для моих приятелей и коллег. Для тех, чье мнение я разделяю. Короче, для своих.

А как быть с чужими? С теми, чьего мнения я не разделяю? С моими неприятелями и оппонентами?

Тут все очень просто. Один православный журналист сказал мне:

— Хорошо бы сжечь на костре главного редактора журнала "Эхо" Владимира Марамзина...

— Вот это, — говорю, — по-христиански!

— Конечно, — отвечает журналист. — Марамзин — сатана. А сатану надо изгонять. Так что это вполне по-христиански.

Безуспешно я пытался напомнить ему, что Гитлер считал сатаной каждого еврея, Сталин — каждого интеллигента и еврея, а профессиональный грабитель — каждого человека с пятнадцатью долларами в кармане.

Когда мы печатали критические заметки о публицистике Солженицына, один талантливый демократический публицист предложил мне статью под названием "Антисемитизм Солженицына". Я ответил, что не улавливаю в произведениях Солженицына даже намека на антисемитизм, и потому считаю статью довольно бестактной. Тогда этот демократ написал мне: "Вы совершенно правы. Солженицын не антисемит. Он — нацист..." И это говорится об авторе самого одухотворенного произведения наших дней — "Архипелаг ГУЛаг".

Вот и получается, что живя в Америке, в стране классической демократии, в атмосфере декларируемой свободы, мы, русские эмигранты, оказываемся за решеткой. За решеткой своей отвратительной нетерпимости...

В результате, публикуя по возможности наиболее корректные статьи как авторитар-

Охотно и, в сущности, некритически принимая коммунистическую мифологию за реальность, антикоммунизм если и становится фундаментом политического действия, обречен на поражение. Он воздвигает между собой и реальностью целую систему фальшивых догм. Так, американская дипломатия проиграла все, что она на этом могла проиграть, долгие годы теоретически не допуская возможности неустранимых противоречий между советскими и китайски — коммунистами, не допуская, что вековой имперский конфликт может оказаться существенней, чем мнимое единство мирового коммунизма.

Историк Адам Михник говорил в лекции для "летучего университета": "Объяснение, почему польская общественность не сопротивлялась, неправильно, по-моему, сводить к одному только террору... Такая трактовка тоже была нам навязана. И она ложна... Тогда, к концу войны, коммунисты умудрились предложить фальшивые решения возникших проблем; им удалось завладеть нашим языком и навязать обществу свой жаргон. Проблема исковерканного языка — принципиальная проблема. И я считаю, что выяснение ее и составило содержание интеллектуального развития Польши последних тридцати лет". ("Проблемы Восточной Европы", № 2, 1981, стр. 30).

Так вот, советскому обществу такое развитие только еще предстоит. Оно все еще не выработало человеческого языка взамен жаргона, который успело возненавидеть. Когда пропаганда генерала Ярузельского утверждает, что профсоюзы "Солидарность" намерены ликвидировать "социализм" или "руководящую роль партии", поляки теперь знают, что никакого "социализма" или "руководящей роли партии" не существует, а потому бессмысленно выступать как за них, так и против них. Наоборот, советский человек, будь он конформист или диссидент, если его вызвать на откровенность, выкажет неизбывную вражду и к "социализму", и к пресловутой "руководящей роли".

Иногда спрашивают: возможно ли в Советском Союзе развитие событий, подобное польскому? К сожалению, на этот вопрос пока что приходится отвечать отрицательно. И, опять-таки, не потому только, что террор там суровее и практиковался дольше, а потому еще, что головы остаются замусорены коммунистическими бессмыслицами и люди смешивают представления о "независимых профсоюзах", "стачках", "рабочих комитетах" и прочем с теми бедствиями, которые они пережили и переживают. Даже в Америке, оставаясь идеологически выдержанными антикоммунистами, наши эмигранты воздерживаются вступать в здешние профсоюзы, чтобы держаться подальше от "классовых боев капитала и труда".

Вероятно, психологическое состояние, которое порождается нашим антикоммунизмом, следовало бы описать в терминологии Фрейда. В антикоммунизме нет ничего, что не было бы отражением его антипода. И этого уже достаточно, чтобы во всем комплексе событий современной истории — и отечественной, и международной — усматривались одни лишь происки коммунистов. Это неотступное присутствие врага рождает параноидальное восприятие действительности. Но, с другой стороны, было бы совершенно нечем жить, если бы внезапно оказалось, что за всеми страхами скрывается всего лишь фантом. Это — своего рода "эдипов комплекс".

Чувство бессилия и сознание бесперспективности становятся активными факторами, которые закрепляют социально-политическую стагнацию. И это скорее логично, чем неожиданно: не может не быть больным общество, дольше всех других из известных нам находившееся под властью тоталитаризма. Но болезни сознания излечимы усилиями самого же сознания. Достаточно разогнать фантомы, чтобы почувствовать себя на более прочной почве.

И нам не пришлось бы начинать все с самого начала. В самой России до того, как на нее обрушился тоталитаризм, были накоплены запасы социально-политического знания и опыта. Многое также было продумано и проверено на практике нашими западными соседями и жертвами того же исторического несчастья — поляками, чехами, венграми, югославами. Наконец, мы увидели бы нашу страну в новом свете, возникни у нас желание всерьез познакомиться с тем, что успели узнать о России и Советском Союзе западные исследователи.

Тоталитаризм в СССР останется прочен и мы не выбьемся из его порочного круга, пока не избавимся не только от коммунизма, который мертв, но и от его порождения — антикоммунизма, который жив. Но избавиться можно и нужно. Насколько я могу судить, необходимая работа уже началась в Москве. Сейчас важно, чтобы наша зараженная антикоммунизмом эмиграция хотя бы этому не мешала.

Развеятся пугающие и угнетающие фантомы. И тогда, как солнце из-за туч, мы увидим, что и в нашей стране продолжается течение истории, что и там на нее можно влиять, что и у нас есть будущее. ■

ной, так и демократической направленности, я испортил личные отношения как с демократами, так и с авторитаристами, и обе стороны заклеймили меня как человека беспринципного, пытающегося усидеть на двух стульях.

Я глубоко сожалею обо всем этом еще и потому, что как среди верующих почвенников, так и среди либерально мыслящих деятелей западнического толка — немало исключительно талантливых, умных и добрых людей, в сталинские времена, например, как авторитаристы, так и демократы преспокойно заполняли бы одни и те же камеры Лубянки, будучи обвиненными либо в великодержавном шовинизме, либо в безродном космополитизме, и в этих самых камерах они бы, я думаю, легко находили общий язык, а сейчас мы выбрали свободу, Лубянка представляется нам далеким кошмаром, и в результате мы пытаемся расцарапать друг другу физиономии, чтобы доказать, кто из нас более красный внутри.

Авторитаристам я бы посоветовал не путать родину с начальством, а самому главному из них хотелось бы напомнить, что "чаша ярости", будучи наполнена "яростным вином греха" (названия последних книг Владимира Максимова), превращается в булыжник — орудие пролетариата, и вообще, не слишком ли много ярости для одного православного христианина? .

Заготовлена у меня колкость и для демократов. Демократы очень любят повторять слова Чаадаева: "Истина дороже родины", и еще: "Лучше ненавидеть Россию, чем лгать ей!", причем последний тезис весьма напоминает мне давние лагерные разговоры с особо опасным рецидивистом Алямовым, который любил повторять:

— Лучше уж жить с козой, чем с нарядчиком Федькой Мамченко...

Мне же, надо сказать, оба варианта, и с Федькой, и с козой, представлялись кошмарными...

И вообще, между чумой и холерой не выбирают.

... В письмах из Советского Союза знакомые часто спрашивают меня:

— Почему вы ссоритесь? Почему не дружите? Чего не поделили?..

С философской точки зрения все понятно. Дома мы воевали с начальством и были сплоченными, как подпольщики. Нас сплачивали общие тяготы, общая бедность, общая жажда духовного раскрепощения. Мы обменивались намеками, кодовыми сигналами и понимали друг друга с полуслова. Это было единение конспираторов, зеков, рабов.

А сейчас мы в Америке, начальство отсутствует, инерция же неутихающей битвы — жива, поэтому мы воюем друг с другом.

Угнетение — сплачивает, свобода — разъединяет. независимость — тем более. Так что наши междоусобицы — естественны. Хоть и не очень-то приятно быть побежденными...

Я рассказываю о том, что происходит в так называемых литературных кругах. Если расспросить хорошенько наших бизнесменов, то услышим, я полагаю, массу куда более занимательных историй. В издательском мире тоже происходят свои мистерии, триллеры и леденящие кровь детективы.

Подводя итоги своей бесславно окончившейся газетной деятельности, я убеждаюсь, что мою неудачу определили три равнозначных фактора. Каждый из них я бы оценил в 33%, то есть на 33% виною случившегося была моя глупость, мои попытки хитрить, лавировать и приспосабливаться, на следующие 33% виновны объективные причины: сокращение эмиграции, ограниченность рынка, отсутствие значительного начального капитала, и, наконец, последняя треть вины ложится на русское общество, на абсолютную неподготовленность его к демократическим формам жизни.

Я с огорчением признаю, что потерпел неудачу, в русской прессе вновь установилась монополия, что представляется мне ужасным по причинам, которые для американцев в объяснениях не нуждаются.

Русские периодические издания фактически сосредоточены в одних руках, рядовые авторы попадают в систему изощренных зависимостей, которым не только тягостно подчиняться, но в которых еще и нелегко ориентироваться. Лишь немногие позволяют себе игнорировать монополизированную систему и развиваться независимо, как это делает, например, издательство "Ардис", которое не является русским учреждением, и во главе которого стоит опытный, сильный человек, и к тому же — американский профессор.

Из русских издателей и авторов преодолеть такого рода зависимость решаются только бесстрашные люди с обостренным чувством собственного достоинства.

Нелояльные по отношению к монополиии авторы становятся изгоями, что очень напоминает тайные списки неугодных писателей, рассылаемые по советским редакциям, их книги не рецензируются, их фамилии вычеркиваются из рекламных объявлений, то есть авторы перестают существовать.

Парадокс моей личной судьбы заключается в том, что за четыре года в Америке мои отношения с братьями по эмиграции стано-

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Кн. Евгений Трубецкой "ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА"

В издательстве "Чалидзе-пресс" была переиздана книга русского религиозного философа, правоведа и политического деятеля Евгения Николаевича Трубецкого "Энциклопедия права", которая представляет собой опыт христианской философии права.

Князь Евгений Трубецкой, вместе со своим братом кн. Сергеем Трубецким, также известным философом и общественным деятелем, были ближайшими друзьями Владимира Соловьева. Евгений Трубецкой находился долгое время под его сильным влиянием. В 1913 году он издал книгу "Миросозерцание Владимира Соловьева", которая по сей день является самым полным исследованием на эту тему.

Юрист по образованию, православный христианин по вере и сознанию, Трубецкой затратил несколько лет на изучение политической философии западного христианства. Данью этим занятиям и является книга по философии права — "Энциклопедия права", вышедшая в Киеве в 1901 году и ставшая библиографической редкостью. С 1906 по 1910 г. Трубецкой издавал также общественно-политический журнал "Московский еженедельник", в котором регулярно печатались будущие авторы "Вех" и в котором их направление нашло постоянное публицистическое выражение. Трубецкой также стоял во главе основанной им партии Мирного Обновления, которая выдвигала программу умеренных реформ и искала средний путь, приемлемый и для монархических кругов, и для либеральной интеллигенции. В 1911 году Трубецкой стал одним из организаторов первого свободного религиозно-философского издательства "Путь", которое издавало Бердяева, Булгакова, Флоренского и других религиозных мыслителей, в котором и сам Трубецкой издал свою критику кантианства "Метафизические предположения познания" — опыт православной гносеологии.

Революционная катастрофа еще более углубила религиозное мировоззрение Трубецкого, что выразилось в его последней философской книге "Смысл жизни". Умер Евгений Николаевич Трубецкой 23 января 1920 года скоропостижно от тифа в Крыму, отступая вместе с Белой армией.

"Энциклопедия права" особо актуальна для нас не только потому, что советский человек живет в атмосфере бесправия и нуждается в том, чтобы осмыслить сам институт права, но и потому, что Трубецкой связывает право с религией и дает ему христианское обоснование.

Объясняя происхождение права, Трубецкой показывает, что в его основе лежит вечный, незыблемый божественный порядок, который господствует в человеческих отношениях так же, как и во всем мироздании. Права, которые человек отвоевывает для себя в ходе истории, опираются на вечные законы и вечные истины о человеке, существующие независимо от нашего сознания, подобно законам физики или химии.

Для Трубецкого подобное же отношение между незыблемым, недвижным законом и беспрерывно движущимся человеческим сознанием возможно и в сфере нравственной: признание вечного закона добра вполне совмещается с признанием динамизма и развития несовершенных человеческих понятий о добре.

Одной из универсальных основ права, согласно Трубецкому, является человеческая солидарность. Право — это общественный институт, как и человек есть общественное существо, которое не может существовать в одиночку, вне общества. Право — это необходимое условие всякого организованного общества, которое связует множество лиц в единое целое. Не будь права, не было бы цивилизации. Без права человек пребывал бы в состоянии беспомощности, одиночества, борьбы против всех и каждого.

Вне солидарности невозможно право, а сама солидарность есть социальное выражение Божественной любви, которая лежит в основе миротворения.

Трубецкой пишет, что в любви раскрывается смысл жизни, поскольку одна любовь способна приподнять каждого из нас над нашим индивидуальным ничтожеством и приобщить к вечным целям человечества, одна только любовь торжествует над смертью, ибо она приобщает нас к Богу, а через Него к вечности и бессмертию. Трубецкой говорит, что если мы сколько-нибудь углубимся в наше самосознание, то увидим, что не только наши нравственные суждения, но и вся наша жизнь покоится на предположении какого-то объективного, безусловного добра; более того, в этом предположении заключается весь смысл нашей жизни.

В нравственном мировоззрении всех народов в большей или меньшей степени выражается сознание одного и того же основного нравственного принципа: благо человека не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми. Именно этот принцип во всей своей полноте и широте воплощен в христианской заповеди ВСЕОБЩЕЙ человеческой любви, т.е. такой солидарности, которая единит весь человеческий род. В этом принципе выражается не преходящая точка зрения той или другой исторической эпохи, а вечный, непреложный закон добра, который остается истинным совершенно независимо от того, доросли или не доросли те или иные люди до его понимания.

Но что же такое право? Трубецкой определяет его прежде всего через свободу. Право покоится на свободе в двояком смысле: во-первых, как способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведение (свобода внутренняя), и, во-вторых, как возможность осуществлять этот выбор, действовать во вне каких-либо целей (свобода внешняя).

Эти два аспекта свободы составляют содержание права. Где нет внешней свободы, там нет и самого права. Лишенное внешней свободы существо (раб) есть вместе с тем и существо совершенно бесправное.

Основываясь на божественном законе, право требует, чтобы каждое отдельное лицо пользовалось необходимой для него внешней свободой.

Отдельному лицу должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимый с благом общества как целого. Право всегда должно проявляться как сила освобождающая: по-первых, оно всегда должно слу-

---

вятся все хуже, а контакты с американскими журналами, издательствами и частными людьми (при моем чудовищном английском) — все более тесными и плодотворными.

Парадокс заключается еще и в том, что убедить в чем бы то ни было мне гораздо проще нормального среднего доброжелательного американца, нежели соотечественника, располагающего жутким тоталитарным опытом, равным моему собственному опыту.

Парадокс заключается еще и в том, что опубликовать это мое выступление гораздо легче по-английски, нежели в оригинале. Сидящие в этом зале американцы не догадываются, что у них на глазах я совершаю бесстрашный диссидентский подвиг, ибо мое мизантропическое выступление, став достоянием русской общественности, надолго закроет мне дорогу в эмигрантскую периодику, разве что возникнет какой-то новый независимый и бесстрашный печатный орган, редактору которого я заранее обещаю до конца своих дней носить цветы на его могилу.

Однако я решился на это выступление, потому что если не говорить то, что думаешь, то уж лучше околевать в Советском Союзе, ведь единственной целью моей эмиграции была — свобода.

За четыре года в Америке я заметно поумнел, и уже не воспринимаю свободу как абсолютное и несомненное благо, но в то же время и одиночество уже не представляется мне абсолютным и несомненным злом, я обнаруживаю в нем преимущества не менее очевидные, чем издержки свободы, более того, мне все заметнее становится какая-то плодотворная связь между двумя вышеупомянутыми инстанциями — ОДИНОЧЕСТВОМ и СВОБОДОЙ, и я даже полагаю, что они могут оказаться всего лишь полустанками на пути к третьей и последней инстанции — МАСТЕРСТВУ.

СВОБОДА-ОДИНОЧЕСТВО-МАСТЕРСТВО — согласитесь, что есть в этом маршруте, в этом изнурительном марафоне какая-то захватывающая логика и цельность!

Тем не менее, если даже в идее свободы и заключен какой-то подвох, мы все равно будем хранить ее как мечту и надежду человечества!

Спасибо за внимание. ■

жить целям добра; во-вторых, его задача заключается в том, чтобы установить некую гармонию между внешней свободой индивида и благом общества как целого.

Всякое право заключает в себе элемент свободы. Но наряду с личным элементом свободы право заключает в себе и другой — общественный элемент — правило поведения людей и норму, ограничивающую свободу отдельного лица.

Поэтому Трубецкой определяет право как внешнюю свободу, одновременно предоставляемую и ограничиваемую нормой. С одной стороны, право как норма ограничивает свободу личности ради интересов общества; с другой стороны, оно гарантирует индивидуму известную область деятельности, на которую не должны посягать остальные члены общества. Стало быть, право может рассматриваться как совокупность форм, предоставляющих, но вместе с тем ограничивающих свободу личности, или как свобода, предоставленная и ограниченная нормами.

Безграничный произвол, как и отсутствие свободы, есть синоним отсутствия права; стало быть, норма, кладущая предел произволу или, что то же, ограничивающая внешнюю свободу одних лиц или институтов во имя внешней свободы других лиц или институтов, также является существенным признаком права.

Таковы основополагающие принципы права, из которых развивается вся общественная, правовая структура современных свободных государств. Учение русского религиозного мыслителя Евгения Трубецкого о праве как о свободе особенно важно для нас сейчас, когда движение за либерализацию, за освобождение выражается в Советском Союзе и в религиозных, и в правозащитных формах.

О.Аксенов Меерсон

ХРОНИКА

ОБ УВОЛЬНЕНИИ В.НЕКРАСОВА ИЗ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"

29 августа 1982 года в беседе с Виктором Некрасовым, заместителем главного редактора журнала "Континент", главный редактор журнала — Владимир Максимов — выразил удовольствие по поводу назначения бывшего члена редколлегии "Континента" американского журналиста Джоржа Бейли на пост директора радиостанции "Свобода" и пообещал в связи с этим назначением устроить на радиостанции чистку. Между прочим, Максимов высказал намерение произвести также некоторые изменения в парижском бюро Радиостанции и, в частности, уволить штатного сотрудника этого бюро, писателя Анатолия Гладилина. Некрасов попытался вступиться за Гладилина, после чего разговор был оборван, а Некрасов получил на бланке "Континента" письмо:

29.8.82

Уважаемый господин Некрасов!

Ваше дальнейшее сотрудничество с журналом "Континент" в любой форме мы, то есть редакция, считаем невозможным.

От имени редакции

/Подпись/ В.Максимов

Спустя три месяца В.Некрасов обратился к В.Максимову с заявлением, в котором потребовал убрать его фамилию с обложки "Континента", поскольку за прошедшее время Максимов не дал ему оснований считать вышеприведенное письмо недействительным.

23 декабря 1982 г. выходящая в Париже газета "Русская мысль" поместила на 15-й странице следующее сообщение "Континента":

"Начиная с №34 нашего журнала, писатель Некрасов сложил с себя обязанности заместителя редактора".

"ФОРУМ"

Вышли из печати два первых номера ежеквартального общественно-политического журнала "Форум".

"Форум" — журнал демократической ориентации. Демократическая концепция журнала означает неприятие существующего в СССР тоталитарного режима (равно как и других форм политической диктатуры), критическую оценку исторического прошлого Российской империи, поддержку движения за права человека, движения за право народов на самоопределение и независимое развитие.

В журнале есть постоянные тематические разделы. В первом номере "Форума" в разделе "Проблемы демократического движения" опубликованы ответы советских граждан на вопросы французского журнала "l'Altern; ative" о перспективах демократического движения в СССР, о влиянии польских событий на это движение. Среди отвечающих — рабочие и студенты, журналист, художник, философ, самиздатский журнал "Варианты". Здесь и люди, имеющие весьма отдаленное представление о движении, и те, кто непосредственно в этом движении участвует. Во втором номере журнала на вопросы "Форума" о трудностях и перспективах борьбы за демократизацию в СССР отвечают правозащитники Б. Вайль, П. Егидес, К. Любарский, С. Пирогов, В. Сорокин, Б. Шрагин. В этом же разделе помещена статья Л. Алексеевой "Встреча с президентом" — о приеме, данном президентом США Рональдом Рейганом в Белом доме для диссидентов из Советского Союза.

Один из постоянных разделов "Форума" называется "Архипелаг ГУЛаг сегодня". К.Любарский в статье "О структуре политических репрессий в СССР" (1 номер журнала) приводит результаты статистического анализа материалов "Списка политзаключенных СССР" за 1982 год. Эти результаты позволяют сделать интересные, порой неожиданные, выводы о том, какие формы оппозиции правящему режиму существуют сегодня в Советском Союзе.

Раздел "Польский опыт" содержит материалы дискуссии о путях выхода из кризиса, в которой участвуют руководители КОРа и подпольной "Солидарности" Я. Куронь, З. Ромашевский, З. Буяк, В. Кулерский, Б. Лис. Здесь же — интервью с представителями "Солидарности" на Западе.

Самый большой раздел журнала — "Национальные проблемы". "Форум" стремится дать русскоязычному читателю информацию о проблемах нерусских народов СССР, о насильственной русификации в республиках, о сопротивлении процессу ассимиляции народов в "единый советский народ", говорящий, впрочем, на русском языке. В первом номере опубликованы самиздатские материалы о событиях 1981 года в Грузии, исследования Всеволода Исаева "Миграция в города, общественные изменения и движение сопротивления на Украине" и статья И. Клейнера "Петлюра и евреи". Во втором номере напечатана работа В.Малинковича "Зигзаги национальной политики большевиков: Ленин и Сталин" (к 60-летию образования СССР). М.Кулмагамбетов в статье "К двухсотлетию "присоединения" Казахстана к России" рассказывает о фальсификации казахской истории. В выступлении Сильвы Капутикян на съезде писателей Армении (материал попал в Самиздат без ведома автора) звучит искренняя тревога за судьбу армянского языка в советской Армении. Очерк об украинском правозащитнике, враче Николае Плахотнюке (почти 10 лет проведшем в психбольницах и в прошлом году вновь арестованном по указке КГБ) знакомит читателя с событиями середины 60-х годов на Украине, с движением за возрождение украинской национальной культуры, которое сегодня называют "движением шестидесятников".

В первых двух номерах журнала, в разделе "Религия, философия, этика", публикуются пять малоизвестных "Философических писем" Чаадаева (письма 2-5 и 8, которые впервые были напечатаны в журнале "Литературное наследство" за 1935 год, ныне ставшем библиографической редкостью). Во втором номере свящ. Аксенов Меерсон рассказывает об особенностях религиозной мысли Петра Чаадаева — выдающегося русского философа.

Семен Глузман в философском эссе "В мире Филофея" (№ 2) рассматривает идею Москвы как Третьего Рима в качестве основополагающей идеи русского мессианизма и российского империализма. Этой же теме посвящен очерк Марка Алданова, одного из крупнейших писателей первой русской эмиграции, "Третий Рим и третий Интернационал".

В первых номерах журнала, в разделе "Труд — рабочее движение — проблемы самоуправления" печатается энциклика папы Иоанна-Павла II "О труде человека", в которой выражено современное отношение Католической Церкви к труду, вопросам производственных отношений и правам трудящихся. В "Форуме" № 1 помещена статья В.Белоцерковского "Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов", во втором номере — Проект закона об органах рабочего самоуправления, предложенный на рассмотрение Сейма польским свободным профсоюзом "Солидарность".

Завершают первый номер "Форума" письмо А.Солженицына президенту США Рейгану и полемические заметки К.Любарского в связи с этим письмом, а также Открытое письмо московских диссидентов редколлегии журнала "Континент" с обвинением "Континента" в забвении принципов, на которых строились отношения между правозащитниками и либеральной интеллигенцией в Советском Союзе. Второй номер "Форума" заканчивается публикацией письма американского генерала М.Тейлора — весьма спорного документа, вызвавшего много откликов в советской и русской эмигрантской прессе.

"Форум" — журнал "толстый" как по количеству страниц (240), так и по объему публикуемого материала. Редактирует журнал Владимир Малинкович.

С.Д.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: П.Егидес, П.Литвинов, К.Любарский, Михайло Михайлов, А.Синявский, Б.Шрагин **(ответственный за выпуск номера)**, Е.Эткинд.

Переписка по адресу: 8, rue Boris Vilde, 92260 Fontenay-aux-Roses, France.

Справки по телефону: (331) 207-59-62

Представитель в Германии: Nikolay Dragosch, Adalbert-Stifter-Str, 43. 6457 Maintal 2,BDR

❖

ЖУРнал-ГАЗета выпускается на личные средства членов редколлегии и поддерживающих это издание лиц.

18 fr.

LA TRIBUNE

ТРИБУНА

ЖУРнал-ГАЗета
№ 2
апрель 1983

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ СТАЛИНА...

Д. Сеземан

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА СТАЛИНИЗМА

"Но, признайтесь: в Советском Союзе теперь все-таки жизнь гораздо легче и лучше, чем в эпоху сталинизма, правда ведь?" Причины так думать у нас были, и всем известные события 1953 года и последующих лет подогревали в нас иллюзии.

Попробуем, однако, взглянуть на события с точки зрения историка, хоть бы 2000-ного года. Не станет ли нам ясно, что не *сталинизм* (как очень правильно замечают такие разные французские авторы, как Жан-Франсуа Кан и Эдгар Морен) порожден Сталиным, а, напротив, Сталин явился наиболее подходящей личностью для доведения до логического завершения того "аппаратного коммунизма", который определяет собой строй, существовавший (и существующий) в Советском Союзе — до Сталина, во время Сталина и после Сталина.

Я употребляю термин "аппаратный коммунизм", оставляя в стороне вопрос о том, может ли быть какой-нибудь другой коммунизм. Это относится к области гипотез или утопии и для историка — интереса не представляет.

Сталинизм как был, так и остался системой, основанной на аппарате партии, единственно обладающим общественной и исторической истиной, и не допускающей даже малейшего сомнения в законности такой монополии.

Как прежде, так и теперь, сталинизм беспощадно истребляет всякий росток политической или культурной независимости, возникающий в индивидуальном, а тем паче, коллективном сознании. Надо ли приводить примеры отечественного диссидентства, Чехословакии, Польши?

Как прежде, так и теперь, давно умершая идеология лишь прикрывает (но уже не может скрыть) того факта, что интересы "аппарата" — единственный двигатель советской машины, внутри страны и всюду, где только осуществляется ее власть — будь то в соцстранах, в компартиях других стран, на Кубе, в Эфиопии, в Анголе, в Никарагуа и т.д.

Можно возразить, что при всем при том нет всепоглощающего кровавого террора, характерного для сталинизма, так сказать, в чистом виде. Однако, весь *аппарат террора как был, так и остался на месте, и может в любую минуту (особенно с тех пор, как его непосредственный начальник стал хозяином страны) вступить в* действие. Существенно то, что по-прежнему нет никакой общественной, демократической структуры, могущей воспротивиться очередной кровавой бане.

И пусть нам не говорят о сдерживающем влиянии западного общественного мнения — знаете, знаменитая формула: "Запад не допустит". При Хрущеве потопили в крови Венгерскую революцию: Запад пошумел и успокоился. При Брежневе раздавили Пражскую весну: Запад поворчал и забыл. При Андропове убивают — в который уже раз — польскую свободу. И что?

Что ни говорите, а у сталинизма богатое прошлое, но и, боюсь, многообещающее будущее. ■

Будапешт. 1956 г.

И.Голомшток

СТОПУДОВЫЙ ШАГАЕТ ПАМЯТНИК

"Если величие человека определяется его влиянием на жизнь страны и внешнего мира, — пишет профессор Леонард Шапиро, — то Сталин столь же велик, как и Гитлер"[1]. Но если это величие измерять километрами холстов, мегатоннами бронзы и мрамора, затраченными на его прославление, то Гитлер менее велик, чем Сталин.

Оба эти диктатора превратили искусство своих режимов в средство самопрославления, оба они (Гитлер самолично, а Сталин устами своих подручных Жданова, Щербакова, А. Герасимова) требовали от искусства быть орудием воспитания масс, служения народу, ковки "нового человека". И тот, и другой рассматривали весь "модернизм" (начиная от импрессионизма) как продукт "дегенерации" или "маразма и разложения": А. Розенберг "модернизм" называл "культурбольшевизмом", а А. Герасимов — "фашистским охвостьем". По существу они были согласны, но расходились в вопросах терминологии. "Не без основания национал-социализм усматривает в абстрактном искусстве элемент разложения", — соглашается с Розенбергом советский критик в журнале "Искусство" за 1934 год, но дальше он разражается благородным негодованием: "Однако беспардонной и отвратительной демагогией следует считать квалификацию декадентского продукта буржуазного распада как "культурный большевизм" "[2].

И Страна Победившего Социализма, и Третий Рейх достигли невиданных в истории человечества вершин духа и про-

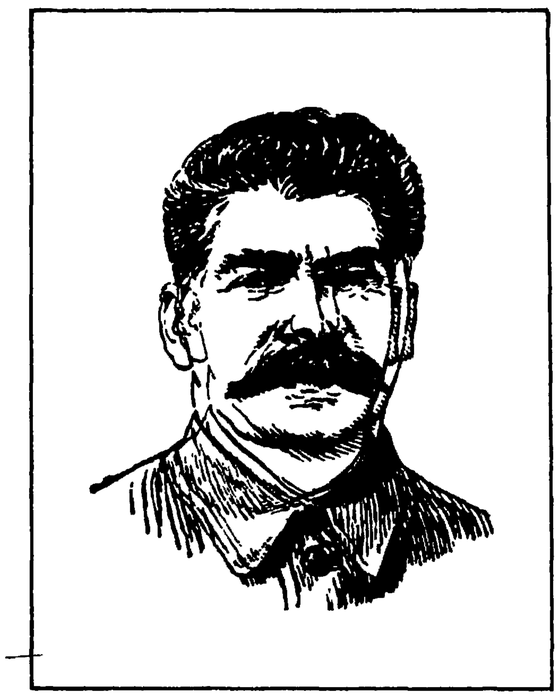
...ПО СТАЛИНСКОМУ ПУТИ

ИЗ БЕСЕД С АМЕРИКАНСКИМИ УЧЕНЫМИ

"Вклад Сталина заключался в том, что он не только усилил, но и довел до крайности определенные тенденции, заложенные в советской системе, — то понимание мира, которое ей свойственно, те методы обращения с этим миром, которые для нее органичны. Сталинская внешняя политика была оборонительно-наступательной. Постоянно ощущая себя в окружении врагов, Сталин жил в страхе, но его способ справляться с этим страхом, защищать себя заключался в том, чтобы нападать первым, чтобы наступать. Личная подозрительность Сталина легла в основу советской внешней политики. Она тоже строится на подозрительности. Сталин был беспощаден к своим врагам. И советская внешняя политика тоже стала беспощадной. Можно найти параллели между тем, как Сталин обошелся со своими внутрипартийными противниками Троцким, Бухариным и другими, и его тактикой на международной арене. Он разделял врагов, чтобы расправляться с ними поодиночке. Точно также он пытался разделить и западные державы, которых воспринимал как врагов. Ложные страхи Сталина воплощались в реальность. Его склонность видеть повсюду врагов рождала действительных врагов даже там, где их на самом деле не было. Поддаваясь самообману, он порождал нежелательные для него самого ответные реакции. Я думаю, например, что после Второй мировой войны Сталин искренне хотел сохранить хорошие отношения с Западом. Это было ему выгодно. Но Сталин повел себя слишком нагло в своих претензиях к Западу и тем самым внушил своим бывшим союзникам тревогу, которой у них прежде не было. И после этого уже никакие попытки внушить доверие успеха не имели. Эта внутренняя ущербность политического поведения присуща, по-моему, и Сталину лично, и, тем более, фундаментальным структурным особенностям, которые отличают советскую систему".

Уильям Таубман.

"Официальная история советской России, как она писалась в сталинское время и нашла свое окончательное, полное выражение в "Кратком курсе истории ВКП (б)", — как я это понимаю, — отражала вожделения самого Сталина. Это была история, как он хотел ее видеть. Моя главная идея заключается в том, что Сталин был тяжелым невротиком, а невротические личности испытывают безудержное стремление к самоидеализации. Сталин жаждал идеализировать историю, поскольку он в ней участвовал. Поэтому в культе личности Сталина мы находим идеализированную картину всех событий с тех пор, как он достиг власти. В этой картине коллективизация была добровольной, а Сталин выглядит мудрым вождем, который заботится о своих подданных, как садовник о растениях в своем саду. Мы получаем портрет Сталина, на котором он выглядит великим теоретиком, величайшим из марксистов, создавшим главу "Краткого курса" "О диалектическом и историческом материализме". Для меня этот факт представляет исключительную историческую важность, поскольку он позволяет нам узнать, во что хотел верить сам Сталин, во что он действительно верил. И мы можем объяснить многие его действия стремлением заставить других лю-



цветания, и действительность, там и здесь, стала столь прекрасной, что уже не нуждалась ни в какой художественной интерпретации: теория "тождества прекрасного в искусстве и жизни" легла в фундамент эстетики обоих режимов и всякое отступление от нее на практике, всякое нарушение принципов "реализма" рассматривалось как искажение советской или нацистской действительности и, следовательно, как преступление перед человечеством. "Среди картин на этой выставке есть много таких, которые заставляют поверить, что имеются еще люди, которые в сегодняшних представителях нашего народа видят только дегенеративных кретинов, которые воспринимают поля голубыми, небо зеленым, а облака серно-желтыми"[3]. Такое заявление сделал Гитлер в 1937 году на открытии мюнхенской выставки "Дегенеративного искусства", и эти слова немецкого фюрера вполне мог бы повторить Жданов на открытии любого съезда советских художников или писателей. И в соответствии с этой идеологической установкой все деятели обоих режимов требовали от искусства тесной связи со счастливой народной жизнью и ее правдивого отображения простым языком, понятным "самим широким народным массам" (по Ленину) или "самому необразованному штурмовику" (по Геббельсу). В результате при Сталине и при Гитлере был создан в искусстве стиль, который с полным основанием можно определить как интернациональный стиль тоталитарного реализма XX века: советский социалистический реализм и немецкое искусство национал-социализма выступают в нем как близнецы-братья.

В визуальном тождестве этих близнецов нетрудно убедиться, если пролистать нацистский журнал "Искусство Третьего Рейха" за 1937-43 годы и орган Союза советских художников журнал "Искусство" хотя бы за тот же период. Но за этим удивительным сходством стоит еще более удивительная неразличимость художественного мышления, уже переставшего быть художественным.

Общность эта обнаружилась еще при первой встрече советского и нацистского искусства, которая произошла в 1937 году на Всемирной парижской выставке. Здесь, в центре Парижа, прямо перед Эйфелевой башней, стояли, в частности, друг против друга павильон Советской России с монументом "Рабочий и колхозница" В. Мухиной на нем и павильон нацистской Германии с огромной скульптурой "Товарищество" Й. Тораха. Автор немецкого павильона Альберт Шпеер, тогда — придворный архитектор Гитлера, а впоследствии министр вооружения Третьего Рейха и один из главных персонажей Нюрнбергского процесса, в своих мемуарах пишет о том, как возникла у него архитектурная идея этого сооружения: "Павильон советской России и Германии были расположены прямо друг против друга: французские директора нарочно запланировали такое противопоставление. Во время посещения Парижа мне удалось проникнуть в помещение, где хранились секретные проекты советского павильона. Две огромные скульптуры (т.е. "Рабочий и колхозница") тридцати трех футов высоты, стоявшие на высоком пьедестале, стремительно неслись прямо на немецкий павильон. Поэтому свой павильон я спроектировал в виде кубического объема на прочных опорах, который должен был сдерживать этот натиск. Кроме того, с высоты

дей видеть события в том же свете, в каком он их видел сам.

Марксизм отрицает культ личности. Осуждал его и сам Маркс. Забавно, что даже и Сталину случалось осуждать культ личности, поскольку он рассуждал как марксист. Но я думаю, что в самом марксизме, даже до его советского периода, можно наблюдать явления, очень близкие к культу личности. История марксизма знает не только политических лидеров; эти лидеры легко превратились в верховных жрецов, в непогрешимых пророков. Если присмотреться внимательней, то и в самом Марксе, как он воспринимался его приверженцами, было нечто сверхчеловеческое. То же можно сказать и о Ленине, о его положении в партии, хотя лично он, по-видимому, был человеком скромным. Все это достигло при Сталине чудовищных пропорций. Сталин довел до крайности культ Ленина, чтобы затем подменить его собственным культом".

Адам Улам.

"Сталинское "мирное наступление" было вынужденной реакцией на ту волну враждебности, которую он сам же и вызвал в результате блокады Берлина, например, или коммунистического переворота в Чехословакии и распространения советского контроля на эту страну. Все это приостановило демобилизацию Запада после войны, повело к сплочению союзников, способствовало формированию Атлантического союза. Сталин, вероятно, понял тогда, что зашел слишком далеко, и начал предпринимать шаги, чтобы выправить положение. Это, по-моему, очевидно из материалов XIX съезда, который состоялся в 1952-м году. Но еще до этого, после смерти Жданова в 1948 году, обнаруживаются попытки Советского Союза изменить атмосферу отношений с Западом, — этого Сталин пытался достичь разными способами. И одним из них была организация "движения за мир". Сталин и его окружение видели в борьбе за мир общечеловеческую проблему, выдвижение которой позволит им привлечь на свою сторону не одних только коммунистов. Они рассчитывали, что, возбудив западное общественное мнение против укрепления обороноспособности Запада, им удастся ослабить Запад. И действительно, под тогдашним Стокгольмским воззванием подписалось очень много людей. Однако, другие события того же времени, —такие, например, как организация Коминформа или явно инспирированные стачки, подготовленные французскими и итальянскими коммунистами и отличавшиеся множеством насилий, — вызвали сомнения в искренности сталинских намерений. Все это в конечном счете свело к нулю сталинские попытки перетянуть западное общественное мнение на свою сторону и подорвало движение за мир 40-х — 50-х годов".

Маршалл Шульман

"Влияния Сталина на историю глобальны. Особенности его личности с большим трудом поддаются определению прежде всего потому, что он был необычайно молчалив, а во-вторых, потому, что он был великим актером. Эта последняя его черта отмечается многими биографами Сталина. Они отмечают удивительную способность Сталина выглядеть так, каким его хотел бы видеть его собеседник. Но, вопреки всему этому притворству, я думаю, мы должны видеть в Сталине величайшего преступника истории, криминального гения. В то же время приходится признать в нем и политический гений. К каким бы уголовным методам он ни прибегал, он умел маневрировать и политически, когда этого требовало удовлетворение его безудержных амбиций. Это хорошо видно в действиях Сталина на арене международной политики. Он, конечно, был лишен возможности расстрелять Черчилля или Рузвельта. Тем не менее он их блестяще обыграл. Таким образом, мы обнаруживаем в Сталине, помимо преступной воли, невероятной жестокости и презрения к морали, и политическую проницательность, и политический талант. Сомневаться в этом — значило бы недооценивать Сталина".

Стивен Бланк.

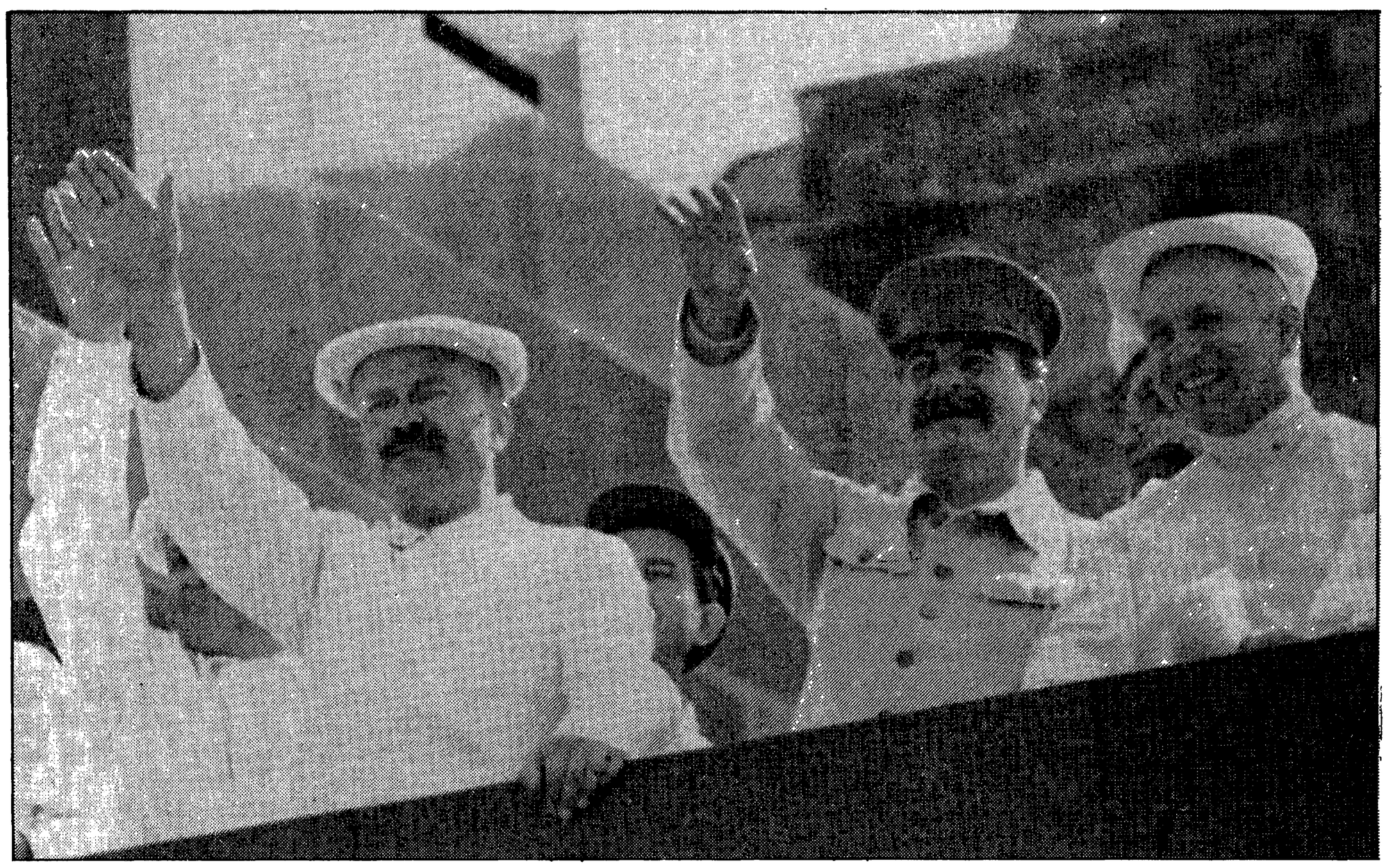
Рисунки В. Бахчаняна.

его карниза, сверху вниз, взирал на эти русские скульптуры огромный орел, сжимавший в когтях нацистскую свастику"[4]. Свой замысел Шпеер подчеркнул и скульптурным оформлением павильона: прямо перед ним, лицом к "Рабочему и колхознице", противостоя напору серпа и молота, стояли две гигантские реалистические фигуры взявшихся за руки юношей. "Стоящие рядом друг с другом полные сил могучие фигуры... объединенные общей направленностью воли, уверенные в себе и уверенные в победе... в мощном и едином порыве устремлены вперед... пафос, героика, которой проникнуты статуи, — это тот пафос и героика, которой полна наша эпоха строительства и борьбы", — эти отрывки из описаний советского и нацистского памятников взяты наудачу из журналов "Искусство Третьего Рейха" и "Искусство" и вполне взаимозаменяемы.

Гитлер, сам неудавшийся художник ("Если бы не война, я стал бы архитектором — великим, как Микельанджело"), с беспокойством следил за успехами сталинской архитектуры. Его, в частности, тревожили перспективы осуществления проекта Дворца Советов, который должен был превзойти по высоте все существующие сооружения в мире. Поэтому Дом Нацизма в Берлине должен был по проекту Шпеера превзойти все сооружения мира диаметром своего купола. Сталин тоже был небезразличен к архитектурным замыслам своего коллеги. Как вспоминает Шпеер, в октябре 1939 года, когда дружба фюрера и вождя достигла своего апогея, в Кремле по инициативе лично товарища Сталина был устроен закрытый просмотр немецких архитектурных проектов. И хотя подозрительный Гитлер приказал наиболее значительные из них оставить в Берлине, "чтобы не давать Сталину никаких идей", "советник немецкого посольства в Москве Шнурре, — пишет Шпеер, — информировал меня, что Сталину понравились мои проекты"[5].

Реализм, оптимизм и гигантомания — три кита, на которых держалось здание сталинского и гитлеровского искусства. Оба диктатора стремились увековечить средствами искусства могущество своих режимов, с которыми они целиком отождествляли собственное величие. Парадными портретами фюрера и вождя, гигантскими полотнами их героической борьбы и ликующими сценами счастливой жизни трудящихся под их мудрым руководством открывались все художественные выставки в Германии и России, репродукции с них печатались на обложках всех журналов по искусству и украшали сцены официальных учреждений и частных жилищ. Советские художники изображали "мудрого кормчего" у штурвала государственного корабля, немецкие мастера писали "спасителя Германии" в средневековых латах и на коне, те и другие запечатлевали их облик в камне, металле и дереве, стремясь перещеголять друг друга масштабами собственной верноподданности. В этом соревновании победу одержал Сталин. О таких циклопических монументах, как скульптуры на Волго-Донском канале или как музей-памятник Сталину в Ереване, Гитлер мог только мечтать.

Впоследствии борцы с "культом личности" затратили немало миллионов народных средств, чтобы взорвать и смести с лица земли эти изваяния. И это жаль — с ними история тоталитарного реализма лишилась своих самых чистых и высоких образцов. ■



Общемосковский парад физкультурников. 6-го июля 1936 г. Тт. Молотов, Сталин и Хрущев на трибуне Мавзолея.

(Из семейного альбома ЦК КПСС).

"Принципы большевизма были сердцем большевистской партии с момента ее возникновения, с 1903 года. Они выражаются в идее демократического централизма, согласно которой оппозиция не допускается с того момента,когда партия одобрила определенную линию. Некоторые считают, что Ленин приложил марксизм к русским условиям, что он разработал марксистскую политическую тактику, которая была необходима в России. Но, по моему мнению, основные предпосылки ленинской философии, даже его понимание природы человека, были совсем иными, чем у Маркса. Ленин не верил, как это утверждал марксизм, что пролетарская революция исторически неизбежна. Именно поэтому он счел необходимым создать партию профессиональных революционеров, скованных жесткой дисциплиной. Я думаю, что Ленин мыслил не в духе Маркса, а в заговорщической традиции русских революционеров 60-х и 70-х годов XIX века. Это не Маркс, а народовольцы думали, что не следует полагаться на движение масс, если не подготовлен захват власти заговорщической элитой от имени этих масс.

Я думаю, что Сталин сумел изобразить себя как воплощение этого организационного принципа ленинизма и использовать это в интересах закрепления своей личной власти. На протяжении 20-х годов, пока велась борьба с оппозицией, Сталин воспринимался как символ ленинизма. И только таким путем он смог обеспечить себе поддержку партийного аппарата. В каком-то смысле Сталин был больше "ленинцем", чем сам Ленин. Именно Сталин довел принцип централизма до логического конца, не только подменив пролетариат партией, но и саму партию подменив ее аппаратом, а затем сам аппарат — личной диктатурой вождя.

После разгрома оппозиционных групп и последней из них — "правой оппозиции" в 1929 году — личные особенности Сталина, его личные импульсы стали играть несравненно более существенную роль. С этого времени мы имеем все основания говорить о личной роли Сталина в определении того направления, в котором предстояло развиваться советскому режиму. И я оставляю на личной ответственности Сталина такие аспекты советской истории, как насильственные методы коллективизации, "чистки" 30-х годов, чудовищное расширение ГУЛага, установление жесткого контроля над культурой, контрреволюционный характер советской политики в области искусства и, наконец, великорусский шовинизм, тенденции к русификации нерусских народов Советского Союза".

Роберт Даниэлс.

"Система Сталина осталась. Конечно, такого террора, какой был при Сталине, сейчас не существует. Но машина террора все еще сохраняется и ее в любой момент могут пустить в действие. Остались колхозы. Осталось все, что Сталин создал: Главлит, ГУЛаг, номенклатура. Этой системе уже 50 лет и во внутренней жизни она — такая же, какой была. Что же касается внешней политики, то, я бы сказал, Сталин был более осторожен, чем его наследники. Он доверял только собственным силам, собственным войскам, собственному МГБ. Конечно, Сталин хотел захватить все, что возможно. Однако он мало верил и коммунистам за границей, и "буржуазным попутчикам". Я не думаю, чтобы Сталин послал советские войска на Ближний Восток, в Африку или в Афганистан. Хрущев хотел вернуться к политике ранних лет советской власти, возродить энтузиазм революции. Он верил до некоторой степени в реальную возможность всемирной революции, чего, конечно, Сталин не делал. Брежнев такой веры не имел, но машина уже была пущена в ход и разные силы — армия, например, — были заинтересованы в том, чтобы остаться за границей. Но мне не представляется это очень уж мудрым. Советская экономика слишком слаба, чтобы поддерживать империалистическую внешнюю политику. Западный империализм XIX века опирался на очень богатые экономические ресурсы — Англия, например, или Франция. А советский империализм — какой-то скудный. Сталин старался раздвинуть границы своего государства, но ему не приходило в голову прыгать на другие континенты. Стратегия у наследников Сталина — та же самая, что и у него самого, но тактика переменилась. Советский империализм, конечно, опасен для нас всех, но, если стать на точку зрения советских руководителей, то, по-моему, ясно, что они делают глупости".

Ричард Пайпс.

Стивен Бланк — *профессор истории университета в Сан-Антонио, штат Техас; работает над книгой о наркомате национальностей, который создал и возглавлял Сталин.*

•

Роберт Даниэлс — *профессор истории университета штата Вермонт; автор книги "Совесть революции. Коммунистическая оппозиция в советской России".*

•

Ричард Пайпс — *профессор истории Гарвардского университета; бывший консультант по советским проблемам при Совете национальной безопасности в администрации президента Рональда Рейгана; автор книги "Формирование Советского Союза" и других работ.*

•

Роберт Таккер — *профессор истории Принстонского университета; автор книги "Сталин как революционер"; сейчас продолжает работать над биографией Сталина.*

•

Уильям Таубман — *профессор политологии Амхерст колледжа; автор книги "Американская политика Сталина".*

•

Маршалл Шульман — *профессор политологии Колумбийского университета; директор Института исследований Советского Союза Аверелла Гарримана при Колумбийском университете; бывший консультант по советским делам при Государственном департаменте в администрации президента Джимми Картера; автор книги "Сталинская внешняя политика — в переоценке".*

•

Адам Улам — *профессор истории Гарвардского университета; директор Русского исследовательского центра при Гарвардском университете; автор книги "Сталин" и других работ.*

Беседы записал и перевел с английского — Борис Шрагин.

Ефим ЭТКИНД

ЖДАНОВЩИНА

(К 30-летию смерти Сталина и 35-летию смерти Жданова)

Характерное порождение сталинского режима — ждановщина. Казалось бы, давно это было: Первый съезд писателей — 1934 год, полвека назад. Дело Ахматовой и Зощенко — 1946 год, тому почти четыре десятилетия. Можно бы и забыть. Нет, забыть нельзя. Прежде всего, советский режим от Андрея Александровича Жданова не отказался и отказываться не собирается. Ленинградский университет, один из великих университетов мира, носит имя Андрея Жданова — *ЛГУ им. Жданова*. Подумать только, университет Менделеева и Веселовского, Жирмунского и Ухтомского, Тарле и Г.А. Гуковского, Л.С. Берга и Б.М. Эйхенбаума назван именем не слишком грамотного погромщика, того самого заплечных дел мастера, который совершал публичные казни писателей, музыкантов, режиссеров и который ничуть не скрывал своего пристрастия к партийному террору.

Первое появление перед интеллигенцией А. Жданова как глашатая сталинской диктатуры имело место 17 августа 1934 года на открытии съезда писателей. Сначала на трибуну вышел Горький, торжественно провозгласивший: "Мы выступаем в стране, освещенной гением Вл. И. Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина". Эти слова классика пролетарской литературы были, как сообщает стенограмма, покрыты "бурными, продолжительными аплодисментами". Потом выступил Николай Тихонов, предложивший избрать почетный президиум съезда — политбюро во главе со Сталиным, — тут уж бурные аплодисменты перешли в овацию и весь зал встал. И вот первым "от ЦК ВКП (б) и СНК СССР слово имеет тов. Жданов", встреченный опять же "бурными..."

Цитировать речь Жданова тягостно, горько, мучительно стыдно. Сегодня любая, даже самая точная, даже голосом Юрия Левитана произнесенная цитата поневоле оказывается призывом против того режима, верным сыном которого был и остается Жданов. Все же — вот несколько цитат.

Первая: "Ваш съезд собирается в период, когда под руководством коммунистической партии, под гениальным водительством нашего великого вождя и учителя товарища Сталина *(бурные аплодисменты)* бесповоротно победил в нашей стране социалистический уклад".

Вторая: "Товарищ Сталин на XVII съезде партии дал непревзойденный, гениальный анализ наших побед и их условий... Тов. Сталин дал исчерпывающий анализ отсталых участков... Тов. Сталин до конца вскрыл корни наших трудностей и недостатков... Партия под водительством тов. Сталина организует массы на борьбу за окончательную ликвидацию капиталистических элементов... Мы имеем в наших руках верное оружие для преодоления всех трудностей, которые стоят на нашем пути. Этим оружием является воплощаемое в жизнь нашей партией и советами великое и непобедимое учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

Великое знамя Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина победило..."

Третья: "Для упадка и загнивания буржуазной культуры характерен разгул мистицизма, поповщины, увлечение порнографией. Знатными людьми буржуазной литературы — той литературы, которая продала свое перо капиталу — являются сейчас воры, сыщики, проститутки, хулиганы... Не то у нас. Наш советский писатель черпает материал для своих художественных произведений, тематику, образы, художественное слово и речь из жизни и опыта людей Днепростроя, Магнитостроя... Наша литература насыщена энтузиазмом и героикой..."

Вот и весь нехитрый арсенал Жданова: Сталин — великий гений всех времен, буржуазная литература — болото преступлений и порнографии, наша — энтузиазм и героика. И ведь сидели в зале шестьсот делегатов, слушали это и даже — даже хотели верить. И еще сидели тут же знаменитые иностранцы: Рафаэль Альберти, Луи Арагон, Андре Мальро, Мартин Андерсен Нексе, Витезслав Незвал и еще около сорока иностранных гостей. И хоть бы один из них вскочил и заорал: не издевайтесь над русской литературой, над литературой Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова... Не думайте, что можно безнаказанно лгать... Вы — злодей и демагог...

Нет, этого не сказал никто. Как загипнотизированные, сидели в зале Мальро и Незвал, и не только сидели, но и произносили речи, — правда, робко пытаясь настаивать на необходимости свободы творческих изобретений. Но что говорили советские делегаты! Каждый из них старался переплюнуть Жданова.

В докладе о белорусской литературе (М. Климковича) утверждалось: "Стальная фигура всемирной пролетарской революции, организатор побед пролетариата, полководец ленинской гвардии и всего трудящегося человечества, — товарищ Сталин показал и показывает пути развития всей советской литературы"; доярка Лазарева считает его лучшим из дояров: "Да здравствует наш первый и лучший ударник, наш учитель и вождь...", — провозглашает она; писатель Леонид Леонов призывает своих собратьев сделать все, чтобы иметь "основание сказать, что мы достойны быть современниками Сталина"; критик Исай Лежнев пускается в изящные перифразы — для него "в этом диагнозе (неважно, в каком) как в тысяче других проявлений, товарищ Сталин показал себя крупнейшей головой эпохи"; армянский писатель Бакунц при благоговейном молчании зала долго произносил всю магическую формулу о "во—е нашей партии, мудром учителе миллионов строящих коммунизм рабочих и колхозников, лучшем друге нашей культуры товарище Сталине, назвавшем писателей инженерами человеческих душ". Азербайджанец Рафим обещал съезду написать о "*великом* городе, где недалеко от *великой* могилы Ильича, в Кремле, в такт биению сердца народов Советского Союза работает мысль гения рабочего класса всего мира — Иосифа Сталина, *великого* ученика бессмертного Ленина!". Вот так тогда всерьез разговаривали: великий город, великая могила, великий ученик...

А происходило это в августе 1934 года, впереди было еще двадцать лет феноменальной эскалации восторгов и обожания. За эти двадцать он приобретет еще новые качества: он станет спасителем народа и величайшим полководцем всех времен, генералиссимусом и героем, он станет величайшим теоретиком марксизма, создателем нового этапа диалектической философии, он станет корифеем лингвистической науки, автором бессмертных трудов по языкознанию, станет гениальным теоретиком в области политэкономии социализма и самодержавнейшим из когда-либо живших правителей России и полумира. Двадцать лет это все накалялось, напрягалось, поднималось выше и выше, звучало громче и громче, сверкало ярче и ярче. Уже в 1934 году, на первом съезде писателей, ораторы стремились переорать друг друга, и если один из них воспевал стальную фигуру организатора побед, другой возносил чуть ли не литургию в честь того великого, в голове которого работает *мысль гения*... Мало этого: *гения рабочего класса*... мало, и этого мало: мысль *гения рабочего класса всего мира*... Поднимай выше, воспевай громче, восхваляй ярче! Двадцать лет последующей эскалации культа привели к таким невероятным высотам риторики, которых человечество за тысячелетия своей истории даже и вообразить не могло. Фараонов когда-то обожествляли, римских и византийских императоров превозносили, но все это была жалкая кустарщина: в ту варварскую пору не было ни газет, ни фотографии, ни радио, ни кино, ни прочих убийственных средств проникновения в любой дом и в любой мозг. Жданов был режиссером этого спектакля.

На обожествление вождя были брошены все средства, какими располагало социалистическое государство, то есть этот же самый вождь: все искусства — живопись, скульптура, поэзия, театр, кинематограф, архитектура, музыка; гигантская техника — полиграфическая и строительная; гуманитарные науки — история, языкознание, литературоведение, философия. Все это еще не исследовано, а изучить необходимо — какие силы воздействовали со всех сторон на хрупкое сознание человека...

12 лет спустя после Первого съезда писателей Жданов, этот сталинский интеллектуал, раздобревший в период ленинградской блокады, когда он был первым секретарем ленинградского обкома партии, произносил речь на собраниях партактива и писателей в Ленинграде — о журналах "Звезда" и "Ленинград". Вот несколько цитат — чтобы все-таки не забывать, чьим именем назван ленинградский университет:

Первая: "Насквозь гнилая и растленная общественно-политическая и литературная физиономия Зощенко... (Он), ничего и никого не стесняясь, публично обнажается... Не хочет перестраиваться — пусть убирается из советской литературы. В советской литературе не может быть места гнилым, пустым, безыдейным, пошлым произведениям".

Вторая: "Анна Ахматова является одним из представителей этого безыдейного реакционного литературного болота ... До убожества ограничен мир ее поэзии — поэзии взбесив-

шейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной... Не то монахиня, не то блудница, а, вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой".

Третья: "Задача советской литературы заключается не только в том, чтобы отвечать ударом на удары против всей этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления".

Четвертая: "Нам ли низкопоклонничать перед всей иностранщиной или занимать пассивно-оборонительную позицию!..".

Эта брань и составляет содержание ждановщины, или, иначе говоря, сталинской культурной политики. 3-4 куцых фразочки, имитирующих идеи. Чем этих фразочек меньше и чем они примитивнее, тем быстрее и легче их усваивали простодушные обыватели. Во Франции готовятся судить Клауса Барбье, бывшего начальника лионского гестапо: он отправлял на смерть людей, пытал заключенных, калечил их. Но ведь и Жданов калечил людей — если не всегда физически, то уж духовно во всяком случае. Из двухсот миллионов большинство читало его брошюру с сочувствием: что ж это, в самом деле, мы тут будем "кровь на рыле топать к светлому концу", а эти Зощенки да Ахматовы нас же поливают помоями... А живут лучше нашего: ездят в Дома творчества и поликлинику свою имеют!.. А еще недовольны...

Сколько раз потом ждановщина вылезала наружу, когда уже никакого Жданова на свете не было! Разве не ждановщина — писательский и даже всенародный суд над Пастернаком в 1958 году? Или поношение книг Солженицына теми, кто их в глаза не видал — в 1972? Или выступление свидетелей обвинения по делу Иосифа Бродского в 1962 — по схеме: "Стихов я его не видел, но знаю, что он вредный, упадочный и антисоветский поэт..."?

Тридцать лет, как нет на свете Сталина. Тридцать пять, как умер Жданов. А дело, созданное ими обоими, живет. Жданов жив не только в названии Ленинградского университета, но и в разгроме альманаха "Метрополь" и в травле Г. Владимова, Вл. Войновича, В. Аксенова, С. Липкина, И. Лиснянской, Е. Попова, множества других. Жданов живет в принудительной эмиграции писателя В. Некрасова, виолончелиста Ростроповича, шахматиста Корчного, историка А. Каждана, танцора Нуреева... А в "Исторической энциклопедии" (1964) — знаете, что о Жданове сказано? А вот что: "Занимаясь вопросами идеологической работы, принимал непосредственное участие в разработке и принятии (sic!) ряда решений по вопросам идеологии и культуры (в области музыки, литературы и др.), которые содержали некоторые субъективистские оценки с позиций культа личности Сталина". Изумительная формула! Так же можно сказать и о Малюте Скуратове: "... принимал непосредственное участие в дроблении челюстей и в принятии ряда решений по вопросам, которые содержали некоторые субъективистские оценки пытаемых и казненных с позиций культа личности царя Ивана Васильевича". ■

Вождь и народ. И.В. Сталин. 1932 г.

ЧТО ТА

БОРИС ХАЗАНОВ

КАЧАЕТСЯ И НЕ ТОНЕТ

Вы спрашиваете, что такое демократия. На это можно было бы ответить совсем просто: демократия — внешний гарант свободы; но тогда вы спросите, что такое свобода, и тут уж двумя словами не отделаешься, понадобятся длинные рассуждения о том, что в самом определении свободы заключен парадокс, и если я вам скажу, что свобода — это то, без чего жизнь не в жизнь, вы возразите, что с таким же успехом монета могла бы утверждать, что она падает решкой, а не орлом, оттого что свободна решать, упасть ли ей орлом или решкой. Вопрос незаметно свелся к свободе выбора и свободе выбирать условия выбора; чем дальше, тем безнадежней мы вянем в метафизике, и, может быть, самое лучшее — вовсе отказаться от определений. Ведь в сущности мы и так знаем, что такое свобода и демократия — не правда ли?

Я — не знаю.

Вы спрашиваете, что за диковинная штука демократия, спрашиваете меня — или нас, — тех, кто никогда ее не нюхал, у кого о ней примерно такое же представление, как об устрицах и ананасах в шампанском. Странным образом демократия, которая, если я не

П. АБОВИН-ЕГИДЕС

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ДЕВАЛЬВИРОВАННОГО ПОНЯТИЯ

"Демократия" — одно из наиболее употребимых социально значимых слов. Начиная со времен Ленина советская пропаганда прожужжала уши тем, что "демократия неразрывно связана с *диктатурой* того или иного класса... Советская же власть — самая передовая и самая демократическая власть в мире..." (БСЭ, т. 13, 1952 г., стр. 659); "там, где приходят к власти коммунисты, утверждается подлинная демократия" (Н. Булганин, "Речь по поводу 33-ей годовщины Октябрьской революции", 1950); "в исторической перспективе на смену демократии социалистической придет *не*политическая демократия (о, это уже "новый теоретический вклад" в сокровищницу марксизма-ленинизма, который до того утверждал совершенно иное, а именно, что при коммунизме с отмиранием государства отомрет и... демократия, поскольку она ведь "связана с диктатурой" — П.Е.) как форма организации общественного коммунистического самоуправления" (БСЭ, т.8, 1972, стр. 231).

Казалось бы, что люди, вырвавшиеся из-под власти кремлевской антилогики, должны были бы воздерживаться от такого расширительного употребления понятия "демокра-

КОЕ ДЕМОКРАТИЯ?

ошибаюсь, имеет отношение к простому люду, демосу, кажется нам чем-то изысканным, роскошным и аристократическим. Не зря, должно быть, это слово не имеет эквивалента в русском языке. "Народоправство" больше похоже на самоуправство.

Придется вернуться к первоистокам, к великому исчезнувшему языку, который отхлынул, как древнее море, оставив разбросанные там и сям ракушки — слова. Мы ходим и подбираем их, и слушаем в раковине гул моря.

"... Тирания, это ужасное и гнусное бедствие, обязана своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе и праве. Некоторые думают, что причины появления тиранов — другие и что люди лишаются свободы по недоразумению и безо всякой вины, просто потому, что они стали жертвой тирана. Но это ошибка... Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа, на место закона и права становится отдельный человек. Поэтому некоторые люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила".

У этого голоса нет имени, эта цитата так и дошла до нас в виде цитаты — из неизвестного сочинения неизвестного моралиста V века, какого-нибудь современника Фукидида, если только это не был сам Фукидид. Но какая разница, откуда это взято? В сущности, здесь все сказано. Обратите внимание, что здесь говорится о демократии, несмотря на то, что слово это ни разу не названо.

"Тирания, это гнусное бедствие..." Мне было семнадцать лет, когда я вычитал эти слова в одной книжке, это был первый год после войны и лучшее время нашей жизни, я прочел эти слова, и мне вдруг пришло в голову, что самый отъявленный антисоветчик не мог бы сказать о нас хуже. Тот, кто живет в деспотическом государстве, сам в этом виноват, ибо принадлежит к народу, который в этом виноват. Гнусное бедствие оттого гнусно, что оно превратилось в норму. И потому подданные тирана не замечают, что ими помыкает ничтожество, не замечают тирании, как глубоководные рыбы не чувствуют давления воды и не страдают от мрака; когда же они узнают о существовании другого мира, они оказываются способными рассуждать о нем лишь в терминах своего собственного подводного мира. Итак, мы можем определять демократию лишь отрицательно, примерно так, как Шопенгауэр определял человеческое счастье: счастье — это когда нет несчастья.

Вы спрашиваете, что такое демократия; я отвечу. Демократия — это тот невероятный случай, когда можно философствовать о том, что такое демократия, не боясь, что вас за это посадят в лагерь. Демократия — это общество, которое ухитряется существовать без лагерей. Демократия — это такое общество, где смеются над авторитетами, где не чтят святынь, не кланяются портретам, не обожествляют алебастровых идолов, не поют хором, не шагают в ногу, не ликуют по расписанию, не сморкаются по приказу, общество, которое находит особое удовольствие в том, чтобы ставить под сомнение все свои институты, и всегда спрашивает себя, оправдывает ли оно свои вывески, общество, удивительная особенность которого состоит в том, что там не поощряют доносов, не превозносят посредственность, не преследуют оригинальность, не карают за талант, не рассматривают юмор как государственное преступление, — и при этом оно каким-то чудом продолжает жить. Демократия — это маленькая Греция, которая выставляет триста воинов, и эти воины умудряются защитить ее от варварских полчищ; это кораблик Франции, который качается на волнах и не тонет; демократия — это богатырь в одежде шута, которому пепел отца стучит в сердце, но никто об этом не знает, это дворец, в котором сидит король, нацепив на себя желтую шестиугольную звезду, и ничего с этим глупым королем не поделаешь; демократия — это то, до чего мы с вами не доросли и никогда не дорастем, потому что время роста давно миновало. Демократия — это юность, а тирания — гнусная старость. ■

тия", которое вмещает в себя все, что угодно, вплоть до своей противоположности. Ведь в наши дни демократами называют себя не только Андропов и Кастро, но даже учинители камбоджийского геноцида, а также Хомейни и Пиночет. А. Зиновьев умудрился даже режим, созданный Сталиным, назвать... народовластием, то есть демократией...

И — странное дело — мы сплошь и рядом встречаемся с желанием иных политэмигрантов способствовать девальвации этого понятия. Так, обозреватель "Русской мысли" Г. Андреев, касаясь статьи Е. Эткинда о журнале "Вече" ("Время и мы", № 67), пишет в номере от 3 марта: "Кажется, по представлениям Эткинда круг истинных демократов весьма узок", ибо он утверждает, что "русские эмигранты-демократы не имеют на Западе ни одной газеты"; у него (у Е. Эткинда), как утверждает Г. Андреев, "получается, таким образом, что все русские газеты на Западе не имеют ничего общего с демократией и что именно противники демократии издают "Континент", "Новый журнал", "Грани" и многие другие русские газеты и журналы... Нет ли в таких суждениях... претензии на монопольное представительство демократии...?"

Кто же прав — Г. Андреев, зачисляющий в демократы всех подряд, кроме разве "Вече", или Е. Эткинд, который смотрит на дело иначе? Каков же критерий для отнесения кого-либо к демократам? И, в связи с этим, демократичны ли те издания, которые назвал Андреев? Так вот,

Что же такое демократия?

Демократия — не благое пожелание филантропов, а *необходимость*; она и только она, как мы попробуем показать, соответствует всеисторической природе человека.

Человек — существо социальное, политическое (как определял его Аристотель), он универсально преобразует действительность (по определениям Франклина и Энгельса) он мыслит, обладает сознанием, умозрительно охватывает Бесконечность; но в то же время человек — существо, которое обладает самосознанием: он знает, что он *есть* и *что* он есть. Обладая сознанием себя как "я", человек имеет чувство собственного достоинства, а, значит, он — существо *нравственное*. Поэтому он достигает уровня личности: он обладает правом *решать*. Если за меня *решает* другой, я перестаю быть личностью.

Для того, чтобы человек был человеком, необходима государственная система, которая *не* препятствует *каждому* осуществлять себя как личность, свое право решать. Такая система и получила в ходе истории название *демократии*.

Этимологически демократия — народовластие. Понятие "власть" сопряжено с правом *решать*. Понятие же "народ" означает не просто население страны, а, по моему определению, такое, которое завоевывает себе право решать. Население, не имеющее права решать свои общие дела, не народ, а бесправная толпа. Причем решать должен иметь право *каждый*.

Из права каждого решать вытекают остальные атрибуты демократии: выборность, принятие решений по большинству голосов, право меньшинства на оппозицию, свобода слова, прессы, объединений, демонстраций и т.д.

Такая государственная система имеется в наше время только в странах западно-европейского типа. Впрочем, и здесь человек имеет лишь ограниченную реальную возможность быть личностью — ведь он обладает правом решающего голоса в политической, духовной, бытовой сферах бытия, но не в экономической: на предприятии, где он выступает в роли наемного работника, он теряет себя как экономическую личность. И все же более высокого уровня, чем современный западный, демократия никогда не достигала. Что же касается Советского Союза, там человек не решает *ничего* ни в какой сфере социального бытия, — значит, у нас *полностью* отсутствует демократия, как отсутствовала она в дореволюционной России*.

Кто же есть демократ?

Из сказанного вытекает, что демократ — тот, кто признает за каждым основополагаю-

А. КАЖДАН

ОБ ОПАСНОСТИ ДЕМОКРАТИИ

Размышления историка

Понятия точных и естественных наук, как правило, лишены этической окраски. Люди смеялись бы, услышав, что атом стронция хороший, а атом бериллия плохой, что перпендикуляр это хорошо, а параллельные линии — плохо. Иное дело — понятия, которыми оперируют гуманитарные дисциплины. Кто из нас, получивших образование в Советском Союзе, не помнит, что реализм это хороший стиль и, более того, что понятие хорошего писателя и писателя-реалиста почти тождественны? Примерно то же самое можно сказать о Ренессансе: ренессансная культура — хорошая, "передовая" культура в отличие от средневековой, "реакционной". Я уже не говорю о том, что социализм — хороший общественный порядок, а капитализм — плохой.

"Демократия" принадлежит к числу благородных понятий. Мы обычно употребляли его, не вдумываясь, — примерно так же, как реализм. "Народная демократия" — неважно, что это означает, но это несомненно хорошо. Парадокс заключается только в том, что в отличие от реализма и социализма "демократия" остается благородным понятием и после пересечения границ, отделяющих западный мир от социалистического блока, оно одинаково дорого сердцу западного и советского человека.

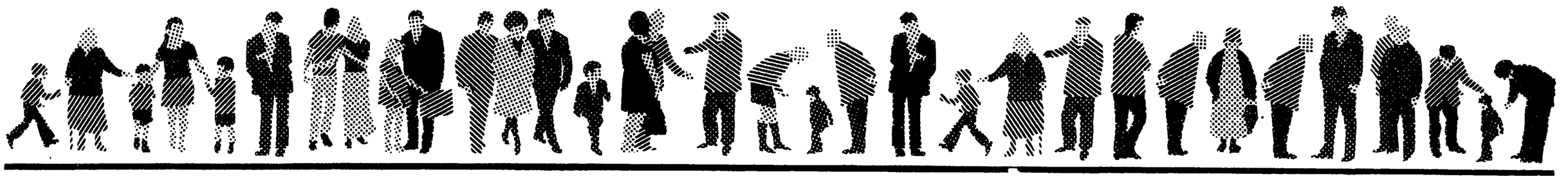
Так было, однако ж, далеко не всегда. Византийцы скептически относились (мягко говоря) к понятию демократии, или "димократии", как они, видимо, произносили это слово; правда, под "димократией" они понимали нечто другое. Древние греки, создатели этого понятия, тоже не были столь единодушны в восхвалении демократии, как мы теперь. Может быть, было бы небесполезно вспомнить уроки греческой демократии и греческой политической мысли, когда мы размышляем о современной демократии.

Расхожая политическая доктрина древних греков, сформулированная, в частности, великим Аристотелем, состояла в признании трех ведущих форм общественно-политической организации: монархии, аристократии и демократии. Я позволю себе внести две коррективы в эту классификацию. Во-первых, различие между аристократией и демократией, между оптиматами и популярами (если перенестись в сферу римской терминологии), столь дорогое для афинянина классической поры, на самом деле не было принципиальным. Аристократ Кимон и демократ Перикл, оптимат Сулла и популяр Марий отличались друг от друга не больше, чем Рейган от Картера. Победа Суллы над Марием стоила жизни многим марианцам, но в общем и целом не изменила структуры римского общества. Ученые XIX в., для которых ниспровержение феодального порядка было общественной реальностью, трактовали борьбу Мария и Суллы как конфликт полярно противоположных сил — мы знаем теперь, что все сводилось к столкновению соперничающих клак или клик.

Во-вторых, монархия сама по себе не определяла политического устройства. Аристотель имел в виду пример Персидской монархии, которая, конечно, коренным образом отличалась от структуры греческих городских коммун, но история знает монархии другого типа, как в семитском, так и в греческом мире. Независимый Библ или независимый Тиринф скорее напоминали аристократические полисы, нежели монархию египетских фараонов.

Поэтому, может быть, было бы разумнее противопоставлять две общественно-политические структуры, которые можно было бы условно окрестить демократической и тоталитарной. Под демократической мы будем понимать такую структуру, которая ставит права человека (понятие "человека" варьирует в истории: оно может обнимать "всех", или всех свободных, или всех состоятельных, или всех людей голубой крови), выше интересов государства, под тоталитарной — такую, которая ставит интересы "общества" или государства или лица (группы лиц), отождествляемого с государством, выше прав индивида.

Но вернемся к древним грекам. В концепции Аристотеля был один момент, который, мне кажется, сейчас находится в пренебрежении: Аристотель различал процветающее и вырождающееся общественное устройство. По Аристотелю, монархия могла быть благотворной, но могла и выродиться в губительную тиранию, аристократия могла сузиться до корыстной олигархии и т.п. Иными словами, в форме политического устройства еще не заключено ее позитивное (или негативное) качество. Более того, один из выдающихся греческих историков времен Римской республики Полибий, создатель теории циклического развития человечества, которая была так популярна с конца прошлого столетия, утверждал, что сила Римского государства проистекает из того, что в нем равномерно смешаны все три политических элемента: монархический принцип, выражавшийся в полновластии консулов, ограниченных только временем, аристократическое начало, олицетворенное в сенате, и демократия граждан, голосующих в народном собрании.



щее право решать. Стало быть, сторонники самодержавия, теократии, автократии, аристократической "республики", олигархической "республики" — в любой их ипостаси — не суть демократы по определению: все эти системы лишают всех или большинство права решающего голоса, т.е. права быть политическими личностями. Исходя из этого, невозможно считать демократами, например, А.И. Солженицына и его единомышленников. Заслуги Солженицына в разоблачении тоталитарного режима в Советском Союзе огромны, но к чему тянуть его в демократы, если ему это чуждо? Ведь от путаницы и подмены понятий освободительное движение в Советском Союзе может только проиграть.

В номере "Русской мысли" от 14 апреля с.г. А. Глезер, представляя книгу Ю. Фельштинского "Солженицын и социалисты" и нисколько не задумываясь над критериями демократичности, акцентирует внимание на двух тезисах:

1) "Приписывая Солженицыну слова и мысли, которые он... *не высказывал*, ... обвиняют его... в антидемократичности";

2) "К демократам оппоненты Солженицына *никакого* отношения не имеют..., *все они* проникнуты социалистической идеологией";

Сначала о втором тезисе. Его безответственность и голословность видны хотя бы из следующего: социалистической идеологией, как известно, проникнут и Миттеран, но дай Бог всем антисоциалистам быть *такими демократами, как этот социалист*: ведь именно он, а не антисоциалист Жискар, занял твердую позицию против московского антидемократического режима! И никому во Франции и в мире не пришла в голову мысль обвинять его в антидемократизме на том основании, что он, видите ли, *социалист*. Нельзя, ничтоже сумняшеся, всех "левых" мазать одной краской: это лишь с позиции темного царства все кошки серы...

Теперь о первом тезисе. Обратимся к высказываниям Солженицына: "Мы, — пишет он в "Письме вождям", чуть ли не буквально повторяя слова Маркса, — не поклонники того "буйного разгула демократии", когда каждый четвертый год политических деятелей и даже всей страны полностью ухлопывается на избирательную кампанию, на угождение массе. (Последнее Маркс говорил все же "чуть" иначе: на *обман* масс — П.Е.) .... Даже и в демократии устоявшейся видим мы немало примеров, когда ее роковые пути избраны в результате эмоционального самообмана или случайного перевеса..." (YMCA-Пресс, 1974, стр. 43). А далее следует: "тысячу лет жила Россия с *авторитарным* строем — и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа... Тот авторитарный строй имел... сильное нравственное основание — ... православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, ... Может быть, на обозримое будущее... России все равно *сужден* авторитарный строй? Может быть, *только к нему она сегодня созрела?*" (Там же, стр. 45. Подчеркнуто мною — П.Е.). Как говорится, имеющий глаза да видит. Но, может быть, все это говорил не Солженицын, а ему это кто-то приписал? Давайте же говорить серьезно: я, например, во многом согласен с Солженицыным, когда он критикует современное состояние западной демократии, но что он этому противопоставляет? Может быть, более высокий уровень демократии? Ничуть не бывало. России он сулит автократию (да еще с привкусом теократии), а для Запада требует всяческих ограничений свободы прессы — этого исключительно важного инструмента демократии; требует восстановить "право людей *не знать*". (Судите сами, как это звучит на фоне информационного голода и отсутствия свободы прессы в тоталитарных странах). Ну, а как быть с поклонами Солженицына в сторону диктатуры Франко? Это тоже относится к понятию "демократ"?..

Не спасает и то, что иные проповедуют автократию "всего лишь" как переходный период: идти к демократии через автократию так же несбыточно, как идти к ней через хомейнистскую теократию или как идти к отмиранию государства через его укрепление (к чему привела подобная нелепая "диалектика" большевистских "демократов", мы испытали на собственной шкуре, — неужели этого недостаточно?)

Важное свойство демократизма — множественность идей и, следовательно, отказ от

Греки понимали, что не-демократия не всегда плоха и демократия не всегда хороша. История греческих демократий иллюстрирует этот тезис.

В первой половине V в. до н.э. греки столкнулись с грозной опасностью быть поглощенными Персидской тоталитарной державой. Граждане демократических и аристократических полисов Греции воскликнули: "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!" (или что-то вроде этого) и выбросили персов в море. В середине IV в. новая опасность нависла над Грецией — угроза македонского завоевания. Граждане демократических и аристократических полисов воскликнули: "Besser rot als tot" *(или что-то в этом роде) и сдались на милость Филиппа Македонского.*

К этому моменту афинская демократия достигла высочайшего подъема. Все граждане принимали участие в управлении государством. Все бедняки находились на **взлфер** *("Шишков, прости: не знаю, как перевести", — может быть, "благотворительность"?). Любопытно, как эта система* **взлфер** *функционировала в Афинах накануне македонского завоевания: все граждане были членами судебного трибунала, который заседал очередями; за участие в заседаниях трибунала, равно как и за посещение народного собрания, граждане получали некоторую мзду, которая составляла прожиточный минимум. Более того, судьи получали известную часть имущества, принадлежащего осужденному преступнику, что привело к серии процессов против состоятельных афинян, особенно так называемых метеков, неполноправных граждан, которые были наиболее активной группой афинских дельцов; надежда судей на солидную сумму вознаграждения делала процесс против любого состоятельного метека априори успешным.*

Шаг за шагом система афинского **взлфер**, *сама по себе разумная и даже необходимая, приводила к моральному разложению широкого слоя населения, привыкающего к своим правам и отвыкающего от своих обязательств по отношению к обществу. Перевес прав над обязанностями мог действовать и иным способом. Приведу один пример.*

Последняя треть V в. была заполнена в Греции истощающей междоусобной войной, получившей название Пелопоннесской войны. К концу войны Афины были ослаблены, потеряли значительную часть союзников, окружающая город территория была разорена. Но афинский флот еще действовал, и афинским стратигам, командовавшим флотом, удалось выиграть соответственную морскую битву. Казалось, чаша весов сдвинулась, шансы на победу возросли. Но — стратиги совершили одну ошибку: они не подобрали тела моряков с поврежденных кораблей. дали им утонуть в море. Они говорили, что буря помешала им это сделать, но, как бы то ни было, люди, отдавшие жизнь на Афины, утонули. С точки зрения афинянина это было страшное преступление: оставленное без погребения тело не давало успокоения душе покойника, тем самым важнейшее право человека оказалось нарушенным. Стратиги были отданы под суд, и демократический народный суд Афин, возмущенный пренебрежением к существеннейшему праву человека — быть погребенным на родине — осудил их на смертную казнь. Люди, которые спасли отечество, были казнены (как не вспомнить, сколь милостив был демократический Израиль к своему военному герою Шарону; воистину мы живем в другие времена). Результат? Примерно через год противники напали на афинский флот, не ожидавший атаки. Новые стратиги, которые были более благочестивы, но менее опытны в своей профессии, оказались разгромленными наголову**, и Афины сдались на милость победителя.*

Философы прошлого века любили рисовать картину прогрессивного развития человечества — от несвободы к свободе, от восточного тоталитаризма к западной демократии. Если приглядеться внимательнее к истории человечества, демократия и тоталитаризм обычно существовали параллельно, хотя соотношение сил между ними колебалось: шумерские храмовые центры сменились Ассирийской державой, финикийские города подпали под власть иноземных завоевателей, греческий демократический полис уступил место эллинистической монархии, из недр Римской республики выросла империя, итальянские торговые коммуны в соединении с кучкой феодальных сеньоров разрушили Византийскую автократию, абсолютная монархия сломала хребет средневековой независимости. В какие-то моменты истории демократия оказывалась более жизнестойкой, в какие-то — она позволяла тоталитаризму наступить ей на голову.

Очень соблазнительно сказать, что тоталитаризм всегда плох, а демократия всегда хороша. Боюсь, что это так же утешительно, как снотворное. Тоталитаризм унижает человеческую личность — так было от строительства пирамид до строительства Беломорканала. Демократия опасна по-другому: раньше или позже она приводит к забвению того, что мы суть часть целого, называемого обществом, она начинает защищать преступника против жертвы, закрывает глаза на грозящие опасности и бездумно лижет бьющую руку. ■

* Битва при Аринусских островах, 406 г. до н.э.

** Битва при Эгоспотамах (Козьи реки), 405 г.

цензуры. Как же обстоит с этим в изданиях, демократизм которых для Германа Андреева очевиден?

Уже в самом первом номере "Континент" объявил одним из своих постулатов *"безусловный* религиозный идеализм..." Но чем же это отличается от антидемократичности советской периодики с ее безусловной материалистичностью, безусловным атеизмом, с ее "чистотой" марксизмаленинизма? Допустим, это лишь слова. Ну, а дела? Вот и они: всем памятны сетования члена редколлегии "Континента" Сахарова, а также Григоренко на неколлегиальное (стало быть, недемократичное) решение о помещении в журнале тех или иных статей. Лишать членов редколлегии права *решать* — это первый признак антидемократизма. А ведь, увольняя своего заместителя В. Некрасова, главный редактор даже не подумал, что он этого не вправе делать без редколлегии, — настолько не приучен он к демократической процедуре.

О том же свидетельствуют и "Колонки редактора", из которых оскорбления сыплются, как из рога изобилия. Так, в № 33 читаем: "один из таких *жрецов* — "выдающийся литературовед и эссеист"... — *ухитрился*..." и далее о нем же: "Ан нет, неймется *болезному*" (подчеркнуто мною — П.Е.). Оскорбительные слова, желчные кавычки... Неужели и это Г. Андреев называет демократизмом и толерантностью? И неужели с подобным грубым стилем согласны члены редколлегии "Континента"? Если не согласны, значит, никакого демократизма в самом журнале нет.

Но главный редактор "Континента" даже на приведенной грубости не успокаивается: он счел себя вправе выступить против "определенной среды демократической оппозиции *внутри страны*", заявляя: "Я должен безо всяких околичностей предупредить своих оппонентов, что "Континент" и я, как его редактор... заранее *отвергаю*" их "точку отсчета" (заметьте: не "отвергаем", а "отвергаю", значит, Максимов — *единственный* редактор? И он расписывается за *всю* редколлегию?). Заканчивает этот пассаж редактор так: "Не хотите — не читайте", не отдавая себе отчета в том, что это — сверхгрубость: разве можно говорить так тем, кто *там* уходит в тюрьмы; людям, деятельностью которых и оценкою которых лишь и может быть оправдано не только существование наших журналов, но и здешнее существование нас самих? Нельзя, ухватившись здесь за типографский станок, так легковесно разделываться с теми, кто на нас понадеялся и кто имеет по крайней мере *такое же право именно на данный станок*, ибо куплен он не на собственные деньги главного редактора, да и всей редколлегии. Кто это забывает, может ли считаться демократом?

И еще один важный момент: думаю, всем бросается в глаза явный культ кумира, насаждаемый этими изданиями. А всякий культ личности — оборотная страна антидемократизма, чреватая опасными, далеко идущими последствиями...

Наконец,

Демократизму следует учиться

Ибо если упрямо не учиться, то мы и будем выдавать за демократию ее антиподы, а не только ее деформации.

Так случилось, к примеру, с проектом Конституции Максимова, словно "понарошке" названной "Гармонической демократией" и с провозглашением создания "Интернационала Сопротивления". Но о "Конституции" поговорить еще успеем (до нее, увы, далеко), а вот об "Интернационале" необходимо сказать сейчас, ибо дело слишком ответственное. Открываем 5-ый лист "Русской мысли" от 31 марта с.г. и читаем большой аншлаг: *"Интернационал Сопротивления"*. И тут же: "Декларация Интернационала Сопротивления". И ниже: "Первая манифестация "Интернационала" состоится 18 мая этого года в Париже..." О, радость: значит, уже создан! Кем? Когда? Где? Оказывается, ничего подобного: создан лишь... Оргкомитет. Что ж, и это было бы неплохо. Но тогда непонятно, какое право он имеет *свою* декларацию выдавать не за проект, а за Декларацию *самого* Интернационала, еще несуществующего? И как может быть назначена манифестация Интернационала, которого еще нет?

Ведь это очень смахивает (извините сно-

ва-таки за нелестное сравнение) на то, как члены Политбюро при открытии съезда КПСС усаживаются на места президиума съезда еще *до* его (президиума) избрания. Ну, а если их не выберет съезд в президиум? Но им и в голову не приходит, что во время съезда они уже не члены Политбюро, а рядовые делегаты съезда, — не приходит, ибо никто их не приучил к демократичности, ибо они ее, как и народ, и партию презирают, так как вся власть в кулаке у них...

Как похоже на это и "откровение" Э. Кузнецова в его интервью, данном газете "Наша страна" от 11.2.83: "Предполагается (кем? какими Фантомасами?), что я буду одним из его руководителей" (весьма демократично, не правда ли? Интернационала еще нет, а портфели уже расхватаны...). Как ни выкручивайся, но ведь это же чисто большевистская привычка, от которой надо излечиваться.

Похоже на большевистский, антидемократический стиль и то, что мы находим в "документах Оргкомитета "Интернационала":

1) *Представители национальных групп.*

Перечисляется ряд стран и по одному "представителю" каждой из них. Но кто их уполномочил на представительство? Кто их послал представлять нац. группы? Конечно, каждый человек имеет право вступать или не вступать в какую-либо организацию, в том числе в "Интернационал", — но он, этот человек, не может официально представлять какие-либо группы, если те ему на это не выдали мандат (хотя бы устный). Я весьма уважаю Буковского, но как русский политэмигрант хотел бы тоже участвовать в собрании, назначившем его представлять Россию (ведь так и написано: "Россия: Буковский, Украина: Григоренко..."). Но ведь такого собрания и в помине не было. Что же это за комедия?.. И что это за Интернационал, который состоит из единоличных представителей нац. групп? Но, может быть, они члены лишь Оргкомитета? Однако Оргкомитет перечисляется *ниже* — и совершенно без них...

2) *Кооптированные группы*

Напомним, что кооптация — излюбленный антидемократический метод все тех же большевиков: ведь, начиная с дореволюционных времен, ЦК, а затем Политбюро создавались способом кооптации. Это длится и по сей день. И поскольку фактическая власть в стране принадлежит именно Политбюро, то можно сказать, что с 1917 года и поныне у нас нет законного правительства, а все 65 лет лишь *временное* правительство...

Почему же такое важное дело, как "Интернационал Сопротивления", должно начинаться со столь антидемократической процедуры как кооптация? И что значит "кооптированные"? Куда? Кем? Оргкомитетом? В Интернационал? Но опять-таки: ведь нет его еще...

Да и по какому критерию кооптировались группы? По наитию? По протекции (что в России называется сочно "по блату"), что ли? В самом деле: почему какими-то тайными, секретными путями приглашаются одни группы, а не приглашаются другие — например, группы, представляющие Хельсинкское движение, Демократическое объединение, СМОТ, группа вокруг "Хроники-пресс", группы, формирующиеся вокруг ряда демократических журналов? (Ведь давно известно, что *секретность вместо гласности* противоречит демократизму). Приписка же "Список членов... Национальных комитетов (каких "комитетов"? Как вдруг единоличные представители превратились в... комитеты?) и Кооптированных групп считается открытым для присоединения", ровным счетом ничего не меняет: кем считается? Кто имеет право их присоединять? Сами себя? Но тогда это уж не кооптированные группы... Оргкомитет? Но он не имеет права решать за "Интернационал" то, что — в соответствии с демократическими принципами — должен решать сам "Интернационал".

3) *Организационный комитет*

Он состоит из председателя (должность, конечно же, вполне демократичная), директора-распорядителя (это уже непонятно: не хватит ли с нас распорядителей? Да и чем распоряжаться-то: паствой еще несозданного Интернационала?), генерального секретаря (может быть, в Интернационале это и уместно, но в Оргкомитете? Ах, забыл, портфели ведь уже распределены и для самого Интернационала...), казначея (а он зачем? Еще нет Интернационала, а уже есть деньги? Ну, да, в приведенном выше интервью Кузнецов проговорился: "Американский Конгресс выделил 600 млн. долларов, и часть этого бюджета пойдет на создание Демократического Интернационала"... М-да...

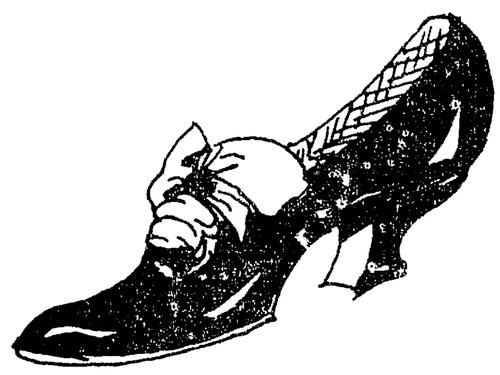
Что же это будет: деньги для Интернационала или Интернационал для денег? Во всяком случае Кузнецов в упомянутом интервью поведал израильтянам, что ему надо, наконец, устраивать свое благополучие, поскольку они для него сделали, видимо, не столько, сколько он от них ожидал... Откровенно (если не больше), — но при чем тут *демократия, Демократический Интернационал* или вообще что-либо демократическое?).

Не забыли учредить и пресс-группу (благо уже деньги имеются). Забыли лишь "малость": где же рядовые члены Оргкомитета? Поспешил генералитет из "Континента" разделить между собой генеральские посты — на утеху Олимпу, что ли, — а о рядовом составе и думать забыли. И в самом деле: к чему он, — были бы только Деньги, Деньги, Деньги... — "Люди гибнут за металл"!..

Как видим, Герману Андрееву есть над чем призадуматься. Хотелось бы, чтобы он не так легко — налево и направо — раздавал звание "демократ", "демократический". Ведь все гораздо-гораздо сложнее, чем это кажется по-своему эрудированному, но, видимо, все же наивному литератору... ■

Читайте новую книгу
ЗИНОВИЯ ЗИНИКА

РУССКАЯ СЛУЖБА



«СИНТАКСИС»
ПАРИЖ
1983

ДЕМО

заметки наблюдателя

Что такое демократия? — просил написать меня редактор "Трибуны". Вот несколько заметок "наблюдателя" из "действующей демократии". В стране, гражданином которой я являюсь (Израиль), шла война. Ее не одобряла значительная часть (до трети) населения и, пожалуй, большая часть ее интеллигенции. Война длилась много дольше, чем предполагалось, жертв оказалось больше, чем планировалось... Словом, в чем-то ситуация для испытания демократии была похожа на российскую в 1917 году, с той разницей, что в здешней стране демократия "прижилась", нормы ее стали естественными нормами политического бытия.

Первое, что бросалось в глаза — это дисциплина населения. Общепринятым здесь считалось, что решение правительства, избранного демократическим путем, обязательно к исполнению, даже если ты с его решением категорически не согласен. Все противники войны, получив повестки о мобилизации, послушно шли на войну и выполняли свои воинские обязанности и приказы командования во всю меру своих сил.

Вот пример: Авраам Бург, сын министра внутренних дел, офицер-парашютист, несколько лет назад во время тренировок с парашютом получил тяжелую травму и был освобожден от службы в боевых частях. Но в военкомате произошла путаница с документами, и он по ошибке в начале войны получил направление в парашютную часть. Явился, отслужил положенное на фронте, демобилизовался и вошел в организацию "Офицеры — против войны".

Как в таких людях поддерживалось душевное равновесие между их воинским долгом и совестью?

Прежде всего, свободой слова. Пока гражданин выполнял приказы демократически избранного правительства, оно соблюдало "правила игры" и разрешало критиковать любые его распоряжения и самые эти приказы.

Но одной "свободы критики" — мало. Важнее, пожалуй, свобода в политических действиях по смене правительства — то есть агитация и пропаганда, направленная на его переизбрание или переформирование. Это приводило к двум последствиям: во-первых, правительство постоянно прислушивается к мнению народному, постоянно следит за "духом народа", реагирует на его изменения. Во-вторых, оппозиция делает то же самое, поэтому не склонна излишне "раскачивать лодку во время бури", понимая, что в любой момент ее самое могут позвать к рулю — тогда придется править самим, и корабль государ-

КРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

ства должен находиться в порядке к этому моменту.

Второе, что помогало противникам войны соблюдать гражданскую дисциплину, – строжайшее соблюдение законов "чистоты оружия". Мародеров обыскивают и сажают в тюрьмы. Насильников практически нет (солдат старались почаще отпускать на выходной по домам). Командование предпочитало рисковать жизнями солдат, но не наносить потерь гражданскому населению завоеванной местности. Известно, что единственный отказ от выполнения приказа – это случай с полковником-танкистом Эли Гевой; его ожидала блистательная военная карьера, когда командующий предупредил, что возможен штурм Бейрута. "Я вижу в бинокль детей, играющих на улицах, по которым придется стрелять", – ответил он и попросил... разжалования в рядовые. Воевать он был согласен, потому что солдат отвечает только за собственное поведение в бою, но отдавать приказы – не хотел, ибо не был уверен в их справедливости. (Его уволили из армии).

Таким образом, "противники войны" оказались в ситуации, когда они постоянно знали, что война ведется согласно желанию большинства населения, что правительство не узурпировало волю народа, а выполнило ее. Разумеется, это вовсе не мирило противников войны с этой волей, но объектом их воздействия становились уже не органы управления страной, а "народная воля": ее старались изменить, выправить, "разогнуть"... Но пока "народная воля" – за войну, с ней необходимо считаться.

Такая ситуация привела к четкой дисциплине населения, причем дисциплине сознательной. Вся армия и весь народ превратились в своеобразное коллективное тело, каждая часть которого обладала высокой степенью инициативы. Это привело к блистательной победе над сирийскими частями, вооруженными новейшим советским оружием. (Достаточно напомнить, что в воздушных боях было сбито свыше девяноста МИГов, половина из них – МИГ-23, был сбит и самолет-разведчик МИГ-25, а израильтяне... не потеряли ни одного самолета. Соотношение танков, уничтоженных во встречных боях, оказалось 600 к 6). При этом почти все воевавшие отдавали должное мужеству и отваге арабских солдат. И хотя нельзя оспаривать большого преимущества американской техники (вдобавок, усовершенствованной на месте) перед советской, но все-таки, перефразируя незабываемого И.В. Сталина, "это была победа более передового общественного строя"!

Размышляя о том, почему в аналогичной ситуации русская армия потерпела поражение от германской летом 1917 года, приходишь к выводу, что (помимо многих конкретных исторических причин) русские были лишены того, что именно и составляет *силу* демократии – сознания *законности* действий правительства. Временное правительство не было избрано народом, не отчитывалось перед представителями народа, его сторонники не могли в спорах с противниками использовать именно этот, главный аргумент любого демократического правительства: "Плохие мы или хорошие, но мы – голос нации". Ставшее традиционным в России представление о якобы нерешительности демократий, возможно, объясняется тем, что руководители Временного правительства, единственного правительства, считавшегося демократическим, сами-то себя не могли таковым в полной мере считать: их никто не выбирал, им никто не доверил власть, кроме вооруженной толпы, и когда эта же толпа пожелала сменить "выкрикнутых" лиц – что они могли в моральном плане противопоставить ее воле?

Короче, понаблюдав механизм действия нормальной демократии, причем в экстремальном состоянии, я пришел к выводу, что в России демократии до сих пор просто не было, и судить о демократии по русскому опыту 1917 г. – все равно, что судить о самодержавном способе правления по действиям, скажем, "тушинского царя". Формы в чем-то похожи, а душа вынута.

Еще один важнейший фактор я высмотрел в эти месяцы. Политическая борьба, конкретная политическая работа неразрывно связаны с определенной аморальностью. Это – не упрек политикам, но всем ясно, что нормы обычной человеческой морали и порядочности часто непригодны в политических ситуациях и приводят к катастрофическим последствиям в политической игре (возможно, лично самым порядочным политиком в 30-е годы XX века был Чемберлен, ну и что политического проку от его порядочности?). Но для благополучного существования нации, действительно, необходимо, чтобы в ней существовал некий *внеполитический* центр, воплощающий в себе идею чести нации, ее совести, – именно для опоры в кризисной ситуации. Сторонники авторитаризма правы, когда напоминают о необходимости такого центра нации, они неправы лишь, считая, что таковым обязательно должен быть конституционный монарх. Вариант с монархом возможен (он используется во многих демократических государствах Европы – любопытно, что нигде нет стольких монархий, как именно в демократическом мире), и, кажется, многими демократами забыто, что, кроме декоративно-представительного, монархия имеет особый, духовный смысл, ради которого ее и оставляют в демократиях существовать. Напомню, что датский король в дни гитлеровской оккупации надел желтую звезду и тем подал сигнал населению спасать еврейскую общину страны, а с ней – совесть народа. Вот для таких моментов и существует монархия в демократической Дании. Но опыт Израиля показал, что возможно существование аналогичного "центра совести нации" в немонархической форме – в форме президентской власти и власти Верховного Суда Справедливости, перед моральным воздействием которых склоняются политики. Когда население Израиля переживало острейший моральный и национальный кризис в связи с арабским погромом в Сабре и Шатиле, именно авторитет президента республики – фигуры в обычное время декоративной – и Верховного Суда помог стране и народу выйти из кризиса очищенными и укрепленными.

Рис. И. Когана.

Иногда говорят, что важны не формы демократии, а дух народа, его готовность к терпимости, компромиссу, к жертвам во имя справедливости. Не знаю. Я такого народа в Израиле не видел. Наоборот, мой народ – это народ крайностей, восточных страстей и несправедливостей, народ, часто глухой ко всякому голосу, кроме собственного, и часто способный на террор и насилие, – словом, о своем народе я могу наговорить достаточно, чтобы оспаривать его "демократическую от природы суть". И если он благополучно, на мой взгляд, миновал самый опасный кризис, который может угрожать его духу, – кризис сомнительной и едва ли, по-моему, необходимой, войны, если он вышел из *такого* испытания более крепким и единым – здесь видится заслуга не только народного характера (во всяком случае, не его одного), но и тех демократических норм, форм и традиций общества, которые из слабости выковывают его будущую силу.

Не уверен, что русским людям так уж интересно читать наблюдения из политической истории другого народа. Но я не философ и не политик, умеющий оперировать чистыми категориями: я литератор и историк. Мое призвание – прежде всего, наблюдение и анализ фактов. Как говорили старинные мореплаватели: "Пишу, что наблю[illegible]. Чего не наблюдаю – не пишу". Вышесказанное – отнюдь не советы, не агитация в пользу демократии. Каждый народ выбирает собственный путь, чужие пути ему не указ. Но я наблюдал своими глазами, как демократическое государство сокрушило на поле боя авторитарную Сирию даже в условиях, духовно для демократии невыгодных, понял, какие потенции таятся в демократии для мобилизации сил нации и во время боя, и во время войны – и подумал, что, может быть, этот опыт послужит "информацией для размышления" русским людям. На большее я – как гражданин Израиля – не имею права претендовать.

М. Хейфец

Лев Копелев

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

В воскресенье шестого марта мы с женой впервые участвовали в выборах. Впервые не только как новые граждане Германии, но вообще впервые в жизни.

Когда в Советском Союзе в 1937 году в соответствии с "самой демократической в мире Сталинской конституцией" готовили выборы в новый Верховный совет, их, не жалея затрат, превращали в некое "народное празднество". Агитаторы много недель ходили из квартиры в квартиру, поучая граждан; и в день выборов они заботились о том, что бы *их* избиратели возможно раньше пришли к урнам. Газеты и радио славили лучших — то есть тех, которые уже в шесть часов утра привели избирателей на участки.

В Сокольниках лучшим агитатором был признан студент МИФЛИ Шурик Шелепин. С этого и началась его карьера: в последующие десятилетия он стал членом Политбюро, председателем КГБ; одно время считался соперником Брежнева.

В то февральское утро 1937 года я рано пришел на избирательный участок, настроенный очень торжественно. Впервые после революции — "прямые выборы при тайном голосовании". Вдоль стен — кабины, завешенные красивыми тяжелыми портьерами. В каждой пюпитр, чернильница, ручки, карандаши. Мне дали два избирательных бюллетеня: один — для Совета Союза, другой — для Совета Национальностей. На каждом — только одно имя. Правда, его можно вычеркнуть. Но ведь это единственный кандидат "блока коммунистов и беспартийных", что тут выбирать...

С тех пор каждый раз, как предстояли выборы, газеты и радио шумели о всенародном празднике все в тех же стандартных патетических словосочетаниях. И агитаторы все так же ходили из квартиры в квартиру. Некоторые из них искренне твердили газетные фразы. Но большинство уже только просили: "Приходите на участок пораньше. А то придется до полуночи за вами гоняться..."

Я давно на выборы не ходил. Согласно "Положению" можно было, сообщив о предстоящем отъезде, получить "открепительный талон", чтобы проголосовать в другом месте, и просто им не воспользоваться. Но в последние годы я уже и талонов не брал, а только предупреждал агитатора: "На воскресенье уезжаю, отметьте у себя, чтобы потом не беспокоиться". А он отвечал: "Но только уж не оставайтесь дома, а то проверочные бригады могут ходить по квартирам".

Кабины превратились в условные декорации, а то и просто исчезли. На пленуме одного из московских райкомов доверительно сообщили, что только в Москве больше полутора миллионов избирателей вообще не пришли голосовать. Однако, в официальных отчетах всегда участвовало 99,8% избирателей; за кандидатов блока голосовали 99,8-99,9%.

Характерный спор. Один говорит: "Не пойду, не хочу участвовать в комедии", другой возражает: "Нет, нужно пойти, вычеркнуть казенного кандидата и вписать Сахарова". Впрочем, большинство отмахивалось: "Что ни делай, все равно будет значиться 99%".

И давно бытовала горькая шутка: "Мы выбираем как в раю, когда Господь подвел Еву к Адаму и сказал: "Выбирай себе жену".

Здесь, в Германии, я наблюдал ожесточенную предвыборную борьбу — по радио, в газетах, по телевидению, на городских стенах. Многое нас поражало. Политические деятели спорили — иногда дельно и серьезно, а бывало и демагогически, грубо.

Вначале я колебался — за кого голосовать.

У меня есть друзья и слева — среди социал-демократов, и справа — среди христианских демократов. О преимуществах или недостатках их экономических программ я судить не решался. Но социал-демократическая партия (СДПГ) перестала быть правительственной партией, и это меня привлекало: оппозиция всегда больше нуждается в поддержке.

Однако, взгляды либералов — маленькой Свободной демократической партии (СвДП) мне, после всего, что я узнал и испытал в жизни, казались более близкими и более пригодными для того, чтобы и в этом обществе ослаблять, смягчать опасные противоречия.

Защитники природы — "Зеленые" — выдвинули новые, жизненно важные и остро необходимые вопросы. Другие партии раньше либо вовсе пренебрегали этими вопросами, либо сводили их к пустым словопрениям. Ответы "зеленых" представляются мне наивно-

КОММЕНТАРИЙ

Л.Косман ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ФРГ

Хельмут Шмидт, выдающийся деятель Социал-демократической партии Германии (СДПГ), возглавлял боннское правительство с 1969 г. до октября 1982 г., когда министр иностранных дел Геншер, руководитель Свободной демократической партии, перешел на сторону оппозиции. Этим шагом Геншера был положен конец коалиции между социал-демократами и так называемыми свободными демократами. Шмидт вынужден был уйти в отставку, а новое правительство возглавил Хельмут Коль, лидер Христианско-демократического союза (ХДС). Новый канцлер — вполне законно — добивался мандата от населения страны. Поэтому и были назначены досрочные выборы.

Результаты досрочных выборов в Буидестаг, состоявшихся 6-го марта с.г., отнюдь не были неожиданными. Многочисленные западногерманские опросы общественного мнения предсказывали убедительную победу ХДС и его баварского филиала — Христианско-социального союза (ХСС). Согласно прогнозам институтов по проведению опросов общественного мнения, блок ХДС/ХСС мог рассчитывать на 46-48 проц. голосов. Фактические результаты выборов лишь ненамного отличались от предсказаний экспертов. Западногерманские консерваторы — во главе с канцлером Хельмутом Колем — получили в общей сложности 48,8 проц. голосов (в Бундестаге у этих партий теперь 244 места). Для образования кабинета блок ХДС/ХСС, таким образом, по-прежнему нуждается в поддержке Свободных демократов. Эта небольшая партия на выборах получила 6,9 проц. голосов (в Бундестаге она будет располагать 34 местами).

Западногерманские газеты разных политических направлений считались с неизбежным поражением социал-демократов. 38,2 проц. голосов, отданных за СДПГ (193 места в парламенте) почти полностью соответствуют предварительным прогнозам.

"Зеленые" — четвертая партия в Бундестаге

По конституции ФРГ партия, не набравшая пяти процентов голосов на выборах, в парламент не проходит. Этого критического пятипроцентного предела достигли впервые в истории существования Федеративной Республики так называемые "Зеленые", получившие на выборах 5,6 проц. голосов (27 мест в Бундестаге). Таким образом, в Бундестаге представлены теперь четыре партии.

Движение Зеленых началось четыре года тому назад. Это — партия пацифистов и защитников окружающей среды. Среди Зеленых довольно много сторонников установления новых форм собственности. По мнению представителей этой четвертой партии Бундестага, земля, минералы, средства производства и банки не должны находиться в руках частных лиц, но и не должны быть национализированы по коммунистическому образцу. Зеленые предлагают кооперативное самоуправление всех хозяйственных единиц.

Зеленые, среди которых преобладают представители молодого поколения, сходятся в том, что Западная Германия должна постепенно отказаться от крупных промышленных концернов и полностью прекратить производство вооружения. Особенно рьяно Зеленые выступают против строительства атомных станций.

Один из главных пунктов программы Зеленых — отказ от запланированного к концу нынешнего года размещения

утопичными. Но их задор, деятельное сострадание нуждающимся, несчастным людям, их забота о природной среде, их призывы к миру без оружия должны найти трибуну в Бундестаге, чтобы тормошить другие партии, побуждать их к новым, конструктивным решениям.

К тому же и либералы, и "зеленые" были явно слабы. А помогать слабым меня в детстве учили самые любимые мои учителя.

Я колебался до тех пор, пока два активных участника предвыборной борьбы не помогли мне принять решение.

То были Франц Иозеф Штраус, премьер-министр Баварии, лидер Христианско-социального Союза и Хайнер Гайслер, генеральный секретарь христианских демократов. Штраус очень умен, образован, осведомлен, воплощает кипучую жизненную силу; Гайслер тоже умен, остроумен и красноречив.

Они повлияли на меня и тем, ЧТО, и тем, КАК они говорили. И привели к убеждению, что таким динамично-целеустремленным и безоглядно самоуверенным политикам должна противостоять сильная оппозиция.

Я решил отдать оба голоса социал-демократам.

Хотя я горячо симпатизировал Хельмуту Шмидту, уважал его, — одного из крупнейших государственных деятелей современности, — но я считал, что СДПГ как правительственная партия "износилась" и может окрепнуть политически и морально только в оппозиции.

Я не пожалел, что голосовал именно так, а не иначе. Сегодня, после многих размышлений, скажу, что результаты выборов меня, в общем, удовлетворяют: либералы и Зеленые вошли в Бундестаг, СДПГ из своих потерь может извлечь полезные уроки. А если правительство выполнит большую часть обещаний, которое оно давало перед выборами, то можно надеяться на реальное улучшение экономики, а также на то, что будут по-настоящему лечить леса и реки.

Недели предвыборной борьбы, самый день выборов, напряжение шести часов напролет, когда я ни на миг не мог оторваться от телевизора, стиль отчетов и комментариев, в том числе и тех, с которыми я был не согласен, дискуссии и разговоры журналистов с государственными деятелями и избирателями, то, с каким мужественным достоинством Ганс Иохен Фогель, намечаемый социал-демократами в канцлеры, принял свое поражение, и то, как держался бундесканцлер Коль, лидер христианских демократов, как он деловито и рассудительно говорил о своей победе, — все это были зримые, явственные проявления демократии, воспринимаемой разумом и непосредственными ощущениями.

Некоторым немецким друзьям, пылким участникам предвыборных схваток, в конце концов все же удалось понять, что даже расстояние между Петрой Келли (лидером "зеленых") и Францем Иозефом Штраусом несравненно меньше, чем то, которое отделяет каждого из них от Хоннекера, партийного и государственного вождя ГДР, и Андропова.

Но одну особенность этих пестрых, шумных, разноголосых дней я воспринимал с болью и нарастающей тревогой.

Во всех речах, во всех комментариях отсутствовало одно понятие: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.

Казалось, все политические деятели просто забыли о том, что соблюдение прав человека, особенно в странах, владеющих губительным оружием, это единственная гарантия действенности старых и новых договоров между Востоком и Западом, и поэтому — самый надежный залог мира и безопасности.

До тех пор, пока Андрей Сахаров, пока все члены советских групп Хельсинки, руководители польской "Солидарности", чехословацкие "хартисты", борцы за мир в ГДР подвергаются преследованиям, травле, арестам — никто на нашем континенте не может чувствовать себя в безопасности. До тех пор, пока вопрос о правах человека в дипломатических и экономических переговорах попросту отметается как "внутренние дела" — опасность уничтожения человечества будет возрастать.

* * *

Некоторые по-западному высокомерные советологи и по-восточному ретроградные мифотворцы согласны между собой в том, что "таинственная русская душа" не нуждается ни в демократии, ни в гражданских правах. Но исконное стремление русского народа к свободе опровергает все подобные дурные сказки. И это стремление восторжествует — вопреки всем старым и новым угнетателям.

Разумеется, не единым избирательным бюллетенем жива свобода личности и права народов. В этом я убеждаюсь каждодневно здесь, в приютившей меня свободной стране. Об этом свидетельствуют и судьбы всех русских, украинских, чешских, польских и других борцов за права человека, чью внутреннюю духовную свободу не могут сломить никакие преследования. И я твердо верю, что в будущей России, при любых настоящих выборах победят те партии, те государственные деятели, для которых права человека будут не только лозунгом, но и незыблемой основой их внутренней и внешней политики. ■

---

* В ФРГ каждый избиратель получает двойной бюллетень: один голос за кандидата данного конкретного округа, второй — за одну из политических партий. И нередко бывает, что голоса эти не совпадают.

американских ракет среднего радиуса действия на территории ФРГ (эта мера предусмотрена странами НАТО на тот случай, если в ходе американо-советских переговоров, происходящих в настоящее время в Женеве, стороны не придут к соглашению). При этом Зеленые игнорируют наличие 600 советских ракет средней дальности (среди них 340 ракет типа СС-20), представляющих непосредственную угрозу ФРГ. Зеленые выдвигают план одностороннего разоружения Федеративной Республики.

Что касается борьбы с безработицей в ФРГ, то Зеленые предлагают переход на 35-часовую рабочую неделю и дополнительные ассигнования на социальные нужды. Финансирование этих мероприятий Зеленые предполагают осуществить за счет более высокого налогообложения богатых слоев населения, а также средств, которые освободились бы в результате сокращения оборонных расходов.

Зеленые критикуют советскую военную интервенцию в Афганистане и ряд других аспектов внешней и внутренней политики СССР.

Одним из сторонников Зеленых является лауреат Нобелевской премии по литературе Генрих Белль.

Экономические проблемы

В чем же истинные причины победы ХДС/ХСС и поражения социал-демократов? Многие американские журналисты называли мартовские выборы в Бундестаг "народным плебисцитом по вопросу о верности ФРГ Атлантическому Союзу". Некоторые западноевропейские и американские корреспонденты — с легкой руки журналистов "Дер Шпигель" — окрестили выборы в Бундестаг "ракетными выборами". Но соображения внешней политики, хотя и играли известную роль, вовсе не были основным фактором в решении миллионов жителей Западной Германии отдать свои голоса правящей коалиции.

Для рядового немецкого избирателя наиболее волнующими были вопросы экономики и социальной политики. В период правления социал-демократов Западная Германия стала государством всеобщего благоденствия. Внутренняя политика сначала Вилли Брандта, а затем Хельмута Шмидта способствовала значительным социальным достижениям. Государство оказывало немалую финансовую помощь всем гражданам, которые в ней нуждались. Система социального обеспечения ФРГ — одна из лучших и наиболее щедрых в Европе (она приближается к социальным достижениям скандинавских стран).

Но мировой экономический кризис отразился и на ФРГ. Об "экономическом чуде" ФРГ молодое поколение знает лишь понаслышке. Выборы происходили на фоне небывалой для ФРГ безработицы. В Западной Германии в настоящее время почти 2,5 млн безработных (10,2 проц. всех работоспособных). Экономика страны переживает спад. Огромные расходы на обеспечение социальных нужд населения осложняют финансовую ситуацию страны.

Даже рурские рабочие, традиционно голосовавшие за социал-демократов, на сей раз отдали сотни тысяч голосов Христианским демократам, ибо считали СДПГ ответственной за испытываемые ими теперь бедствия.

В ходе предвыборной кампании ХДС/ХСС выступали за минимальное вмешательство государства в экономику страны. Подобно Республиканской партии в США, блок ХДС/ХСС считает, что регулирование экономики со стороны государства является препятствием полному развитию рыночных сил.

Эта точка зрения консервативных сил ФРГ находит поддержку у Свободных демократов Геншера. ХДС/ХСС и их коалиционные партнеры считают неизбежным ограничение социального обеспечения. При этом они ссылаются на то, что расходы на социальное обеспечение населения в 1970 г. составляли 174,7 млрд марок, а в 1982 г. государство потрати-

ло на соцобеспечение в три раза больше (507,9 млрд марок).

Нынешние коалиционные партнеры Бонна исходят из того, что — в конечном счете — положение безработных и малоимущих улучшится, если частное предпринимательство сумеет беспрепятственно развиваться.

В отличие от западногерманских консерваторов, социал-демократы, находящиеся теперь в оппозиции, требуют усиления активной роли государства в области экономической и социальной политики. Нынешний руководитель парламентской фракции СДПГ Ганс Иохен Фогель, возглавивший борьбу партии в предвыборный период, предлагал программу создания субсидий в размере 40 млрд марок с целью преодоления безработицы среди молодежи и улучшения профессионального обучения. Западногерманские социал-демократы, полевевшие после ухода Шмидта, требовали — подобно Зеленым — повышенного налогообложения богатых.

Предвыборная борьба велась на редкость ожесточенно. Сыпались взаимные оскорбления. Циркулировали слухи, что в случае победы "красно-зеленых" начнется утечка капитала из ФРГ и дело дойдет до краха.

Размещение американских ракет

Массированный нажим Москвы, предупреждавшей о фатальных последствиях размещения американских ракет на территории ФРГ, возымел обратное действие.

Визит Фогеля в Москву, где он в течение 3 1/2 часов беседо- Миллионы рядовых избирателей, отдавших свои голоса ные противники лидера СДПГ стали называть его "кандидатом Москвы". В Вашингтоне президент Рейган сознательно удостоил Фогеля лишь 20-минутного приема. Тем не менее за несколько дней до выборов Фогель отправил президенту Рейгану письмо, в котором он заверил Вашингтон в верности СДПГ Атлантическому Союзу.

В своих предвыборных речах Фогель добивался народного мандата на борьбу за предотвращение размещения ракет на территории ФРГ. Руководитель СДПГ многократно заявлял, что согласился бы на размещение американских ракет только в случае обструкции Советами ныне проходящих в Женеве американо-советских переговоров по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений средней дальности.

В ходе предвыборной кампании широко использовались националистические лозунги. Коль говорил о "фатерланде", а Фогель подчеркивал "германские интересы" (очевидно, в противовес заокеанским интересам).

* * *

В Вашингтоне и Лондоне результаты выборов в Бундестаг восприняли с облегчением. Но результаты выборов вовсе не решили всех проблем, стоящих перед Западной Германией. Многое будет зависеть от экономических факторов. МИллионы рядовых избирателей, отдавших свои голоса ХДС/ХСС, рассчитывали при этом на возврат спокойных времен Конрада Аденауэра. Но история не повторяется. Первостепенная задача нынешнего коалиционного правительства в Бонне — значительное снижение безработицы. Оригинальной экономической концепции у Хельмута Коля, очевидно, нет. Судя по его высказываниям, он собирается — по американскому образцу — поощрять крупное капиталовложение в области промышленности и усиливать внешнеторговую роль ФРГ. Деятели ХДС/ХСС считают необходимым в некоторой мере урезать расходы государства на социальные нужды. Удастся ли правительству Коля подобным путем ликвидировать рост безработицы — пока трудно сказать. С момента, когда Шмидт был заменен Колем (в октябре 1982 г.), число безработных увеличилось на 700 000 человек.

До конца текущего года у Бонна немало забот и в области внешней политики. Зеленые уже объявили, что начнут — в случае попытки размещения американских ракет на территории ФРГ — "гражданскую войну без применения насилия". Социал-демократы, несомненно, потребуют взаимных уступок в ходе женевских переговоров для достижения компромисса.

Можно легко себе представить, что даже Хельмут Коль будет настаивать на достижении обеими сверхдержавами договоренности в Женеве. Ни советские ракеты, направленные на Западную Европу, ни американские ракеты, которые собираются разместить на территории ФРГ и некоторых других европейских стран НАТО, не разрешат никаких проблем, а, наоборот, увеличат опасность возникновения ядерной войны. ■

ПОЛЬША

ДЕКЛАРАЦИЯ

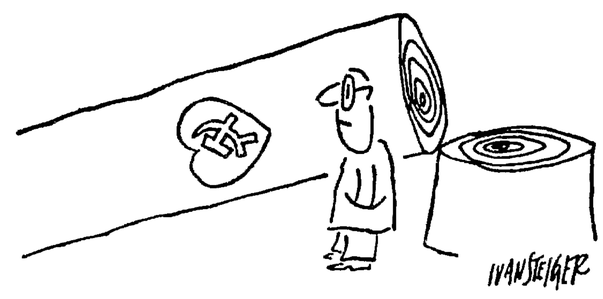
к годовщине Конституции 3 мая

Скоро мы будем отмечать годовщину Польской Конституции 3 мая, одобренной нашими предками 192 года тому назад. Этот документ должен был повести нашу страну по пути современного политического и общественного развития. Но возрождение Нации и Государства было прервано вооруженной русской интервенцией, которая была поддержана группой польских политиков-предателей, выступивших против Конституции. Республика пала. Но польский народ не был уничтожен. В годы порабощений память о конституции укрепляла его веру в конечную победу в борьбе за независимость.

В августе 1980 года наше движение начало процесс политических и экономических перемен. Мы создали возможности спасения Польши от катастрофы, к которой толкала ее коммунистическая власть в течение последних 30 лет. Сегодня, когда новая группа предателей вновь пытается уничтожить эти возможности, традиции 3-го мая особенно дороги для нас.

В заводских цехах, надев наше лучшее платье, украшенное кокардами национальных цветов, в полдень 3-го мая мы минутой молчания отдадим дань уважения тем поколениям поляков, — польских патриотов, — которые отдали свои жизни в борьбе за свободу своей страны и права своего народа. Пусть этот день станет для всех польских семей днем размышлений о прошлом Нации и о нашем долге по отношению к нашей стране.

Временная координационная Комиссия
НСПС "Солидарность"
23 марта 1983



ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

Интервью с Криштофом Помяном

Вопрос: Какова, по вашему мнению, роль церкви в возникновении того мощного освободительного движения, которое в целом называют одним словом — "Солидарность"?

Ответ: Я думаю так: роль церкви была, есть и останется основной для будущего Польши. Не было бы никогда "Солидарности", не будь церкви, не будь польского католицизма. Не в том смысле, что "Солидарность" прямо порождена церковью, но существование католической церкви в Польше было и остается основой существования какого-то простора, относительной свободы; именно потому, что церковь существует, государство не тоталитарно. Государство пробовало, особенно между 49-55 годами, подчинить себе церковь в такой мере, чтобы она стала сравнима с православной церковью в Советском Союзе. Из этого ничего не вышло, и за 25 лет церковь стала гораздо сильнее, чем в 1956 году.

Почему? Во-первых, молодые польские священники — это люди, которые выросли в этой системе: они ее знают, умеют с ней разговаривать, не боятся ее. Идеологически они гораздо лучше подготовлены к своей работе, чем люди конца 40-х годов, и это очень важный фактор, часто они — выходцы из тех же государственных университетов. Во-вторых, антиклерикальные и даже антирелигиозные тенденции, которые существовали в Польше до войны и имели большое влияние на всем политическом просторе польского социализма, — эти тенденции просто перестали существовать; коммунисты убили в Польше социализм, но одновременно убили антиклерикальные и антирелигиозные тенденции, насаждая их сверху. Впервые в истории Польша стала страной, где по одну сторону — католическая церковь, культура и все, что с

К ТРУДЯЩИМСЯ

От имени НСПС "Солидарность" и от имени трудового народа Польши поздравляем всех трудящихся с праздником 1 мая.

Польские рабочие будут демонстрировать в этот день под знаменем международной солидарности. Праздник 1 мая родился в борьбе за достоинство человеческого труда. В 1886 году рабочие Чикаго купили право на свое собственное профсоюзное представительство ценой своих собственных жизней. Для нас, поляков, Чикаго повторилось в Гданьске в декабре 1970 года, в шахтерских районах Силезии в 1981 году, в Люблине в 1982 году, и мы отдаем себе отчет, что оно может повториться еще многократно.

Профсоюзное движение было уничтожено в государствах, находящихся под правлением коммунистов, и профсоюзы в этих странах являются лишь декоративными организациями, полностью подчиненными партийно-государственному работодателю. В августе 1980 года впервые в стране "реального социализма" мы завоевали право на создание независимых профсоюзов. Коммунистическая власть, монополия которой была поставлена под угрозу, не смогла с этим смириться.

В декабре 1981 года разразилась контрреволюция и вновь, как и 100 лет назад, полилась рабочая кровь: против безоружных были использованы танки и пулеметы. Была поставлена цель уничтожить независимое профсоюзное движение. Более года наш профсоюз действовал нелегально в условиях полицейского террора. Тысячи активистов "Солидарности" были интернированы и арестованы. Тысячи остаются за решеткой, приговоренные к многолетним срокам заключения. Забастовщиков и демонстрантов избивают. Сотни были изувечены и несколько десятков человек были хладнокровно убиты только потому, что они защищали свою свободу и достоинство. Репрессии продолжаются. Членов профсоюза выбрасывают с работы. Многие промышленные предприятия милитаризированы. Было объявлено о создании лагерей принудительного труда. Людей преследуют за то, что они пользуются естественными правами человека. Аресты и политические процессы продолжаются. Подготавливается политический процесс 7 членов Высшего Руководства Профсоюзов, которых 15 месяцев держали в тюрьме. Подготавливается также показательный процесс членов бывшего Комитета защиты рабочих (КОР). Польское правительство нарушило все основные международные соглашения в области прав рабочих и в области гражданских прав; оно разорвало соглашение, заключенное со своим собственным обществом, и растоптало свои собственные декларации.

"Солидарность" не позволит себя уничтожить. "Солидарность" жива и хорошо укрепилась на низовом уровне. Профсоюз действует и не прекращает своей борьбы за права польских трудящихся. Мы боремся за право действовать свободно, за свободу политических заключенных и за прекращение преследования активистов Независимого профсоюзного движения. Мы будем действовать решительно, настойчиво и осторожно. Нашей целью является общественный мир, основанный на уважении к закону, который общество признает как свой собственный. Только тогда труд миллионов поляков станет источником духовных ценностей и материальных ресурсов для всей нации.

Организуя в прошлом году независимые демонстрации, рабочие показывали тем самым, что для польских трудящихся 1 мая стало днем борьбы за социальные права. Мы не одиноки в этой борьбе. С первых дней августа 1980 года мы получали помощь от трудящихся всего мира. В канун праздника 1 мая мы хотели бы поблагодарить профсоюзы и другие организации за рубежом, а также частных лиц, которые своим благородством дали свидетельства солидарности между людьми. Всем трудящимся, для которых первые шаги к независимым профсоюзам еще впереди, мы обращаемся со словами приветствия, надежды и ободрения. Тем, кто живет в демократических странах, мы желаем стойкости в усилении развития независимого профсоюзного движения.

Здесь, в Польше, мы боремся за нечто большее, чем наше собственное дело. Мы глубоко верим в то, что наша борьба имеет всемирное значение: она расширяет пределы свободы, справедливости в современном мире. Мы нуждаемся в вашей поддержке. Продемонстрируйте 1 мая вашу солидарность с борьбой польских рабочих.

23 марта 1983 года

Временная Координационная Комиссия НСПС "Солидарность":

Збигнев Буяк (регион Мазовии)
Владислав Хардек (регион Малопольши)
Богдан Лис (регион Гданьска)
Йозеф Пиниор (регион Нижней Силезии)
Эугениуш Шумейко (Президиум Национальной Комиссии)

НСПС — Независимый Самоуправляющийся Профсоюз

Йозеф Пиниор арестован в Бреславле 24 апреля 1983 года.

ней связано, а с другой стороны — нет ничего. Польская церковь, которая никогда не была особенно интеллектуальной, у которой с людьми культуры в XIX веке отношения были очень сложные, стала бастионом культурной свободы. Люди верующие и неверующие могли действовать именно на этом просторе. Все мы писали, и пишем, и публикуемся в журналах, так или иначе связанных с церковью, и нас никто там не спрашивал, ходим ли мы в церковь и каково наше отношение к религии. За последние 25 лет церковь стала большой культурной и интеллектуальной силой.

Именно потому, что церковь разлагала саму тоталитарную систему изнутри, смогла появиться "Солидарность", хотя, конечно, "Солидарность" — рабочее движение. Но тот, кто знаком с рабочим движением не только по марксистским источникам, знает, что в рабочем движении религиозный элемент играл всегда особую роль.

Вопрос: Не изменилось ли отношение церкви к "Солидарности" после введения осадного положения? В западной печати появлялись намеки на связь церкви с военной хунтой, рассуждения о некоем коллаборационизме церкви. Что вы думаете по этому поводу?

Ответ: Церковь — явление религиозное, а не политическое. Люди церкви, польский episкопат и Папа думают об общественных проблемах с таких позиций, которые не являются политическими, или, по крайней мере, не только политическими: их позиции скорее пасторские. По их мнению, они отвечают за души людей. Это дает им иной временной горизонт, они мыслят не годами, а десятилетиями, веками. Конечно, невозможно избежать противоречий между людьми, которые занимаются политикой и мыслят неделями и месяцами — и людьми, которые используют другой масштаб времени, и дело тут не в близорукости политиков. Для нас самый большой отрезок времени — человеческая жизнь, мы думаем, что будет через год, через несколько недель или месяцев. Для нас проблемы столетиями не измеряются. Это и приводит к трениям, на которых иногда заостряется внимание. Но следует при этом строго соблюдать пропорции.

Я расцениваю роль церкви как безусловно позитивную, несмотря на отдельные декларации примата Глемпа, которые мне не всегда нравятся — но ведь нигде не сказано, что они должны мне нравиться всегда. Некоторые мне кажутся не особенно удачными — это неизбежно, но это не меняет сути дела.

С такой же точки зрения следует рассматривать визит Папы, видеть в нем не только политическое происшествие, которое вписывается в "в краткосрочное время", в котором мы говорим о Ярузельском, в котором мы ждем мгновенного результата; он важен — но следует понимать, что это событие принадлежит национальной польской истории и значение его гораздо глубже. Что мне особенно не нравится, так это сведение столь значительного явления, как визит Папы, к минутному политическому значению. Впрочем, я — последний человек, который скажет, что этого политического значения не будет, или что оно не важно — оно есть, и оно важно, но оно — не единственное. Увы, появление противоречий и неизбежно, и нормально; но из этого, однако, не следует, что церковь вступила в союз с Ярузельским. Здесь никто не может привести ни одного даже самого маленького доказательства. Конечно, никого они не продали. Не знаю, хотели ли власти что-либо купить, но только церковь не собиралась ничего продавать.

Церковь после 13 декабря сыграла огромную роль, занимаясь, среди прочего, заключенными и интернированными. Достаточно почитать "памятники" — этот новый жанр польской литературы, — воспоминания арестованных после 13 декабря. Что на меня произвело в них особенное впечатление — это рассказы о приездах ксендза или епископа в лагеря и тюрьмы. Священники воевали с начальниками тюрем, когда те не хотели их пускать, — где-то было написано, что заключенные имеют право на посещение священника, — добивались своего, приходили в камеры — представляете, как это было важно?

Именно потому, что церковь старается заниматься только душами, она проделывает грандиозную политическую работу, значение которой гораздо шире, чем только Польша. Польша действительно является форпостом христианской культуры в советском блоке, в коммунистическом мире. ■

(Беседу вел М. Ростин)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Борис Перчаткин на суде в 1982г.

ПОХОД ПРОТИВ ПЯТИДЕСЯТНИКОВ

Последние месяцы ознаменовались особенно резким усилением преследований со стороны властей церкви Христиан веры Евангельской — пятидесятников. Церковь пятидесятников, насчитывающая в СССР несколько десятков тысяч человек, давно уже является источником беспокойств для властей: члены церкви коллективно добиваются выезда из СССР, страны, где они не могут свободно исповедовать свою веру.

Лишь за последние месяцы прошел ряд процессов пятидесятников. В январе 1983 г. в г. Ровно осужден на 3 г. лагерей Василий Шилюк, в конце февраля в Вильнюсе на такой же срок — Эдуард Булах. Против жены Э. Булаха Светланы и другой вильнюсской пятидесятницы возбуждено уголовное дело за "распространение клеветнических измышлений".

В конце марта в Ростове-на-Дону судили москвича-пятидесятника Василия Бараца, основателя общественной группы "Право на эмиграцию" и издателя бюллетеня группы "Листы информации". В. Барац приговорен к 5 г. лагерей. Незадолго до суда в Ростове была арестована приехавшая туда жена В. Бараца Галина Барац-Кохан. Обвинение против обоих супругов — "антисоветская агитация".

21 февраля 1983 г. в тайге под Комсомольском-на-Амуре арестован лидер одной из крупнейших общин пятидесятников в СССР — находкинской — Борис Перчаткин. Он освободился из заключения всего лишь несколько месяцев назад, 18 августа 1982. Арест произошел в таежном зимовье: Б. Перчаткин вместе с единоверцем А. Денегой находился там на охоте. В зимовье был проведен обыск и найден нож. Несмотря на заявление А. Денеги, что нож принадлежит ему, и что у него есть лицензия на охоту и право на ношение оружия, Б. Перчаткина арестовали... "за незаконное ношение оружия".

"Он ничего не понял, — сказал следователь Н.Н. Клопов родственникам, — пусть еще посидит..."

25 марта члены находкинской общины пятидесятников начали голодовку, требуя освобождения своего лидера.

К. Любарский

КАМПАНИЯ ВОКРУГ "ФОНДА ПОМОЩИ"

Последнее время ознаменовалось ожесточенной кампанией советских властей против Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям, завершившаяся 1 апреля 1983 г. арестом распорядителя Фонда инженера-программиста Сергея Дмитриевича Ходоровича (р. 1941 г.). С. Ходорович помещен в московскую Бутырскую тюрьму и ему предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР.

В день ареста С. Ходоровича прошли обыски у него самого и еще у четырех лиц, в том числе у Нины Лисовской и у Андрея Кистяковского. В Крыму обыскали брата С. Ходоровича, в Вильнюсе — бывшего политзаключенного Валерия Смолкина. Видимо, были и еще обыски.

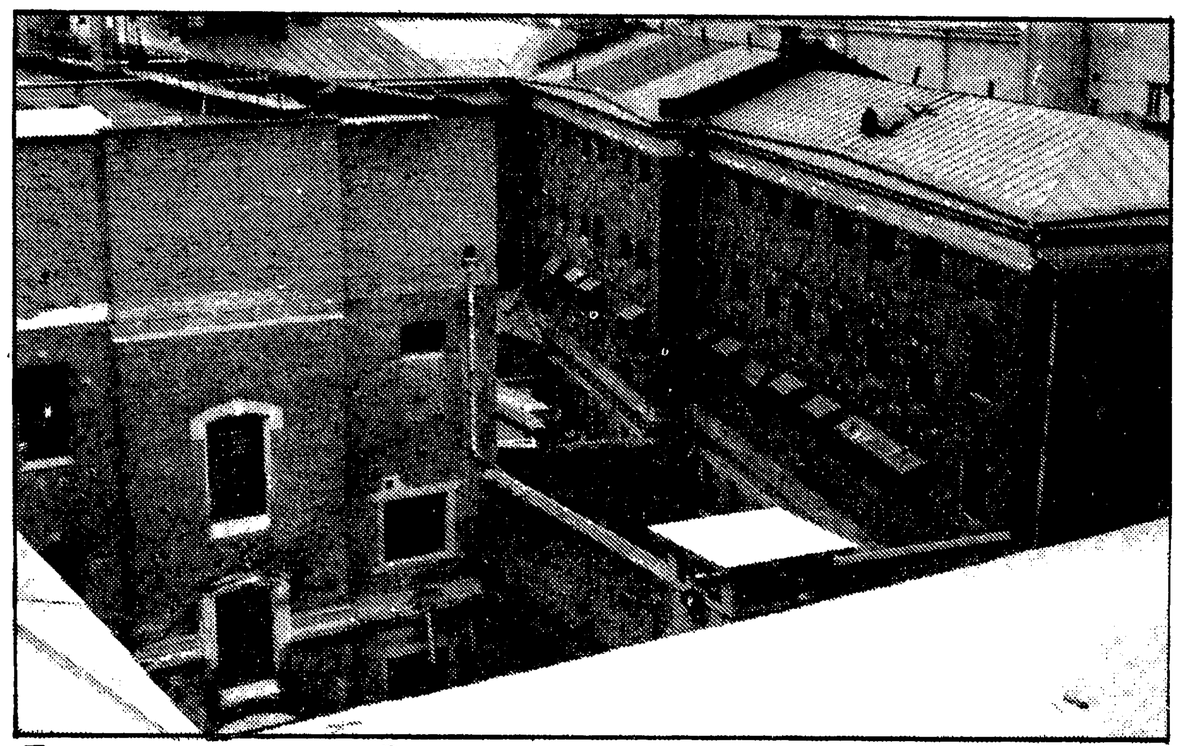
Старые российские традиции помощи заключенным никогда не умирали в нашей стране. Не будем здесь вспоминать о 20-х годах, о "Политическом Красном Кресте", руководимом Е. Пешковой. Скажем лишь об организации помощи политзаключенным уже в наше время. Одним из пионеров этой помощи был математик Владимир Альбрехт, заслуживший ласковое прозвище "Дед Мороз" — занявшийся этой деятельностью еще в начале 70-х годов (недавно, 1 апреля 1983 г., В. Альбрехт арестован и помещен в Бутырскую тюрьму). Пыталась огранизовать помощь заключенным и так называемая "Группа-73", в которую входили Владимир Архангельский, Андрей Твердохлебов, свящ. Сергий Желудков и многие другие. Но, конечно, по-настоящему организованной и массовой помощь стала с основанием Русского Общественного Фонда.

Фонд был создан Александром Солженицыным в 1974 г. после его насильственной высылки из СССР. Президентом Фонда стала его жена Наталья Солженицына. Фонду были переданы мировые права на книгу А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг". Целью Фонда было помочь физически выжить лицам, арестованным за их убеждения — вне зависимости от их политических убеждений, национальности, вероисповедания. Даже поведение на следствии и на суде не играло роли в получении заключенным помощи — и духовно сломленный человек имеет право на получение гуманитарной помощи. И, разумеется, важной целью Фонда было оказание помощи семьям политзаключенных.

Первым распорядителем Фонда стал друг А. Солженицына Александр Гинзбург. Как отмечала Н. Солженицына, "А. Гинзбург обладал совершенно исключительными качествами для этой работы: доброта, бесстрашие, спокойствие, редкая память". В феврале 1977 г. А. Гинзбурга арестовали — позднее он был приговорен к 8 г. лагерей строгого режима.

Полные отчеты о деятельности Фонда, по понятным причинам, никогда не публиковались. Известно, однако (об этом было сообщено на пресс-конференции после ареста А. Гинзбурга), что в среднем в год Фонд помогал тогда 700 семьям. Согласно статуту Фонда, помощь оказывалась детям и престарелым родителям заключенных, ссыльным, старикам и инвалидам в заключении, бессемейным заключенным. Эпизодически Фонд оказывал помощь на передачи, посылки и бандероли заключенным, на поездки на свидания, подписку на журналы и газеты, оплату адвокатов, оказывал разовую помощь освободившемуся (на первое обзаведение).

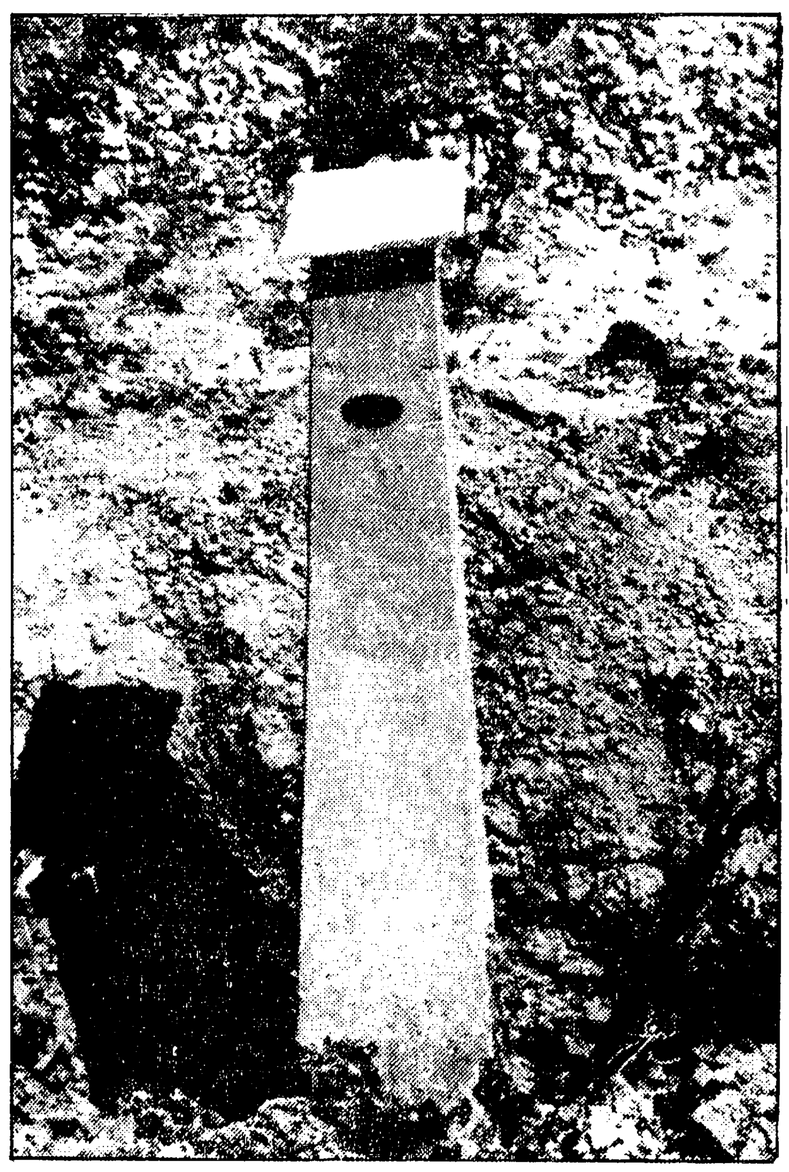
После ареста А. Гинзбурга распорядителями Фонда стали Мальва Ланда, Татьяна Ходорович и Кронид Любарский. М. Ланда, однако, вскоре была осуждена на ссылку, а К. Любарский и Т. Ходорович были принуждены к эмиграции. Им на смену пришли жена А. Гинзбурга Арина Жолковская и



Бутырская тюрьма. Здесь сейчас содержатся С.Ходорович, В.Альбрехт, В.Гершуни и многие другие.

СОБЫТИЯ В ЭСТОНИИ

Эстонцы никогда не смирялись с оккупацией их страны советской армией в 1940 г., но не всегда их борьба шла с одинаковой интенсивностью. Разгром партизанского движения в послевоенные годы, казалось, "умиротворил" страну, хотя с началом правозащитного движения вновь начало себя активно проявлять национальное самосознание эстонцев, их демократические устремления (дело М. Кийренда, К. Мятика, С. Солдатова и др.).



Тумба на могиле Ю.Кукка с №23781

С особой интенсивностью вспыхнуло национальное сопротивление в Эстонии в 1980 году, ознаменовавшемся массовыми демонстрациями в Таллине, Тарту, Пярну и др. городах. С этого времени начинаются в Эстонии регулярные аресты правозащитников (один из них, доктор Юрий Кукк, трагически погиб в лагере). Начало 1983 г. принесло с собой новый открытый поход КГБ против эстонских борцов за национальные права.

В первых числах марта по многим эстонским городам прокатилась волна обысков — они исчислялись десятками. Изымались сам- и тамиздат, пишущие машинки, фотоаппаратура. 5 марта в Тарту была арестована архитектор Лагле Парек (р. 1941). В свое время, в 1941 г. отец Л. Парек был расстрелян советскими войсками, мать и сестра административно высланы в Сибирь.

13 апреля последовали еще два ареста: Арво Пести в Тарту и Хейки Ахонена в Таллине. А. Пести (род. 1956) был в свое время исключен из Тартуского университета за распространение эстонского самиздата и перед арестом работал в пожарной команде. Х. Ахонен также вынужден был работать трубочистом.

Все трое арестованных содержатся в таллинской тюрьме "Батарея".

Там же сейчас ждут суда четверо эстонцев, пытавшихся бежать через Балтийское море в Швецию. Трое из них пытались сделать это в августе 1982 года на плоту, один — в ноябре на резиновой лодке. Всех четверых взяли в международных водах...

НОВЫЙ АРЕСТ ОЛЬГИ МАТУСЕВИЧ

12 марта 1983 из женского лагеря в Одессе должна была освободиться член Украинской Хельсинкской группы Ольга Матусевич, отбывавшая там 3 года заключения за "распространение клеветнических измышлений". На свободу она, однако, не вышла. Ей было предъявлено новое обвинение, на этот раз в "антисоветской агитации и пропаганде", грозящее ей 7 годами лагерей и 5 годами ссылки.

По ее делу в Черновцах у бывшего политзаключенного Иосифа Зисельса был произведен обыск, затем Иосифа и его жену Ирену допросили.

Повторные аресты в лагерях теперь стали обычным явлением — наоборот, освобождения стали редкостью. Но этот случай — первый повторный арест женщины и первый повторный арест, когда новое обвинение — это "антисоветская агитация". Обычно до сих пор ограничивались фальсифицированными уголовными обвинениями или обвинениями в "клеветнических измышлениях", т.е. таких, которые грозили сравнительно малыми сроками.

Муж Ольги Матусевич Микола, приговоренный за "антисоветскую агитацию" к 7 г. лагерей и 5 г. ссылки, также член Украинской Хельсинкской группы, в настоящее время находится в Чистопольской тюрьме.

Сергей Ходорович. Когда же в 1980 г. А. Жолковская выехала из СССР к мужу, которого за год до этого обменяли на советских шпионов, единственным объявленным распорядителем Фонда остался Сергей Ходорович.

Единственным объявленным — ибо необъявленных помощников у распорядителей (начиная с А. Гинзбурга) всегда было очень много. Да это и естественно. Один человек просто физически не в состоянии закупать продукты, паковать посылки и бандероли, встречаться с сотнями людей, отправлять сотни переводов и т.д. и т.п.

Жизнь С. Ходоровича в качестве распорядителя Фонда была нелегкой. Его неоднократно увольняли с работы, подвергали обыскам, арестовывали на 15 суток. К нему подсылали уголовников (или тех, кто под них маскировался) с требованиями денег под угрозой ножа. И конечно — невероятная физическая нагрузка, нервное напряжение.

Большим ударом для Фонда был арест представителя Фонда в Ленинграде Валерия Репина. До своего ареста В. Репин тянул на себе огромную работу и заслужил благодарность многих и многих заключенных и членов их семей — они и по сей день вспоминают его добрым словом. Но В. Репин оказался человеком слабым — видимо, под угрозой предъявления обвинения по ст. 64 — "измена Родине" — он не только признал себя виновным, но и назвал всех известных ему помощников Фонда, всех известных ему заключенных, получавших от Фонда помощь. Его вынудили также сделать заявление о том, что Фонд — филиал ЦРУ, которое за деньги получает от заключенных секретную информацию. Велика, кстати, власть штампов над людскими умами. Допустим на минуту, что В. Репин сказал правду. Но ведь это означает, во-первых, что в СССР секретна информация о том, как обращаются с заключенными, чем их кормят, к какому труду понуждают — секретна, потому что постыдна; во-вторых, что ЦРУ, значит, готово тратить деньги на помощь инвалидам-заключенным, детям узников совести, и т.д. Хотел бы я видеть в этой роли КГБ!

Но эти соображения не приходили в голову устроителям телевизионного спектакля, поставившими В. Репина 1 апреля 1983 г. перед камерой ленинградского телевидения. Не отрывая глаз от бумаги (впрочем, написанной им самим) он повторил свою версию о ЦРУ, назвал имена 21 советского гражданина, 9 эмигрантов и 9 иностранцев, помогавших Фонду. 8 апреля, на другой день после ареста С. Ходоровича, почти то же повторила по телевидению и молоденькая жена В. Репина Елена.

Сергей Ходорович

Угроза нависла и над другими лицами. Так, в украинских газетах, в связи с деятельностью Фонда, появились грязные статьи о женах политзаключенных Олене Анто (жене З. Красивского) и Светлане Кириченко (жене О. Бадзьо). Очень легко эксплуатировать ментальность обывателя: раз имеют дело с деньгами — значит наживаются. Бескорыстие и сострадание — вне круга понимания авторов и заказчиков статей.

Фонду будет нелегко оправиться от нанесенных ему ударов. Но традиции милосердия и взаимопомощи в нашей стране по-прежнему сильны. Кто окажется сильнее? Но даже если государственной машине удастся раздавить группу самоотверженных людей, то — надолго ли?

САМИЗДАТ

НОВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

С января 1983 г. в советском самиздате начало распространяться новое информационное издание: "Экспресс-информация. Бюллетень "В'". Бюллетень выходит 2-3 раза в месяц. В него входит, расположенная обычно в хронологическом порядке или в порядке поступления,различная информация, поданная так, как она есть, без комментариев и оценочных суждений. Из номера в номер бюллетень содержит, как правило, следующие разделы: 1. Суды, аресты, допросы; 2.Лагеря, тюрьмы, ссылки, психиатрические больницы; 3.Свобода совести; 4.Печать, цензура, самиздат, тамиздат; 5.Право на эмиграцию; 6.Жизненный уровень; 7.Слухи, разное; 8.Персоналия. Особый раздел составляет "Архив 'В'", куда входят полные тексты различных правозащитных и иных документов.

В некотором смысле бюллетень "В" аналогичен знаменитой "Хронике текущих событий". Он, однако, ее не дублирует. Необходимость в создании нового информационного издания стала ясной тогда, когда "Хроника" начала все более и более расширять свой объем и уменьшать периодичность. "Хроника" стала более основательной, более насыщенной информацией, но при этом потеряла свою функцию оперативного издания, позволяющего быстро информировать читателей самиздата внутри страны о происходящем. Последний, недавно вышедший в свет, номер "Хроники" — №63, датирован 31 декабря 1981.

Эту функцию, функцию газеты, взял на себя бюллетень ':В". Первый вышедший к читателю номер, — №94-95 (сдвоенный). Эта странная для читателя цифра — не случайна. Бюллетень "В" в действительности существует уже довольно длительное время, но первоначально для широкого распространения он не предназначался: он был своего рода "служебным" изданием для ограниченного круга потребителей — материалы "В" появлялись потом в иной форме в различных сам- и тамиздатских публикациях и радиопередачах.

Основал бюллетень "В" Иван Ковалев — он сам сказал об этом на своем суде, указав, что он является его "единственным составителем и редактором". "Я начал составлять их, — сказал Иван Ковалев, — чтобы информация о различных событиях не пропадала. Сперва они (бюллетени) никак не назывались, потом для названия была взята первая попавшаяся буква. Мне известно, что сборники "В" изымались у разных лиц, так вот: я один несу ответственность за них".

Сейчас, когда бюллетень "В" вышел к самиздатскому читателю, он слегка изменил свой внешний вид. Введена строгая рубрикация, оглавление, появился титульный лист. Эпиграфом к изданию поставлено: "...Ибо не ведают, что творят".

Перврвый "открытый" номер начинается со своего рода предисловия "Разгромлено ли в СССР правозащитное движение?" Однако, вовсе не обязательно, что это предисловие отражает точку зрения нынешних редакторов "В" — в последующих выпусках возможно появление комментариев, представляющих и иные точки зрения. По крайней мере подзаголовок "предисловия" это обещает.

Мы публикуем в "Трибуне" это т материал, ибо полагаем, что он представляет значительный общественный интерес.

"РАЗГРОМЛЕНО ЛИ В СССР ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ?
(Заметки невеселого оптимиста. Подборка первая)

"... Когда надеемся того, чего не видим,
Тогда ожидаем и терпения".
Рим. 8, 25.

С распространенным мнением об уничтожении правозащитного движения, вероятно, можно согласиться, но лишь уяснив себе — что же такое правозащитное движение в СССР, когда возникло и каковы его особенности. В нашей и зарубежной печати правозащитное движение и движение демократическое, диссидентство и инакомыслие, оппозиция и антисоветизм — зачастую используются как синонимы, как термины равнозначные и взаимозаменяемые, и эта словарная неточность, при отсутствии сколько бы то ни было убедительного анализа, ведет к серьезным смысловым ошибкам.

Начнем с того, что инакомыслие в СССР теперь вообще не преследуется. В общем сотрудники КГБ говорят правду, заявляя: "Думать вы можете все, что хотите. Мы боремся с антисоветской пропагандой". Термин "антисоветская пропаганда" может быть понят по-разному, но первая часть фразы довольно справедлива. Отношение к инакомыслящим в СССР практически укладывается в известную рекоменд ─ю императора Траяна в письме к Плинию о преследовании христиан: "Выискивать их незачем; если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, то есть помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и вызывали подозрение".

Это не помешало КГБ сфабриковать множество дел. Уголовных и политических, желая скрыть суть дела, обвинять в хулиганстве или изнасиловании, но лишь тех, кто выступал или, по мнению КГБ, собирался выступать против каких-либо существенных элементов советского правопорядка: лагерей и спецпсихбольниц, бесправия народа и искажения истории страны, нищеты и преследований за религиозные убеждения. Кроме нескольких дел на Украине (Алтуняна, Горыня), теперь для того, чтобы попасть в лагерь или тюрьму, нужно что-нибудь сделать: написать неподходящую книгу или заявление в Президиум Верховного Совета, добиваться выезда из СССР или читать детям Евангелие. Положение нерадостное и все-таки повторим: преследованием инакомыслящих в прямом и узком смысле этого слова карательные органы в СССР теперь не занимаются. Нет той всеобщей системы сыска и доносительства, с помощью которой "читали в душах" в 30-е и 40-е годы и отправляли в лагеря за анекдот, случайную фразу, невнимание к портрету в газете, поездку за границу за 10 лет до этого, наконец, нежелательных родственников и знакомых, то есть как раз за инакомыслие или его возможность.

Сейчас с опаской, но все-таки бранят власть, иронизируют в очередях и трамваях, анекдоты рассказывают дворники и члены ЦК, а следить за употреблением газет с портретами вождей никому не приходит в голову. Каждый думает, как хочет: кто за, кто — против, большинство думает о колбасе, и в этом, вопреки Орвеллу, но в полном согласии с Лениным, тоже опасность для государства. Главное же — реально сущее инакомыслие, питаемое трудными условиями жизни, медленно, но все же убывающей эффективностью официальной пропаганды, проникновением сведений о жизни более привлекательной и поисками духовных основ существования в атмосфере полнейшей бездуховности, является почвой для появления новых и новых уже не только инакомыслящих, но инако-говорящих и даже "инако-действующих".

Первые годы "оттепели" — годы растерянности, удивления и изживания животного страха вскоре сменились периодом довольно интенсивных поисков в социальной и духовной сфере. Я имею в виду не поиски советского руководства (тема, кстати, увлекательная, но пока трудно исследуемая), а говорю об исканиях сравнительно узкого круга интеллигенции преимущественно в крупных городах СССР.

Объединяя самые разнообразные и даже взаимоисключающие проявления этих исканий, можно сказать, что это были попытки создания новой силы в государстве, то ли за счет зародышей новых партийных объединений, то ли с помощью кардинальных изменений существующего образа правления.

Создавались христианские объединения (самое известное — ВСХСОН Игоря Огурцова) и чисто демократические ("Демократическое движение" Солдатова), первые попытки свободных профсоюзов (Клебанов), и внепартийной молодежной организации (Борисов), то и дело появлялись неомарксистские группы (напр. в Московском университете), первые неподцензурные журналы ("Синтаксис") и группы несоцреалистических художников, бывшие непродолжателями традиций русской живописи первой трети века, которой они практически не знали, но противниками современной им советской живописи, которую они знали слишком хорошо (Краснопевцев, Плавинский, Рабин и др.). Столь же разнообразными были проекты реорганизации советского общества: от христианизации народа и восстановления утраченных духовных ценностей при авторитарном правлении до

плюралистического общества западного типа со смешанной экономикой.

Это были попытки подтолкнуть, ускорить процесс демократизации, придать ей "необратимый характер", иллюзорные надежды на то, что *решительные преобразования* в СССР возможны благодаря одной лишь доброй воле и здравому смыслу руководства без крайней необходимости и грозящей катастрофы.

Надежды и иллюзии на преобразования или хотя бы возможность сосуществования с советским государством испарились довольно быстро (в особенности после изгнания Хрущева) — у кого в лагерях, у кого в психбольницах, именно тогда в них стали все чаще лечить от иллюзий, у остальных — пока на воле, но в изменившихся обстоятельствах.

Демократическое движение в стране, не имевшее четких временных границ, рецидивы которого, а точнее — наиболее жизнеспособные элементы, живы в СССР и поныне, завершилось как сравнительно массовое и разнохарактерное явление к началу 70-х годов.

Теоретические основы движения нового периода были несложны и появились, естественно, еще во время существования активного демократического движения. Коротко они были сформулированы в известном плакате, вынесенном на Красную площадь: "Соблюдайте вашу конституцию".

"Комитет по правам человека", "Хельсинкские группы", "Комиссия по психиатрии", группы, боровшиеся за право на эмиграцию, за осуществление права верующих, за права инвалидов — характерные проявления движения, названного правозащитным.

Для него существен отказ от попыток создания новых сил, новых партий, от решительных изменений в стране на законодательном уровне. Пользуясь существованием хотя и достаточно куцей, но все-таки европейской по своему существу конституции и ратификацией СССР ряда международных актов правозащитники ставили своей задачей создание уже не демократического, но хотя бы правового государственного уклада. Важными, однако, в их наследстве оказались не теоретические стремления, не призрачные уже и тогда надежды на осуществление закрепленных Конституцией и международными соглашениями гарантий, важной оказалась их ежедневная и самоотверженная деятельность.

Если демократическое движение было по существу внутренним советским делом (хотя и ориентированным иногда на западные образцы), если оно не имело почти никаких связей с внешним миром, а главное — каждая его часть была совершенно изолирована от другой и в общем-то ничем посторонним не интересовалась, то правозащитное движение имело совершенно другой характер.

Само обращение к правам человека было не только обращением к западным стандартам развития человеческого общества, но и к международным организациям, деятельность которых основана на этих стандартах. Имели значение не только международные связи и принципиально открытый характер деятельности этих групп, но главным образом то, что защита прав человека, первоначально не носившая самозащитного характера, естественно требовала втягивания в эту атмосферу открытости и международной известности множества дискриминируемых групп населения, чьи права нуждались в защите.

Гонения на баптистов и пятидесятников, отказывающихся от государственного контроля, положение немцев, татар и евреев, национальное движение в Прибалтике и на Украине и многое, многое другое, до тех пор известное лишь КГБ и в каждом отдельном случае — небольшому кругу участников, впервые за историю советской власти зачастую сразу же становилось известно за рубежом, а с помощью средств массовой информации не только европейцам и американцам, но, главное, в той или иной степени населению самого Советского Союза.

Происходило быстрыми темпами с одной стороны создание реалистического представления о характере советского общества на Западе, с другой — активизация всех групп населения СССР, борьба и жертвы которых, до того — безвестные, анонимные, теперь получили всемирную поддержку и сочувствие.

И в этом значение правозащитного движения неоценимо велико и несопоставимо ни с одним социальным явлением (кроме, может быть, крестьянских восстаний во время коллективизации) советской истории. Без него, точнее без известности, которая была придана "самолетному делу" была бы невозможна эмиграция в последние годы почти трети миллиона человек из СССР, эмиграция, создавшая десятки свободных газет, журналов и издательств, каждое из которых в отдельности может и не вызывает безусловного восторга (немногочисленная, в сущности, эмиграция уж слишком распылила свои силы), но, когда придет время подводить итоги, ясно, что вклад ее окажется весьма значительным.

О разгроме именно этого, легального и самоотверженного, в большой степени идеалистического движения в СССР приходится говорить, как о свершившемся факте. Не достигнув, казалось бы, поставленных перед собой целей, не превратив СССР в правовое государство, не добившись соблюдения принципов ни советской конституции, ни международных соглашений, касавшихся прав человека, почти поголовно заплатив за свою деятельность изгнанием и тюрьмой, правозащитники все же изменили в какой-то степени климат в стране и представление о ней в окружающем мире.

Можно ли считать, однако, что с разгромом правозащитного движения в стране воцарится желанный властям могильный покой и порядок? Для этого, пожалуй, нет оснований. Начался лишь новый период, который можно назвать откровенно и сознательно оппозиционным. Сейчас уже преследуют тех, кто не имел отношения к собственно правозащитному движению: арестованы все члены Совета представителей СМОТа, усилились репрессии против пятидесятников, участились аресты в Армении, подполковник КГБ Губинский (новейший специалист по русской литературе) всячески старается довести до инфаркта больного Георгия Владимова, затравить и запугать Феликса Светова, уничтожить Зою Крахмальникову (переквалификация статьи обвинения со 190-1 на 70 — зловещая преамбула расправы), разделаться с Леонидом Бородиным — почти последних русских писателей, осмелившихся явочным порядком осуществлять свободу русской литературы. Нависла угроза над "группой за установление доверия между СССР и США", все реже выходят на свободу политзаключенные после окончания срока — перечислять репрессии долго и тягостно.

Существенно для нашей истории, однако, иное: в нынешнем оппозиционном движении присутствуют важнейшие элементы движения демократического: неподцензурные информативные и художественные издания, свободное профсоюзное движение, все новые неомарксистские объединения и журналы (следователи по делу Фадина, Кудюкина, Кагарлицкого и Чернецкого говорят не только о четырех подпольных журналах, но и целом "Союзе коммунаров"), а в заявлениях о партийной принадлежности все чаще встречается НТС. Заметен вклад и правозащитного движения — не только в виде "Группы доверия", что и само было бы немало, но главное — в активизации групп, защищающих не чужие, а свои собственные права. И эти группы властям подавить не удается.

К ранее существовавшим и продолжающим активную деятельность катакомбным церквам (общинам баптистов, адвентистов и пятидесятников, отвергающих регистрацию, "Свидетелям Иеговы", ИПЦ) прибавились ставшие гораздо активнее Украинская Католическая Церковь, "покутники", традиционные и новые восточные культы (дзен-буддизм, кришнаиты). Несмотря на непрекращающееся давление властей и сознательное нежелание некоторых лиц давать излишнюю, по их мнению, и преждевременную информацию, видимо, можно говорить о серьезном и мощном православно-церковном движении в СССР, значительном росте влияния православной церкви.

Не иссякает национальное движение в Армении, Грузии, Литве, Латвии, Эстонии, на Украине и в Средней Азии, не прекращается борьба немцев за выезд в ФРГ и не утихает еврейское брожение в СССР, причем одновременно в двух направлениях: за выезд из страны и за создание условий для полноправной и полноценной жизни здесь (изучение иврита и культуры идиш, создание еврейских журналов, театров, семинаров и т.д.). Наконец, серьезную озабоченность властей вызывают существующие уже несколько лет массовые молодежные объединения: пацифистов, панков, неофашистов, болельщиков "Спартака", ЦСКА и "Динамо", столкновения которых заканчиваются уже не только массовыми побоищами, но и убийствами. Нет оснований этому радоваться, но все же именно они оказались стихийно возникшими внепартийными молодежными организациями — на доступном советской молодежи уровне, конечно.

Я уже не говорю о том, что опыт 30-40-х годов свидетельствует: уничтожить свободную русскую (да и не только русскую) литературу можно лишь поголовным расстрелом населения, хотя можно сильно понизить ее уровень.

Даже для этого, далеко не полного, перечисления видно, что хоть и уничтожено правозащитное движение, но оппози-

** Неточность в оригинале. Имеется в виду демонстрация на Пушкинской площади (ред.).*

ционное движение — живо. Причем в тоталитарном обществе любое внегосударственное объединение волей-неволей оказывается оппозиционным, поскольку по меньшей мере вынуждено защищать свое существование. Чем больше параметров, по которым осуществляется контроль за жизнью народа, тем больше оказывается людей, не удовлетворяющих тому или иному требованию властей. Тем больше оказывается не только жертв, но и противников.

Есть и еще одно основание считать, что оппозиционное движение не только не будет уничтожено, но, несмотря на репрессии, будет разрастаться. Дело, правда, пока не в том, что власть не в состоянии его уничтожить. КГБ и МВД обладают и нужным штатом, и оборудованием, и давно отработанными приемами, чтобы подавить питательную среду оппозиции — всякое инакомыслие, возродить в стране "большой террор" или леденящий покой сталинского времени. Можно думать, однако, что в полном объеме это уже не произойдет, а паллиативы, как видно, ни к чему не приводят.

Попытка воссоздания "железного занавеса", прекращение международных связей, закрытие всех каналов информации заведомо приведет к еще большему отставанию страны в техническом развитии, переведет СССР на положение Индии и Китая, заставит отказаться от имперских амбиций.

Искоренение инакомыслия потребует ареста по политическим мотивам уже не сотен и тысяч человек, как теперь, а многих миллионов, как в 30-40-е годы. Производительность труда в лагерях, однако, несмотря на все попытки зверской эксплуатации заключенных, все еще значительно ниже, чем на воле (из-за многочисленности обслуживающего персонала и охраны, невозможности использовать сколь нибудь дорогостоящее или сложное оборудование, случайность и непрофессиональность работающих и т.д.). И без того обостряющаяся нехватка рабочих рук в СССР превратится в катастрофу при новых массовых арестах.

Наконец, изменилась психология руководства в стране. Правда, мы все еще вынуждены перечислять материальную невыгоду, которая должна удержать от массовых убийств, поскольку предполагать наличие моральных сдерживающих доводов было бы слишком оптимистично. Однако среди них нет ни людей с богатым уголовным прошлым (каким был Сталин), нет и откровенных клинических садистов, каким был Берия.* Можно по-разному оценивать суть советского строя (вопрос непростой и, я надеюсь, что еще удастся написать об этом), напоминать о неосталинистах и наследниках Сталина, но все-таки его самого у нас нет и условий для повторения его опыта — тоже. Кое-чему научилось и руководство на опыте "большого террора" и бережет хотя бы свои собственные головы.

Так что опасен не маловероятный "большой террор", а последствия, к которым приводит террор малый. Демократическое и правозащитное движения разгромлены, но оппозиция не только не уничтожена, но заметно растет, теряет свои иллюзии и меняет формы организации. Она все более становится массовой и уходит в подполье, а в этом опасность не только для советской власти...

* По утверждению одного видного сотрудника МВД, летом 1980 года, прокладывая коммуникации к гостинице ЦК в Спиридоньевском переулке, строители обнаружили подземный ход из особняка Берии (теперь посольство Туниса) в дом, где было отделение КГБ, ведавшее его охраной. Подземный ход был забит трупами. Его осмотрело сперва начальство МВД, потом КГБ. Помолчали и велели закопать понадежнее. Наше время тоже не такое уж "вегетарианское" и все же подобных могил у нас сейчас нет.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПОИСКИ»

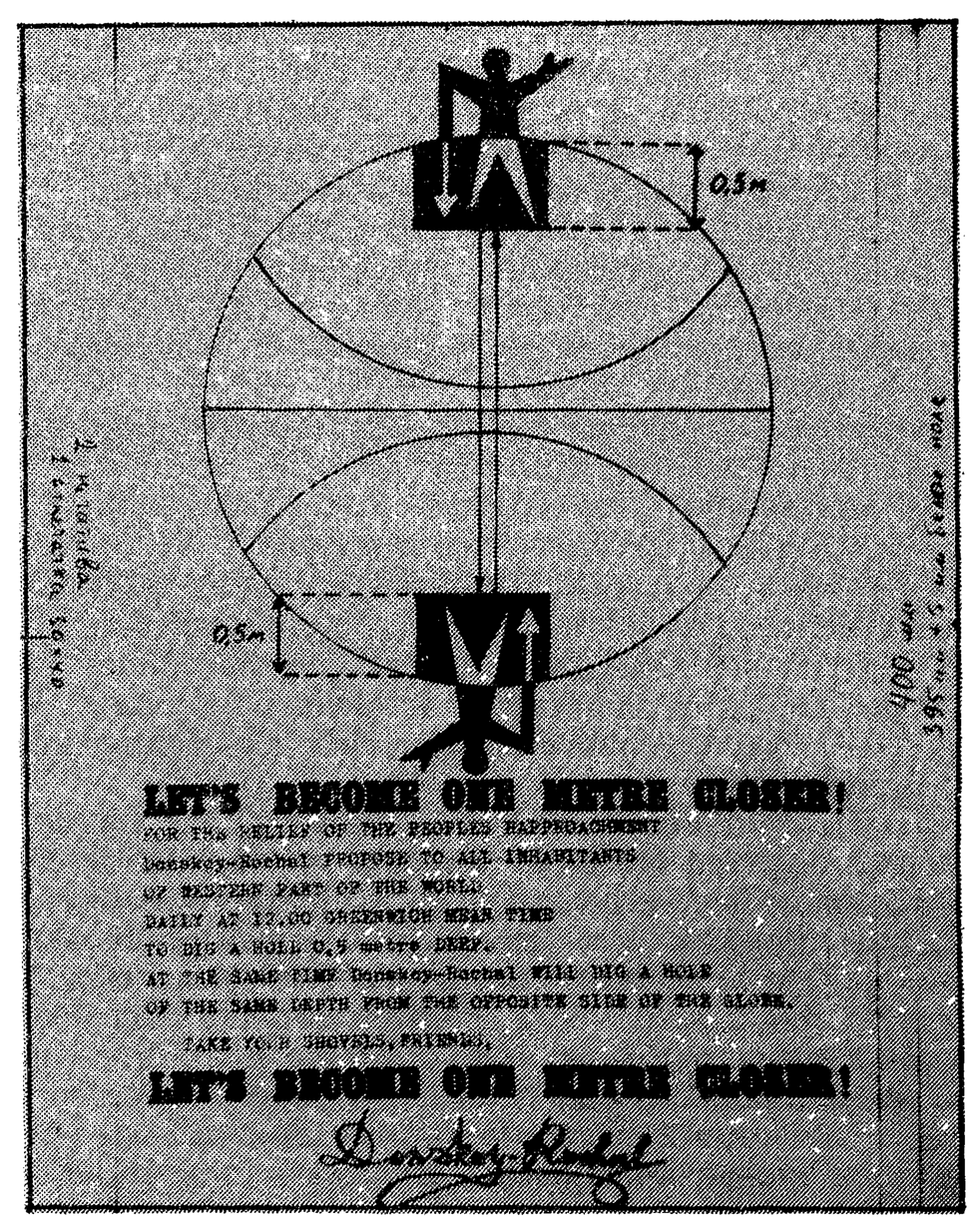
вышла в свет

КНИГА ЭМИЛЯ КОГАНА

«СОЛЯНОЙ СТОЛП (Политическая психология А. Солженицына)»

«POÏSKI»
2, rue Henri Koch,
94000 Créteil, France.

искусство



ИЗ ПИСЕМ МОСКОВ

С прискорбием должен Вас известить, что APTART прекратил свое существование 15-го числа. Вчера к Н. явились сотрудники известных органов с ордером на обыск по изъятию "антисоветских документов", разгромили выставку Скерсиса-Захарова, проходившую в это время, конфисковали часть работ и множество материалов, не имеющих никакого отношения к "антисоветчине". В тот же день был обыск у М. Рошаля, где были также изъяты работы Рошаля и Мухоморов. В разговорах кагебешников чувствовалось, что они склонны интерпретировать работы если не как антисоветские, то как порнографические, либо и то и другое вместе. Ни то, ни другое не соответствует истине...

Каким-то образом эти обыски связывались с делом Сысоева, что тоже очень странно. Возможно, это первый знак начала большой кампании по искоренению и полной победе над здешним новым искусством.

Если это так, то это ужасно. Что будет дальше, естественно, неизвестно, но ждать чего-нибудь особенно хорошего трудно.

Однако за пять месяцев существования APTART осуществил семь мероприятий: 1) осеннюю групповую выставку (октябрь), 2) выставку живописи К. Звездочетова (ноябрь), 3) показал акцию "Эти славные 60-70-ые годы" Абалаковой-Жигалова (декабрь), 4) перформанс Мухоморов "Кто сей божественный фиал разрушил как сосуд случайный?" (декабрь 82), 5) акцию Алексеева "Тусовка" (январь 83), 6) выставку С. Ануфриева (февраль) и 7) выставку В-52...

Все это грустно, но хорошо, что сделали хоть что-то, и Бог даст ситуация как-нибудь выправится...

Речь на самом деле идет о расправе над художниками, а не политическими деятелями. В последнее время в Москве произошло некоторое оживление художественной среды, появилась группа художников, работающих хотя и различно в стилевом отношении, но объединенных некоторыми качествами. Это можно бы было назвать "New Wave", если бы термин не был слишком стерт. Просто начала формироваться новая стилистика, использующая достижения русских художников 70-ых годов, но достаточно специфическая. Это не СОЦАРТ и не диссиденция, а именно искусство, и тем более ужасно, что власти обрушились на это искусство как на нечто уголовное.

Мы не собираемся пока хоронить наших друзей, но ситуация и в самом деле тяжелая...

• • •

Во вторник у меня был обыск. Я предполагал, что что-нибудь такое произойдет, но думал, что опера будут просто пугать. Однако, поступили они резко. Просто пришли рано утром и перевернули все вверх дном. Как уже писали, в это время происходила выставка Скерсиса-Захарова. Они изъяли несколько их работ, несколько моих, большую мою графическую серию, кучу чужих стихов и сочинений; у Миши же Рошаля тоже взяли много работ, в том числе и Мухоморов...

и действительность

Лист из альбома В. Сысоева и К. Сапгир "Московские картинки. Патриотический лубок".

Г. Донской и М. Рошаль: "Будем на метр ближе!".

С К И Х Х У Д О Ж Н И К О В

... Про Мухоморов уже поползли слухи, что это, мол, большая организация, чуть ли не партия. Что за идиот распускает эти слухи — не знаю, но сам понимаешь, чем это пахнет для ребят...

• • •

После всего происходящего я чувствую, что жить и работать здесь больше невозможно. Даже если на этот раз все кончится нормально, в будущем лучше не будет; я не знаю, что на Западе, смогу ли я там заработать, наверное, как-нибудь смогу, но дело не в том: по крайней мере, там мне не будут навязывать ярлык порнографа за то, что я использую обнаженные фигуры и квалифицировать как преступника против государства за то, что я пишу слова, отличающиеся от принятых в "Правде". Я устал от этого. Для меня ужасно сообщить о том, что был обыск, маме — я боюсь за нее, и пока не говорил ничего и не буду до тех пор, пока не произойдет что-нибудь совсем плохое или она сама не узнает. Это все заставит ее уйти с работы, но она мне говорила, что это не страшно. Страшно другое: она больной человек и может не выдержать. Я люблю эту страну, но сидеть и ждать, когда стукнут сильно по лбу, неохота, и все же, если уж я тут родился и живу, может быть, надо нести этот крест...

• • •

... Локальное ли это мероприятие или большая кампания против неофициальной культуры — понять трудно. Хотят ли они просто сильно напугать или на самом деле разгромить все дотла...

... Они явились рано утром. Шутили: "Ну что вы, молодой человек, а так скучно живете, мы надеялись, что у вас в постели красотка лежит, а вы все один да один, и на стенах какие-то фотографии голых мужиков". О, бедные идиоты!..

• • •

Каждый день я жду вызова на допрос, и эта процедура, как говорят все прошедшие через нее, еще неприятнее обыска. Они специалисты по выуживанию из человека информации, по запугиванию, по тому, что они называют "раскалывать", т.е. доводить допрашиваемого до того, чтобы он говорил то, что надо им. Я надеюсь, что мне удастся пройти через это без вреда для других и себя, но ждать, когда это произойдет — малоприятно. Ареста, я думаю, да и все вокруг говорят, так и не будет, но дело в том, что неизвестно, что они планируют. Ясно, что речь идет о целой кампании по искоренению "чужих взглядов". В последнее время очень много слухов ходит о готовящихся мерах по спасанию молодежи "от растлевающего воздействия Запада", которому часть молодежи поддалась.

• • •

... Оказаться в лагере или надолго в больнице — это страшно. Но сильнее всего нежелание участвовать во всей этой мерзости. Я хотел бы отвечать за то, что я делаю, а не за то, что думают о моих делах эти люди из больших серых домов. Ужасно общество, где художнику навязывается совершенно не присущая ему роль...

ДУША СКОМОРОХА

Художник Вячеслав Сысоев посажен за решетку. За что? Наверное, за то, что в него, бедолагу, вселилась душа скомороха. Вселилась — да и дернула художника засмеяться площадным смехом над невероятной мешаниной по имени *действительность*.

Та действительность? Там в стране, той самой, отдельно взятой, где в разгаре строительство самого светлого будущего, со всеми вытекающими оттуда... Да нет же! На его рисунках — современный Апокалипсис. Он обличает мировое зло. Он говорит не только о том, что видит, но и о том, о чем слышит, догадывается, читал — о чем ему, наконец, дунул в чуткое ухо "гнилой западный ветер"...

... Но для особого дара Вячеслава Сысоева свойственны не только жесткие "черные" рисунки. Есть у его творчества особая сторона — единственная в своем роде — он создает рисунки в стиле лубочных картинок на современные темы. И эта его грань как-то особенно близка Кире Сапгир. Когда она впервые увидела лубочные картинки Сысоева — в ней тоже взыграло скоморошье нутро. Ей сразу же захотелось написать что-то похожее на эти рисунки, и пошли раешники-скоморошины — тоже на современные темы. И перед ней замелькала ярмарка, где, приплясывая, крутился скоморох, одевший на плечи круглую корзину-сцену; Петрушка-дразнилка, возмутитель спокойствия, верещит и пищит, крутится в плетеной корзине-"райке". Дети, бабы, мужики лупятся на зрелище, прыскают от смеха! А рядом, тут же на продажу — лубочные доски, с теми же сюжетами, что и у скомороха с его раешником. Ох и не любили простодушных острословов те, кого они осмеивали!

Итак, родилась идея раешников. Надо сказать, что они были по сути дела соавторством — К. Сапгир с В. Сысоевым — ведь на его лубках не только аутентичность в рисунке, он и надписи к ним придумывал как надо. На свет появились "Патриотические лубки". Сейчас они должны стать достоянием читателя и зрителя. Назначение раешников и лубков — отнюдь не изображать святых и ангелов, да и Сысоев — вовсе не иконописец, это будущий читатель и зритель пусть имеет в виду. Жанр раешника — увы, грубый жанр...

(Из предисловия к альбому В. Сысоева и К. Сапгир "Московские картинки. Патриотический лубок".)

ЗАПАД — ВОСТОК

В. МАЛИНКОВИЧ

КАКОЙ ЖЕ ДОЛЖНА БЫТЬ СТРАТЕГИЯ РАДИОВЕЩАНИЯ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

Воспитание слушателей

Железным занавесом оградил себя Советский Союз от всего мира. С большим трудом, преодолевая множество препятствий, пробивается туда свободное печатное слово. Радиоволны, несмотря на глушение, по-прежнему остаются наиболее действенным средством проникновения в СССР объективной информации. "Свободу", "Голос Америки", "Немецкую волну" и "Би-Би-Си" слушают миллионы людей в республиках Союза. И потому всех, кто заинтересован в демократическом будущем народов нынешнего Советского Союза, волнует вопрос о том, каким должно быть радиовещание на СССР. Кто и что будет отбирать для радиопередач из бесконечного потока идей и фактов? Какими принципами следует руководствоваться при таком отборе?

В последнем номере журнала "Посев" за прошлый год была опубликована статья Глеба Рара "О стратегии радиовещания". Большая часть статьи обосновывает необходимость проведения определенной стратегической линии радиовещания на Советский Союз (Г.Рар, правда, называет эту страну Россией, но, вероятно, понимает под этим словом государственное образование в границах советской тоталитарной империи). Автор статьи убежден в том, что радио должно проводить осмысленную стратегическую политику, направленную "на разоблачение и разрушение мифов и фикций, на которых зиждутся авторитеты номенклатуры и ее аппарата и без которой не будет власти у власти", на поддержание "альтернативных авторитетов", реальных и потенциальных.

Что ж, с этим трудно не согласиться. Вопрос в том, какие авторитеты, какие идеи и социальные позиции следует поддерживать. Рар утверждает: поддержка альтернативных авторитетов лишь тогда не будет рассматриваться, как вмешательство страны, ведущей радиовещание, во внутренние дела Советского Союза, когда она будет означать "равно доброжелательное отношение ко всем антитоталитарным течениям, группировкам и организациям в стране". Ко всем? "Односторонняя поддержка одних только центростремительных сил, — пишет г-н Рар, — пренебрежение и невнимание к чаяниям и надеждам отдельных народов только формально выглядели бы как невмешательство". Прекрасно, значит стратегия радиовещания должна быть направлена на поддержку чаяний всех народов, в том числе и стремлений многих из них жить независимой национальной жизнью. (Стремления эти многие нерусские народы империи неоднократно выражали самым недвусмысленным образом. Так, например, сразу же после гибели самодержавия возникли мощные национальные движения в российских колониях, что привело к образованию независимых государств в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Закавказье, в Средней Азии). Но нет, оказывается поддерживать требования национальной независимости для нерусских народов нельзя. "Разжигание национальных разногласий, особая поддержка центробежных сил, *розенберговщина* (подчеркнуто мною — В.М.) были бы, — по словам Рара, — ничем не прикрытым вмешательством". В чем же тогда должна состоять стратегическая линия радиовещания, по мнению г-на Рара? В наступлении "на русском фронте. Не на разрозненных периферийных фронтах, а на центральном... До самого последнего времени попытки вступить в диалог с русским национальным сознанием, попытки обращения к чувству ответственности русских за судьбы своего народа недооценивались, не встречали понимания, пресекались. Наступили сроки поставить во главу угла такое обращение к духовной стихии, которая на протяжении веков многократно спасала Россию, а бывало — и Запад".

Ради этих строк, мне кажется, и написана эта статья. Национальных проблем нерусских народов лучше всего совсем не касаться — очень уж легко попасть в опасное пространство между Сциллой расчленительства и Харибдой односторонней поддержки центростремительных сил. Главное же стратегическое направление, по г-ну Рару, — это поддержка русского национализма. Какое там "равно доброжелательное отношение ко всем антитоталитарным течениям, группировкам и организациям в стране", где больше половины всего населения — нерусские! Но, может быть, г-н Рар считает, что движения за права народов не являются антитоталитарными? Ведь не случайно, наверное, рядом с выражением "центробежные силы" (очевидно, н──ональные силы, стоящие за независимость республик) стоит слово "розенберговщина".

Розенберг

Розенберговщина. Для нас, новых эмигрантов, плохо знакомых с внутренними трениями внутри нацистской партии накануне вторжения Германии в Советский Союз, этот термин означает комплекс человеконенавистнических идей "Мифа XX века". Но в статье Рара он упоминается совсем в другом значении. Накануне войны Альфред Розенберг предложил план создания на оккупированных территориях СССР марионеточных национальных государств. Этот план был подвергнут критике Гитлером и рядом других нацистских лидеров, среди которых были и такие, что надеялись на поддержку именно русского народа. Они ошиблись. Русский народ не принял фашизма и вместе с другими народами, населяющими Советский Союз, вместе с народами держав антигитлеровской коалиции и участниками сопротивления в оккупированных странах Европы, уничтожил его. Война закончилась. Но понятие "розенберговщина", в том значении, в каком его употребил г-н Рар, кое-кто сохранил в памяти.

Дело в том, что в годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны, в русской эмиграции были определенные силы, для которых "розенберговщина" означала не расовую теорию, а всего лишь неприемлемую тактическую линию нацистского движения, с которым, в принципе, можно было сотрудничать. Среди тех, кто в те годы сочувствовал фашизму, были и многие члены партии Народно-Трудовой Союз (тогда он назывался Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения), партии, в которой ныне состоит большинство членов редколлегии журнала "Посев", где напечатана статья Г. Рара. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Уже в 1933 году в газете Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП) "За Россию" была напечатана статья Н. Новаковской "Heil, Hitler!" Автор провозглашает: "Наше дело создать сейчас в изгнании и оторванности от народной массы ту дисциплинированную группу, гитлеровское ядро, которое понадобится — нужно уже сейчас — для проведения нашей идеи в жизнь. Ту дружину, на плечи которой обопрутся руки Вождя. Только — Вождя, только Руководителя, Вдохновителя" ("За Россию", № 8, с. 3).

В том же году в статье "Вопросы программы" М. Георгиевский пишет: "... пока эмиграция продолжает застарелый спор — монархия или республика, жизнь и современность выдвинули новую форму политического бытия — *диктатуру*. К ней одинаково пришли монархическая Италия и республиканская Германия... Диктатура для нас — сильная власть, единственный путь осуществить национальную революцию и установить твердый порядок..." ("За Россию", № 16, с. 1).

В следующем году некто Бабкин разбирает достоинства и недостатки фашизма в большой статье "Фашизм и освобождение России": "Фашизм и его видоизмененный отголосок национал-социализм, несомненно, революционны. Революционность и действенность суть особенности положительные и вызывали и вызывают наш восторг. Несомненно многому у фашизма и национал-социализма мы обязаны учиться".

Затем в газетах "За Россию", "За новую Россию", "За Родину" публикуются статьи с панегириками Муссолини и Салазару (например, "Достижения итальянского фашизма", "За новую Россию", № 33, с. 4; "Новое Португальское государство", А. Столыпина — ныне члена редколлегии журнала "Посев", "За Родину", № 60, с. 5 и т.д.).

В 1939 году Председатель НТСНП получил приветствие Союзу от IV съезда Российских фашистов, в котором, в частности, говорится: "Съезд отметил единство мировоззрения НТСНП и РФС, единообразную формулировку нашей идеологии (Бог, Нация, Труд — у РФС и идеализм, национализм и солидаризм — у НТСНП), сходство наших программ (Единая Трудовая Организация Нации, называемая нами Российским Корпоративным Строем) и поручил избранному им центральному руководству — продолжить работу по сближению на путях Национальной Революции в будущей России. Не откажите передать Российский Фашистский привет всем новопоколенцам.

Глава Российского Фашистского Союза К.В. Радзаевский
Секретарь К.В. Арсеньев" ("За Родину", № 76, 18, с. 1).

Фашистский съезд направил также приветствие газете НТСНП "За Родину":

"31.1.1939 г.

Соратники,

IV съезд Российских фашистов, собравшихся в Харбине, поручил мне приветствовать газету "За Родину", как выдающийся и яркий орган Нового Российского Национализма, поднимающего на борьбу за свободу Россию подъяремную и лучшую часть Российского зарубежья.

На нашем съезде, на котором среди Российских фашистов присутствовал и представитель НТСНП — особо уполномоченный НТСНП при РФС К.М. Алексеев, было еще раз закреплено единство идеологии, программы и тактики наших организаций, и Съезд единогласно вынес постановление о дальнейшем углублении этого единства.

С большим интересом делегаты знакомились со статьей проф. Георгиевского в № 73 "За Родину" — "Единая Трудовая Организация Нации", отмечая полное совпадение этой статьи с принятыми Съездом дополнениями программы РФС о своеобразной форме будущего корпоративного строя России...

Съезд выразил уверенность, что на путях Национальной Революции РФС и НТСНП образуют единую Русскую силу...

Председатель IV Съезда,
глава РФС *К.В. Радзаевский*".

И редакция газеты "За Родину" ответила на приветствие:

"Редакция "За Родину" благодарит главу РФС К.В. Радзаевского и делегатов IV Съезда РФС за приветствие, дающее нам основание видеть в РФС соратника и союзника". ("За Родину", № 76, 18, с. 7).

Это было написано в год, когда началась Вторая мировая война.

Вскоре Гитлер обманул ожидания многих членов НТС, отказавшись делать ставку в борьбе против Сталина на русский народ. В это же время Розенберг выдвигает свой план расчленения Российской империи на марионеточные государства, столь оскорбительный для русских националистов. Отношения с нацистами стали портиться. Но отказ от прямой поддержки реального фашизма не означал пересмотра идеологии. В "Схеме национально-трудового строя", изданной НТС в 1944 году, все еще виден антидемократизм идейных установок: "России не нужна комедия парламентских выборов и фальсификации народной воли; ей нужен деловой отбор способных общественных деятелей". Верховная власть в стране (и законодательная, и исполнительная) должна принадлежать главе государства, правительство не ответственно перед Думой, "влияние народностей, не входящих в состав Российской Нации, на государственную или общественную жизнь, должно быть полностью исключено. Евреям предоставляется право или свободно покинуть пределы России, однако, без вывоза капиталов, или же поселиться... в специально отведенной для них области". Примеров антидемократии схемы можно привести сколько угодно.

В конце войны гестапо начало преследовать членов НТС. Некоторые из них оказались в концлагере.

После войны НТС принял новую программу, пересмотрел тактику, но публично, насколько мне известно, своих идеологических и политических ошибок не признавал. "XX съезд" НТС так никогда и не состоялся. Напротив, оценивая работу Союза в военный период, Съезд Совета НТС заявил, что "Общая политическая позиция Союза в этот период была правильной" (Сборник решений Совета НТС, 1958, с. 8).

Впрочем, не это — главная тема статьи. Просто слово "розенберговщина", в том контексте, в котором употребил его г-н Рар, навело на некоторые размышления. Более важным, на мой взгляд, является вопрос о принципах стратегии радиовещания на СССР (в первую очередь — стратегии радио "Свобода").

О "равновесии идей"

В отличие от Г. Рара, я думаю, что вопрос о вмешательстве радиовещания во внутренние дела Советского Союза не зависит от того, равномерно или неравномерно будет поддерживать радио силы сопротивления тоталитаризму (проблему преимущественной поддержки русских национальных сил я пока оставляю в стороне). Вероятно, могли бы рассматриваться как вмешательство во внутренние дела радиопередачи, содержащие призывы к насильственному свержению режима, пропагандирующие террор.

Но дело не только в этом. У многих советских слушателей "равно доброжелательное" отношение ко всем альтернативным идеям может вызвать раздражение и недоверие. Им трудно будет понять, например, почему в одной передаче царя Николая II называют великомучеником и причисляют к лику святых, а в другой, идущей через 10-20 минут, он — Николай Кровавый. Равно доброжелательное отношение к передаче разнонаправленных идей, наверняка, дело неплохое, имеет целью заинтересовать слушателя, заставить его всерьез заняться изучением проблемы с тем, чтобы в своем сознании объяснить возникшие противоречия. Но необходимо помнить, что радиовещание ведется на страну с весьма специфическими условиями. У слушателя там чаще всего нет возможности получить добавочную объективную информацию (разве что случайно попадет кое-какой Самиздат или Тамиздат — но это лишь к немногим). А потому многих слушателей такая "сбалансированность" информации может только запутать. Она способна вызвать у них ощущение, что "все врут". Тем большее недоверие к радио вызовет у слушателей стратегическая линия, которая "во главу угла" поставит национальные интересы русских. Она будет неприемлемой как для значительной части нерусского большинства, так и для многих русских, для которых преимущественное внимание радио к национальным проблемам их народа (когда и без того проводится откровенная русификация) может показаться странным.

Мне кажется, что стратегическая линия радиовещания должна быть направлена на пропаганду принципов демократии в той форме, в какой они признаны в большинстве стран цивилизованного мира. Эти принципы закреплены в уставах ООН, ЮНЕСКО, МОТ и многих других межгосударственных и общественных организаций, в Хельсинкском Заключительном Акте и документах международного права, подписанных как Советским Союзом, так и странами Запада, вещающими на СССР (уже потому Советам трудно будет возражать против такой линии радиовещания).

Эти принципы хорошо известны правозащитникам в республиках Союза, на них они опираются в своей деятельности (хотя, надо признать, есть в стране и группы оппозиции, которые считают демократические принципы недостаточными, а то и вредными). Г. Рар полагает, что социальная база правозащитников очень ограничена и радио должно вести передачи в расчете на более широкие социальные слои. Думаю, что это верно. Но я убежден, что пропаганда именно демократических идей, информация о деятельности демократических институтов, освещение истории и оценка культурных достижений народов с демократических позиций, религиозные передачи с позиций терпимости и уважения свободы совести каждого заинтересуют широкого слушателя. Такие программы будут способствовать развитию у советских граждан чувства их правосубъектности, без чего невозможно построение в республиках СССР демократического общества, невозможна демократическая альтернатива. Такая стратегия радио поможет "разоблачению и разрушению мифов и фикций" еще и потому, что продемонстрирует слушателю лицемерие режима, который рядится в тогу защитника демократии, а на самом деле стремится подавить любые ее проявления. Пропаганде демократических идей режиму нечего будет противопоставить.

— Но монополия на пропаганду лишь демократических идей противоречит принципу плюрализма, без которого невозможна демократия! — возразят, очевидно, мне. Безусловно, плюрализм — это хорошо. Только вот возможен он лишь в обществе с развитыми демократическими традициями, в обществе людей, терпимых к различным, в том числе и антидемократическим, идеям и мнениям. В нашей стране (за исключением, разве что, республик Прибалтики) в силу исторических условий демократические традиции развиты очень слабо. Вече — очень уж из далекого прошлого, либерализм — из-за иерархической структуры империи — не имел распространения в массах, у революционных демократов наблюдалась выраженная склонность к насилию. Наша эмиграция — калька общества у нас на родине — демонстрирова-

ла и демонстрирует взаимную нетерпимость и порой проявляет симпатии к экстремным и антидемократическим идеологиям. Еще раз хочу напомнить о том, что часть эмиграции оказалась способной поддержать идеи фашизма (это касается не только русских, но и эмигрантов из других республик Союза, или национальных окраин бывшей империи). В условиях тоталитаризма экстремистские идеи, передаваемые по радио без соответствующего комментария, могут увлечь значительное количество людей и толкнуть их на борьбу разрушительную, а не конструктивную.

Все сказанное отнюдь не означает, что советский слушатель не должен знакомиться со всем спектром альтернативных идей. Радио должно давать информацию о всех серьезных проявлениях общественной мысли в стране и за рубежом, но не оставаться при этом нейтральным, а открыто поддерживать именно демократические идеи.

Сложные проблемы могут возникнуть при подготовке материалов о социализме, свободном предпринимательстве и национализме. Тема эта требует особого рассмотрения. Здесь мне хотелось бы лишь подчеркнуть, что все эти идеологии (социализм, капитализм, национализм) могут проявлять себя как в демократических, так и в антидемократических формах, но только к их демократическим формам радио должно быть "равно доброжелательным".

Не должно быть сомнения в необходимости освещать национальные проблемы нерусских народов СССР, поддерживать их право на самоопределение и создание независимого государства. Это право давно признано во всем мире (и, конечно же, в государствах, ведущих радиовещание на Советский Союз). Даже Советское государство формально признает право республик на выход из СССР. Думаю, что на радио "Свобода" нужна специальная программа на русском языке (а на других радиостанциях — специальные передачи), посвященная национальным проблемам нерусских народов. Цель такой программы — с одной стороны, познакомить русских людей с историей, культурой и национальными чаяниями народов Союза, о которых они, в силу русификаторской политики государства, ничего не знают, а, с другой, дать одним нерусским народам информацию о других народах на русском языке — единственном языке, на котором они (по тем же причинам) могут между собой общаться.

Безусловно, радио должно достаточно времени уделить истории и культуре русского народа, вот только русские национальные интересы нельзя при этом отождествлять с интересами российского империализма — врага всех народов тоталитарной империи, в том числе и народа русского. Лишь при соблюдении этого условия подход к освещению национальных проблем будет демократическим. ■

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ...

Номер был уже сверстан, когда стало известно, что КГБ ведет дело об издании бюллетеня "В". Обвинение в редактировании предъявлено арестованному 18 февраля 1982 г. в городе Боровске Калужской области литератору Сергею Ивановичу Григорьянцу, в прошлом политзаключенному.

Такое же обвинение предъявлено арестованному в Калуге 21 марта историку-архивисту Дмитрию Дмитриевичу Маркову.

Примечания к статье И. Голомштока "Стопудовый шагает памятник" (стр. 1-3).

1. G. R. Urban (ed.). Stalinism, London, 1982, p. 425.
2. "Искусство", 1934, № 5, стр. 59.
3. Hinz, Berthold. Art in the Third Reich, Oxford, 1979, p. 42.
4. Speer, Albert. Inside the Third Reich, London, 1979, p. 130.
5. Ibid. p. 242-3.

ТРИБУНА

ПРОДАЕТСЯ
ВО ВСЕХ РУССКИХ
КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

ЦЕНА НОМЕРА
18 фр.фр.

Подписка на 10 номеров
(150 фр.фр.)
принимается по адресу:

31, Jardins Boieldieu
92800 Puteaux, France
M-me ZVORYKINE

Письмо в редакцию

ПИСЬМО "ТРИБУНЕ"

Г-да редакторы!

Мня себя человеком порядочным, я не могу нахваливать орган, именующий меня светилой с мировым именем (ЖурГаз № 1, стр. 9). Так что два замечания скорее критического свойства. А еще скорее — пожелания.

Количество печатных изданий в эмиграции скоро уже превзойдет число потенциальных читателей. Как можно подумать по вашим объяснениям, подвигла вас невозможность печатать то, что вы хотите и как вы хотите. Но есть ведь "Синтаксис"; появился "Форум", да и редколлегию "Время и мы" украшает Эткинд. (Разумеется также журнал "Russia" почтет за честь ваше участие). А дальнейшее размножение изданий никак не прибавляет их качеству — печатать что-то надо и... Что могло бы оправдать вашу идею — иметь именно Газ. Увы, по первому номеру это явный Жур.

Второе. Нужна ли с первого же захода подобная боевитость супротив идеологических недругов. Намеки, колкости, хроника. И не говорите, что противостоящие органы еще боевитее: зачем следовать худым примерам. Не о христианском всепрощении я толкую, а об элементарном — есть неизмеримо более существенное, чем обиды, попреки и выяснения отношений в эмигрантской среде. Кто-то уже сказал, что первый номер выглядит как "Трибунал". Пожалуйста, оставайтесь "Трибуной". Успехов вам в этом.

Ваш И. Бирман

11.4.83

Ответ:

Мнения нашего автора В. Сорокина, назвавшего И. Бирмана ученым с мировым именем, не всегда совпадают с точкой зрения редакционного совета "Трибуны".

НАБОР — Е.Афанасьева
МАКЕТ — И.Шелковский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: П.Егидес, П.Литвинов, К.Любарский, Михайло Михайлов, А.Синявский, Б.Шрагин, Е.Эткинд (ответственный за выпуск номера).

Переписка по адресу: 8, rue Boris Vildé, 92260 Fontenay-aux-Roses, France.
Справки по телефону: (331) 207-59-62
Представитель в Германии: Nikolay Dragosch, Adalbert-Stifter-Str. 43. 6457 Maintal 2,BDR

ЖУРнал-ГАЗета выпускается на личные средства членов редколлегии и поддерживающих это издание лиц.

18 fr.

LA TRIBUNE

ТРИБУНА

ЖУРнал-ГАЗета
№ 3
июль 1983 г.

Б. ШРАГИН

О ТАКТИКЕ

"ТАКТИКА" — значит по-гречески "приводить в порядок". "Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет". Нет "наряда", — то есть, тактики, — и в диссидентской среде. Отсутствует сколько-нибудь отчетливое представление о наших целях, о средствах, к которым мы готовы прибегнуть, о слоях общества, которые рассчитываем привлечь на свою сторону. Все расплывается в некоем абстрактном "сопротивлении".

Тактики нет. Нет даже мысли о ней. Гласно и открыто, — с указанием собственного имени и адреса, — выступать с критикой режима считается едва ли не высшим проявлением гражданственности. Но задаться вопросом, а к чему это, признано недостойным и грязным. Тут можно бы усмотреть крайнее выражение старинного русского анархизма, если бы мы с отвращением не отвергли все без исключения из когда-либо существовавших политических "измов".

— Диссиденты? — спрашивают меня здравомыслящие эмигранты. — Какие еще диссиденты! Разве с ними не покончено? Разве их всех не пересажали?

Ожидание, что наконец-то пересажают, превратилось в общественную похоть. Недовольных в СССР, вероятно, множество. Сколько именно и по какому поводу именно, — этого мы тоже не удосужились выяснить. Но еще более внушительное множество уверено, что ничего поделать нельзя. Социально-политический пессимизм владеет и самыми отчаянными из диссидентов. Диссидентские протесты выглядят импульсивными, стихийными, недодуманными и чреватыми трагической неудачей, неминуемым поражением, гибелью. Граждане, которые хотят спокойно отправлять свои жизненные функции, заниматься своим делом, растить детей, предпочитают держаться от диссидентов подальше. Винить их бессмысленно: люди рождаются, чтобы жить и по возможности наслаждаться жизнью, а не лезть в петлю неизвестно ради чего.

11 ЯНВАРЯ 1968 года, в канун вынесения Московским городским судом приговора по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, — в мороз, на улице, перед зданием суда, — Лариса Богораз и Павел Литвинов сделали заявление, которое уже через несколько часов транслировалось по Би-Би-Си:

"Мы обращаемся к мировой общественности и в первую очередь — к советской. Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости... Граждане нашей страны! Этот процесс — пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд и этих судий — требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребили..."

Я цитирую этот документ, чтобы воссоздать главную интонацию правозащитного протеста в нашей стране, когда он только еще явился на сцену отечественной истории. Он был не только отчаянно решителен. Он, в первую очередь, был обращен — к своей общественности. Это был голос людей, которые вели себя как полноправные граждане своего государства, заботились о его "чести", видели свой долг и право в том, чтобы прямо обращаться к соотечественникам и добиваться совместно с ними соблюдения норм правосудия ими же избранными судьями.

К сегодняшнему дню от всего этого сохранилось обидно мало. Чего доброго, сейчас новоявленные идеологические пуристы забросали бы грязью того, кто осмелился бы писать в таких выражениях.

Правозащитное движение, наперекор репрессиям андроповцев и предвкушениям недоброжелателей, не ушло в песок. Оно, пережив сложную и мало осознанную эволюцию, все еще продолжается в тех или иных формах. Оно остается важным раскрепощающим фактором советской жизни хотя бы потому, что делает явным угнетение, которое по природе своей стремится быть тайным. Однако активисты правозащитного движения утратили вкус к обращениям "прежде всего к советской общественности".

Тактически был взят курс на самоизоляцию.

НАЧАЛО диссидентского сопротивления совпало в СССР по времени с расцветом движения за гражданские права на

Западе — [illegible]но в Америке. И было только естественно, что оно нашло благоприятный отклик у "мировой общественности". Затем делались попытки, — опять-таки, полуосознанные, — закрепиться на этом плацдарме. В порядке исторической очередности можно перечислить: обращение двенадцати о нарушениях прав человека в СССР к Международному совещанию коммунистических партий в Будапеште; письмо Инициативной группы по правам человека Комитету по правам человека Организации Объединенных Наций; создание советской секции при организации Эмнести Интернейшнл; наконец, самое серьезное достижение на этом пути, — образование групп по наблюдению над выполнением Хельсинкских соглашений.

Все эти шаги, с тактической точки зрения, представляли собою попытки *легализации* правозащитного движения в СССР с помощью Запада.

А каков итог?

Коммунисты в Будапеште не откликнулись; Комитет по правам человека при ООН принял решение не принимать жалоб от частных лиц и организаций; устав Эмнести Интернейшнл предписывал защищать узников совести непременно в других странах, но не в своей собственной; Хельсинкские группы добились серьезного отклика, но не столько со стороны "мировой общественности", сколько — от некоторых западных правительств. Как известно, при демократиях общественное мнение и мнение правительств редко совпадают. Это немаловажное с точки зрения тактики обстоятельство навряд ли было учтено. Интенсивность и широта поддержки "мирового общественного мнения", соответственно, сузились.

ПОЧТИ одновременно с обращением Ларисы Богораз и Павла Литвинова, — Рой Медведев, Андрей Сахаров и Валентин Турчин написали письмо Брежневу, доказывая экономическую, нравственную и политическую необходимость демократизации режима. Им ответили молчанием. Диалога с властями не получилось.

Наоборот, обращение Богораз и Литвинова к "советской общественности" получило сравнительно широкий отклик. В защиту Гинзбурга и других открыто высказалось около тысячи человек, но эти люди толком ничего не знали о деле, в которое решили вмешаться. Эмоционально все было правильно. Однако, сейчас, оглядываясь назад, приходится признать, что повод для протеста был выбран неудачно. С другой стороны, начавшиеся после этого репрессии зримо отделили "подписантов" от всех остальных. И была явная нелепость в том, чтобы превращать "подписантство" в некий суррогат профессионального занятия. Подписавшись раз, многие предпочли не делать этого дважды хотя бы по соображениям вкуса. Круг не расширился а, наоборот, сузился. Диалога с обществом тоже не получилось.

С этого момента началось роковое для любого общественного движения расслоение на "героев" и "толпу". За некоторыми драматическими исключениями, "герои" вели себя как им положено; остальные преклонялись перед ними или даже пытались тайно их поддержать. Но, чем больше преклонялись, тем более веские основания находили оставаться в стороне: ведь не все же "герои"! Да и количество мест на эту позицию весьма ограничено.

Отдельные диссиденты, посредством иностранных корреспондентов в Москве, стали всемирно знамениты. В их защиту создавались иностранные комитеты, собирались митинги и велась "тихая дипломатия". Единицы удалось вытащить из тюрем. Но тем самым была внесена иерархия, — в сущности, ничем не оправданная, — даже в среду самих диссидентов: одни за аналогичные действия подвергали себя большей опасности, чем другие. Получилось нечто, противоположное первоначальным намерениям: думали о движении равных и ответственных (каждого за себя) индивидуумов, а пришли к "кучке героев", которых можно пересчитать на пальцах.

СМЫСЛ и цели движения остались скверно определены. "Герои" отличались от остальных стилем поведения, но не глубиной и всесторонностью политического мышления. Платформа движения оставалась правозащитной, но с течением времени сохранялось все меньше веры в практическую осуществимость цели: внедрить нормы права в повседневную советскую жизнь.

Трудолюбиво и жертвенно копятся материалы о нарушен[illegible] прав человека властями. Все это предается гласности — опять-таки, через заграницу. — К чему?

Тактически внятный ответ может быть только один: таким путем подрывается международный престиж советского режима. Этот престиж стал ставкой в диссидентской борьбе. Но, во-первых, тем самым принципы прав человека из цели превращались в средство, что морально малопривлекательно. А, во-вторых, получалось, что подрубали сук, на котором рассчитывали закрепиться. Когда престиж СССР упал до нуля, а затем начал превращаться в отрицательную величину, властям уже нечего было терять. Беззакония не сократились, а, наоборот, увеличились в числе, став при этом более наглыми. Тупик Хельсинкского движения в Белграде, а затем в Мадриде вызвал внутренний кризис правозащитной идеи.

НАШЕ правозащитное движение выросло из все обострявшегося к середине 60-х годов конфликта между партийной бюрократией и советской интеллектуальной элитой — главным образом, в столице, в Москве. Эта элита дала первых "подписантов"; она же с готовностью стала социальной опорой движения. Она, по крайней мере, способна была разделить с правозащитниками общие ценности.

Однако, очень вскоре, предавшись бесовским соблазнам гордыни, наши "герои" принялись всячески демонстрировать свое презрение к "благополучным интеллектуалам". Бестактный выпад Солженицына против "образованщины" встретил скорее сочувствие, чем отпор. Стали распространяться полуграмотные мнения, будто "настоящая литература" существует лишь в самиздате и тамиздате, но ни в коей мере не в подцензурных публикациях. Сложившееся общественное мнение принялось почти насильственно загонять "образованщину" в цинизм.

Вместе с тем печатные выступления наших "героев" оказались скорее банальны. Пищи для развитого ума и взыскательного вкуса в них до обидного мало. По сравнению даже с подцензурной литературой они, как правило, отмечены падением культурного уровня.

А итог таков, что, когда такой писатель, как Владимир Войнович, вынужден был эмигрировать, он не переставал повторять, что претендует быть не "диссидентом", а именно писателем.

Потеряв социальную базу в среде элитарной интеллигенции, мы не удосужились поискать ее в каком-нибудь другом слое советского общества. Рабочим и колхозному крестьянству ничего практически перспективного, если не считать хождения в церковь, пока что не предложено.

В сложившихся обстоятельствах изгнание "героев" за границу представляется логически почти неизбежным решением: их бессознательная самоизоляция от собственного общества лишь обрела наглядность. И, действительно, уже в эмиграции они целенаправленно отделили себя от всей остальной массы "третьей волны". Если суммировать их новую позицию, то можно сказать, что они высказываются главным образом не о том, что делать собственным соотечественникам, а о том, как заграница должна вести себя с Советским Союзом. Конечно, и по этому поводу сказано мало вразумительного: ведь политического опыта по-прежнему нет. На худой конец, наших "героев" употребляют одни западные политические партии против других. С этого можно, конечно, кормиться, — что немаловажно в эмиграции, — но оппозиционным течениям внутри страны это не помогает. До отъезда за границу никому и в голову бы не пришло призывать американские бомбы на головы своих соотечественников, чем наша эмиграция занимается сплошь и рядом.

Это — бестактно.

Все общественные течения смертны, как и мы с вами. Сперва они — на гребне времени, а потом превращаются в анахронизм. Остается от них лишь капитал накопленного опыта, — по большей части, отрицательного. Важно не канонизировать достигнутое. Действия правозащитников немедленно покрывались в общественном мнении лаком. Указывать на изъяны в их позиции считалось морально недопустимым, покуда они находятся в опасности. Любой критик такого сорта рисковал быть обвиненным в пособничестве КГБ.

Пару лет назад и я бы не написал того, что изложено в этих беглых записках. Я так не думал. Но нет таких соображений, которые оправдали бы самоцензуру мысли. Бездумность наказывает. Что было хорошо, останется при нас. Но стоит ли цепляться за собственные слабости?

Враг наш — консервативная рутина советской действительности — и без того силен. Он обороняется. Он жесток. И это только естественно. Но многое зависит не от него, а от нас. На нас лежит ответственность за историю собственной страны. Вчерашнее завершено, его не переменишь; но будущее — открыто.

Поэтому пора повзрослеть и подумать о тактике. ■

МИР и ВОЙНА

МАКСУДОВ

МАСЛО И ПУШКИ: НАДО ЛИ ПРОДАВАТЬ ХЛЕБ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ?

В европейских и американских газетах часто встречаются утверждения, что продажа зерна СССР ничем принципиально не отличается от поставок ему промышленного оборудования: хлеб позволяет Советскому Союзу укрепить внутреннее положение, смягчая недовольство населения своим правительством. Кроме того, перепродавая зерно Кубе, Индии, Анголе, Эфиопии, Южному Йемену и другим странам третьего мира и социалистического лагеря, — всем государствам, которые СССР включил или собирается включить в орбиту своего влияния, — Советский Союз укрепляет свою империю и создает тем самым угрозу Западу.

Мне, человеку недавно приехавшему из СССР, это утверждение кажется глубоко неверным. Возможно, некоторым политическим деятелям западных стран альтернатива продажи зерна СССР представляется в следующем виде: "Не будет хлеба и мяса в Советском Союзе и подвластных ему государствах, население будет недовольно режимом; власти, чувствуя себя неуверенно, побоятся активно выступать против За─а, вот вам и ослабление напряженности. А то, глядишь, режим и рухнет под натиском возмущенного населения!" Жители СССР хорошо понимают тщетность подобных надежд. Возможно, они не были бы совсем необоснованными, если бы существовала хоть какая-нибудь обратная связь между режимом и населением. Но ее, к сожалению, нет. Если бы власть могла рухнуть или хоть пошатнуться от недовольства жителей, ее бы уже давно не существовало. Не одобрением граждан в СССР и подвластных ему государствах держится советский строй, а мощным аппаратом давления на этих граждан. И единственной реакцией на возможное недовольство будет увеличение этого давления, "закручивание гаек".

Хорошо ли это для Запада? Очевидно, нет. Покупка зерна Советским Союзом первый и пока, может быть, даже единственный признак его миролюбия. Это — в известной альтернативе "пушки или масло" — выбор в пользу "масла". Это первый робкий признак того, что режим не просто рассматривает население как "пушечное мясо", а согласен затратить часть своих огромных сил на удовлетворение его нужд. Чем больше власть будет считаться с интересами своих подданных, чем больше сил и средств будет она вкладывать в удовлетворение их практически безграничных материальных потребностей, тем меньше будет "угроза Западу". Потому что угрожает Западу отнюдь не советский — нуждающийся в хлебе и масле — человек, а его могущественные хозяева.

Масло вместо пушек — это всегда хорошо, и не только для самого советского человека, но и для всех его запуганных соседей. Факт этот настолько очевиден, что не нуждается в доказательствах с помощью сведений о внешней торговле СССР. Однако эти данные также подтверждают высказанную мысль. Воспользуемся некоторыми цифрами из ежегодного статистического справочника "Внешняя торговля СССР", публикуемого ежегодно в Москве.

Первый важный факт, который следует принять во внимание: Советский Союз, продолжая традицию дореволюционной России, вплоть до 1972 года был крупным экспортером зерна на мировой рынок. Уже в 1920 году, в разгар гражданской войны, когда множество людей в стране умирало от голода, экспорт зерна из СССР превысил импорт. Не намного, всего на 3,3 тысячи тонн, а все-таки превысил. Этот хлеб мог бы спасти многие десятки или даже сотни тысяч людей от голодной смерти, но он был вывезен из страны.

Экспорт зерна из СССР продолжался и все предвоенные годы. Ежегодно продавалось несколько миллионов тонн зерна и покупалось промышленное оборудование. Даже в страшном 1933 году, когда около 6 миллионов человек умерли голодной смертью, из страны было вывезено 2 289 тыс. тонн зерна (и закуплено 130 тысяч тонн). Почти по килограмму хлеба в день мог бы получить каждый из этих невинно замученных. Но они погибли, и такой страшной ценой власть приобрела сталь, трубы, станки.

И в 1946 году, после опустошительной войны, при страшном неурожае, когда голодало полстраны, государство опять продавало хлеб (1 766 тыс. тонн зерна было экспортировано и 205 тыс. тонн куплено). Продавали, хотя валовой сбор на душу населения был почти в два раза меньше, чем перед революцией. Продавали — независимо от урожая. Продавали все сталинские годы. Покупателями вырванного из голодных ртов горького хлеба были развитые промышленные государства: Великобритания, Бельгия, Финляндия, Франция. Мне кажется, что покупка хлеба у голодающей страны должна вызывать намного более серьезные сомнения у руководителей соседних государств, чем проблемы, связанные с продажей зерна.

При Хрущеве росли урожаи и одновременно экспорт зерна. В 1962 году он составил 7,8 млн. тонн, в следующем году разница экспорта и импорта уменьшилась до 3 млн. т., а в 1964 году Советский Союз впервые купил больше зерна, чем продал (на 4,8 млн. т.). Поистине трудно переоценить революционность этого шага. Конечно, был плохой урожай. Но ведь этот "плохой" в два раза превысил "хороший" урожай 1933 года, в полтора раза — урожай послевоенных лет. Да и по сравнению с дореволюционным временем на душу населения было собрано немногим меньше. И вдруг, вместо того, чтобы продать очередные миллионы тонн и закупить промышленное оборудование, государство согласилось истратить часть своей драгоценной валюты на нужды населения, которое, по прежним сталинским меркам, и без того процветало. Правда, это была временная мера. Через два года экспорт опять превысил импорт, но еще через пять лет, в 1972 году, Советский Союз превратился в покупателя зерна, экспортируя ежегодно 10-20 млн. т. При прекрасных урожаях (свыше 220 млн. тонн, как в 1976 и 1978 гг., при средних (около 200 млн. т., как в 1977 и 1979) и при плохих (меньше 170 млн. т.) СССР покупает зерно. Покупает, хотя средний сбор зерна за последнее десятилетие как по абсолютной величине, так и на душу населения превышает все, что когда-либо знала страна в хрущевское, сталинское и досталинское время. Покупает, расходуя миллиарды валютных рублей.

Нередко утверждают, что закупки зерна — это специальная советская хитрость, с помощью которой создаются грандиозные запасы. Я не знаю объемов строящихся и построенных в СССР элеваторов, но думаю, что такого рода объекты достаточно просто фиксируются со спутников и известны на Западе лучше, чем собственно урожай зерновых или потребление хлеба в СССР.

Несомненно, военные запасы в СССР существуют. Это известно каждому, кому довелось покупать в 1963 году в магазинах основательно подпорченную крупу и муку. Однако очевидно, что производимые за рубежом закупки определяются в первую очередь текущими нуждами. Они тесно связаны с размерами урожая и практически не зависят от рыночной цены. Скорее напротив: чем выше цены на зерно на мировом рынке, тем больший объем покупок Советского Союза. Покупки не для текущих нужд, а впрок можно было бы без труда сделать в полтора раза дешевле, сэкономив миллиарды долларов.

Нередко можно услышать, что, перепродавая хлеб, СССР укрепляет свое политическое влияние. Экспорт зерна из Советского Союза составляет от 10 до 30% купленного хлеба. Число потребителей советского зерна в наши дни крайне ограничено: 70% экспорта падает на долю ГДР, Польши, Чехословакии; получают свою долю Куба и Северная Корея, Вьетнам и Монголия. Этим кратким перечнем почти полностью исчерпывается список покупателей советского хлеба. Третий мир (Индия, Эфиопия, Ангола и другие страны) обходятся без советского зерна, предпочитая ему, вероятно, советские пушки.

Да и получающие хлеб государства удерживаются в соста-

ве Советской империи не этими скромными поставками, а силой намного более надежной — собственным и советским оружием. Видимо, поэтому с наиболее крупными своими покупателями (ГДР, Чехословакией, Польшей) Советский Союз не слишком церемонится, снимая их в случае неудач со снабжения или заметно сокращая его. Так произошло и в 1976, и в 1978, и в 1980 году. Кубу и Корею эти сокращения экспорта, правда, не затронули. Видимо, в отношениях с этими странами СССР приходится рассчитывать не только на военные гарнизоны, но и на снабжение товарами.

В целом можно утверждать со всей определенностью, что покупаемый на Западе хлеб Советский Союз использует не для расширения своего политического влияния, а для прокормления жителей уже существующей Советской империи. Такая политика не только не является угрозой Западу, но, напротив, свидетельствует о вынужденной "человечности" режима, которому волей-неволей приходится хоть как-то набивать брюхо населению.

Прямо противоположное влияние оказывают поставки промышленного оборудования, которое сразу или в ближайшей перспективе послужит укреплению советской военной мощи. Поставки техники и финансирование этих поставок являются реальной угрозой, такой же серьезной, каким было промышленное развитие III-го Рейха перед мировой войной.

Западным политическим деятелям и экономистам необходимо совершенно четко разделять интересы советского народа и интересы государства, и именно из этого исходить в своих решениях. Хлеб, масло, мясо, ботинки, рубашки — все, что предназначено для потребления населения СССР и подвластных ему стран — продавать можно и нужно. Компьютеры, станки, трубы, патенты и любую технологию, — все, что развивает советскую промышленность и увеличивает военный потенциал государства, — продавать нельзя. Только таким путем Запад может уменьшить надвигающуюся на него угрозу. ■

Борис Вайль

АКТУАЛЬНАЯ КНИГА

"15. Народы европейских стран! Не допускайте размещения в Западной Европе нового американского ракетно-ядерного оружия!..
17. Народы мира! Давайте решительный отпор агрессивным проискам...
Обуздаем... устраним...
18. Люди всей планеты! Умножайте усилия...
19. Да здравствует миролюбивая...
Воплотим в жизнь..."

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 мая 1983 года).

Книга В. Буковского "Пацифисты против мира" рассчитана на западного читателя, обращена именно к этим самым пацифистам. Но и не-пацифисты, если можно так выразиться, прочтут ее с большим интересом. По впечатлению многих (и по моему собственному), книга читается залпом — нельзя оторваться.

Буковский объясняет тот феномен, которому все мы, живущие на Западе, свидетели — мощную волну антиядерного движения за последние несколько лет. И если мы не хотим замкнуться в своем эмигрантском гетто, если мы хотим как-то влиять на общественный климат Запада, мы должны понять этих людей — пацифистов, и в этом смысле и важна небольшая книжка Буковского.

В начале в ней излагается исторический аспект "движения за мир": лозунг мира у большевиков как фактор их победы в октябре 1917 г., затем пацифизм западных компартий и их попутчиков времен 1939-1941, служивший укреплению советско-нацистской дружбы. Возрождение этого движения после окончания второй мировой войны, "когда Советский Союз проглотил добрый десяток стран Центральной Европы". В послевоенные годы СССР отставал от США в создании ядерного оружия, и "борьба за мир" была ему особенно необходима. Марши, конгрессы сторонников мира и петиции 50-х годов (включая знаменитое Стокгольмское воззвание) — все это как бы вдруг оборвалось после смерти Сталина. СССР догнал Запад в ядерном вооружении, и, пишет Буковский, движение за мир сделалось "временно ненужным, оно прекратило свое существование так же внезапно, как и возникло".

И вот наши дни — конец 70-х годов и конец "разрядки". Буковский доказывает, что внезапный мощный подъем пацифизма последних лет планировался Кремлем еще *до* решения США установить ракеты в Западной Европе — непосредственно перед оккупацией Афганистана и в связи с ней.

"Почему это вдруг все так озаботились возможностью термоядерной войны?" — спрашивает Буковский. — Что такое случилось, отчего она вдруг оказалась именно сейчас более реальной, чем, скажем, 2-3 года назад?

Только потому, что разоблачился советский обман с разрядкой и новая американская администрация решила изменить стиль отношений с Востоком? Но ведь вся история советско-американских отношений показывает, что единственный способ заставить СССР уважать договоры — это говорить с ним "с позиции силы" ".

"Посеять панику чрезвычайно легко. Вопрос только — кому это надо?" "Посреди этой ядерной истерии, как-то само собой забылось, что бомбы как таковые вполне безвредны, если только кто-то не возымел намерения их бросать. Так почему же вдруг взволнованы этой горой железяк, а не советским продвижением в район Персидского залива?"

"Несомненно, в глубине души большинство этих перепуганных людей прекрасно... знают, что единственно реальным источником опасности является Советский Союз, и считают опасным все, что может его рассердить".

Трудно, конечно, гадать, что знают в глубине души нынешние пацифисты (одни, может быть, — так, а другие — иначе), но верно, конечно, что мотив "не сердить медведя", не "провоцировать русских" присутствует в их аргументации. Прав Буковский, когда пишет далее, что некоторые "всерьез верят, что, как только Запад разоружится, советские последуют этому примеру, и с невероятной наивностью настаивают на проведении этого самоубийственного эксперимента". Мне, например, не раз приходилось читать в скандинавских газетах высказывания не только "рядовых граждан", но и профессиональных политиков в таком духе: "Должен же кто-то разорвать этот порочный круг гонки вооружений. Мы должны подать пример этому". То есть тут действует известная логика поведения честного человека, который судит о бандите по себе.

"Но зачем же русские станут нападать на нас, если мы будем безоружны?" — приводит Буковский один из аргументов подобной точки зрения. "И правда, зачем? Спросите афганских крестьян, они, возможно, знают". (В Дании есть политические группировки, которые настаивают на отмене армии и введении народного ополчения. Причем такое ополчение должно действовать *не*насильственными методами. Враг, столкнувшись с ненасильственным народным сопротивлением, согласно этой теории, устыдится и не сможет применить оружие).

Буковский констатирует, что движение сторонников мира оказалось единственным общественным движением, не осудившим советского вторжения в Афганистан (что сделали даже некоторые компартии). Впрочем, Буковский оговаривается, что, возможно, некоторые группки внутри этого пестрого движения были более последовательны. Но не эти группы делают погоду в пацифистском движении.

"В рядах движения за мир есть огромное количество искренне обеспокоенных, испуганных людей со вполне благи-

ми намерениями". Буковский приводит метафору одного священника-пацифиста, отражающую отношение многих к существу проблемы:

"Это, знаете, как у меня в церковном дворе, когда подерутся мальчишки. Нет никакой возможности выяснить, кто первый начал драку, да это и не нужно. Все, что надо сделать, это разнять их". Два "драчуна", это, как догадывается читатель, СССР и США.

Буковский так комментирует данную модель конфликта: "... давайте заставим их ("драчунов") говорить друг с другом, давайте схватим их за руки... Пусть они лучше поймут друг друга. Правда, мы не сможем схватить одного из них. Что ж, тогда... давайте, проявляя доброе христианское смирение, остановим хоть одного".

И другой аргумент: "Советское правительство, как и всякое правительство в мире, озабочено проблемами благосостояния своего народа, и следовательно, жаждет сократить свои военные расходы... чтобы высвободить огромные ресурсы для нужд страны". Но, пишет Буковский, "не только наплевать советским правителям на жизненный уровень населения, но, более того, они сознательно не позволяют ему повыситься, а разоружение... привело бы к очень быстрому крушению советской империи".

Но заключается ли цель СССР в установлении мирового господства? Такая модель, полагает Буковский, "слишком упрощает дело. К счастью, слишком много ей противоречит и, в частности, тот факт, что ни один из нынешних советских вождей уже не верит в коммунистическую доктрину... На деле, это полностью циничные люди, больше озабоченные своими привилегиями и удовольствиями, чем марксизмом... Да и большинство советских людей столь же циничны, как их лидеры".

Что же произойдет, если Запад односторонне разоружится? СССР определенно не последует такому примеру (это означало бы распад советской империи). Но хлынут ли "их стальные лавины на беззащитные страны Запада? Опять же, полагаю, нет. Им не нужна ваша территория... Где будут они приобретать зерно, технологию, товары, кредиты, если их нежизнеспособная экономическая система будет навязана Западу?.. Но с этого самого момента вы постепенно начнете утрачивать свою свободу, оказавшись под постоянным и ничем не сдерживаемым советским шантажом".

Пафос своего обвинения Буковский адресует не только пацифистам, сколько капиталистам и правительствам Запада, "укрепляющим советскую систему кредитами, технологией,торговлей".

Свежий пример тому — Польша. "Американские банки недавно решили покрыть огромные польские долги, потому что "банкротство Польши подорвет мировую финансовую систему". Что же вы будете делать, если завтра страны советского блока откажутся платить долги и прекратят торговлю с вами?"

"Так вот как понимается здесь борьба за мир и свободу: люди на Востоке должны жертвовать своими жизнями, вы же не должны жертвовать своими доходами? Не удивительно, что польская армия не торопится бунтовать".

Мне нравится яркая полемичность книги Буковского, и все же к недостаткам ее я отнес бы излишнюю резкость (в двух местах) по отношению к пацифистам: "сбор нищих и блатных", "безграмотные интеллигенты" — зачем это? Тем более, что книга-то адресована им — пацифистам. Почему-то особенно раздражают Буковского католические священники в этом движении: "католические священники, рвущиеся в епископы", "неистребимые католические священники с подозрительной "миссией"..." Но как быть с теми, кто не "рвется в епископы"? И что с протестантами? — их ведь не меньше в движении за мир, чем католиков.

Почти ничего не сказал Буковский о традиционном западноевропейском антиамериканизме. А ведь он облегчил "борьбу за мир". Он лежит и в основе теории двух сверхдержав: "Чума на оба ваши дома!" Но на практике получается: связывают только одного "забияку", давая другому больший простор для маневрирования.

А в целом получилась отличная книжка. Французское издание уже вышло, вот-вот выходят переводы и на другие языки. Но если Буковский думает дорабатывать или перерабатывать ее, я посоветовал бы ему выкинуть вышеупомянутые резкости и добавить хотя бы один абзац о "Группе доверия", возникшей в СССР уже после того, как Буковский закончил "Пацифистов". ■

В конце прошлого года Юрий Жуков, который служит сейчас в должности председателя "Советского комитета в защиту мира", распространил среди участников движения за мир на Западе заявление, в котором утверждается, что это движение "инфильтрировано" ЦРУ. Ниже мы публикуем, с некоторыми сокращениями, ответ британской организации "Европейское ядерное разоружение". Нам представляется этот материал важным потому, что он проливает свет на действительные отношения между современными сторонниками мира на Западе и советской официальной политикой, которые отнюдь не столь идилличны, как это иногда представляют. Нам представляется важным также и то, что в письме ЕЯР обнаруживается прямая преемственность между ценностями правозащитного движения и движения за сохранение мира.

КООРДИНАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ЕЯР

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СОВЕТСКОМУ КОМИТЕТУ ЗАЩИТЫ МИРА

Лондон
Январь 1983

Дорогой г-н Жуков,

Мы завершаем третий год борьбы за Европейское Ядерное Разоружение и вступаем в следующий год, который, по всей вероятности, окажется решающим для Европы и всего мира. Либо гонка ядерных вооружений будет в 1983 году остановлена, либо исчезнут все надежды на разоружение и смягчение напряженности между двумя блоками. Сейчас мы, работающие ради мира, должны быть ответственны, как никогда.

К своему изумлению мы узнали, что именно этот момент был избран вами, чтобы напасть на наше движение, в письме, которое вы широко распространили среди организаций и сторонников мира в Европе. Эти ваши действия лишь ослабят и расколют движение за мир.

Зачем вы это делаете, нам непонятно. Но нам не хочется верить, что цель вашего Комитета — повредить делу мира. Поэтому, внимательно изучив ваше письмо, мы отвечаем на содержащиеся в нем аргументы.

На конвенции за европейское ядерное разоружение, которая состоялась в Брюсселе в июле 1982 года, было решено провести вторую конвенцию в Берлине, а координационному комитету, который ее подготовил, было поручено подготовить и третью. Мы понимаем, что по известным историческим обстоятельствам, этот разделенный город представляет собою политически болезненное место и необходим такт, чтобы избежать всякого намека на вмешательство в его внутренние проблемы. Если вы заподозрили чье-то желание спровоцировать какую-либо "конфронтацию" по вопросу о Берлине, об этом приходится только сожалеть. Напротив, Берлин был избран именно потому, что он символизирует противоестественное разделение Европы на блоки — запад ный и восточный, — которому и призвано положить конец движение за мир.

Мы были бы рады развеять ваши страхи на этот счет. Но вы поторопились в своем письме расширить свое недоверие на все "неприсоединившиеся силы" в западном движении за мир. И это — странное, неприемлемое вмешательство в наши дела. Вы обвиняете движение за "Европейское ядерное разоружение" (ЕЯР), "Мирный фонд Бертрана Рассела", "Рабочую группу за освобождение Европы от ядерного оружия" и связанные с ними организации в попытке "расколоть антивоенное движение", "инфильтрировать его элементами холодной войны". Вы даже решились утверждать, будто "подлинной целью" Брюссельской конвенции было "не объединить, а разъединить антивоенное движение".

Три года наша работа сводилась в первую очередь к тому, чтобы препятствовать модернизации ядерных сил НАТО. В этом легко убедиться при малейшем знакомстве с нашими публикациями. Первейшая ответственность ложится на нас в нашем собственном доме, и мы не нуждаемся ни в подсказках, ни в директивах со стороны организаций Советского Союза, мы не нуждаемся в том, чтобы нас учили, в чем именно заключается наш долг (хотя, разумеется, наши оппоненты обвиняют нас при каждом удобном случае в том, что мы "слуги" Москвы). Требуя разоружения в двустороннем порядке, мы неоднократно подчеркивали, что, если понадобится, будем стоять и за одностороннее разоружение.

Но Советский комитет защиты мира не

дано удовлетворить никому. Напротив, создается впечатление, что вы ждете от западных сторонников мира аплодисментов советской политике *(все равно, — военной или дипломатической). А покуда мы отказываемся, вы позволяете себе на нас клеветать как на "агентов", цель которых "маскировать и оправдывать агрессивную милитаристскую политику США и НАТО".*

Но движение за мир современной Западной Европы и Соединенных Штатов не предпочитает ни одну из сверхдержав. Оно не ищет преимуществ ни для НАТО, ни для Варшавского блока. Оно не исходит из односторонних идеологических предпосылок. "Неприсоединение" — вот главный принцип многих его участников. Это — движение против ядерного оружия, — западного или восточного, все равно, — за выживание человечества.

Перед нами — две цели. Во-первых, остановить гонку атомных вооружений и способствовать разоружению. Вовторых, разрушить разделившие наш континент противоестественные барьеры и проложить пути к ликвидации системы блоков, — не через соглашения правительств, а посредством прямых контактов между гражданами, упрочение их доверия, диалога Востока и Запада о проблемах мира.

Мы заявили еще в апреле 1980 года:

"Мы не хотим судить, которая из сторон более виновна, — политические и военные лидеры Востока или Запада. Обе стороны виновны, обе приняли угрожающие позы и совершили агрессию в различных частях мира".

Примкнувшие к нашему движению журналисты и исследователи всегда подходили к этим вопросам с осторожностью и старались приводить примеры, которые свидетельствовали бы об ответственности обеих сторон. К сожалению, их публикации доступны в Советском Союзе лишь кучке исследовательских работников из привилегированных учреждений, тогда как западному читателю гораздо более доступны прямые оправдания советской политики. Если мы действительно стремимся к подлинному диалогу с участием масс, то было бы весьма желательно ваше участие в исправлении этой ситуации. Разве не было бы лучше для обеих сторон, если бы, публикуя политические документы друг друга, мы предоставили бы нашим сторонникам возможность судить о наших согласиях и разногласиях? Что если бы, как первый шаг, вы обратились бы к редактору "Правды" с предложением опубликовать полный текст обращения ЕЯР от апреля 1980 года, а мы, в свою очередь, предложили бы главным британским газетам опубликовать текст "Советского комитета защиты мира"?

Подумайте о советских ракетах СС-20. Разумеется, ваши лидеры утверждают, что их оружие предназначено только для "обороны", — точно так же, как и наши лидеры. Но станете ли вы удивляться, что западное общественное мнение относится с антипатией и страхом к этому точному и смертоносному оружию, нацеленному на наши города?

В нашем обращении от апреля 1980 года, выступая против ядерной модернизации НАТО, мы призывали также и Советский Союз немедленно прекратить размещение ракет СС-20. Их число в то время достигало примерно 150. На следующий год мы снова обратились с аналогичным призывом в День Хиросимы. И снова мы встретили со стороны Советского Союза только молчание. Тогда число размещенных ракет СС-20 дошло уже до 230. Не ответил нам и "Советский комитет защиты мира". Напротив, ваш вице-президент г-н Олег Харахардин написал нам 11 декабря 1981 года, что "советский народ и его правительство не согласятся на одностороннее разоружение". Поскольку вы говорите с нами совершенно тем же языком, каким пользуются руководители НАТО, мы не знаем, как вам отвечать. По нашему мнению, долг всех сторонников мира — оказывать давление прежде всего на собственные правительства, добиваясь от них не слов, а дел.

Как вы знаете, размещение ракет СС-20 продолжалось, пока не достигло 315. Размещение этих ракет на протяжении 1980, 1981 и части 1982 годов не способствовало делу мира. Каждая новая ракета была новым аргументом против движения за мир на Западе, затрудняя нашу работу.

Мы советовали бы пересмотреть ваш главный тезис, который заключается в том, что западное оружие заведомо должно считаться агрессивным и злым, а советское — оборонительным и добрым. Мы предложили бы вам отвергнуть праздные препирательства насчет "равновесия", которые можно оставить на совести военных советников, а не сторонников мира и действительно поверить межконтинентальному движению народов. Мы твердо убеждены, что оба арсенала оружия — зло, что первая обязанность всех сторонников мира следить за политикой своего собственного правительства, — следить за ней и критиковать ее прежде всего.

Мы хотели бы разъяснить и вторую цель нашего движения, которая заключается в разрушении барьеров, разделивших нашу Европу на две искусственные половины. Покуда враждебно противостоят друг другу два вооруженных блока, будет возникать одна угрожающая ситуация за другой, пока не наступит катастрофа, ядерная война.

За последнее тридцатилетие наш континент не раз сотрясался от споров и конфликтов. Колючая проволока разделяет не только территории двух блоков — она протянута через умы и сердца людей. Перестройка потребует долгой подготовительной работы, в результате которой люди с обеих сторон станут друг к другу ближе, увидят друг друга поиному, приучатся терпимо относиться к разногласиям и установится взаимное доверие.

Мы считаем, что этот процесс надо начать именно сейчас, когда достигла апогея тревога людей за сохранение мира. Это дело нельзя перепоручить правительствам, которые в силу исторических обстоятельств питают глубокое недоверие друг к другу. Оно требует прямых контактов между рядовыми гражданами.

Конечно, такие стихийные и неофициальные контакты наталкиваются на разнообразные препятствия. И именно поэтому мы просим вас употребить ваше влияние с тем, чтобы смягчить настороженно-оборонительную позицию советских властей, — даже если это и вызовет их неодобрение, на которое постоянно наталкиваемся в своей работе и мы сами.

Среди активистов движения за мир есть сейчас на Западе много тысяч людей, которые выступают также и с критикой определенных аспектов советской действительности. Есть среди них и те, кого вы бы назвали "антисоветскими" или "антисоциалистическими" элементами. Это — и социал-демократы, и деятели профсоюзов, и либералы, и еврокоммунисты, и христиане, и феминистки, и участники движения за охрану среды, а также мужчины и женщины без каких-либо определенных политических привязанностей. Между ними одно общее: они не хотят войны — ни "горячей", ни "холодной", — с народами стран Варшавского договора. Они не хотят грозить этим народам ядерным оружием. Они стремятся к смягчению военной напряженности в Европе и поощрению контактов между рядовыми гражданами. Что же касается различия социальных систем, то, по их мнению, только мир позволит народам — и западным, и восточным, — управляться со своими делами, как они того пожелают, и способами, которые они без всякого вмешательства извне, сочтут для себя наиболее приемлемыми.

Тысячи участников движения за мир на Западе глубоко встревожены нарушениями "прав человека" где бы то ни было, — будь то Латинская Америка, Южная Африка или Турция, — вмешательство в дела которых со стороны Запада легко прослеживается. Мы протестовали и продолжаем протестовать по всем этим вопросам. Но те же самые люди не забыли о своей тревоге и горечи во время вторжения вооруженных сил Варшавского блока в Чехословакию в 1968 году; многие глубоко озабочены состоянием гражданских прав в странах Восточной Европы и в Советском Союзе; уже более двух лет все мы с глубочайшей тревогой следим за развитием событий в Польше. Если бы из западного движения за мир были вычищены все эти, как вы их называете, "антисоветские элементы", то число его участников сократилось бы с сотен тысяч до тысяч. Оно свелось бы к кучке просоветских комитетов, лишенных влияния и независимости.

Вы упоминаете в своем письме Хельсинкский заключительный акт. Но участникам движения за мир на Западе хорошо известно, к сожалению, что принципы этого документа, касающиеся прав человека, пренебрегаются Советским Союзом. Это ежедневно и ежечасно порождает трудности в нашей работе в защиту мира.

В частности, мы убедительно просим вас использовать все находящиеся в вашем распоряжении влияние, с тем, чтобы позволить неофициальным группам советских граждан принимать участие в конструктивной работе в защиту мира и обеспечить им свободную связь с движением за мир на Западе. Эти независимые группы, которые добиваются установления доверия между гражданами Советского Союза и Запада, — группы, возникшие в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Одессе и других городах, — ни в коей мере не могут быть изображены "предателями и уголовниками", как это попытался сделать ТАСС. Это — ученые, инженеры, учителя, врачи и другие граждане, которые поддерживают мирные начинания СССР и в соответствии с советскими законами намерены внести в работу по защите мира свою собственную инициативу.

Мы приветствуем их работу. Установление доверия между гражданами — неотъемлемая часть наших усилий сохранить мир. Невозможно и неприемлемо, чтобы эта функция была перепоручена нескольким централизованным учреждениям. Преследования членов Московской группы советскими органами государственной безопасности сделали нашу работу за поддержание мира особенно затруднительной. Если члены группы будут преданы суду, то это нанесет делу мира серьезный урон.

Ваше письмо нас удивило. Теперь мы дали на него полный ответ. Надеемся, вы поймете и признаете свои ошибки. Между нами не возможен никакой полезный диалог, пока он не будет основан на честном и прямом выяснении наших разногласий. Разумеется, мы опубликуем, вместе с нашим ответом, и ваше письмо, чтобы наши сторонники могли вынести собственное суждение по возникшим вопросам. Можем ли мы посоветовать и вам сделать то же самое, чтобы и ваши сторонники в Советском Союзе были вовлечены в наш диалог?

Искренне ваш

Мег Бересдорф (секретарь)

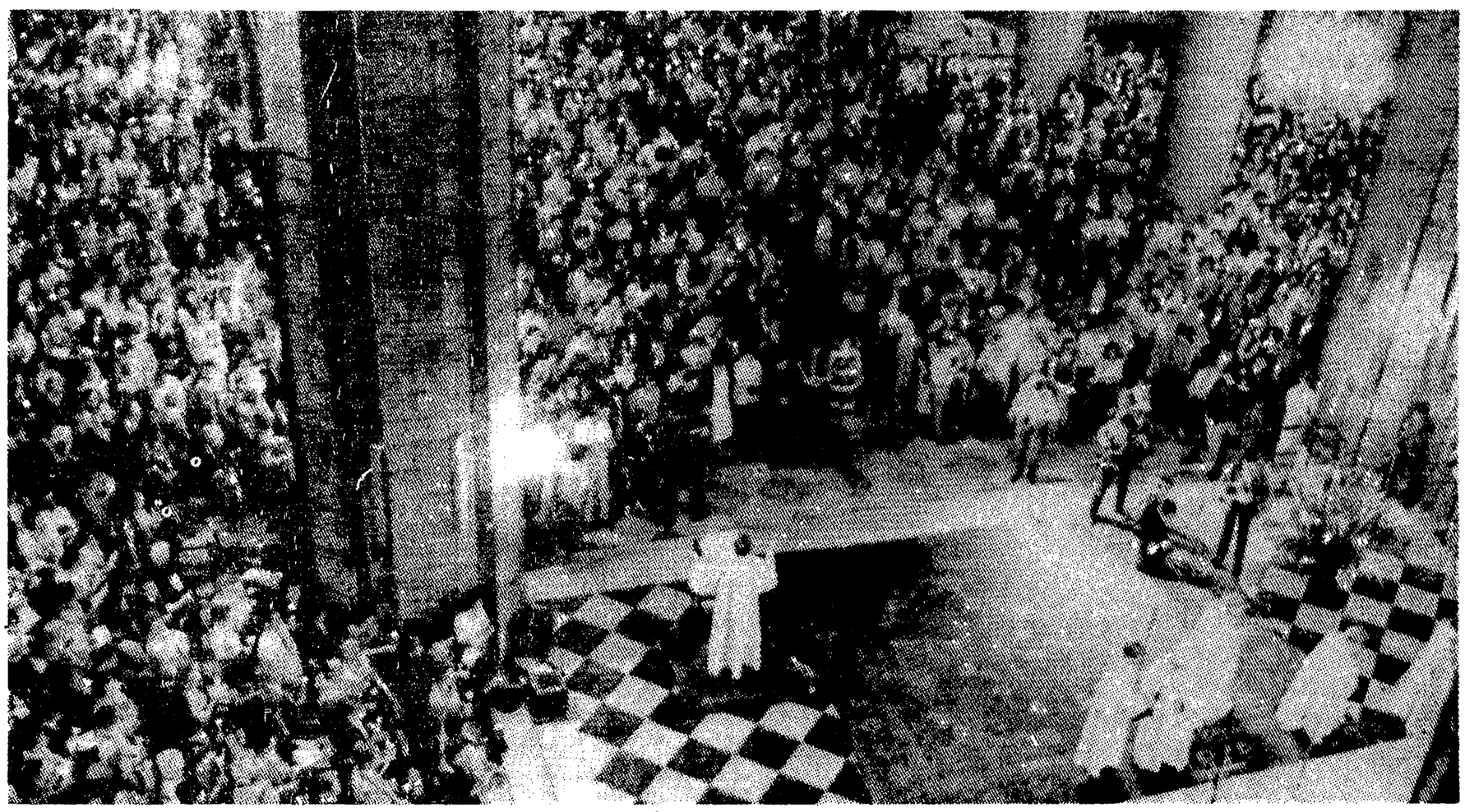
От имени Координационного комитета "Европейского Ядерного Разоружения" (ЕЯР)

Журнал "Нью Стейтсмен"
21 января 1983 года

(Сокращенный перевод с английского)

СЛОВО О МИРЕ

А. Синявский



Вечером 23 июня в Соборе Парижской Богоматери более 5000 верующих собрались на организованное ежедневной католической газетой "Ля Круа" торжественное моление о мире — под девизом "Ночь мира". В молитвенном собрании, которое вел архиепископ Парижский кардинал Люстиже, русский писатель Андрей Синявский сказал:

Должен признаться, не без робости и внутренних колебаний принял я приглашение говорить сегодня здесь, в этой благочестивой и торжественной обстановке, в этом прекрасном храме. Я не религиозный проповедник, не моралист и не учитель жизни. А просто писатель, лицо частное и не облеченное никакими высокими полномочиями. Мои церковные корни не глубоки, и христианские качества — хромают. И потому в виде зачина я хочу повторить покаянные слова одного средневекового русского автора. Приступая к повести на священный сюжет, этот автор жаловался на свое недостоинство и сравнивал себя с малым и смердящим потоком. Поток вливается в широкое светлое море праведности — не для того чтобы наполнить его собою, но с тем чтобы, в приближении к морю, очиститься от смрада. "...Яко мал и смердящ поток к ширине морской приливаася, не да море наполнити, но да смрада очиститься".

Мне довелось в жизни близко познакомиться с настоящими, праведными христианами, сидящими в советских лагерях по многу лет за веру в Бога. Среди них были и православные, и католики, и в особенности много так называемых сектантов — разных толков и направлений. И все они, так же как я тогда, проходили по разряду "особо опасных государственных преступников". Одного из них звали отец Мина. Этот старец возглав — и если он жив сейчас, то до сих пор возглавляет — подпольную церковь православных христиан-странников, которых с давних пор в народе, в просторечии, называют бегунами. Это крайняя ветвь старообрядчества, возникшая в начале 18-го века и с той поры отказавшаяся вступать в какой-либо контакт с государством и официальной религией, которые, согласно понятиям бегунов, подпали под власть антихриста.

Чтобы передать всю степень их отрешенности от общества, от господствующей церкви, сошлюсь на старинную песню бегунов:

Кто Бога боится, тот в церковь не ходить,
С попами-дьяками хлеб-соли не водит...

Эти люди не имеют ни собственного дома, ни семьи, ни документов и ведут аскетический, монашеский образ жизни на подпольном, буквально, уровне, скрываясь в каком-нибудь потаенном подвале и только ночью, чтобы никто не видел, выходя подышать во двор свежим воздухом.

Однако при всей замкнутлсти на своих религиозных понятиях, на том, что все мы с давних пор живем под гнетом и печатью антихриста, старец Мина в лагере всегда был радостно-приветлив к окружающим людям. От его лица исходили любовь, доброта и то особое "чувство мира", которое, наверное, способна внушать только Божья благодать. Согласно определению из ветхозаветной Книги Чисел: "Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!" (6,26) Но однажды я забежал к нему в барак — проведать — и застал отца Мину в слезах. Оказалось, только что передавали по радио, что умер Ворошилов — известный маршал и, одно время, Президент Советского Союза. Другие лагерники радовались этой смерти или, по крайней мере, оставались равнодушными. Ведь многие из них в свое время на имя Ворошилова подавали всякие жалобы и прошения и получали неизменный отказ. И я удивился горю старика: чего он так расстраивается из-за кончины Ворошилова, от которого и сам он, и его единоверцы немало пострадали? К тому же Ворошилов, согласно концепции старообрядцев-странников, был всего навсего одним из очередных проявлений бесчисленной антихристовой рати, покорившей всю землю. И старец Мина ответил, в неимоверной тоске, не переставая, впрочем, как всегда, ласково улыбаться: "— Да как же не плакать! Ведь душа его, Ворошилова, сейчас в ад идет!.."

Само правительство тогда и коммунистическая партия не выражали по радио особой скорби в связи с этой смертью. Поскольку Ворошилов был уже не у дел. И, может быть, во всей России искренне пожалел Ворошилова один дедушка Мина...

Для меня это пример исполнения труднейшей христианской заповеди: любите врагов ваших...

Другая реплика, которая меня тогда же, в лагере, поразила, принадлежала человеку совсем иной судьбы, с тяжелым уголовным прошлым. В молодости он был профессиональным грабителем. Но за двадцать восемь лет своего тюремного заключения он переменился и сделался подлинным, глубоким христианином. Биография у него была весьма бурная: там и грабежи с оружием в руках, когда, убегая от милиции, ему приходилось отстреливаться, там и участие во всякого рода лагерных драках и схватках, постоянных для этой воровской среды, и участие в вооруженном побеге... И вот, вспоминая об этом, он повторял, как своего рода заповедь: "— За что я благодарю Господа Бога и всю жизнь буду благодарить — так это за то, что я никого не убил... А столько было возможностей, самых случайных..." Возможностей убить у него, действительно, было очень много. Но Господь — миловал...

Для меня эта формула, с благодарностью Богу за неубийство, внутренне противостоит другой формуле, с которой чекисты или лагерные начальники довольно часто обращаются к людям, которые арестованы исключительно за свои убеждения или высказывания, т.е. к так называемым диссидентам или посаженным за веру в Бога. Эта страшная формула звучит так: " —Лучше бы ты человека убил!" Что же получается? Бандит волею Бога был спасен от тяжкого греха убийства и за это более всего благодарен Господу. А люди, стоящие на страже государственного порядка, считают, что лучше убить человека, чем, допустим, написать или прочитать недозволенную книгу? И лучше убить человека, чем бескон-

трольно, по-своему, в согласии со своей совестью, верить в Бога?..

К чему я все это рассказываю? Мне кажется, миру и в нашей собственной душе, и вокруг нас мешает застрявшая в нашем сознании понятие — "враг". "Враг", которого мы не прощаем, "враг", которого мы ненавидим и которого готовы убить. "Враг" этот — сплошь и рядом мифический — в нашем предствалении теряет живые человеческие признаки и разрастается в какую-то колоссальную мертвую категорию враждебного нам класса, враждебной религии, враждебной нации, враждебных убеждений, которые подлежат истреблению. Многие идеи или утопии, желающие спасти и осчастливить человечество, идеи религиозные, прогрессистские, социалистические и т.д., — сами по себе безобидны и даже весьма хороши. Пока эти идеи для своего доказательства и победоносного претворения в практику не выдвигают на первое место тупое и абстрактное понятие "врага". Тогда кончается мир и начинается война. Поэтому желательно понятие "враг" если и не исключить полностью из нашего обихода и сознания, то во всяком случае укротить и ограничить. Надо почувствовать, что "враг" это не враг, а такой же человек — пускай, с нашей точки зрения, он заблуждается.

Недавно в Советском Союзе, всего год назад, по личной инициативе отдельных людей и семей, на сугубо добровольных началах, было создано объединение, назвавшее себя "Группой доверия". "Группа доверия" возникла независимо от партийно-государственного контроля, возникла параллельно советской политической доктрине "борьбы за мир" и нынешнему пацифистскому движен — на Западе. Цель этой "Группы доверия" очень проста — вернуть доверие одних людей к другим людям; и, в первую очередь, добиться, чтобы сами народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, поставленные в условия жестокой конфронтации, перестали бояться друг друга и видеть друг в друге ненавистного "врага". Для этого, вместо того чтобы размахивать политическими лозунгами "борьбы за мир", "Группа доверия" предложила ряд конкретных мероприятий: культурный обмен, знакомство семьями, живущими в разных странах, обмен детьми в каникулярное время и т.д. Словом, не выходя за рамки советской идеологии, "Группа доверия" захотела развернуть в стране не демагогическое, а подлинное движение за мир, на базе личных и обществе — іх контактов широкого характера, а не на основе только государственной политики. За это "Группа доверия" подверглась и подвергается сейчас преследованиям со стороны советских властей.

Но нельзя "бороться за мир", минуя живых людей, не позволяя людям дружить друг с другом, любить друг друга Мир это не политика, а прежде всего чувство, которое мы носим в душе. Само же это чувство, в высшем его значении, даровано нам Богом. Нам с неба,Богом, опущены и мир, и понятия о мире. Не было бы Бога, и вся история человечества составляла бы одну братоубийственную войну, одну кровавую свалку бессмысленно раздираемых жизней. И если этого не случилось, то потому, что Господь Бог любит нас больше, чем мы сами себя любим и умеем любить.

Идею мира, как дара Божия, мы находим в церковном Храме — в его архитектуре, убранстве, символике, богослужении. Ведь Храм, по своей идее, много больше вселенной, доступной нашему взору и разумению. Он охватывает собою все — и небо, и землю — в примиренном состоянии Божьей любви и правды. В старинном житии Сергия Радонежского — величайшего русского святого — сказано, что церковный христианский храм для того и создан, чтобы "постоянным на него взиранием побеждать страх перед ненавистной раздельностью мира". Итак, все, что существует в мире в разделенном, разомкнутом и междоусобно враждующем образе, объединяется в храме, под покровом Бога... И о том же искомом единстве говорится в Святом Писании и в молитве, оставленной нам Самим Спасителем. Там, в этой молитве, Бог с Его волей и славой, с его истинным, неразделимым миром, воцаряется на земле, так же как на небе.

Помолимся , братья.

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
Да придет Царствие Твое,
Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли;
Хлеб наш насущный даждь нам днесь,
И остави нам долги наша, якоже мы оставляем должником нашим,
И не введи нас во искушение,
Но избави нас от лукавого.
Яко Твое есть царство и сила и слава во веки веков.
Аминь.

ПРОБЛЕМЫ

Вадим Белоцерковский

РАБОЧЕЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Рабочее движение в Польше, начавшееся летом 80 года, некоторое время развивалось в профсоюзных рамках. Но весной 81 года оно решительно вышло из этих рамок, начав борьбу за утверждение в стране самоуправления трудящихся на основе общественной или групповой собственности на средства и продукты производства; самоуправления, которое можно охарактеризовать как социалистическое. Проиллюстрирую это рядом выдержек из документов "Солидарности".

"Проект закона об органах самоуправления на предприятиях", предложенный профобъединением "Солидарность" накануне чрезвычайного съезда ПОРП в июле 81 года. Раздел: "Порядок управления предприятием":

"Коллектив трудящихся предприятия *управляет* предприятием через органы самоуправления... Органы самоуправления *распоряжаются имуществом предприятия*, намечают *общее направление* его производственной деятельности и развития, а также принимают решения о *распределении прибылей*... Директор предприятия осуществляет оперативное руководство производством *в соответствии с решениями* органов самоуправления" (подчеркнуто мною, — В.Б.).

Активисты "Солидарности" провозглашают, что: "Рабочее самоуправление невозможно без экономической автономии предприятия". Это из другого программного документа — "10 условий возрождения и деятельности самоуправления трудящихся", разработанного отделением "Солидарности" Мазовше.

В проекте программы "Солидарности", известном под названием "Направление деятельности", по этому поводу сказано: "Предприятия должны покрывать собственные расходы за счет своих доходов... Нерентабельные предприятия могут быть вынуждены сократить свое производство или даже прекратить его полностью". То есть — самоликвидироваться. На этот случай, говорится в программе, государство должно ввести пособия по безработице и выделить средства для переквалификации безработных.

Авторы этих документов исходят из того, что экономическая автономия предприятий, хозяевами которых будут являться сами трудовые коллективы, — это и защита для государственного бюджета от необходимости поддерживать нерентабельные, плохо самоуправляющиеся предприятия, и стимул для добросовестности в работе. Стимул для такой добросовестности, какой, возможно, не способны достичь все другие экономические формации.

Так, обследование 75-ти самоуправляющихся групповых предприятий в США, проведенное в 1979 году финансовой комиссией Конгресса, показало, что основные экономичес-

Вопросы, которые хотелось бы обсудить: Каковы в Советском Союзе: рабочих, крестьян, интелли трудящихся? ● Какими должны быть профсоюзы

"СОЛИДАРНОСТЬ" И САМОУПРАВЛЕНИЕ

Беседа П. Егидеса с редактором Бюллетеня заграничного Координационного бюро "Солидарности" Северином Блюмштейном и членом этого Бюро Данутой Новаковской

Петр Егидес. Расскажите, пожалуйста, нашим читателям о своем участии в "Солидарности". И как вы оказались во Франции, что тут делаете?

Данута Новаковская. Я учительница. Преподавала педагогику в школе. Когда в 1980 году началась забастовка докеров в Гданьске, я с другими учителями организовала Комитет, который солидаризовался с рабочими и выпускал прокламации. Затем я была инициатором создания всепольской комиссии учителей при "Солидарности". Ездила по городам и рассказывала правду о "Солидарности". Участвовала в дискуссии с министром просвещения. Министерство отказалось изменять школьные программы, и мы организовали забастовку учителей нашего воеводства, Нас поддержали рабочие... Я была делегатом

РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

кие характеристики и производительность труда здесь были в среднем на 20% выше среднего уровня в соответствующих отраслях американской промышленности. В США по последним данным существует уже более 500 самоуправляющихся предприятий. С 72 года имело место только 4 случая банкротства таких предприятий. При этом следует учесть, что почти все они создавались в момент, когда предприятия терпели крах или находились на грани его.

Далее. Ни в одном из программных документов "Солидарности" нет ни слова о необходимости введения акций, этого сугубо капиталистического инструмента для автономного расширенного воспроизводства в целях накопления капитала, хотя вопрос о введении акций и дискутировался. Зато в "Направлении деятельности" говорится: "*Государственные власти должны выделить средства для создания новых рабочих мест*". То есть — для создания новых предприятий, которые затем будут передаваться в управление новым коллективам трудящихся, фактически в их собственность. Иначе говоря, "Солидарность" выступает за то, чтобы расширенное воспроизводство оставалось в руках государства, создавалось бы за счет налогообложения и других поступлений.

Это важнейший, на мой взгляд, центральный пункт механизма социалистического самоуправления. Создаваемые государством и передаваемые в собственность новым коллективам предприятия могут поглощать резервы рабочей силы, делая таким образом невозможным капиталистическое, *экстенсивное* расширение как частных, кооперативных, так и групповых предприятий, и устраняя тем самым *агрессивную* конкуренцию, — конкуренцию в накоплении капиталов. И все это без какого-либо насилия и каких-либо запретов. Стимулом для трудовой деятельности становится стремление членов самоуправляющихся предприятий к улучшению собственного благосостояния за счет *интенсивного* развития производства.

В "10 условиях возрождения и деятельности самоуправления трудящихся" *десятое условие* состоит в "создании Палаты Самоуправления (второй палаты Сейма), что является условием, обеспечивающим рабочим Советам и другим органам общественного самоуправления *непосредственное* влияние на принятие общегосударственных хозяйственных решений". Ясно, что если большинство предприятий в стране будет самоуправляться, то вторая Палата станет Первой!

Анализируемые документы, вероятно, разработали эксперты, интеллигенты, но об исключительном интересе самых широких рабочих кругов Польши к этим идеям и документам говорят обстоятельства их разработки и обсуждения. В конце апреля 81 года делегаты 15-ти крупнейших предприятий страны сформировали специальную группу для разработки и обсуждения рекомендаций по проведению экономической реформы и введению рабочего самоуправления. 28 мая Всепольская Координационная Комиссия СОЛИДАРНОСТИ утвердила эту группу, как "совещательный центр" "Солидарности". К июлю, по сообщению "Жиче Варшава" (9.7.81), в "центр" этот входило уже более ТРЕХ ТЫСЯЧ делегатов предприятий со всей Польши. "И каждый день, — писала газета, — представители все новых предприятий объявляют о своем вступлении в "Совещательный центр" Солидарности".

Такой интерес рабочих и служ┌─их нетрудно понять. При обзоре программ самоуправления легко убедиться в том, что они отвечают стремлению людей в развитых обществах к расширению демократии, к тому, чтобы она вошла через проходные внутрь предприятий и учреждений, в которых люди проводят большую часть своей жизни. Отвечают эти программы и органическому стремлению людей владеть и распоряжаться плодами труда своих рук.

Активисты "Солидарности" охарактеризовали борьбу за введение самоуправления, как "вторую революцию" (первая — создание независимого профсоюза). И, на мой взгляд, эта "вторая революция" может стать самой серьезной революцией в истории человечества, — вступлением в эру, когда рядовые члены общества будут иметь право решающего голоса во всех касающихся их делах и во всех организациях и сообществах, членами которых они состоят.

Сомнения в эффективности самоуправления, т.е. демократии на уровне предприятия или учреждения, по существу ничем не отличаются от сомнений в демократии на государственном уровне. Успешное функционирование самоуправления, как и демократии на уровне государства, требует определенного — и еще более высокого! — уровня развития людей, общества и производительных сил. Без этого самоуправление может развалиться и погибнуть, как неоднократно случалось с государственной демократией в истории нынешних развитых стран. Если люди не способны ценить и защищать свои права, то никакой строй им не поможет.

Сейчас некоторые в российской эмиграции начинают признавать самоуправление как временный, переходный к "нормальному" капитализму, строй и уверены, что большинство активистов "Солидарности" думают подобным же образом. Но это не так. Достаточно вспомнить заявление Леха Валенсы в Париже (20 окт. 81 г.), столь шокировавшее всех его почитателей справа, о том, что "французские рабочие тоже жили бы лучше, если бы владели и управляли своими предприятиями". Или вспомнить кардинала Вышинского, главу польской католической церкви, имеющей огромное влияние на рабочее движение Польши, который говорил в своих программных "Свентокшеских проповедях" в 74 году: "Боюсь, чтобы не возродился у нас дух капитализма, чтобы демократическое устройство не управлялось бы капиталистическим духом, ибо тогда человек был бы низведен на положение робота и оценивался лишь с точки зрения его производственных способностей" (А. Михник. "Польский диалог: церковь — левые", Лондон, 1980, стр. 90).

О том, как относились польские власти к намерению "Солидарности" добиваться самоуправления и к законопроекту, разработанному "Совещательным центром", мож-

цели рабочего дв┌─ения при социализме? ● Каково экономическое положение разных групп трудящихся генции? ● Возмо┌─о ли рабочее дв┌─ение в Советском Союзе? ● Нужен ли соци┌─изм без самоуправления в Советском Союзе? ● Возмо┌─о ли рабочее дв┌─ение в Советском Союзе? ● Вопросы, которые хотелось

на 1-ом съезде "Солидарности" и председателем комиссии по выборам руководящих органов "Солидарности"... Потом Съезд ФЭН (профсоюз учителей Франции) пригласил меня в гости. Это было за неделю до "войны" (т.е. до переворота Ярузельского), — я вынуждена была остаться во Франции. Теперь меня там (в Польше) разыскивают как "очень опасного преступника". Ныне я член Координационного комитета Солидарности во Франции.

Северин Блюмштейн. В 1968 году я участвовал в студенческих выступлениях, был арестован, находился два года в заключении. В 1974 году окончил социологический факультет Католического университета. С начала создания КОРа редактировал его 1-ый самиздатский журнал в Польше, "Бюллетень КОРа". В 1977 году стал членом КОРа. Арестовали на 3 месяца. С создания "Солидарности" был журналистом при Пресс-агентстве "Солидарности". В 1987 году осенью поехал на один месяц на Запад. И — началась "война"... Так я остался во Франции. Здесь редактирую бюллетень Координационного комитета "Солидарности" за границей.

П.Е. О "Солидарности" много пишут в эмигрантской периодике. Однако почему-то обходят вопрос о той части программы "Солидарности", которая касается социально-экономического устройства будущей Польши. Какова в этом вопросе ваша позиция?

Д.Н. Я — не экономист. Буду говорить только о своем понимании этой проблемы. "Солидарность" хотела организовать во всей промышленности Советы рабочего самоуправления, но осуществить не успела. Директор должен избираться, а не назначаться. Рабочие сами должны быть хозяевами на производстве...

П.Е. А какая предполагается форма собственности?

Д.Н. Собственность? Национальная, кооперативная; допускается и мелкая индивидуальная.

П.Е. Ну, а капиталистическая?

Д.Н. Нет, "Солидарность" не хочет вернуться к капитализму, но и не хочет того, что сейчас...

П.Е. Можно ли тогда сказать, что вы — за социализм?

Д.Н. Нет, ибо социализм не плюралистичен, не толерантен. Мы хотим самоуправления, мы хотим демократии. Пожалуйста, пускай будут коммунистическая партия, социалистическая, — но только не должно быть одной-единственной правящей партии...

С.Б. За долгие годы власти коммунистов у поляков укоренилось убеждение, что капитализм — это плохо; действительность показала им, что "реальный социализм" — ничуть не лучше. Поэтому народ мыслит сейчас совсем другими категориями — не идеологическими, не понятиями "социализм", "капитализм", "левый", правый", — нет, его интересует, какое будет на самом деле социально-экономическое устройство при рабочем самоуправлении.

П.Е. Но ведь все, видимо, зависит от того, что понимать под термином "социализм". Если социализм означает не просто отмену капиталистической частной собственности, а такую, при которой средства производства переходят в распоряжение самих производителей (и не на словах, а на деле), то это и есть

но судить по выступлению Ст. Кани на чрезвычайном съезде ПОРП в июле 81 года:

"Несколько дней назад был распространен так называемый общественный проект закона о предприятиях, разработанный организациями "Солидарности". Правительственному законопроекту о предприятии и трудовом самоуправлении была противопоставлена концепция фактического отхода от государственной собственности к собственности групповой. Развивается акция самовольной организации звеньев самоуправления так называемого общественного предприятия... Мы решительно отвергаем эти идеи и тенденции".

Раковский в интервью накануне съезда на вопрос, какого типа экономическую реформу хотят проводить польские власти, венгерского или югославского, ответил: "венгерского". То есть польские власти, возможно, под давлением Москвы, предпочитают проводить реформу в капиталистическом направлении. Понятно, для сохранения "руководящей роли партии" лучше иметь дело с директорами-полукапиталистами, чем с полноправными Советами трудящихся. И вероятно также не случайно военное положение было введено накануне выборов в органы самоуправления, которые должны были состояться в январе 82 года согласно компромиссному закону, принятому Сеймом в октябре 81 г.

Интересно и то, как перекликаются с заявлением С. Кани слова Ю. Андропова в его теоретической статье в журнале "Коммунист" (№ 3, 83 г.):

"... нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на не зависящие друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей".

Отметим, что после отмены военного положения в Польше "Солидарность" вновь заявила о том, что введение самоуправления остается ее стратегической целью. Об этом говорится и в "программе действий" подпольного руководства профобъединения (опубликована 27.1.83), и в программной речи Леха Валенсы (распространенной 14.12.82):

"Здравый смысл и законы экономики требуют самоуправления. Это великое дело — быть подлинным руководителем, хозяином — у себя, на своем заводе, в ВУЗе, в новых организациях, в кооперации, в своем городе".

Подведем итоги. После выступления рабочих и интеллигенции за социалистическое самоуправление в Венгрии и Польше в 1956 году, в Югославии на рубеже 70-х (я имею в виду попытку спонтанного возвышения Рабочих Советов к настоящей власти), и в Чехословакии в 68-м году, нынешний поворот польских рабочих и "Солидарности" к борьбе за подлинное самоуправление представляет собой *окончательное доказательство* того, что строй социалистического самоуправления — самая популярная и реальная альтернатива государственному, тоталитарному социализму или так называемому коммунизму. Отметим, движение в Польше началось не сверху и слева, не под сенью красной звезды и марксизма, как ранее в той же Чехословакии, да и в Польше в 56 году, а снизу и справа, под сенью креста и Папы Римского, но тем лишь доказательнее итог: приход движения почти точно на тот же самый путь, по которому ранее пытались идти чехословаки и венгры, а еще до того — Милован Джилас со товарищи.

Однако, любое демократическое и рабочее движение в Восточной Европе по-прежнему имеет очень мало шансов на успех, пока не пробудится в СССР рабочий класс. А уроки демократического и рабочего движения в Восточной Европе говорят о том, что для пробуждения советских трудящихся необходимо создание и в Советской России движения (в идеале — партии) за утверждение социалистического самоуправления. (Россию я не отождествляю с СССР). При этом в России заблаговременное создание движения за самоуправление особенно необходимо. Там нет таких мощных возбудителей активности народа, как национально-освободительный импульс и влияние популярной, независимой и выступающей за демократию церкви. И в этой связи острую тревогу вызывает то обстоятельство, что до сих пор, даже в кругах российского диссидентства, отсутствует какое-либо движение или хотя бы группа сторонников самоуправления, в то время как в Польше и других странах Восточной Европы число их измеряется миллионами. То, что в СССР за самоуправление выступали такие люди, как Юрий Орлов*, Микола Руденко** и Андрей Сахаров (по свидетельству Ю. Орлова), положение мало меняет, тем более, что КГБ позаботилось об изоляции этих людей.

Однако как бы ни были малы шансы на успех, я считаю своим долгом обратить внимание советских диссидентов и их коллег из стран Восточной и Западной Европы и вообще всех, кто хотел бы "помочь делу", на необходимость продумать или передумать свое отношение к социалистическому самоуправлению и искать пути и средства к созданию очага соответствующего движения. Таким очагом мог бы стать журнал или альманах, дискуссионный клуб, далее — издательство. Чтобы восполнить поначалу недостаток российских кадров, активное участие в этом начинании могли бы принять сторонники социалистического самоуправления из стран Восточной и Западной Европы (как проявление, если угодно, интернациональной солидарности и взаимопомощи), тем более, что это соответствует их собственным интересам. Хочу подчеркнуть: создание очага обсуждаемого движения — не только развитие и распространение идей — необходимо для того, чтобы очаг этот символизировал для людей в СССР реальность существования данной альтернативы. И все это необходимо не только для пробуждения рабочего класса в СССР, но и для повышения шансов на появление возможного реформаторского движения в КПСС: для потенциальных реформаторов в партии тоже очень важно видеть организационное оформление социалистической альтернативы в оппозиционных кругах. ■

* Подтверждение этой мысли пришло недавно с весьма неожиданной стороны. Советник Картера Бжезинский в интервью для "Вашингтон Пост" (за 31.8.82) по поводу положения в Польше отметил, что "вопрос состоит в том, ожидает ли человечество будущее в соответствии с описанной Орвеллом моделью тоталитарного государства, или же мир будет развиваться в направлении плюрализма, основанного на принципах самоуправления... "Солидарность", — по мнению Бжезинского, — это не только лозунг и не только один из героических периодов польской истории, но и доказательство того, что подлинные стремления современного человека направлены на построение нового общества, базирующегося на самоуправлении".

* См. "Возможен ли социализм нетоталитарного типа?"

** См. "Экономические монологи".

Вопросы, которые хотелось бы обсудить: Возможно ли рабочее движение в Советском Союзе? ● Каковы цели рабочего движения при социализме? ● Нужен ли социализм без самоуправления трудящихся? Возможно ли рабочее движение в Советском Союзе? ● Вопросы, которые хотелось бы обсудить: Зачем

рабочее самоуправление. И понимаемый так социализм совпадает с рабочим самоуправлением, а не есть просто идеология, манипулирующая сознанием масс...

С.Б. Да, по существу это, может быть, так и есть, но термины играют большую роль, а термин "социализм" в глазах польского народа скомпрометирован. Люди там бегут сейчас от слова "социализм"... Правильнее было бы сказать, что мы за социальную самоорганизацию, за то, чтобы общественные институции были независимыми от государственной власти... Так как других категорий нет, я бы сказал: "Солидарность" — это левое движение, выросшее на идеалах христианства, хотя никто не называл его так, и люди удивились бы, услыхав это. Для "Солидарности" ясно, что надо забрать фабрики и заводы у партии. Но кому их передать? Всем понятно, что в промышленности частной собственности быть не может. За годы власти коммунистов некоторые идеалы социализма, повторяю, были восприняты народом, как, например, социальное равенство. Все отвечали: хорошо бы, если бы рабочие сами распоряжались, решали — но никто не связывал это с социализмом.

П.Е. Да, ибо в Польше, как и в Советском Союзе, то, что власти называют "реальным социализмом", — это антисоциализм. Поскольку термины себя скомпрометировали, надо, видимо, определять содержание социально-экономической системы описательно: чьей собственностью будут средства производства? Будут ли они в частных руках с наемным трудом или в руках самих производителей, и, стало быть, без наемного труда? С наличием рыночных отношений между предприятиями или без таковых, как при сплошной государственной собственности? Насколько я пониманию, "Солидарность" за то, чтобы каждое предприятие принадлежало самим производителям, и чтобы между такими предприятиями допускались рыночные отношения.

С.Б. Совершенно верно.

П.Е. На этой позиции стоят многие инакомыслящие в Советском Союзе, называющие себя социалистами. Но я думаю, что, действительно, не имеет значения, как это называть — рабочим ли самоуправлением, кооперативизмом или демократическим самоуправленческим социализмом — важна суть.

С.Б. Конечно. Но я все же хочу, чтобы вы имели в виду: слово "социализм" режет ухо поляку...

П.Е. А как вы относитесь к чешской идее социализма с человеческим лицом?

Д.Н. Он невозможен при тоталитарной, мафиозной системе. Как при капитализме господствует кучка капиталистов, так и в коммунистических странах господствует партия коммунистов. Сегодня социализма нет нигде. Это слово не адекватно тому, что происходит на самом деле...

С.Б. Кстати, о "Солидарности", я бы сказал, что это движение более левое, чем движение "гошистов" на Западе: впервые в истории левая утопия могла бы стать реальной. Это движение скорее моральное, чем политическое. Оно характеризуется принципами ненасилия, солидарности между рабочими и интеллигенцией, открытости. Без этого движение может окончиться тем же тоталитаризмом, против которого оно выступает. Но открытость сопряжена с опасностями: за нее надо платить.

САМИЗДАТ

ОТВЕРГАЕМ ЦАРСКИЙ ЮБИЛЕЙ!

Ни для кого не секрет, что скоро в широком масштабе будет отмечаться юбилей господства в Грузии русского царизма — того самого царизма, который в конце восемнадцатого века всевозможными дипломатическими трюками и коварством, под маской "единоверия", обманул измученного внешними нашествиями и внутренними раздорами старого царя Грузии Ираклия Второго и склонил его к заключению неравноправного договора, или Трактата, с экспансионистской целью. В результате царизм вырвал у него царство, а после смерти Ираклия Второго превратил его царство в русскую колонию.

Русский царизм не выполнил ни одного пункта им же самим заключенного договора, т.к. намеревался обманным путем захватить нашу страну. К этому побуждали Россию ее торговые и политические интересы на Востоке. Трактат обязывал Россию опекать Грузию, т.е. быть ее покровителем, Грузинское же царство, со своей стороны, обязано было соблюдать вассальное подчинение. Одним из главнейших пунктов Трактата было сохранение власти царской династии Багратиони и полного суверенитета Грузии, а также соблюдение принципа невмешательства в ее внутренние дела. Но как только умер царь Грузии Георгий XII — сын Ираклия Второго — Россия пренебрегла его просьбой о возведении на грузинский престол его сына Давида. Александр Первый Манифестом от 12 сентября 1801 года упразднил царский престол в Грузии и тем самым превратил Грузию в одну из "губерний". Кроме того, Манифест лишил Грузинскую церковь самостоятельности, т.е. она перестала быть автокефальной и была присоединена к Русской церкви (упразднением должности католикоса и введением должности экзарха).

Трактат 1783 года, вместо спасения, навлек на грузинский народ огромное несчастье, подняв против Грузии весь мусульманский мир, в первую очередь Персию, Османскую империю и соседние ханства. Их нашествия довели грузинский народ до грани физического уничтожения. История показывает, что если бы не Трактат, то у нас не возникло бы столь катастрофическое положение. Трактат предусматривал оказание военной помощи Грузии, но, несмотря на это, Россия ни разу не оказала Грузии реальную помощь и, тем самым, способствовала ослаблению Грузинского царства и его полному падению. Этим Россия окончательно захватила Грузию.

И вот сегодня вся официальная Грузия готовится отметить этот юбилей — юбилей коварного предательства Россией ее союзника. Юбилей этот является юбилеем царизма, т.к. именно царизм был автором Трактата. Возвеличивание этого Трактата означает возвеличивание Екатерины Второй и Потемкина — самых реакционных представителей русского самодержавия. Такая оценка дается и марксистской историографией.

Фальсификация истории приняла такие размеры, что в официальной грузинской прессе автором Трактата объявляют русский народ, тогда как его заключили царь и его прислужники, которые, как известно, не являлись выразителями воли и желаний народа. Известно также и то, что русский народ ничего не знал об этом Трактате. Как явствует из поэмы Николоза Бараташвили "Беди Картлиса" ("Судьба Карталинии"), и грузинский народ ничего не знал о плане объединения Грузии с Россией. На каком же основании объявляют присоединение "проявлением воли двух народов"?

Сегодня официальная пропаганда изображает дело так, что будто бы празднуется не аннексия Грузии в 1801 году войсками Александра I, а сам акт заключения Трактата, который представляют высшей степенью проявления "дружбы" и "породнения" двух народов. Таким образом, получается, что Грузино-Русский Трактат 1783 года заключили бескорыстные святые, а акт присоединения 1807 года осуществили злоумышленники. Но разве Александр Первый — не плоть от плоти и кровь от крови Екатерины II? Разве генерал Кнорринг, который аннексировал Грузию и отвез в Россию последнюю царицу Грузии Мариам и грузинских царевичей, не является копией и подобием Потемкина, которому Екатерина выражала особую благодарность за захват Грузии? Разве существовала какая-нибудь разница между их целями и методами? Нет! Никакой!

Для имперской политики всех времен были характерны два основных свойства: обман и насилие. Этими двумя главными методами пользовались империи для порабощения и ассимиляции малых народов. Трактат Екатерины Второй был обманом, а Манифест Александра I — его логическим продолжением, т.е. насилием. Таким образом, они представляют собой два различных аспекта одной общей тактики.*

Цинизм и извращение истории приняли такие размеры, что сегодня официальная пресса упорно твердит, что будто бы Грузия восторженно встретила вступившую в ее пределы русскую армию. В "подтверждение" этой мысли газета "Комунисти" ("Коммунист") отметила, что в это время торговцы Тбилиси устроили на площади праздник. Редакции "Комунисти" должно быть хорошо известно, что торговцы, ликовавшие на площади, точнее — на площади Шаитанбазара, вовсе не были грузинами. Это были те самые торговцы, которые во время нашествия Ага-Мохаммед Хана передали врагу ключи осажденной Тбилисской крепости и тем самым способствовали разорению Грузии. Естественно, что они с удовольствием праздновали новое национальное несчастье Грузии.

И сегодня у нас еще много подобных торговцев, торгующих всем, чем угодно — начиная с собственной совести и кончая судьбой родной нации. Скорее всего, именно они, подстегиваемые страстным честолюбием, стремлением к медалям и креслам, будут пуще всех праздновать 200-летие обмана Ираклия Второго и грузинского народа Екатериной Второй и Потемкиным, так же как в 1901 г. праздновала грузинская аристократия 100-летие русского штыка в Грузии.

* В последнее время без всякого стеснения акт присоединения, ввиду его "прогрессивности", уравняли с актом заключения Трактата (газета "Комунисти", 15 апреля 1982 г.).

Бюллетень "ВЕСТИ ИЗ СССР" сообщает: 15.6.1983 в Тбилиси прошли обыски в домах Ираклия Церетели и Пааты Сагарадзе. После обысков оба они были арестованы. Им предъявлены обвинения по ст.71 УК ГрузССР (аналог ст. 70 УК РСФСР). И.Церетели и П.Сагарадзе вменяется в вину размножение и распространение листовок с призывом к бойкоту празднеств, посвященных 200-й годовщине грузинско-русского договора 1783 г. Этот договор в листовках назван "трагическим событием в грузинской истории", приведшим к аннексии Грузии Россией.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Главному прокурору СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

от гр-на Медведева Роя Александровича

18 января 1983 г. я был вызван в Генеральную прокуратуру СССР к заместителю Генерального прокурора СССР П.М. Горбунову, где в присутствии его и сотрудника КГБ Гущина мне было предъявлено изложенное в письменной форме "Предупреждение" с требованием о прекращении моей якобы антисоветской деятельности, наносящей ущерб интересам Советского государства. Все мои книги и статьи, изданные в последние 14 лет, во многих странах, огульно объявлены в документах Прокуратуры "пасквилями", которые я будто бы фабрикую в целях "клеветы на советский общественный и государственный строй".

Я отвергаю подобное "предупреждение", в котором Прокуратура СССР в одностороннем порядке, без законного судебного разбирательства, без доказательств и без предоставления мне права на защиту, т.е. грубо нарушая ст. 57 и 158 Конституции СССР, объявляет меня виновным в противозаконных действиях.

Вся моя деятельность как историка, политического писателя и как гражданина продиктована стремлением видеть свою страну живущей в условиях мира, процветания, демократии и социализма. У меня нет других побуждений, кроме блага народа.

К сожалению, трудно быть историком и летописцем в стране, где громадное количество политических и уголовных преступлений совершалось в недавнем прошлом людьми, находящимися у власти, и где коррупция и злоупотребление властью глубоко проникли во многие области государственного, партийного и хозяйственного управления, не исключая судебной системы, органов правосудия и КГБ.

Трудно быть политическим писателем в стране, где Конституция требует от всех граждан заботиться об укреплении Советского государства, но где об этом мало заботятся многие из высших государственных руководителей, которые злоупотребляют властью, используя ее для личного обогащения или для устранения своих соперников и критиков. Интересы государства, советского общества и народа гораздо меньше заботят этих людей, чем их личные интересы и привилегии. Я уверен, что Прокуратура СССР располагает на этот счет более чем достаточным количеством материалов и доказательств.

В такой стране, как Советский Союз, честный историк должен нередко выступать не только как исследователь, но и как следователь и судья и выносить моральные и политические суждения, независимо от того, нравится ли это власть имущим. Меня мало беспокоит поэтому, какую оценку выносят моей работе Прокуратура или органы КГБ. Любой честный и независимый историк должен быть озабочен только одним — поисками истины. Меня не пугают никакие возможные наказания, и поэтому мне бессмысленно делать на этот счет любые предупреждения и прибегать к недостойным угрозам. Если в моих работах имеются какие-либо неточности или ошибки, они не являются результатом умысла и их смогут исправить в дальнейшем мои коллеги-историки. Вместе с тем я всегда относился с полным одобрением к деятельности тех государственных деятелей и учреждений, которые выступали и выступают за исправление ошибок, некомпетентных действий или преступлений недавнего прошлого.

На основании всего сказанного выше я считаю вмешательство Вашего заместителя в мою работу несправедливым и прошу в дальнейшем оградить меня от подобных действий, которые предпринимаются уже не в первый раз.

Москва, 18 января 1983 г. Р.А. Медведев

А.И. Солженицыну

Уважаемый Александр Исаевич!

Не мне представлять Вам Владимира Львовича Гершуни. 18 июня он вновь подвергнут аресту.

Христом-Богом молю:

Сделайте все возможное и невозможное и вырвите Гершуни из застенков!

Богом же заклинаю:

Не останавливайтесь в борьбе своей — добейтесь освобождения всех советских политзаключенных, добейтесь выезда из Союза активных правозащитников, подвергающихся опасности физического уничтожения, добейтесь хоть сколь-нибудь свободного въезда-выезда с тем, чтоб прорвать изоляцию народа нашего...

С. Анцупов

АНЦУПОВ Евгений Михайлович, р. 20.4.1940, историк. Арест. 24.4.1981. 6 строг. + 5 ссылки. Осв. 4.1992. Ст. 70. Написание работ с попытками периодизации истории, требование эмиграции, распространение фотографий с изображением демонстрации с теми же требованиями (Список политзаключенных СССР, Вып. 4).

•

23.6.1983 члены "Группы доверия" В. Бродский, М. Рейтман и С. Розеноер были вновь задержаны около британского посольства в Москве, когда они прибыли туда в заранее согласованное с посольством время, чтобы вручить письмо премьер-министру М. Тэтчер с протестом против задержания английских пацифистов во время их демонстраций у военных баз. Агенты в штатском и милиция помешали членам Группы выйти из такси, в котором они подъехали к посольству. Всех троих обыскали, изъяли письмо М. Тэтчер, подвергли трехчасовому допросу. Им было сказано: "Если еще раз поймаем около английского посольства — выбросим в Москва-реку". 29.6.1983 В. Бродский, М. Рейтман и В. Годяк все же смогли вручить письмо, адресованное М. Тэтчер, одному из английских дипломатов, посетив его на квартире.

К. Любарский

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ ЙОГОВ

В последние годы — а в последние месяцы особенно интенсивно — в Советском Союзе развернулась кампания против йогов и кришнаизма, кампания на первый взгляд странная и бессмысленная, но лишь на первый взгляд.

Пожалуй, первой ласточкой был арест в 1981 г. в Красноярске Евгения Третьякова, создателя и руководителя "Клуба любителей здоровья" при Красноярском городском Дворце культуры. Е. Третьяков проводил в этом клубе занятия аутогенными системами тренировки и мантра-йогой. Он был также последователем идей, развиваемых "Международным обществом сознания Кришны", известным под именем "Харе Кришна".

Официально Е. Третьяков был обвинен в "тунеядстве", за что и был осу┌ен на год лагеря, однако после суда в местной красноярской газете о нем появилась статья, где клеймилось отнюдь не безделие, а "идеологические диверсии" империализма, проводимые через общество "Харе Кришна".

Следующий удар по кришнаитам был нанесен в Москве, где были арестованы Владимир Критский, в недавнем прошлом младший научный сотрудник МГУ, а также Сергей Куркин и Анатолий Пиняев. Последний был вскоре направлен на психиатрическую экспертизу в Московскую психбольницу № 5, откуда ему удалось благополучно бежать. Что касается первых двух, то их "дело" стали интенсивно раскручивать. Начались обыски и допросы среди членов Московской группы последователей школы мантра-йоги, учеников индийца Шри Висинупада.

Шри Висинупад, живущий в Швейцарии, посещал СССР в 1978, 1979 и 1980 гг. Во время последнего посещения он пытался устроить в Риге публичную лекцию по мантра-йоге, за что и был из СССР немедленно выслан. Ученики же его, на которых он произвел глубокое впечатление, продолжали занятия мантра-йогой самостоятельно.

Конец этим занятиям положила волна обысков в апреле 1982 г. Изымалась литература по йоге и по индийской философии и так называемые "культовые предметы" — колокольчики, четки, ароматические палочки, статуэтки. Обыску подверглись востоковед Ольга Осенева, врач Валентина Китанина, логопед Наталья Девяткина и др. Следствие по этому делу длилось почти до конца года. На состоявшемся в декабре 1982 г. суде В. Критского приговорили к 4 г. лагерей с конфискацией имущества, а С. Куркина — к 2,5 г. А. Пиняева судили заочно. Всех их обвиняли в "посягательстве на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов" (ст. 227 УК РСФСР).

Конец следствия по делу московских кришнаитов совпал с арестом в Свердловске специалистки по лечебной гимнастике В.А. Суховой. В. Сухова применяла в руководимых ею "группах здоровья" некоторые элементы йоги, сама она с рядом своих знакомых интенсивно занималась мантра-йогой. Кружок В. Суховой состоял в основном, из преподавателей местного пединститута и политехнического института — не менее 30 чел. Все они подверглись обыскам, всех их вызывали на допросы. Двоих — кандидата географических наук Г. Звереву и кандидата химических наук Ю. Лобанова

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДЕЛЕГАТАМ VI ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ В ВАНКУВЕРЕ

Обращаясь с этим, на первый взгляд весьма личным, письмом к уважаемым делегатам Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей, я глубоко убежден, что кардинальные вопросы богословия и социологии, внесенные в программу работы Ассамблеи, не заслонят проблему рядового верующего и служителя Церкви.

Исходя лишь из этих соображений осмеливаюсь беспокоить высокое собрание людей, ответственных и болеющих за судьбы Церквей и верующих во всем мире.

Я — рядовой диакон Русской Православной Церкви. Долгое время работал в редакции "Журнала Московской Патриархии", окончил Московскую духовную академию, служил при архиепископе Волоколамском Питириме, затем — в приходских храмах.

Много лет в свободное от редакции и от службы в храме время работал над материалами по истории Русской Православной Церкви новейшего периода (после революции 1917 года). В 1980 году я закончил книгу, которую назвал "Свидетельство обвинения".

Считая архиепископа Питирима своим духовном отцом, я, как на исповеди, рассказал ему все об этой книге. Трудно передать, с какой настойчивостью он на протяжении долгого времени уговаривал меня полностью уничтожить (!) этот труд. Я отказался это сделать и он просто-напросто уволил меня с работы.

Вполне возможно, что он присутствует здесь, на заседан— Ассамблеи, и может подробнее и красивее изложить эти обстоятельства. Боюсь только, что этой красоте достоверность сопутствовать не будет.

После увольнения из редакции у меня еще некоторое время была возможность (исключительно по бюрократической медлительности) служить в одном из подмосковных храмов. Затем меня перевели в Белоруссию, в г.Витебск. Здесь я произнес проповедь, после которой мне запретили служить и отправили в ссылку в монастырь. С текстом этой проповеди можно ознакомиться в архиве Кестон-Колледжа.

Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Витебской области Н.И.Крученков в связи с этим заметил: если бы на то была моя воля, я не то, что отобрал бы у него регистрационную справку, но упрятал в тюрьму.

После этого меня отправили еще дальше от Москвы. Началось преследование со стороны КГБ. Во время обыска в январе этого года у меня изъяли весь мой архив и самое главное — итог восьмилетнего труда — последний, наиболее полный вариант моей книги.

Во время бесед со мной сотрудники КГБ настойчиво требовали гарантий, что, во-первых, эта работа не будет опубликована на Западе, и, во-вторых, — я больше не посмею заниматься этой темой.

Сотрудников КГБ возмущало и беспокоило не столько то, что в работе, как они уверяли, содержится клевета, сколько то, что она может быть опубликована на Западе. Поразительно (но объяснимо), что и митрополит Филарет говорил со мной по этому поводу почти теми же словами и требовал точно тех же гарантий. Митрополит говорил не о том, что факты, изложенные в работе не достоверны, но о том, что они не должны быть в настоящее время известны широкому кругу.

А как он был встревожен, не выйдет ли моя работа именно перед Ванкуверской встречей! К сожалению, книга еще не вышла, но желающие могут ознакомиться с ее содержанием. Рукопись в настоящее время находится в издательстве ИМКА-ПРЕСС в Париже.

Вскоре меня опять лишили работы. Все это произошло при непосредственном участии того же митрополита Филарета, причем, с использованием весьма сомнительного для церковного человека приема — прозаического обмана.

В течение трех месяцев после отстранения меня от службы я имел более полутора десятка встреч и бесед с митрополитом. Во время последнего разговора митрополит откровенно сказал мне, что за его спиной стоят анонимные силы (это за Экзархом-то всей Западной Европы, вдумайтесь в эти слова!) и что он при всем желании не может ничего сделать. Верю в искренность его желания, потому что неоднократно убеждался в его человеческой доброте.

В конце беседы он дал мне ясно понять, что в церкви мне никогда не служить, что я должен искать работу где угодно: работать сторожем, грузчиком, ассенизатором...

Митрополит Филарет, я уверен, присутствует здесь, в этом зале. Но сможет ли он объяснить свое полное бессилие в таком прозаическом вопросе, как назначение клирика его епархии на приходское служение?

Итак, воспитанный на прочных основах веры, с пяти лет принимавший участие в богослужениях, посвятивший свою жизнь священнослужению, я оказался в стороне от алтаря, без надежды когда-нибудь служить в храме.

Это моя трагедия. Но не может быть, чтобы моя судьба никого не тронула из сидящих в этом зале, потому что это не только моя трагедия, а трагедия всей русской церкви. На примере моей личной судьбы о многом можно говорить в этом высоком собрании.

Можно говорить о том, например, что история Русской Церкви в послереволюционный период, как научная дисциплина, практически отсутствует в духовных школах, а тем более — в сознании рядовых верующих. То, что преподносится

(Окончание на стр. 24)

официально предупредили в КГБ, что если они будут продолжать участвовать в "сборищах религиозно-мистически настроенных лиц, в молитвенных собраниях реакционной секты Харе Кришна", то их может постигнуть судьба В. Суховой.

Следствие долго колебалось, по какой статье Уголовного кодекса квалифицировать "преступление" В. Суховой. Думали одно время привлечь ее к суду за "занятия запрещенным промыслом", но в конце концов остановились все на том же "посягательстве на личность граждан". В феврале 1983 г. суд в Свердловске приговорил за это В. Сухову к 4-м годам лагерей.

Следующими на очереди оказались дела московского геолога, дочери известного партизанского героя (позднее репрессированного) Майи Коляды и художника из г. Ижевска Леонида Галкина. М. Коляда заинтересовалась индийской философией и йогой в 1978 г. под влиянием книг выдающегося русского художника и мыслителя Николая Рериха. У нее, как и у других уже названных выше лиц, появился свой кружок учеников в несколько десятков человек. На почве общего интереса к йоге она и познакомилась с ижевским художником Л. Галк—ім.

Л. Галкин, когда с ним встретилась М. Коляда, находился в телепатическом общении с обитающими в космическом пространстве мудрецами, один из которых называл себя "учитель Мурия" и охотно сообщал Галкину свое мнение по различным вопросам. Л. Галкин аккуратно записывал его откровения, и полная запись их заняла свыше 80 машинописных страниц. В основном "учитель Мурия" проповедовал Л. Галкину необходимость любви к ближнему, пользу вегетарианства и воздержания, но однажды не смог удержаться и от высказывания своего нелицеприятного мнения о товарище Брежневе и о вторжении в Афганистан.

Хотя запись мнений "Мурии" о советских делах заняла лишь 2 страницы из 80, именно она послужила основанием для ареста Л. Галкина, а позднее и М. Коляды — последняя, получив от Л. Галкина рукопись, перепечатала ее на машинке и показывала своим ученикам (на языке советского закона это называется "размножением и распространением").

Обоих арестованных обвинили в "распространении клеветнических измышлений". М. Коляда в марте 1983 г. получила за это 2 года лагерей. Сведения о суде в Ижевске над Л. Галкиным до нас еще не дошли. "Учитель Мурия", как лицо, обитающее в космосе и поэтому экстерриториальное, ареста, по-видимому, избежал.

Фантасмагорическая и кажущаяся абсурдной история преследования йогов, конечно же, далеко не случайна. Не существом своим страшны индийская философия, кришнаизм и йога советской власти, а — неподконтрольностью, особостью, независимостью — даже просто непонятностью. Ксенофобия — характерный признак любого закрытого общества.

Со своей точки зрения советские прокуроры правы. "Кто не с нами — тот против нас", тот враг. А "если враг не сдается — его уничтожают". Кто будет следующим?

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«МАРКСИСТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ...»

ЭМИЛЬ КОГАН

Статья Вадима Кожинова в журнале "Наш современник" (№ 11, 1981) вызвала полемическую бурю не только в советской, но и в эмигрантской прессе. М. Агурский увидел в ней проявление агрессивного экспансионистского национализма ("Посев", № 6, 1982). А соавторы Ю. Слатин и Н. Попов — акт пробуждения национального самосознания ("Посев", № 3, 1982). Отметим на ходу глубину межведомственного разногласия и поведем читателя прямо к статье.

Значительная часть этого обширного документа, уснащенного цитатами из Нестора, Чаадаева, Гегеля, Достоевского, Ленина, посвящена Западу. «Для Запада, — пишет Кожинов, — существует только один полноценный "субъект" — он сам; *весь* остальной мир был только "объектом" его деятельности. Как говорил одновременно с Гегелем Чаадаев, "Европа как бы охватила собой весь земной шар, все остальные человеческие племена... существуют как бы с ее соизволения". Эта мировая ситуация западной культуры чревата последствиями, которые произошли в наше время, с жестокой ясностью предстали перед самим Западом...» (162).

Если бы только перед Западом, вздохнет, наверное, читатель, уловив в кожиновских речах плохо скрываемый намек на хорошо известные любому из нас последствия: военно-индустриальный комплекс, братская помощь во всех ее видах, ядерный психоз, нищета, озверение в очередях, падение рождаемости в метрополии и демографический бум на периферии...

Увы, Кожинов мало интересуется тем, что происходит у него под носом. Его геополитический компас работает в одном направлении:

«Да, з ный человек в самом деле осознавал себя по отношению к "внешнему миру" — и природному, и человеческому — в качестве "человекобога". Это было совершенно необходимой основой западной героики, западного свободного творчества. Но одновременно это означало, что Византия и государство ацтеков, Индия и Китай, и, конечно, Россия — только *объект* приложения сил Запада и не имеет никакого всемирно-исторического значения» (163).

Забыл, как видите, Кожинов всемирно-историческое значение Октября, забыл Эфиопию и Афганистан, слыхом не слыхивал про "человекобогов", замышляющих повернуть вспять сибирские реки, про "экологический тупик" Солженицына, про "Разрушение природы" Комарова.

Советская земля не только за пределами его диатриб, но именно она и противостоит тому комплексу идей и территорий, которому Кожинов дает определение "иудеохристианской" цивилизации.

Итак, дующим с Запада злобным ветрам противостоит, как скала, русский онтологический феномен. Русский народ, по мнению Кожинова, во всем отличается от надменных западных. Его характеризует "избыточное самосознание", "совестливость", "самокритицизм", "самобичевание", то есть беспощадное отношение к себе и своим слабостям. И как следствие этих редких качеств — органическая неспособность к какой бы то ни было этнической замкнутости, к эгоизму, к чванству. "Подлинное превосходство русских и состоит, если уж на то пошло, в способности подлинного братства с любым народом, которая в свою очередь опирается на способность... из глубины духа признать определенное превосходство другого народа"(172).

Унижение паче гордости, но не беспокойтесь за Кожинова. Его национальный мазохизм не идет дальше известной черты. Из конкретных примеров ясно, что превосходство признается в основном за теми народами, которые входят в состав СССР. Оно и понятно, спесивый Запад завоевывал пространства, чтобы приобщить варваров к цивилизации, — Россия шла на Восток, чтобы *поучиться у азиатов*, чтобы признать их "определенное превосходство" и заключить в братские объятия.

П.Абовин-Егидес

ДИАЛЕКТИКА "СЛИЯНИЯ"

(Новые идеологические установки Кремля)

Перед нами статья профессора Р.Косолапова, главного редактора теоретического органа ЦК КПСС "Коммунист", озаглавленная "Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма" (журнал "Социологические исследования" №4, декабрь 1982). Содержание ее выходит за пределы, обозначенные в названии: она охватывает ряд основных проблем современного советского общества. Выделим лишь ее узловые моменты.

Статья начинается с того, что решение национального вопроса в СССР автор называет "чудом". В чем же узрел он чудо? Оказывается, в особой ленинской "диалектике": к осуществлению идеи "федерации советских наций" Ленин вел *через* отказ от федералистской же идеи в структуре коммунистической партии. Партия с самого начала замышлялась как "монолитно *российская*", а не как альянс *равноправных* рабочих партий различных наций, входивших в Российскую империю. Этот империалистический принцип построения партии выдается за интернационалистский. Р.Косолапов так и пишет: "Ключевой частью ленинской национальной программы являлось требование построения партии... по *интернациональным нормам" (подчеркнуто мною — П.А.-Е.)*. На деле же эта "диалектика" имела весьма прагматическую цель: единая партия, замаскированная под *над*национальную, оказалась инструментом, парализующим лозунг "права наций на самоопределение" и цементирующим единую и неделимую *Империю нового типа*.

"Диалектический" путь к самоопределению якобы федерированных наций *через* антифедеративную партию оказался таким же миражом, как и "диалектика" исчезновения классов *через* диктатуру одного класса (в лице партии). В условиях диктатуры одной партии благие слова о самоопределении наций, как и о демократии, о социализме теряют смысл, оборачиваются антисмыслом. Этот антисмысл постепенно эта подмена открывается народам, и они начинают вначале глухо, а потом все явственнее обнаруживать свое недовольство.

Вот почему Политбюро мечется от одних идеологических установок к другим, с помощью которых можно было бы держать в узде советские народы. Так, в статье Р.Косолапова идет крутеж вокруг новой установки: следует, говорит он, вернуться (!) к забытому тезису Ленина, который сегодня обществоведы игнорируют" (итак, хотим — предаем тезисы забвению, хотим — вытаскиваем их из мусорного ящика), к тезису: "не только сближение наций, но и *слияние* их", — читай: к тезису превращения всех наций в одну — русскую. (Следует подчеркнуть, что это вытаскивание пересыпанных нафталином обветшалых тезисов свидетельствует отнюдь не о силе, не о стабильности режима и империи). И тут снова происходит то же "выворачивание рук" у логики: ведь *слияние* противоречит *самоопределению*. Но спасает опять-таки волшебное словечко "через": к слиянию через самоопределение. На деле же — слияне — *вместо* самоопределения.

Однако, прямо говорить о слиянии теперь, когда во всем мире нации стремятся к независимости и государственной самостоятельности, все же опасно. Поэтому Косолапов вносит свой вклад в развитие науки, препарируя понятие "слияние": оно уже, оказывается, не означает "полного уничтожения национальных черт и стирания каких-либо языковых и этнических различий". Что же оно означает? Этого Косолапов толком не говорит, — он ходит вокруг "слияния", как кот вокруг горячей каши. Он, видите ли, делает "открытие": при "развитом социализме", наряду с возникновением новой общности, именуемой "советский народ", остаются... нации. А выражается это в... двуязычии, причем русский язык Р. Косолапов рекомендует превратить во второй *родной* (!) язык народов СССР".

Учиться у Запада России было решительно нечему. Разница их потенциалов, гуманитарных и нравственных, всегда была в пользу нашей страны. Из списка духовных приоритетов России выделим самый главный. Оказывается, не христианство питало русскую культуру, но русская культура питала христианство, сообщая ему "всечеловеческое, всемирное" содержание.

Здесь возникает щекотливый вопрос: а как же быть с марксизмом? Уж он-то безусловно родился на Западе, в недрах "иудеохристианского" сознания от его вечной и греховной неудовлетворенности сегодняшним днем и эсхатологической тяги к искуплению, к "светлому будущему". Доктрина перманентного лидерства России позволяет, в сущности, два ответа: 1. Родился-то родился, но только на русской почве марксизм и смог стать государственной религией; 2. Охотно уступаем Западу патент, марксизм как раз и является примером дурного, гибельного влияния.

Какой же из двух ответов прельщает Кожинова? Заметим, что критика гегелевской историографии у него целиком относится к Марксу, приносившему, как известно, "все эти бессильные, расслабленные, мелкие народишки" в жертву цивилизации, революции, прогрессу. И, стало быть, статья рикошетом бьет по марксизму? Так-то оно так, да не спешите с выводами. Кожинов высоко чтит отдельных марксистов. И "завещание Ленина" он вплотную подгоняет к "завещанию Достоевского". С цитатами в руках Кожинов доказывает идентичность их взглядов на роль и планетарные задачи России.

Некоторые эмигрантские толкователи толкователя священных русских текстов объявляют апофеоз Ильичу ритуальной, декоративно-цензурной заставкой. Но мы не станем довольствоваться столь механическим решением проблемы. Ибо логика кожиновского демарша подсказывает более элегантный и убедительный выход из положения. С марксизмом, вероятно, произошло то же самое, что и с христианством. Не он питал русскую идею, но русская идея, подобно фильтру, очистила марксизм от "иудеохристианских" токсинов и вдохнула в него освободительное, ленинское содержание. Что и позволило Советскому Союзу водрузить над землею знамя борьбы с империализмом, выступить против альянса лавочников, либералов, буржуев и успешно отразить "всемирную космополитическую агрессию". Впрочем, тут мы попадаем, как говорится, не в ту степь, а в степь евразийскую. Ведь цитируемое выражение подразумевает войско Мамая, собранное на деньги генуэзских купцов и банкиров...

А у нас еще не подытожен компаративный анализ двух антиподов. Итак, если Запад «вырос на "сгнивших развалинах" (Гегель) поверженного древнего мира» (162), то Россия отпочковалась от живого древа византийской цивилизации. Если Запад разбивается на *индивиды* и *нации*, то Россию формируют *личности* и *народ*. У них — *национализм*, у нас — *народность*. Они — *рабы* законности, мы — *сыновья* благодати. Как и все авторитаристы, Кожинов различает *внутреннюю* свободу (воля, благодать) и *внешнюю* (законность). "Самая полная свобода, — убеждает Кожинов, — ничего не дает воле личности, которая устремлена к бытию и смыслу, лежащим за *пределами* этой свободы" (169).

Какие же цели лежат за пределами лиц и наций, пребывающих в плену демократии и права? На это Кожинов отвечает словами Достоевского, что "лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначение в будущем постигнуть и объединить все многоразличие национальностей и снять все противоречия их" (157).

Переведем дыхание и протрем глаза, чтобы лучше видеть аргументы литературоведа Кожинова. Его научный аппарат необъятен. Митрополита Илариона сменяют на идеологической вахте Гегель и Бахтин. Особенно упорно ссылается Кожинов на теорию Михаила Бахтина о монологическом и диалогическом видах искусства. Согласно Кожинову, монологическая культура (— *Мели, Емеля...*) — это западная, а диалогическая — (нетрудно догадаться) русская. Бахтин должен был бы неоднократно перевернуться в гробу, прослышав о применении своих теорий в расовом аспекте. Несколько дополнительных оборотов вызвали бы и неустанные усилия Кожинова протащить все написанное Достоевским в бахтинскую "эстетику диалога". Сам философ предупреждал, что публицистика великого писателя, в отличие от его художественного творчества, принадлежит нормативной, монологической области, и последняя цитата была бы наглядной тому иллюстрацией.

Но Кожинов вольно обращается с теориями и цитатами, и их эффект редко сообразуется с его толкованиями.

Вот он приводит высказывания западных писателей о прогрессе, несущем гибель природе и обытным цивилизациям. О чем говорят эти цитаты? Разве не о *самокритицизме*, не о *самосуде*, не о *самобичевании*, свойственным якобы одним русским?

Просим прощения за банальность, но осознание своей греховности, изнурительное чувство вины перед ближним и дальним и служит мотором "иудеохристианской" культуры, в которой почетное место занимает русская. Нам, живущим на Западе, не привыкать к трагическим голосам Дюмона, Зиглера, Ильича (не того, который... , а аргентинского ученого) и прочих многочисленных оракулов, внушающих жителям свободных стран их персональную ответственность за ограбление третьего мира и за дикую вестернизацию его.

Не означает ли это фактического вытеснения национальных языков — русским, т.е. языком *всей* "новой общности"? Так поднимается новая волна русификации как средства укрепления Империи. От национальных культур остается лишь сохранение "бытовых различий", второстепенных "обычаев".

Перлы "диалектики", уничтожающей аристотелевскую (т.е. нормальную, человеческую) логику, мы обнаруживаем у Косолапова и там, где он пытается провести грань между "национальными различиями" и "различиями между нациями". Придерживаясь несостоятельной теории, по которой нации возникли-де лишь при капитализме, автор статьи вместе с тем совершает логическую передержку: а вот национальные различия древнее классовых и поэтому они живучее последних. Но как же национальные различия могут появиться до возникновения самих наций? Это похоже на Кэролловскую притчу, по которой улыбка кота существует без самого кота...

Слиянию наций при "развитом социализме", уверяет нас далее редактор "Коммуниста", будто бы способствует слияние классов. Тут Р. Косолапов провозглашает еще одну новую теоретическую установку: XXVI съезд "войдет в историю уже тем, что он конкретизировал концепцию развитого социализма как концепцию формирования бесклассового социалистического общества". Что же сие, по Косолапову, конкретно означает? Что создание агропромышленных комплексов и проч. ведет "к стиранию различий между двумя классами — рабочих и крестьян". Между тем, подлинная суть классового общества в СССР заключается вовсе не в различиях между рабочими и колхозниками. Эти различия давно стерты — и те, и другие являются *рабами* государства; и те, и другие ничего *не решают* на своем производстве, — за них все решает государство. Чиновники государства, принадлежащие "номенклатуре", — это и есть новый *господствующий* класс, наличие которого адепты Кремля замалчивают. А ведь еще Ленин определял, что классы различаются по их отношению к средствам производства, — вот "номенклатурщики" и относятся к средствам производства как хозяева, а рабочие и колхозники — как люди, лишенные этих средств. И все привилегии узурпированы новым господствующим классом. О каком же слиянии классов, о каком бесклассовом обществе да и о каком советском социализме (обыкновенном, а не то что развитом) может идти речь в Советском Союзе? Ведь социализм начинается там, где средства производства находятся в руках производителей, а в СССР они находятся в руках партгосаппарата, трудящиеся же *ничем* не распоряжаются.

Что же мы имеем в результате? а в результате мы имеем что ни один из лозунгов Октябрьской революции (фабрики — рабочим, земля — крестьянам, вся власть — Советам, право нациям на самоопределение) не осуществлен: фабрики рабочие не получили, землю у крестьян вскоре отняли, над Советами взгромоздилась партия, которая и осуществляет фактическую власть, право же наций на самоопределение обернулось "слиянием наций".

Наконец, Косолапов переходит к совсем как бы уж неожиданной идеологической установке. Он вдруг пишет: "Увы, кое-кому в наши дни не дают покоя "колокольный звон на зорьке", тоска по патриархально дремлющей старой деревне... По странной логике иных ревнителей "народного" духа на поверхности оказывались... отцы церкви и старцы... ревнители триединой формулы "самодержавие, православие, народность"... Такое определенное умонастроение одной любовью к старине не объяснить". Чем же объяснить, что кремлевские сторонники единой и неделимой Российской Империи, где вси нации должны слиться воедино под эгидой русского языка, теперь ополчаются на славянофилов, называя их, как это делает Косолапов, "закавыченными патриотами", — а ведь им не так давно потакали (между теми и другими, как известно, установилась молчаливая уния)? Конечно, большевистские лидеры всегда отличались тем, что с легкостью отдавали на заклание вчерашних союзников. И все же, чем объяснить этот новый поворот?

Солженицын даже считает, что все эти покаянные речи переходят всякую меру и разжижают, лишают необходимой крепости национальное самосознание западных народов.

И с ним едва ли стоит соглашаться. Раскаяние не будет избыточным, пока Запад не усвоил, что пауперизация и ломка традиционных устоев третьего мира делают последний легкой добычей коммунизма. Нет для раскаяния и моральных противопоказаний. И мы с волнением слушаем Солженицына, когда он берет на себя вину за истребление сибирских народов, за насильственную русификацию других. Не коробит нас и исповедь "антисемитов" Суконика, Хейфеца, Горенштейна, отражающих "еврейский вклад" в революцию и строительство социализма в одной стране.

Они-то и есть наследники могучей русской культуры, они-то и стоят обеими ногами на русской и одновременно "иудеохристианской" нравственной почве. А вот Кожинов, сладострастно изучающий свой пуп, который играет в его космогонии роль центра земли, не имеет к этим традициям прямого отношения. При всей своей эрудиции и всеядности Кожинов не может нас убедить, что его духовная гносеология простирается дальше "Марша энтузиастов" или песни "Широка страна моя родная..."

Чем уникальна и симптоматична статья, так это тем, что впервые, кажется, в советской публицистике была с такой безоглядностью и беззастенчивостью отброшена всякая классовая и коммунистическая риторика и подменена голым национальным аргументом. Слатин, Попов и примкнувшие к ним Назаров и Бонафеде из "Посева" предлагают радоваться подобному обстоятельству и кидать в воздух головные уборы.

Но так ли уж очевиден бунт Кожинова? Маркса, вероятно, он и вправду недолюбливает, зато Ленина он безусловно обожает. И потом, не надо принимать цензоров, курирующих "Наш современник", за абсолютных олухов. Они знают, что пропускают. Просто установка у них нынче иная: "Марксистом можешь ты не быть, антисемитом быть обязан!"

А уж этого добра у Кожинова хоть отбавляй. Антисемитизм служит цементом его философской системы. Он у него всех видов и сортов.

Имеется антисемитизм обкомовский, жэковский: "Сионизм — крайняя форма национализма" (в отличие, надо думать, от кожиновского бескр─ого). Или это тоже декоративно-цензурная пошлина, господа из журнала, сеющего разумное, доброе, вечное?

Имеется антисемитизм научный, так сказать диалектический антисемитизм. Согласно ему, Ветхий Завет (читай, сионизм) есть религия заскорузлая, узконациональная, а Новый — универсальная, общечеловеческая (но только, разумеется, в его русском варианте).

К доказательству этой теоремы Кожинов привлекает митрополита Илариона, жившего в XI веке.

Иларион же развивает кожиновскую мысль с помощью семи библейских цитат, в которых по разному поводу упомянуты "все языци", то есть все народы земли. Но едва древний начетчик успевает зачитать свои семь цитат, как диалогист Кожинов отбирает у него микрофон и уличает в вопиющей неточности. Оказывается, все цитаты взяты Иларионом из Ветхого Завета. «Ни одной цитаты, имеющей в виду "все языки", в Новом Завете Иларион найти не мог» (159). Вывод: митрополит приписывает Евангелию то, чего у него нет. А что же он тогда ему приписывает? Он приписывает ему русскую идею.

Странно все ж таки, странно. Ну хорошо, Иларион — темный старец и к тому же у времени в плену. Но Кожинов-то, Кожинов мог бы отыскать в теории и практике мирового христианства хоть какой-нибудь завалящий интернациональный пример. Скажем, заграничные поездки папы Иоанна-Павла II, лингвистическую экспедицию монахов Кирилла и Мефодия, на худой конец — крылатое выражение известного апостола, что несть, видите ли, для него ни эллина, ни иудея.

Но казус даже и не в том. Ладно, допустим, что Иларион поступил опрометчиво, доказуя интернациональность христианства выдержками из одного Ветхого Завета. Только почему же из этого обязательно следует, что он приписал Евангелию свойства своей загадочной души? Разве не естественнее предположить, что он приписал ему свойства цитируемого источника, то есть Ветхого Завета?

И действительно, для Илариона, как и для всякого христианина, нет прерывности между обоими Заветами. Они образуют нерасторжимое целое. А универсальная программа начинается уже с призвания Авр─а: "И благословятся в тебе все племена земные!" (Быт. 12, 3). Автор сих слов — Бог Израиля и "Царь всей земли" (Песн. 46, 8). Бог *избрал* народ Израиля, чтобы сделать его орудием своей любви ко всем народам мира. Удачен этот выбор или нет, — он принадлежит Тому, кто послал к людям своего Сына как новое свидетельство любви. И нелепо ставить в пример жестоковыйному, карающему Богу иудеев милосердного, всепрощающего Отца христиан. Просветителям-неофитам стыдно не понимать таких вещей и потчевать своих овец прокисшим пойлом исторического антисемитизма, давно уже вышедшего из употребления в цивилизованных странах...

Следующая ударная мысль Кожинова: Ветхий Завет — религия рабского послушания законам, Новый — религия благодати. Если бы критик не путал Ветхий Завет с сионизмом, а от Нового не отлучал бы христиан-инородцев, мы бы затеяли с ним академический спор. Но Кожинову, судя по

Если не считать, что в самом Политбюро нет ясной политики, то его новую установку на отмежевание от славянофильского национализма можно объяснить желанием завуалировать свое имперство (выраженное в усилении русификации, в насаждении идеи новой общности, слияния наций, второго родного языка) нахождением новых "козлов отпущения". Есть угроза, что компартии мира — вслед за еврокоммунистическими партиями — могут напугаться великорусского шовинистического перерождений КПСС, которая заменила социалистическую идею идеей "Третьего Рима". Эта империалистическая идеология может, наконец, загубить и "разрадку" в международных отношениях, которая так необходима для зашедшей в тупик советской экономики.

Словом, для сплочения элиты (армейской, академической, технократической) — которая в душе смеется над идеологией коммунизма (она-де для "быдла"!) и может объединиться вокруг Политбюро только под знаменем Российской Империи, славянофильство полезно. Но для экономики (которой нужна "разрядка") и для удержания под своим крылом компартий мира, нужна "социалистическая идеология". Вот в этом противоречии и вертится Политбюро, опасаясь, как бы подводная часть идеологического айсберга (т.е. идея всемирного российского владычества) не вышла наружу.

Раиса Орлова

ДАНО ЛИ ТРЕТЬЕ?

Автор и герой этой книги идут осенью 1982 года по марсельским кварталам бедноты, останавливаются у дома, где прошло детство Иво Ливи. Монтан, который родился в семье итальянского рабочего, бежавшего во Францию от фашизма, познал хлеб ранних лет, голод, обездоленность, незащищенность и уже никогда об этом не забывал. Автор и герой вспоминают о прошлом. В настоящем — оглушительный успех всемирного турне шестидесятилетнего Монтана, певца, вернувшегося на эстраду после долгого перерыва.

Отец рассказывал мальчику о Стране советов. Брат его и сейчас член компартии. Движение, которое олицетворял для него отец, нежно любимый, долго было для него семьей. "... После шока 1956 года, после разоблачений XX съезда, после поездки по странам Восточной Европы Монтан все более явственно отдалялся от коммунизма... Но он еще не оплакал этих надежд до конца. Точнее — труд и горе разрыва еще свершались в его душе".

(Jorge Semprun. Montand. La vie continue. Lenöl, 1983).

Так было в 1963 году, когда Семпрун познакомился и подружился с будущим героем его книги.

Хорхе Семпрун — испанец, участник Сопротивления, узник Бухенвальда, в годы франкистской диктатуры член подпольного ЦК компартии Испании. В 1964 году он был исключен из партии за ревизионизм. Он — романист, публицист ("Долгий путь", "Вторая смерть Рамона Меркадера"), и сценарист — вместе с Монтаном делал фильмы "Война окончена", "Z", "Признание".

Соавторы стали друзьями. Семпрун любит и понимает Монтана, — до той черты, до которой нам дано понять другого.

Книга Семпруна — лирический монолог и разговор с другом, с читателями, с самим собой. Действие разговора развертывается как киномонтаж: 1982-1956, 1982-1922 и много раз — из года в год, из эпохи в эпоху, из страны в страну.

Сразу после военного переворота в Польше Монтан выступил в поддержку Солидарности. Он критиковал и нерешительность французского правительства. Первый секретарь социалистической партии Лионель Жоспен, отбиваясь от критики, упрекнул Монтана: после событий в Венгрии он поехал в Москву. Монтан ответил: "... именно потому, что я ездил туда в 1956 году, уж никто не мог позже заставить меня проглотить такие слова, как *контрреволюция, призыв к помо-*

всему, наплевать на Ветхий и на Новый Завет, вместе взятые. Ему важно дать понять, что общество, основанное на праве, уступает во всех отношениях обществу, основанному на том, что он пр┐мает за благодать. Уровень аргументации здесь примерно таков. Поскольку я, Кожинов, ем свинину, во мне больше благодати, чем в тех, кто рабски подчиняясь закону, свинину — ни-ни. И правовое общество — богомерзкое общество.

Обрадуемся за Кожинова. Он имеет тот режим, которого он заслуживает. Но разве заслуживает похвалы режим, который и похвалить-то нельзя прямо и открыто, когда он этого заслуживает? Вот и приходится жонглировать эзотерическими предметами и отплясывать холуйский гопак на священных скрижалях.

А теперь возьмем в руки... нет, даже не ВЗ (иудеи делят его с христианами, и поди разберись с Кожиновым, кто кого питает), а кое-что похлеще: Талмуд, бр-р-р!, сборник жидовской законности! Откроем его наугад. Вот притча о том, как раввин отругал человека, давшего на улице деньги бедняку. В чем же провинился наш благодетель? А в том, что совершил подаяние на людях, и тем самым унизил бедняка. Унизить, оскорбить ближнего принародно равносильно убийству, и даже хуже того.

Да будет известно Кожинову, что самую страшную кару Талмуд усматривает в самонаказании, когда человек теряет меру добра и зла неоднократным повторением одного и того же греха, например, передергивания, ненависти, лжи. А высшая награда лежит в самой возможности отличать добро от зла. Нет, что ни говорите, а далек Талмуд от "Устава караульной службы"!

Талмуд гибок, динамичен, диалектичен, диалогичен и наряду с Библией, Кораном и буддистской премудростью входит в сокровищницу человеческой этики. И ни одна религия не имеет нравственной или расовой монополии. Все они учат милосердию и терпимости. Другое дело, что их адептам случается отклониться от предписаний...

"Национализм превратился в одну из главных ставок империалистических спецслужб в их подрывной деятельности против реального социализма", — эту лебединую речь Суслова Слатин и Попов прямо навешивают на выступление Кожинова. Они поздравляют себя с тем, что национализм официально признан врагом номер один режима. Беда лишь в том, что Кожинов не признает себя националистом. Националисты для него — все те, кто противится русской экуменистической миссии. К ним-то и следует отнести изящную оценку покойного Идеолога. А спорадические окрики в адрес Кожинова со товарищи продиктованы прежде всего необходимостью сохранить равновесие между ортодоксальным и российским "национально-патриотическим" секторами. Ликуйте, сменовеховцы, и ждите своей звезды! Национал-большевизм еще не вскарабкался на вершину власти, но он легализировал свою ситуацию и уравнялся в правах с догматическим коммунизмом. Формула Ярузельского еще не стоит на повестке дня, но она уже входит в "неприкосновенный запас" Идеологии.

С защитниками Кожинова в эмиграции нас объединяет общее убеждение, а именно: путать советский империализм с русским и выводить Третий Интернационал из Третьего Рима — затея русофобская, расистская. Но похоже, что русофобской она выглядит лишь тогда, когда употребляется с отрицательным знаком, с положительным — она свидетельствует о пробу┐ении национального самосознания.

М. Назаров осуждает Агурского за то, что он делит националистов на хороших и плохих ("Посев", № 12, 1982). Но как же валить их в одну кучу? Прав Агурский. Есть национализм мирный и агрессивный. Ошибается он только, на наш взгляд, утверждая, что между теми и другими идет смертельный поединок. Слишком неравные силы для столь серьезной квалификации их отношений. На стороне одних — аппарат и генералитет, на стороне других — чаянья и отчаянье.

Но в главном мы с ним согласны. Есть национализм и национализм. Либеральный, учительский — Лихачева. Скорбный и трезвый — Распутина. И Лихачев, и Распутин, и Солженицын хотят, чтоб Россия вернулась в свои географические и духовные границы и залечивала в тишине и мире тяжкие увечья и раны.

И есть высоковольтный, исступленный национализм Кожинова. Его ретроспективный этап: самобичевание, "самосожжение" и воскресение через искусственно вызванную смерть. А его текущие задачи — объединять и вести за собой человечество.

Солженицын, тот предлагает выкинуть дубинку международного жандарма и выпустить из Союза все нерусские народы, которые чувствуют себя в нем, как в плену. А тем, кто надумает остаться, он советует строить кирхи, мечети, пагоды, синагоги, замыкаться в патриархальном укладе, коснеть в традиционных устоях.

Для него национальные обычаи есть высокая дамба на пути тоталитарного слияния наций. Кстати, уж не идеями ли Кожинова вдохновлялся Андропов, реабилитируя ленинский тезис о "слиянии наций", взамен бескостного брежневского "сближения"?

Кожинов обещает народам нашей многострадальной страны братские объятия удава, гарантирующие стопроцентное слияние. Его статья озаглавлена: "И назовет меня всяк сущий в ней язык..." Как назовет, мы не знаем, но вряд ли — "добрым, тихим словом". ■

щи братских партий, невмешательство во внутренние дела или еще, *ну, что же поделаешь...*"

Монтан, отвечая, не знал, что чувствовали тогда мы, москвичи, какую радость он нам принес. И не только счастье искусства, — как мы были тогда обделены и этим! — но и счастье рукопожатия, солидарности.

Оборачиваюсь к тому ноябрю 56 года. Из слитного гула выделяются отдельные слова: ... XX съезд ... Сталин ... лагеря ... коммунизм... Дудинцев ... Венгрия ... культ личности... система...

Тогда и прозвучали в Москве песни Монтана. Его слушали тысячи на стадионе в Лужниках (об этом упоминает Семпрун). Мы с мужем слушали его в Доме Литераторов. И повторяли: "... на заре ... осенние листья... парижские бульвары... Марсель..." Из книги Симоны Синьоре "Ностальгия теперь не такая" я узнала, что для них с Монтаном в то же время звучали те же наши слова. И вставал, как и для нас, грозный вопрос: как же теперь жить?

Книга Семпруна многослойна. Она и о чуде успеха: босоногий мальчишка, покоряющий мир. Она и о дружбе — не сентиментальной, — сдержанно-настоящей. Она и о поэзии, — Монтан, поющий Бодлера, поющий Превера, Семпрун, вспоминающий, как и когда приходили эти стихи к нему, какие строки сопровождали жизнь. Она и о тайне искусства. Автор приоткрывает наглухо закрытый внутренний мир Монтана, показывает невидимый труд актера, короткие радости, дни, недели, месяцы отчаяния. Прикасается к самой сути харизмы. К тому, что дает Монтану власть над сердцами, которая соперничает с властью диктаторов.

Монтан — не политик; поняв беду и вину соучастия, он мог бы и не заниматься теоретической проблемой: как жить человеку, разуверившемуся в коммунизме. Тем более, что легче всего — об этом не думать. Однако ни Монтан, ни Семпрун не хотят облегчать себе жизнь. Семпрун, впрочем, произвел в "Автобиографии Фредерико Санчеса" расчет со своим прошлым; но с прошлым не разделаешься одним заявлением, одной книгой, одним фильмом (даже если этот фильм — "Признание", история процесса Сланского).

Монтану внимают сотни тысяч в огромных залах, и единицы — в тихих комнатах и потому, что судьбы современного мира волнуют его не меньше, чем искусство.

"Если ты был причастен ко злу, — есть ли у тебя один выход: поворот кругом? Проклинать то, чему вчера поклонялся? Либо ты остался со злом. Третьего не дано".

Раз сражения за свободу и равенство привели к гильотине (смотри фильм Вайды "Дантон"), раз подобные же сражения в России привели к ГУЛагу, — значит: долой свободу и равенство! Третьего не дано, — так учили нас советские школы, ВУЗы, газеты. А сейчас продолжают учить антисоветские.

Монтан, Семпрун и множество их единомышленников из европейской и американской левой верят, что есть и другие пути, ищут их.

В 1974 году Монтан дал концерт в пользу чилийских беженцев. Не только потому, что знал Альенде. Но и потому, что он сострадает любой жертве, — в Южной Африке, в Камбодже, во Вьетнаме.

Автор и герой книги давно не голодают, их свобода защищена и славой, и демократическими установлениями Европы. Но они помнят о голодных, о бездомных, о заключенных. Семпрун пишет, что Монтан "... теперь уже не поедет в СССР, пока хоть один советский солдат направляется за границу, в Азию, в Африку, в Польшу, в Чехословакию, чтобы поддержать там мощь империи, власть местной номенклатуры... Не поедет, — если, разумеется, не возникнет особой необходимости, и если не представится конкретная возможность, — поехать в составе делегации, чтобы вырвать из тюрьмы, из лагеря, из психушки какого-либо оппозиционера..."

Господи, какое счастье, что есть еще в нашем мире люди, которые понимают эту необходимость, полагают само собой разумеющимся, что надо использовать любую возможность для помощи жертвам...

Семпрун приводит слова из рассказа Скот-

та Фитцжеральда, — Монтан воспринял их как девиз: "Надо понять, что нет никакой надежды на изменение обстоятельств. И все же надо решаться их изменять".

Монтан в парижском зале "Олимпия" вывешивает полотнище со словом "Солидарность". Зная, что этот жест не может помешать ни танкам, ни моторизованной полиции, ни заключению в лагеря. Но интернированному другу Каролю Модзалевскому, — он за несколько дней до переворота вернулся из Парижа в Варшаву, — это известие принесло радость и облегчение. Леху Валенсе это было нужно.

Итальянец Монтан и испанец Семпрун — французские интеллигенты. Любовь к родине, к языку, национальное самосознание не ослабили способность ощущать мир и сверх национальных границ. В книге приводится определение Макса Вебера: "Свободно парящая интеллигенция". Семпрун раскрывает его: "... не связанная ни с каким аппаратом, ограниченная только одним, — своей способностью понимания".

В СССР начиная с 20-х годов писателей, а потом и вообще интеллигентов называли "попутчиками". Слово стало международным. Монтан долго и был попутчиком.

... Единственно верный путь прокладывает вождь. По нему идут миллионы, не рассуждая. С презрением оглядываясь на тех, кто на обочинах. Оглянемся и мы назад. Именно те, кого называли попутчиками, — они-то и видели тупики. Они предупреждали. Они, — Булгаков, Платонов, Ахматова, Олеша, Бабель и многие...

Ни у автора, ни у героя книги нет ответов. Но они не дают загнать себя в новую, жесткую альтернативу: "или-или". Мир шире противостояния "агрессивный коммунизм — агрессивный антикоммунизм". Быть может, людям дано еще третье, четвертое, пятое? Монтан и Семпрун ищут. Ищут в исторических сумерках. Надежд на то, что найдут, — мало.

... Я увидела Монтана вспоминающего, гуляющего, праздного, сосредоточенного, гневного, нежного, одинокого. Увидела перед концертом, перед тем моментом, когда на нем скрестятся и бинокли на оси, и сотни тысяч глаз. А он пытается понять, что случилось, что еще случится на его веку. Пытается понять для себя. А результат становится достоянием многих.

Каждый читатель ищет свои книги. Я, сама долго заблуждавшаяся, сегодня, к концу пути, — нашла свою и о своем. Я ощутила себя попутчицей героя и автора. "Эссе-портрет" Ива Монтана оказался частью биографии поколения. И даже моей собственной. ■

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СИНТАКСИС»

Цена 96 фр.

коллоквиум:

С 24 по 27 мая в Париже проходил I Международный коллоквиум, посвященный Сибири. Поводом к его созыву послужило 400-летие завоевания Сибири Россией. Собравшиеся в Париже специалисты таким образом как бы подвели итоги русскому колониальному эксперименту. Коллоквиум носил название "Сибирь. Колонизация, развитие и перспективы. (1582-1982)".

Организационный комитет был представлен тремя научными учреждениями Парижа: Национальным Институтом Славяноведения и Лабораторией Славистики, входящей в состав Национального Центра Научных Исследований (CNRS); Центром по изучению СССР, Восточной Европы и тюркоязычных районов, являющимся частью Высшей Школы Общественных наук; Национальным Институтом Восточных языков и цивилизаций.

Кроме того, поддержку в организации Коллоквиума ока-

1 мая в Алтайском поселке. Конец 20-х годов.

сибирь

зали: Французский Центр Документации, Центр На ных предвидений и международной информации, Центр п изучению экономики стран социализма, Центр по изучению истории славян, Тюркологический институт, Центр финно-угорских исследований, Центр монголоведения, Музей Гимме и Центр антропологических наук (Maison des Sciences de l'Homme).

Уже перечисление всех этих организаций показывает, что Сибирский Коллоквиум носил междисциплинарный характер. С методологической точки зрения это было интересно и весьма перспективно: исследовать средствами разных наук огромный район СССР, имеющий свои особенности развития.

Методологическое и научное значение Коллоквиума подчеркнули в своих речах официальные представители крупнейших французских организаций: Пьер Папон, генеральный директор Национального Центра Научных Исследований, Элен Арвейлер, канцлер Парижских Университетов, Рене Жиро, советник при министре Национального Образования, Фернан Фюре, президент Высшей Школы Общественных Наук, Луи Базэн, профессор Института Восточных языков и директор Тюркологического Института, Жан Бонамур, профессор Сорбонны и директор Института славяноведения.

Идея и цель коллоквиума были сформулированы нами более года назад в следующих словах: "Сибирь является для Запада последней загадочной страной, вероятно более экзотичной, чем некоторые районы Австралии или Новой Гвинеи, во всяком случае былее недоступной. Еще и сегодня она недооценивается во многих исследованиях, посвященных СССР, и, однако, Сибирь более не является лишь областью футурологии.

Четыре века назад, в конце 1582 г., небольшое татарское ханство Сибир пало под напором русских казаков. Это событие, оставшееся почти незамеченным вначале, представляет одну из важнейших дат истории: двери в Азию были открыты для русской Империи, которая быстро расширила свои границы до Тихого океана, соприкасаясь отныне с двумя сверхдержавами: Китаем и США. Это было, по сути, потрясением мировой геополитической системы.

Этот юбилей обязывает определить роль и место Сибири в сегодняшнем мире. Современная Сибирь, где прогрессивная технология сосуществует с архаическими способами производства и традиционными представлениями о мире, представляет исключительный интерес как для специалистов по русской культуре, так и для историков, экономистов и этнологов. Изучение Сибири — один из ключей для понимания СССР, если мы вспомним слова Токевиля, что "в колониях можно наиболее верно судить о физиономии метрополии, так как все черты, характеризующие ее, увеличиваются именно в колониях и становятся более видными".

Идея сибирского совещания встретила энтузиазм многих известных специалистов из 14 стран, представивших 85 докладов, в которых рассматривались различные проблемы сибирской истории, экономики, географии, культуры. Это было много для четырех дней работы, но мы решили не ограничивать научные задачи этой первой на Западе встречи сибирологов и создали четыре параллельные секции, внутри которых были сгруппированы докл ы по отдельным темам: "Завоевание сибирского ханства", "Роль меховой торговли", "Первые крупные экспедиции", "Иностранные исследователи Сибири", "Языки и народы", "Шаманизм и фольклор", "Положение национальных меньшинств", "Региональная экономика", "Проблемы транспорта", "Экологические проблемы", "Проблемы рабочей силы", "Сибирь в интернациональном контексте", "Ссылка, каторга, лагеря", "Писатели в ссылке", "Современная сибирская литература", — вот неполный перечень проблем, обсуждавшихся участниками Коллоквиума. Участников было много и огорчало лишь то, что невозможно было слушать докл ы и участвовать в дискуссиях, протекавших одновременно на двух этажах Института Славяноведения. Вообще здание Института оказалось тесным для столь представительного совещания. Предусмотрев это, мы провели пленарные заседания в первый и последний день работы в конференц-залах Национального Центра Научных Исследований и в Высшей школе (Ecole normale supérieure). По общему мнению участников Сибирский Коллоквиум был организован отлично и дал возможность впервые встретиться и обменяться мнениями специалис — многих стран. Коллоквиум не носил никаких политических задач, он был открыт для научного обсуждения сложных проблем, и мы, разумеется, уведомили также советских специалистов, разослав приглашения многим научным организациям и отдельным лицам. Во время своей научной командировки в Москве Жан Бонамур встречался с писателями Сергеем Залыгиным и Валентином Распутиным, которые выразили желание приехать на Коллоквиум. К сожален —, никто из СССР не получил разрешения прибыть на Парижское совещание. Участники Коллоквиума послали телеграмму Валентину Распутину, о творчестве которого много говорилось на литературной секции, приветствуя таким образом в его лице сибирских писателей, поднимающих в своих произведениях острые проблемы культуры современной Сибири. Об этих проблемах следует поговорить особо в следующем номере Трибуны, предоставив голоса участникам Коллоквиума.

Борис Шишло
Научный секретарь
Коллоквиума "Сибирь, 1582-1982"

Юкагиры. Северная Якутия, 1971 Фото Б.Шишло

искусство и действительность

Л.Савельева

ПАРИЖСКИЙ ПЕРФОРМАНС

С 12 по 19 марта 1982 г. и с 11 по 20 марта 1983 г. состоялись Первый и Второй Парижские Фестивали Перформанса. Инициаторами и организаторами первого из них были Жак и Жан-Даниэль Донги, хозяева Галереи современного искусства (76, рю де ля Рокет) и Егидио Альваро, хозяин галереи "Диагональ". В нем приняло участие около 60 артистов.

Второй фестиваль был организован Жаком Донги. Более 100 его участников, представлявших различные национальные артистические школы, но прежде всего олицетворявшие собой современное состояние авангардного искусства в Париже, в течение 10 дней выступали в галерее АПЕГАК и в помещении Театр де ля Бастий.

Оба фестиваля проходили при содействии Министерства культуры Франции, Канадского культурного центра, Британского Совета и французского отделения фирмы "Канон".

Искусство акцион-арта, в том числе перформанса, возникло как самоосознанное направление и вычленило себя как жанр пластических искусств еще в конце 50-х годов. Желающих ознакомиться с иной точкой зрения я могу отослать к статьям И. Голомштока и Л. Мастерковой (журнал "А-Я", № 4). Естественно, что любое явление жизни и искусства возникает не на пустом месте. Как у русского (Наталья Гончарова, Владимир Гольцшмит, Ничевоки и др.), так и у мирового концептуального искусства действия были определенные истоки, но вряд ли правомерно рассматривать их как сложившийся жанр.

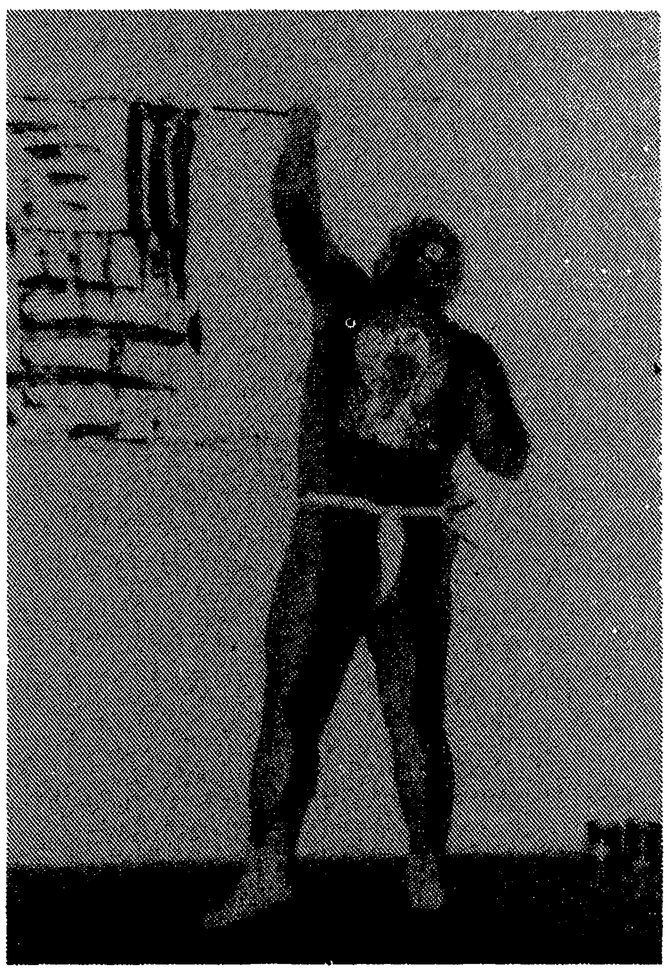
До сих пор, однако, не существует сколько-нибудь окончательного определения значения слова перформанс, его отличие от терминов хеппенинг и акцион-арт, как не существует и разработанной теории и эстетики этого жанра. Во французских и английских словарях слово "performance" переводится как "выступление", "представление", "спектакль". Но эти значения никак не достаточны для определения этого сложного артистического действа. Достаточно сказать, что к акции обращаются художники, так или иначе не удовлетворенные работой на плоскости холста или стены, в том или ином материале, неудовлетворенные возможностями реализации своих творческих задач привычными способами. Этим искусством пользуются и визуальные поэты, и музыканты, и артисты иных специализаций в поисках дополнительных возможностей для самовыражения, а также молодые артисты, сложившиеся уже в рамках этой специализации. Словом "перформанс" называют некоторые действия, расширяющие, по мнению артистов, возможности коммуникации замысла и самореализации путем изменения различными средствами и способами существующих пространственных ситуаций. Во время строительства перформанса художники используют не только и не столько привычные для живописцев и скульпторов материалы, не только любые окружающие их предметы, но и различные стихийные субстанции (огонь, дождь, снег, движение воздуха и т.п.). Следует также отметить, что в последние годы перформаторами применяется большое количество фото- кино-, звукозаписывающей и другой технической аппаратуры.

В ходе перформанса художник создает некоторую неординарную ситуацию, часто неадекватную не только общепринятому в социальной среде течению жизни, но и принятым к настоящему моменту эстетическим критериям. Поэтому, в отличие от традиционных жанров искусства, в перформансе понятие новизны является качественной оценкой акта.

Во Франции существенную роль в развитии этого жанра играют такие крупные и интересные мастера, как Ив Кляйн, выставка которого в настоящее время проходит в Центре Помпиду, Бэн, организовавший в апреле этого года в Бобуре и в галерее Лары Винчи свою последнюю, по его собственному заявлению, инсталяцию, и многие другие, в свою очередь вдохновлявшиеся артистическими поступками сюрреалистов Сальвадора Дали, Жана Кокто и т.д.

Современный французский перформанс характеризуется острой экстравагантностью постановки, как правило, немотивированностью, а иногда абсурдностью развития сюжетной структуры. Хотя, мне кажется, что для перформанса сюжетная структура не является обязательной, однако, в большинстве случаев она присутствует. Именно французский и еще немецкий перформансы отличаются наиболее высокой технической оснащенностью.

Жюльен Блен на 2-ом парижском фестивале перформанса. Ассистент – Кристин Крос.



ТОЛСТЫЙ на 1-ом парижском фестивале перформанса

Испанский, португальский, латиноамериканский перформансы нередко связаны с патолого-анатомическими экспериментами и изменениями функционального назначения частей тела и используемого при выступлении реквизита. Так, например, на вечере, посвященном выходу "испанского" номера DOC(K)'a, несомненно, наиболее серьезного и во всяком случае наиболее толстого европейского журнала, посвященного визуальной поэзии, издаваемого Жюльеном Бленом, два саксофониста со спаянными инструментами, с заклеенными глазами издавали набор какофонических звуков, задыхаясь в дыму, испускаемом из похожего на перевернутый огнетушитель прибора, находившегося в руках третьего участника, ползавшего по потолку и стенам сценического помещения.

Аргентинец Цезарь Кофоне представил на 1-ом фестивале спектакль, в ходе которого имитировал сдирание кожи с, кажется, еще живого человека. Впрочем, не ручаюсь, может быть, это должно было быть истолковано совсем иначе, нежели простое "сдирание кожи". Отмечу, однако, что технически этот пеоформанс был выполнен безупречно.

Трагедия атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки совершенно очевидно довлеет над психикой и артистическим сознанием японских концептуалистов. Их перформансы часто сопровождаются фото-кино-звуковой какофонией, зна-

чительным количеством расходуемой краски, сокрушением аксессуаров перформанса, воплями, разбиванием, разрушением. Случается, достается и зрителям.

Американцев характеризует грандиозность замыслов, и отсюда огромность площадей и объемов, в которых они работают. Кроме того, иногда они стреляют друг в друга боевыми патронами.

По-видимому, опыт американских собратьев по искусству вдохновляет русских артистов, живущих в Америке, которые и устроили акцию "Избиение друг друга в среде интеллектуального общения" в лучших традициях русской удали с поистине американским размахом. Перформанс был проведен в рамках симпозиума, посвященного творчеству Давида Бурлюка.

Следует еще упомянуть ни на что не похожие акции Германа Нича, создающего грандиозные мистерии с фантастическими перверсиями человека в животное и животного в человека, с обилием краски, имитирующей кровь, и крови, подчас используемой как краска.

На этом фоне французский перформанс легок, изящен, нередко сопровождается музыкой. Таким он и был представлен как на 1-ом, так и на 2-ом фестивалях в наиболее отточенной форме выступлениями ведущего и наиболее интересного из французских перформаторов Жюльена Блена.

В чисто внешнем аспекте русский опыт ближе всего французскому, но всегда отличен от него более глубоким смысловым и духовным подтекстом. В метрополии он в значительной степени пуристичен, у художников же, живущих в эмиграции, более раскрепощен. Известные нам опыты русских американцев несколько тяжеловесны, на мой взгляд, из-за социологических и политических перегрузок, публицистических акцентов, бытового оснащения. Впрочем, все эти качества присутствуют и у художников, работающих в Москве, достаточно вспомнить некоторые акции групп "Коллективные действия" и "Гнездо".

Вообще говоря, превалирование политического, социального, религиозного или коммерческого аспекта резко снижает художественную ценность любого творческого явления, сужает рамки его существования, низводя его до злободневности.

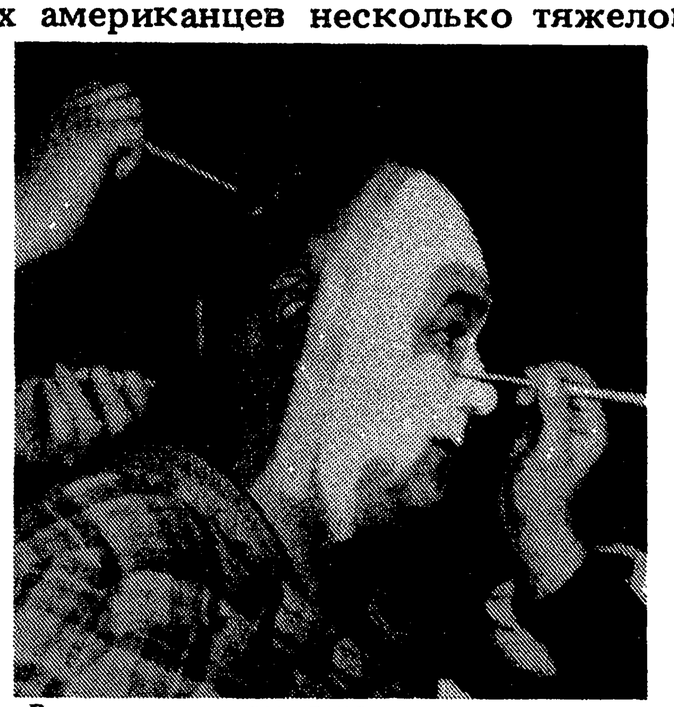
В этой связи может быть интересным творческий опыт Толстого, представлявшего на Парижских фестивалях русское искусство. Что касается его перформансов вообще (сам он называет их в последнее время "визуансами"), то каждый из них, несомненно, является актом синтетического искусства. В своих выступлениях он использует цвет и музыку, элементы танца и пантомимы, пластику обнаженного тела, сложные гримы. Одним из существенных выразительных средств в представлении Толстого является Слово, используемое одновременно и как изобразительный материал. Все эти элементы и способствуют обнажению глубинного философского подтекста работ Толстого. В творчестве Толстого-перформатора последние три года прослеживаются две основных темы: это — "крестологическая" — тема соотнесения креста как семантического знака с жизнью и творческим состоянием артиста; и — включение человеческого тела в контекст пластического образа, создаваемого артистом на глазах у публики.

Этой второй теме были посвящены оба фестивальных выступления Толстого. На Первом он исполнил перформанс "... как узнали бы вы о Боге?.." Толстый работал в очень сложном двустороннем гриме, используя при этом разные повороты к зрителю как метод смены костюма: с одной стороны — "грустный клоун", с другой — совмещение на голом теле дьявольского изображения и иконы, которое можно истолковать как столкновение божественного начала и дьявольского искушения, рождающего творческий акт. В процессе работы был создан огромный холст, где по белому подмалевку были положены черные мастихинные мазки, будто бы символизирующие ритмическую поверхность вечности, по которым красной краской артист начертал: "Если бы я не принес вам благую весть, как узнали бы вы о Боге?" Если попытаться описать происходившее на наших глазах зрелище привычными нам словами, вероятно, следовало бы говорить о попытках осмысления роли художника в нашей жизни.

Перформанс на втором фестивале назывался "Голубое, розовое, золотое" и был посвящен памяти Ива Кляйна. Толстый выступал с очаровательной француженкой Фредерик Гутман, превратив ее тело в золотую скульптуру. Сам он целиком был выкрашен в синий цвет. В ходе действа он нанес на заранее подготовленный холст силуэты розовых женских фигур, словно бы перешедшие сюда с полотен Ива Кляйна, а затем соединил вместе розовое, голубое и золотое, создав на глазах у публики большую живописную картину.

Неотъемлемой частью обоих перформансов была музыка. В первом случае звучали записи Пендерецкого, во втором — Штокхаузена.

Сравнение Первого и Второго Парижских фестивалей по качеству и разнообразию представленных работ, количеству участников и зрителей показывает, что искусство это эволюционирует в сторону повышения уровня "сделанности", и все более стремится к эксплуатации феномена новизны. Удельный вес его среди пластических искусств, несомненно, растет, что ощущается и в количестве газетно-журнальных публикаций.



Реализация макияжа.

ТОЛСТЫЙ: "Я, Майоль и Дина Верни", поэтический хэппенинг. 29.3.1981
Фото А.Эйдельмана

Мне кажется странным в этой связи, что эмигрантские русскоязычные издания, так же как и советские, не уделяют достаточно внимания этому неординарному явлению искусства. Единственная в Европе русская газета "Русская мысль", например, вопросы формальных и авангардных поисков в русском искусстве зарубежья обходит молчанием. Она ограничивается лишь уже кем-то "утвержденной" обоймой художников, находящихся либо на уровне передвижничества от МОСХа, либо, в лучшем случае, — традиции авангарда тридцатилетней давности.

Иногда на страницах "Р.М." мелькают имена художников-перформаторов, живущих в Москве, но не в связи с их творческими находками, а лишь в тех случаях, когда они подвергаются политическим или иным репрессиям. Мне же кажется, что лучшим методом защиты артиста перед лицом репрессивных органов является публикация его творческих достижений, помещение результатов творческой жизни художника в контекст мирового искусства, ибо ценность творчества отдельной личности в его координатах не может определяться политическими, социальными, религиозными, коммерческими и иными сторонними факторами. Это может быть лишь темой и поводом, но ни в коем случае не самоцелью. ■

НЕ НАША ПОЧТА...

Письмо в редакцию газеты "Русская Мысль"

30 декабря 1982 г. газета "Русская Мысль" "закрыла" дискуссию в связи с рецензией на эту газету, подписанной К. Любарским, А. Синявским и Е. Эткиндом, и опубликованной в № 33 журнала "Континент" вопреки прямому запрету авторов и с оскорбительным комментарием В. Максимова.

"Закрывая" дискуссию, "Р.М." сообщила, что все полученные ею читательские письма написаны в поддержку газеты, и только два — в защиту авторов рецензии, "но они были грубы и оскорбительны, и печатать их было совершенно невозможно".

Мы не в состоянии проверить правдивость "Р.М." в отношении числа полученных писем. Мы полагаем, что их было значительно больше. Но проверить правдивость второго утверждения — о "грубости и оскорбительности" писем — легко. Ниже мы публикуем одно из этих "грубых и оскорбительных" писем — письмо А. Бабенышева (Максудова). Постскриптум написан автором позже, когда опубликовать письмо в "Р.М.", к сожалению, оказалось для него невозможным. Письмо А. Бабенышева публикуется по просьбе автора.

Глубокоуважаемые дамы и господа редакторы!

С большим огорчением я прочел "обсуждение" на страницах Вашей газеты письма Эткинда, Синявского, Любарского. Какое трогательное единодушие! Коллективно и поодиночке, в открытых и обычных письмах ваши корреспонденты выражают убеждение в том, что газета "Русская Мысль" превосходна, что она отражает интересы и мнения всей без исключения русской эмиграции, что она плюралистична необыкновенно, а Синявский и компания просто гнусные доносчики.

Такая энергичная игра в одни ворота слишком хорошо мне знакома по советской печати, но как-то странно наблюдать ее в свободном обществе. Поэтому я хочу поделиться с редакцией газеты и с 25-ю уважаемыми авторами, высказавшими свое возмущение и недоумение, своим небольшим личным опытом общения с "Русской Мыслью".

Случай первый. Полтора года назад, выехав из СССР, я считал себя ответственным за издание и распространение на Западе Сахаровского Сборника — книги, выпущенной к 60-летию Андрея Дмитриевича Сахарова группой московских правозащитников и литераторов. Я разослал ксерокопии Сборника в различные издательства, газеты и журналы с просьбой перепечатывать любые материалы, указывая, откуда они взяты. Два экземпляра я отправил в Париж: редактору журнала "Континент" и в издательство Seuil. По телефону я несколько раз предлагал редакторам газеты "Русская Мысль" воспользоваться любым из этих экземпляров и получал заверения, что обязательно и скоро что-то будет напечатано. Однако этого не случилось. Точнее так. Несколько заметок, поступивших в потоке самиздата, были напечатаны (извещение о выходе Сборника в Москве, письма Владимова, Чуковской, Войновича, автобиография Сахарова). Но после того, как Сборник оказался полностью доступен редакции, ни одного материала в газете не появилось. И это очень обидно. Я уверен, что голоса таких мужественных, прекрасных людей, как Мальва Ланда, Раиса Лерт, Лариса Богораз, Маша Петренко-Подъяпольская, отец Сергий Желудков, Евгений Гнедин, Григорий Подъяпольский, Софья Васильевна Калистратова и других авторов читателям "Русской Мысли" было бы не просто полезно, а очень важно услышать. Еще в октябре 1981 года редакция возвращается к юбилею Сахарова, публикуя поздравления жителей Израиля, по техническим причинам не сумевших сделать этого раньше. Но почему же москвичи, письма и статьи которых редакция получила на два с лишним месяца раньше, были обречены на молчание?

Я не берусь ответить на этот вопрос. Не заметила газета и появления Сборника в печати в издательстве "Хроника". И вдруг 29 апреля 1982 года читатели "Русской Мысли" не без удивления увидели, что восемь знаменитых общественных деятелей: И. Бродский, В. Буковский, А. Гинзбург, Н. Горбаневская, Э. Кузнецов, В. Максимов, Э. Неизвестный, В. Некрасов — приветствуют выход "Сахаровского сборника" по-итальянски. Почему же по-итальянски? Не по-немецки, например? Немецкое издание было первым, продавалось в том же году на Франкфуртской ярмарке, предисловие к нему написал Генрих Белль, о нем писали в газетах, передавали по радио "Свобода". Почему не по-французски? Все-таки газета и многие ее читатели находятся во Франции. Почему не по-русски, наконец? Ведь газета обращается к русскоязычному читателю. Загадка. Может быть, уважаемые господа авторы коллективного письма (отметим в скобках, все те же подписи за исключением Бродского стоят и под письмом в защиту газеты от нападок Синявского, Эткинда и Любарского) специалисты в области итальянского языка и оценили качество перевода, близость издания к подлиннику? Довольно маловероятно. В тексте приветствия не упоминается ни издатель, ни переводчик, думаю, что большинство авторов письма книги, которую они так горячо приветствовали, не видели, и ничего о ней не знают. Приходится с сожалением заметить, что ни к Сборнику и его авторам, ни к читателям газеты "Русская Мысль", ни к самому Андрею Дмитриевичу, ни к скромному флорентийскому издательству, ни к людям, чьи фамилии значатся под письмом, этот громкий демарш практически никакого отношения не имеет. Просто кому-то это оказалось нужно для важных, но имеющих очень мало отношения к Сахаровскому сборнику целей.

Случай второй. В Москве выпускается маленький самиздатский журнальчик "Поиски и размышления". В "Русской Мысли" были опубликованы краткий обзор его первого номера, извещение о выходе парижского издания и маленькая заметка редколлегии "Поисков и Размышлений" по поводу угрозы советского вторжения в Польшу, начинавшаяся словами: "Как стыдно быть русским..." В предисловии редакция "Русской Мысли" осуждала позицию "Поисков и Размышлений". Затем в газете следовало интервью Натальи Горбаневской с Яном Вальцем по поводу все той же заметки. Горбаневская с неодобрением отмечала "отсутствие имен под текстом, выражающим определенную *моральную*, притом весьма радикальную (и, на мой взгляд, спорную) позицию". Ян Вальц возражал, что лучше анонимный протест, чем анонимное согласие. Он говорил, что позиция московских авторов близка и нужна полякам и что в письме взят высокий тон, "типичный тон XIX века".

Польский литератор оказался прав. Под письмом опущено имя Александра Герцена. Это ему принадлежат крамольные слова: "Стыдно быть русским", он автор и большей части следующего за ними текста. Парафразой известной герценовской статьи воспользовалась редколлегия журнала "Поиски и Размышления" для того, чтобы подчеркнуть связь времен, преемственность своей позиции с мужественной борьбой великого писателя, противостоящего не только царской администрации, но и русскому обществу, которому не было стыдно.

"Русская мысль" еще несколько раз возвращалась к заметке из "Поисков и Размышлений". "Надо ли стыдиться быть русским?" — спрашивала в редакционной статье Ирина Иловайская. И отвечала, что нет, ей не стыдно за преступления советской власти, она не имеет к ним отношения. С удивлением узнал о возможности испытывать чувство стыда за действия, совершаемые советским народом под руководством советского правительства, господин С. Позднышев. Он поделился с читателями газеты своими размышлениями "О России и русском человеке". Господин Г. Крылов выступил с заметкой: "По поводу письма парижского представителя "Поисков и Размышлений"... И хотя в самом заголовке содержится явная дезинформация (заметка была написана в Москве и не имела никакого отношения к парижскому представителю "Поисков и Размышлений"), редакция "Русской Мысли" не воспользовалась постоянно декларируемым правом на сокращение писем, а благосклонно пропустила эту передержку. Не могла себе позволить редакция лишь одного — опубликовать более развернутое изложение позиции редколлегии "Поисков и Размышлений". Газете предлагались и материалы из журнала, и

несколько специально написанных статей, но им не нашлось места. Насколько я знаю, в течение нескольких месяцев обсуждался вопрос о перепечатке из "Поисков и Размышлений" моей статьи о национальном составе современного советского руководства, предлагались сокращения, изменения, но в конечном итоге ничего из этого не вышло.

С того самого момента "Поиски и Размышления" исчезли раз и навсегда со страниц "Русской Мысли". Плохо ли, хорошо ли, журнальчик выходит. Десятки статей из него перепечатываются различными источниками западной информации, одна заметка — опрос об отношении москвичей к профсоюзу "Солидарность" — обошла мировую прессу и передавалась радиостанцией "Свобода" в переводе с голландского. И неудивительно, людям интересно знать, что думают москвичи по такому злободневному вопросу, как события в Польше. Не нуждаются в этом лишь читатели "Русской Мысли".

Случай третий. Профессор М. Геллер опубликовал в газете статью "Демографическая катастрофа в СССР. Дети, смерть и зрелый социализм". Он утверждал, что в СССР катастрофически высокая детская смертность, выше, чем во многих слаборазвитых странах, выше, чем до революции. Все аргументы профессора были приблизительны и несерьезны, а его убежденность, что в царское время смертность детей была меньше, чем сегодня, показывала полное непонимание обсуждаемой проблемы. Я написал в газету письмо, в котором отмечал, что до революции смертность была в десять раз выше, чем в наши дни и чем это кажется уважаемому профессору. Письмо было опубликовано в сопровождении ответа Михаила Геллера. Он признавал, что ошибся в оценке детской смертности до революции в десять раз, но указывал, что я ошибаюсь во много раз сильнее. В чем и во сколько раз — профессор, к сожалению, не указал. Михаила Геллера понять можно. Неприятно, когда подчеркивают твою некомпетентность и естественно хочется ответить обидчику: "Сам дурак". Но почему позволяет это редакция? Очевидно, что ее поведение диктуется не стремлением исправить допущенную ошибку, а желанием не дать в обиду своего автора, что бы он там такое ни написал.

Случай четвертый. 23 сентября 1982 г. на страницах "Русской Мысли" была опубликована статья Кронида Любарского "О структуре политических репрессий в СССР" и ее критический разбор Эдуардом Кузнецовым и Владимиром Максимовым. Все три статьи шли под одной большой и многообещающей шапкой "Свободная трибуна". Я написал заметку, в которой отмечал важность изучения самой проблемы и спорность отдельных рассуждений высказавшихся авторов. С помощью клея и ножниц заметка была отредактирована. В частности, были устранены практически все критические замечания по поводу статьи Владимира Максимова. Особенно курьезно выглядит в отредактированным варианте общая характеристика писателя и рассмотрение истоков его заблуждений. В моем тексте параграф начинался с цитаты из журнала "Континент": "Владимир Максимов выдающийся современный русский писатель. Его творчество одухотворено христианским восприятием жизни и любовью к человеку..." (Я считал и считаю позорным рекламировать подобным образом свое творчество на страницах собственного журнала). Редакция "Русской Мысли" несколько сократила цитату, а заодно выбросила и ссылку на "Континент", так что получилось, что это я сам утверждаю величие нашего героя. Я понимаю, что это сделано не умышленно, а по простоте душевной, но это лишний раз показывает, как опасно пользоваться для редактирования ножницами. Естественно, что я должен был отказаться от выступления со "свободной трибуны" со столь сомнительными (для меня) утверждениями.

Случай пятый и последний — это письмо. Как мы с ним поступим? Проще всего, конечно, выбросить в мусорную корзину. Не обязана же газета печатать любые письма, особенно неверные и несправедливые? Второй вариант — опубликовать с пояснениями для читателей: в чем автор неправ и как все было на самом деле. Третий вариант — предварительно письмо сократить, а затем уже комментировать. Четвертый (прямо скажем, наименее вероятный, но не могу удержаться от пристрастия к математической полноте) — просто напечатать. Пятый — не печатать, но заклеймить.

Так в чем же дело, спрашиваю я себя, возвращаясь к началу письма. Почему у 25 уважаемых авторов отношение к газате прекрасное, они убеждены, что именно она и только она необходима зарубежному русскому читателю, а у тебя одни недоразумения?

Я позволю себе ответить словами известного русского писателя, не опасаясь на этот раз, что автор не будет узнан.

— Почему вы к нам не заходите? У нас бывает полгорода.

— Я живу в другой половине.

Так уж получилось, что, сам об этом не подозревая, я оказался в "другой половине". И я не одинок. Со мной москвичи (авторы Сборника, редакторы "Поисков и размышлений"). Здесь же я вижу многих интересных писателей и известных политических деятелей. Такое положение не кажется мне чем-то неестественным и ужасным. Напротив, так и должно быть. "Русскую Мысль" делают определенные люди со своими привязанностями, вкусами и убеждениями. У газеты есть несомненно и свой читатель, который газету любит и энергично ее защищает от возможной или кажущейся угрозы. Так и должно быть. Только не надо при этом делать вид, что не существует других точек зрения, других авторов, других читателей. Не надо набрасываться с грозными обвинениями в сотрудничестве с КГБ на людей, которым газета не нравится. Они просто живут в "другой половине".

P.S. Это письмо предназначалось для публикации в газете "Русская Мысль". Но, как я и предполагал (нетрудно быть в таких случаях пророком), ему там не нашлось места. Огорчает, что редакция даже не сочла нужным мне на него ответить. Я снова обратился с вопросом: получили ли мое письмо (чего не бывает на почте) и снова не получил ответа. Почему? Конечно, я не сомневаюсь, что факты, изложенные в моем письме, справедливы. Но я хорошо понимаю, что это моя субъективная точка зрения и что с точки зрения И. Иловайской все должно представляться несколько иначе и иметь какие-то объяснения.

Увы, мне не удалось их узнать. Думаю, что теперь, после появления моего письма в печати, у редакции найдется время и место, а может быть и аргументы. С трепетом жду я грозного сакраментального вопроса главного из редакторов: "А кому это нужно не соглашаться со мной и с Ириной Алексеевной?" "Кому это полезно?" Жду и не нахожу подходящего ответа. Никому не нужно. Никому не полезно.

Но я надеюсь, что читатели "Русской Мысли", возражая на это письмо, объяснят мне заодно, как сочетается самый широкий в мире плюрализм с удивительным нежеланием редакции ответить, хотя бы частичным образом, на сделанные в ее адрес критические замечания.

Максудов

ХРОНИКА

СООБЩЕНИЕ

Координационного комитета Демократического объединения

В начале апреля 1983 года состоялось заседание Координационного Комитета Демократического объединения. Участники заседания, подводя итоги деятельности Демократического объеьинения за 1982 год, отметили следующее: попытка опереться в своей работе на уже сложившиеся эмигрантские организации, издательства, группировки, натолкнулись на почти непреодолимые препоны. Не дали значительного эффекта и разовые акции. Работа Франкфуртской, Мюнхенской и Парижской групп Демократического объединения поставлена вяло, стала глохнуть.

Поэтому инициаторы Демократического объединения направили свои усилия на создание своего рода базы деятельности.

В Париже организовано издательство "Поиски", выпустившее уже четыре номера журнала "Поиски", три номера журнала "Поиски и размышления" и несколько книг. В Мюнхене с января 1983 года выходит общественно-политический журнал "Форум". Во Франкфурте зарегистрировано "Общество создания независимой культуры в СССР" (регистрационные документы получены, наконец, после почти голового блуждания по лабиринтам немецкой бюрократии).

Регистрация Общества как общественно-полезного объединения позволяет изыскивать средства, необходимые для издания материалов самиздата, переправки литературы в СССР, оказания помощи преследуемым за печатное слово.

Координационный комитет принял решение оживить работу Объединения и созвать в октябре 1983 года очередное совещание Демократического объединения.

В связи с выходом из Координационного комитета А. Гинзбурга и Ю. Вознесенской, на заседании было принято решение о сотрудничестве К. Любарского в составе Координационного Комитета Демократического Объединения.

Среди членов Демократического объединения и его Координационного Комитета обсуждался вопрос об отношении к идее и процессу создания "Интернационала сопротивления". Большинство высказало недоумение по поводу того, что организаторы его образовали весьма замкнутую группу и принимают решения в узком кругу, что заставляет воздержаться от участия в этом начинании.

* * *

28 мая 1983 года в Мюнхене состоялась встреча Михайло Михайлова — председателя Демократического Интернационала, основанного в 1981 г., с членами Координационного Комитета Д.О. М. Михайлов сообщил о целях и перспективах развития деятельности Интернационала. Учитывая близость целевых и идейных установок обеих организаций, Координационный Комитет Д.О. принял решение присоединиться к Демократическому интернационалу. ■

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В "Трибуну" поступила статья Э.Лимонова "Почему мне неприятно, когда меня называют диссидентом" — наглая по форме и горькая по содержанию.

Редакционный совет обсуждает возможности ее публикации в одном из ближайших номеров и задает себе (и не только себе) вопрос: надо ли нам печатать (а вам читать) материалы, которые нас задевают, которые нам неприятны, или лучше отойти в сторону от больных проблем?

(Со стр. 13)

в духовных школах, как история церкви, ничего общего с историей действительной не имеет.

Можно говорить и о том, что попытки отдельных членов Церкви выйти за пределы санкционированных советской властью представлений об истории Русской Церкви жестоко подавляются, зачастую с помощью самого же церковного руководства.

Можно говорить и о том, что церковное руководство, видимо, и само заинтересовано в том, чтобы служители Церкви не знали Ее истории. Более того: усилия церковного руководства явно направлены на то, чтобы служители Церкви меньше всего задумывались над актуальными церковными проблемами. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, который тоже, возможно, сидит в этом зале, в ответ на мою просьбу посодействовать в получении разрешения работать в одном из залов (закрытых) Публичной Ленинской библиотеки в Москве (если слушателям непонятно то, что рядом стоят взаимоисключающие слова "закрытый" и "публичный", то пусть они обратятся к делегатам из Союза за разъяснением) через своего секретаря ответил, что нечего мол этим заниматься, а лучше, если я буду просто служить. Понятно, что любым невежественным обществом, в том числе и церковным, управлять легче.

Можно говорить о том, что всякое не санкционированное церковное творчество, будь то административно-каноническая область (о.Глеб Якунин, о. Сергий Желудков, Александр Огородников), публицистическая (А. Солженицын, А.Краснов-Левитин, З.Крахмальникова) или церковно-социальная (о. Д.Дудко, иеромонах Амвросий) одинаково негативно воспринимаются в нашей стране как светской, так и церковной властями.

Можно говорить о том, что главная цель светской власти в эксплуатации церковного руководства — пропагандистская. Это повышает ее политические дивиденды на международной арене и в какой-то мере оправдывает само существование Церкви в условиях торжествующего социализма, поскольку вся межцерковная и международная деятельность представителей наших Церквей направлена на защиту в первую очередь светской (читай: советской, атеистической) власти, в ущерб интересам Церкви и всех верующих.

За пышной риторикой и казуистикой делегатов из Союза, без сомнения, стоят прежде всего политические цели.

Можно говорить и о том, что некоторые церковные деятели искренне считают, будто такой политикой они спасают Церковь от броневого натиска антицерковных сил.

Можно было бы говорить и о наших надеждах. Надежде, что ВСЦ когда-нибудь перестанет отождествлять делегацию советской Церкви на международных церковных встречах со всей Русской Православной Церковью.

Надежде, что любое международное церковное собрание за внешней пышностью и представительностью делегатов из Советского Союза увидит когда-нибудь боль и слезы наших верующих.

Надежде, что ВСЦ перестанет когда-нибудь оценивать вклад советской Церкви в деятельность ВСЦ по ее чувствительным материальным взносам, а применит более достойную церковной организации шкалу оценок, за внешним благолепием иерархов сможет разглядеть скудость нашей церковной жизни и церковной инициативы.

Надежде на то, что Устав ВСЦ (кстати, никто из рядовых верующих нашей Церкви и подавляющее большинство священнослужителей не имеют ни малейшего представления о содержании этого Устава) наконец будет содержать пункт, обязывающий Церкви-члены ВСЦ всемерно отстаивать жизненный принцип веры перед лицом неверия — защиту прав верующих, где бы они ни нарушались.

Надежде, что ВСЦ перестанет когда-нибудь считать единственным источником информации о положении Церквей в Советском Союзе пропагандистские заявления наших официальных делегатов.

Обо всем этом можно и необходимо говорить. Говорить во всеуслышание, и еще теплится надежда, что глас вопиющего будет услышан. Так, открытое письмо священника о. Глеба Якунина, обращенное к делегатам предыдущей Генеральной Ассамблеи ВСЦ в Найроби, принесло свои плоды. Изданное в спешном порядке и чаемое миллионами верующих Священное писание — непосредственный результат этого выступления.

Мое письмо не поднимает таких глобальных проблем, как письмо этого священника, трагическая судьба которого, наверно, известна всем делегатам Ассамблеи (одним из главных пунктов уголовного обвинения о. Глеба было именно это письмо), да и трудно рассчитывать, что мое письмо будет оглашено на одном из заседаний Ассамблеи. Труден к вам путь. Очень труден, труднее, чем к Богу. Но я не могу молчать.

Я обращаюсь к делегатам VI Генеральной Ассамблеи ВСЦ, как к последней и самой авторитетной церковной инстанции, пока я еще на свободе, пока мой слабый голос еще может прорваться к вам, в надежде, что глубокие богословские вопросы и глобальные темы не заслонят от вас судьбу одного человека.

Я обращаюсь к вам в уверенности, что судьба даже самого рядового верующего, рядового служителя Церкви тысячами кровных нитей неразрывно связана с будущим Полноты Церкви.

Я верю в Бога, люблю Церковь, болею за Ее судьбу и хочу служить Ей, но, разумеется, не ценой приспособленчества — этой страшной ценой, которую платит церковное руководство, которую предлагают платить и мне.

Я бесконечно убежден в правоте слов церковного публициста А.Краснова-Левитина о том, что Церкви незачем плыть на каком бы то ни было корабле, если она может ходить по водам.

Москва, июль 1983 года.

Владимир Русак, диакон Русской православной Церкви.

Письмо в редакцию

Уважаемые господа редакторы журнала "Трибуна"!

В журнале "Трибуна" 12 (апрель 1983) опубликована статья Самиздата "Разгромлено ли в СССР правозащитное движение?", в которой содержится неправомерное словоупотребление "..."ВСХСОН...Огурцова" и далее: "Демократическое движение" Солдатова".

Полагаю, что общественное явление, каким является подпольная политическая организация, всегда связано с определенным кругом лиц людей и ни в коей мере не сводимо, духовно или символично, к одному лишь лицу.

Поэтому с упомянутыми выражениями согласиться не могу. И вряд бы они понравились Игорю Огурцову. Сомнительно, например, также, чтобы полякам и Лех Валенсе понравилось бы выражение: "Солидарность" Лех Валенсы".

Если уж печатается Самиздатовский документ, не подлежащий купюрам, то следовало бы его сопроводить комментарием с перечнем если не всех, то хотя бы группы лиц, осужденных по делу определенной организации.

Как известно, по делу ВСХСОНа в 1967 г. были осуждены Е.Вагин, М.Садо, Л.Бородин, Б.Аверочкин, и мн. др., а в 1975 году по делу ДДСС/ДДЭ осуждены также К.Мяттик, А.Юскевич, М.Кийренд и другие. Соответствующие материалы приведены в выпусках "Хроники текущих событий" разных лет. И справедливо было бы дать сноску об этих событиях, поясняющую содержание статьи.

Поощрение "культа личности" в диссидентской среде и однобокая, а потому неверная информация, где одни незаслуженно забыты, а другие рекламируются на весь мир, как мы уже не раз убеждались, не приносит добрых плодов.

Письмо прошу опубликовать.

Мюнхен, 7 июля 1983 Сергей Солдатов

ОТВЕТ: Сопровождать и комментировать статьи Самиздата, посвященные широкому анализу современного положения дел в Советском Союзе, дополнительными списками не упомянутых там фактов и участников демократического движения — представляется нам занятием мало эффективным, затруднительным для читателя и бестактным по отношению к авторам этих материалов.

ТРИБУНА

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ РУССКИХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ

ЦЕНА НОМЕРА 18 фр.фр.

подписка на 10 номеров (150 фр.фр.) принимается по адресу:

31, Jardins Boieldieu
92800 Puteaux, France
M-me ZVORYKINE

НАБОР — Е.Афанасьева

МАКЕТ — И.Шелковский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: П.Егидес (ответственный за выпуск номера), П.Литвинов, Михайло Михайлов, А.Синявский, Б.Шрагин, Е.Эткинд.

Переписка по адресу: 8, rue Boris Vildé, 92260 Fontenay-aux-Roses, France.

Справки по телефону: (331) 207-59-62

Представитель в Германии: Nikolay Dragosch, Adalbert-Stifter-Str, 43. 6457 Maintal 2,BDR

Представитель в Америке: D. Osman, 1640 Metropolitan Ave. apt. 1B, Bronx, New York, 10462 (tel. 212-822-01-38)

ЖУРнал-ГАЗета выпускается на средства издательства «Синтаксис», на личные средства членов редколлегии и поддерживающих это издание лиц.

18 fr. $ 2.50 LA TRIBUNE

ТРИБУНА

ЖУРнал-ГАЗета
№ 4
октябрь 1983

1-9-1983

269 +

— Зачем? Ну, зачем они это сделали? Я бы хотел понять: зачем? — говорит канадец Томас Хендри. Его дочь Мэри летела пассажирским рейсом 007 Корейской авиалинии из Нью-Йорка в Токио. Несколько месяцев назад она закончила университет в Торонто. Мэри говорила по-японски, по-испански и по-французски. В Токио ее ждала интересная и перспективная работа...

269 человек — 240 пассажиров и 29 членов команды огромного пассажирского самолета "Боинг 747" (длинный — 80 метров, высотой — 20 метров), граждане 14 государств — и среди них депутат американского парламента Ларри Мак-Дональд — уничтожены не стихийной катастрофой, а преднамеренной человеческой волей.

Поэтому и возникает этот неотступный вопрос:

— Зачем?

269 человек путешествовали по своим делам, как сотни тысяч других ежедневно: кто — по работе, кто — чтобы повстречаться с близкими, кто — просто в отпуск. Они были безоружны и беззащитны на высоте 10 километров. Они везли с собой детей. Самолет сбился с курса, что не такая уж редкость в современной авиации. Их всех лишили жизни.

Престиж Советского Союза оказался сильно попорчен.

Разве не должны были предвидеть это заранее те, кто отдал приказ стрелять? Пусть нет у них ни капельки жалости, пусть заповедь "Не убий" — для них просто слова, но почему не остановил их хотя бы расчет? Почему не сумели они предвидеть последствия хотя бы на несколько часов вперед, взвесить, в чем выгода?

Поведение советских официальных представителей в последующие дни ужасает и обескураживает не меньше.

По сообщению агентства "Рейтер", 1 сентября японское посольство в Москве запросило советское Министерство иностранных дел о пропавшем самолете. Ему ответили, что Советский Союз никакой информацией на этот счет не располагает.

Если бы японская пограничная служба не вела исправно наблюдение вовсе не за отклонившимся от курса пассажирским самолетом, а за маневрами советских истребителей, концы так и были бы запрятаны в воду — как ни страшен тут смысл этого выражения.

Однако дело раскрылось. И вот, 3 сентября, когда весь мир, за исключением советского населения, знал, что корейский "Боинг 747" сбит советским истребителем, появилось "Заявление ТАСС":

> "... самолет неустановленной принадлежности (?) грубо нарушил советскую государственную границу... Над островом Сахалин по курсу его движения советским самолетом были даны предупредительные выстрелы трассирующими снарядами. Вскоре после это-

го самолет-нарушитель вышел за пределы советского воздушного пространства и продолжал полет (?) в сторону Японского моря".

ТАСС лгал. Лгал и запирался представитель Советского Союза в Организации Объединенных Наций Олег Трояновский на заседании Совета Безопасности. Лишь будучи приперт доказательствами, ТАСС был вынужден признаться,

что "самолет неустановленной принадлежности", действительно, сбит советским истребителем.

И снова возникает вопрос:

— Зачем? К чему надо было отрицать факты, когда уже было очевидно, что имеются средства их подтверждения? Или все это — обыкновенная трусость уголовного убийцы, который сперва надеется, что дело не раскроется, а потом начинает метаться в поисках смягчающих обстоятельств?

Дальше пошли беспомощные версии, которые могут убедить разве что вконец замороченного читателя газеты "Правда". Пассажирский "Боинг 747" якобы летел со шпионским заданием. Доказательства? — Никаких, кроме домысла, что если уж самолет оказался над советской территорией, да еще пролетал над секретными базами, то уж непременно с целью фотографирования. Для окружающего мира сквозь эту ущербную логику проглядывалась лишь параноидальная подозрительность. Будто советские власти сами заразились тем недоверием ко всему иностранному, которое без устали внушают советскому населению.

Утверждалось, что советская противовоздушная оборона не смогла разобраться, что самолет был именно гражданский. Это давало повод усомниться в ее технической эффективности и моральной ответственности. В оправдание намекали, что американцы, пустив с разведывательным заданием самолет, наполненный ничего не подозревавшими пассажирами, *намеренно* сделали все возможное, чтобы советские летчики приняли гражданский самолет за военный. Будто и корейские гражданские пилоты всячески постарались, чтобы их сбили: эдакие комикадзе! А зачем все это нужно было американцам? — Чтобы сделать советским руководителям крупную международную неприятность.

Во всех этих беспомощных пересудах советская сторона явно допускала, что для американцев жизнь *269* человек ровно так же ничего не значит, как и для нее самой.

"Если маршал Николай Огарков лгал на прошлой неделе, делал он это с удивительной легкостью", — писал корреспондент "Нью-Йорк Таймс" Джон Барнс из Москвы о пресс-конференции начальника генерального штаба советской армии. Некогда было такое понятие: "честь офицера". Но и это, видимо, — невозвратное прошлое.

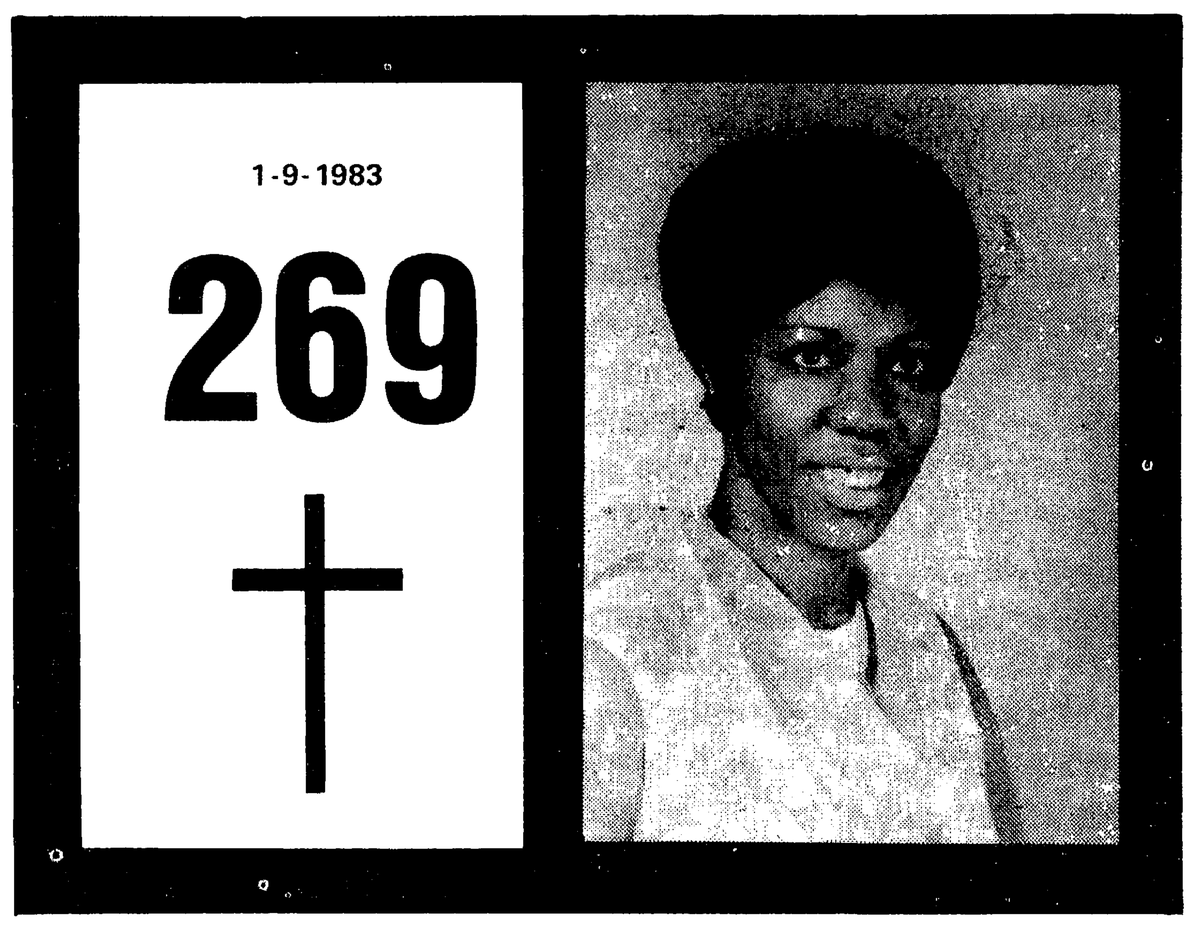
Умалчивания, запирательства, насилия над логикой и этикой увенчались официальным признанием, что Советский Союз готов уничтожить любой самолет, — пусть военный, пусть гражданский, — если он вторгнется в советское воздушное пространство, которое "священно". "Священнее", очевидно, чем *269,* чем сколько угодно жизней.

Но почему же тогда прямо не признаться, что действовали в соответствии с этим принципом — каким-никаким, но все-таки принципом? — Все-таки как-то пристойнее для могущественной "сверхдержавы", чем лгать и попадаться, лгать и попадаться!

Советский Союз никакой своей вины за собой в этом деле не признал, не признал даже ошибки, не высказал хотя бы сожаления. Не выразил соболезнования родственникам убитых. Было наотрез отказано в возмещении материального ущерба. Советский Союз отказался сотрудничать с международным расследованием происшедшего. Наоборот, он бросил свои военно-морские силы на то, чтобы побыстрее завладеть вещественными уликами. Никому, кроме непосредственно замешанных лиц, неизвестно, найдены ли советскими моряками останки погибших. Отказав родственникам убитых в праве знать об этом, советские власти с какой-то уж совсем бесчеловечной жестокостью отказали им в последнем утешении — похоронить своих родных в отечественной земле и бережно хранить их могилы.

269 — отныне не просто одно из количественных числительных, как Герника или Майданек — не просто географические названия. Это — символ; это — рубеж в современной истории. Напрасно рассчитывают в Советском Союзе, что "антисоветская истерия" пройдет, как уже не раз бывало. Само слово — "истерия" — о слезах и жалобах осиротелых родных и близких, о потрясении и гневе людей разных стран отдает бесчувственностью и цинизмом. Боль, вероятно, утихнет, но память, но сознание — останутся. В наш ядерный век судьба 269 убедила каждого, что есть на нашей планете правительство, которого не остановят ни жертвы мирного населения, ни доводы рассудка. С этим знанием теперь придется жить нам всем, кто не погиб в той катастрофе, — жить и по ту, и по эту сторону границы.

— Систематические нарушения прав человека отучают уважать нравственность.



На фотографиях— пассажиры сбитого самолета.

— Пренебрежение нормами правосудия затмевает способность суждения о справедливости.

— Покров цензуры помогает лгать.

— Идеологическая нетерпимость побуждает видеть в каждом, кто мыслит иначе, врага, которого не жалко уничтожить.

— Неэффективность и бесхозяйственность внутри государства неизбежно сказываются и на его внешнеполитическом поведении.

— Отсутствие демократических институтов позволяет режиму не отчитываться перед собственными гражданами и влечет его к тотальной безответственности.

269. Эта цифра скрывается от советского населения. Тут — хотя бы маленькое основание думать о рядовых советских людях лучше, чем об их вождях.

ДВА ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Михайло Михайлов

НЕ С ТОГО КОНЦА

В Париже с 16-го по 18-е мая состоялась первая встреча и первая манифестация "Интернационала сопротивления". Его зарождение можно отнести, очевидно, к началу этого года, когда был образован "Организационный комитет", начавший привлекать к содействию новой организации (именовавшейся на том предварительном этапе "Интернационалом *демократического* сопротивления") разных знаменитых людей, — главным образом, из Европы. После указанной встречи состоялась пресс-конференция, на которой было сообщено журналистам, что "Организационный комитет" существовать перестает, а начинает жить новая международная организация. Но в действительности формирование "Интернационала сопротивления" было отложено до осени. Вместо представительного органа для его руководства избран лишь председатель "Интернационала сопротивления" — В. Буковский. Пока что отложены выработка "Устава" организации и провозглашение ее основных принципов.

В этом фактическом состоянии дел есть своя логика. С первого своего шага новая организация натолкнулась как будто бы на формальный и теоретический, а по существу — на решающий вопрос: на каких основных положительных принципах будет построен "Интернационал сопротивления", кроме ясно заявленного им желания сопротивляться коммунистическому тоталитаризму? Только отчетливо ответив на этот вопрос, можно было бы определить и его организационную структуру: является ли новый "Интернационал" организацией, призванной объединить представителей разных наций и стран; или он призван объединить огромное число других уже существующих антикоммунистических организаций; или, наконец, он включит в себя отдельных лиц и индивидуумов, по разным причинам заинтересованным в сопротивлении коммунистическому тоталитаризму? И, во-вторых, если в основу организационной структуры решено положить первый принцип, — как это и было фактически сделано, — то кто, согласно каким критериям и в какой именно форме полномочен представлять в новом "Интернационале" тот или иной народ или страну?

В ходе первой встречи выявилось, что "Организационный комитет", направив всю свою энергию на устроение этой встречи, публичной манифестации и оповещения мировой прессы, запамятовал о проблемах организационной структуры и программы "Интернационала сопротивления". Любая организация, — а тем более международная, — не то же самое, что, допустим, журнал, который может быть основан и даже долгие годы существовать благодаря усилиям группы людей или одного человека, подбирающих себе единомышленников по своему вкусу и отбрасывающих всех остальных. Если для начального толчка, в самом деле, достаточно волевого усилия десятка или нескольких десятков людей, то никакая организация не только не может существовать, но даже оформиться, без ясно выраженных принципов и вытекающей из них четкой структуры. Другими словами, не организация создает идею, а наоборот, — идея — организацию.

Все это стало совершенно очевидно на коротком опыте "Интернационала сопротивления". Стало очевидно, что одно волевое усилие да страстное желание — даже при благожелательности большой прессы — отнюдь недостаточны. Недостает новой идеи, принципов, конкретного представления о целях и методах их осуществления, ради и во имя которых должны объединяться люди, — да еще в международном масштабе. Отрицательная цель — не есть цель. Указание на то, с чем данная группа людей *не* согласна, всего лишь отодвигает — на очень короткое время — вопрос о том, в чем они согласны и готовы действовать сообща. Инициаторы "Интернационала сопротивления" соблазнились именно таким, — только по видимости более практичным, — негативным путем. И именно поэтому, по всей вероятности, им на самых предварительных организационных этапах пришлось отказаться от определения: "*демократическое* сопротивление". В этом определении, хотя бы в самом общем виде, содержится указание на положительную цель.

Идейные вопросы — о целях, принципах и методах новой организации, — показавшиеся группе основателей чем-то второстепенным, формальным или подлежащим легкому решению путем назначения "Комиссии по выработке устава и программы", — это по существу самые трудные вопросы любого времени, — в том числе и нашего. В их подходе легко усмотреть то "равнодушие к идеям", которое отметил в русской интеллигенции еще Николай Бердяев. "Будем бороться, а что из этого выйдет — покажет будущее". Будущее показало, что ничего хорошего при этом не получается. Отсутствие воодушевляющей (а, значит, — самоочевидной) идеи и цели оказывается в наше время главной бедой человечества. поскольку за их неимением легко внедряется на всех континентах тоталитаризм, предлагая взамен псевдо-идеи и псевдо-цели.

Взаимосвязанность идейных и организационных вопросов настолько самоочевидна, что о ней иногда просто забывают. Если же цель организации или движения определены лишь отрицательно, то, как это было, например, в случае антифашистского сопротивления, в нем можно ожидать участия и демократических, и антидемократических сил. Достижение цели при этом сразу приводит к новому, еще более опасному столкновению. И, как теперь совершенно ясно, неосторожность антифашистов-демократов, которые в увлечении борьбой пренебрегли присутствием в их рядах не демократов, привела к тяжелейшим историческим последствиям.

Стоит, думается, подробнее остановиться на этом примере. Антифашистское сопротивление стало реальностью, добилось единства и успеха, поскольку была и война, и нацистская оккупация Европы. Но, насколько можно судить по декларациям организаторов "Интернационала сопротивления", речь в данном случае идет, главным образом, об объединении эмигрантов, то есть, иначе говоря, этот "Интернационал" намерен разворачивать свою деятельность вне территории той системы, которой он будет "сопротивляться". Где, в каких социальных слоях обретет он при этом реальную силу, необходимую для не показного, успешного действия? — Очевидно, что в демократических странах, где "Интернационал сопротивления" ныне базируется, ничего, кроме некоторого пропагандистского шума, получиться не может. "Сопротивление", согласно смыслу этого понятия, может быть лишь там, где испытывается непосредственное давление. А там, где это давление вовсе отсутствует, может идти речь лишь о периферии реальной борьбы, лишь о посильной помощи тем, которые действительно борются. Неумеренная инициатива в таком случае не может не превратиться в что-то иное, кроме излучения энергии в пустоту.

Продолжим наше сравнение нынешнего проекта "Интернационала сопротивления" с движением антифашистского сопротивления времен войны. Как я уже сказал, тогда была допущена — неизбежная, впрочем, в тех условиях — ошибка, поскольку под негативным лозунгом антифашизма оказались смешаны и демократические, и антидемократические силы. Надо надеяться, что человечество не впадет в то же заблуждение дважды. К сожалению, этого нельзя сказать об инициаторах "Интернационала сопротивления". Если судить по их словам, они намерены сопротивляться "тоталитаризму". Но даже эта отрицательная цель сформулирована — ед-

ва ли ни намеренно — достаточно расплывчато: пишется "антитоталитаризм", а в уме подразумевается "антикоммунизм". Исторический опыт показывает, что недемократические антикоммунистические движения лишь подготавливают дорогу коммунистическому тоталитаризму: это видно хотя бы на трагическом опыте Латинской Америки. "Интернационал сопротивления", основанный на негативной цели — "анти", может только скомпрометировать идею противостояния тоталитаризму, покуда допускает (и не может не допускать в силу негативной формулировки своей цели) — сотрудничество с недемократическими (правыми) силами в борьбе с коммунизмом.

"Выработка политической философии нового движения и практических методов его повседневной работы" — это декларируется как одна из *задач* "Интернационала". Но, как видим, крайне опрометчиво сперва создать организацию, а потом подыскивать для нее подходящую филоософию. Не следует начинать не с того конца.

Именно отсутствие отчетливой политической философии, а, следовательно, и эффективных практических методов действия, — приводило всегда подобные начинания к тому, что они очень быстро проваливались. До Второй мировой войны, когда коммунистической была только Советская Россия, для международных антикоммунистических движений не было еще почвы. (Гитлеровский "Антикоминтерновский пакт" — это нечто другое). Но после войны, особенно с 50-х годов, можно наблюдать зарождение нескольких международных объединений, цели которых были более или менее тождественны тем, которые провозглашены "Интернационалом сопротивления": АБН — "Антикоммунистический блок народов", ЦОПЭ — "Центральное объединение политических эмигрантов", СБОРН — "Союз борьбы за освобождение народов России" и т.д. и т.п. Само существование таких организаций ныне уже полностью забыто. И это, заметим, несмотря на присутствие на Западе миллионного числа беженцев от коммунистических режимов.

Напрашивается вывод, что, во-первых, ни одна из этих международных по замыслу организаций не смогла увлечь за собой крупные национальные объединения эмигрантов. Во-вторых, ни одной из них не удалось мобилизовать широкую поддержку общественного мнения демократического мира, в котором они действовали. И, если судить по майской встрече "Интернационала сопротивления" в Париже, — то становится ясно, что его инициаторы не учли опыта своих предшественников.

Даже широкая финансовая поддержка западного мира (если таковая появится) — ничего существенного не изменит, так как основные идейные вопросы, успешное решение которых только и может дать силу новой организации, остаются достаточно невыясненными и на Западе.

"Интернационал сопротивления", идя путем своих предшественников, пытается быть "интернационалом наций". И при первых же его шагах выяснилось, что невозможно определить — кто и почему может, даже условно, — представлять ту или иную нацию. А предоставлять решение этого вопроса эмигрантам или эмигрантским организациям — дело и совсем пропащее. Очень и очень многие национальные организации враждуют между собой как раз по национальным причинам и практически невозможно даже определить, какие нации имеют право на своего представителя в "Интернационале", а какие — нет. Допустим: имеют ли право представительства те многочисленные политические эмигранты и их национальные организации, которые добиваются создания собственного суверенного национального государства (как то — украинцы, хорваты и многие другие)? Если же "Интернационал" будет формироваться по принципу национального представительства в ООН, — это немедленно удалит из него не меньше половины эмигрантских групп, находящихся сейчас на Западе. Наконец, практически невозможно при таком организационном принципе установить такое число национальных представительств, которое, действительно, дало бы право "Интернационалу" называться этим именем, не превращаясь в фикцию. Одним словом, "интернационал наций" тождественен "теплому льду".

Следует напомнить в этой связи, что два социалистические интернационала, как и Коминтерн, только и могли состояться, только и стали реальной политической силой постольку, поскольку они основывались на вненациональных и наднациональных принципах.

Для международного антитоталитарного движения такими объединяющими, вненациональными принципами могут быть те, которые противостоят тоталитаризму как нечто положительное, — права человека, демократия, плюрализм. Мобилизовать поддержку общественного мнения западного мира можно лишь в том случае, если удастся выявить нерасторжимую связь (а она — есть) целей антикоммунистической борьбы с борьбой за улучшение и развитие демократии.

Следует признать, что для западного общественного мнения проблема правых диктатур все еще остается более болезненной, чем коммунистический тоталитаризм по той простой и понятной причине, что большинство праводиктаторских стран входит в западный мир как его составная часть, что эти режимы вряд ли могли бы существовать самостоятельно, без поддержки с Запада. Исключительно антикоммунистическая направленность "Интернационала сопротивления", упоминание в его декларациях Аргентины, Таиланда и Сан Сальвадора как стран, которым угрожает лишь коммунистическая опасность, а Тайваня — как образца противостояния коммунизму исключают возможность широкой поддержки общественного мнения демократического мира. Такая самоизоляция при тех тяжелых условиях, при которых приходится вести борьбу силам свободы в коммунистических странах — недопустимая для нас роскошь.

На Западе прекрасно известно, что Тайвань — отнюдь не демократическая страна; что в Аргентине пока что реальную угрозу свободе и жизни граждан представляют не коммунисты, а правая хунта; что в Сан Сальвадоре гражданская война разгорелась из-за того, что правые авторитарные силы заблокировали реформы, которые пытались провести более умеренные партии. Объяснение, которое дается "Интернационалом сопротивления", что правые диктатуры менее опасны поскольку у них нет экспансионистских, мировых целей, какие есть у коммунистов, — просто смехотворно. Для жертв, для тех, кто сидит за решеткой, кто подвергается пыткам, кого лишают свободы, достоинства и жизни, этой разницы не существует. Не следует также забывать, что только при правых диктатурах набирает силу коммунистическое подполье и, таким образом, угроза мирового тоталитаризма становится реальностью. Правый террор — отнюдь не лучший способ сопротивления левому террору.

Только борьбой за *демократию* можно противостоять тоталитаризму, а отнюдь не объединением международных *анти*коммунистических сил, в которые включаются и правые, авторитарные. ■

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
7-8 номер журнала
"ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ"

ЗАКАЗЫ ПОСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:
PROBLEMS OF EASTERN EUROPE
P.O. Box 566
Maspeth, New York 11378

Цена номера — **$ 12.00** *с пересылкой*

В издательстве CHALIDZE PUBLICATIONS
ВЫШЛИ КНИГИ:

Л. Чуковская, ПАМЯТИ ДЕТСТВА	12.00 долл.
И. Бирман, ЭКОНОМИКА НЕДОСТАЧ	18.00 долл.
Р. Берг, СУХОВЕЙ, Воспоминания генетика	15.00 долл.
Л. Жукова, ЭПИЛОГИ, ч. 1-я	12.00 долл.
В. Красин, СУД	8.00 долл.

ТАКЖЕ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ, вып. 64	5.00 долл.

Оплаченные заказы посылать по адресу:
CHALIDZE PUBLICATIONS
Benson, Vermont 05731
Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

ОБЩИЙ ДОМ ВСЕХ ДЕМОКРАТОВ

ИНТЕРВЬЮ "ТРИБУНЫ" С ПРЕЗИДЕНТОМ "ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА" РАУЛЕМ МАНГЛАПУСОМ

Политика становится общемировой. Лет сто назад никто не сомневался, что вопросы политического устройства, конституции или направления социально-политического развития — внутреннее дело каждого государства, каждой суверенной нации. Последующие события убедили, однако, что такой взгляд, по меньшей мере, недальновиден. Приход к власти в Германии национал-социалистической партии едва не повлек за собой всемирно-историческую катастрофу. Другая катастрофа назревает сейчас из-за событий, которые случились в России еще в 1917 году.

После Второй мировой войны, когда стало ясно, что террористические методы правления, практикуемые каким-либо правительством, представляют собою потенциальную угрозу для свободы людей повсюду на земле, развернулось движение в защиту прав человека во всех странах современного мира, сложились мощные, массовые международные организации, — такие, например, как "Международная амнистия".

Но развитие идет дальше. Становится все очевиднее, что прочные гарантии прав человека могут быть действительно обеспечены лишь при демократии. Поэтому и международные силы защитников прав человека должны объединиться на новом, *политическом* уровне, — объединиться, чтобы защищать демократию.

В 1979 году в Вашингтоне был учрежден "Демократический интернационал". Идея принадлежала американцу Тэду Жакинэ, который вскоре погиб из-за трагической случайности. Основателями "Демократического интернационала" стали политические эмигранты, которые вынуждены были бежать в Америку из стран, сходных при всех различиях, в одном, — из стран, где господствуют диктаторские и террористические режимы, где нет демократии. Одних гнали и мучили за то, что они "против социализма"; других — за то, что они "за социализм". Но добивались они для своих народов свободного и достойного существования, которое возможно только при демократии. Тайная полиция всюду одинакова, как одинаковы и цензура, и террор, и тюрьмы для политических заключенных. Политические деятели и диссиденты из Советского Союза и Чили, из Чехословакии и Южной Кореи, с Кубы и с Филиппин, собравшись вместе, тотчас же поняли, насколько сходны и их опыт, и их цели.

Цели "Демократического интернационала" определены в декларации о его основании: *"Мы стремимся создать движение за распространение плюралистической демократии: укреплять демократию там, где она уже существует; возрождать демократию там, где она растоптана; способствовать установлению демократии там, где она слишком долго представлялась лишь отдаленной мечтой".*

Более подробно о планах это организации рассказал в интервью для "Трибуны" ее президент, филиппинский политический деятель Рауль Манглапус: "Наша главная цель — распространение демократии. Мы считаем нашей первой обязанностью исследовать проблему универсальности демократии как исторической и культурной ценности. Все современные диктаторы — и "правые", и "левые" — пытаются оправдывать практикуемые ими насилия тем, что демократия не равно пригодна для всех народов. Даже некоторые представители американского академического мира склонны думать, что демократия принадлежит к ценностям, характерным исключительно для англо-саксонской традиции. Мы с этим не согласны. Мы намерены доказать и показать общечеловеческое значение демократии и принципов прав человека. И нашим первым практическим шагом будет созыв международной конференции для дискуссии о демократии как универсальной ценности, не ограниченной одной только западноевропейской традицией".

Вероятно, о жизни Рауля Манглапуса можно было бы написать роман, но придется ограничиться сухой биографической справкой. Во время Второй мировой войны, еще совсем молодым человеком, Рауль Манглапус, выпускник католического колледжа, руководил филиппинской радиостанцией, которая вела пропаганду против захвативших Филиппины японцев. Он был схвачен, но бежал из тюрьмы и сражался в партизанском отряде. После освобождения Рауль Манглапус стал лидером христианско-демократической партии, избирался сенатором и был одно время министром иностранных дел Филиппинской республики. В 1972 году, когда генерал Маркос совершил на Филиппинах государственный переворот, Рауль Манглапус находился на пути в Калифорнию, где должен был выступить с лекциями. Солдаты, посланные на его квартиру в Маниле с ордером на арест, по чистой случайности его не застали. Правительство Соединенных Штатов предоставило ему право политического убежища. Помимо того, что Рауль Манглапус возглавляет "Демократический интернационал", он еще — вице-президент "Интернационала христианских демократов".

Рауль Манглапус подчеркнул, в нашем интервью, что цели "Демократического интернационала" — утверждающие, созидательные. Он призван стать катализатором борьбы за демократию и права человека во всем современном мире. "Один из наших проектов на ближайший год — созвать международную конференцию, в которой, как мы надеемся, примут участие международные объединения трех крупнейших политических партий: "Социалистический интернационал", "Интернационал христианских демократов" и "Интернационал либералов". Эта конференция, по нашим планам, должна состояться в Лондоне. В своих странах партии, представленные этими организациями, могут быть противниками, но на международной арене, по нашему мнению, остается достаточно места для сотрудничества между ними. "Демократический интернационал" призван создать общую почву для такого сотрудничества".

"Демократический интернационал", по словам Рауля Манглапуса, близок к международному правозащитному движению. Но он предназначен сделать следующий исторический шаг в развитии этого движения. Например, устав "Международной амнистии" ограничивает ее цели защитой узников совести независимо от оттенков их идеологии. "Международная амнистия" сознательно отказывается от того, чтобы содействовать распространению какой-то особой политической системы или формы государственного управления. Чтобы защищать узников совести, этого достаточно и это правильно. "Но наша работа, — сказал Рауль Манглапус, — начинается именно там, где намеренно останавливается "Международная амнистия". Ее деятельность представляется нам очень полезной и мы широко пользуемся той информацией, которую публикует "Международная амнистия". Но "Демократический интернационал" ставит перед собой задачу содействовать *политической* борьбе за повсеместное утверждение демократии, которая только и может практически обеспечить действительное соблюдение прав человека".

Иногда можно слышать мнение, что сопротивление "правым" и "левым" диктаторским режимам неравноценно с точки зрения международных интересов. Коммунистический тоталитаризм, — говорят в таких случаях, — представляет собой международную угрозу, поскольку он агрессивен и стремится к мировому господству. Но этого нельзя сказать о "правых" диктатурах.

Рауль Манглапус этой разницы не отрицает. Он согласен с тем, что коммунистические тоталитарные системы и гораздо более жестоки, и более абсолютны. "Правые" авторитарные диктатуры, как говорят иногда, более "пористы", открыты для проникновения оппозиционных течений. "Мы не отрицаем этого, — сказал Рауль Манглапус. — Что мы отрицаем, так это предположение, что, поскольку такое различие существует, мы не должны выступать с равной резкостью и против "правых", и против "левых" диктатур".

Можно привести множество аргументов на этот счет. Но главный из них, по мнению Рауля Манглапуса, — был высказан в одной из статей Михайло Михайлова. В этой чрезвычайно важной статье Михайло Михайлов показал, что "правые" диктатуры — это, по сути дела, "пятая колонна" для продви-

жения к власти "левых", коммунистических тоталитарных правительств.

Подтверждение этого Рауль Манглапус видит на опыте своей страны, на Филиппинах. "До того как там было введено "военное положение", на Филиппинах было, конечно, коммунистическое движение, но оно в те времена не представляло собой никакой прямой угрозы правительству. А теперь, после десятка лет "военного положения", влияние коммунистов сильно увеличилось". И такой же итог наблюдается по всему миру — в Латинской Америке, в Африке — повсюду, где существуют правые диктатуры. "Поэтому, — сказал Рауль Манглапус о позиции "Демократического интернационала", — хотя мы и признаем различие между антидемократическими "правыми" и "левыми" режимами, мы отрицаем правильность различия в подходе к ним, в той настойчивости, с которой мы должны добиваться восстановления демократии и при "правых", и при "левых" диктатурах. Чем дольше длятся "правые" диктатуры, тем больше шансов у коммунистов придти к власти".

Рауль Манглапус считает, что преимущества сотрудничества в рамках одной организации людей, которые намерены бороться и против "левых", и против "правых" диктатур, очевидны. "Без "Демократического интернационала", без этого общего дома для всех, кто стремится утвердить демократию как альтернативу диктаторским режимам, — как "правым", так и "левым", — получается вот что. Если вы выступаете против "правой" диктатуры в своей стране, если вы готовы против нее бороться, — под борьбой я подразумеваю не обязательно вооруженное восстание, но также борьбу посредством распространения информации, пропаганды и организации международного давления, — если вы не проявите при этом необходимой осторожности, вы очень легко можете оказаться заодно с теми, кто хочет заменить данную "правую" диктатуру не демократией, а "левой" тоталитарной диктатурой. И, конечно, наоборот, — если вы выступаете против коммунистического режима, легко оказаться в компании "правых" реакционеров и экстремистов. Отрицание одного и того же еще не может быть серьезной базой для объединения; такой базой могут быть только общие *положительные* идеалы. Поэтому когда ко мне пришел Тэд Жакинэ со своей идеей "Демократического интернационала", я немедленно откликнулся на его предложение".

Что касается практической деятельности "Демократического интернационала", то Рауль Манглапус считает, что эта организация сделала пока что не очень много. "Но все-таки кое-что мы сделали, несмотря на крайнюю ограниченность наших средств".

"Мы наметили для себя первоочередные задачи на ближайшее время. Первая наша цель — помочь демократам всего мира выразить солидарность друг с другом. "Демократический интернационал" обеспечивает возможность демократам по обе стороны железного занавеса установить постоянную взаимную поддержку. Если, допустим, профсоюзные деятели Польши и Чили выступают вместе, то это и идеологически, и практически очень эффективно для противодействия диктаторским режимам и генерала Ярузельского, и генерала Пиночета. Во-вторых, мы намерены публиковать максимально широкую информацию о борьбе за демократию во всем мире, чтобы привлечь к ней внимание граждан демократических стран и обеспечить обмен опытом между оппозициями всем диктаторским режимам. Пока что в этом отношении мы несколько преуспели только относительно филиппинского и югославского демократического движения. В-третьих, мы намерены публиковать совместные заявления по конкретным вопросам, привлекая к ним максимальное количество людей и обеспечив средства для их широкой циркуляции. Именно с этой целью, как я уже сказал, мы хотим добиться единства по определенным вопросам трех международных демократических движений — христианских демократов, социалистов и либералов. В-четвертых, мы проводим наши конгрессы и публичные встречи, которые уже состоялись — одна в Нью-Йорке и другая в Вашингтоне. В-пятых, наша задача — поощрять публикацию статей и книг по вопросам демократии, продвигать их в газеты и на телевидение, в издательства и на радио. В этой области, должен признаться, мы сделали пока недостаточно, хотя и наладили выпуск нашего информационного бюллетеня "Плюралист". В-шестых, мы расширяем членство "Демократического интернационала", и для этого есть большие, пока недостаточно использованные нами возможности, поскольку для того, чтобы стать членом нашей организации, ничего больше не требуется, кроме понимания необходимости распространять демократию по всему миру. Членом "Демократического интернационала" может стать гражданин любой страны при очень широком спектре оттенков политической философии. "Демократический интернационал" имеет все возможности развиться в массовую организацию и стать существенным фактором современной истории". ■

АСПЕКТЫ СВОБОДЫ

Борис Шрагин

ПЛЮРАЛИЗМ — НАША ЦЕЛЬ

Советский Союз сделал решительные шаги по пути превращения из сельскохозяйственной страны в индустриальную, — даже постиндустриальную. Осуществлено это, однако, во-первых, с излишней торопливостью, а, во-вторых, оказавшимися в наличии азиатскими методами. Получился безобразный до нелепости социально-политический кентавр — модернизированное общество, придавленное системой институтов и ценностей, характерной для прошлого. Возникло хорошо всем известное положение, когда не могут функционировать нормально ни сельское хозяйство, ни промышленность, ни деревня, ни город.

Явление это имеет столь же мало отношения к "коммунизму", про который никто толком не знает, что это такое, как и к мистике "русской души". Советская империя — это один из многочисленных в наше время примеров "развивающейся страны", опыт которой оказался крайне неудачен и явно не заслуживает подражания.

Захват власти большевиками фактически не только не стимулировал социально-политическое развитие России, но, напротив, решительно его затормозил. Это была не столько революция, сколько поворот вспять — что, впрочем, как показала еще Ханна Арендт, характерно для любой насильственной революции. Типическое для сельскохозяйственных обществ разделение на самодержавную бюрократию и подданнующуюся любому нажатию власти массу пассивного населения соблазнило Ленина и его последователей легкой возможностью проскочить период первоначального накопления, ограбив и фактически уничтожив крестьянство. Но тем самым оказалась всего лишь воспроизведена прежняя ситуация, — причем, в сильно ухудшенном виде. Производство чугуна и стали увеличилось, но зато страна оказалась возвращена к крепостному праву, растеряв по дороге все достижения либерализации русского общества, начиная с реформ императора Александра II.

Демократия, которая, как показывает опыт современных индустриальных обществ, совершенно необходима для их успешного развития, не только не была создана, — оказалось приостановлено движение в сторону индивидуализма, чувства личного достоинства и независимости, терпимости, экономической и социальной инициативы, способности и готовности к конкуренции. То, что в советской действительности воспринимается за "реальный социализм", на самом деле представляет собою анахронические и искаженные до неузнаваемости пережитки. С социальной и политической точки зрения, советское общество — намного реакционнее, чем Россия при последних Романовых.

Не надо прикрашивать. Русское общество было больным еще до того, как за его лечение принялись ленинцы; но, по-

скольку метод лечения оказался вреден, заболевание всего лишь обострилось.

Государственный корабль управляется неведомо кем, какими-то безответственными временщиками, и, того и гляди, наскочит на нежданный риф. При таком параличе политической воли, который охватил сейчас массу советского населения, гибли самые, казалось бы, могущественные империи. Катастрофа может наступить завтра или через десятилетие, или уже при наших детях и внуках. Она может воплотиться либо во всемирном ядерном опустошении, либо просто — в военном поражении, которое совместными силами нанесут СССР разгневанные им народы, либо — в медленной, тоскливо-мучительной нравственной и хозяйственной деградации, при начале которой мы уже присутствуем. Никому не дано знать, как и когда именно. Но катастрофа неизбежна, поскольку, отказываясь от выбора, от действия, — того не желая, — выбирают ее.

Но будущее коренится в настоящем, а история складывается из взаимодействия живых человеческих воль. И ничто еще не потеряно. Под дымовой завесой всеобщей апатии можно разглядеть в современном советском обществе, по крайней мере, два направления в поисках выхода из создавшегося тупика.

Есть тоска по русскому прошлому, которое на почтительном временном расстоянии представляется едва ли не царством гармонии; есть, с другой стороны, сильное желание во всем — и политически, и социально — сравняться с самыми успешными из современных индустриальных обществ. Кажется, не придумать ничего в такой же степени противоположного: Восток и Запад; автократия и самоуправление; права человека и обязанности подданного; национализм и универсализм; регресс и прогресс; теократия и отделение религии от государства.

Однако, с другой стороны, обе эти тенденции сосуществуют в самой советской действительности: через них проявляется ее половинчатость. Сосуществуют они на всех этажах государственной иерархии. Снизу, в народной толще, они сказываются в парадоксальной комбинации ксенофобии с безудержными аппетитами консюмеризма; наверху, в бюрократической элите — в беспорядочных бросках от завинчивания гаек к нескончаемым имитациям нововведений, которые рассчитаны на то, чтобы развязать производственную инициативу, но и не допустить никакой свободы. Даже в позициях нашей эмиграции легко заметить удивительные парадоксы: часто можно услышать и прочитать, что мир спасти от советского тоталитаризма может только Запад, но при этом он должен уподобиться Востоку, а Восток, в свою очередь, должен стать похож не иначе как на Московскую Русь.

На этой идейной неразберихе и покоится сейчас фактически советская власть. Она, чтобы придать себе видимость законности, отрывает по кусочку от обеих тенденций, — говоря очень условно, и от "славянофильства", и от "западничества". Главная же ее забота направлена сегодня на то, чтобы во что бы то ни стало сберечь свои застарелые идеологические штампы, за которыми уже ничего реального разглядеть невозможно. Отсюда — свирепство цензуры и периодически повторяемые решения усилить, усилить и еще раз усилить идеологический контроль.

Чем дальше от этого непрестанного насилия над общественной мыслью и совестью, тем отчетливей проявляется типическое для "развивающихся стран" раздвоение интеллектуальных течений. Они не перестают заявлять о себе даже в подцензурной советской печати — то эзоповским языком, а то и прямым текстом. В самиздате они проявились не только в отдельных статьях, но и в машинописных периодических изданиях: "Вече" и "Московские сборники" — с одной стороны; "Поиски", "Поиски и размышления", "Социализм и будущее", "Варианты" — с другой. И, наконец, окончательно эти направления вышли наружу в нашей эмиграции. Разгорающаяся в эмиграции полемика двух направлений — это совершенно необходимый этап перехода: от беспамятства к сознанию, от апатии — к выбору.

В мою задачу в данном случае не входит содержательное сопоставление. Важно настоять для начала на обоюдном праве обеих тенденций на существование. Завязавшаяся полемика не окажется плодотворна, — как это по большей части и происходит до сих пор, — пока она не будет базироваться на терпимости.

Без терпимости не может быть ни свободы, ни демократии. Вот что говорил недавно известный французский социолог Морис Дюверже:

"Свобода — это прежде всего свобода для других. Свобода — в опасности, когда кто-либо обнаруживает склонность считать свои личные верования единственно допустимой истиной. Следует твердо усвоить, что плюрализм не ограничивается вежливостью к тем, кто неправ, со стороны тех, кто прав. Распределение правды и истины между людьми — таково само существо и правды, и истины. Не все мнения равноценны, не все заслуживают нашей одинаковой поддержки; но ни одна партия не располагает монополией на истину. Каждый должен помнить, что правда, исповедуемая другим человеком, какой бы ограниченной она ни казалась, необходима каждому. Плюрализм есть понимание природы истины, которая сама — множественна. Заблуждение — это не противоположность истине; заблуждение возникает тогда, когда забывается или замалчивается существование и противоположной истины. Этика демократии выражается изречением Паскаля: "Высказав истину, следует в заключение добавить, что и противоположная истина не забыта".

Практическая трудность демократического, "западнического" направления заключается в том, что ему приходится вести дискуссию с противниками, которым плюрализм в принципе чужд, которые видят в нем лишь зло и соблазн. Им непонятно, как это другие могут мыслить иначе, чем они сами. В инакомыслии они склонны подозревать какой-то подвох, какой-нибудь корыстный и непременно неправедный интерес: то ли происки КГБ, то ли приспособленчество к западному общественному мнению, то ли некие заведомо предосудительные, а потому преднамеренно скрываемые действительные взгляды и симпатии. Не аргументация в открытом споре, а различного рода силовые приемы им предпочтительнее: личные оговоры, замалчивание, цензура.

Но нам, — я имею в виду, демократам, — следует с самого начала признать, что тут мы имеем дело не просто с неуживчивыми характерами, а с тенденцией, которая столь же глубоко укоренена в структуре ценностей того общества, из которого мы все вышли, как и наша собственная. В конце концов, мы имеем дело с политической традицией, очень далекой от Magna Carta; с государством, в истории которого первая конституция оказалась советской конституцией. И наши идеалы будут отдавать маниловщиной до тех пор, пока мы не научимся принимать всерьез эти обстоятельства.

Допустим, демократический опыт Запада для нас — маяк; допустим, известная степень либерализации, как нам представляется, совершенно необходима, чтобы вылезти из того тупика, в который загнало само себя наше отечество. Но наша работа не будет успешна, если мы не сумеем посчитаться с наличием и противоположной тенденции. Надо не только полемизировать с ней, но и выявить в ходе анализа и полемики стоящие за ее спиной реальные ценности. Надо отдать дань уважения нашим идейным противникам, надо суметь посчитаться с ними как с реальной общественной силой. Только так можно обеспечить желаемый нами переход от нетерпимости идейного монизма — не к другой форме нетерпимости, а к действительному плюрализму.

И, как первый шаг, нам нужно добиться, чтобы осознано и признано было в общественном мнении, что существует — не одно, а, по крайней мере, два направления, две тенденции, две системы ценностей. Это уже будет искомый плюрализм. Чтобы добиться этого, надо последовательно переводить уже начавшиеся споры из негативного в позитивный план. Если дискуссия ограничивается обсуждением того, *против чего* мы выступаем, непрепенно получится вселенская смазь. Разногласия тотчас же выявятся, если мы зададимся вопросом о том, *за что* мы и, главное, какими конкретными путями хотим этого добиваться.

Задача вовсе не в том, чтобы — по-ленински, — "размежеваться". Все дело в том, что только после твердой фиксации уже наметившихся направлений и настроений станет возможно совместное действие не посредством затыкания рта одной из сторон, а на почве уже утвержденного плюрализма.

В действительности между нами есть не только разногласия, есть и общее. Самые, казалось бы, непримиримые писатели-авторитаристы нашей эмиграции, пока находились в СССР, добивались для себя свободы самовыражения, ссылаясь на фундаментальные права человека. Независимые националисты-православные влились в общедемократическое правозащитное движение, образовав "Комитет защиты православно верующих". Нам, демократам, вполне по пути и с теми из русских националистов, которые последовательно

придерживаются демократического принципа самоопределения наций советской империи. С другой стороны, относясь со всей серьезностью к нашим идейным противникам, отдавая им должное как общественной силе, мы, демократы, смогли бы наметить более конкретные переходы от нынс господствующего в нашей стране идейного монизма — к плюрализму, к свободе.

Демократическая политика зиждется на компромиссах. Нам пока что предстоит сформировать базу, на которой такие компромиссы станут возможны.

В этом, как я ее понимаю,— дальняя цель "Трибуны". ■

МИР и ВОЙНА

Максудов

ПАЦИФИСТЫ ЗА МИР

Движение за мир в наши дни увеличивает угрозу войны и может привести к потере свободы народами Европы.

Этот тезис является главным в книге Владимира Буковского "Пацифисты против мира". Разделяет его и автор рецензии "Актуальная книга" Борис Вайль ("Трибуна" № 3). Так думают, вероятно, многие советские эмигранты. С серьезными оговорками к этому высказыванию хочу присоединиться и я. Возражения вызывают освещение Буковским истории пацифизма, характеристика борцов за мир и мотивов их поведения.

Пацифизм — это могучее благородное движение. Он стал реальной силой в годы Первой мировой войны, которая велась правительствами европейских держав вопреки интересам собственных народов. Ни одна нация не выиграла в результате этой бойни, но миллионы убитых свидетельствовали о ее бессмысленной жестокости.

Из-за чего воевали? Ради чего 15 миллионов были убиты и 50 миллионов ранены и покалечены?

Война показала, что ответы, даваемые правительствами, не устраивают народы. Не случайно в результате войны были сброшены династии и разрушены империи: России, Германии Австро-Венгрии, Турции. Пацифизм был естественной реакцией населения, выступившего против безумия государственных руководителей.

Большевики воспользовались стремлением народов к миру и под лозунгом полного прекращения войны пришли к власти. При этом их пацифизм был весьма ограниченным. Главной целью считалось "превращение войны империалистической в войну гражданскую". Однако стремление к прекращению войны было несомненно положительным явлением. Уже через несколько лет после Октября большинство политических деятелей России времен первой мировой войны признали, что лозунг "Война до победного конца" оказался роковой ошибкой, погубившей страну. Вина большевиков не в стремлении к миру, а в развязывании новой, гражданской войны.

Поэтому странной кажется мысль Буковского, что в результате выхода России из боев "мировая война лишь протянулась на год дольше, обрекая на смерть новые тысячи людей на Западном фронте". А, может быть, все-таки обрекали людей на смерть правительства и генералы, бросавшие их в бой? Или цели той кровавой войны кажутся сейчас заслуживающими таких жертв?

Были ли Эльзас и Лотарингия, африканские колонии, столь необходимы державам Антанты, что ради них следовало убить еще несколько сотен тысяч русских солдат, да вот преступники большевики помешали? И если оправдано убийство почти 2 млн. жителей России в борьбе за проливы и Константинополь, то так ли уж трагична гибель тысяч при захвате Афганистана?

Первая мировая война показала, что интересы народов совсем не всегда совпадают с намерениями правительств и что гражданам необходимо ограничивать территориальные притязания своих государств, осуществляемые за счет их жизней.

В Гражданской войне и во Второй мировой войне пацифизм не играл значительной роли. Буковский сильно преувеличивает влияние борцов за мир на поражение Франции в 1940 году. Конечно, печатались статьи в "Юманите", распространялись листовки, бастовало несколько предприятий. Но все это не могло оказать заметного влияния на военный разгром. Это было поражение генералов, какие нередко случались в истории. Солдаты сдавались в плен не потому, что были сторонниками мира, а столкнувшись с превосходящими силами противника. Кстати, лиц, оппозиционно настроенных к режиму (бывших сторонников социал-демократов и коммунистов) было в немецкой армии значительно больше, чем во французской и английской. А вскоре эта же армия успешно сражалась против "родины мирового пролетариата".

Упрощенно рисует Буковский и современное движение сторонников мира. У него пацифисты "сбор нищих и блатных", которыми вот уже 70 лет манипулируют большевики. Однако, перед "нищими" (надеюсь, что "нищими духом"), "лицемерами", "безмозглыми интеллигентами", "врожденными идиотами" бессмысленно метать бисер доказательств. А для "наивных людей" угрожающих предупреждений, что они пляшут под чью-то дудку, недостаточно. Подобные эпитеты не оригинальны. В любом массовом движении не трудно найти "блатных", "лицемеров", "жаждущих популярности", "профессиональных общественников", "молодых людей, бунтующих против чего угодно".

Очевидно, что движение за мир выгодно советскому руководству. Агенты КГБ охотно заплатят деньги тем, кто будет выполнять их указания. Однако объяснять столь примитивными мотивами массовое движение неверно. Тысячи людей тратят силы и время не ради сомнительных подачек или по тупоумию, а исходя из искренних убеждений.

Не так давно мне довелось быть участником довольно поучительной сцены. Сторонники мира собрали огромный митинг в Бостоне. А мы, эмигранты, устроили контрдемонстрацию. Огромная толпа текла на митинг, а несколько десятков их оппонентов стояли на дороге с плакатами, листовками, разъясняющими опасность разоружения. Обмен репликами между этими двумя явно неравнозначными группами был довольно однообразен:

— Агенты КГБ!

— Агенты ЦРУ!

Думаю, что для постороннего наблюдателя на противоположной стороне улицы, второе утверждение выглядело более правдоподобным. Небольшая горстка плохо говорящих по-английски людей вполне соответствовала функции платных исполнителей. Но я-то знал, насколько нелепо такое обвинение.

Демонстранты пришли, потому что хотели привлечь внимание к своим лозунгам, в истинности которых они не сомневались. Они не только не получали денег, но напротив,

скинулись, чтобы напечатать свои листовки.[1] И так же нелепо думать, что десятки тысяч людей, несогласных с ними, обмануты или подкуплены.

Главное в любом массовом движении — убеждения и идеи, а вовсе не деньги, интриги или корысть. Непониманием этого важного обстоятельства огорчает книга Буковского. Беспокойство народов за судьбу человечества вполне оправдано. Попытка оказать давление на собственное правительство для жителей демократической страны также более чем естественно. Беда современного пацифизма не в том, что это давление спровоцировано из Москвы, а в том, что в СССР никакие движения подобного рода невозможны. О нашей неспособности воздействовать на свое правительство, контролировать его должны мы рассказывать западным пацифистам. Информации о положении в СССР в первую очередь не хватает западному обществу, а изучение роли "врожденных идиотов" в движении за мир логичнее предоставить самим пацифистам. Им виднее.

Но не только анализ современного пацифизма кажется неубедительным в книге Буковского. Не слишком правдоподобно его описание взаимоотношений советского народа и его руководителей.

"Агрессивны ли они от испуга? Да, но только напугали их не ваши кучи железок и не ваши неумелые попытки создать оборону. Они смертельно напуганы собственным народом, потому что знают — конец неизбежен. Вот почему нужны им постоянные победы над 'враждебным окружением'."

Сказано красиво, но трудно поверить, что советские вожди действительно осознают неизбежность собственного конца и боятся не крылатых ракет, а собственного народа. Конечно, очень хотелось бы, чтобы это действительно было так, но, увы, действительность не дает нам никаких оснований для подобного оптимизма. И совсем странной кажется мысль, что Советский Союз не угрожает Европе захватом территорий.

"... что произойдет, если Запад односторонне разоружится? Последует ли СССР такому примеру? Определенно нет. Это означало бы быстрый распад советской империи и полное крушение их власти. Означает ли это, что их остальные лавины хлынут на беззащитные страны Запада? Опять же, полагаю, нет. Им не нужна ваша территория, которую было бы трудно удерживать в любом случае. Более того, где будут они приобретать зерно, технологию, товары, кредиты и т.п., если их нежизнеспособная экономическая система будет навязана Западу? Вы нужны им так же, как Китаю нужен Гонконг. Но с этого момента вы постепенно начнете утрачивать свою свободу, оказавшись под постоянным и ничем не сдерживаемым советским шантажом".

Утверждение, что СССР не нужна чужая территория и что советское руководство не будет навязывать Западу свою "нежизнеспособную экономическую систему" вооруженной силой, решительно противоречит истории Советского Союза.

За 65 лет 11 соседних стран были присоединены к СССР целиком, 8 — потеряли часть территории, 7 — находятся под контролем советской армии и КГБ, превращены в послушных сателлитов. Ни разу правители СССР не удержались от завоевания. Им всегда были *нужны* территории и население. Переваривая и то и другое, крепнет империя и хиреют народы. Неспособная к саморазвитию советская система стремится к расширению и никакие торговые контакты не являются для нее альтернативой захватов.

Таким образом, книга Буковского преуменьшает опасность, исходящую от СССР, и, с другой стороны, недооценивает гуманистические корни и историческую обоснованность современного движения за мир.

Но в главном Буковский прав. Одностороннее разоружение Запада, к которому призывают многие пацифисты, не уменьшает, а увеличивает опасность войны.

Участники пацифисткого движения не осознают до конца насколько ассимметрична ситуация, насколько беспомощны и изолированы сторонники мира в СССР. Наш долг с помощью правдивой информации рассеивать это заблуждение.

Книга Буковского заканчивается прекрасным призывом к пацифистам действовать совместно с советским народом, а не с его правительством:

"Существует около 400 миллионов людей на Востоке, у которых украли свободу (с учетом Китая, Индокитая и Кореи почти полтора миллиарда — *М.*) и обрекли на жалкое существование. Так уж получилось, что мир невозможен, пока они остаются в рабстве и только *с ними* (а не с их палачами) должны вы сотрудничать, чтобы обеспечить реальный мир на земле".

Золотые слова. Но важно помнить, что акт сотрудничества не может быть односторонним. И, следовательно, мы, немногочисленные представители порабощенных народов, *"должны сотрудничать"* от их имени не столько с правительствами западных стран, сколько с искренними людьми, всерьез обеспокоенными проблемами мира и свободы. ■

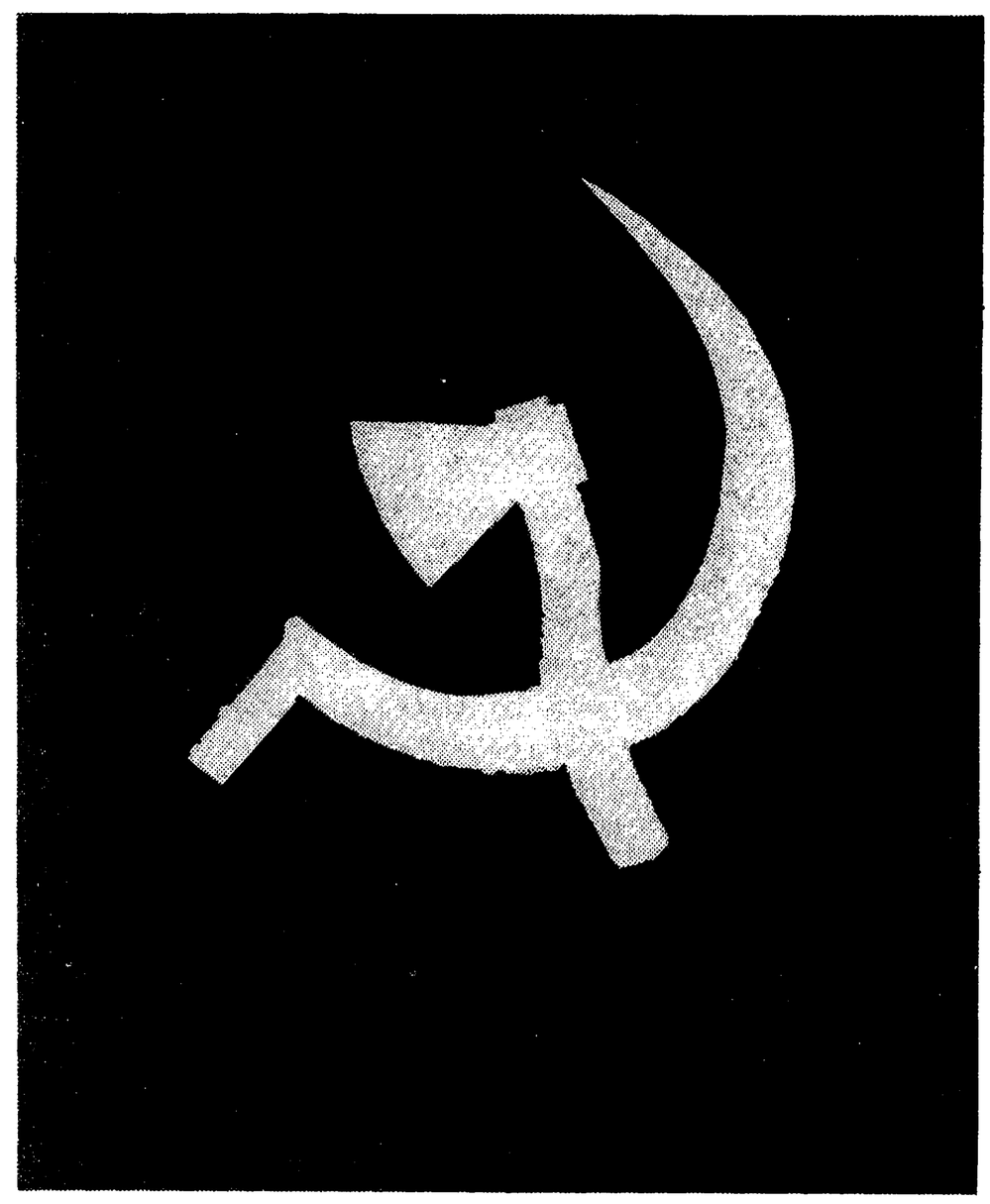


Рисунок В.Бахчаняна

[1] К чести американской прессы следует сказать, что она уделяла освещению нашей микро-контрдемонстрации непропорционально большое внимание; и, если эффект от выступления был не слишком велик, то, вероятно, потому, что мы не сумели убедительно продемонстрировать наши аргументы.

ЗАПАД — ВОСТОК

Дэвид Саттер

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА ОПАСНЕЕ ВОЕННОЙ

Год с лишним назад, возвратившись в Соединенные Штаты из Советского Союза, где прожил шесть лет, я был поражен господствующим здесь представлением, что русские "совершенно такие же, как и мы".

Не проходит дня, чтобы какой-нибудь крупный американский политический деятель не возвещал, что пора урегулировать наши разногласия, "приступить к серьезным деловым переговорам" и "достичь урегулирования".

Логика такова, что если мы сократим наши вооруженные силы, то и Советы поступят подобным же образом; если мы не будем пытаться распространять наше влияние во всем мире, перестанут и они; и что стоит нам увеличить объем торговли, как тотчас же Советы поставят торговые интересы во главу угла.

Опыт жизни и в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах помогает понять не только различие существующих в этих двух странах условий, но разницу в их ментальности. И первостепенным в этом отношении представляется мне тот факт, что Советский Союз — это государство, которое зиждется на идеологии, претендующей, подобно религии, на универсальность.

Советские вожди, как жрецы этой идеологии, считаются непогрешимыми, а основную свою силу советский режим черпает из ментальности советского народа, которая пронизана той же идеологией.

Незадолго перед отъездом из Москвы я встречался с одним из русских националистов, Леонидом Бородиным, который вскоре был арестован КГБ по политическим обвинениям. Бородин сказал мне, что в отличие от американцев, цели которых осуществимы — успешная карьера, приобретение пригородного дома, большого автомобиля, дорогих костюмов и платьев, советский гражданин, не имея доступа к подобным вещам, посвящает жизнь абстракции — победе коммунизма во всем мире, уничтожению эксплуатации человека человеком. Для него существенно, что он сознает себя частицей гигантского исторического процесса, и это чувство сопричастности придает осмысленность его в общем-то беспросветно серому существованию.

Различиями советской и американской ментальности предопределены и фундаментально разные типы политического поведения.

В отличие от американцев, советские люди инстинктивно во всем полагаются на власть. Почти без исключения, они даже не сознают, что лишены полной информации об окружающем мире. Они просто мирятся с этим, как и с невозможностью влиять на капризы погоды.

Советских людей отличает долготерпение. Они воспринимают себя частью исторического процесса и относятся к общественным проблемам как к своим собственным. Если снижается жизненный уровень и им объясняют, что деньги необходимы на оборону, не возникает споров, что важнее — пушки или масло. Приличная еда — роскошь. Все понимают, что новый самолет — нужнее.

Для американца почти непостижима готовность советских граждан подчинять все стороны своей жизни служению идее. Прожив несколько лет в Советском Союзе, я склоняюсь к мысли, что Соединенные Штаты никогда не умели понять природу коммунизма — ни тогда, когда пытались разнести его в клочья во Вьетнаме, ни когда пробовали откупиться от него зерном и технологией в период детанта.

Мы упорно отказывались уяснить себе то, что любой советский гражданин воспринимает как нечто само собой разумеющееся, а именно: могущество Советского Союза определяется главным образом не военной силой и политическими средствами, с помощью которых создавались империи прошлого, а торжеством идеи и жаждой людей найти всеобъемлющую систему, которая придала бы смысл их существованию.

Многим в Соединенных Штатах идеологическая притягательность коммунизма просто смешна. И они поэтому думают, что единственный источник советского могущества — в военной силе. Нет ничего ошибочнее.

При всей внешней абсурдности коммунистической идеологии, она предлагает своим приверженцам стройную концепцию истории и наполняет смыслом жизнь скромнейшего из граждан, удовлетворяя, — пусть и мнимо, — насущную духовную потребность.

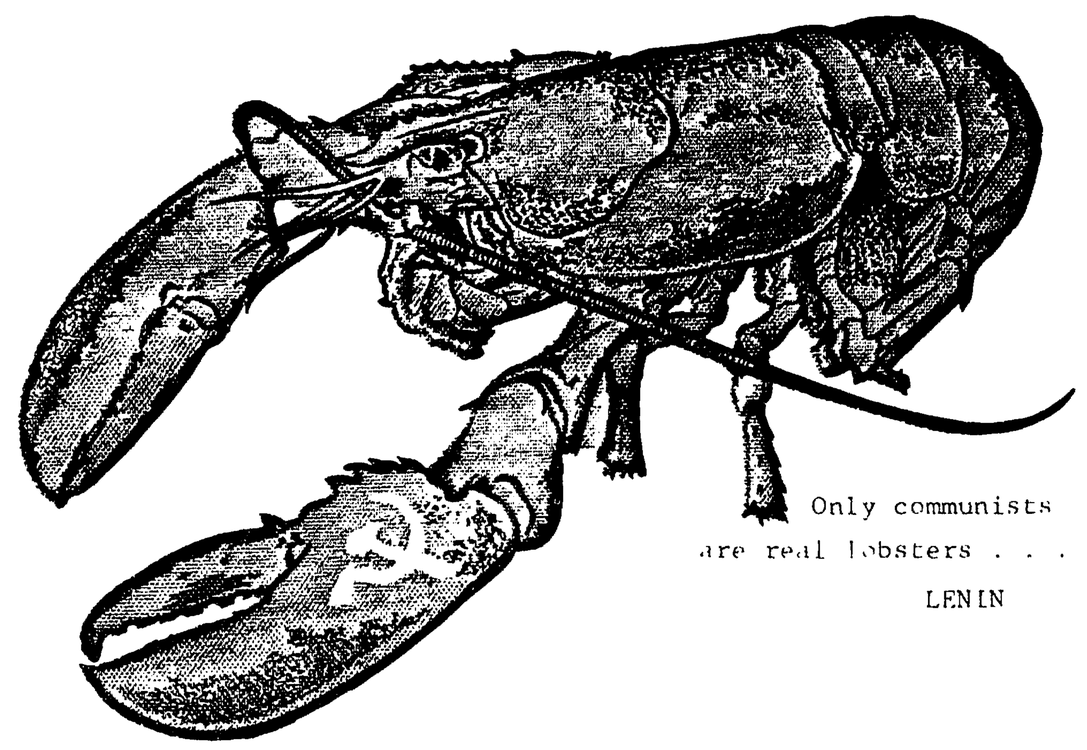


Рисунок В.Урбана

По сути дела, вовсе не кажущаяся военная или экономическая слабость Соединенных Штатов, а наша неспособность оценить первостепенное значение идеологии привела к тому, что теперь Советский Союз готов распространять свое влияние на обширных территориях развитых и слаборазвитых стран.

В век безверия коммунизм стал могущественной антиверой, которая опрокидывает наши привычные представления. Его нельзя победить оружием, как невозможно побудить его приверженцев с помощью подачек от него отказаться. Одолеть его можно только одним способом: противопоставив ему более действенную идеологию.

Несмотря на давнюю нашу идеологическую пассивность, советский тоталитаризм все-таки в высшей степени уязвим. Для подтверждения утопических пророчеств он вынужден создавать реальность. Стремление переделать действительность на практике выродилось в потуги творить, посредством грандиозной системы насилия, миражи, видимости. На глазах ошарашенного мира в Советском Союзе возникали нереальные подобия демократических институтов — профсоюзы, всегда защищающие администрацию; газеты, не содежащие информации; суды, отнюдь не стоящие на страже правосудия; парламент, всегда и во всем поддерживающий правительство.

В прошлые годы, из-за отсутствия надежных данных, нам было трудно разоблачать лживость советской идеологизированной жизни. Но теперь есть уже некоторое число западных людей и 250 тысяч советских эмигрантов, способных сообщить нам точные сведения о всех аспектах советской жизни.

По этой и другим причинам появилась теперь, наконец,

возможность, — с запозданием на 65 лет, — развернуть идеологическое контрнаступление, которое содержит наиболее обоснованную надежду остановить коммунизм без войны.

Единственное условие, — если Соединенные Штаты действительно намерены вступить в борьбу за сознание людей во всех странах и на всех континентах, в том числе и в Советском Союзе, — заключается в том, чтобы мы сами отчетливо поняли не только то, против чего, но и за что мы выступаем. Как бы ни относиться к коммунизму, мы обязаны признать, что он пытается ответить на главные вопросы о сущности истории и природе ценностей, — на вопросы, волновавшие человечество с незапамятных времен. Необходимо, чтобы и мы предложили соответствующие ответы.

Если наше идеологическое контрнаступление будет сведено к попыткам возбудить такой же экстаз по отношению к частному предпринимательству, какой коммунисты умеют внушать к социализму, мы станем посмешищем. Капитализм сам нуждается в ценностях, которые бы его ограничивали и направляли. Он — не источник этих ценностей. Но если мы, американцы, сумеем показать миру различие между всеобщими ценностями, которые несет с собою иудейско-христианская традиция, и "классовыми ценностями" марксизма-ленинизма, всемирно-историческая роль Соединенных Штатов будет всеми признана органической и почетной, какова она и есть на деле.

Отсюда несколько практических выводов:

— Во всех своих действиях Соединенные Штаты должны ясно давать понять, что у них есть принципы и что они готовы ради этих принципов идти на жертвы. Если мы объявляем эмбарго на поставки зерна Советскому Союзу за совершенную им агрессию, мы не должны ни под каким видом это эмбарго отменять, не считаясь при этом с соображениями экономической выгоды.

— Если мы защищаем права человека, то обязаны отстаивать эти права и в дружественных нам, и в коммунистических странах.

— Мы должны не переставать настаивать, что слова — не пустой звук. Советская подпись под всеми международными соглашениями о правах человека должна быть аннулирована. А если она все-таки там остается, мы обязаны снять нашу собственную.

— Мы должны называть вещи своими именами. Советские действия в Афганистане надо называть не "вмешательством", а "оккупацией". Надо прекратить приемы советских "журналистов" как журналистов, а советских "парламентариев" — как парламентариев.

— Все американские должностные лица могут и обязаны узнать об особенностях советской жизни, чтобы свободно и со знанием предмета говорить о советских "правдистах", о советском двоемыслии, об условиях содержания в психушках, о хищениях со складов, из железнодорожных составов и мясокомбинатов.

— И, наконец, мы должны использовать трибуну Организации Объединенных Наций, чтобы развернуть прямую дискуссию по фундаментальным философским проблемам нашего времени.

Нам, американцам, людям XX века, психологически трудно рассуждать в политике о сущности бытия, о призвании человека и тому подобном, но молчание наше в мире, насыщенном идеологией, может стать началом нашего конца. От нашей способности принять вызов, который брошен коммунизмом иудейско-христианским ценностям, зависит объединение американцев при принятии трудных решений, необходимых, чтобы сдержать советский экспансионизм. Лишь подняв брошенную нам перчатку, сможем мы убедить жаждущие перемен народы Третьего мира в том, что есть реальная альтернатива коммунистической системе ценностей. Наша идеологическая последовательность, сама по себе, окажется мощным психологическим противоядием против советских соблазнов.

Вымышленным ценностям иллюзорной действительности не устоять против истинных ценностей и реальных фактов. Не умея себя ограничить и хоть в чем-то сдержаться, советская власть непрерывно силится вынудить нас принять ее идеологические вымыслы за бесспорную правду. Последовательно относясь к советской действительности как плоду больного воображения, мы вынудим Советы посчитаться с тем, что они выведены на чистую воду.

"Уолл-Стрит Джорнэл", 23 мая 1983 г.
Перевод О. Туманова

Дэйвид Саттер был московским корреспондентом газеты "Файшаншиэл Таймс". Сейчас — сотрудник иностранного отдела "Уолл-Стрит Джорнэл".

Павел Литвинов

"КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ"

Я ехал в машине с женщиной-американкой, только что вернувшейся после двухлетнего пребывания в Москве. "Я чувствую себя очень странно, — сказала она, — своего рода культурный шок". Я ее не сразу понял. Мы ехали типичными нью-йоркскими пригородами, маленькими улочками с тенистыми газонами, на которых стояли типичные американские односемейные домики. За годы жизни в Америке я настолько привык к этому пейзажу, что уже давно нахожу его скучным и однообразным. Но после Москвы все эти улочки и домики выглядели, очевидно, ярко и разнообразно. Все они построены по типовым проектам, но этих проектов все же десятки, а то и сотни. Человек покупает участок земли, приглашает подрядчика, тот ему показывает сотню проектов, он выбирает из них один, а то и зовет другого подрядчика, смотрит другие проекты, да еще и предлагает изменения. Да и красить у него выбор из многих цветов. Вот и получается разнообразие, несмотря на типовое строительство. И оно поражает человека, только что приехавшего из Союза.

Разумеется, такого рода культурные шоки проходят сами по себе. Человек не может жить каждую секунду помня и сравнивая. К новому он привыкает, старое забывает. Куда трудней с психологическими привычками, с устоявшимися представлениями.

Где-то в конце мая — начале июня Институт по изучению политики, — частный мозговой центр в Вашингтоне левого направления, — организовал в Миннеаполисе неофициальную советско-американскую конференцию о ядерном разоружении и советско-американских отношениях. Приглашено было около пятидесяти человек, из которых было двадцать девять советских. Встреча была неофициальной, — по крайней мере, с американской стороны. Как каждый понимает, советская делегация неофициальной не была. Советские выступали как единое целое, выдавая запрограммированные ответы, не сомневаясь в своей правоте, а американцы были — кто во что горазд, готовые выслушать, понять, в чем-то согласиться, о чем-то вежливо промолчать, где-то поспорить. Дискуссии продолжались пять дней, подолгу, каждый день.

Последний день дискуссии был открыт для публики, которая могла на протяжении часа задавать вопросы трем русским и трем американцам, сидевшим в президиуме. Одной из участниц была Пат Дериан, помощник Государственного секретаря (можно сказать — замминистра иностранных дел) в администрации президента Картера. Вот как она описывает, что произошло в тот день:

"... Желающие задать вопрос стояли в очереди перед двумя микрофонами, некоторые из них бывшие советские граждане, и спрашивали чаще всего о разных аспектах состояния прав человека в СССР. Кто-то попросил кого-нибудь из членов советской делегации узнать, что случилось с Галиной Вилчинской, осужденной на три года лагеря за то, что она читала Библию детям в лесу. Спрашивавший не сумел справиться с произношением трудной русской фамилии, и член советской делегации с насмешкой отмахнулся от него: "Сперва научись имя произносить, а потом вопросы задавай".

Женщина из аудитории сказала, что этот форум кажется ей подходящим, чтобы послать обращение к Андропову: "Освободите Сахарова!" Советский делегат повернулся к

→

Пат Дериан и спросил, кто эта женщина. Та пожала плечами. "Вы ее не знаете?" — не мог он поверить. "Эти люди не представляют американский народ, — сказал другой. — И это демократия? — Нет, это ненависть. Демократия должна иметь свои пределы. Нет, это не форум, не организованное мероприятие. Если бы вы все правильно организовали, мы бы говорили по существу поставленных вопросов".

"Ну вот, наконец, это было искреннее чувство, — пишет Пат Дериан, — гнев, раздражение. Мы для них — слабые и непредсказуемые, как сумасшедшие, а они для нас сильные и полностью предсказуемые, как... сумасшедшие".

Даже поездившие по Америке тренированные советские пропагандисты, знающие ее язык и поднахватавшиеся не могут понять причудливых узоров, в которые выливается свободная американская жизнь.

В 1979 году я принимал участие в "Сахаровских слушаниях" в Вашингтоне. В конце слушаний была организована пресс-конференция. Всех выступавших попросили в президиум. Я оказался рядом с недавним эмигрантом Л.И. Начались вопросы. В какой-то момент один из журналистов спросил: "А на какие деньги устроены эти слушания?" Среди сидящих подле меня участников-эмигрантов поднялось возмущение. К счастью, один из организаторов слушания, американец, спокойно ответил, что деньги были пожертвованы американскими профсоюзами и несколькими уважаемыми, хорошо известными частными благотворительными фондами, что журналисты могут ознакомиться с соответствующей документацией. Мой сосед Л.И. продолжал возмущаться: "Да кто это такой? Надо бы выяснить и вывести его на чистую воду! Мы здесь рассказываем о страданиях людей, Сахаров посылает нам приветствие, а такие вопросы служат на пользу только советским".

Задал вопрос журналист из "Вашингтон Пост" Роберт Кайзер, бывший московский корреспондент, автор популярной книги о Советском Союзе, человек, безусловно сочувствующий идеям прав человека. Он задал этот вопрос, ибо знал, что он заинтересует его читателей, что если читатели не найдут ответа в его статье, у них может закрасться сомнение. Читатели понимают, что собрать полсотни людей со всех концов мира, оплатить им проезд и поселить на неделю в вашингтонских гостиницах стоит много денег. Читателю важно знать источник этих денег, от этого может зависеть степень его доверия к нам, к тому, что мы хотим сказать. Это для Америки азбучно, а для нас — совершенно незнакомо. Роберт Кайзер, кстати, написал на следующий день одну из самых серьезных в американской печати статей о "Сахаровских слушаниях".

Л.И., которого я тогда не знал, а позже узнал и даже подружился с ним, об этом эпизоде даже скорей всего сейчас не помнит, но эта его и других возмущенная реакция в чем-то сродни возмущению советских чиновников в Миннеаполисе. Казалось бы, что может быть общего у высокообразованного, честного участника движения за права человека Л.И. с циничным советским прохвостом-чиновником? Тем не менее их возмущение — одной природы. Они одинаково были недовольны, что кто-то может задавать неконтролируемые, неприятные вопросы, что на эти вопросы приходится отвечать. А ведь это необходимый и, добавлю, замечательный и важнейший атрибут западной жизни, который отсутствует в советской жизни, как в официальной, так и в неофициальной ее ипостасях. ■

ПОДЛИННАЯ РОССИЯ

Вице-президент Буш сказал в своей речи в Вене 21 сентября много верного. И мне близки его чувства, когда он говорил о безжалостной границе, которая расколола Германию. Я согласен с ним в том, что страна, лишая собственных граждан фундаментальных человеческих прав, "обрекает себя на невежество, отсталость и бедность". Но именно потому, что я во многом согласен с вице-президентом Бушем, меня особенно тревожит то, о чем он, по-видимому, забыл.

Вице-президент, кажется, склонен смешивать советское государство и русский народ. В единственной своей конкретной ссылке на русскую историю он припомнил русских солдат, которые 120 лет назад выбросили в Варшаве из окна четвертого этажа рояль Шопена. Буш заключил, что Россия совершенно чужда европейской цивилизации и что она "не приняла никакого участия в трех величайших событиях европейской истории — в Возрождении, Реформации и Просвещении".

Если Буш подразумевал, что Россия не знала опыта, сравнимого с XVII и XVIII столетиями в Европе, он заблуждался. Русское Просвещение этого времени — бесспорный исторический факт. В оде, написанной в 1790 году, Александр Радищев, один из поэтов русского Просвещения, приветствовал Джорджа Вашингтона как героя свободы.

Ни жестокости царских солдат, ни сталинские времена, ни те офицеры, которые направили смертоносные ракеты против гражданского самолета над островом Сахалином, не представляют русский народ, породивший так много великих писателей, мыслителей и художников. Точно также нацистские уголовники не представляют немцев и австрийцев, а генералы и летчики, на которых лежит вина за бессмысленные кровавые бомбежки Дрездена в марте 1945 года, — американский и британский народы.

Даже сегодня, хотя г-н Буш забыл об этом упомянуть, представители подлинной России все еще борются за идеалы, которые стремился защитить в своей речи сам вице-президент. Андрей Сахаров, который отбывает четвертый год своей мучительной ссылки; физик Юрий Орлов и украинский поэт Микола Руденко, основатели Хельсинкских групп в Москве и Киеве, которые находятся в тюрьме с 1977 года, — вот истинные представители своих народов. Они и тысячи других русских, украинцев, евреев и людей других национальностей Советского Союза отстаивают права человека, религиозные и национальные свободы. Обыкновенные люди, не диссиденты — миллионы примыкают к этим героям в скрытом сопротивлении государственной власти.

Г-н Буш с надеждой говорил в своей речи о положительном влиянии Румынии и Венгрии. Но, по крайней мере, не менее важны и эти люди, которые, наперекор жестоким репрессиям, борются против советского тоталитаризма в границах самого СССР. Их судьба поистине должна стать краеугольным камнем политических отношений между Востоком и Западом. Никто на Западе не может быть уверен в собственной безопасности, а обязательства, которые берет на себя советское правительство, не заслуживают доверия, пока этих людей преследуют, пока они сидят в тюрьмах.

Лев Копелев
Кельн, Западная Германия

"Вашингтон Пост",
30 сентября 1983

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кронид Любарский

ДЕЛО ЛУКЬЯНОВА

Калмык Ермак Лукьянов (родился 1 мая 1914 г.), по профессии агроном, во время Отечественной войны попал в плен, по-видимому, в чине капитана. Что произошло с ним далее — не вполне ясно. По одним данным, он находился в лагере для военнопленных, по другим — служил в составе организованного немцами Калмыцкого легиона. По-видимому, последнее вернее.

Калмыцкий легион отличался особой жестокостью в подавлении партизанского движения на Украине: совсем незадолго до этого укомплектованные украинцами воинские части советская власть использовала для ликвидации Калмыцкой АССР и поголовного выселения калмыков, так что семена вражды были глубоко посеяны специалистом по "национальному вопросу".

Мы, однако, ничего не знаем о том, в чем именно выразилось участие Е. Лукьянова в действиях легиона (если, конечно, он вообще в нем состоял). Достоверно известно лишь, что в 1946 г. Е. Лукьянов с женой приехал из Югославии в Бельгию, где стал работать на угольной шахте. У них родилось 9 детей. В 1966 г. Е. Лукьянов получил бельгийское гражданство.

Получив гражданство, Е. Лукьянов решил посетить СССР — тоска по родине мучила его долгие годы. В 1967 г. он съездил в СССР и вернулся. На следующий год он решил поездку повторить и на этот раз взял с собою сына Батыра. 4 сентября 1968 г. при выезде из СССР Лукьянова арестовали на границе. Сына отправили дальше, в Бельгию, а отцу предъявили обвинение в "измене Родине". Далее началось странное.

Почти сразу после ареста психиатрическая экспертиза признала Е. Лукьянова невменяемым и суд направил его на принудительное лечение в Днепропетровскую спецпсихбольницу. Через несколько лет его перевели в другую спецпсихбольницу — в Казань. Все это время Е. Лукьянова интенсивно "лечили" и следы этого лечения хорошо заметны в его письмах семье: письма (на французском языке), написанные прекрасным каллиграфическим почерком, спокойные отцовские письма, сменяются трудноразборчивыми каракулями, бегущими вниз строками, дрожащими линиями, сбивчивостью мысли. Затем — опять возврат к прежней ясности (видимо, кончался очередной курс инъекций).

Летом 1982 г. семья Е. Лукьянова, долго ждавшая проявления "доброй воли" советских властей, решила нарушить молчание. Появились публикации в прессе, был сделан запрос в бельгийском парламенте. Реакция советских властей оказалась на удивление быстрой.

7 сентября 1982 г. суд в Днепропетрвоске принял решение о прекращении лечения Е. Лукьянова и о возобновлении следствия по его делу. 1 мая 1983 г. дело Е. Лукьянова было передано в военную прокуратуру. Е. Лукьянов был переведен в столицу Калмыкии (ныне восстановленной) — в г. Элисту. 8 июня 1983 г. военный трибунал в г. Элисте приговорил его к расстрелу. 26 июня об этом информировали его семью.

Мы не знаем, жив ли еще Е. Лукьянов. По некоторым косвенным признакам можно судить, что приговор еще не приведен в исполнение. Мощная международная реакция на приговор пока успеха не имела: СССР ответил отказом на требование бельгийского правительства о выдаче Е. Лукьянова Бельгии.

Мы не можем судить о степени виновности Е. Лукьянова. Говорят, что его дело насчитывает 45 томов, но суд над ним был закрытым. (Трудно представить себе, что дело даже такого военного преступника, как Клаус Барби, будет рассматривать во Франции закрытый суд.) Но допустим самое худшее: что Е. Лукьянов действительно виновен.

В этом случае хотелось бы задать советским властям следующие вопросы:

1. Что было сделано с Е. Лукьяновым такого, что этот, до поездки в СССР совершенно нормальный человек, сразу после ареста оказался сумасшедшим?

2. Как получилось, что Е. Лукьянов выздоровел как раз тогда, когда на Западе внимание общественного мнения оказалось привлеченным к его судьбе?

3. Кажется, в средневековом Китае (или в Иране?) существовало такое показание: отсроченная смертная казнь — 20 лет тюрьмы, после чего приговоренного ждала смертная казнь. Сейчас, в XX веке, на тот же путь ступило "первое в мире государство рабочих и крестьян". Не являются ли, при любой вине, достаточным наказанием уже отбытые 15 лет психиатрической тюрьмы?

4. Франция в 1981 г. отменила (в числе последних) смертную казнь, так что даже "лионскому мяснику" Клаусу Барби смерть уже не грозит. Безнравственность смертной казни признана почти всеми цивилизованными нациями. Не желает ли войти в число цивилизованных наций и Советский Союз?

5. Какое именно наказание понесли лица, ответственные за геноцид калмыцкого народа, осуществленный в сталинское время? Сколько именно томов насчитывают *их* дела? ■

САМИЗДАТ

Лина Туманова

ОТКРЫТОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ СТЕПАНА ЕВСТАХИЕВИЧА САПЕЛЯКА

Степан Сапеляк, которому посвящено письмо Лины Тумановой, — член молодежной украинской националистической организации, раскрытой в 1973 г. в г. Чортков Тернопольской обл. Украины. Тогда вместе с ним были арестованы также П. Винничук, А. Кравец, братья В. и Н. Мариусы, В. Синькив, Н. Слободян. Сейчас в ссылке в Тюменской обл. продолжает оставаться только Владимир Мариус.

Лина Туманова в последние годы активно участвует в правозащитном движении. Особенно много внимания она уделяет судьбам украинских политзаключенных. Известны ее выступления по делам арестованных украинцев В. Овсиенко, Д. Мазура и др.

Публикуемое заявление Л. Тумановой интересно не только тем, что сказано в нем о судьбе известного украинского политзаключенного и поэта, но и теми серьезными нравственными проблемами, которые в нем подымаются.

Написано письмо в конце 1982 г.

Степан Сапеляк (1952 г.р.) в 1973 г. был арестован органами КГБ, судим и приговорен по ст. 70 ч. 1 и ст. 72 ч. 1 ("Антисоветская организация") к пяти годам лагерей строгого режима с последующей ссылкой на Дальний Восток.

Ссылку Сапеляк провел в селе Богородском Хабаровского края Ульчского р-на в ужасных условиях: КГБ сгонял Степана с одного жилья за другим и оставил в покое только тогда, когда он снял полуразрушенную баню, которая в пятидесятиградусные морозы отапливалась железной печуркой.

В 1981 г. после окончания срока ссылки Степан Сапеляк вернулся на родину к матери (УССР, Тернопольская обл., Чортковский р-н, село Росохач). Однако после нескольких вызовов в КГБ г. Чорткова он понял, что прописаться на Украине он сможет только в том случае, если согласится на предложение КГБ написать покаяние, осудив публично свои демократические убеждения и деятельность. Степан на это не пошел, и начались его скитания по стране в поисках прописки и работы. Он мог получить то и другое в Ленинградской области, Тосненский р-н, п. Никольское, но на тех же условиях публичного покаяния, предложенных ему зам. начальника оперативного отдела Ленинградского КГБ. Степан снова отказался и уехал в Комсомольск-на-Амуре в "добровольную ссылку", надеясь, по-видимому, там укрыться от российских пашей, "от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей".

В Комсомольске-на-Амуре Степан Сапеляк, один из серьезнейших современных поэтов Украины, переводы которого публикуются в ведущих литературных журналах ФРГ (перевод Генриха Хаусмана), человек, упорно работающий над собой и ищущий новых путей в украинской поэзии, работал электромонтером — профессия, приобретенная им в заключении в лагере. Но и скромность жизненных притязаний, и неброская профессия не спасли Сапеляка. В апреле 1982 г. он подал документы на выезд из СССР к своей тете в Канаду, после чего под усиленным нажимом КГБ потерял прописку и тем самым лишился автоматически вызова и документов на выезд. Он вынужден был уехать из Комсомольска и сейчас вновь скитается по стране и ищет возможности прописаться и работать. У него есть некоторая надежда обосноваться в Восточной Украине, но все это опять-таки зависит от намерений и целей КГБ.

Поведение КГБ по отношению к Сапеляку составляет, по-видимому, часть планомерной тактики КГБ по отношению к бывшим политзаключенным, которым КГБ уже ничего не может инкриминировать, но хочет использовать в своих целях. Оказывая на них давление в виде постоянной угрозы потерять пристанище и работу, вновь очутиться за колючей проволокой, КГБ создает для этих людей такой психологический климат, при котором их можно толкнуть на отречение от своих убеждений, на публичное покаяние, даже на донос, а наиболее честных и стойких — на самоубийство.

По сути дела, для человека, вышедшего из лагеря и отбывшего ссылку, преследования не кончаются, а приобретают новую форму, форму тем более невыносимую, что бывший политзэк начинает ощущать среди нищих, но благополучных советских граждан свою социальную отчужденность, свое (в основном навязанное ему КГБ и официальной пропагандой) аутсайдерство, от которого нельзя скрыться даже в самом Богом забытом уголке страны, ибо и он прослушивается и просматривается теми же "всеслышащими ушами" и "всевидящими очами".

Казалось бы, для властей и КГБ невыгодно своими руками создавать все новых аутсайдеров, однако здесь, по-видимому, действует автоматизм тоталитарно-государственного мышления: если на десяток выкинутых из жизни, но непокорившихся людей попадаются один-два слабых человека, таких, например, как Болонкин, чье человеческое достоинство КГБ сумел сломить в результате многочисленных душевных пыток и физических страданий, власти и КГБ чувствуют себя удовлетворенными, а свою социальную миссию выполненной. Казалось бы, какой практический смысл заключается в том, чтобы гонять человека по стране, человека, которому нечего уже вменить в вину. Однако, пока этот человек не покаялся, не растоптал себя и свое достоинство, КГБ не утрачивает к нему интереса, пристально следит за ним, создает для него невыносимые житейские ситуации, выжидая своего часа, часа Болонкиных и Козловских.

Для КГБ человеческое падение Болонкина, Козловского и других, конечно, победа определенного типа. Но это пирова победа, она достигнута благодаря невыносимому беззастенчивому и бессовестному давлению на человека, в результате которого рушатся моральные устои населения стра-

ИНТЕРВЬЮ

ГЕНЕРАЛ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ И ГЕНЕРАЛ ПИНОЧЕТ

Журнал Международной Конфедерации Свободных Профсоюзов опубликовал интервью с двумя профсоюзными деятелями — бывшим председателем Координационного комитета профсоюзов Чили Мануэлем Бустосом и бывшим председателем комитета профсоюза "Солидарность" польской Академии наук Ежи Милевским. Преследования генералов Пиночета и Ярузельского вынудили их к эмиграции. Решением подпольного комитета "Солидарности" Ежи Милевский уполномочен представлять "Солидарность" за границей.

Ниже приводится текст интервью с сокращениями.

Материал подготовлен Вадимом Белоцерковским.

ВОПРОС: Находите ли вы что-то общее в положении независимых профсоюзов Польши и Чили?

МИЛЕВСКИЙ: И польские, и чилийские рабочие борются за фундаментальные права человека и, в частности, за уважение властями прав профсоюзов. Защита этих прав — такова общая платформа для сотрудничества чилийских и польских независимых профсоюзов.

БУСТОС: Как видите, есть сходство и в положении профсоюзов Чили и Польши, и в целях их борьбы. Мы, чилийцы, не верим, что при каком бы то ни было диктаторском режиме у народа может быть политическая свобода, — в том числе и свобода деятельности профсоюзов.

ВОПРОС: А есть ли сходство в конкретных практических установках профсоюзов Чили и Польши?

МИЛЕВСКИЙ: "Солидарность" — это профсоюз, но также и массовое народное движение. Такое определение было принято на Первом общепольском съезде "Солидарности". "Солидарность" добивается как признания властями прав профсоюзов, так и уважения со стороны властей прав человека и демократических прав общества. Я думаю, что в Чили положение сходное. Хотя там и другая социальная система, но и там все важные для жизни народа решения принимаются наверху, без участия народа и вопреки его интересам.

БУСТОС: Когда я находился в тюрьме, возглавляемые Лехом Валесой польские рабочие выразили свою солидарность с нами, — в том числе и с лидерами коммунистических профсоюзов Чили, которые подвергаются преследованиям. Польская "Солидарность", как и наши чилийские профсоюзы, отвергают насилие. Мы вместе считаем, что забастовки — это законная форма защиты интересов рабочих. Мы, как и поляки, требуем демократизации общества. Мой народ понимает, что жизнь в условиях диктаторского режима — это бедствие. Мы не доверяем ни капиталистическому диктаторскому режиму, ни авторитарным режимам любого иного типа. Мы уверены, что самое лучшее — это когда правительство избирается народом, контролируется им, когда народные представители непосредственно участвуют в принятии правительственных решений. Мы стоим за такую структуру власти, которая не имела бы ничего общего ни с марксистской, коммунистической диктатурой, ни с диктатурой капиталистической. Мы, чилийские рабочие, считаем участие народа в управлении своей страной необходимым.

ВОПРОС: Что вы думаете о непосредственном участии рабочих в управлении эконо-

ны, их гражданское самосознание и гражданская самостоятельность. КГБ рубит сук, на котором строится нормальное общество честных, уважающих друг друга, трудоспособных и психически здоровых людей, развращает население. Простая порядочность дается так тяжело и обходится столь дорого, что становится делом необычайной стойкости, мужества, почти героизма. КГБ развращает граждан СССР, целенаправленно убивая в них свободный дух, критическое сознание, чувство человеческого достоинства. КГБ усиливает давление на лиц, оказывающих помощь политзаключенным, и на тех, кто дает информацию о новых арестах, обысках и о положении в лагерях. Все учащаются случаи, когда обысканный или вызванный на допрос человек, даже если у него ничего не нашли или он не имеет ни малейшего отношения к делу, по которому его допрашивают, вместо того, чтобы кричать об имевшем место произволе, скрывает его от окружающих, как будто бы это позорное пятно на его собственной репутации, а не на репутации государства. Боюсь, что вновь близки те времена, когда советский человек не подымет трубки, чтобы позвонить семье арестованного друга, "не вложит в ладонь арестантскую хлеб", начнет опережать друзей и коллег в доносительстве, подозревая их в готовности делать то же самое.

Я прошу тех, кто осознает реальность нависшей угрозы, выступить в защиту страдающих и гонимых, но сохраняющих достоинство и мужество людей, в защиту Степана Сапеляка — бездомного поэта, мечущегося по стране в поисках прописки и работы, в защиту необыкновенно доброго и честного Василя Овсиенко, осужденного еще до отбытия прежнего срока на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки, в защиту мужественного Дмитрия Мазура, осужденного без достаточных улик на 6 лет лагерей и 5 лет ссылки, в защиту арестованного 10 сентября 1982 г. и находящегося сейчас в Лефортово самоотверженного Алексея Смирнова-Костерина, отдававшего все свое время и силы другим людям.

Я хочу напомнить, что, не оказывая противодействия властям в беззаконных действиях, мы приближаем возвращение сталинских времен, когда невозможно сохранение культуры и человеческого достоинства, сохранение человечности и гуманных взаимоотношений между людьми. ■

ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ НАС САМИХ ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ К ОБСУЖДЕНИЮ И СОТРУДНИЧЕСТВУ

микой? Есть ли сходство в общественно-политических системах, которые вы хотели бы установить в ваших странах?

МИЛЕВСКИЙ: Нас часто спрашивают, следует ли считать "Солидарность" антисоциалистической или антикапиталистической организацией. Мы отвечаем, что ни то, ни другое не соответствует нашей позиции. "Солидарность" вообще не выступает с негативными лозунгами и требованиями.

У нас есть конструктивная, позитивная программа. В ней вы можете прочесть требование перехода от государственной собственности на основные средства производства — к коллективной собственности. Наша программа владельцем основных средств производства признает общество, хотя все общество, — то есть, все его граждане, разумеется, не могут непосредственно управлять предприятиями: кто-то должен практически руководить ими от имени и по поручению общества. Но — не правительство! Правительство не имеет права присваивать себе роль владельца народных средств производства. У нас в Польше такое положение длилось сорок лет и мы знаем по опыту, что государство оказывается самым чудовищным эксплуататором, какие только существуют в современном мире.

Руководителем или распорядителем должен быть сам коллектив трудящихся данного предприятия, действующий через органы самоуправления, — то есть, через демократически избранные советы трудящихся предприятий. Эти советы должны, далее, входить в местные и национальные объединения.

Наша программа отвергает также и централизацию планирования народного хозяйства. Мы стремимся к восстановлению свободного рынка, но, с другой стороны, мы также против возвращения предприятий в частные руки. Никто из польских рабочих не намеревается предавать частникам, допустим, Гданьские верфи. Мы лишь хотим восстановить роль денег как реального мерила стоимости товаров, восстановить воздействие свободного рынка на ценообразование и т.д. При этом "Солидарность" не возражает, чтобы кроме коллективных предприятий, — то есть, предприятий, управляемых демократически избранными советами, — существовали также и частные предприятия, и частное земледелие. Напротив, мы требуем, чтобы все хозяйственные уклады пользовались равными правами и регулировались одними и теми же законами.

Как видите, во всем этом есть нечто и от традиционного социализма, и от традиционного капитализма; поэтому лучше не надеять общественный порядок, к которому мы стремимся, ни с тем, ни с другим названием.

В положении, которое сложилось сейчас в Польше и в Чили есть, по-моему, одно существенное различие. Нынешний кризис возник в Польше не по вине наших граждан, он навязан нам внешними силами. Возможно, Чили — более независимое государство, чем Польша. Но какая из этих двух форм авторитарной власти хуже, судить не мне. Обе достаточно скверны.

БУСТОС: Действительно, политически Чили — независимое государство, но его нельзя признать независимым экономически. В Чили сложилась и действует форма экономики, которая навязана нам зарубежным капиталом. Наши национальные предприятия, наши национальные ресурсы управляются международными корпорациями. Границы наши открыты для иностранного капитала, который привлекается в Чили низкой стоимостью труда и, соответственно, высокой прибылью. Именно в этом — причина дискриминации чилийских рабочих. Я считаю, что для нашей национальной независимости могут представлять угрозу также и чрезмерно открытые границы для импорта зарубежных товаров. ■

(Перевод Софьи Варди).

СССР И КОММУНИСТЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ИНТЕРВЬЮ С БОГДАНОМ ДЕНИЧЕМ *

ВОПРОС: В Советском Союзе официальная пропаганда сохраняет впечатление, будто вокруг московского руководства сплочено все международное коммунистическое движение. Читая советские газеты, можно подумать, в частности, что коммунисты Западной Европы неуклонно поддерживают советскую политику — и внешнюю, и внутреннюю. Соответствует ли это действительности?

ОТВЕТ: Единство коммунистического движения было сломлено, по крайней мере, лет двадцать назад. И, в частности, западноевропейские коммунисты находятся сейчас в резком несогласии с Советским Союзом. Это несогласие охватывает огромное количество вопросов. Легче перечислить, в чем они согласны. Как вы, вероятно, знаете, советское руководство наталкивается на непреодолимые препятствия, когда пытается организовать хотя бы международную встречу коммунистов. Большинство компартий, включая сюда и правящую коммунистическую партию Югославии, отвергает любую подобную встречу, если предполагается принять какую-либо общую резолюцию. Западные коммунисты готовы еще на дискуссии с советской стороной, но они не видят никаких оснований для совместных заявлений.

ВОПРОС: Но ведь прежде наблюдалась совсем иная картина! Когда и почему наметилась такая решительная перемена в международном коммунистическом движении?

ОТВЕТ: Этот процесс начался со знаменитой речи Хрущева о преступлениях Сталина, после которой в коммунистических партиях начался разлад. Но решающим поворотным оказалась революция в Венгрии и ее жестокое подавление. Следует особо отметить в этой связи британских и итальянских коммунистов. Они открыто симпатизируют правительству Имре Надя, которое было свергнуто, а затем казнено советскими оккупантами и их венгерскими марионетками. Эти разногласия еще больше обострились во время "Пражской весны". Все коммунистические партии Западной Европы, за исключением двух или трех, поддерживали Дубчека. Они продолжали придерживаться той же позиции и после советской интервенции. Для них разработанные Дубчеком и его окружением проекты реформ представляли "последнюю надежду" на "коммунизм с человеческим лицом", то есть такой коммунизм, который был бы приемлем для их собственных народов.

Когда на историческом горизонте появилась польская "Солидарность", западноевропейские коммунисты даже не колебались. Они решительно стали на сторону "Солидарности" и против советской интервенции.

Впрочем, тут следовало бы внести уточнение. Когда мы сейчас говорим о западноевропейских коммунистах, подразумевается прежде всего итальянская коммунистическая партия. В этой партии состоит около 50% всех западноевропейских коммунистов. Поэтому было бы правильнее говорить: итальянские коммунисты и все остальные.

ВОПРОС: А есть ли все-таки в современной Западной Европе компартии, которые попрежнему во всем поддерживают советскую политику, как они все это делали во времена Коминтерна или Коминформа?

ОТВЕТ: В настоящее время, я бы сказал, есть только две партии, которые располагают заметным числом избирателей своих стран, — португальская и греческая компартии. Можно еще назвать компартии Люксембурга и Кипра. Остальные относятся к СССР либо крайне критически, либо независимо. Правда, некоторые из них, — как, например, французская компартия, — иногда одобряют советскую политику по отдельным вопросам, исходя из собственных внутренних соображений. Французские коммунисты к тому же сейчас входят в правительство, которое контролируется социал-демократами, и резко противостоит советской внешней политике.

ВОПРОС: Но почему же все-таки те же французские коммунисты, как вы только сейчас отметили, продолжают поддерживать политику Советского Союза хотя бы по отдельным вопросам? Насколько помнится, они даже пытались оправдывать разгром независимых рабочих профсоюзов в Польше!

ОТВЕТ: Я думаю, что французские коммунисты меньше склонны критиковать советское общество, поскольку они рассматривают себя прежде всего как национальную партию. Они претендуют на то, чтобы выражать интересы французов как нации. Поэтому, когда советская политика явно затрагивает Францию, они не стесняются выражать свое несогласие. Но именно поэтому они более сдержанны, когда речь идет о проектах советского правительства относительно своего собственного общества. Французские коммунисты считают, что каждая компартия может делать в своей стране, что считает нужным, включая сюда и КПСС. Впрочем, с другой стороны, и французские коммунисты признают только один путь к социализму, — а именно, парламентский путь. И в той мере, в какой они признают лишь демократический, парламентский путь к социализму, они находятся в принципиальном несогласии с КПСС, которая продолжает сохранять в СССР свою диктатуру. Однако, надо признать, что другие коммунистические партии Западной Европы в этом отношении последовательнее, чем французская.

ВОПРОС: А существует ли какая-либо материальная зависимость коммунистов Западной Европы от СССР? Ведь если такая зависимость существует, если эти коммунисты поддерживаются советскими деньгами, этим легко объяснить ту осторожность в критике, которую вы отметили у тех же французских коммунистов.

ОТВЕТ: Они, конечно, привыкли к советской материальной поддержке. Советский Союз финансирует многие компартии, включая и американскую. Американская компартия получает около миллиона в год. Так было в 60-е годы и, по всей вероятности, продолжается до сегодняшнего дня. Но, если говорить о больших и самых мощных компартиях Западной Европы, то для них советская финансовая поддержка не играет столь уж существенной роли и осуществляется, в основном, косвенно. Во-первых, советские библиотеки закупают огромное количество коммунистической литературы. Во-вторых, производственные кооперативы, которые находятся под контролем компартий, получают льготы в торговле между Востоком и Западом. КПСС пытается оказывать давление на компартии косвенным образом, внося раскол в те партии, руководство которых особенно резко в критике советской политики. Такая попытка была предпринята в отношении испанской компартии, но оказалась безуспешной.

ВОПРОС: Иногда можно встретиться с таким мнением, что критическое отношение к Советскому Союзу более характерно для некоторых коммунистических лидеров в Западной Европе и гораздо меньше — для рядовых членов партии и простых рабочих. Верно ли это?

ОТВЕТ: Не думаю, что это верно. Точнее, я знаю, что это неверно, — по крайней мере, относительно Италии. Когда на национализированных заводах Фиат было проведено обследование политических мнений рабочих, то оказалось, что только 8% из них думают, что можно извлечь хоть что-то положительное из советской модели построения социализма. Около 10% считает, что советскую модель можно признать прогрессивной для специфических условий советского общества, но ни в коем случае ее нельзя считать образцом и примером. Это — очень мало! Тем более, что остальные вообще не признают советское общество за социалистическое. И легко понять причины: более молодые рабочие пришли в итальянскую компартию в то время, когда сталинские преступления сделались общеизвестны. После событий в Чехословакии 1968 года уже ни для кого не секрет, что Советский Союз — вовсе не "крепость социализма", окруженная империалистами, а, скорее, — одна из сверхдержав, которая готова использовать социалистические лозунги для воздействия на другие страны, но не желает считаться с ними в своей стране. Западноевропейским коммунистам было бы чрезвычайно трудно отстаивать, например, профсоюзные права рабочих в своих странах и в то же время одобрять грубые нарушения тех же самых прав и в Советском Союзе, и в подвластных ему государствах Восточной Европы.

ВОПРОС: Но, может быть, западно-европейские коммунисты так резко критикуют сейчас советскую политику из чисто прагматических соображений, — чтобы от нее отмежеваться, чтобы не утратить популярности в своих собственных странах? Что вы можете сказать о западно-европейских коммунистах с точки зрения их внутреннего положения в странах Западной Европы?

ОТВЕТ: Главная перемена произошла, вероятно, еще в 50-е годы. Революционная ситуация окончательно миновала и стало ясно, что рабочие больше и слышать не хотят о насильственном захвате власти. Логикой развития событий коммунисты были приведены к необходимости признать, что нет никаких существенных различий в понимании путей построения социализма между ними и социал-демократами. Они продолжают критиковать социал-демократов за то, что они недостаточно радикальны и последовательны, но путь, который предлагают теперь коммунисты, в принципе — тот же самый. Это — парламентский путь. Коммунисты больше и не упоминают о том, что захват государственной власти должен предшествовать социалистическому переустройству общества. Правда, с дру-

гой стороны, высказываемая современными западно-европейскими коммунистами приверженность парламентским методам поставила их в довольно-таки затруднительное положение. Они фактически отступили во всех принципиальных пунктах своей доктрины и им становится все труднее объяснять, чем может быть оправдано параллельное существование двух рабочих партий. И настоящий ответ заключается, конечно, в том, что таких причин больше нет. А есть партийная бюрократия, которая завоевала себе определенное политическое положение, а теперь не хочет его терять, не хочет самораспуститься. Таково положение, например, во Франции. Исключение составляет только итальянская компартия. Италия — единственная страна в Западной Европе, где социал-демократы слабы и где коммунисты как бы подменили собою социал-демократию.

ВОПРОС: Можете ли вы привести какие-нибудь конкретные примеры того, что именно говорят сейчас западно-европейские коммунисты о Советском Союзе?

ОТВЕТ: Берлингуэр, генеральный секретарь итальянской компартии, высказался недавно наиболее радикально на этот счет, подняв вопрос, не исчерпаны ли в Советском Союзе прогрессивные импульсы, вызвавшие октябрьскую революцию? Берлингуэр прямо высказал мысль, что советское общество вообще нельзя считать социалистическим, поскольку рабочие не владеют там средствами производства. Рабочие не могут вдадеть средствами производства, — пусть даже и национализированными, — покуда в их руках не находится государственная власть. И в их руках нет государственной власти, покуда у них нет доступа к свободным выборам, покуда не существует независимых от государства рабочих организаций. Тот факт, что государство владеет средствами производства, по мнению, которое высказал Берлингуэр, еще ничего не говорит о характере данного общества. Оно при этом может вовсе и не быть социалистическим. Это, — я бы сказал, — весьма фундаментальная критика.

Во-вторых, западно-европейские коммунисты думают теперь, что КПСС воплощает интересы советского великодержавного государства, а вовсе не социализма или международного рабочего движения. Например, в советских ядерных ракетах, нацеленных на их города и страны, они не видят ничего, кроме смертельной угрозы всем своим соотечественникам, — в том числе и рабочему классу.

В-третьих, в среде западно-европейских коммунистов существует прочная симпатия к диссидентам в Советском Союзе и странах Восточной Европы, которую они не перестают открыто выражать.

ВОПРОС: А как вы думаете, можно ли воспринимать всю эту критику СССР и КПСС западно-европейскими коммунистами за чистую монету или это — всего лишь тактический прием, продиктованный изменившимися историческими условиями?

ОТВЕТ: И то, и другое. Первоначально бюрократия этих партий оказалась вынуждена отмежевываться от СССР, поскольку его пример стал крайне непопулярен в среде западноевропейских рабочих. Но, с другой стороны, поскольку такая критика развивается уже лет двадцать, в конечном счете, становится не столь уж важно, искренни они или нет. Целое новое поколение западно-европейских коммунистов воспитано на этой критике. Так что для них уже не представляет никакой трудности признать, что опыт Советского Союза не имеет никакого отношения к их собственным проектам.

ВОПРОС: Что вы можете сказать о конкретной политике западно-европейских коммунистов в отношении Советского Союза? Как они относятся, например, к проблемам ядерного разоружения?

ОТВЕТ: Большинство западноевропейских коммунистов, — за исключением, кстати, французских, которые стоят за ядерное вооружение Франции, — выступают как решительные противники ядерного оружия. Они считают, что склонность обеих сверхдержав — и Советского Союза, и Соединенных Штатов — полагаться в решении международных противоречий на свои ядерные арсеналы представляет собою угрозу для существования цивилизации и всего человечества. Западноевропейские коммунисты активно участвуют в современном движении за мир, но это вовсе не означает, что они играют роль просоветских элементов в этом движении. Они — против размещения в Европе и советских ядерных ракет СС-20, как и против размещения американских "Першингов". Мне представляется, что они хотели бы видеть Европу полностью освобожденной и от сил Варшавского военного блока, и от НАТО, — независимую Европу. В этих вопросах яснее всего видно, что западноевропейские коммунисты выступают как национальные, а не просоветские партии. С этим, видимо, покончено.

ВОПРОС: Можно ли считать, что еврокоммунизм все еще жив в Западной Европе?

ОТВЕТ: За исключением Италии, — не как серьезная политическая альтернатива. Живы *еврокоммунисты*, хотя между ними обнаруживается все больше разногласий. Я думаю, что они имеют еще смысл всего лишь как меньшинство в современном рабочем движении Европы. Большинство рабочих идет за социал-демократическими и рабочими партиями. Коммунисты, пытаясь играть роль критического элемента в рабочем движении, могут рассчитывать всего лишь на 10-20% внутри общего левого большинства, но не более того. Они лишились возможности воздействовать на развитие рабочего движения, на его общий курс. А это значит, что в ближайшее десятилетие членство в коммунистических партиях будет решительно сокращаться, а в социал-демократических партиях, — соответственно расти.

ВОПРОС: Следовательно, по вашему мнению, международное коммунистическое движение идет к своему неизбежному концу?

ОТВЕТ: Я думаю, что оно уже пришло к концу. Что конкретно могут иметь в виду, когда в современных условиях говорят о "единстве международного коммунизма"? Единство России и Китая? Его не существует. Единство режимов Восточной Европы с Югославией? Его тоже нет. Единство польских рабочих и польского государства? И его, очевидно, не существует. Когда говорят о единстве коммунистического движения в современных условиях, — если это не просто лозунг, — фактически подразумевают те партии, которые все еще хранят верность Советскому Союзу. Но таких партий явно не большинство, а меньшинство. Единство международного коммунизма — это, на сегодняшний день, КПСС плюс несколько мелких партий в странах Третьего мира.

Интервью провел
и перевел с английского языка —

Борис Шрагин

* Богдан Денич — дриектор программы социологических исследований аспирантского центра Нью-Йоркского городского университета.

СИНТАКСИС

ЖУРНАЛ ПУБЛИЦИСТИКИ
КРИТИКИ
ПОЛЕМИКИ

11

СОДЕРЖАНИЕ — СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ: *Аноним* — Семь вопросов и ответов о русской православной церкви, *Михайло Михайлов* — Безответственность и недомыслие, **ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:** *Борис Хазанов* — Величие советской литературы, *Ирина Белова* — Поколение, утратившее своих прозаиков, *Феликс Светов* — Чистый продукт для товарища, *Елизавета Мнацаканова* — Хлебников: предел и беспредельная музыка слова, *Борис Гройс* — О русской философии, **ДРУГИЕ БЕРЕГА:** *Зиновий Зиник* — Эмиграция как литературный прием, *Виктория Швейцер* — Возвращение домой, **ПЯТЫЙ УГОЛ:** *Анатолий Гладилин* — Опять двадцать пять!, *Ю.Вишневская* — Баллада о растлении Иммануила Канта, **ПОЧТА:** *Ю.Мальцев* — Письмо А.Д.Синявскому.

Цена номера 40 фр. франков.
Подписка в редакции на 4 номера — 150 фр. франков.
Пересылка за счет подписчика.

Адрес редакции: 8, rue Boris Vilde
92260 Fontenay aux Roses
FRANCE

ПОПРАВКА

Во втором номере "Трибуны", на стр.3 в первой колонке, после второй строки по техническим причинам пропущена подпись: *Роберт Таккер.*

Редакция искренне просит извинения за допущенную досадную оплошность у профессора Роберта Таккера, а также у профессора Адама Улама, которому таким образом оказался приписан не его текст.

Редакция

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Л.Косман

ВЕНГЕРСКИЕ РЕФОРМЫ

В начале шестидесятых годов приступил Янош Кадар, первый секретарь венгерской компартии, к осуществлению политики национального примирения под лозунгом "Кто не против нас, тот с нами". Успехи венгерской экономики в значительной мере стали возможны благодаря замедлению роста тяжелой промышленности и нормализации соотношения между спросом и предложением. Венгрия — единственная страна советского блока, в которой фактически нет понятия "товарный дефицит". Автомобили и широкий ассортимент потребительских товаров, в том числе и западного производства, можно без особых очередей и "блата" приобрести в магазинах Будапешта и других городов Венгрии.

Достижения венгерской экономики — непосредственный результат экономической реформы, начатой Кадаром в 1968 г. (реформа известна под названием "Новая экономическая модель" - НЭМ).

Существенные аспекты НЭМ — децентрализация и введение элементов рыночного хозяйства. Партия и правительство вовсе не отказались при этом от руководящей роли при определении основных направлений экономического развития страны. Но это руководство осуществляется не посредством административно-принудительных мер. Вместо этого Кадар и его помощники сумели привести в действие финансово-экономические рычаги, направленные на стимулирование инициативы производителей.

Успешное осуществление НЭМ привело к восстановлению частной собственности на многочисленные мелкие предприятия (гостиницы, авторемонтные мастерские, магазины и т.п.). Именно эта мера венгерского руководства значительно улучшила снабжение потребителя. Впрочем, юридически государственная собственность на эти предприятия сохраняется: новые владельцы арендуют их у государства.

В этом можно видеть одну из причин, почему Кремль готов все-таки терпеть эти, — с его точки зрения, явно "рискованные", — эксперименты.

Что же касается венгерского сельского хозяйства, которое не было затронуто коренными реформами, то и оно за последние 10-15 лет добилось значительных успехов за счет высокой производительности труда. Венгрия занимает одно из первых мест в Европе по производству мясных изделий на душу населения. Каждый венгр может себе позволить 1-2 раза в день есть мясо. Из года в год растет также урожайность зерновых культур.

Янош Кадар, возглавляющий партийное руководство Венгрии уже более 26 лет, — прагматик. Он многократно — словом и делом — доказывал Москве, что во внешней политике Будапешт считает союз с СССР основополагающим. Венгрия участвовала во вторжении в Чехословакию в августе 1968 г. и признала доктрину Брежнева, которая сводится на практике к ограничению суверенитета коммунистических стран советского блока. Но, с другой стороны, Кадару не приходится забывать и о венгерской революции 1956 г., которую ему пришлось подавлять силой. Венгерские реформы можно считать прямой уступкой режима, вынужденного всерьез заботиться об умиротворении своего народа и удовлетворении его потребностей.

Кадару удалось значительно улучшить отношения с Западом, в том числе и с Соединенными Штатами. Это способствовало более интенсивной торговле Будапешта со странами Западной Европы и Северной Америки.

Всемирный экономический кризис отражается, конечно, и на Венгрии. Вынужденное сокращение импорта ряда товаров, рост государственного долга и, соответственно, сокращение государственных дотаций несколько снизили относительно высокий уровень жизни населения Венгрии.

Успешное проведение НЭМ позволило Кадару осуществить в стране политику относительной либерализации. В отличие от СССР и всех остальных стран восточного блока, в Венгрии — на данном этапе — движение за права человека органами государственной безопасности не преследуется. По мнению известного на Западе венгерского писателя и социолога Георга Конрада, который вернулся на родину после многолетнего проживания за границей, в Венгрии фактически нет политических заключенных и политических судебных процессов.

Открытая оппозиция интеллектуалов охватывает около 200 художников, публицистов и ученых. Члены этой группы в 1979 году публично протестовали против ареста и осуждения пражских диссидентов, членов "Хартии-77". Среди подписантов был один член партии. В любой другой стране советского блока подобный поступок привел как минимум к исключению из партии. В Будапеште реагировали на такого рода событие гораздо спокойнее. Подписавшего письмо-протест члена партии пригласили в райком, где секретарь райкома уведомил его, что ЦК не может согласиться с высказанной товарищем точкой зрения. Этим дело было улажено.

Было бы преувеличением утверждать, что печать Венгрии свободна. Официальной цензуры нет, но назначаемые сверху директора издательств и главные редактора газет руководствуются принципами, согласованными с партией. Список запрещенных авторов незначителен: к ним относятся участники немецкого самиздата и авторы, которые публикуют свои произведения на Западе без государственной санкции. Тем не менее, Венгрия — единственная страна советского блока, где порой печатаются произведения критиков режима. Хотя труды Конрада циркулируют в самиздате, некоторые его статьи появляются иногда и в официальных венгерских журналах. В Венгрии опубликованы также два наиболее значительных романа Конрада. Правда, в последнее время венгерские органы государственной безопасности предприняли некоторые репрессивные меры против распространителей самиздата — проведены обыски и закрыт доступ посетителей в квартиру, где до сих пор можно было спокойно читать материалы самиздата. Не исключено, что эти меры отражают нынешнюю ситуацию в Кремле.

Либерализация проявилась в Венгрии и в том, что начиная с января 1982 г. каждый гражданин страны имеет реальное право совершать раз в год заграничное путешествие (на Запад или Восток). Число венгров-невозвращенцев стало за последние годы весьма незначительным. Само сознание, что ежегодно можно — при желании — побывать на Западе и спокойно вернуться, снимает остроту психологических проблем, связанных с зарубежными путешествиями.

В 1956 году Венгрию покинуло около 180 тысяч беженцев. Многие из них были осуждены заочно венгерскими судами. В настоящее время более 60 тысяч из них вернулось на родину. Случаи репрессий против репатриантов на Западе не известны. Эмигранты, оставшиеся в Северной Америке, Австралии и странах Западной Европы, часто посещают родственников и друзей на родине. Их не подвергают допросам и другого рода полицейским мерам. В этой связи небезынтересно, что некоторое время тому назад вернулся в Будапешт из Соединенных Штатов венгерский гроссмейстер Бенко, который бежал после событий 1956 г.

Кадар считает более целесообразным допускать публичные дискуссии между критиками режима и сторонниками партийного руководства, чем арестовывать инакомыслящих. Приведем пример. В той самой аудитории Будапештского университета им. Карла Маркса, где 26 лет назад — незадолго до восстания — выступали интеллигенты-бунтари из группы Петефи, собирается теперь все расширяющаяся публика, чтобы ознакомиться с радикальными взглядами Тибора Лиска, полностью несовместимыми с "реальным социализмом" Кремля. Еще в начале 60-х годов этот экономист-теоретик утверждал, что на "социалистическом рынке должны действовать подлинные соотношения товаров и их денежных эквивалентов. Необходима также реформа цен, направленная на уравнение внутренних цен с ценами мирового рынка". Ныне Лиска выдвигает гораздо более радикальные теории, которые, будучи проведены на практике, ликвидировали бы осуществляемую в Венгрии "экономическую модель". И все-таки венгерское партийное руководство достаточно умно, чтобы не преследовать Лиску полицейско-судебным порядком. Вместо этого устраиваются публичные дискуссии, в ходе которых взгляды Лиски оспариваются экспертами-экономистами. Этим Кадар и его ближайшие советники добиваются разрядки потенциальной внутренней напряженности.

Успех венгерских реформ доказывает практическую возможность введения в социалистическую экономику рыночных элементов.

НАША ПОЧТА

О СТРАТЕГИИ, НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ И ДЕМОКРАТИИ

В своем споре с Г. Раром ("Трибуна" № 2, 1983) В. Малинкович напрасно считает, что "стратегическая линия, которая 'во главу угла' поставит национальные интересы русских ... будет неприемлемой как для значительной части нерусского большинства, так и для многих русских..."

Ведь если серьезно говорить о стратегии, — причем не обязательно лишь стратегии радиовещания — то прежде всего возникает вопрос: *как* право на самоопределение нерусских народов может быть на практике осуществлено?

Очевидно, что лишь при условии радикального разложения или крушения тоталитарной системы в *центре* сферы ее влияния, в России. Освободительные движения на периферии до сих пор регулярно подавлялись вооруженным вмешательством, или угрозой такого вмешательства, из центра. Именно поэтому многие польские и афганские борцы за свободу, не имея никаких причин любить Россию, вступают в политические контакты с НТС: они знают, что без освобождения России невозможно и окончательное освобождение их стран. Знают они и то, что их основная проблема — существование международной тоталитарной системы, а не вопрос о национальном самоопределении.

Вопрос таким образом состоит в том, чтобы найти идеи и интересы, которые бы могли мобилизовать именно русских и сотрудничающих с ними представителей других народов на радикальное изменение режима в *центре* его силового поля. Сомнительно, чтобы такую мобилизующую роль могли сыграть международные правовые документы ООН, или "развитие чувства правосубъектности", как предлагает Малинкович.

Вероятно, эти мобилизующие ценности лежат в иной плоскости. Это прежде всего сознание, что именно тоталитарный строй мешает стране решить насущные, стоящие перед ней задачи, как например:

— обеспечить население продовольствием

— поднять производительность промышленности

— преодолеть научно-техническое отставание

— сохранить физическое здоровье народа и среду его обитания

Развивать это сознание логической аргументацией и примерами того, как эти вопросы решаются в условиях свободы — вот первая задача любой антитоталитарной пропаганды, задача, которой занимается, в частности, НТС, в своих альтернативных материалах по экономике, праву, международным отношениям, и т.п.

Не надо забывать и про чувство русского национального достоинства. Тоталитарная экспансия, запрограммированная в генах режима с ленинских времен, создает русским врагов и позорит русское имя от Афганистана до Мозамбика, не говоря уже про Эстонию и Узбекистан.

Наконец, это пробуждающееся чувство исторической преемственности великой страны, имя которой стерто с карты земли и религиозное наследие которой попрано. Страна не может иметь будущего, не черпая моральных сил в своем прошлом. Помогать черпать эти силы — а не кастрировать их охаиванием прошлого — тоже задача пропаганды, если уж пользоваться этим неприятным словом.

Формы распада тоталитарного режима в России нам предвидеть не дано. Одна из возможных форм, Чехословацкий вариант, т.е. демократизация сверху при сохранении социалистической символики, многим долгие годы казался оптимальным. У власти была возможность встать на этот путь и получить поддержку дома и за границей. Она от него отказалась, и теперь возвращаться к нему будет, вероятно, поздно.

"Реальный социализм" становится настолько непригляден, что все труднее себе его представить "с человеческим лицом". Но его символика — единственная легитимизация существующей власти. Однако можно себе представить ситуацию, когда политический выигрыш, связанный с отказом от этого символа, превысит политические потери для некоего нового руководства в будущем. Такой отказ поможет свалить на этот символ всю вину за прошлые неурядицы, развяжет руки для широких рыночных реформ в народном хозяйстве, и для перестройки внешней политики на базе национальных интересов, а не интересов "мировой системы социализма". Путь легитимизации такой власти будет только один — апелляция к исторической преемственности.

Нельзя ожидать, чтобы режим, родившийся в результате такой возможной метаморфозы, стал сразу соответствовать всем критериям демократии; слишком велика инерция существующей государственной структуры. Важно то, насколько он явит собою прогресс по отношению к нынешним порядкам, т.е. предоставит больше степеней свободы. Отказ от идеологии с претензией на всеобъемлющую истину, от монополии на средства производства, от военно-кагебистской экспансии, даст значительный простор творческим силам народа и создаст более благоприятные условия для постепенной демократизации жизни. Не забудем, что именно *не тотальная* диктатура Франко сознательно подготовила свою самоликвидацию в пользу демократии, и что вообще переходы от авторитаризма к демократии в истории не новость, а вот переходов от тоталитаризма к демократии — еще не было, иначе как путем немыслимого теперь военного разгрома.

Я не утверждаю, что обрисованный вариант очень вероятен, но его не следует исключать и ему следует способствовать. Ибо третий из представимых сегодня вариантов — это постепенное загнивание системы, при котором она, ценой растущего убожества внутри страны, будет продолжать расширение "мировой системы социализма". Тоталитарная природа системы при этом лишь медленно будет хиреть. Хирение это остроумно определили сотрудники одного сибирского НИИ-"ящика" еще в 60-е годы как утрату обратной связи. Приказы сверху будут все меньше и меньше выполняться, а отчеты наверх будут поступать все более и более дутые. Таким образом произойдет определенная расцепка между тоталитарным руководством и реальной жизнью, процесс, который мы наблюдаем и сейчас. Это, конечно, тоже дает степени свободы и стихийный выход из-под идеологической, экономической и политической монополии государства-партии, но не сулит коренных сдвигов к лучшему в обозримом будущем.

Это все — по существу статьи Малинковича. Но автор существом дела не ограничился, а решил поставить под вопрос репутацию своего сотрудника по радио "Свобода" — Г. Рара. Две пятых его статьи заняты попыткой показать, что НТС в тридцатые годы сочувствовал фашизму. Я не собираюсь писать — одинаково правомочный — экскурс на тему о том, кто из единомышленников Малинковича (или их предшественников) в тридцатые годы сочувствовал коммунизму и что они писали про Сталина. Но учитывая, что подлинная история НТС известна немногим, сделаю несколько замечаний.

Цитаты из газеты "За Россию" не новость — их широко использовали русские эмигранты-социалисты в 40-е годы. Западные демократии между двумя мировыми войнами были не в лучшей форме экономически или политически, и эмигрантская молодежь, естественно, искала новых путей. Однако объективный читатель "За Россию" увидит, что итогом этих поисков было "Мы не либералы, но мы и не фашисты" (№ 45, 1936), и что тот же Бабкин, начало статьи которого без ссылки на номер цитирует Малинкович, во второй половине своей статьи говорит, что надо смотреть не на одну форму, а и на внутреннюю сущность движения, и что фашистская идея не приемлема для России (№ 28, июнь 1934).

Эпизод с группой Радзаевского в Харбине также имел совсем иное значение — эти люди хотели *отойти* от идентификации с фашизмом, приблизившись к НТС. →

В Европе

ИМЯ. . . . . .

(печатными буквами)

АДРЕС . . . . . .

Подписка по адресу:
31, Jardins Boieldieu
92800 Puteaux, France
M-me ZVORYKINE

Прошу подписать меня на 10 номеров "Трибуны"..... Чек на 150 франков прилигается.....

Прошу выслать.....номер "Трибуны" Чек на 18 франков прилагается.....

Подпись.....

Писавшаяся разными группами НТС в России "Схема Национально-Трудового Строя" имела различные варианты, один из них был напечатан в Словакии в 1944 году, но ни один не был официально принят Советом НТС. Единственное определение "Национально-трудового строя", которое получило широкую огласку и признание во время войны, содержится в "Манифесте" КОНР 14-го ноября 1944 года, документе на редкость демократическом, если учесть условия, в которых он писался.

Наконец, в результате арестов гестапо в нацистских концлагерях и тюрьмах оказались не "некоторые", а около 200 членов НТС; около 40 из них погибли, и по крайней мере 12 было расстреляно гестапо в оккупированной России.

Задача успешного изменения тоталитарного режима внутренними силами беспрецедентна в истории, и стратегическое мышление здесь требует концентрации и масштабности; здесь надо отрешиться от эмоциональных барьеров, и уж совершенно недопустима позиция, что один я — демократ, а несогласные со мною — подозрительные личности.

Б. Пушкарев

●

К ПОНИМАНИЮ ЖДАНОВЩИНЫ

Ефиму Эткинду

В апрельском номере "Трибуны" с большим интересом прочитал Ваше эссе о "ждановщине". Тема, увы, актуальна и сегодня, когда, по многим признакам, в советской культурной политике наблюдается возврат к сталинским методам.

Но вот в чем трудно с вами согласиться: вы пишете, что не было во времена Жданова никого, кто посмел бы пойти против течения. Став на такую позицию, мы не только грешим против истины, но и невольно признаем русскую литературу безнадежно больной.

Это, к счастью, не так. Сопротивление "ждановщине", по существу, не прекращалось.

Возьмем конкретное событие — I съезд писателей 1934 года, материалам которого Вы посвятили большую часть своей статьи. Вы пишете, что никто из 600 советских делегатов и 40 иностранных гостей не поднял голос в защиту великой русской литературы, не уличил Жданова в демагогии. Возвеличивая Сталина, — утверждаете Вы, — "каждый из них старался переплюнуть Жданова". Были, конечно, среди делегатов и такие, о которых говорите Вы, слова которых приводите в точных цитатах. Но не все же! Далеко не все.

Читаю подряд выступления тех писателей, кто, рискуя карьерой, а то и головой, не упоминает в своих речах имени "великого кормчего". Список получается внушительный — сам этого не ожидал: К. Чуковский, И. Эренбург, Л. Сейфуллина, Б. Ясенский, Ю. Лебединский, М. Кольцов, А. Файко, И. Кочерга, Н. Огнев, Б. Пастернак, Ю. Олеша. Большинство из них, так или иначе, пострадали от своего упрямства, но не спаслись и те, кто, уступив настояниям Жданова, тем не менее недостаточно громко выражали свои восторги "вождю и учителю". Бедный беспартийный Бабель, например, в своем вымученном выступлении призвал писателей работать над словом так, как Сталин: "как кованы его немногочисленные слова, как полны мускулатуры" — выдавил из себя автор "Конармии". Но тут же следующий за ним оратор, член ВКП(б) Аросев уличил Бабеля в недооценке сталинских уроков литературы и призвал учиться у Сталина не только слову, но и умению "художественно подмечать новые типы".

Все эти нюансы борьбы на съезде — а борьба шла! — кем-то скрупулезно учитывались и влияли на продвижение советских писателей по иерархической служебной лестнице: в выборных органах ССП никому не известный Аросев был избран в правление, тогда как всемирно известный Бабель стал всего лишь членом ревизионной комиссии.

Вы совершенно правы, утверждая, что "Жданов был режиссером этого спектакля". Тем более важно назвать имена и запомнить поступки тех "непослушных актеров", которые сознательно нарушали ход представления.

Справедливость требует сказать, что даже М. Горький, чьим именем и авторитетом прикрывались устроители спектакля, а потом, после съезда, сочтя его роль отыгранной, постарались избавиться от него, — этот Горький тоже сделал попытку изменить общую атмосферу съезда. На пятый день работы (съезд продолжался больше двух недель) он неожиданно выступил с внеочередным заявлением, которое вряд ли пришлось по вкусу Жданову. "Уважаемые товарищи! — сказал Горький. — Мне кажется, что здесь чрезмерно проносится имя Горького с добавлением измерительных эпитетов: великий, высокий, длинный и т.д. (смех). Не думаете ли вы, что слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост и значение других? Поверьте мне, я не кокетничаю, не рисуюсь. Меня заставляют говорить на эту тему причины серьезные".

Горький говорил о себе, но вряд ли кому-нибудь было непонятно *кого* и *что* он имел в виду. И обстановка на съезде, действительно, начала меняться. Выступил в тот же день с прекрасной речью-исповедью Юрий Олеша и заявил с трибуны, что "не понимает типа рабочего, тип героя-революционера" и потому не будет об этом писать: "Это выше моих сил..." Зал встретил это чистосердечное признание аплодисментами. Олешу смело поддержала Л. Сейфуллина.

На следующий день зал "проглотил" опасную шутку еврейского писателя Д.Р. Бергельсона, который дал такой комментарий декоративному выступлению ашуга, прославлявшего сталинскую национальную политику: "Товарищи, я как еврейский писатель хотел бы с этой трибуны добавить, что одной из самых сильных речей, которые я слышал, была речь народного поэта Дагестана. Я ни одного слова не понял в этой речи, но тем не менее она была листом бумаги ослепляющей белизны, на котором была написана необыкновенная поэма о ленинско-сталинской национальной политике".

А впереди было еще блестящее выступление Мих. Кольцова, который, по существу, высмеял принцип "партийности" в литературе. Он рассказал о новом типе партийного редактора, заявившего писателю-сатирику: "Пролетариату смеяться еще рано: пускай смеются наши классовые враги". Тот же Кольцов предложил ввести форму для членов писательского союза: "красный кант — для прозы, синий — для поэзии а черный — для критиков (смех, аплодисменты)". Вообще, смех показал себя лучшим оружием против "ждановщины".

Главный режиссер пустил свои главные резервы. Битва разгоралась. А. Корнейчук, И. Альтман, А. Сурков, А. Г даш, В. Незвал, С. Айни, А. Жаров, А. Безым нский ринулись на трибуну отрабатывать хозяйский хлеб. Но какими бедными выглядели их велеречивые выступления по сравнению с краткой, — пожалуй, самой краткой на съезде, — речью Бориса Пастернака 29 августа, под самый финал. Пастернак призвал писателей не торговать своей совестью: "не жертвовать лицом ради положения". "При огромном тепле, которым нас окружает народ и государство, — осторожно, но прозрачно формулировал свою мысль Пастернак, — слишком велика опасность стать литературными сановниками". "Подальше от этой ласки, — закончил он свою речь,— во имя ее прямых источников..."

Нет, что ни говорите, а "ждановщина" — опасная, затянувшаяся, но отнюдь не смертельная болезнь. Человек, именем которого названо это уродливое явление, был подручным тирана, невежественным недоучкой, умевшим играть на рояле одним пальцем "чижик-пыжик" и указывавшим Шостаковичу как писать музыку. И хотя имя его, как ни абсурдно, еще носит город и университет, но в памяти народной он уже давно покойник. А русская литература, которую он стремился связать, скрутить, умертвить, живет несмотря ни на что.

И будет жить, если не погрузится в безнадежность, как не погрузилась в нее даже в самые страшные тридцатые и сороковые...

Уверен, что в этом мы с Вами — единомышленники. Так постараемся помочь тому, чтобы *там* не падали духом.

Александр Гершкович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: П.Егидес, П.Литвинов (**ответственный за выпуск номера**), С.Максудов, Михайло Михайлов, А.Синявский, Б.Шрагин, Е.Эткинд.
Представитель в США: *D.Osman, 1640 Metropolitan Ave., apt. 1-B, Bronx, N.Y. 10462.*
Ответственный секретарь редакции: П. Литвинов.
"ТРИБУНА" выпускается на средства издательства "Синтаксис", на личные средства членов редколлегии и поддерживающих это издание лиц.
Адрес редакции: *TRIBUNA, Box 668 Tarrytouwn, N.Y. 10591. USA*

В Америке

ИМЯ.....
(печатными буквами)
АДРЕС.....

Прошу подписать меня на 10 номеров "Трибуны".....
Чек на 20.00 долларов прилагается.....
Прошу выслать.....номер "Трибуны"
Чек на 2.50 долл. прилагается.....

Подпись.....

Подписка по адресу:
TRIBUNA,
Box 668, Tarrytoun,
New York 10591 USA

18 fr. $ 2.50

LA TRIBUNE

ТРИБУНА

ЖУРнал-ГАЗета
№5
январь 1984

В номере:

Генералов сгоняют с коней — П.Литвинов

Социализм по Ханне Арендт — Б.Шрагин

Свастика в Арлингтоне — М.Михайлов

Нас продали — В.Чалидзе

Самиздат

Афганистан — Клод Малюрек

ГДР — Независимость — Л.Косман

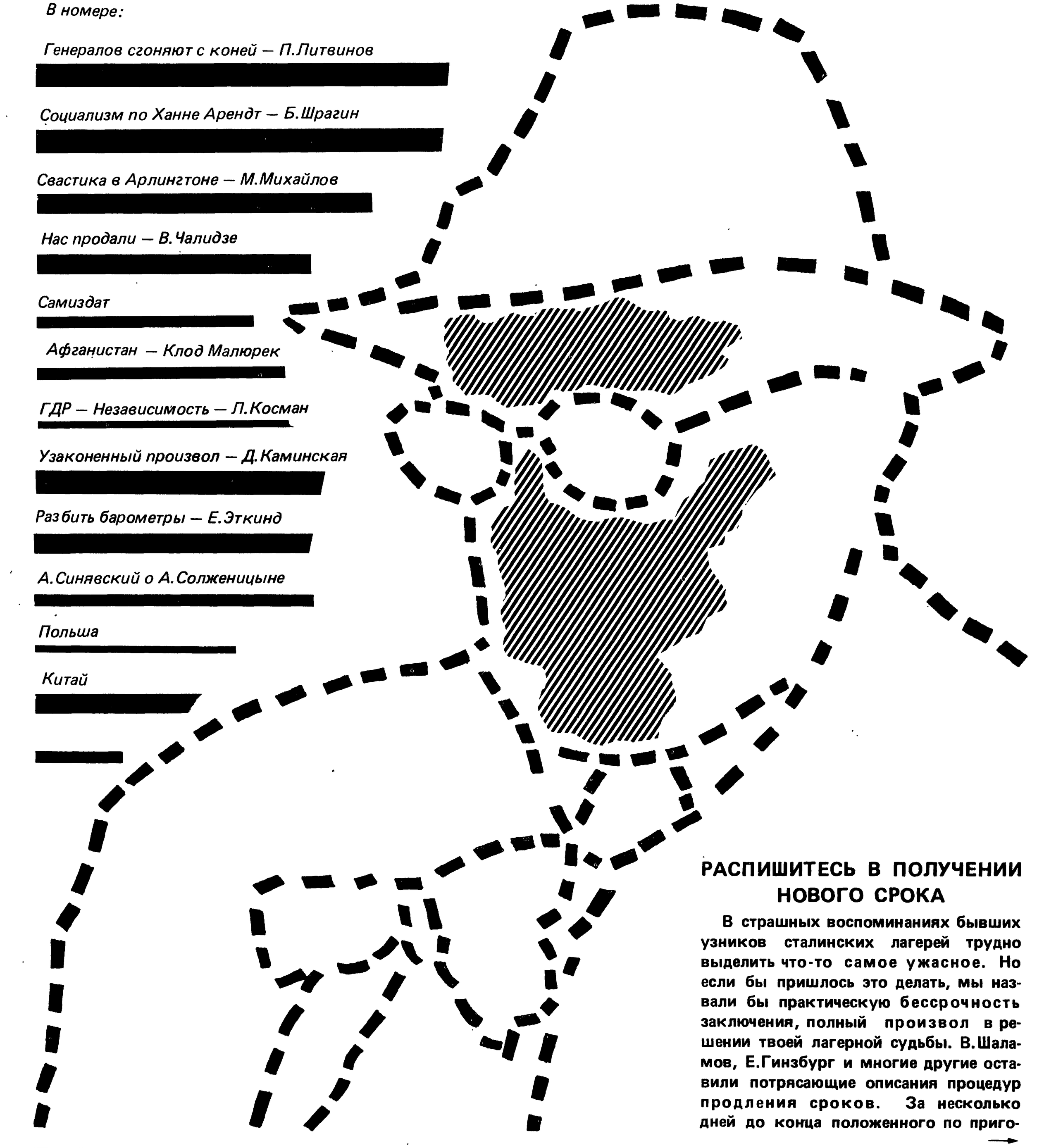
Узаконенный произвол — Д.Каминская

Разбить барометры — Е.Эткинд

А.Синявский о А.Солженицыне

Польша

Китай



РАСПИШИТЕСЬ В ПОЛУЧЕНИИ НОВОГО СРОКА

В страшных воспоминаниях бывших узников сталинских лагерей трудно выделить что-то самое ужасное. Но если бы пришлось это делать, мы назвали бы практическую бессрочность заключения, полный произвол в решении твоей лагерной судьбы. В.Шаламов, Е.Гинзбург и многие другие оставили потрясающие описания процедур продления сроков. За несколько дней до конца положенного по приго-

→

вору срока заключенного вызывали в администрацию лагеря и предлагали ему расписаться в получении еще одного срока, очередных, к примеру, пяти лет. Описаны случаи самоубийств зэков, не вынесших удара: легче вынести и более длительный срок, если к нему приготовился, свыкся с ним заранее, чем похоронить надежду на свободу, до которой, казалось, осталось всего один-два дня.

В сталинское время наличие такой процедуры не представлялось удивительным. Право как таковое перестало существовать, за исключением, пожалуй, административного "права", власти инструкций, волевых решений начальников всех рангов. Сама процедура вынесения приговоров по политическим делам "особыми совещаниями" (ОСО) уже была чисто административным действием, даже и не претендующим на видимость судебного разбирательства. Неудивительно после этого дальнейшее продление сроков путем простой расписки. Иногда срок продлевался на некоторое заранее оговоренное время (хотя ничто не исключало возможности еще одного продления), иногда (во время войны) — просто "до особого распоряжения".

Хрущевская оттепель покончила с этой практикой, казалось, окончательно. Политические аресты и суды, разумеется, продолжались, но это уже было нечто иное. Не говоря уже о резком снижении жесткости и приговоров, и лагерного режима, возникла совсем новая ситуация, когда заключенный твердо знал: отсидев свой срок, он выйдет на волю. Для того, чтобы срок был продлен, требовалось действительно совершить что-то, очевидно подводимое под статью Уголовного кодекса, требовалось новое следствие и суд. Это случалось, но такие случаи были редки. Именно тогда возникла на Руси оптимистическая, жизнеутверждающая поговорка: "раньше сядешь — раньше выйдешь".

Очень скоро, однако, выяснилось большое неудобство такой системы для властей. Лагеря стали своего рода университетами политического опыта, местами встречи политзаключенных различных "конфессий", источником радикализации оппозиционеров. Политзаключенный — если он не был окончательно сломлен — выходил, как правило, из лагеря настроенным более решительно, склонным к более активным действиям. Ореол лагерника привлекал к нему оппозиционную молодежь, и "зараза" таким образом распространялась.

Уже с середины 70-х годов брежневская администрация начала принимать меры к тому, чтобы не допустить бывших политзэков к активной общественной жизни. Первым ложным шагом было устрожение правил прописки, устранение бывших политзаключенных из столиц и крупных городов: предполагалось, что "в глубинке" освободившиеся политзэки будут менее вредны. Очень скоро вокруг крупных центров возникли своего рода "резервации" бывших политзэков: Таруса и городки Владимирской области под Москвой, Луга под Ленинградом.

Расчет оправдался, но лишь частично. Энергия прошедших лагерную школу оппозиционеров оказалась настолько большой, что даже из своих "резерваций" они находили возможность активно участвовать в общественной жизни, продолжать правозащитную деятельность. Тогда начались (точнее участились) повторные аресты и суды в лагерях и в ссылке.

Аресты были двух видов. Первый вид — это арест по откровенно сфабрикованным уголовным обвинениям. Таковы были аресты членов Украинской Хельсинкской группы Василия Сичко и Ярослава Лесива — по обвинению в хранении наркотиков, основателя Национальной Объединенной Партии Армении Паруйра Айрикяна — по обвинению в даче взятки, национального героя Украины Вячеслава Черновола — по обвинению в изнасиловании и т. д.

Второй вид ареста — арест открыто политический — с обвинением по ст. 190 или по ст. 79 УК РСФСР (или по соответтсвующим республиканским аналогам). Речь идет о распространении "клеветы" или антисоветской пропаганды среди заключенных (или на месте ссылки). Такая судьба постигла Ольгу Матусевич-Гейко, братьев Кирилла и Александра Подрабинеков, Юрия Литвина, Александра Лавута и других.

Оба эти метода с точки зрения администрации имели недостатки. Во-первых — это было хлопотно, нужно было разрабатывать версию, подыскивать свидетелей, придумывать для них показания... Но, во-вторых, и это, пожалуй, главное — метод часто давал сбои. Приходилось ведь использовать в качестве свидетелей заключенных, а они оказывались не всегда надежными свидетелями: показания из них подчас приходилось выбивать угрозами или даже избиениями (в "пресс-хатах"), и на суде это иногда всплывало, когда, оказавшись перед публикой, свидетель неожиданно отказывался от своих показаний и рассказывал, что над ним проделали. Так произошло, например, со свидетелем Филимоновым на процессе Кирилла Подрабинека, со свидетелем В. Дворянским на процессе Мустафы Джемилева и т. д. На результат это, конечно, не влияло, но создавало неудобства и компрометировало юстицию. Ведь, в отличие от сталинских времен, советское государство перед лицом мира претендует быть правовым.

Решение оказалось простым, как все гениальное, и найдено оно было администрацией Андропова. 13 сентября 1983 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ, вводящий в Уголовный кодекс новую статью. Вот она, эта статья:

"С т а т ь я 188^3. Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения

Злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительно-трудового учреждения либо иное противодействие администрации в осуществлении ее функций лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру) или переводилось в тюрьму, —наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

Те же действия, совершенные особо опасным рецидивистом или лицом, осужденным за тяжкое преступление, —наказываюся лишением свободы на срок до трех лет.

Те же действия, совершенные особо опасным рецидивистом или лицом, осужденным за тяжкое преступление, — наказываются лишением свободы на срок от одного года до пяти лет".

Расшифруем темный юридический язык статьи.

"Злостное неповиновение законным требованиям администрации" — это невыполнение лагерного режима, который регламентирует жизнь заключенного до мелочей — впрочем, когда за это тебе грозит новый срок, то это уже не мелочи. Вот примеры нарушений, за которые заключенный

получает взыскания в лагере:

— Не поздоровался с офицером

— Не застегнута верхняя пуговица ("нарушение формы одежды")

— Не заправлена койка

— Не выполнил производственную норму

— Шел в тапочках

— Опоздал на поверку

— Загорал, раздевшись до пояса

— Не присутствовал на политзанятиях

— Опоздал на завтрак и т. д.

Последовательность наказаний была такова: выговор, лишение права покупки в ларьке, лишение свидания, шизо, ПКТ, перевод в тюрьму (без увеличения срока).

Так вот — теперь достаточно очередной раз не застегнуть пуговицу, чтобы получить новый срок. Набрать необходимые "очки", чтобы быстро пройти через промежуточные этапы — ПКТ или перевод в тюрьму — очень легко! Практически все более или менее активные политзаключенные уже неоднократно проходили через ПКТ, многие из них побывали в тюрьме (сейчас — это Чистопольская тюрьма).

И не только легкость обнаружения "преступления" отличает новую систему: судебное разбирательство становится восхитительно простым: ведь свидетелями теперь будут свои люди, люди из администрации, которые и будут показывать, что их "законным требованиям" заключенный не подчинился. Срывов более не будет.

И еще одна зловещая особенность нового закона: преступлением стало не только "злостное неповиновение", но и "иное противодействие администрации в осуществлении ее функций". Что именно — намеренно не уточняется, но всем ясно, что имеется в виду. Это "иное" — любые акты протеста, и, прежде всего, традиционное оружие политзаключенного: голодовка. Сейчас каждый политзаключенный, решаясь голодать, будет осознавать, чем ему это грозит...

Новый закон введен в действие с 1 октября 1983 г. Прошло всего два месяца. Слишком рано еще, чтобы судить, как последовательно он будет проводиться в жизнь: пока еще не поступало сообщений о конкретных примерах его применения.

Но ружье заряжают не для того, чтобы вешать его на стену.

Кронид Любарский

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дина Каминская

УЗАКОНЕННОЕ БЕЗЗАКОНИЕ

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 сентября этого года "Уголовный кодекс" Российской Федерации дополнен статьей 188(3) об уголовной ответственности за злостное неповиновение требованиям администрации лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Впервые в истории советского государства нарушение лагерного режима признается уголовным преступлением, за совершение которого установлено наказание дополнительным лишением свободы сроком до пяти лет.

Появление всякого нового состава преступления в уголовном законодательстве любой страны, как правило, бывает обусловлено серьезными социально-политическими, а иногда и экономическими переменами во внутренней жизни государства. Например, изменение политического строя от демократического к авторитарному сопровождается изданием новых законов, которые ограничивают или отменяют ранее существовавшие в данной стране права и свободы. При этом дальнейшее пользование этими правами и свободами объявляется подлежащим наказанию уголовным преступлением.

Сентябрьский указ о дополнении "Уголовного кодекса" статьей 188(3) принят в обстановке, когда, на первый взгляд, как будто бы никаких значительных изменений ни в политической, ни в экономической структуре Советского Союза не происходит. Но если внимательно вникнуть в смысл этого нового закона, станет ясно, что его издание обусловлено исподволь идущим в стране процессом реставрации, новым шагом к произволу и беззаконию.

Естественно спросить: как может закон открывать дорогу произволу? Ведь казалось бы, закон и произвол взаимно исключают друг друга! Но в недемократических государствах это не редкость. Законы там часто вводятся для того, чтобы легализировать произвол властей, а следовательно, закрепить в законодательстве бесправие и незащищенность человека.

Статья 188(3) "Уголовного кодекса РСФСР" предусматривает уголовную ответственность за злостное неповиновение законным требованиям администрации или иное противодействие в осуществлении ее функций лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Уголовная ответственность, как уточняется в указанной статье, наступает в тех случаях, когда виновное в неповиновении или в противодействии администрации лицо ранее в течение года, — хотя бы однажды — нарушало лагерный ражим и подвергалось за это наказанию переводом в одиночную камеру или переводом в тюрьму.

До введения статьи 188(3) советское законодательство сохраняло принцип общности для всех граждан самого понятия "преступление". Признание того или иного действия преступным не ставилось в зависимость от того, кем именно оно совершено — свободным человеком или заключенным. Заключенных могли судить за совершенные в лагере убийство, кражу, нанесение телесных повреждений, короче — за все то, за что судили бы лобого человека, заключенного или находящегося на свободе.

Единственным исключением из этого основополагающего принципа правосудия, принимаемого, кстати, законодательствами всех цивилизованных стран, было такое специфическое преступление, как побег из мест лишения свободы, то есть действие, которое не может быть совершено никем, кроме заключенных и которое несомненно создает угрозу общественному порядку и безопасности граждан.

Однако неповиновение администрации мест лишения свободы или неподчинение лагерному, даже если они совершаются неоднократно, никакой угрозы обществу и безопасности граждан не создают. Советский "Исправительно-трудовой кодекс" предусматривает за такие нарушения целую систему достаточно, а иногда и чрезмерно суровых наказаний: например, лишение свиданий с близкими или передачи, лишение права пользоваться ларьком, помещение в карцер, перевод в тюрьму и т.д. Теперь "Уголовный кодекс", собственно, за те же действия, устанавливает наказание до пяти лет лишения свободы, то есть новый, прибавляемый к ранее назначенному срок заключения.

Далее, всякое преступление в любом правовом государстве должно быть доказано бесспорными и объективными доказательствами. Но для того, чтобы возбудить дело против заключенного по статье 188(3), таких доказательств явно не потребуется. Их вполне заменяет рапорт, составленный

представителем лагерной администрации. Теперь над каждым заключенным, который не хочет превратиться в бессловесного раба, безропотно снося его любые унижения, нависла постоянная и вполне реальная угроза получить новый срок. Отныне годы жизни, судьба каждого заключенного самим законом отданы в руки его надзирателей.

Чем же объяснить, что именно теперь власти решили поставить знак равенства между нарушением лагерной дисциплины и тяжким уголовным преступлением? Думаю, что указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 сентября этого года составляет еще одно звено в цепи мероприятий, направленных против инакомыслия.

В последние годы советские лагеря и тюрьмы все больше и больше заполняются политзаключенными, то есть людьми, осужденными за такие действия, которые признаются преступными только в силу антидемократичности советского режима. Именно эта категория заключенных, как правило, настаивает на строгом соблюдении их прав, именно она протестует против произвола лагерного начальства. Вот против них-то в значительно большей степени, чем против тех, кто осужден за уголовные преступления, и обращено, очевидно, острие новой статьи "Уголовного кодекса".

Введению этой статьи предшествовала целая серия сфальсифицированных обвинений, которые возбуждались против того или иного политзаключенного именно в тот момент, когда приближался конец его срока лишения свободы. Если такой заключенный не соглашался подписать предлагаемую ему администрацией подписку, что впредь он не будет участвовать в деятельности, которую власти объявляют антигосударственной, а также осудить свои прежние убеждения, к услугам администрации всегда находились необходимые свидетели среди заключенных. Так фабриковались в лагерях и тюрьмах новые судебные преследования по обвинению в клевете на советский строй или в антисоветской пропаганде. Так власти все снова и снова обеспечивали себе возможность фактически бессрочно держать за решеткой людей, которые могли доставить им неприятности.

Теперь — с введением в "Уголовный кодекс" статьи 188(3) — процедура продления наказания заключением решительно облегчена. Власти не нуждаются больше для этого в том, чтобы обосновывать новое обвинение и прибегать к услугам лжесвидетелей. Возможность составить акт о нарушении лагерного или тюремного режима всегда под рукой. Заключенный поставлен в такое положение, что, например, если он откажется посещать политзанятия, поскольку это противоречит его убеждениям, то для начала он получит карцер, а затем, если его не сломит карцер, он предстанет перед новым судом с полной гарантией нового пятилетнего срока лишения свободы. Объявит заключенный голодовку в знак протеста, допустим, против незаконного лишения свидания, — опять-таки карцер, а при новом протесте — суд и дополнительный срок наказания. Ведь голодовка, отказ от посещения политзанятий, любой протест против действий администрации, все это по смыслу статьи 188(3) может рассматриваться как противодействие администрации в осуществлении ее функций.

Во времена сталинского террора политзаключенные знали, что не выйдут на свободу, даже отбыв срок наказания, назначенный им судом. Теперь, с введением статьи 188(3), власти возвели эту террористическую практику в закон. Они обеспечили себе возможность, как и в сталинские времена, продлевать по своему усмотрению срок лишения свободы каждому заключенному и, в первую очередь, конечно, тем, кого они считают своими идейными противниками. ■

САМИЗДАТ

В Прокуратуру РСФСР
от Л. Б. ТУМАНОВОЙ,
проживающей по адресу:
г. Москва, ул. Артюхиной,
д. 20, кв. 47

З А Я В Л Е Н И Е

7.04.83 г. органами прокуратуры г. Москвы у меня был произведен обыск с целью "отыскания и изъятия предметов и документов, содержащих ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй".

Те предметы, вещи и документы, которые были у меня изъяты, никак не относятся и не могут быть отнесены к документам и предметам, содержащим ложные измышления, поэтому их изъятие является противозаконным. Изъятие советских денежных знаков и облигаций выпуска 1961 г. наводит на мысль о самом обыкновенном грабеже, произведенном в форме обыска.

Перечисляю вещи, на немедленном возвращении которых настаиваю:

1. Новый Завет. Напоминаю, что Новый Завет был написан примерно за два тысячелетия до возникновения советского государственного строя, поэтому он не может содержать ничего, порочащего этот строй. Изъятие Нового Завета через 20 дней после того, как органами КГБ мне была возвращена Библия, взятая у меня на предыдущем обыске, считаю сознательным издевательством или поразительным головотяпством органов, производивших у меня обыск.

2. Книга на французском языке под названием "Декарт", опубликованная московским издательством "Прогресс". Если прокуратура сочтет эту книгу "антисоветской" или "клеветнической", прошу со всеми претензиями обращаться в указанное издательство.

3. Фотография А. Д. Сахарова, которая никак не относится к "ложным измышлениям", поскольку это действительно фотография академика Сахарова. Я утверждаю, что присутствие этой фотографии у меня в доме не может порочить советский государственный строй.

4. Черновики заявлений следователю Капаеву и в Прокуратуру РСФСР по поводу обыска, проведенного у меня органами КГБ 10.09.82 г. Заявления отправлены по почте, поэтому, если они нужны органам прокуратуры, они могут быть изъяты у следователя УКГБ г. Москвы и Московской области В.Н.Капаева и в Прокуратуре РСФСР.

5. Рукопись повести М.Булгакова "Собачье сердце", которая во время двух предыдущих обысков не была сочтена криминальной и была оставлена у меня. Следователь Ю.А.Воробьев, к которому я ходила 19.04.83 г. по поводу изъятых у меня вещей, на мой вопрос, почему у меня забрали эту рукопись, которую раньше не трогали, заявил мне, что времена изменились, и сейчас мы боремся за дисциплину и порядок. Прошу объяснить мне, какое отношение борьба за дисциплину и порядок, если , конечно, речь идет не о палочной дисциплине и не о сталинском порядке, имеет к расширению наименований изымаемой литературы.

6. Записки, квитанции, письма, поздравительные открытки, фотографии — всего в комплекте 114 штук, в том числе большое количество писем из лагерей, прошедших лагерную цензуру и заведомо не могущих поэтому содержать какие-либо "ложные измышления". Не могут их содержать и квитанции, фотографии, поздравительные открытки, записки.

7. Записные книжки, не содержащие ничего, кроме телефонов и адресов (в чем следователь мог убедиться на месте), адреса же и телефоны вряд ли относятся к "ложным измышлениям"

9. Квитанция на получение пишущей машинки марки "Москва", отданной в гарантийный ремонт. Конечно, машинки этой марки известны своим необыкновенно скверным качеством, но это не моя вина.

9. Рукопись (от руки и в незаконченном виде) под названием "Я обвиняю", содержащая размышления теоретического характера и которая поэтому может быть предметом лишь теоретичского обсуждения, да и то после ее окончания.

10. Советские денежные знаки в размере 450 рублей, оставшиеся у меня за переводные работы. Если эти знаки и могут порочить советский государственный строй в силу своей низкой покупательной способности (на эту сумму я могу купить лишь зимнее женское пальто и одну пару женских сапог, а досталась она мне в результате упорного трехмесячного труда), то опять-таки это не моя вина.

11. Облигации госзайма развития народного хозяйства СССР выпуска 1961 г. на сумму 90 рублей, доставшиеся мне от родителей.

12. Катушки с магнитофонными записями в количестве 15 штук.

Заявляю решительный протест против произвольных действий органов прокуратуры г. Москвы, производивших обыск и изъявших у меня предметы и вещи, не имевшие никакого отношения к целям обыска.

Настаиваю на незамедлительном возвращении мне изъятых незаконным образом вышеперечисленных прадметов.

29.04.83
г. Москва

ТЕОРИЯ

Борис Шрагин

ТОТАЛИТАРИЗМ — ПО ХАННЕ АРЕНДТ

Когда Гитлер потерпел поражение, а затем был удален с арены истории, в Германии о нем как-то уж очень быстро забыли. Обратив внимание на этот факт, Ханна Арендт приблизилась к раскрытию природы тоталитаризма — этого небывалого политического уродства нашего столетия. Ее книга „Истоки тоталитаризма" вышла в Америке в 1951 году, а, пересматривая ее для очередного переиздания в 1958 году, Ханна Арендт имела возможность добавить, что посмертная слава Сталина оказалась недолговечней популярности Гитлера: в Советском Союзе о нем тоже поторопились забыть, как только похоронили. Оказалось, что за истерическими восторгами и рабскими изъявлениями преданности до гроба — где-то на дне— пряталось равнодушие.

Тоталитаризм овладевает умами тогда, когда у людей нет собственного, индивидуального взгляда на вещи, когда они теряют ориентацию в обществе и в мире, в которых живут, когда им делается непонятна, не интересна связь между собственными нуждами и государственными делами, движением истории. В противоположность тому, что на этот счет обычно думают, Ханна Арендт считала, что основная масса нацистов, как и советских коммунистов, — особенно после того как они добрались до власти, — составилась из индивидуумов, не имеющих сколько-нибудь прочных убеждений, а потому готовых смотреть в рот любому проходимцу, который сумеет сосредоточить в своих руках бразды насилия. Тоталитаризм может взять верх лишь в тех обществах, где демократическая политическая структура либо не успела сложиться, либо так или иначе оказалась разрушена.

„Тоталитарные движения — это массовые организации атомизированных, разрозненных индивидуумов. В сравнении со всеми другими партиями и движениями, — их самая бросающаяся в глаза особенность состоит в требовании полного, неограниченного, безусловного и необратимого повиновения каждого индивидуального члена. Такое повиновение, такую преданность можно ожидать лишь от полностью отъединенных человеческих существ, которые, лишившись всех других общественных связей и привязанностей — к семье, друзьям, единомышленникам, товарищам или просто знакомым — могут обрести какое-то место в мире только благодаря своей принадлежности к движению, своему членству в партии".

Ханна Арендт родилась в Германии в 1906 году. Она училась в знаменитом Гейдельбергском университете, где стала ученицей и верной последовательницей философа-экзистенциалиста Карла Ясперса. В 1928 году Ханна Арендт стала доктором философии. Когда в Германии пришли к власти нацисты, она бежала во Францию и, живя в Париже, посвятила себя спасению и переправке еврейских детей-сирот из Германии за границу. В 1940 году ей снова пришлось бежать, на этот раз в Америку, где для Ханны Арендт открылась возможность возвратиться к академическим занятиям. „Истоки тоталитаризма" — это ее первая книга, за которой последовало несколько других.

Во времена гитлеризма были вынуждены покинуть Германию многие выдающиеся немецкие писатели, художники и ученые. Они унесли с собой в изгнание жажду понять, что же стряслось с их родиной, с их народом. Ханна Арендт принадлежала к этой блестящей плеяде. Историческая и личная трагедия принесла им горькую мудрость познания. Ею они одарили нас всех.

Зная в деталях идеологию и практику нацизма, Ханна Арендт натолкнулась на множество сходных черт между ним и сталинским Советским Союзом.

Итак, атомизация общества. Она, согласно Ханне Арендт, произошла в Германии в результате постигшей ее в Первую мировую войну катастрофы. Что касается России, где царский режим тоже не оставил устойчивых социальных структур и независимых политических организаций, то там та же атомизация была достигнута ленинцами и результате целого ряда насильственных действий. Сначала были ликвидированы господствующие классы, потом крестьянство, потом и рабочий класс с его независимыми профсоюзами и собственной, действительно рабочей партией. Была истреблена интеллигенция. Безудержный террор 30-х годов, методически преследуя людей за их родственные связи или даже за простые знакомства, посеял невиданное недоверие между людьми, обрекая их на духовную изолированность. Так, по Ханне Арендт, была создана безликая и лишенная структуры масса, которую нарекли „советским народом".

„Термин „массы" приложим лишь тогда, когда мы имеем дело с людьми, которые из-за своего слишком большого числа или безразличия, или из-за того и другого вместе, не могут быть объединены каким-либо действительно общим интересом, не могут составить партий или хотя бы обеспечить себе местное самоуправление, профессиональные или другие объединения. Фактически такие „массы" есть в любой стране и они составляются из политически равнодушных людей, которые не вступают ни в какие партии и даже не участвуют в выборах. При тоталитарных режимах выживают только такие люди, только массы".

Любое общество складывается из разных социальных слоев, классов, групировок, течений, взаимодействие которых придает ему структуру и исторический динамизм. Но в тоталитарных обществах остается одна однородная масса. Объявили себя „бесклассовыми" и нацистская Германия, и Советский Союз.

Считается, будто тоталитарные режимы целенаправленно обрабатывают сознание масс своей идеологической пропагандой, но Ханна Арендт сочла этот взгляд поверхностным. Тоталитарная пропаганда, по ее мнению, отличается от всякой другой именно тем, что затрачивает поразительно мало усилий на действительное убеждение подданных тоталитарного государства или даже самих активистов то-

талитарных движений. Как бы предполагается, что они должны быть (или казаться) приверженцами господствующей идеологии еще до того, как выслушают какие-либо внятные аргументы. Непоследовательность официальных суждений, явные нарушения логики, противоречие фактам, даже отъявленная ложь — мало кого волнуют.

„Вообще говоря, — пишет Ханна Арендт, — тоталитаризм стремится применять пропагандистские методы только за границей, вербуя там сочувствующих и снабжая их пропагандистскими материалами. Всякий раз, когда высказываемое для потребления за границей приходит в противоречие с тем, что творится дома, внутри страны это объясняется как „временный тактический маневр". Так поступил, например, Сталин — не тогда, когда он вступил в союз с Гитлером, но когда война с Гитлером привела его в лагерь демократии".

По частным поводам, тоталитарные вожди скорее склонны делать из своих приверженцев соучастников собственной лжи, чем в чем-то их убеждать. Это создает мнимую атмосферу доверия в разных кругах: партийное руководство лжет рядовым членам партии; рядовые члены партии лгут беспартийной массе; беспартийная масса лжет собственным детям, сослуживцам по работе, и — если представится случай, — все единодушно лгут иностранцам. Вождь, фюрер выделяется при этом тем, что ему принадлежит абсолютная инициатива лжи.

Но всеобщее вранье — это еще только начало. Не особенно заботясь о том, чтобы люди действительно верили, тоталитарные режимы направляют свои основные усилия на то, чтобы у людей не оставалось выбора — лгать или не лгать. Методы убеждения тут уступают место специфическим приемам внушения, — „индоктринации", как это называет Ханна Арендт. Здесь речь уже идет не о словах, не об аргументах, не о свидетельствах и фактах, а об определенной совокупности политических действий.

„Массы убеждают не факты, даже не сочиненные факты, а неукоснительная последовательность системы, неотъемлемую часть которой они предположительно составляют. Тоталитаризм не ограничится утверждением, допустим, будто не существует безработицы, хотя это не выдерживает критики; составной частью его пропаганды будет ликвидация пособия по безработице. При этом совершенно некстати воспользуются старым социалистическим лозунгом: „Кто не работает, тот не ест". Или хотя бы взять другой пример: когда Сталину вздумалось переписать историю русской революции, в пропаганду придуманной им новой версии входило уничтожение старых книг и документов, а вместе с ними и всех тех, кто их не только писал, но и имел неосторожность прочесть. Так и Гитлер истребил почти поголовно польскую интеллигенцию, не потому, что боялся оппозиции с ее стороны, а потому, что само ее существование опровергало нацистский тезис, будто поляки лишены интеллекта".

Тоталитарная пропаганда не нуждается ни в блеске слова, ни в яркости и свежести мысли. Косноязычный Сталин легко справился с таким блестящим революционным писателем и оратором, как Троцкий. Тоталитаризм окутывает общество атмосферой серости, однообразия и скуки. Для его целей достаточно, если человек поверит, что деваться ему некуда.

Следовательно, не изощренность пропаганды составляет главный базис тоталитарных режимов. Он, — по мнению Ханны Арендт, — в политической организации, которая строится на неукоснительном и безоглядном выкорчевывании свободы. Расистские теории имели хождение и до Гитлера, как и коммунистические утопии — до Сталина. Их вклад, их изобретательность и оригинальность свелись к созданию тоталитарной политической организации.

„По сравнению с этим изобретением, другие политические особенности тоталитаризма, — такие, например, как назначение государственных чиновников только сверху и сосредоточение всех решений в руках одного вождя, — все это второстепенно. Сам по себе „принцип вождя" еще не содержит в себе ничего специфически тоталитарного; он заимствован тоталитарными режимами у самодержавной монархии или военных диктатур, сравнение с которыми только затемняет и умаляет специфический смысл тоталитаризма. Если назначаемые сверху государственные чиновники обладают реальным авторитетом и несут четко очерченную ответственность, мы имеем дело с иерархической структурой, при которой сфера власти каждого чиновника определена законом. А при тоталитаризме законы существуют только по видимости; на самом же деле есть лишь произвол и единовластие „вождя", господство его ничем не ограниченной воли".

И при различных абсолютных монархиях, и при военных диктатурах, разумеется, свободы остается мало. Но каждый чиновник на своем месте имеет возможность управлять и принимать решения в меру своих способностей, с учетом местных условий и предписаний собственной совести. Что же касается тоталитаризма, то при нем какой бы то ни было инициативы лишены все без исключения.

После Сталина официальная пропаганда принялась критиковать „культ личности" и настаивать на необходимости коллективного руководства. Но вскоре начался „культ личности" Хрущева. То, что в конце концов сбросили и Хрущева, тоталитарной сути советской политической организации отнюдь не переменило. Наоборот, становится все очевиднее, что на посту „вождя" могут оказаться не только представлявшиеся некогда исключительными личности вроде Гитлера или Сталина, но и всякий ничем не примечательный персонаж, про которого толком ничего не известно, — Брежнев, Андропов, Иванов, Сидоров, — безразлично. И точно так же, вне зависимости от всего этого, власть может быть отнята. Единоличная власть сменяющих друг друга вождей едва прикрывает всеобщую безответственность.

„Никто при тоталитаризме не может попасть в положение, в котором он должен нести личную ответственность за действия системы или хотя бы отчитываться в своих действиях. Поскольку право и возможность что-либо объяснить монополизирована „вождем", поскольку только „вождь" выступает перед внешним миром как лицо, которое притворяется, будто знает, что делает, каждый может сказать: „Меня не спрашивайте, спросите вождя".

Но в том-то и дело, что при тоталитаризме спросить вождя нет никакой возможности. Тоталитарная организация окружает себя тайной. С одной стороны, предполагается, что к этой организации, независимо от собственного желания, принадлежит каждый член общества. Но затем это общество разделяется на слои, каждый из которых облечен разной степенью доверия и обязывается строго хранить сек-

реты от других. В советской политической организации, как и при Гитлере, отсутствует единая иерархия подчинения. Существует не только разделение аппарата на государственный и партийный, но еще — и на аппарат безопасности, армии и т. д. Все устроено так, чтобы сверху донизу никто ничего толком не знал и не мог отличить факты от выдумок, действительность от пропаганды.

Тоталитарные режимы воспитывают людей вовсе не в духе преданности исповедуемой ими догме, а развивая в них, главным образом, два качества — легковерие и цинизм. Верхи от низов отличаются только тем, что у них больше цинизма и меньше легковерия, а у низов — как раз наоборот.

„Одна из главных слабостей внешнего мира, когда ему приходится иметь дело с тоталитарными режимами, — это как раз недооценка их специфических особенностей, которая порождает иллюзию, будто, с одной стороны, сама давящая тяжесть тоталитарной лжи может в конечном счете ослабить такие режимы, а, с другой стороны, открывается будто бы возможность ловить вождей на слове и таким образом вынуждать их действовать не ко злу, а к добру. Однако тоталитарные режимы хорошо, к сожалению, защищены от таких естественных, казалось бы, последствий; их изощренность как раз и направлена на устранение ситуаций, когда либо окончательно падают маски и внезапно проступает правда, либо когда лжецы оказываются вынуждены поступать соответственно собственным фальшивым декларациям".

Согласно Ханне Арендт, тоталитарные режимы умело избегают прагматической проверки своих решений и действий. Для этого они претендуют не иначе как перевернуть весь ход всемирной истории. Тем самым объявленная конечная цель отодвигается от всего того, что может быть соизмеримо с кругозором индивидуального участника движения и, таким образом, оказаться открытым для проверки его личным опытом. Именно поэтому также тоталитарные режимы как бы намеренно поступают наперекор здравому смыслу и предпринимают действия, которые — по всем рациональным подсчетам — обречены на провал. Так, Сталин практиковал свои иррациональные пятилетки, а в конце жизни сочинил „великий план преобразования природы". Так, Гитлер начал в разгар тяжелейшей войны беспрецедентное истребление миллионов евреев, бросив на это средства и кадры, столь необходимые в тот период для обороны Германии. Абсурдность, наглость и аморализм такого масштаба способны обескуражить и сбить с толку кого угодно.

Непременный всемирно-исторический размах притязаний любого тоталитаризма определяет, как показано Ханной Арендт, три важнейшие политические особенности порождаемых им режимов.

Во-первых, тоталитарные режимы обязательно однопартийны. Партии,

Ханна Арендт

посредством которых они действуют, объявляются не иначе как „умом, честью и совестью" — хронологически, всей „современной эпохи", географически, „всего человечества". Слово „партия" происходит от латинских слов „парс", „парсис", что означает — „часть" или „группа". Но при тоталитаризме одна „часть", одна „группа" захватывает нераздельный контроль над тем, как живет и к чему стремится все общество в целом, силой навязывая всем гражданам полное единообразие мышления и поведения. При этом „великая конечная цель", будучи отодвинута в неопределенную даль будущего, утрачивает всякие реальные очертания, а однопартийная система неприметно превращается в самоцель. Будни тоталитарных режимов — это не фанатическое горение во имя будущего, а непрерывное насилие „партии" над обществом, — однопартийный контроль, который никогда не может быть признан достаточным.

Отсюда, во-вторых, господство одной партии, — „партии нового типа", как выражался Ленин, — дополняется непрерывным террором и разгулом тайной полиции. С „субъективными" врагами расправляются сравнительно быстро, непосредственно вслед за захватом власти. Но в этом еще нет ничего специфически „тоталитарного". Специфика обнаруживается тогда, когда принимаются за „объективных" врагов, число которых в принципе неисчерпаемо. Перефразируя печально знаменитый афоризм Максима Горького, можно сказать: „Если враг сдается, надо найти другого". В конечном счете, самым важным для тоталитарных режимов оказывается не та или иная конкретная политическая идеология, а разделение с ее помощью сначала населения своей собственной страны, а затем и всего мира на единомышленников и врагов. Ведь только таким путем доводится до логического конца принцип однопартийности, поскольку только в борьбе с врагами утверждается одна истина, одна мораль, одна цель.

„Если бы все дело сводилось к ненависти к евреям у нацистов или к ненависти к буржуазии у большевиков, тоталитарные режимы могли бы, совершив одно гигантское преступление, возвратиться к соблюдению обыкновенных норм права. Однако в действительности все происходит совсем иначе. Вслед за переменой обстоятельств, тайная полиция при тоталитаризме отыскивает все новых и новых „объективных врагов". В предвидении окончательного истребления евреев нацисты уже начали предпринимать предварительные шаги к ликвидации польского народа, а Гитлер вынашивал планы очищения германской расы от всяких „загрязнявших" ее примесей. Большевики, покончив с выходцами из имущих слоев российского общества, перенесли террор на „кулаков" (в начале 30-х годов), за которыми последовали лица польского происхождения и многие другие (между 36-м и 38-м годами), крымские татары и немцы Поволжья — во время войны, бывшие военнопленные и партизаны, действовавшие на занятых немцами территориях, и, наконец, — после образования независимого еврейского государства, — те же евреи".

Главная задача тайной полиции при

тоталитарных режимах заключается вовсе не в том, чтобы искоренять крамолу (которой вскоре просто не остается), а действовать с таким расчетом, чтобы никто не чувствовал себя защищенным от машины террора. Страх обязательно должен затрагивать и тех, кто сам принадлежит к партии, даже к ее верхушке. Все население без изъятия попадает в категорию подозреваемых, каждый может оказаться „объективным врагом" — „лить воду на мельницу", даже того не желая.

„Человеческие существа подозрительны уже по определению, уже в силу своей неотчуждаемой способности мыслить. Поэтому подозрительность не может быть усыплена самым примерным поведением: способность мыслить предполагает также способность менять свой образ мыслей. Подозрительность, таким образом, не только кладется в основу действий тайной полиции, но и пронизывает все общество. Эту подозрительность, возведенную в определяющий принцип общественного поведения, и нацисты, и большевики называют „бдительностью".

Поэтому, наконец, в-третьих, неотъемлемой чертой тоталитарных режимов оказывается внешнеполитическая агрессия. Чем меньше остается действительных противников внутри государства, тем больше борьба переносится на „внешнего врага". Ссылками на происки „внешнего врага" оправдывается продолжение внутреннего террора.

„Борьба за тоталитарное господство над всем населением земли, за уничтожение всякой конкурирующей нетоталитарной реальности, — неотъемлемое качество всех тоталитарных режимов; если они откажутся от глобального господства как своей конечной цели, они, по всей вероятности, потеряют и ту власть, которую уже успели захватить. Они не могут успокоиться, пока остается на земле хотя бы один независимо мыслящий человек. Для достижения своей далеко идущей цели — завоевания мирового господства — тоталитаризм, оказавшись у власти, использует все рычаги администрации. Главный из этих рычагов — тайная полиция. С ее помощью тоталитаризм превращает фикцию единомыслия в реальность. Лабораториями такой переработки оказываются концентрационные лагеря".

Таким образом, замыкается круг. Есть ли из него выход?

Нацизм правил в Германии всего 12 лет, из которых половина ушла на войну. Пал нацизм не по внутренним причинам, а из-за поражения в этой войне. Коммунистический тоталитаризм в СССР существует уже более 60 лет. Наблюдатели обнаруживают в нем многие симптомы надвигающегося кризиса. Перед нами, быть может, — явление небывалое: тоталитаризм времен упадка. Но не следует забывать, с чего начинала Ханна Арендт свой анализ, в чем она видела изначальные истоки тоталитаризма. Они — в атомизации общества, в чувстве людей своей незащищенности перед миром, в потере какой бы то ни было реальной политической ориентации и чувства личной ответственности за коллективные действия. Поэтому побежденный в одном обличьи, тоталитаризм имеет возможности тотчас же возродиться в другом. И тут уместно, думается, вспомнить еще одно наблюдение Ханны Арендт, сделанное ею после крушения нацистской Германии:

„Именно в момент поражения слабость тоталитаризма всплывает наружу, становится видима. Без принуждения и организации, вчерашние участники тоталитарного движения немедленно перестают верить догме, за которую прежде готовы были пожертвовать жизнью. Когда фиктивный мир, в котором они искали спасения, обрушивается, массы немедленно возвращаются к своему исходному состоянию разрозненных индивидуумов, которые охотно воспринимают новые функции в изменившемся мире. Тоталитарные фанатики не следуют примеру религиозных мучеников, которые готовы на смерть наедине со своей верой. Скорее они тихо покинут движение, как неудачный выбор, и примутся оглядываться вокруг в поисках новой, более обещающей фикции". ■

Предлагаем нашим читателям ознакомиться с журналом

Вече

обсуждение которого мы намечаем в одном из ближайших номеров "ТРИБУНЫ"

ГДР

Л.Косман

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Согласно гамбургскому еженедельнику „Ди Цайт", сотни тысяч граждан подали заявления о выезде в Западную Германию на постоянное жительство. Лиц, желающих покинуть „первое германское государство рабочих и крестьян", часто увольняют с работы. Но в отличие от Советского Союза, где лишившиеся работы – в связи с подачей документов на выезд – нередко преследуются судебным порядком как „тунеядцы", в ГДР дело до этого не доходит. Восточные немцы, уволенные вследствие подачи заявления на эмиграцию, почти всегда могут устроиться на подсобную работу, частью при церквях. Получаемый ими заработок весьма скромен, но они по крайней мере избавлены от преследований. Государство вынуждено считаться с авторитетом евангелической церкви в ГДР.

Чтобы обескуражить желающих эмигрировать, власти растягивают срок рассмотрения заявлений. Иногда ответа приходится ждать годами.

Прошедшим летом Иена стала центром необычных демонстраций. Правительство было вынуждено уступить нажиму смелых действий активистов. „У правительства ГДР, правда, незавидный выбор", сказал недавно по прибытии в ФРГ бывший гражданин Восточной Германии. „Чем больше людей выпускают, тем больше подают на выезд. Чем меньше выпускают на Запад, тем больше нарастает нажим снизу".

В середине августа с. г. 50 жителям города Иены был разрешен выезд в Западную Германию. Работникам паспортного окружного центра Геры пришлось работать сверхурочно, чтобы скорее оформить бумаги отъезжающих. Партия и правительство теперь избавились от группы людей, к неожиданным и изобретательным действиям которых было приковано внимание всей республики. Их успех, возможно, воодушевит и многих других граждан, уже подавших заявления на выезд.

События в Иене развертывались следующим образом. В начале июня состоялась церковная служба, посвященная борьбе за права человека в странах Центральной Америки. Среди собравшихся была горсточка людей, подавших заявления на выезд много месяцев или даже несколько лет тому назад и до сих пор не получивших ответа. Церковная служба в связи с событиями в Центральной Америке дала им повод заявить о своих собственных правах.

Около 20 человек решило прежде всего обратиться с письмом в разные инстанции ГДР (в Государственный Совет, в редакцию партийной газеты „Нойэс Дойчланд" и др.).

Эта же группа устроила 11 июня своеобразную демонстрацию на площади Космонавтов. Все участники были одеты во все

белое (в знак миролюбия и отказа от применения силы). Молча они образовали круг. Демонстранты мирно разошлись, лишив полицию возможности вмешаться.

Это было лишь началом. Каждую субботу в девять часов утра повторялась эта 15-минутная манифестация. Во второй было около 35 человек, в третий раз – 50, а в четвертую субботу в ней приняло участие уже 100 человек. Представители службы госбезопасности являлись не менее пунктуально, чем демонстранты. Активистов фотографировали. Их останавливали и требовали предъявления удостоверения личности. Появление военных автомобилей и санитарных машин служило целям запугивания демонстрантов.

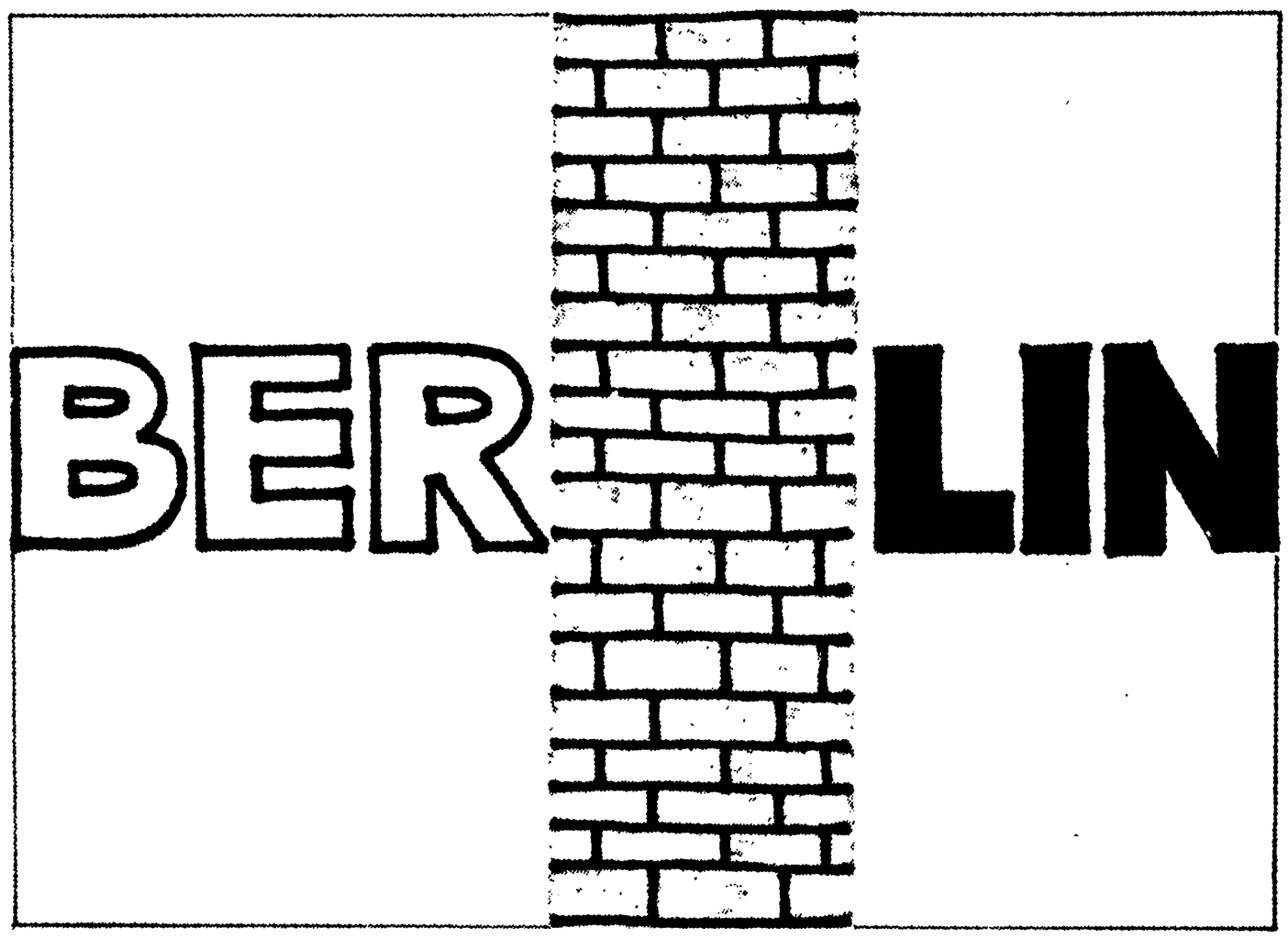
В четвертую субботу представители властей, наконец, потребовали прекратить демонстрацию, ссылаясь на ее „нелегальность".

Через несколько дней каждого из активистов вызвали на собеседование на соответствующих заводах и предприятиях. Им всем говорили одно и то же: „Шантажом вы ничего не добьетесь. Если будете вести себя тихо и спокойно, мы снова рассмотрим ваше заявление до конца года". Таким образом предупреждали примерно 150 жителей города. Но они продолжали действовать. Вывешивали из окон плакаты, на которых был написан текст статей конституции ГДР и Всеобщей декларации прав человека (как, например, „Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая собственную, а также вернуться в свою страну").

В середине июля 180 демонстрантов собрались на площади Космонавтов. На этот раз среди собравшихся были не только жители Иены, но и приехавшие из других городов ГДР – Лейпцига, Вернигероде, Галле, Плауэна. Большинство из них – люди среднего возраста, от 30 до 45 лет.

По сообщениям корреспондентов западногерманских газет, в демонстрациях участвовали семейные, хорошо устроенные люди. Они многим рисковали. В конце июля власти решили покончить с нашумевшим делом. Около 50 жителей Иены получили официальное сообщение, согласно которому им будет разрешен выезд, если они снова подадут заявления.

В последнюю субботу июля все подъезды к Иене были заблокированы. Тем не менее демонстрация состоялась в присутствии тысячи зрителей. Впервые полиция прибегла к насилию. Демонстрантов избивали дубинками. Было задержано 30–40 человек, но вскоре их выпустили.



Плакат художника Б.Мухамедшина

Население отнеслось к демонстрантам с большой симпатией и сочувствием. „Поздравляю! Желаю успеха!" – говорили многие жители Иены смельчакам.

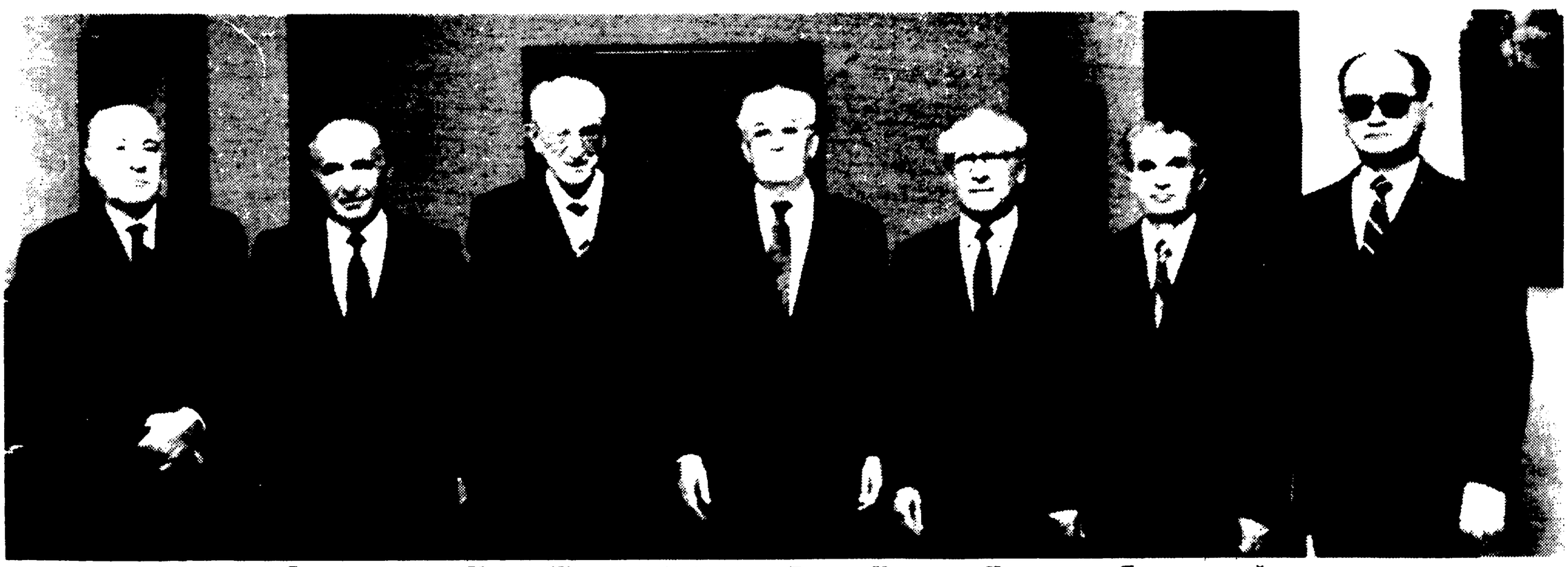
При оформлении бумаг представители властей вели себя корректно. После получения принципиального согласия на выезд, граждане ГДР должны заполнить анкету в связи с отказом от гражданства. На этом этапе фигурирует уже вопрос о том, имеются ли родственники или близкие друзья на Западе, у которых отъезжающие смогут жить. Этим путем выезд из ГДР официально подводится под рубрику „воссоединение семейств".

Среди прибывших на Запад прежних жителей Иены преобладает мнение, что шансы на выезд имеют лишь те восточногерманские граждане, которые открыто выступают за свои права. „Если подавшие заявления на выезд ведут себя тихо и незаметно, то им говорят, что они полезные члены общества ГДР. Им также заявляют, что Хельсинкское соглашение и Всеобщая декларация прав человека не относятся к ГДР. Только смелые и энергичные действия могут принести успех", – сказал один из новоприбывших.

Но далеко не все восточные немцы, участвующие в независимом движении за мир, одобряют отъезд своих сограждан на Запад. Они считают, что место этих отважных и активных людей в ГДР. В Восточной Германии неофициальное движение за мир намного сильнее, чем в СССР. В то время как в Советском Союзе имеется не более нескольких десятков активных пацифистов, в ГДР их несколько тысяч. Во многих случаях их деятельность непосредственно связана с евангелической церковью.

Недавно восточногерманский писатель Стефан Гейм в интервью с западногерманским журналистом выразил сожаление, что многие сторонники движения за мир выезжают на Запад. Гейм добавил: „Порой это происходит по желанию этих людей, порой по инициативе правительства". Известно, что Восточный Берлин заинтересован избавиться от наиболее активных пацифистов республики.

Несмотря на многолетние усилия СЕПГ воспитать молодежь в духе марксизма-ленинизма, в ГДР все большее число людей начинает мыслить и действовать независимо.



Слева направо: Кадар, Живков, Андропов, Гусак, Хонекер, Чаушеску, Ярузельский
(Из семейного альбома ЦК КПСС)

ПОЛЬША

Розетт Ламонт

СОБАЧЬЕ МЯСО И КРАСНО-БЕЛЫЕ БУКЕТЫ

Я останавливалась в Варшаве в 1974 году по пути домой из Советского Союза. Весной того года по программе научного обмена я как представитель Государственного департамента, была в Москве и Ленинграде. Детант был в зените, и я на себе испытала, что значит русское гостеприимство. Тем не менее, когда я очутилась в Варшаве после месяца, проведенного в России, мне показалось, что это путешествие я проделала в машине времени: даже воздух был другой – ощутимо свободный. Все последующие годы я пыталась вообразить, что бы я почувствовала, снова попав в город, который успела полюбить.

Человек порой может полюбить город из-за друзей, которых он там приобрел, а в дружбе поляков есть что-то сверхъестественное. Представьте себе, друг вашего коллеги из Нью-Йорка приходит встретить вас в аэропорту и вдруг возникает ощущение, что вы знаете этого человека всю жизнь и можете быть с ним абсолютно откровенным. Почти десять лет прошло с тех пор, как я была в Варшаве, но я знала, что трое моих самых близких друзей живут там и ждут меня. Одного этого было достаточно, чтобы стремиться вновь попасть в этот восхитительный город.

Однако отправлялась я в поездку не без опасений. Я знала, что Варшава моих воспоминаний – это не Варшава сегодня. Как выяснилось, тут я была не совсем права.

Май, без сомнения, самое чудесное время года в Европе. Варшава встретила меня цветением каштанов и фруктовых деревьев. На первый взгляд все казалось мирным. Аэропорт переполнен: приезжающие, встречающие, поцелуи, подарки. У меня самой было две сумки. Одна с моими личными вещами, а другая, потяжелее, битком набитая кофе, шоколадом, свежими лимонами (уже два года поляки не видели лимонов и апельсинов), шерстью для вязания, одеколоном и даже аспирином (в Польше невозможно найти аспирин!). Носильщик просто обалдел, когда получил бумажку в 100 злотых (на черном рынке один доллар стоит 500 злотых). Меня ждала приятельница с машиной советского производства.

Быстро и без труда добрались мы до города. В отличие от перегруженных шоссе Нью-Йорка и Парижа, дорога в Варшаву была почти пустой – сомнительное преимущество экономически неразвитой страны. Нам с приятельницей нужно было так много успеть сделать, что не оставалось времени обсудить экономическую или политическую ситуацию в стране. Поэтому, возможно, мои первые впечатления были самыми радужными.

Через своих друзей в Нью-Йорке я договорилась о комнате в частной квартире. Моей хозяйкой оказалась дама лет семидесяти, вдова, рассудительная и остроумная, она была в прошлом одним из ведущих архитекторов города. С моей приятельницей она говорила по-польски, но ко мне обратилась на отличном французском – языке образованного польского общества ее поколения. В приготовленной для меня комнате, большой и светлой, на низком столике у кровати стояли весенние цветы. Так принято в Польше принимать гостей.

Нужно было поднять мой багаж, и я спросила, еслть ли в доме консьерж или кто-нибудь в этом роде. „Есть женщина внизу, – ответила хозяйка, – но я избегаю просить ее о чем-нибудь". Я удивилась, но промолчала. Когда моя приятельница ушла, хозяйка объяснила: „У меня странное чувство к этой женщине. Видите ли, она разводит собак. О, нет, не потому, что она их любит. На мясо". Я удивилась еще больше. „Вы, конечно, знаете, что мяса не хватает, его выдают по карточкам. Такая старуха, как я, может обойтись без мяса, но для семьи, где есть дети, это очень трудно. Бывает, что можно купить свинью у частника, но вы должны ее забить и разделать. Даже цыплята продаются на рынке в перьях. По какой-то загадочной причине яиц много, а курица – дефицит, и не каждый может ее себе позволить. Так вот, наша консьержка нашла выход из положения. Люди приходят к ней и покупают. Иногда я слышу собачий вой, и у меня мурашки бегут..."

Той ночью я не раз просыпалась, прислушиваясь к тишине. Утром раздалось тявканье, но это лаял щенок в другом конце двора. За все время моего пребывания мне не пришлось увидеть консьержкиных покупателей, но раз или два, могу поклясться, слышались странные приглушенные звуки. Во всяком случае, я уверена, что моя хозяйка не выдумала эту историю. Для этого она была слишком разумной, уравновешенной и добродушной. Кое-что мне приоткрылось в жизни сегодняшней Польши.

Следующий эпизод связан с коричневыми пятнами на потолке моей комнаты. Как-то вечером прибежала, запыхавшись, позвонить по телефону соседка сверху. Ее мать, больная раком, задыхалась. Нужно

Павел Литвинов

ГЕНЕРАЛОВ СГОНЯЮТ С КОНЕЙ

Горе побежденным? Не прошло и двух лет после поражения Аргентины в Фолклендской войне, как там произошли демократические выборы, военная хунта генерала Галтиери ушла в отставку и президент Рауль Альфонсин возглавил гражданское правительство. Все прошло настолько мирно и гладко, что страшно сглазить. Не будут больше по ночам исчезать люди, а аргентинским матерям не придется плакать об исчезнувших детях. Утвердятся права человека. Партия перонистов, эта аргентинская разновидность фашизма, представлявшая серьезную опасность демократии, не собрала сколько-нибудь значительного числа голосов.

Подобными событиями не часто одаривает нас современность.

Однако почти одновременно нечто подобное произошло и в Турции. И там готовится принять власть гражданское правительство. Перемены не произойдут там столь радикально; демократически избранному правительству придется там какое-то время сосуществовать с президентом-генералом Эвреном; не будет немедленно отменено и военное положение. Что, впрочем, и понятно, если вспомнить, что военный переворот в Турции явился реакцией на многолетний разнузданный террор как левых, так и правых экстремистов.

Движется к демократии и Бразилия. Генералы и там разрешили свободные выборы на всех уровнях, кроме президентского, но продолжается давление на них, чтобы они сделали и этот последний шаг.

На Филиппинах массовыми демонстрациями сотрясается власть диктатора Маркоса.

Возможны перемены в сторону демократизации и в не-

срочно вызвать врача, а у них нет телефона. Когда она, позвонив, ушла, хозяйка сказала: „Я не поддерживаю близких отношений с этими соседями. Жильцы нашего дома на них сердиты. Видите эти пятна на потолке? Такие же и в моей спальне. Оттого, что наверху текут батареи. Эта женщина надстроила этаж к нашему зданию; добилась специального разрешения превратить маленький чердак-кладовку в квартиру. Я архитектор, и я знала, что этого делать нельзя. По правилам, у жильцов должны были спросить согласия, и мы собирались возражать. Но у нее, очевидно, были связи. Наши подписи подделали, а потом и сам документ мило потерялся. Теперь у нас есть дополнительный этаж и текущие батареи. Прошлую зиму пришлось их отключить. Не представляю, что будет в этом году. Так здесь делаются дела".

На следующий день моя милая хозяйка поднялась наверх спросить, как себя чувствует больная и приходил ли доктор. „Приходил, – ответили ей, – но от него было мало толку. Пришел абсолютно пьяный". Хозяйка объяснила мне, что накануне был день Святого Станислава. В Польше это очень распространенное имя, и в день своих именин все Станиславы с друзьями „крепко празднуют". „Конечно, – добавила она, – человек всегда найдет повод выпить, а в наше время людям особенно хочется отключиться".

Но не только водка... Церкви и театры – вот куда идут сегодня поляки, чтобы найти утешение, почувствовать себя единым и хоть относительно свободным народом. Церкви всегда переполнены, и большинство прихожан – молодежь. В театре царит особый дух – непокорности и единства. Хотя театры и подчинены цензуре (каждая новая пьеса должна получить одобрение цензора, прежде чем будет принята к постановке), но интонация, жест, смех цензуре неподвластны. Незримый союз объединяет зрителей, актеров и режиссеров. Смеяться и аплодировать шутке-намеку по поводу нехватки товаров или „отеческой заботы" правительства стало способом выразить протест и почувствовать себя среди своих. В конце спектакля на сцену, как обычно, бросают цветы, но даже эта традиция приобретает характер демонстрации протеста. Все чаще и чаще букеты составляют из красных и белых цветов – национальных цветов Польши. Даже программка спектакля перекликается в своем графическом решении с плакатами Солидарности и становится тайным знаком сплоченности.

Режиссер одного из театров говорил мне: „Зачастую по характеру аплодисментов мы понимаем, что сегодня у нас особый зритель. И действительно, потом выясняется, что целый ряд кресел купили бывшие члены „Солидарности". А внешне все чинно: приятели решили провести вместе вечер. Так же безошибочно отличаешь полицейских в штатском. Вы, наверное, обратили внимание на двух мужчин в фойе. Сидят в каменном молчании. Это они".

Полицейские в Польше повсюду: в ресторанах, в холлах отелей, на вокзалах. Их отличительная черта – сидят неподвижно и молча, уставившись в пустоту, как больные после лоботомии.

Улицы наводнены вооруженными солдатами и зомо (каратели, которых часто вербуют из заключенных). Я заглядывала в глаза молодых солдат: в них непреодолимый страх. Они знают ужасную правду, знают, что они – враги своей родины.

Солдаты возникают там, где их меньше всего ждешь. Помню, однажды друзья взяли меня погулять за город, полчаса езды от Варшавы. Место чудесное: фермы, поля, сказочный лес – одним словом, идиллия. Выйдя на опушку, я заметила квадратный дом на соседнем поле. Он выглядел побогаче других. „Это частная ферма?" – спросила я. Один из моих друзей, редактор престижного журнала, погнулся пополам от смеха. „Посмотри как следует", – простонал он. Я пригляделась. Солдаты выходили из дома с ружьями на плече. „Зачем этот пост посередине пустого поля?!" – изумилась я. „А кто их знает, может быть, служба подслушивания". Я почувствовала себя ничего не понимающей дурочкой-туристкой. Трудно привыкать к отсутствию логики.

Один современный художник, с которым я познакомилась в Варшаве, говорил: „В отличие от интеллигенции Советского Союза, мы не боимся предательства друзей. В нашем кругу нет шпионов, нет агентов секретной полиции. Даже если Солидарность умерла как организация, она жива как моральная сила. Советский Союз не сможет проглотить нас, мы встанем у него поперек горла. Они знают, что не найдут здесь ни одного союзника. Если завтра будет объявлена война, поднимется вся Польша. Веками русские были нашими поработителями, с тех пор ничего не изменилось. Мы можем хорошо относиться к русским, но мы не хотим иметь дела с их правительством. Честно говоря, мы считаем, что ваш президент прав, применив санкции против нашего государства. В конце концов поляки ничего не выиграют от так называемой либерализации и бесконечных уступок. Все достанется Советскому Союзу. Ваши либералы думают, что низкий уровень жизни у нас и в России послужит толчком к переменам. Ничего подобного. Наши правительства к тому и стремятся, чтобы мы теряли энергию, стоя в очередях. У нас останется слишком много времени для заговоров, если наши силы и терпение не будут уходить на повседневность".

Слушая этого прекрасного художника, я вспомнила свой первый вечер в Варшавском драматическом театре. Меня пригласи-

→

которых странах Азии: в Бангладеше и Пакистане.

В ближайшие годы возможна серьезная перестройка карты свободы (см. статью об этом в данном выпуске „Трибуны").

Мы не склонны недооценивать опасностей, которые подстерегают свободу в этих и других точках земного шара. Но все же не стоит забывать, что в прошлом десятилетии исчезли с карты Западной Европы три последние диктатуры: пришла демократия в Грецию, Испанию и Португалию.

Диктаторы не любят расставаться с властью; власть — сильный наркотик, а похмелье от него тяжелое. Но это не единственная причина — они боятся возмездия и, надо сказать, боятся с полным основанием. Поэтому очень важно, чтобы новые гражданские власти не давали воли мстительным чувствам к поверженным диктаторам. Строгое соблюдение законности при первых же шагах перехода от авторитаризма к демократии особенно необходимо. Положительный опыт таких переходов важен и для других народов, еще не освободившихся: они смягчили бы страхи диктаторов, еще колеблющихся.

Так или иначе, среди примерно сорока, так называемых, „правых" диктатур современного мира намечается движение. В этом отчасти есть и несомненная заслуга стран Запада, которые оказались естественными союзниками этих диктатур в противостоянии коммунизму, но и не перестают оказывать на них давление, побуждая к демократизации, соблюдению законности и уважению к правам человека.

Восстановление демократии в недемократической стране, а тем более утверждение ее впервые — дело тяжелое, чреватое неминуемыми ошибками и многочисленными опасностями. Бывают ситуации, когда временная военная диктатура, вводимая на ограниченный период, оказывается даже наименьшим из зол. Но радоваться злу, хотя бы оно и наименьшее, проклинать добро только потому, что оно слабое, — позиция сомнительная.

Правые диктатуры, как неопровержимо показывает опыт, затягиваясь на целые исторические периоды, парализуют гражданскую жизнь и прокладывают дорогу левым диктатурам. Так Сомоза породил сандинистов в Никарагуа.

Свобода неделима — вот единственный лозунг, который может объединить ВСЕХ демократов. ■

ли посмотреть „На ногах", великолепную драму Славомира Мрожека, последние три года не сходившую со сцены этого театра. Это было 3 мая, в годовщину польской конституции 1791 года. Днем по улицам прошли демонстрации, были столкновения с полицией, поэтому зрители все воспринимали особенно остро. Судьбы автора и режиссера тоже не оставляли равнодушных. Мрожек – своего рода герой сопротивления. Он уехал из Польши 20 лет назад, когда его пьесы запретили. Сейчас он живет в Париже. Режиссер Драматического театра Густав Холубек, один из ведущих актеров Польши, только что был замещен Жаном Полем Голеком, директором Краковского театра. Убежденный либерал, Холубек был членом парламента в героические времена официального существования Солидарности. Поляки все еще вспоминают его блестящие смелые речи. В конце спектакля разразилась овация. Холубека приветствовали стоя, и было очевидно, что эти аплодисменты адресованы не только большому артисту, но прежде всего мужественному человеку, жертве правительственных репрессий.

Однако истинная жертва полицейского режима – молодежь Польши. Однажды, стоя у кафе Союза писателей (Союз уже был распущен, но столовая и кафе еще были открыты), мы обсуждали скопление зомо в нескольких шагах от нас, перед Королевским дворцом. „Не обращайте внимания, – сказал мой собеседник с грустной улыбкой, – мы в безопасности, вы и я. Полиция охотится на молодежь". Его слова оказались страшным пророчеством. 10 дней спустя в Старом городе 19-летний студент Гржегорж Пржимяк зашел в кафе выпить стакан вина с приятелем. Они отмечали успешное окончание выпускных экзаменов. Пржимяк был арестован и приведен в полицейский участок. Там его забили насмерть. Убийство юноши не было случайным. Гржегорж – сын известной поэтессы Барбары Садовской. Благородная бескорыстная женщина, она принимала активное участие в работе церковного комитета – помогала семьям арестованных членов Солидарности. Садовскую предупредили, что если она не прекратит свою деятельность, они доберутся до ее сына. Угроза была приведена в исполнение.

На похороны Гржегоржа Пржимека съехалось около 50000 человек со всей Польши. Это была самая мощная демонстрация со времени введения военного положения.

Польше не нужны новые мученики. Каждый акт жестокости усиливает дух сопротивления и стойкости. Солидарность– действительно моральная сила. Поляков можно заставить есть собачье мясо, но нельзя подавить их гордость. ■

(Перевод с английского Ольги Французовой)

---

* Розетт Ламонт – профессор сравнительного литературоведения Квинс-колледжа в Нью-Йорке. Статья написана специально для „Трибуны".

АФГАНИСТАН

*Клод Малюрек**

ОШПАРИВАНИЕ КИПЯТКОМ

Прежде чем говорить о положении в Афганистане, я должен сказать несколько слов о нашей организации. Тогда будет яснее, как условия нашей работы привели меня к выводам, которые я собираюсь высказать.

Общество „Медики поверх границ" было основано в 1971 году, во время гражданской войны в Нигерии группой французских врачей, которые работали в Биафре. Они тогда увидели, что крупные частные межгосударственные организации гуманитарной помощи слишком бюрократичны и неповоротливы, чтобы немедленно реагировать на жизненные нужды окруженного враждой населения — особенно в условиях гражданской войны. Это и побудило нас создать организацию, способную более гибко и эффективно действовать повсюду, или почти повсюду, где необходимо вмешательство людей нашей профессии и где его труднее всего обеспечить.

Не особенно вдаваясь в подробности, я бы отметил несколько мест, где работали наши бригады. Этот простой перечень покажет, что нам удалось охватить почти все самые конфликтные районы во всех частях современного мира. Это — Юго-Восточная Азия, Афганистан, Ливан, Чад, Восточная Африка. Ангола и Центральная Америка. Подчас то или иное правительство не позволяло нам работать на подвластной ему территории или даже подвергало нас преследованиям. Поэтому нам приходилось осуществлять некоторые наши миссии неофициально. Это, в частности, имело место в Афганистане, а также в Эритрее и в Иранском Курдистане, где недавно наша миссия была ликвидирована.

В Афганистане „Медики поверх границ" работают три года. Наши первые медицинские бригады прибыли в эту страну в мае 1980 года, то есть через 5 месяцев после советского вторжения. С тех пор мы послали туда 162 человека — врачей и медицинских сестер — каждого сроком от четырех до восьми месяцев. Прибывавшие и отъезжавшие, конечно, обменивались информацией. Друг другу мы верим. Так что есть все основания утверждать, что наше присутствие в Афганистане было непрерывно. Мы оборудовали там 12 госпиталей. Из них 4 были намеренно подвергнуты бомбардировкам и разрушены советской авиацией. Мы эвакуировали два другие наши госпиталя из районов, где, по нашему мнению, нужда в немедленной медицинской помощи была не столь насущна и где нам удалось подготовить местных жителей, способных в случае необходимости нас заменить. В данный момент в Афганистане работают 22 наших человека в 6 госпиталях.

Благодаря нашему непрерывному присутствию, мы получили возможность вынести представление о положении в Афганистане с самого начала военных действий, — особенно, конечно, в тех местах, где непосредственно работали. Это положение — прямое следствие советских методов борьбы с партизанами. Те же последствия обнаруживаются,

впрочем, в любом вооруженном конфликте, в который непосредственно вовлечены СССР или его союзники.

Трудности борьбы против партизан хорошо известны. Их можно суммировать поговоркой — „как рыба в воде": так действуют партизаны среди дружественного им окружения. И до сих пор не придумано рецептов, как остановить такую войну, коль скоро она началась. Переселение местных жителей, ликвидация партизанских баз, поголовная регистрация всего населения и слежка за просачивающимся в его среду противником — всего этого, на первый взгляд, вполне достаточно. Однако только на первый взгляд: в конечном счете, силы сопротивления одерживают верх.

И вот тоталитарный режим, анализируя опыт подобных неудач, находит решение „задачи", которое представляется самым простым, логичным и эффективным, поскольку источник силы движения сопротивления определяется поговоркой „как рыба в воде", надо вычерпать всю воду, чтобы завладеть ее содержимым. Иначе говоря, действенные контрудары перед лицом партизанской войны предполагают массовые карательные меры против населения, а иногда — и поголовное истребление этого населения.

Казалось бы, перед такими мерами должны бы остановиться самые решительные оккупанты. Но не в данном случае, не когда мы имеем дело с тоталитарным режимом. На наших глазах эта теория воплощалась в практику. И не только в Афганистане. Например, в провинции Огаден, которая восстала против укрепившегося в Эфиопии просоветского режима, одно за другим сравниваются с землей города и селения. Их обитатели — числом около миллиона — находятся теперь в соседней Сомали.

Тот же тип ведения военных действий практикуется и в Афганистане — с той только разницей, что отряды афганского сопротивления сумели и эту тактику обречь на провал. Только поэтому ее там труднее распознать.

Особенности типа войны, как она ведется русскими в Афганистане, в сопоставлении с аналогичными, на первый взгляд, войнами, которые велись западными вооруженными силами, допустим, Францией в Алжире или Соединенными Штатами во Вьетнаме, очевидны. В общем и целом, какие бы безответственные акции ни совершались французской или американской армией, их противопартизанская тактика сводилась к тому, чтобы любыми доступными средствами пытаться привлечь население на свою сторону. Увы, итоги подобного рода тактики нам слишком хорошо известны.

Но в Афганистане занимаемые советскими вооруженными силами города используются лишь как базы, которые призваны обеспечить чисто военное господство над прилегающими районами. Там размещаются гарнизоны, узлы коммуникаций, аэродромы, казармы и оборонительные укрепления. Однако фактически остальная территория не контролируется. Есть укрепленные города, но не деревни. Немногие военные операции с использованием наземных сил преследуют исключительно стратегические цели. Иначе говоря, советская оккупация Афганистана не ориентируется на получение поддержки самих афганцев. Она рассчитана на то, чтобы подавить их силой.

Именно в этом главное отличие советских методов борьбы с партизанами от тех, которые применялись французами и американцами. Это бросается в глаза. Русские — не простаки. Они поняли, что войну с партизанами не выиграешь, если церемониться с населением и проявлять к нему милосердие. Наоборот, такую войну выиграет лишь тот, кто сумеет превратить покоряемую страну в царство страха и террора. Советская противопартизанская тактика не предполагает применять холодный душ вслед за горячим, нет, она предписывает непрерывное ошпаривание кипятком, все снова и снова, пока и сами партизаны, и остальное население не взмолятся о пощаде.

На первой фазе войны, вплоть до конца 1980 года советские воздушные и наземные соединения систематически предпринимали совместные операции, прямой целью которых было устрашение. Эти операции однотипны. Приведу пример.

Несколько сот советских бронемашин покинули Кабул, чтобы занять долину провинции Хазараджат, войти в которую не представляло особых трудностей. Население, которое либо было предупреждено просочившимися слухами, либо само насторожилось, заметив особую активность советской разведывательной авиации, успело бежать в горы. Советские части, таким образом, занимали опустевшие деревни, где они оставались несколько дней, страдая от набегов муджахетдинов, закрывших проходы в верхние долины. За эти несколько дней советские солдаты грабили и жгли дома, поджигая посевы, а затем угнали с собой немногих оставшихся на месте жителей, в основном стариков, которых они допрашивали и без долгих проволочек казнили.

В 1980 году три подобных рейда советских войск имели место вдоль дороги на Шибарский перевал, охватив, таким образом, Бамаян, Якаоланг и Пенжао. Они длились приблизительно 10 дней каждый — в июне, августе и сентябре. Русские уничтожали все, что попадалось на глаза, поджигали посевы, сожгли базары в Пенжао и Якаоланге, уничтожили несколько деревень. Старая американская больница в Якаоланге была превращена в руины.

Такие же разрушения производились в афганском Туркестане и в северной части провинции Газни. Когда одна из наших бригад пришла туда на два дня позже этих операций, дым еще курился над развалинами деревень, а люди подрывались на оставленных советскими солдатами минах-ловушках.

С конца 1980 года число подобных набегов резко упало — вероятно, потому, что советские наземные части, оказываясь открытыми вне городских укреплений для ударов со стороны муджахетдинов, несли слишком большие потери. Впоследствии русские нашли другие способы терроризировать население, в особенности путем воздушных рейдов боевых вертолетов, против которых бойцы афганского сопротивления почти совершенно беззащитны.

В районе того же Хазараджата, например, список уничтоженных таким способом деревень настолько обширен, что у меня нет возможности говорить об этом сколь-нибудь подробно. В Жалрезе подвергся бомбежке дом, где была свадьба, и эта трагедия оставила несколько десятков жертв. В Вадрасе, где находилась в то время штаб-квартира временного правительства Хазараджата, советские вертолеты ее не атаковали, хотя по логике вещей, именно она должна была оказаться их мишенью. Зато они тщательно разбомбили базар этого селения. Это, как мне представляется, весьма характерно для советской тактики в Афганистане.

Военные операции, проводимые главным образом посредством вертолетов, позволяют также разбрасывать мины-ловушки, в частности, мины, пристроенные к детским игрушкам. Об этом достаточно писалось в западной печати, и я не буду вдаваться в подробности, но все-таки хочу высказать одно соображение. Мины-ловушки предназначены не столько убивать, сколько наносить ранения. Русские прекрасно рассчитали, что в партизанской войне калечение людей причиняет противнику больший урон, чем их убийство. Раненый отягощает партизан, поскольку они вынуждены переносить его с собой при передвижениях, хотя, по всей вероятности, он — больше не воин. Во многих случаях он все равно умирает через несколько дней или недель от газовой гангрены или общего заражения крови, что еще больше обескураживает окружающих, которые вынуждены в бессилии наблюдать его мучительную кончину.

Нам приходилось также извлекать осколки от взорвавшихся мин с игрушками. Главная мишень — дети, которым чаще всего взрывом отрываются руки, когда они схватят валяющуюся на земле какую-нибудь яркую пластмассовую ручку или маленький красный грузовичок. Невозможно вообразить что-либо более далекое от обычных средств военной стратегии.

Тысячи таких мин, разбрасываемых советскими вертолетами вдоль ведущих в Пакистан горных перевалов, имеют целью экономическую блокаду страны, изоляцию ее от окружающего мира, — правда, в данном случае, без особого успеха. Кроме того, взрывами таких мин уничтожается и рассеивается домашний скот афганских крестьян. Когда я впервые прибыл в Афганистан в 1980 году, меня с первого

→

взгляда поразило множество коров и коз, ноги которых были перевязаны лубками из бамбуковых палок, замотанных проволокой. Пастухи объяснили мне тогда, что эти животные наступили на мины. Но главное бедствие, как сказали те же пастухи, — не эти выжившие животные, а гораздо большее их число, которое после ранения погибло от инфекций. Кроме того, стада разбегаются после взрыва и их трудно бывает собрать. Хотя афганцы т ательно расчищают от мин дороги, скот продолжает гибнуть. Конечно, вы понимаете, какие последствия это за собой влечет для снабжения Афганистана мясными и молочными продуктами.

Другой пункт, который необходимо отметить, — это вопрос об афганских беженцах. Неправильно было бы воспринимать этих беженцев в традиционном смысле — как печальное, но неизбежное следствие войны.

Нет, массовое бегство афганцев — это одна из сознательно преследуемых целей советской военной стратегии. То же самое мы наблюдаем и в Кампучии, например, почти повальная эвакуация мирного населения, которое вынуждено бежать от насильственной смерти и голода. Только методическим стремлением к этому результату со стороны оккупантов можно объяснить невиданное количество афганцев, которые покинули свои дома и селения. Их сейчас не менее трех миллионов в Пакистане и около полумиллиона в Иране. Другие, тоже сотни тысяч, скрываются от советского контроля в малодоступных горных районах. Поскольку эти последние обычно не учитываются, оценки общего числа афганских беженцев, которые даются международными организациями, крайне преуменьшены. Сейчас более трети афганцев лишились своего традиционного крова.

Если к этому прибавить погибших либо в боях, либо от болезней, вызванных, главным образом, недоеданием, — и прежде всего среди детей — мы должны будем прийти к выводу, что советская стратегия противопартизанской войны, в конечном счете, весьма эффективна. А если учесть также тысячи афганских детей, отправляемых в Советский Союз, чтобы стать в один прекрасный день функционерами „Афганской социалистической республики", то все это взятое вместе, напомнит так называемое „освобождение" среднеазиатских народов, которое длилось лет 15 и завершилось полной ликвидацией восстания „басмачей".

Наконец, я хотел бы сказать насчет обстановки, при которой только и может осуществляться принятая Советским Союзом стратегия борьбы с силами афганского сопротивления. Это — обстановка секретности.

Международное общественное мнение никогда не примирилось бы с такими чудовищными злодеяниями, если бы оно изо дня в день снабжалось информацией о том, что творится в Афганистане. Именно желанием сохранить свои деяния в тайне объясняются систематические советские попытки закрыть афганские границы. В Афганистан проникает ничтожное количество независимых корреспондентов, а их отрывочные репортажи не способны создать перед глазами читающей публики общую картину событий. Сравните, например, как освещались западными средствами массовой информации действия американцев во Вьетнаме с тем, что известно международному общественному мнению про Афганистан.

Французские врачи, выполняя в Афганистане свой профессиональный долг, неожиданно для себя стали важнейшими свидетелями и, вопреки своей журналистской неопытности, оказались вынуждены заполнять вопиющие пробелы в мире новостей. Я называю эти пробелы вопиющими, прежде всего потому, что если уж маленькая организация, подобная нашей, смогла постоянно содержать не менее двадцати врачей в четырех афганских провинциях, то же самое доступно и могущественным организациям информации. Они могли бы посылать в Афганистан необходимое количество корреспондентов. Могли бы, если бы, конечно, захотели.

Русские не могут примириться с тем, что, находясь в Афганистане, мы выполняем также и роль независимых свидетелей. Поэтому мы для них — мишень. Как я уже сказал, в 1980 и 1981 годах четыре госпиталя „Медиков поверх границ" были сознательно разрушены рейдами советских боевых вертолетов. Таким же образом были стерты с лица земли два других госпиталя в районе Пайшира, развернутые там другой французской организацией — „Интернационалом медицинской помощи". Бывали случаи, когда сами наши врачи подвергались выслеживанию со стороны советских военнослужащих, которые, имея фотографии этих врачей и показывая их местным жителям при допросах, пытались их разыскать. Впрочем, всем нашим врачам, за исключением одного случая, удавалось уйти от преследователей. Но мы не думаем, что после этого советским властям снова захочется повторять подобного сорта операции. Они повлекли бы за собой катастрофическое падение советского престижа в Европе, особенно во Франции, а также в глазах всех народов земли. А это было бы для них особенно неприятно, если принять во внимание нынешние дискуссии вокруг размещения американского ядерного оружия в Европе.

Каковы же результаты советского вторжения в Афганистан?

Города и деревни Афганистана контролируются очень слабо. Ни одной недели не проходит без сообщений о партизанских нападениях либо на правительственные учреждения, либо на какое-нибудь иностранное посольство в самом Кабуле. Торговые центры таких крупных городов, как Герат или Кандагар, по имеющимся у нас данным, были подвергнуты бомбардировкам и почти полностью разрушены советской авиацией, поскольку они оказались в руках противника. Такие афганские цитадели, как Баньян, Газни, Гадез и Хост, сожжены до основания. Я снова хотел бы сравнить эти последствия советской стратегии террора и массовых разрушений с тем, как вела себя французская армия в Алжире в 1960 году, когда в уличных боях брались дом за домом при минимальных потерях собственности и жизни мирного населения.

Поскольку линии коммуникаций не находятся под советским контролем вовсе, как главное средство сообщения между городами значение получили вертолеты.

Советской стороной были предприняты попытки ведения психологической войны, например, попытки играть на местных антагонизмах и вражде между отдельными афганскими племенами. Но и они не выглядят особенно успешными. Соглашения о перемирии, достигнутые в отдельных районах Афганистана, идут на пользу не только кабульскому режиму, но и борцам сопротивления. Они свидетельствуют скорее о равновесии сил, чем об успехах советской стратегии террора.

Впечатляет число уничтоженных силами сопротивления советских бронемашин. В районах, где мы работали, мы насчитали более шестисот таких машин, но если распространить эту статистику на всю страну, получится что-то около трех или четырех тысяч.

Почти полностью провалилась и экономическая блокада. Границы почти так же проходимы, как и до советского вторжения. Нашим медицинским бригадам требуется всего три дня, чтобы добраться до центральных районов провинции Хазараджат. В противоположность тому, как люди это обычно себе представляют, мы передвигаемся только на легковых автомибилях и грузовиках, и только в дневное время.

Уничтожение посевов и поджоги продовольственных складов, как я уже сказал, действительно, имеют место, но выгода — если тут уместно употребить это слово — состоит лишь в том, что оставшееся на месте население питается раза в два хуже, чем до войны. К тому же караваны, переходя в Пакистан и обратно, продолжают доставлять свежее продовольствие, а бойцы сопротивления приносят дрова к аванпостам правительственных войск, чтобы обменивать их там на соль и сахар прямо из Кабула. Лучшим показателем провала экономической блокады может служить движение цен на местных рынках. Например, галлон бензина (около 3,8 литра) стоил 50—60 афгани в 1978 году, 200—300 афгани при Амине и 160 афгани — теперь. Цена пачки сигарет, которая в 1978 году составляла 16 афгани, поднялась до 60 афгани при Амине, а теперь пачку сигарет можно купить за 28 афгани. И то же самое можно сказать о ценах на ряд других товаров. Результаты блокады, таким образом, в лучшем случае, минимальны.

Я мог бы привести еще множество других фактов, которые свидетельствуют о провале советской стратегии в Афганистане. По крайней мере, на ограниченный промежуток времени. И вы могли бы подумать, что мои заключительные прогнозы будут оптимистическими. Но, к сожалению, это не так. Все, что я сказал, показывает, что в Афганистане установилось равновесие сил, которое за четыре года не изменилось вопреки явному неравенству противников: с одной стороны, крупнейшая в мире армия, а с другой — кучка людей, поднявшихся против оккупантов. И нет никаких признаков, что положение может сдвинуться в ту или иную сторону в ближайший обозримый промежуток времени. Лично я уверен, что афганцы не будут разбиты ни в ближайшем, ни в более отдаленном будущем.

Однако советская стратегия в Афганистане в корне отличается от более умеренных методов интервенции. Советским властям не нужны громкие победы, чтобы как можно быстрее объявить о них своим гражданам. Катастрофы, подобные той, которая произошла в Салонгском туннеле, никого не побудят в Москве кричать и требовать, чтобы „наши ребята" как можно быстрей были возвращены домой. Советская армия может терпеливо ждать, как она дождалась в прошлом, пока не иссякли силы восстания „басмачей".

Афганское сопротивление может держаться долго, очень долго, но, в конечном счете, оно, вероятно, будет сломлено, если только в грядущие годы не произойдет коренных международных перемен в балансе сил и не изменятся реакции людей Запада на поведение советского тоталитаризма. ■

---

* Клод Малюрек — директор общественной организации французских врачей „Медики поверх границ". Мы публикуем сокращенный перевод с английского его доклада, который был прочитан 17 октября 1983 года на конференции по проблемам Афганистана, проведенной Русским исследовательским центром Гарвардского университета совместно с Государственным департаментом Соединенных Штатов.

Перевод с английского
Бориса ШРАГИНА

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

ВТОРАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЕКИНА*

События, происходящие в экономической жизни Китая, можно считать крупнейшей в мире бескровной революцией и потенциально важнейшим сдвигом в современной Азии. Речь идет не только о благосостоянии миллионов китайцев, но и о возможном влиянии будущего стабильного, процветающего Китая на политико-экономический климат Восточной Азии и всего мира.

Тридцать лет назад коммунистическая партия Китая ликвидировала частную собственность, национализировав сельское хозяйство и промышленность. И вот сейчас сверхпрагматик Дэн Сяопин и его единомышленники толкают тяжеловесную экономику Китая в противоположную сторону.

Решив, очевидно, перещеголять самые консервативные правительства Запада, стремящиеся ослабить контроль государства над экономикой, Пекин поклялся „снять правительство с шеи народа". КПК повышает материальную заинтересованность, а главное, признает за всеми рабочими коллективами право свободно принимать решения, связанные с управлением предприятием, капиталовложениями, направлением научных исследований и технических разработок. Такие авторитетные партийные органы, как газета „Женьминжибао", открыто зовут китайских рабочих и крестьян „обогащаться", подчеркивая, однако, что Китай никогда полностью не откажется от централизованного планирования.

Частичная децентрализация экономики привела к беспрецедентным экономическим успехам и уверенности нации в себе. После десятилетий усиленного развития тяжелой промышленности и капитального строительства, экономисты Китая пришли к необходимости выделить больше средства на развитие сельского хозяйства, легкой промышленности, энергетики и транспорта. В 1982 году валовой национальный продукт составил 415 миллиардов долларов — на 8,7% больше, чем в 1981 году, а темпы роста производства возросли на 1,5%, что позволит Китаю достичь намеченной цели — увеличить национальный продукт в 4 раза к 2000 году. Международная торговля принесла в казну более шести миллиардов прибыли в иностранной валюте.

Основной принцип новых реформ — высвобождение инициативы и стремления к обогащению, то есть именно тех черт, которые десятилетиями маоизм стремился уничтожить. Первый залп экономической революции прогремел в деревне, где власти разрешили крестьянам удерживать при себе доходы, превышающие государственные поставки, заниматься побочными промыслами и торговать производимым товаром. В некоторых районах Пекин выделил в пользование крестьян даже участки земли.

Новая КитайскаяВолна: Дэн Сяопин переплывает Янцзы

Сельскому хозяйству в предстоящих преобразованиях принадлежит ключевая роль. Фанг-Ай, один из крупнейших специалистов, признает, что даже к концу века в таких областях промышленности, как сталелитейная, автомобильная, электроника и космос, Китаю вряд ли удастся достичь уровня Соединенных Штатов 1970 года — как по объему производства, так и по его денежной стоимости. Однако уже в прошлом году Китай произвел больше зерна, хлопка и мяса, чем США в 1970 году.

Специалисты по планированию предсказывают: к 2000 году 80 проц. сельскохозяйственной продукции составят товарные культуры, продукты рыболовства, лесного хозяйства, скотоводства и сопутствующие им изделия. Основываясь на последних достижениях в области совершенствования методов производства, „Женьминжибао" предполагает, что через 20 лет до двух третей земледельцев Китая должны будут искать работу в новых для себя областях, оставив традиционное выращивание риса и пшеницы.

Взаимоотношения между правительством и земледельцами построены на так называемой „системе ответственности". Крестьяне подписывают контракт, который определяет, что и в каких количествах они должны производить, а также, сколько государство им за это заплатит. Они получают премию за превышение нормы, а в остальное время

могут работать на своих участках.

Система коммун практически ликвидирована. Эта устаревшая организационная структура — наследство времен Мао, когда тысячи сельских жителей сгоняли на выполнение грандиозных, но нереальных проектов. При новой „системе ответственности" Пекин проводит дальнейшие административные реформы с целью ускорить развитие деревень. Стимулируя производительность, правительство поощряет крестьян становиться „передовыми" хозяевами, т. е. выращивать высокие урожаи зерна, товарных культур и других продуктов сельского хозяйства. Местные власти оказывают им особую поддержку: они первыми получают семена, удобрения и т. д.

Другое новшество — призыв обрабатывать ранее неиспользованные или не до конца использованные земли, оставляя себе полностью или значительную часть получаемых с них продуктов и прибыли. В некоторых районах — ошеломляющий отход от традиционной политики коммунистов — Пекин даже отдает землю в собственность отдельным семьям. Недавно в провинции Анхуэй большие участки бесплодного склона горы были „розданы" семьям, засадившим его деревьями. Эти семьи могут оставлять себе весь доход с освоенных ими участков и передавать землю по наследству.

Объединения индивидуальных хозяйств или государственные фермы выращивают теперь собственный урожай, обрабатывают его своими машинами, сами продают конечный продукт. Такие объединения созданы более чем в 10000 коммун и получают небывалый доход.

Прошлый год был в Китае одним из самых урожайных. Зерна собрали на 139 миллиардов долларов, т. е. на 11% больше, чем в 1981 году. К концу 1982 года крестьяне положили в Сельскохозяйственный банк Китая 14,1 миллиарда долларов.

Пессимисты могут сказать, что будущее развитие сельского хозяйства Китая сдерживается дефицитом пахотной земли, а также уменьшением производства на душу населения, которое растет, как грибы. Однако остаются обширные пространства нетронутых земель, и сейчас, когда китайские крестьяне встали на путь обогащения, перспективы сельскохозяйственного роста кажутся практически неограниченными.

Попытка использовать те же механизмы в промышленности, — области, более сложной, — дело не простое. Чтобы обеспечить наилучшее использование рабочими своей самостоятельности, Пекин развернул широкую кампанию за повышение производительности. Основной принцип — в определенных рамках позволить вступить в игру силам свободного рынка: пусть плохо управляемые предприятия терпят крах, а лучшие получают максимальную прибыль.

С середины 1981 года Пекин разрешил рабочим отстающих предприятий подписывать контракт на самоуправление. Хотя новые хозяева пока еще должны отчитываться перед государственными учреждениями, у них относительно развязаны руки. Рискнувшие обещают в течение 3 лет удвоить выход продукции со своих предприятий и увеличить прибыль в 8 раз. Если они потерпят поражение, они потеряют работу и возьмут на себя „экономическую ответственность". Зато им предоставлено право сокращать число рабочих, продвигать лучших и распределять премии.

По мере того как все больше и больше предприятий Шанхая, Тьенцина, Пекина вступают на новый путь и заменяют тупоголовых аппаратчиков инициативными работниками, государство становится скорее контролером, чем экономическим диктатором. В одном из районов Пекина 179 из 1400 коммерческих организаций (ресторанов, магазинов, аптек) управляются самими служащими. Эти предприятия имели в прошлом году небывалый оборот — 308 миллионов долларов.

Следующий шаг: государственные предприятия Китая будут платить налог — от 15% для самых маленьких до 55% для крупнейших, вместо того, чтобы весь доход отдавать правительству. Оставшиеся деньги они могут использовать для научных исследований и разработок, для награждений отличившихся работников и других целей.

Судя по успехам шести фабрик Кантона, впервые применивших новую систему в 1979 году, она доказала свою эффективность. Эти предприятия легкой промышленности за два года увеличили выпуск продукции, а соответственно, и налоги, уплачиваемые государству, до 47 процентов. На „посленалоговый" доход было куплено новое оборудование и проведено много технических усовершенствований.

Другое важное направление — создание систем предприятий. Такие системы появились в 1979 году. Они координируют работу заводов и фабрик, производящих сходные товары, обеспечивают наиболее экономичное снабжение их сырьем, организуют общие научно-технические разработки, налаживают сбыт. Примером может служить основанная в начале этого года Китайская нефтехимическая корпорация — для координации деятельности заводов по очистке нефти, химическому машиностроению и производству синтетического волокна.

Организованы также новые экономические зоны. Каждая из них охватывает по меньшей мере один крупный индустриальный центр, направляющий и стимулирующий экономическую активность слаборазвитого района. Эти огромные хозяйственные подразделения будут обладать разумной самостоятельностью, особенно в области импорта технологии и ведения дел с зарубежными покупателями, а также вкладчиками капитала.

Одна из первых таких зон — дельта Янцзы с центром в Шанхае, на долю которой приходится до 15% промышленного и сельскохозяйственного производства района. Как ожидается, здесь будут наиболее успешно развиваться новые отрасли промышленности. Другие города образуют центры зон сельского хозяйства и традиционной легкой промышленности, например, производства одежды, народных промыслов.

Нет сомнения, что модернизация производства в Китае будет зависеть от использования новой технологии, если только страна не хочет и в XX1 веке называться „больным Восточной Азии", как говорили о Китае в 30-х годах. Технологическая перестройка такого сложного хозяйства — геркулесова задача. Китай переполнен устаревшими заводами. Согласно государственной статистике, от 30 до 35 проц. оборудования фабрик и заводов соответствует международным стандартам 60—70-х годов. Хуже того, более 60 проц. машин изготовлено в 40—50-х годах. И ничего удивительного, что китайские товары не выдерживают конкуренции на мировом рынке.

Согласно Шестому пятилетнему плану (1981—1985 гг), большая часть фондов, предназначенных для научных исследований, будет ассигнована на разработку 100 технологических процессов, — преимущественно в таких ультрасовременных областях, как лазеры, микроэлектроника, изотопы. Для этой цели, а также для разработки современ-

ных научных методов управления, в Китайской Академии наук организованы специализированные группы. Не менее важно техническое переоснащение существующих предприятий. К 1988 г. 25 проц. основной продукции электроники и машиностроения должны быть подняты на уровень американских и японских стандартов 70-х–80-х годов, а к 1998 году – 100 процентов.

Значительных успехов добился Китай в производстве и использовании счетно-вычислительной техники. Сейчас в стране насчитывается 3500 компьютеров всех типов и размеров, а также более 10000 специалистов в этой области. Применение компьютеров модернизирует не только промышленность, но и оборону, нефтеразработки, железнодорожный транспорт и авиацию. К 2000 году использование программирования на заводах Шанхая позволит высвободить более 100000 технических специалистов.

В следующие два года на крупных и средних заводах Китая будут широко внедрены мини-компьютеры для контроля производства и качества продукции. На некоторых заводах в качестве эксперимента компьютеры будут использованы в целях управления производством. Предполагается, что в 1990 году Китай будет производить и использовать столько же компьютеров, сколько США и Япония в 1983 году.

В своей второй экономической революции Китай ориентируется на сотрудничество с Западом. От участия в 2000 проектов по договорам, заключенным с западными государственными и частными компаниями, Китай получит не менее новейшей технической информации, чем если бы он послал своих студентов и ученых в западные университеты. Некоторые из проектов, работа над которыми уже началась, будут влиять на развитие промышленности еще долгие годы.

Например, 10-миллионный совместный проект китайской „Шанхайской корпорации по инструментам и материалам" и американской „Фоксборо корпорейшен" позволит китайской стороне приобрести бесценные знания в области автоматического оборудования, счетно-решающих устройств и компьютеров. В мае „Америкен моторс" объявила о своем решении вложить 16 миллионов долларов в усовершенствование китайской модели джипа. Автомобили – если удастся это предприятие – будут продаваться по всему Дальнему Востоку.

Древнейшая цивилизация мира открыто признает, что остро нуждается в высококвалифицированных специалистах. До сих пор только 58,7% китайских инженеров имеют высшее образование и едва ли 42,2% имеют хоть какое-то профессиональное образование, навыки и опыт. Сейчас на многих предприятиях (70%) созданы учебные программы: более миллиона пекинских рабочих работают и учатся. Однако система высшего образования очевидно требует реорганизации.

Признание права на существование частной инициативы пробудило в китайском народе стремление к богатству, изобретательность в его достижении. В то же время неуправляемая частная инициатива уже привела к несбалансированному росту экономики, к непроизводительной растрате природных ресурсов – эти проблемы недавно откровенно обсуждались руководителями Китая на сессии Всекитайского Народного Собрания.

Чтобы предотвратить сползание экономики в хаос, которым грозил взрыв региональной и местной активности, Пекин быстро изменил курс. Не ограничивая местной инициативы, правительство поощряет только некоторые проекты в таких ключевых областях, как легкая промышленность, энергетика, транспорт.

Весьма вероятно, что маоисты попытаются помешать проведению реформ. Однако большинство обозревателей полагает, что Пекин, признав решающую роль экономики, доведет до конца свои реформы, предоставив еще больше самостоятельности регионам, городам, экономическим зонам и предприятиям.

Если после 30 лет колебаний Китай найдет, наконец, оптимальное сочетание централизованного планирования и частной инициативы, он сможет осуществить свою вторую экономическую революцию, достигнув в ближайшее десятилетие уровня технического развития США 60-х или Японии начала 70-х годов. ■

(Перевод с английского Ольги Французовой)

* „Азиауик", Гон-Конг

ПРОБЛЕМЫ АНДРОПОВА

Не перепутать бы кнопки...

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДНЕВНИК

Ефим Эткинд

РАЗБИТЬ БАРОМЕТРЫ

Газета "Юманите" опубликовала 12-го января ошеломительный документ: письмо Политбюро Коммунистической Партии Франции президенту Миттерану, подписанное Жоржем Марше. Лидер компартии обращается к главе государства с горькой жалобой на прессу, радио и телевидение: они позволяют себе антикоммунистические выпады. Шапка на первой полосе "Юманите" гласит: "Антикоммунистическая кампания губительна для нации". В письме читаем: "Авторы, участники этой кампании, утверждают, будто бы мы угрожаем свободам... Они называют нас фашистами. Они постоянно дают понять, что мы — не патриоты и что у нас нет иной цели, как служить интересам некой иностранной державы, — той самой, которую президент Рейган называет Империей Зла".

Письмо длинное и решительное, однако обвинения, которые здесь так хорошо изложены, не опровергнуты; просто Ж.Марше огрызается — мы, дескать, не фашисты, мы сторонники всех свобод, мы патриоты, мы никого не обслуживаем, да и нет такой "империи зла". Советский Союз — благороднейшая страна, она заботится о чистоте водоемов (в том же номере "Юманите" большая статья об озере Байкал) и даже... даже публикует словари. Приведу текст заметки из того же номера газеты: *"Русско-еврейский словарь опубликован в Советском Союзе тиражом в 25000экземпляров. Словарь содержит 40000 слов и предназначен для переводчиков, филологов и студентов, изучающих идиш. Агентство ТАСС сообщает, что идиш является родным языком 14 процентов советских евреев".*

Какой расцвет еврейской культуры! Подумайте только: 25-тысячный тираж! Теперь *для переводчиков* — значит, издаются книги на идиш... *Для студентов* — значит, идиш изучают в университетах. Смешнее всего, что это — не ложь: словарь действительно вышел, и кое-что действительно переводится с русского на идиш. Но и то, и другое — факты, относящиеся не к культурной жизни страны, а к пропаганде: для того и выпущен словарь русский-идиш, чтобы "Юманите" могла опубликовать такую заметку после письма Марше Миттерану.

В чем, однако, дело? Почему французское Политбюро всполошилось и столь бестолково обрушилось на свободу печати? Разгадка проста: в последнее время на экране телевизора можно было увидеть многих деятелей французской культуры, выражавших свое негодование по поводу советской политики, внешней и внутренней, и по поводу КПФ, которая эту политику неизменно поддерживает.

6-го января в передаче "Апостроф" участвовало несколько писателей, среди них бывшие коммунисты Элен Пармелен и Клод Руа. Элен Пармелен около 70-ти лет; она долго сотрудничала в "Юманите" (с 1944 по 1956) и даже написала роман "Черным по белому" (1954) о работе редакции "Юманите"; другие ее книги, например "Бык-матадор", пользовались широкой известностью. Теперь она говорит: "Я сожалею о том, что способствовала обману: я тоже утверждала, что никакого гулага не существует и что тоталитарные страны — страны свободы". Клод Руа, автор многих романов и блестящий журналист, сказал: "Я знаю, что ошибался, что проповедывал глупости... Угрызения, которые я испытываю оттого, что был коммунистом, — это угрызения, вызванные тем, что я поддерживал и укреплял тоталитарное угнетение". Привожу только два выступления, их было больше.

Гнев Жоржа Марше и его Политбюро вызван прежде всего выступлением 3-го января Ива Монтана. Сегодня Ив Монтан — самый популярный актер Франции; и он, и его жена Симона Синьоре издавна пользуются репутацией интеллигентов левого толка. 3-го января Ив Монтан покорил телезрителей убежденностью и абсолютной искренностью; от трудных вопросов он не уходил, да и не стремился снять с себя ответственность за многое, в чем прежде убеждал своих соотечественников. Жалеет ли он о том, что был близок к Коммунистической партии? Нет, в ту пору это было необходимо: общим врагом был немецкий нацизм, первейшей задачей было одолеть его; коммунисты вели организованную и отважную борьбу с оккупантами: об этом забывать нельзя. Они по праву гордятся своей ролью в Сопротивлении и тем, что их называют "партией растрелянных". Будем справедливы — призывает Монтан — воздадим коммунистам должное. Но будем справедливы, и оценим по заслугам их нынешнюю зловещую роль. Ив Монтан с уважением вспоминал о тогдашнем лозунге "пролетарского интернационализма", который противостоял германскому националистическому бреду; да и мог ли он не сочувствовать антифашистам, он, сын бедных итальянских иммигрантов (его по-настоящему зовут Иво Ливи), пролетарий по происхождению и сам бывший рабочий?

В какой же момент произошел в нем перелом, отход от компартии? Ив Монтан датирует его октябрем 1956 года, когда советский режим утопил в крови венгерскую революцию. Несмотря на это он согласился в 1957 году на гастроли в СССР; при встрече с Хрущевым и советскими руководителями в Кремле он сказал откровенно о своем отношении к венгерским событиям, и с тех пор он к советскому тоталитаризму непримирим. Главная наша задача, — уверенно заявляет Монтан, — это борьба против режима, создавшего психиатрические тюрьмы для инакомыслящих и угрожающего западным демократиям ядерными ракетами.

Журналист спросил Монтана, не считает ли он, что и Рейгана следует обличать с позиций демократии? Ив Монтан отрезал: "Рейгана критиковать необходимо. Но вот в чем различие: Рейгана можно сменить, переизбрать, прогнать — как прогнали Никсона. Советских руководителей сменить нельзя никогда".

Вот еще несколько высказываний Ива Монтана — на разные политические темы:

О французских социалистах: "На недавнем съезде в Бур-ан-Брессе я видел, как крупные социалистические деятели пожимают руку видным сталинистам. Я подумал: это жутко. Рабочие Гданска, шахтеры Силезии увидят, как Франция пожимает руку людям, одобряющим гнуснейшие мерзости."

О Советском Союзе: "Наверно, меня видят на экране какие-нибудь типы из советского посольства. Они отлично знают, что, хотя я обличаю Гулаг, я ничего не имею против русского народа... Мне говорят: почему ты без конца твердишь о Гулаге? Потому что Гулаг — существует. Это признано даже руководителями ЦК КПСС".

О правых и левых: "Говорят, нельзя лить воду на мельницу правых. Сколько людей, подчиняясь этому лозунгу, согласились поддерживать величайшее в мире свинство! Чтобы не лить воду на мельницу правых, люди вступают в союз с теми, кто считает, что Гулаг, психиатрические застенки, оккупация Афганистана, уничтожение самолета с тремястами пассажирами — что все это в целом дает положительный итог..."

Трудно было КПФ снести такое поношение со стороны своего бывшего попутчика, к тому же не только знаменитого, но и обожаемого французами артиста. К концу передачи на Монтана посыпались вопросы о том, почему бы ему не выставить свою кандидатуру в президенты? Вот ведь Рейган тоже был актером... Ив Монтан ответил не без ехидства, но достойно: Рейган всегда был второстепенным актером, в театральной карьере он не преуспел, чего обо мне сказать нельзя. Нет, профессиональным политиком он становиться не желает, но выражать свое мнение о политически актуальных проблемах он считает и правом, и необходимостью.

Политбюро КПФ испугалось и не скрыло этого. Страх оно испытало недаром: анкета, проведенная после телевизионной передачи 3-го января среди тысячи телезрителей, дала удивительные результаты. Монтана видели 57% телезрителей и еще 32% слышали подробное изложение его выступления — 90% телезрителей Франции, это внушительная цифра в 25-30 миллионов. Произвел ли он хорошее впечатление? 57% ответили: да. В анкете перечислялось несколько вопросов, затронутых Монтаном, и зрители согласились с его позицией. Вот эти вопросы:

Монтан приветствовал мужество Франсуа Миттерана, требующего установки Першингов. Одобрили — 65%.

Монтан подчеркнул разницу между Рейганом, которого можно переизбрать, и советскими руководителями, которые от народного мнения независимы. Одобрили — 66%.

Хорошо было бы, если бы правые занимались бизнесом, а левые — культурой. Одобрили — 47%.

Все то, что в настоящее время происходит в России — чудовищно. Одобрили — 71%.

71% телезрителей — много миллионов французов солидарны с отношением Ива Монтана к советскому тоталитаризму. Политбюро было от чего придти в ужас. Эти миллионы вместе с Монтаном выразили ей, КПФ, свое, мягко говоря, неодобрение. Так против кого же направлен протест Политбюро, адресованный Миттерану? Не против этих ли миллионов, которые согласны с Ивом Монтаном? Надо запретить антикоммунистические выступления во Франции... Но пойдем дальше: надо запретить и массовые анкеты. Надо разбить барометры — а то ведь они показывают совсем не то, что хотел бы увидеть Жорж Марше. ■

ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ

Михайло Михайлов

СВАСТИКА В АРЛИНГТОНЕ

Когда в 1974 году Александра Солженицына выслали на Запад, по прошествии некоторого времени он высказал мысль, показавшуюся многим необычайной: „Я приехал из вашего будущего". На протяжении многих лет, прошедших с тех пор, и сам Солженицын, и многие другие люди на Западе или выехавшие на Запад, развили эту идею Солженицына в почти что стройную теорию о якобы неминуемом подпадании демократического мира под мертвящую власть тоталитаризма. Если... не остановить этого движения.

В основании этой теории лежит сравнение современного западного демократического мира с 1917 годом в России, из которого вытекает уверенность, будто история демократии новейшего времени представляет собою лишь растянувшееся на целое столетие повторение опыта семимесячной русской демократии с февраля по октябрь 1917 года. Как известно, только что зародившаяся демократия не смогла тогда устоять против натиска хорошо организованных сил левого тоталитарного движения большевиков. Солженицын и многие его последователи, — и в России, и в западном мире, — видят схожие симптомы несопротивления тоталитаризму со стороны современных демократий, — симптомы, которые можно наблюдать в России Временного правительства, во главе которого стоял либеральный социалист Керенский.

Поскольку семимесячная русская демократия завершилась утверждением радикального тоталитаризма, то, следуя такой логике, можно ожидать такого же результата и в современном демократическом мире. Вот поэтому странным образом повторенная марксистская идея, будто именно в коммунистических странах воплощается будущее человечества, обрела популярность не только в среде диссидентской эмиграции из СССР, но и всех противников демократии, — не только слева, но и справа. И те, и другие сошлись на общем недоверии к свободе.

Если Солженицыну с его изощренным чутьем ко всему, что может показаться симптомами смерти в организме демократии, показалось, будто, приехав на Запад, он попал в историческое прошлое, то у меня опыт первых дней в демократическом мире вызвал совершенно противоположное ощущение.

Мне казалось, будто бы я попал из тусклой и серой комнаты прямо, через экран телевизора, в многоцветный и блестящий мир. Первые недели мои чувства были такими же, как после выхода из тюремного заключения на свободу, и это полностью законное сравнение. Больше всего поражало ни в коем случае не высокий уровень жизни, богатства и техники. К этому очень быстро привыкаешь. Первые недели меня больше всего поразила невероятная свобода. Я выступал на многолюдных собраниях, по радио, на телевидении и никто никогда меня даже не спрашивал, о чем я буду говорить. На всех жителей тоталитарных стран, где каж-

И. Шелковский

НА МОЛОКЕ ОБЖЕГСЯ — НА ВОДУ НЕ ДУЙ...

(Наш авторитарист)

Эти читательские заметки о статье А.Солженицына "Наши плюралисты" ("Вестник" №139) можно было бы начать той же фразой, какой эта статья, кончается: "мы (тоже) думали — вы свежи, а вы — все те же", употребляя лишь "вы" не во множественном числе, а в единственном, как знак уважения. Причем, не обязательно эти слова понимать в бранном смысле — если любимый писатель остается самим собой, по прежнему верен своим вкусам, чувствам и идеалам и почти десять лет жизни в свободном мире его никак не изменили — то что же в этом предосудительного? Ведь не в одной свежести дело.

Впечатление от статьи такое: большой расправляется с маленькими, гигант мысли делает всеобщую смазь этим пигмеям человеческого духа. Так и видишь в будущей "Русской Правде" карикатуру будущего Бориса Ефимова: великан с развевающейся бородой и пламенным взором, а у ног его — клубок пресмыкающихся тварей, и по клубку надпись клеймящими буквами — "плюралисты" (так же как раньше "империалисты", "сионисты", "космополиты" — слова-то все чужие, иностранные).

В чем же основные разногласия между Солженицыным и его критиками по части политических взглядов? Все мысли Солженицына о России. Запада он не любит, считает его погрязшим в грехе. Западные демократии, на его взгляд, обезволились, пребывают в параличе и сами себя уже защитить не могут. Спасаться же нужно от коммунизма, беспрепятственно и неуклонно заливающего весь мир своей зловонной жижей. Самой России коммунизм был навязан силой, русский народ его первая жертва, и спасение может придти лишь через русское национальное возрождение. Коммунизм ведет Россию к гибели духовной и физической, надо спасать то, что еще можно спасти. Причем любой ценой. Уж здесь нам не до свободы и демократии, а лишь бы выжить. Любой авторитарный строй будет лучше коммунистического. Есть ли сейчас какой другой писатель, чье сердце так же сжималось от боли и точило бы кровью при думе о настоящем и будущем России?

А о чем талдычат все эти "плюралисты" (слово-то какое, сказать, что плюнуть)? Стоит им раскрыть рот, как несут всякую чушь и несуразности, особливо вредные от того, что слушают их иностранцы (которые сглупу и поверить могут, они ведь и так слепые, а с этого ослепнут еще больше). Врут, что в старой России тоже не все было идеально, что в какой-то степени русский коммунизм унаследовал черты русского царизма. Россию они не любят, считают, что во всех своих бедах виноват сам русский народ, а не только инородцы его испортившие. Говоря о будущем России они согласны лишь на демократию и ни на что другое, на опыт Запада смотрят положительно, хотят перенести его на русскую почву. Уши вянут все это выслушивать. Шесть лет писатель, занятый "Узлами", не читал никакой полемики.

дое публичное слово десятки раз проверяется и перепроверяется, такая свобода слова в Америке могла произвести настоящий психологический ок. И самое главное, такая свобода не только не вела к злостным и дурацким речам и поступкам, но, наоборот, поражала разумностью и порядком. Опровергалась мысль, естественная для всех людей, жив их или находящихся еще в тоталитарных странах, и волей-неволей становив аяся привычной, что для поддержания разумного устройства мира необходим контроль над свободой. Невольно таким убеждением проникались даже противники диктатуры, и самоочевидность того, что не надо никакого контроля над свободой, – конкретно над свободой слова, – для разумности и упорядоченности бытия – вначале поражала.

Особенно меня поразило в первые дни моего пребывания в Америке странное зрелище, на которое я натолкнулся в пригороде Вашингтона – Арлингтоне. Проезжая через Арлингтон, я увидел развевающийся большой нацистский флаг со свастикой возле здания, на котором было написано, что это штаб нацистской партии Америки. Флаг висел, но прохожие никакого внимания на него не обращали. В тот момент я и понял силу свободы и демократии.

Впоследствии я полностью уверился в том, что люди сами по себе совер енно одинаковы и на Западе и на Востоке, а если все-таки и существует разделение людей, то отнюдь не по географическому происхождению и даже не по опыту жизни в тоталитарных странах, а по отно ению к свободе. В истории тех обществ, в которых взяли верх силы, верящие в то, что свобода сама по себе не может приносить боль е зла, чем добра, – были основаны правовые демократии. Цель этих обществ всегда состояла в максимальной защите свободы личности. Основой, из которой вытекала вся политическая деятельность строителей демократии, была вера в то, что в каждом человеке заложены зачатки добра, и что если у него будет возможность свободного выбора, он выберет добро, а не зло. Эта вера была генетически связана с религиозной идеей, что человек сотворен „по образу и подобию Божьему". Нацистский флаг в Арлингтоне был лишь одним из результатов веры основоположников американской демократии в свободу личности, и в некотором смысле ее подтверждал. Никто на улице в Арлингтоне не выстраивался маршировать в нацистских колоннах, и сам этот флаг являл собою полное бессилие зла там, где царила свобода.

Наоборот, духовным корнем, из которого вырастали стремления всех основателей тоталитарных обществ, была вера в то, что никакого добра изнутри человека, от свободной личности, ждать не приходится. Разумный мир и порядок можно будто бы построить лишь посредством внешнего ограничения зла, неизбежно исходящего из свободы. Часто даже люди, полностью отбросив ие коммунистический тоталитаризм, не освобождаются от этой идеи, живущей где-то намного глубже, чем просто в сознании – от идеи, что несвобода творит добро, а наоборот, добро надо творить вне ним порядком, ограничивая зло, даже если для этого приходится ограничивать свободу. Следовательно, корни отно ения каждого человека к демократии или тоталитаризму кроются в нем самом. И избежать вопроса, верит ли человек в свободу или, наоборот, в силу и власть – никому не дано. Тем более в на е время, когда этот внутренний вопрос каждого отдельного человека стал сугубо историческим, общественным и планетарным. ■

** Отрывок из книги "Тирания и свобода", которая готовится к печати.*

И вот навыписывал Солженицын в статьях и журналах цитат с разным вздором, а самого главного, о чем идет речь, как будто и не заметил. Даже на уровне слов, всячески насмехаясь над понятием "плюрализм", не обратил внимания, что противоположный ему политический термин будет "тоталитаризм". А разговор ведь идет о капитальном: что цель, что средство — человек для государства или государство для человека? Где же, как не здесь, проходит водораздел между демократией и другими системами?

Писатель в восторге, когда вылавливает у оппонентов какую-нибудь фразу, совпадающую с официальной советской точкой зрения: такое и в "Правде" печатать можно. А к чему склоняется, чему симпатизирует сам? "Ограничить вмешательство общественного мнения в дела правительства, усилить административную власть... укрепить секретность государственных военных тайн; наказывать за пропаганду... облегчить судопроизводство... перестать твердить про права человека, а сделать упор на его обязанностях; воспитывать патриотическое сознание у молодежи; запретить порнографию; усилить сексуальный контроль..." И т. д.

Александр Исаевич! Это тоже можно в "Правде" печатать! Уже ограничили, усилили, укрепили, сделали упор, патриотическое сознание воспитывают (одна игра "Зарница" чего стоит), все, что Вы считаете нужным запретить — запретили. В чем же дело? (Запретили и многое другое, о чем у Вас, действительно, не найдешь цитат, но о чем можно догадаться, как догадываются о размерах ледяного айсберга по его высунутой части.) (1)

И в самом главном, о чем Вы всем сердцем печетесь, Ваши цели с официальной советской пропагандой совпадают. Ведь еще с детства, в самые свинцово-тусклые сталинские времена мы на этих песнях воспитывались:

Была бы наше Родина богатой и счастливою,
А выше счастья Родины нет в мире ничего (2)

Конечно, кто же будет возражать против счастья родины? Но дело в том, что и что такое "счастье" и что такое "родина" — каждый понимает по-своему. Одному приятно сознавать себя частицей необъятной и сверхмогущественной грозной державы, единой и неделимой, перед которой в почтительном страхе склоняются и трепещут другие народы и государства. Ради этого он готов поступиться личными правами — своими и других — и не представляет, а как же может быть иначе? (И сколько таких сейчас в стране, не подавляю ее ли большинство? Ведь именно на них, благодаря им, держиться и шириться советская власть. Коммунистические идеи здесь по боку. Именно в этих, с шовинистическим душком, чувствах и мыслях — мы сильны и нас боятся— "народ и партия едины").

Другому — безразлично, пусть эта родина ограничивается хоть Московской областью, а рядом будет дружественная или братская Рязанская, лишь бы из первой во вторую было бы так же просто купить билет, сесть на поезд и поехать, как сейчас из Франции в Германию и наоборот. И величие родины он видит не в ее грозной силе и необъятных размерах, а в достигнутом высоком уровне культуры, цивилизованности,

→

ОТВЕТЫ А.СИНЯВСКОГО НА ВОПРОСЫ ГАЗЕТЫ "МОНД"

(По поводу выхода книги А. Солженицына "Наши плюралисты" по-французски)

1. Являетесь ли вы плюралистом?

Солженицын употребляет слово "плюралист" в качестве ругательства и зачисляет в этот разряд всех не согласных с ним диссидентов. "Плюралистам" он приписывает релятивизм, безбожие и ненависть к России. Себе же оставляет звание "патриота". Между тем спор идет не о том — одна истина или истин много (я, например, считаю, что Истина одна, но пути людей к ней могут быть разными). Спор идет прежде всего о свободе мысли и слова. Нужна ли России эта свобода? На мой взгляд — необходима. Пока Солженицын находился в России, свобода слова его устраивала и диссиденты, которые в тот период его поддерживали и ему помогали, не вызывали с его стороны нападок. Но, попав на Запад, мой дорогой кум (мы ведь с ним кумовья) взял новый стратегический курс: истина одна, и она принадлежит Солженицыну. Он выступает в роли пророка русского "религиозного возрождения". Не будучи противником подобного "возрождения" (только, на мой взгляд, оно, к сожалению, слабо еще проявляется, сбиваясь в сторону русского матерого национализма), я возражаю против единоначалия в области мысли и культуры. В этом смысле я "плюралист". Подписаться же под приговором: "плюралист" — значит, ненавидит Россию, вплоть до желания ее уничтожить, — не могу. Не виновен.

уважения человеческой личности (3).

Один — образ родины составляет из образов ее прошлого, дух предков, традиции ему дороже современности. Хочется "остановить время", пожить какой-то период вне развития, заняться реконструкцией национального прошлого. Другой — чувствует себя гражданином мира, живет во всей полноте современностью, чужие культуры ему дороги, как и его собственная, и родину он ощущает как часть будущего единого человечества. (Кто-то третий будет говорить о гармоничном сочетании обоих подходов).

В зависимости от этих идеалов рознятся и точки зрения на насущные проблемы возможного будущего. Плюралисты — возмущается Солженицын — говорят о свободе, о человеческих правах — до этого ли нам сейчас? Что дает свобода слова, кто будет сыт от нее? Это игрушка для интеллигентов, образованцев, какова ее польза населению? "Будет ли крыша над головой? Будет ли... сливочное масло ?"

Так же ставил когда-то эту проблему и Сталин: "На западе нам задают вопрос — а как у вас обстоят дела насчет свободы? Мы отвечаем этим господам: а кому нужна свобода, если недостаточно мяса, круп, молока, хлеба, а также масла и жиров?" (4)

Результаты мы знаем — ни свободы, ни масла. Неужели же до сих пор не бросается в глаза со всей очевидностью, что там, где есть свобода и плюрализм (даже слишком, даже в избытке), там есть мясо и хлеб (тоже в избытке). Где нет одного — нет и другого.

Откуда возникает этот солженицынский испуг и идея о том, что в переходный период России нужна будет сильная центральная власть? Иначе — страна многонациональная — все друг друга перережут: армяне бросятся на эстонцев, латыши на молдаван... Или Александр Исаевич не уверен в русском народе, которому нельзя давать свободу, т.к. тотчас разобьется на банды и учинит разбой? (5) "А если начнутся разбои и убийства — то надо ли разбойников останавливать?" — Надо, при любой власти и при любой идеологии, в чем тут проблема?

Элементарнейшие вопросы возникают при знакомстве с политическими взглядами писателя. Допустим, коммунистическая идеология единственный двигатель, единственный источник коммунистической экспансии в мире. Что же тогда мешает двум коммунистическим гигантам, СССР и Китаю, слиться и действовать сообща? Почему коммунистические империи косо смотрят друг на друга и иногда даже воюют (СССР — Китай, Китай — Вьетнам, Вьетнам — Камбоджа)? Или у них есть еще и свои имперские интересы? Польский ли, чешский ли коммунизм угрожает миру? Смогли бы существовать эти "коммунизмы" — не будь рядом "старшего брата"? Все ли "коммунизмы" одинаковы? Ведь даже "фашизмы" отличались — итальянский, испанский, немецкий. (6) Единственное ли это зло 20-ого века — коммунизм? Чем лучше фашизм, правые диктатуры, тоталитаризм вообще?

И еще один вопрос, возникающий как реакция на неистовство и нетерпимость великого писателя: что будет в будущей Национальной России с теми, кто, сменив шило коммунизма на мыло национализма, не придет в восторг от нового идеологического строя? Какими средствами будут убеждать и перевоспитывать этих отщепенцев, стоящих на широкой дороге к светлому будущему? И, вспомнив о призыве "наказывать за пропаганду", как их будут наказывать за пропаганду демократии и плюрализма?

Если истина едина, то это не значит, что она плоска, примитивна, находится на чьем-то одном краю (говорят же часто, что истина посередине).

Если Бог один — то вер много. Любая из них перестает быть до конца истинной, как только претендует на свою исключительность, доходит до фанатизма. В области политики — не является ли политическая веротерпимость тем, что мы называем плюрализмом?

---

1. Правда, здесь Солженицын может сказать, что эти рекомендации относятся к Америке, а не к России. А как же тогда его же тезис о неделимости истины?

2. Из тех же советских песен и нелюбовь к чужим краям. Что, мол, солдат, как чужие страны ни хороши, а на родимой-то сторонке все лучше. А дальше рисуется идиллическая картинка: порядок, чистота, портреты любимых вождей висят, массовые праздники празднуются, снижение цен, всеобщее счастье... Ведь это те, кто сидел в лагерях, были недовольны и знали что к чему, а можно ли так сказать про всех оставшихся? Шоферы такси до сих пор вспоминают: при Сталине было лучше, хозяин чувствовался.

3. "Родина человека — его свобода, а не географическая, государственная или национальная принадлежность" — пишет М.Михайлов в статье "Возвращение Великого Инквизитора" ("Континент", № 28).

4. Интервью 30-ых годов.

5. Не будет "морально-политического единства партии и народа".

6. Сейчас последняя война определяется как война с фашизмом, с гитлеровским национал-социализмом, но в те годы, в годы войны, все знали, что идет война с немцами. Почему же теперешние афганцы должны все время помнить, что их убивают *советские* солдаты, а не русские?

2. То, что Солженицын говорит, в какой-то мере верно. Плюрализм — не душа народа. На одном плюрализме не созидается цивилизация. Есть более важные, более глубокие проблемы (русская душа, например). Не считаете ли вы, что Солженицын в этом отношении прав?

Мы не строители новой цивилизации, а "душа народа" или "русская душа" нуждается в свободе. В нынешних условиях коммунистического деспотизма выдвигать новый, религиозный деспотизм в качестве альтернативы мне представляется занятием малопривлекательным и противоречащим христианской религии. Разумеется, существуют ценности помимо свободы. Земля, например, народ, мир, жизнь, Бог. Но надо же дать вздохнуть человеку, чтобы он оценил эти богатства. И оценил добровольно и самостоятельно. Писателю свобода тоже соответствует, а современной русской словесности для ее дальнейшего развития, увы, необходим плюрализм как разнообразие идей и мнений даже в такой загадочной области, как "душа народа".

3. Кто любит Россию больше — вы или Солженицын?

Тягаться в любви к родине смешно и безнравственно. Тем более — публично. Кричать о "патриотизме" меня отучила эпоха позднего Сталина. Тогда нам и начали сверху, по приказу партии и лично товарища Сталина, внедрять и вбивать в голову этот самый "патриотизм", вместе с враждою к Западу и к плюралистам-космополитам. Так что стало тошно от штампованных "патриотов", которые, вполне допускаю, очень-очень любили и любят Россию. Возрождать этот штамп сейчас, хоть и под новым соусом, не хочется. Да и разные вещи можно любить в России. Один, допустим, любит крепкую государственную власть, а другой — русскую культуру. Не надо также путать любовь к России с любовью к самому себе и к собственному величию. И хорошо бы любить еще что-нибудь достойное, помимо России. ■

Это еще только первый узел...

Если бы...

Жан Клемантен

Если бы Николай II не был вялым импотентом, хоть и преданным своей царице; если бы его замечательный, хотя до сих пор недооцененный Столыпин был в 1914 году премьером, а не навлек на себя в 1911-ом пулю Богрова; если бы генералы главного штаба и их ставленники, оказавшиеся во главе русских армий, не были столь же бездарны, сколь напыщенны и даже трусливы; если бы Российская империя соорудила в Восточной Польше такую же сеть железных дорог, какая существовала в Пруссии; если бы впавшая в слабоумие Москва не бросилась, очертя голову, на спасение французской армии, оказавшейся на краю гибели, — тогда битву на Марне выиграл бы рядовой Попов. Этого предположения в учебниках не найдешь, но оно вполне правдоподобно, и зависит оно от нескольких "если бы..." Если бы... Если бы, опираясь на религию, доблесть и самоотверженность русского народа, первейшего в мире, какой-нибудь орел (вроде батюшки Солженицына — не будем его называть!) был одновременно Его Величеством Государем, начальником Генштаба, командующим каждым из войсковых соединений — от армии до дивизии, да еще подпоручиком и главным интендантом, тогда лицо Земли было бы совсем другим; в 1917 году не было бы никаких революций и, значит, не было бы их всемирных последствий, Святая Русь вызывала бы всеобщее восхищение глубиной своего христианства и размахом демократии, которая, слава Богу, не имела бы ничего общего с жалкой западно-христианской демократией, предметом саркастических издевок прославленного Вермонтского отшельника. Увы, вместо всего этого наступили зримые последствия иного развития: реальный коммунизм, это "безумное и длительное разрушение", а в исторической перспективе — его всемирное господство.

Братья и сестры во Христе, Милосердии и Надежде (как сказали бы попы), если посатель-романист не переделает весь мир, начиная с собственного отечества, кто же за него это сделает? В новом, значительно расширенном издании (900 убористых страниц) романа "Август четырнадцтого. Узел первый" Правдец (так прозвал Солженицына этот мерзкий насмешник Зиновьев) переделывает Россию на свой лад, какой ему хочется ее увидеть. Об авторе, который одновременно и восхищает, и раздражает, можно сказать, что он и возвышен, и инфантилен, а главное, что он задним умом крепок: его книга написана о том, что следовало бы сделать если бы вовремя сообразить...

Читатель смеется, хотя то здесь, то там испытывает уважение к непреклонной убежденности автора, — ведь в сущности все это "если бы" вполне можно было бы соединить вместе... Мы узнаем, что в России после 1905 года начиналось культурное, политическое и экономическое чудо, которое было раздавлено 1914-1918-ым годами. Россия шла в сторону Эльдорадо, а пришла в Гулаг. Чтобы рассказать нам об этом, Солженицын прибегает к разным жанрам: то к историческому исследованию, то к психологическому роману, то к киносценарию, а то и к "кино-глазу" Дос-Пасоса; всеми этими техниками он более или менее владеет, но ему так много надо написать, что он застревает и сам себя подгоняет, так что и м,ы, то и делоувязая в наступлениях и отступлениях прусской кампании, теряемся в событиях. Прямо трясина какая-то, пишешь-пишешь, а впереди еще тысячи страниц, и еще, и еще. Конца не видно!..

Но наш романист-историк признается в том, каково его истинное призвание, — он один из редких писателей, кто не скрывает своей дерзости: он желает быть Богом-Отцом и даже полагает, что справится со своей задачей лучше Того. Там, на Верховном Престоле, он бы испытал жалость к малым сим, он бы взялся за дело лучше, нежели Вседержитель, потому что начал бы с того, что уничтожил в зародыше Дух Зла, иначе говоря всякий анархизм, социализм, атеизм и проч., — всю эту заразу, ведущую к разложению и пришедшую в Россию извне, прежде всего из прогнившего Запада, каковая зараза вот уже много лет как губит юные умы в России, к тому же самые лучшие, расчищая путь большевистскому Левиафану... ■

«Le Canard enchaîné»

перевод с французского К.Кнейдта

КУЛЬТУРА

Лев Копелев

В ОСНОВЕ БЫТИЯ НАРОДА — ПОЭЗИЯ *

"Поэзия — родной язык человечества" — эти слова немецкого мыслителя Иоана Георга Гарманна (1730 — 1788) — девиз многих поколений поэтов разных стран. И даже сегодня самые трезвые и рассудочные люди осознают, что душа и дух каждой национальной культуры всего внятнее и отчетливее выражают себя в песнях, стихах, в художественном слове. Для некоторых народов родной язык, их поэзия оказываются основной сутью самого существования нации.

Польский народ, веками разделяемый между тремя державами, сохранил свое духовное единство и национальную сущность благодаря своему языку, литературе и своей церкви.

Черная Мадонна Ченстохова и творения Мицкевича, Словацкого, Конопницкой, Сенкевича и других оказались сильнее всех российских, прусских и австро-венгерских военных и полицейских армий.

Украинский народ веками вел трудную борьбу против чужеземного государственно-политического насилия, против подавления своей духовной и культурной жизни.

Украинцам было труднее, чем полякам, поскольку уже в средние века их родину разрывали на части мощные воинственные захватчики: с севера и востока — московские, впоследствии петербургские цари, с запада — польские короли, а потом австро-венгерские императоры, с юго-запада и юга — турецкие султаны и крымские ханы. Они делили между собой украинские земли, грабили и порабощали крестьян и горожан. Не существовало единой украинской церкви. В восточных областях преобладало православное население, в западных — униаты и католики; позднее повсюду появилось много баптистов (штундистов).

Однако народ Украины оставался нацией, объединяемой языком, литературой, поэзией, в которых сочетались разные местные наречия.

В дни Рождества, Масленицы, Пасхи, в ночь Ивана Купала, по праздникам, на свадьбах, крестинах, поминках и просто в летние досужие вечера, когда собиралась молодежь, звучали те же песни: веселые и печальные, любовные, шуточные, воинственные и мятежные.

И не было села на Украине, ни города, где бы не слушали бродячих певцов и музыкантов. Они приходили к церковным папертям, на ярмарочные и рыночные площади, на перекрестки людных улиц и дорог — кто с деревянной лирой (подобием шарманки), кто — с бандурой, чаще всего — с кобзой — старинным народным струнным инструментом. Они пели о подвигах славных запорожских казаков, о лихих гайдамаках, о хитрых чумаках, о страданиях и мятежах крепостных крестьян. В их песнях-поэмах, балладах, песнях-повестях жила история народа, его предания, мечты и надежды.

Творения неведомых авторов этих песен, дум, сказок, сказаний и вместе с ними творения великих поэтов и мыслителей — Григория Сковороды, Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки и других их современников и преемников — эти творения объединяли расчлененные части украинского народа, укрепляли и развивали его дух. Благодаря им, благодаря летописцам и ученым реальные события истории, мифы, легенды, запечатленные в слове, представляя собой неиссякаемые сокровища народной памяти, становились живыми источниками и корнями национального самосознания. Жизнь и мученичество Тараса Шевченко олицетворяют трагическую закономерность украинской истории. Царские жандармы-палачи пытались оторвать его от родины и от поэзии. После тюрьмы он был отправлен рядовым солдатом в закаспийскую пустыню, особым приговором ему было запрещено писать и рисовать. Жестокие испытания обрекли его на раннюю смерть. Но его слава не умирала.

Свою главную книгу он назвал "Кобзарь", в чем сказалось осознанное единство творчества поэта-мыслителя с живой стихией народной поэзии. Еще в детстве я слышал на улицах Киева, в селах настоящих кобзарей. Они пели вперемежку со старинными думами стихи Шевченко, даже не называя имени автора, на те же традиционные мелодии... И сегодня, когда уже не осталось бродячих кобзарей на Украине, если кто-то говорит о "Великом Кобзаре—отце народа", все знают, что это о Шевченко.

В годы Гражданской войны 1918 — 1921 гг. были жестоко подавлены все национально-демократические силы, особенно в восточных областях, где было создано государственное образование, поименованное УССР. Согласно конституции советской Украины, в ней должны процветать и развиваться национальный язык, национальная культура. В двадцатые годы, вопреки явным идеологическим и скрытым административным преградам, духовные силы народа воплощались в творениях Миколы Кулиша, Павло Тычины, Миколы Зерова, Максима Рыльского, Юрия Яновского и других поэтов, прозаиков и драматургов, в театре Леся Курбасова, в музыке, кино и изобразительном искусстве.

Но уже самые первые акции сталинского массового террора были направлены против национальной культурной жизни во всех частях советской империи; на Украине расправы начались раньше, чем в других краях. Сразу же после страшного голода 1933 г., погубившего миллионы крестьян, были арестованы сотни и тысячи представителей интеллигенции, писателей, художников и ученых. Большинство из них погибло в застенках, в истребительных лагерях.

Последовавшие после Второй Мировой войны новые приливы террора поглощали новые жертвы.

Еще до войны главным идеологическим орудием сталинской имперской политики стал великодержавный шовинизм. Стратегия такой политики имперского централизма требовала последовательной русификации общественной жизни, искажения языка и истории. Те, которые не хотели или не могли покориться этому наступлению на живую душу народа, объявлялись "буржуазными националистами" и

* Предисловие к изданию на немецком языке стихотворений Евгения Сверстюка, Ивана Светличного и Василия Стуса в сборнике "Страх, я тебя преодолел".

НОВАЯ КНИГА

Владимир АЛЬБРЕХТ
КАК БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ
(Издание второе, исправленное и дополненное автором)

Издание журнала „А-Я"
Париж, 1983

НОВАЯ КНИГА

Владимир АЛЬБРЕХТ
ЗАПИСКИ НУДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Издание журнала „А-Я"
Париж, 1983

беспощадно преследовались. В школах учились по украинским учебникам, по радио звучали старые народные песни, на сценах и в дни праздничных парадов — на улицах — были видны традиционные народные костюмы. Пропагандисты долбили ритуальные лозунги о культуре, "национальной по форме и социалистической по содержанию". При этом даже официально признанного поэта Владимира Сосюру жестоко травили за стихи о любви к Украине. И не оставалось ни одной страницы украинской истории, не истоптанной великодержавным сапогом.

Однако вопреки всему продолжает жить свободная украинская поэзия. Она свободна, хотя одни поэты прозябают в тюремных камерах, лагерных бараках и сибирской ссылке, другие — скрывают свои произведения в ящиках письменных столов, и лишь немногим из них удается пробиться с большим трудом сквозь цензурные рогатки к читателям, слушателям и зрителям.

В пору "оттепели", наступившей после смерти Сталина и разоблачительных выступлений Хрущева, началась новая глава в истории национальной культуры Украины. Возникло "поколение 60-х годов", представителями которого и являются поэты: Иван Светличный, Евгений Сверстюк и Василь Стус. Они глубоко укоренены в живой почве народной словесности и вместе с тем ощущают живую философскую и эстетическую связь с мировой культурой. Подобно их великому "прадеду" Тарасу Шевченко, они "...Чужому научаются и своего не чураются". Их предшественников и наставников можно обнаружить в русской, французской, немецкой, польской, итальянской и английской культурах. Они верны лучшим традициям мировой и национальной литературы так же и в том, что храбро пренебрегают установленными канонами, уставами, правилами и стремятся создавать свои выразительные средства для образов и событий нашего времени. Именно это объединяет этих троих, в остальном совершенно различных, поэтов.

Евгений Сверстюк — задумчивый романтик, влюбленный в предания старины. Иван Светличный — неистово страстный в любви, гневе и в насмешке, патетичный, неутомимый просветитель, энциклопедист. Василь Стус — метафизический мыслитель. В своих стихах-видениях он гранит слова, как драгоценные камни, обретающие новый собственный свет.

К сожалению, никакой перевод не передал музыку этой поэзии, чародейские лады украинского слова, интонаций и рифм стихов этих поэтов. Они живут, посвятив себя поэзии и тем самым — своей Родине. За это они испытывают горькую мученическую долю.

Сверстюк и Стус — снова в заключении, Светличный вернулся после 7 лет лагерей и 5 — ссылки с искалеченным здоровьем, полупарализованный.

Мощное тоталитарное государство стремится заглушить, убить поэтов. Но их слово живет. И с ним, в нем, благодаря ему — живет Украина. ■

Примечание:

Сборник Е. Сверстюка, И. Светличного и В. Стуса — на немецком языке — первое издание, осуществленное на средства общества "Ориент-Окцидент". Оно было создано 28 августа 1981 г. в день рождения Гете, названное так по заголовку одного из стихотворений Гете. Назначение общества: организовывать и субсидировать немецкоязычные издания произведений тех восточноевропейских и советских авторов, которые запрещены у себя на родине. Это общество публикует произведения только тех авторов, которые живут или умерли в своих странах (т. е. не эмигрантов) и руководствуется эстетическими и нравственными критериями, вне зависимости от идеологических, партийных или религиозных убеждений авторов. В настоящее время общество "Ориент-Окцидент" рассматривает и рецензирует следующие книги: Л. Чуковская "Записки об Анне Ахматовой", В. Гроссман "Жизнь и судьба", С. Липкин "Декада", Ю. Домбровский "Факультет ненужных вещей", сборники рассказов чехословацких и румынских авторов и другие.

Количество членов общества превышает сотню. Туда входят литераторы, журналисты, филологи.

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ

Валерий Чалидзе

НАС ПРЕДАЛИ *

Я был свидетелем за эти 15 лет многих трагических событий: репрессии КГБ, потери друзей, подчас загадочные несчастные случаи, спады активности движения, разочарования. Все это – трагедии, которых можно было ожидать. Но есть нечто, что не ожидалось: нас предали свои же. Считается, что во время следствия и знаменитого процесса предали движение своими показаниями Якир и Красин. Увы, они сделали это гораздо раньше. Они и им подобные.* * Предали нас фальшивым использованием тех идеалов, в которые мы верили, тех лозунгов (уважение к Конституции, к правам человека, к юридическим процедурам), которые они повторяли вместе с нами.

Возможно, мы были наивными простачками и до сих пор таковыми остаемся. Возможно, мы ничего не понимаем ни в жизни, ни в политике, ни в людях. Но когда мы призывали к уважению Конституции, к праву, к следованию юридическим процедурам, когда мы цитировали международно-правовые документы, мы были искренни – это была и есть наша чистосердечная позиция. Когда мы говорили: "Мы не боремся с властью, мы лишь требуем, чтобы власти уважали собственные законы", – мы тоже были искренни. Наша позиция была привлекательна для многих интеллигентов, которые подписывали соответствующие петиции и обращения к властям. Не вмешиваясь в политику и в политическую игру, мы не могли молчать, когда видели вокруг себя правонарушения, пренебрежение законами и общечеловеческими нормами. Властям было не так-то легко обрушить на нас репрессии за такую нашу позицию. И для меня совершенно не очевидно, как бы развивались события, если бы мы все придерживались такой честной гражданской позиции. Но трагедия в том, что с самого начала в среде движения оказались люди, готовые к какой-то темной политической игре, ищущие выхода накопившейся у них ненависти к властям или стремящиеся иллюзией политической борьбы удовлетворить свои амбиции. Я не оспариваю их права на амбиции, их права на ненависть – за многие десятилетия кровавого правления существующая в СССР власть сделала много для того, чтобы ее ненавидели. Оспариваю я лишь одно – право этих людей на фальшивое использование наших идеалов, на спекуляцию нашими лозунгами, на использование нас в качестве ширмы для своей политической игры – подчас весьма нечистой.

Что это была за игра, я даже и не знаю. Я не могу себе представить, какие у них были политические цели. Если у нас хватало наивности оставаться честными в наших общественных действиях, у них, может быть, хватило наивности верить в возможность свержения власти. Но скорее всего, эта игра была лишь иллюзорным выходом их амбиции или их ненависти. В чем эта игра выражалась? В какой-то тайной организационной возне, в притягивании к движению иногда сомнительной случайной публики, в контактах с низкопробными иностранными организациями, в получении от них провокационных, злобных и часто лживых печатных материалов для распространения, и что, может быть, самое гнусное – получение от этих организаций денег – денег, которые, к тому же тратились безотчетно, часто на цели похвальные (вроде помощи семьям политзаключенных), а часто попросту на выпивки этих политиканов. Вся эта грязь делалась за нашей спиной. Такой политикан мог участвовать в совместных начинаниях с людьми честной граждан-

→

ской позиции и не сообщать другим о своих делишках на стороне.

Это очень грустно вспоминать, но это слишком важно, и кто-то должен сказать об этом прямо, что я и делаю.

Не на┌а ли вина в том, что нас предали? По-видимому, отчасти на┌а. Мы должны были быть гораздо более разборчивыми. Но тут нужно отметить несколько усложняющих обстоятельств. Прежде всего – все это делалось за на┌ей спиной, только иногда какие-то детали всплывали, и у честных правозащитников могли рождаться подозрения. Я знаю, как они реагировали на эти подозрения. Глубоко возмущен был Анатолий Якобсон. Не знаю подробностей, но знаю только, что такие высокодостойные люди, как Великанова, Ковалев и Лавут полностью отошли от компании Якира, и совер┌енно очевидно, что политиканы не посвящали этих достойных людей в детали своей игры.

Но что было делать? Любое гласное обсуждение этих проблем бы┌о невозможно, так как ставило политиканов под удар, хотя на самом деле ничего незаконного они практически не делали, или почти не делали. Их грех был моральный – фальшивое использование чужих идеалов. Я знаю случаи, когда в пьяном угаре составлялась возвы┌енно звучав┌ая петиция и под ней ставили подписи людей, не давших на это согласия. Как на это реагировали? Никто добровольно не выступил с заявлением, что он не давал своей подписи под этой петицией. Ведь такое заявление компрометировало бы движение в целом. Вот так политиканы пользовались благородством людей. Так, без согласия, некоторые были включены в "Инициативную группу". Все это было противно, и я помню разговоры об этом. Многие тяжело переживали такие вещи.

В отличие от искренних правозащитников эти политиканы пытались насадить в движение какой-то дух партийности (вопреки на┌ему принципу, что каждый делает что хочет и что может). И вместе с духом партийности приходил принцип, что цель оправдывает средства. Нужны деньги? Возьмем их у какой-нибудь зарубежной организации. Нужна типографская машина? Возьмем ее у китайцев (бы┌ такой сумас┌едший план). Один, например, запланировал купить краденый множительный аппарат и был достаточно глуп, чтобы обратиться ко мне с просьбой достать деньги у одного моего весьма обеспеченного друга.

Коль скоро цель оправдывала у них средства, доходило дело и до контактов с КГБ. Пытались вступить в торги, добиваясь чьего-то освобождения. Об одном таком случае рассказывает в своей книге Красин. Не думаю, что мы услы┌им подобные признания от многих других. Дело в том, что они считали себя правыми, к тому же – героями. Мало того, они бы┌и уверены, что именно они на самом-то деле находятся на переднем крае, своей героической работой прикрывая нас, дурачков, чтобы мы могли философствовать о правах человека и об уважении законов.

Я знаю, мои тепере┌ние рассуждения ничего им не разъяснят. Но то, что я говорю, важно сказать на будущее: чистое дело надо делать чистыми руками.

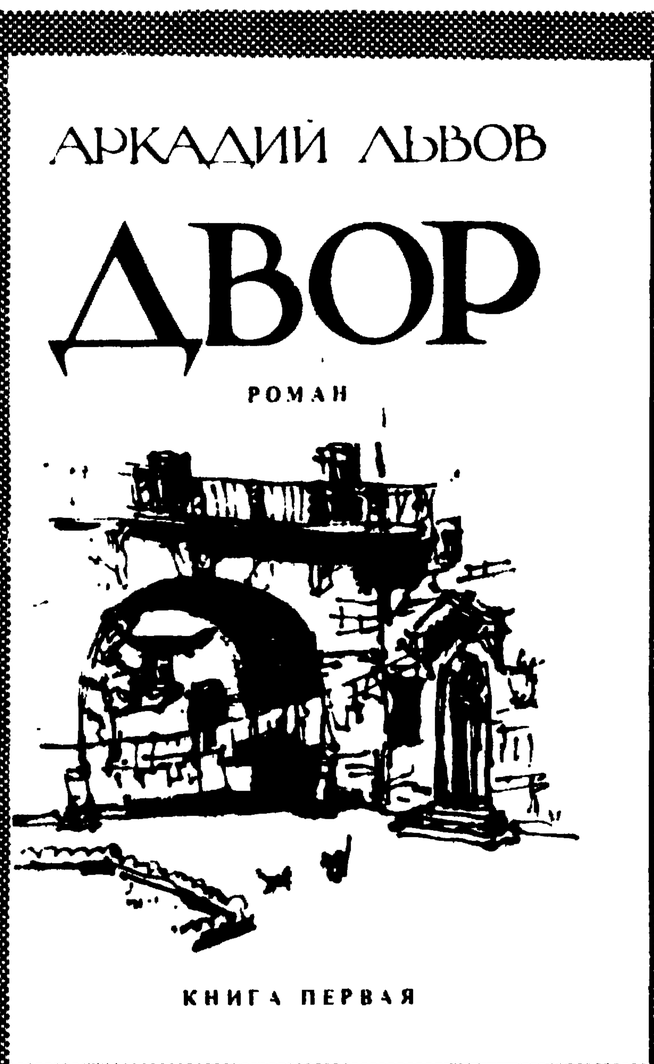
Мне скажут: это еще вопрос – чье движение? Может быть, следует считать, что это – их движение, а мы – наивные простачки, оказались просто поблизости. Но этот вопрос ре┌ается просто. Мы честно следовали идеалам этого движения. Они же использовали их фальшиво. Поэтому у меня есть основания говорить "на┌е движение", несмотря на то, что некоторые из этих политиканов получили мировую известность как его участники, проявили твердость и героизм, и считают себя частью этого движения. Но повторяю, вопрос честного следования идеалам нравственного движения для меня здесь – вопрос ре┌ающий.

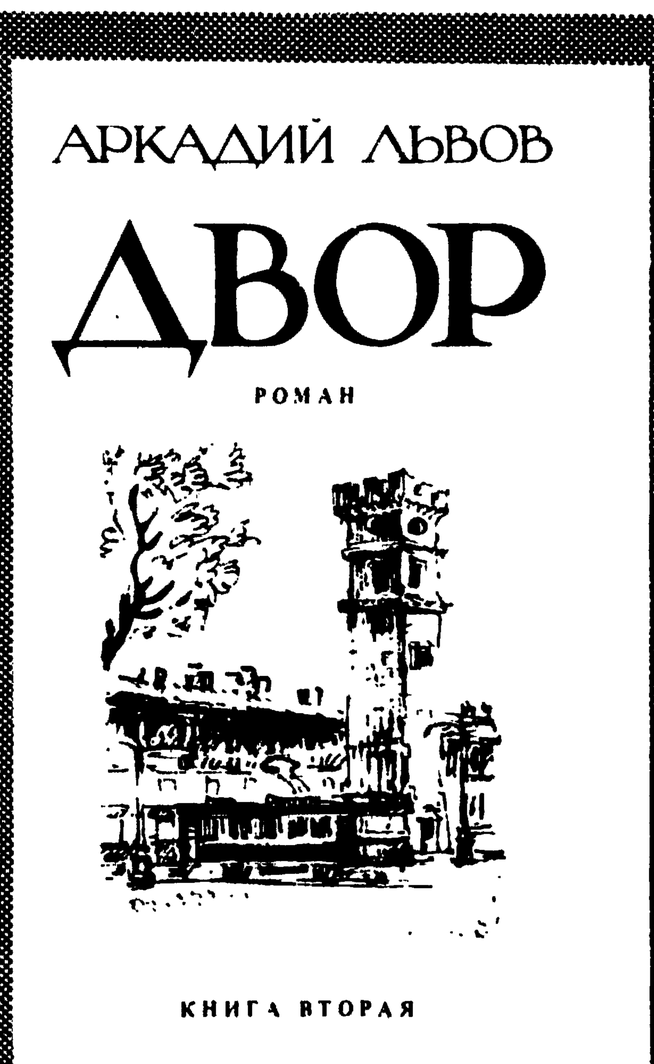
Коль скоро я упомянул о будущем, меня могут спросить: ну а что же в будущем делать таким политиканам, которые хотят заниматься своей политической игрой или находить выход своей ненависти? Ответ прост: делать все что угодно, но выступать под собственными лозунгами, не лицемерить, не спекулировать чужими лозунгами.

Помню, нам говорили: "Вы же знаете, что все зло советской власти от советского строя. Вы же не можете всерьез принимать их законы и их способность следовать этим законам?" Тут, конечно, сказывается недостаток культуры и способности к абстрактному мышлению. Очевидно, что никакое общество не может существовать без какого-то рода координационной деятельности и регулирования, и право – один из способов такого регулирования.

Оно может быть несовершенным, злым, дурным, но оно уже есть, и если люди, исходя из своего права участвовать в делах своей страны, требуют от властей, чтобы те сами исполняли свои законы, или эти законы критикуют, то это, по-моему, вполне обоснованная гражданская позиция. Впрочем, к ней можно присоединяться или нет.

Преступая этические рамки, которые установило для себя движение, те, кого я называю "политиканами", давали властям прекрасный материал для на┌ей компрометации. Нас все время обвиняли в том, что делали они: в связях с





Читайте роман Аркадия Львова
«ДВОР»

Этот роман интересен в том отношении, что здесь — в простейшей российской ячейке, молекуле двора, — показана, в общем-то, вся история Советской власти. Показано, как люди из самых добрых побуждений и возвышенных идей — совершали зло, сами о том подчас не подозревая. Из текста романа следует, что не какие-то "злодеи" построили социализм в России как систему лагерей, а добрые люди из самых лучших чувств, и в этом весь ужас.

Метаморфоза "добра", обернувшегося "злом", — вот Двор социализма, "Двор" А.Львова.

зарубежными организациями, в получении заграничных денег. И для подтверждения из их среды время от времени выхватывали людей, готовых давать показания, устраивали компрометирующий движение процесс, пытаясь таким образом оправдать десяток приговоров честным правозащитникам. Я не говорю теперь, что у КГБ были основания преследовать этих политиканов: эти игроки на самом деле практически ничего незаконного не делали, и мы их обоснованно защищали, когда их преследовали. Дело сейчас не в этом, а в том, что их поведение, выявленное на суде, давало властям возможность запугивать публику, которая – не будь такой компрометации – сочувствовала бы правозащитному движению гораздо больше.

Говоря здесь о "политиканах", я не называю их имен, кроме Якира и Красина, которых я упомянул для обозначения круга. Других имен я называть не хочу, ибо кому-то это может повредить в России, а кого-то –огорчить в эмиграции. Я ведь не пытаюсь устроить ни персональное, ни коллективное судилище, моя цель – отметить очень важную проблему в истории нашего движения: описать то, что, несомненно, будет играть роль и в будущем.

Меня всегда удивляло, почему люди более разборчивы, кого пригласить на день рождения, чем, с кем рисковать свободой. Конечно, какой-то отбор был, ибо общественное возбуждение, подобное тому, которое было в 1967–1968гг., привлекает к себе многих совсем случайных людей, подчас с очевидно неприемлемым уровнем культуры или неприемлемыми нормами поведения. Кроме того, всегда приходилось опасаться стукачей и провокаторов. Но почти все участники движения были совершенными новичками в общественных делах, и ошибки в отборе вполне естественны.

Одна ошибка оказалась особенно трагичной: больше внимания придавалось тому, чтобы в нашей среде не было стукачей. А вот политиканов не отвергли. Между тем, политиканы принесли движению гораздо больший ущерб, чем могли бы нанести все стукачи, вместе взятые. Если отвлечься от возможности лжесвидетельства, которым КГБ, кстати, пользовался не так уж часто, то главный вред, который может нанести стукач, это сообщить о том, что вы делаете и говорите. Если вы готовы публиковать все, что вы пишете и говорите, это вред не такой уж большой. Остается лишь один секрет – от кого вы что-то получаете и кому что-то передаете – вещи, которые в любом случае лучше всегда делать наедине.

Поэтому в открытом общественном движении, каковым наше движение пыталось быть, роль стукачей не была решающей в преследовании властей. Гораздо опаснее – провокаторы. Но надо сказать, что провокаторов КГБ или не применяло или применяло очень редко. Я имею в виду ситуацию, когда агент КГБ впутывает людей во что-то, за что их можно потом преследовать. Но КГБ это и не нужно было – у нас были свои собственные провокаторы, которые за нашей спиной совершали неблаговидные дела, и эти их дела потом использовались против нас если не в суде, то для подрыва общественных симпатий к нашему движению.

Я уже не говорю о том, что если человек может делать что-то за вашей спиной, обманывать вас, несмотря на участие в общем довольно опасном деле, это значит, что человек аморален и что повышается вероятность его раскола после ареста, хотя не следует смешивать мужество и мораль. Человек аморальный может быть весьма мужественным на суде и в заключении. Не забудем, что стойкость под арестом может быть мотивирована у одних соображением чести, а у других – чувством ненависти.

Я видел, как весьма достойные и известные в движении люди "охали", но терпели таких собственных провокаторов. Быть может, причиной этому была мягкость, быть может, предыстория личных отношений. И немаловажную роль, конечно, играло сознание, что все мы – под общим топором и нас немного, так что лучше уж попытаться сработаться, несмотря на даже этические различия. Это была трагическая ошибка. Взять, казалось бы, самый малозначительный пример. (Малозначительный только по сравнению с другими): человек ставит под какой-либо петицией чью-то подпись, не будучи на это уполномочен. И это терпели. Терпели, несмотря на то, что понимали, насколько это отвратительно. Павел Литвинов сказал по этому поводу: "Если можно так подписывать петиции, чем тогда плоха советская власть?" ■

---

* Отрывок из статьи "Правозащитное движение: проблемы и будущее", полный и окончательный текст которой публикуется в журнале "Внутренние противоречия", №9.

** Именно не только они! Красин в своей выстраданной книге слишком много вины берет на себя, хотя он был лишь частью довольно большой группы людей, затесавшихся в движение с чуждыми целями. (См. Виктор Красин. Суд. Чалидзе пабликейшнс, 1983.)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: П.Егидес, П.Литвинов, С.Максудов, Михайло Михайлов, А.Синявский, Б.Шрагин **(ответственный за выпуск номера)**, Е.Эткинд.

Представитель в США: *D.Osman, 1640 Metropolitan Ave., apt. 1-B, Bronx, N.Y. 10462.*

Ответственный секретарь редакции: П.Литвинов.

"ТРИБУНА" выпускается на средства издательства "Синтаксис", на личные средства членов редколлегии и поддерживающих это издание лиц.

Адрес редакции: *TRIBUNA, Box 668à Tarrytown, N.Y. 10591. USA*

В Европе

ИМЯ. . . . . .

(печатными буквами)

АДРЕС . . . . . .

Подписка по адресу:
M-me ZVORYKINE
31, Jardins Boieldieu
92800 Puteaux, France

Прошу подписать меня на 10 номеров "Трибуны".....

Чек на 150 франков прилигается.....

Прошу выслать.....**номер "Трибуны"**

Чек на 18 франков прилагается.....

Подпись.....

НАША ПОЧТА

В 11-ом номере журнала "Синтаксис" (ред. М.Розанова) были напечатаны пародии А.Гладилина и Ю.Вишневской на материалы журнала "Континент", которые вызвали целый ряд нареканий из-за вольности тона и некоторой непристойности.

РЕПЛИКА

В "Русской Мысли" от 27 октября 1983 года появилось письмо Василия Аксенова в защиту Владимира Максимова от "печатных атак". Это похвально. Надо же людей защищать от атак – не только советской печати. Тем более, что часть упомянутых материалов, действительно невысокого вкуса.

Хочется только спросить Аксенова: неужели ему раньше никогда не хотелось выступить в защиту, например, людей, которых "печатно атаковал" сам Владимир Максимов и редактируемый им "Континент"? Среди них, если не ошибаюсь, были даже его, Аксенова, друзья.

Прав, конечно, Аксенов, "о Боге надо думать, о русской словесности, о покинутой родине и о новых наших неродинах". Но едва ли оправдано, ссылаясь на свою погруженность в Бога, не замечать, что творится вокруг, поблизости, и касается непосредственно твоих близких.

Прав Аксенов и в том, что "странная какая-то ситуация возникает иногда в нашей оторванной от дома литературе". Но странность эта в том и состоит, что когда поносят и дискредитируют одних литераторов – это считается в порядке вещей, а когда задевают других – сразу начинают кричать о "склоке" и бросаются защищать добропорядочность.

Аксенов в эмиграции сравнительно недавно. Но не так просто с "Русской мыслью". Она ведь в эмиграции – с самого начала. Она все видела, все читала, все знает. Знает она, в частности, в чью защиту письмо напечатать, а в чью – на письмо не ответить. Потакая литературной задиристости одних и оставляя беззащитными других, "Русская мысль" сама повинна в создании обстановки, которую никак не признаешь морально здоровой.

К сожалению, письмо Аксенова невольно читаешь в этом неприятном контексте.

Павел ЛИТВИНОВ

В РЕДАКЦИЮ "ТРИБУНЫ"

Прошу вас опубликовать прилагаемое письмо Совета представителей СМОТ. Это письмо было мною отправлено адресату — газете "Русская мысль" в октябре 1983 года и было газетой получено. Тем не менее опубликовано оно не было. Более того, никакого ответа я не получила.

Зарубежный представитель СМОТ
А.Якорева

Госпожа Иловайская-Альберти!
Господин Рыбаков!

Ваша газета неоднократно помещала сообщения о том, что член редколлегии Владимир Рыбаков является представителем Информационного бюллетеня СМОТ на Западе.

Совет представителей СМОТ и редакция ИБ доводит до Вашего сведения, что официально СМОТ представлен на Западе Владимиром Борисовым, Виктором Файнбергом и Альбиной Якоревой. Предоставленный в ноябре 1978 года Файнбергу копирайт на публикацию материалов СМЮТ за рубежом никогда не отменялся.

Нам по меньшей мере странно, что после получения Вами писем от В. Борисова, полномочия которого Вам, видимо, хорошо известны как профессиональным журналистам, Вы не сочли нужным опубликовать опровержение.

СП СМОТ и редакция ПБ настаивает на публикации опровержения и разъяснения читателям причин столь странного поведения газеты. Также мы надеемся, что опровержение будет опубликовано и в других газетах и журналах, поместивших саморекламу господина Рыбакова.

Примите наши уверения в глубочайшем почтении.

Члены СМОТ:
Т.Плетнева (Москва)
Николай Уханов (Москва)
С.Русакова (Ленинград)
Сытинский (Ленинград)
Павлов (Ленинград)

P.S. Просим как можно быстрее опубликовать опровержение. Не заставляйте нас загружать и без того перегруженные каналы связи подобными вопросами. Ответить нам можно через любого из наших представителей: Борисова, Файнберга, Якореву.

Н.Уханов
2.5.83

М.РОЗАНОВОЙ

26 ноября 1983

Дорогая Марья Васильевна!

Несколько дней тому назад я был весьма огорчен, прочитав одиннадцатый номер "Синтаксиса". Речь идет о текстах Вишневской и Гладилина.

Вы знаете, что я не одобряю многие аспекты деятельности "Континента" и его редактора. Об этом знает и редколлегия "Континента". Полемика с этими аспектами, на мой взгляд, необходима, но она должна вестись на достойном уровне, совершенно независимо от того, как ведет себя антагонист.

Печатать, разумеется, можно все. Но — не всюду. В серьезном журнале подобные тексты неуместны. Они попросту недостойны. Парафразируя Талейрана, добавлю: хуже того, они не смешны.

Я не был заранее извещен о появлении в журнале этих текстов. Но моя фамилия помещена на второй странице журнала, среди других участников League of Supporters. Я вынужден сказать, что подобные тексты не поддерживаю.

Я по-прежнему весьма уважаю Вас и Андрея Донатовича Синявского, равно как Юлию Вишневскую и Анатолия Гладилина, к которым всегда испытывал дружеские чувства. Но, как говорится в таких случаях, amicus Plato sed magis amica veritas.

Прошу поместить это письмо в ближайшем номере "Трибуны" или "Синтаксиса" (там, где оно может появиться раньше, т. е., вероятно, в "Трибуне").

Искренне Ваш
Томас Венцлова

В Америке

ИМЯ. . . . . .
(печатными буквами)
АДРЕС . . . . . .

Прошу подписать меня на 10 номеров "Трибуны".....
Чек на 20.00 долларов прилагается.....
Прошу выслать.....**номер "Трибуны"**
Чек на 2.50 долл. прилагается.....

Подпись.....

Подписка по адресу:
TRIBUNA,
Box 668, Tarrytown,
New York 10591 USA

18 fr. $ 2.50 LA TRIBUNE

ТРИБУНА

ЖУРнал-ГАЗета
№ 6
май 1984

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ

Кончина Юрия Андропова и вступление на освободившееся место Константина Черненко обнаружили, — в который раз — что в Советском государстве смерть главы руководства никак не предусмотрена.

Все люди смертны. Смертны, очевидно, и вожди, каким бы всемогуществом они ни наделили себя при жизни. И они, как все прочие, могут тяжело заболеть, впасть в старческое слабоумие и, наконец, скончаться.

Любое правовое государство, заранее предусматривая такую возможность, гарантирует себя от трагических последствий подобного рода случайностей. Даже при абсолютной монархии существуют обычно твердые законы престолонаследия, которые обеспечивают безболезненный и предсказуемый переход власти из одних рук в другие: "Король умер. Да здравствует король!". В демократических государствах устанавливаются твердые законы, в соответствии с которыми, при внезапно наступившей недееспособности главы правительства, власть переходит к его преемнику и при этом так, что этот преемник не в меньшей стемени может считать себя избранником народа.

Летом 1945 года, как раз в тот момент, когда в Великобритании должны были состояться очередные выборы, в Потсдаме собралась международная конференция. Поэтому тогдашний премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль пригласил с собою на эту конференцию Клемента Эттли, лидера лейбористской партии, которая находилась в оппозиции к консервативному правительству Черчилля. Пока в Потсдаме шли переговоры, консерваторы проиграли выборы и Черчилль немедленно уступил Клементу Эттли свое место главы английской делегации. Новый премьер-министр был полностью осведомлен о ходе переговоров, и потому имел возможность активно представлять интересы Великобритании. Интересы государства — выше программы каких бы то ни было национальных партий и — уж тем более — честолюбивых притязаний лидеров этих партий.

В 1963 году произошла одна из самых тяжелых трагедий в истории Соединенных Штатов: был убит президент Кеннеди. Его место немедленно занял Линдон Джонсон, который был при Кеннеди вице-президентом. Вице-президент, согласно американской конституции, становится президентом с того момента, когда прежний президент оказывается недееспособен или внезапно умирает. В ходе выборов кандидаты на вице-президентский пост называют своих вице-президентов сами. Однако, избиратели, решая вопрос, за кого из кандидатов голосовать, имеют полную возможность взвесить качества не только будущего президента, но и вице-президента, — его вероятного заместителя.

При парламентской демократии смена правительства или передача власти от одного главы государства к другому совершаются мягко, поскольку все предсказуемо и известно заранее. Все правила такого перехода, вплоть до мельчайших деталей, прекрасно известны общественности.

В Советском Союзе ничего подобного нет. Каждый очередной руководитель страны получает власть практически пожизненно, как если бы он был королем или царем, и при этом — как если бы он был неуязвим для болезней и бессмертным. Можно наверняка сказать, что два предшественника Юрия Андропова — Иосиф Сталин и Леонид Брежнев — к концу своей жизни и деятельности страдали старческим маразмом, находились в таком состоянии по году, а, может, и больше, оставаясь при этом диктаторами, на которых лежала вся полнота государственных решений. Конституция Советского Союза не содержит никаких законоположений, которые регулировали бы преемственность власти и переход ее от одного руководителя к другому.

Абсолютная несуразность такого положения с особой наглядностью обнаружилась за те 15 месяцев, когда во главе государства номинально пребывал Юрий Андропов. Мы говорим "номинально", поскольку неизвестно и нескоро станет известно, в какой мере сам Юрий Андропов лично принимал участие в решениях, которые провозглашались от его имени.

После смерти Андропова был официально опубликован отчет о ходе развития его болезни, подписанный его лечащим врачом Евгением Чазовым вместе с двумя другими членами советской Академии медицинских наук. Кстати сказать, сама публикация этого документа объясняется западными наблюдателями необходимостью для наследников Андропова пресечь всякие подозрения о том, что он мог умереть и неестественной смертью: ведь вплоть до конца упорно поддерживалось впечатление, будто генсек абсолютно здоров. Согласно официальному бюллетеню,

Андропов еще до назначения его на высокий пост страдал диабетом и тяжелой почечной недостаточностью. Почки Андропова вообще перестали функционировать без искусственной поддержки уже в феврале 1983 года, то есть через три месяца после прихода его к власти и за год до его кончины.

Было, конечно, заметно, что генсек перестал появляться публично даже в тех случаях, когда его личное присутствие было явно необходимо. Но еще в начале декабря представитель советского руководства Леонид Замятин заявил на пресс-конференции иностранным корреспондентам, будто у Андропова — всего лишь грипп. То же самое повторил редактор "Правды" Виктор Афанасьев почти накануне смерти Андропова, заверив при этом иностранцев, что Андропов обязательно появится публично через какие-нибудь три недели. На сей раз правдист оказался непривычно точен: Андропов появился даже раньше — но в гробу.

И вот возникает вопрос: чем диктовалась необходимость столь отъявленной лжи, которая очень вскоре раскрылась и не могла не раскрыться? Конечно, сокрытие фактов, произвольная манипуляция ими — вплоть до самых неуклюжих выдумок — въелась как привычка и заменила натуру. Но здесь-то к чему это было? Ведь это же так естественно, так по-человечески — вдруг тяжело заболеть, особенно — в пожилом возрасте!

При демократии, в обстановке политической гласности, общественность уведомляется о состоянии здоровья главы государства, поскольку от него во многом зависит благосостояние народа и положение страны. С другой стороны, при демократии глава правительства четко делит ответственность с членами своего кабинета и с парламентом. Так что от него лично гораздо меньше зависит общее положение, чем при тоталитаризме и диктатуре. При тоталитаризме и диктатуре власть захватывается, а не вручается народом. Она есть нечто, что плохо лежит, сколько бы лет или десятилетий это ни продолжалось.

Приведем выдержку из недавно опубликованной в Америке биографии фашистского диктатора Италии Бенито Муссолини. Автор этой биографии, крупнейший на Западе историк современной Италии, профессор Оксфордского университета Дэнис Смит пишет:

"К осени 1942 года все больше людей стало замечать, что Муссолини — в жалком состоянии, хотя, чтобы обмануть публику, официально распространялись истории про то, что он будто бы регулярно сам пилотирует свой самолет, чтобы посещать линию фронта и делить со своими солдатами тяготы жизни под неприятельским огнем. Между тем лицо Муссолини то и дело искажалось от боли; ему отказывала память; за три месяца он потерял двадцать килограммов веса, не мог есть и пил только молоко; когда он вынужден был появляться публично, выглядел он как труп. Его частое отсутствие по болезни приводило, при полной концентрации власти в его руках, к застою всего правительственного аппарата. Органам итальянской печати было категорически запрещено упоминать о возрасте Муссолини хотя бы косвенно. Если вопрос об этом затрагивался каким-нибудь иностранным корреспондентом, его немедленно высылали из Италии".

Когда государственная власть сводится к авторитету и диктатуре "вождя", неизбежна потребность изображать его избавленным от обыкновенных человеческих слабостей. Отсюда — малейшее предположение, что он может, чего доброго, скончаться — оказывается равнозначным политической крамоле. ■

САМИЗДАТ

ВЛАДИМИР АЛЬБРЕХТ И УВАЖЕНИЕ К ЗАКОНАМ

Как свидетельствует опыт, борьба Владимира Альбрехта за соблюдение законов и укрепление правосознания в СССР часто встречалась с непониманием. Более того, многие его друзья-диссиденты категорически с ним по поводу этой его борьбы расходились.

Поскольку данный вопрос принципиально важен и поскольку он, по существу, ключ к пониманию феномена, имя которому "Владимир Альбрехт", остановимся на нем подробнее.

Суть непонимания довольно точно формулирует обращенный к Альбрехту вопрос одного из таких людей: "Зачем ты воспитываешь своими семинарами уважение к так называемому закону — этой фальшивке, этой балаганной пародии? Зачем учишь детей вести себя так, будто все эти советские кодексы вовсе не шутовские бумажки, а произведения цивилизованного права, которые можно принимать и обсуждать всерьез?"

Альбрехт обычно отвечал на это, что одно лишь точное выполнение советских (да-да!) законов устранило бы из жизни в СССР три четверти того, на что обычно жалуются наши соотечественники — диссиденты и не-диссиденты. А так как жалуются они — и с полным основанием — практически на все, то три четверти, согласитесь, совсем не мало.

Но так ли это? Не тщетна ли, не иллюзорна ли, не вредна ли объективно деятельность Альбрехта, и впрямь, в какойто мере, способствующая укреплению советских законов?

В чем причина полного неверия в советские законы, отличающего друзей-оппонентов Альбрехта? Никак нельзя утверждать, что это неверие беспочвенно. Судебная власть в СССР, например, не является независимой даже в теории, какова она в демократических странах. Как прямо утверждается в Большой Советской Энциклопедии, "марксизм-ленинизм отвергает разделение властей", признавая вместо него "принцип единства государственной власти" (том 21, М., 1975, стр.416), т.е. тоталитаризма.

Дело, однако, не только в том, что законодательная, исполнительная и судебная власти в нашей стране теоретически как бы слиты. Гораздо важнее то, что на реальных рычагах реальной власти в СССР лежат руки особой власти, не предусмотренно никаким Монтескье. Эта власть — надзаконодательная, надисполнительная и надсудебная — официально именуется "руководящей и направляющей силой советского общества". Эта власть — правящая партия, вернее, ее административно-бюрократическое звено. Пронизывая все государственные структуры, она действительно руководит, направляет, контролирует, карает, поощряет, во все вмешивается, все разваливает, и успешно делает жизнь всех, включая жизнь собственных членов адом (имев когда-то в виду сделать ее раем и от этого обещания пока не отказавшись). Главный гарант ее власти — мощный карательный придаток в виде тайной политической полиции КГБ.

Перед лицом подобной реальности не бессмысленны ли попытки Владимира Альбрехта всегда и везде добиваться осуществления законов, от этой же власти, на первый взгляд, и исходящих? Как ни странно, не бессмысленны. Начнем с того, что "единство государственной власти" — такая же теоретическая фикция, как, скажем, "диктатура пролетариата". Идеальный тоталитаризм в нашей стране не менее трудно достижим, чем идеальная демократия. Думать, что все в СССР делается единой и внутренне непротиворечивой волей некоего Большого Брата — большая наивность. Существуй такой Большой Брат на самом деле, он никогда бы не издал принятых в СССР законов. Составители советских кодексов либо никогда не слышали о "принципе единства государственной власти", либо сознательно действовали наперекор этому принципу. Ими записано, например: "Судьи в СССР независимы и подчиняются только закону". И множество других превосходных вещей.

Друзья Владимира Альбрехта часто слышали от него: "Я всего лишь стараюсь помочь приблизить практику действия законов к тому, что эти законы дословно и буквально утверждают, провозглашают, обещают, разрешают, запрещают и предписывают".

Конечно, можно насыпать бульдозерами холм, назвать его Капитолийским и учредить сенаторов — Рима от этого еще не будет. Можно измыслить самые демократические в мире законы, напечатать и забыть про них. Но можно, заметьте, ничего не измышлять и не печатать вовсе.

Тем, кто уверял Альбрехта, что он выбрал себе неподходящее поле для битвы, он обычно отвечал:"Представьте себе, что все эти

презираемые вами законы завтра будут официально отменены — включая как те, которые вам особенно не нравятся своей антидемократичностью, так и те, которые вам нравились бы, если бы не оставались строго на бумаге (вроде свобод слова и печати, собраний и уличных шествий или права республик на выход из СССР). Исполнительным же и судебным органам будет предписано руководствоваться чем-нибудь вроде здравого смысла или коммунистического правосознания. Скажите, стало ли бы от этого хуже или лучше?

Этот вопрос, осветив положение вещей с непривычной стороны, все сразу расставляет на свои места.

"Есть много стран, — продолжает Альбрехт, — где писаные законы крайне архаичны и несовершенны, зато легальная практика такова, что просто бледнеешь от зависти. Значит, люди в этих странах постепенно заставили хорошо служить несовершенное орудие. Наша задача — заставить хорошо служить орудие в потенциале совсем не безнадежное."

"А как же статьи 70 и 190 и им подобные Уголовного кодекса?" — не сдаются оппоненты. Для Альбрехта — это очень желанный вопрос, ибо он знает, как на него ответить. Кроме того, ни по каким другим статьям он на оказывал столько помощи, сколько по этим.

Вышеупомянутые статьи УК, исходя из советского же законодательства, не имеют юридической силы, поскольку противоречат подписанным СССР международным правовым актам, а даже в СССР теоретически признано, что в случае расхождения между признанным страной международным законом и внутренним законом страны, преимущество имеет международный закон.

Однако давать бой на этом плацдарме, справедливо считает Альбрехт, означает натолкнуться на полную глухоту советской судебно-правовой системы, которая до сих пор не вполне переварила куда более простые блюда вроде "презумпции невиновности". Всему свой черед, а пока что почему бы не использовать куда более близкие и удобные рубежи? Один из них проходит там, где возникает необходимость давать определения таким неясным, произвольным и не поддающимся определению понятиям, как "антисоветский" и "советский". Что такое, например, "советский"? Имеющий отношение к "Советам депутатов трудящихся"? Конституция СССР, широко употребляя это прилагательное, нигде не раскрывает его содержания, неосмотрительно полагая, что всем и так ясно, о чем идет речь (либо же осознавая дефектность этого прилагательного).

Права личности нигде не свалились с неба. Там, где они отвоеваны, это было сделано длительными усилиями отдельных *личностей,* притом обязательно в борьбе с государством, совершенно не желавшим себя стеснять. Законы — это пределы, которые власть согласилась установить прежде всего для себя самой. Но власть остается властью. Ей постоянно бывает по тем или иным причинам неудобно выполнение взятого на себя обязательства. А слова, которыми написаны законы, — это всего лишь слова из человеческого языка. Они гибки, они могут быть истолкованы и так и этак. Вот почему неверие в закон устраивает власти. Им выгодно, чтобы человек махнул рукой и произнес философски: "Плетью обуха не перешибешь!"

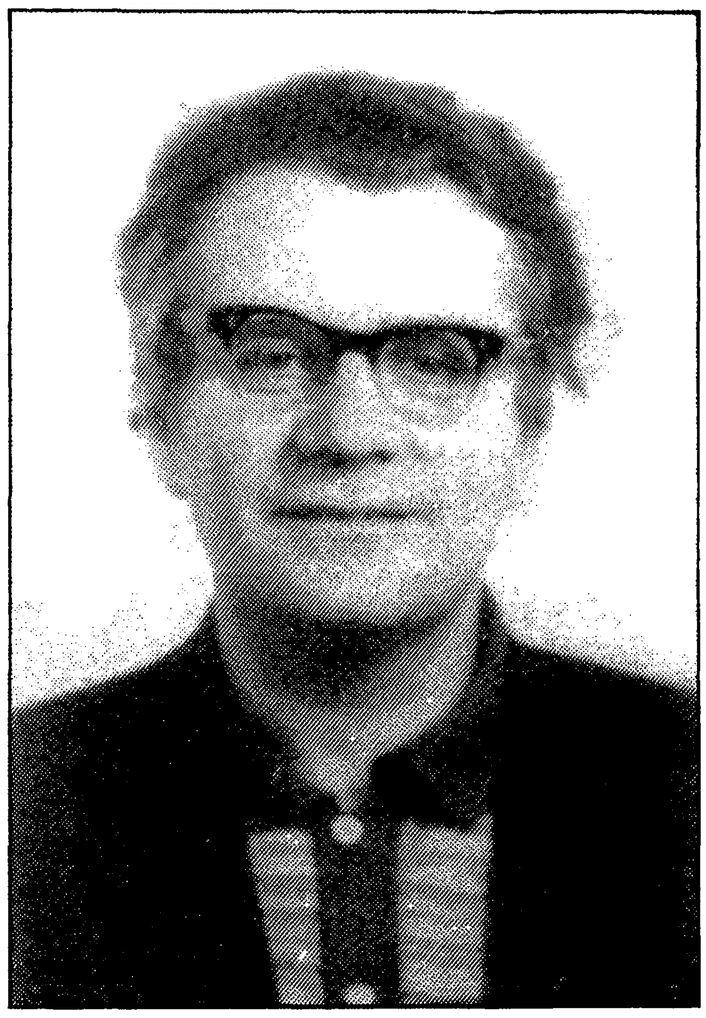
Но таковы лишь сиюминутные и близорукие интересы власти. Более глубокие и длительные ее интересы требуют обратного — веры граждан в законы, ибо вера должна быть частью их интегральной веры в саму власть, частью гарантии народной поддержки этой власти. Владимир Альбрехт, помогая добиваться того, чтобы власти на разных уровнях выполняли собственные, но почему-либо неудобные им в данный момент обязательства и борясь с незаконными, но охотно используемыми статьями, действует в соответствии с буквой столь чтимых им законов. Этим он укрепляет их, а с ними с о в е т с к у ю власть (чтобы ни означало данное словосочетание), хотя, вероятно, последнее не входит в его задачу.

"Главная продукция КГБ — страх, — говорит Альбрехт, — а я не хотел бы помогать им повышать производительность их труда".

Он помогает людям, оказавшимся между зубчатых колес и маховиков дурно работающей юридической машины, понять, что не все потеряно, помогает им избежать соблазна лжи и тем самым лишить судью и следователя психологического преимущества. Ведь они тоже люди — этот судья и этот следователь. И вовсе необязательно плохие. К тому же, они часто догадываются, ведя политические дела, что занимаются чем-то не совсем хорошим, испытывают некоторый дискомфорт. Им хочется, чтобы вы были плохим, нечестным. Поэтому ваша ложь — для них спасительное извинение в их собственных глазах, их алиби, их облегченный вздох.

У колыбели сегодняшней судебно-следственной практики в СССР стояло "революционное правосознание", знавшее лишь один правовой принцип: "Кто не с нами — тот против нас" и потому унесшее миллионы жизней. У его колыбели стояла жестокость необразованных людей, стояли узость и невежество — все то, что не мог не принести с собой победивший класс. Это наследие не было сознательно преодолено; оно было просто забыто, но сегодняшняя практика, путем естественной преемственности унаследовала многие его черты.

К счастью, победивший класс не сам засел писать новые законы, а поручил это хоть и не единомышленникам, но все же людям с юридическим образованием, а эти люди, к счастью, не умели мыслить иначе, чем в терминах юстинианова кодекса и европейской легалистической традиции. Эти же люди сохранили в нашей стране и юридическое образование, которое, вопреки присобаченному идеологическому протезу, не утратило связи с общим для всех юристов мира менталитетом.



Владимир Альбрехт

После кровавых бань сталинского времени система писанных законов в СССР была значительно улучшена (главным образом, во второй половине 50-х годов). Это уже был жест самосохранения власти, вдруг понявшей, что рука беззакония может запросто схватить за горло людей из их рядов. Жест этот не мог быть искренним до конца. Надо полагать, что уже на стадии становления новой системы кодексов наши легислаторы придумывали негласные способы помешать воспользоваться всей полнотой провозглашаемых прав *не нашим* людям. Но ведь признаться в этом власти не могут, а закон может прочесть каждый — и в этом залог нашей общей надежды на достижимость правовых гарантий личности в нашей стране. Это тоже одна из любимых идей Володи Альбрехта.

Людей, сознательно творящих зло, нет — таково его глубокое убеждение. Есть лишь разное понимание добра. Эта своеобразная "презумпция доброго человека" не раз толкала Альбрехта на дискуссии с казалось бы безнадежными людьми. "Какое там добро, какое зло?" — сердился, бывало скептик. — "Разве ты не видишь, что кругом один циничный эгоизм?" Но Альбрехт не верил в это — и сколько раз оказывался прав! А разве Вам не хочется верить, что вся наша жизнь переменится, если мы сумеем довести до сознания тех, *кто решает* несколько простых истин? Они ведь тоже хорошие люди, они поймут!

Католик Альбрехт, как видно, хорошо усвоил завет блаженного Августина: "Праведный радуется справедливости". Лозунг "чем хуже — тем лучше" — не его лозунг. Как радовался он, узнав о провинциальном судье, который, перелистав в зале суда дело по политическому обвинению, подготовленное местным КГБ, объявил, что не усматривает состава преступления и распорядился освободить подсудимого. Как радовался, когда ему рассказали, что районный прокурор наотрез отказался дать санкцию на обыск у К.М.Азадовского (позже все же посаженного ленинградским КГБ по сфабрикованному обвинению) и, несмотря на давление и угрозы, санкции не дал, так что обыск производился без ордера.

"Наши семена обязательно прорастут, вот увидите", — говорил он, слыша со всех сторон, что следственные органы, вынужденные считаться с системой ПЛОД, ведут следствие более корректно, с бо́льшим уважением Уголовно-процессуального кодекса. — "Значит, они встают на путь компромисса! А только этот путь может привести со временем к правовому обществу".

Борясь за уважение к законам, Альбрехт выполняет гораздо более важную задачу, чем кажется на первый взгляд. Пока уважение к законам не станет для руководства СССР таким же естественным как ношение штанов в обществе, мир не может считать себя в безопасности. Философия "закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло" все еще таит для них соблазн удобства и естественности — как для готтентота хождение без штанов. Но поставленные перед необходимостью соблюсти, пусть в малом, собственный закон, который есть договор между властью и обществом, они (эти хорошие, как настаивал Альбрехт, люди), быть может, новыми глазами посмотрят на международные договоры и законы.

Для такой надежды есть все основания, считает Альбрехт, есть основополагающие предпосылки. Россия, вот уже тысячу лет — часть западного (христианского) культурного мира, несмотря на переживаемую ею тяжкую болезнь марксизма (кстати, тоже западного происхождения), сохранила правовую систему, унаследованную, в основных чертах, от этого мира и, даже в лице своего теперешнего руководства, ни разу не заявляла, что собирается от этого наследства отказываться.

Дело лишь за малым — привести в соответствие правовую теорию и практику там, где они расходятся, считает Володя Альбрехт. Борьба за законность — есть борьба за возвращение СССР в семью цивилизованных народов, борьба за мир в самом реальном смысле слова.■

ТЕОРИЯ

Майкл Новак

ПЛЮРАЛИЗМ ИЛИ МОНИЗМ?

От переводчика

Своей статьей (или, говоря точнее, публикацией своего "7-го Дополнения" к неизданному еще второму тому "Очерков литературной жизни") "Наши плюралисты" (см. "Вестник РХД", № 139, 1983) А. Солженицын внес ценный вклад в развитие современной русской независимой публицистики. Едва ли не впервые поставлен вопрос об оценке "довольно длительного общественного движения, напряженного к прошлому и будущему нашей страны, которое не имеет общего названия, но среди своих идеологических принципов чаще и охотнее всего выделяет "плюрализм" (стр. 133).

А. Солженицын, как явствует из его публикации, решительно не согласен с представителями этого "общественного движения". Более того, по его мнению, они "облыгают — народ, лишенный гласности, права читать и отвечать". И это еще не самое резкое из брошенных А. Солженицыным обвинений. Очевидно, А. Солженицын ответил, наконец, "плюралистам" от "лишенного гласности" народа.

Но было бы крайне опрометчиво, подхватив заданный А. Солженицыным тон, отвечать ему личными атаками и контратаками. Опрометчиво это было бы прежде всего с точки зрения самих "плюралистов". Статья "Наши плюралисты" А. Солженицына — великолепный повод перейти от затянувшейся и надоевшей эмигрантской перебранки к дискуссии о взглядах, об идеях, о нашей политической философии.

Вопреки тому, что сказано А. Солженицыным, упомянутое им "довольно длительное общественное движение" имеет "довольно длительное" название: оно зовется движением за права человека. Его основополагающий принцип не составляет тайны. Он из раза в раз повторяется на титульном листе почти семи десятков выпусков "Хроники текущих событий", — основного периодического издания правозащитного движения в СССР, выходящего с апреля 1968 года. Это — статья 19-ая "Всеобщей декларации прав человека ООН": "КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ".

"Плюралисты", в отличие от "монистов", не позволяют себе делить убеждения на категорически верные (свои собственные, разумеется) и категорически неверные (т.е. такие, с которыми данное эмпирическое "Я" ни в коем случае не согласно). Для них мир идей — это республика, где каждый имеет право голоса, совершенно такое же, как всякий другой. Соответственно, и вес **личного авторитета** *сводится к минимуму. Самый большой герой может говорить глупости. И наоборот, такая мало примечательная по своим поступкам личность, как, допустим, Иммануил Кант, может сообщить вам нечто заслуживающее внимания. Совершенно неважно, например, кто как выехал в эмиграцию и тому подобные детали личной биографии:* **каждый** *имеет право "получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ".*

Поэтому "плюралисты" вполне способны и должны оставить аргументы ad hominem своим оппонентам, обратившись к спору по существу. И начать, очевидно, имеет смысл с точного определения о том, что такое "плюрализм".

Статья "Наши плюралисты" содержит попытку такого определения. А. Солженицын пишет: "Плюрализм" они считают как бы высшим достижением истории, высшим благом мысли и высшим качеством нынешней западной жизни. Принцип этот они нередко формулируют: "как можно больше мнений", — главное, чтобы никто серьезно не настаивал на истинности своего" (стр. 133.134).

К сожалению, это — не столько определение, сколько не очень дружественный шарж. (Неспособность объективно понять и изложить взгляды оппонентов — извечная слабость монистически мыслящих людей). Есть одно мнение, — так нет же, подавай этим "плюралистам" второе; есть два — подавай им десять; "как можно больше"... Похоже на маодзедуновское: "Пусть расцветает сто цветов". Но знаменитый китайский коммунистический диктатор, — как, надо сказать, все коммунисты вообще, — был не "плюралистом", а как раз "монистом". Он пребывал в уверенности, что "сто цветов" можно разрешить, а можно и срезать. Но плюралистам, — в отличие от монистов, — явно, что число существующих мнений не зависит ни от Мао Цзе-дуна, ни от А. Солженицына, ни от Шрагина, — ни от кого.

Я живу сейчас в квартале Нью-Йорка, в котором есть синагога, а также католический, епископальный и методистский храмы. Их прихожане, как и А. Солженицын, верят, что "истина... одна — Божья" (стр. 134). Но, не будь утвердившегося в американском обществе плюрализма, это был бы уже не Нью-Йорк, а Бейрут. Поэтому стоило бы добиться большей четкости в понимании того, что такое "плюрализм": тогда не было бы жертв **всякой** *нетерпимости.*

Утверждение принципов плюрализма (или защита прав человека, что, в сущности, — одно и то же) — не только русская, но глобальная задача нашего времени. Было бы полезно напомнить, что существуют сейчас на свете не только "наши плюралисты".

Это соображение и побудило меня сделать перевод отрывка о плюрализме из недавно вышедшей книги Майкла Новака "Дух демократического капитализма". Автор — отнюдь не социалист, а, по нынешним американским понятиям — "неоконсерватор". Он заслужил бы больше многих советский официальный ярлык "апологета капитализма". К тому же Майкл Новак — не только верующий христианин, но и известный американский теолог. Таким образом, тут автоматически снимаются многие чисто личные выпады, которыми привыкли сейчас оперировать наши отечественные противники плюрализма.

Борис Шрагин

Попытавшись определить именно *дух* демократического капитализма, Макс Вебер открыл нам единственно верную дорогу. Не познав этот новый дух, понять, что такое капитализм, вообще невозможно. Капитализм явно не сводим к его экономическим особенностям. Его не определяют ни индустрия и фабрики, ни коммерция и прибыль, ни частная собственность и стремление к наживе, ни разделение труда и международный характер экономических связей. То новое, что действительно отличает капитализм, что характеризует в первую очередь его дух, — это *плюрализм*.

Плюрализм пролагает границу между капитализмом, с одной стороны, и как традиционными, так и социалистическими обществами — с другой. Любая из существующих до сих пор в истории форм социальной организации покоилась на коллективных установлениях, что такое добро и истина. При всех других системах экономическая, политическая или морально-культурная власть осуществлялась через посредство признанных авторитетов. Демократический капитализм уникален среди всех иных форм социально-политической организации именно благодаря своему плюрализму.

Как надлежит понимать этот плюрализм? Как такой плюрализм в политических, экономических и моральных вопросах может оказаться совместим с порядком? Если никакая философия не покрывает своим "священным сводом" наши беспорядочные и налезающие одна на другую свободы, — как в таком случае избегнуть анархии?

Нет, пожалуй, более сложных вопросов, чем эти.

Человечеству свойственна некая мистическая тяга к порядку. В западном религиозном сознании, например, глубоко укоренилось обыкновение мыслить историю как нечто единое. Есть глубочайшая потребность усматривать в ней смысл. Это стремление воодушевляло традиционные общества Запада, и оно же снова заявило о себе в социалистических обществах. Монотеизм оказал в этом смысле глубочайшее воздействие и на политическое мышление. Если даже нет единого Бога, который творит природу и историю, все равно предполагается, что в них обязательно должны наличествовать смысл, цель и направление.

Смысл истории, а, следовательно, и закономерность определенного социального порядка, — в теистическом истолковании, — покоятся на их соответствии мыслям Бога и об истории, и о природе. Таким путем граждане государства, хоть и будучи погружены в земной полумрак, могут "приобщиться" к осуществлению Божественной Цели. В определении этого желанного Господу порядка огромная роль отводится священнослужителям Церкви, хотя соответствующим прорицанием может быть наделено и сознание простых мирян. Убийство, нанесение моральных и материальных увечий, несправедливость рассматриваются при этом как нарушение этого

порядка, а потому оправдывается и соответствующее отношение к ним.

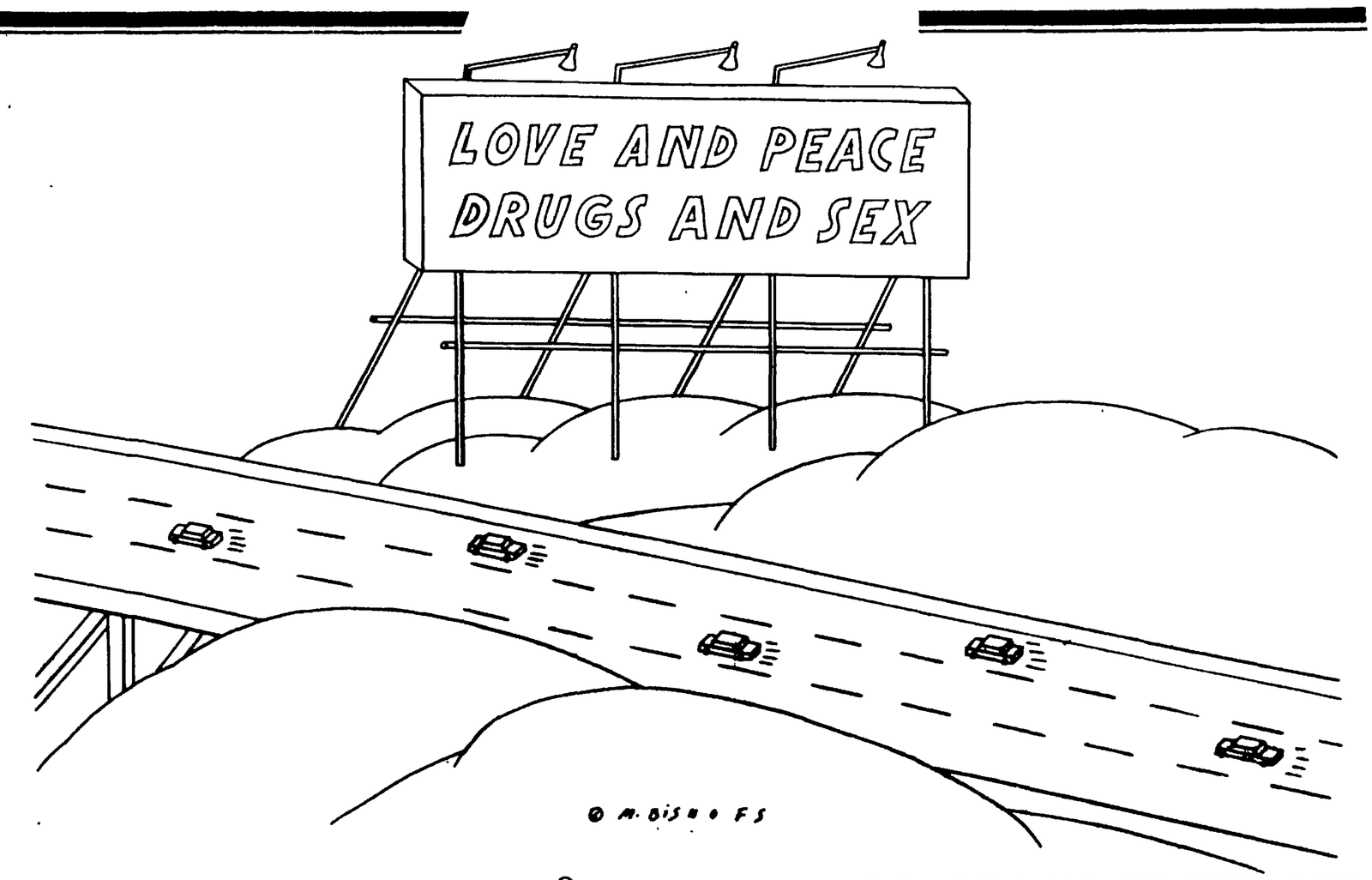
Но есть, однако, также и атеистические версии того же самого монотеистического импульса. Целенаправленность исторического процесса может утверждаться также и на основе секулярного мировоззрения. Индивидуумы наделяются моральным весом, когда подставляют свои плечи под колеса прогресса. "Будущее", — которое мыслится как нечто лучшее, чем современность, — заявляет свои права над людьми "доброй воли". Воображают, будто есть некие особые течения, тенденции и дела, которые, поскольку они осознаны, накладывают определенные обязательства на личность, если только у нее есть совесть. Этические достоинства личности определяются уже не только ее поступками в частном существовании, но и качествами того прогрессивного дела, которому она себя отдает. Кто противится этому делу, безоговорочно признается бессовестнымх черствым и дурным. Именно такого сорта атеизм мы находим в марксизме. Это — в истолковании смысла истории — *атеизм монотеистический*. И не столь уж трудно, оказывается, для некоторых теистов отождествить смысл угодного Господу прогресса — с предлагаемой научным социализмом диалектикой "освобождения". Отождествляя себя с делом этого "освобождения", они помогают самим себе воспринимать свое существование как часть чего-то значительно большего, чем их собственная жизнь, которая кажется им без этого быстротечной и бессмысленной.

Демократический капитализм — это нравственный порядок совершенно иного рода. Ключевое из выдвигаемых против него обвинений сводится к утверждению, что он так или иначе аморален, что он влечет за собой всеобщую безликость, бесцельность и утрату перспективы. Так, Александр Солженицын в своей "Гарвардской речи" 1978 года усматривает в самом сердце демократического капитализма "моральную нищету, которую никто и вообразить бы не мог еще в конце девятнадцатого столетия".

Этот новый миропорядок не сделал духовные цели для себя центральными. Обычаи демократического капитализма определяются великим Солженицыным так:

"За пределами физического благополучия и накопления материальных благ, все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека, остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни".

Добродетельное общество, согласно Солженицыну, должно опираться на традиционное понимание социального порядка. Это понимание — открыто религиозно, а, быть может, даже теократично. Православное общество, как оно видится Солженицыну, призвано укротить свободу и формировать человеческие существа в соответствии со своими установлениями.



Смотрели с неодобрением на либеральные, плюралистические общества британского или американского типа и римские папы — от Льва XIII (1891) до Пия XI (1931). Они истолковывали эти общества как примеры крайнего хаоса. В их глазах, эти общества не наделены ни справедливостью, ни любовью, ибо они оказываются в полной зависимости от предпочтений отдельных индивидуумов, не смиряемых руководящими социальными императивами. Эти католические первосвященники предупреждали, что столь крайний индивидуализм неизбежно завершится тиранией толпы.

Демократический капитализм, таким образом, оскорбляет как традиционную, так и социалистическую концепции единого миропорядка. Если эта система действительно допускает плюрализм, не лишается ли она тем самым единой перспективы? Не влечет ли она за собою хаотическое столкновение человеческих воль? Не делает ли она дозволительным для одних такое поведение, которое другие считают злом? Не представляет ли собою ее нравственное попустительство недопустимую уступку заблудшей совести? Правда, временами, — как признается даже этими критиками, — глубоко укорененные в человеке ценности могут устоять даже в таких обществах. Но все равно, даже если проложит себе дорогу логика личной совести, оказывается безнадежно порванной сама ткань нравственности. Вот еще слова Солженицына:

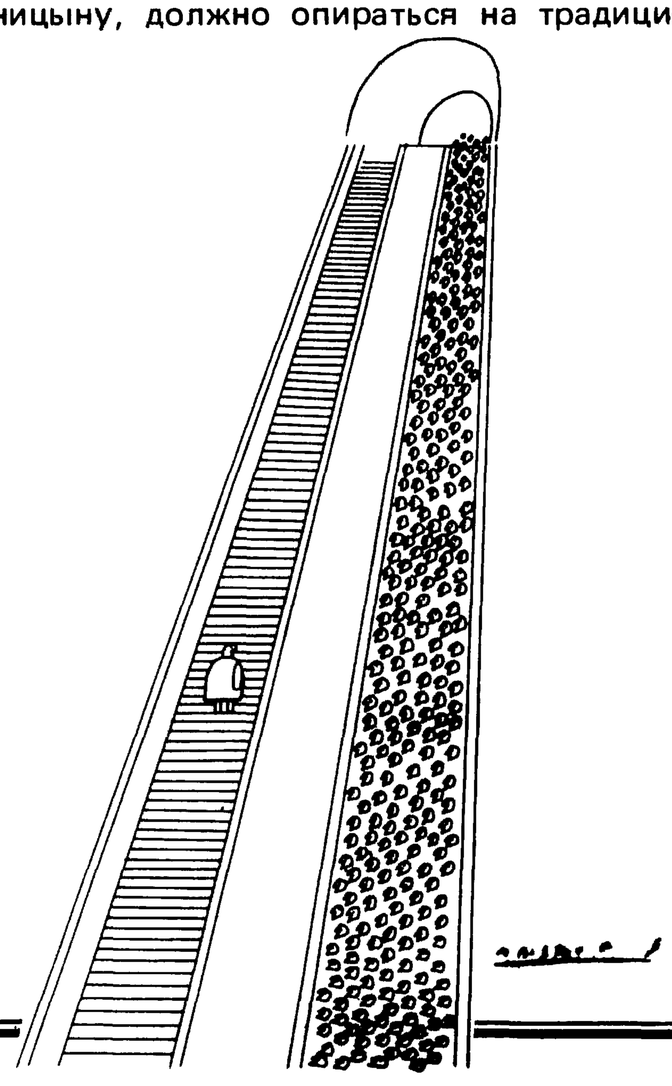
"Еще 200 лет назад в Америке — да даже и 50 лет назад, казалось невозможным, чтобы человек получил необузданную свободу — просто так для своих страстей. Однако с тех пор во всех западных странах это ограничение выветрилось, произошло окончательное освобождение от морального наследства христианских веков с их большими запасами то милости, то жертвы..."

Даже социологи, взгляд которых, казалось бы, должен быть свободен от всякой предвзятости, судят часто о демократическом капитализме под влиянием своей ностальгии по порядку. Многие из них усматривают в плюрализме нравственную опустошенность. Его последствия для человеческих душ расцениваются как симптом болезни: безликость, одиночество, отчаяние, утеря смысла существования и тому подобное.

Но все это — всего лишь попытки судить о плюрализме по нормам, характерным для традиционного понимания, что такое порядок, тогда как новый, современный "порядок времен" намеревается стать совсем иным. Создатели этого нового порядка больше боялись абсолютизма, чем плюрализма. Они хотели рискнуть и поставить социальный эксперимент, хотя от них оставались скрытыми его конечные последствия.

Этот новый опыт, описываемый некоторыми как отчуждение, безликость, бесцельность и тому подобное, может быть воспринят и в совершенно иной перспективе. А именно, он может быть понят как необходимая оборотная сторона переживания подлинной свободы. Ибо, если я волен в отношении к ценностям и символам моей семьи, моей церкви и моей культуры задавать такие радикальные вопросы, которые "отчуждают" меня от них, отсюда вовсе еще не следует, что я болен, потерян и безумен. Человеческая способность к сомнению — свидетельство нашей принадлежности к чему-то более высокому, нежели конечное. "Господи, сердца наши мятежны, пока они ни упокоятся в Тебе". Так молился Св. Августин. Тот, кто находит все принадлежащее миру конечного безвкусным и бессодержательным, вовсе не ставит себя тем самым вне западной традиции. Проникнуть глубже обстоятельств повседневного существования, которые только кажутся нам твердыми как скалы, усмотреть в них, подобно Платону, всего лишь пляшущие на стенах тени, — это знакомо нам еще с древности. Человеческий дух — вовсе не пленник реальностей его культуры. Временами он выходит за ее пределы, чтобы взглянуть на нее как бы со стороны.

Можно ожидать заранее, что в любом свободном обществе, граждане которого привыкают все подвергать сомнению, такого рода духовные эксперименты будут умножаться. Можно предвидеть, что будет появляться все больше "Записок из подполья", все больше свидетельств об абсурдности бытия, отвращении к нему, об отчужденности, о беспокойстве. Да, действительно, подобные переживания становятся в свободном обществе столь многочисленны, что в них начинаешь усматривать даже нечто незрелое. Их приучаются легко симулировать способные юнцы. Тот, кто сам не пережил в молодости "кризиса личности", может подумать, что с этой молодежью творится нечто негодное. Да, конечно, свободные личности обречены переживать отчуждение! Но противоположная крайность, — оставаться скованным настолько, что никогда не узнаешь, что такое свобода. Чтобы приучить себя к собственной своей свободе, — иногда наперекор своему желанию, почти насильственно, — надо уметь отделять себя от всего внешнего порядка вещного мира.



Рисунки М. Бишофса

→

Некоторые авторы говорят о том доверии к миру, которое внушает нам любая культура, твердо устанавливая для нас, в чем именно заключается реальное, истина, добро, красота. Культуры раскидывают над нашими головами свой "священный свод", хотя каждая из них отличается от другой. Именно поэтому, переходя из одной культуры в другую, неизбежно переживаешь "культурный шок". Все кажется как бы не в фокусе. Наша способность схватывать реальность ослабевает. Жить в свободном обществе — значит переживать подобный "культурный шок" все снова и снова. Находясь внутри отдельных познавательных вкраплений плюралистического конгломерата, индивидуум может воссоздать над собою этот "священный свод", под сенью которого он разделит с другими общее понимание смысла бытия, сходную мораль и эстетические суждения. Но вне этого временного прибежища, — в широком мире плюрализма, — человек обнаруживает множество других "священных сводов" и то, что может быть предметом поклонения для одних, вызовет всего лишь насмешку других. Жизнь в плюралистическом обществе приучает человека обходить эти обступающие его социальные минные поля. Он узнает о своей ограниченности каждый раз, как выходит из круга своих ближних.

В подлинно плюралистическом обществе не существует единого "священного свода". Его нет *намеренно*. Сердцевина этого общества, его святилище пусто. Оно оставлено пустым благодаря знанию, что нет такого мира образов или символов, который был бы достоин быть туда помещенным. Его пустота, таким образом, воплощает собою трансцендентность, к которой свободное сознание может приближаться поистине бесконечным количеством путей. (Фома Аквинский написал однажды, что человеческие существа созданы по образу Бога, но, поскольку Бог бесконечен, он может отражаться по-разному в бесконечном числе людей и ни один Его образ не будет вернее другого). Верующий и неверующий, самоотверженный и эгоист, осторожный и храбрец, наивный и пресытившийся, — все они находят свое место при порядке, *центр* которого социально не предуказан.

Но если взять хотя бы Соединенные Штаты, настолько ли уж пуст этот центр? Человеческие существа, согласно "Декларации независимости", наделены неотчуждаемыми правами самим Творцом. Не есть ли Бог — ее центр? — Для тех, кто так воспринимает реальность, — да. Для атеистов — нет. Официальные выражения религиозности в этой декларации не имеют намерением смутить или вынудить на уступки тех, кто не верит в Бога. Нет в Соединенных Штатах учреждения группы или личности, которые были бы уполномочены определять для других смысл таких слов, как Бог, Всемогущий или Творец. Слова "Декларации независимости" подобны пунктирному рисунку, который каждая личность заполняет по-своему. Вводя символы, которые превосходят власть государства и любую другую земную власть, они оберегают свободу совести всех. В этом — их роль. Такие символы вовсе не бессодержательны: каждый вынужден наполнять их хоть чем-то. Они указывают за пределы мирской власти; они хранят человеческую открытость трансцендентному.

Есть также и другие символы плюрализма, которые вовсе не пусты. Свобода слова, свобода печати и свобода интеллектуального исследования, например, обуславливают невиданно разнообразное цветение духа. Но, с другой стороны, каждая из этих ценностей и дисциплинирует всех. Каждая из них предписывает каждому из членов общества сдержанность, терпимость и готовность терпеливо сносить запутанность демократических процедур. Индивидуумы приучаются, таким образом, к тому, что общее благо превосходит их собственное понимание этого блага, как бы страстно они его ни исповедовали.

Свет такой трансцендентности воодушевлят прогресс и стимулирует реформы. Нет такого момента в истории, когда можно сказать: "У нас теперь достаточно справедливости" или "Свобода обеспечена теперь для всех и навсегда". Нравственный прогресс, к которому зовет демократический капитализм, — вовсе не утопичен; но он никогда в истории не завершится. Тот факт, что центр сохраняется не заполненным, вовсе не означает, что в нем не обитает жизненность. Скорее наоборот, жизненность его превосходит ограниченные возможности любого из способов, который претендовал бы на адекватное заполнение этого центра. Ценности и обычаи демократического капитализма предписывают, чтобы этот трансцендентный центр сохранялся именно как трансцендентный, воодушевляя тем самым дух сотрудничества, взаимности и общего усилия. Такого рода "священный свод", будучи скорее практическим, чем вероучительным, — обеспечивает единство в действиях, но при разнообразии в верах.

Напротив, традиционные и социалистические общества предлагают прежде всего единство мировоззрения. Они освящают коллективные действия символикой солидарности. Души людей, надо сказать, жаждут такой подкормки. Атавистические воспоминания, подобно привидениям, преследуют каждую свободную человеческую личность. "Пустошь в самой сердцевине демократического капитализма уподобляется полю битвы, по которому в некоторой растерянности бродят одинокие фигуры, наталкиваясь на раненых и поверженных. И тем не менее, роль ее ничем не заменима. Ее присутствие поддерживает наше уважение к разнообразию проявлений человеческой совести, суждений и намерений. Она сохраняет в чистоте наше благоговение перед трансцендентным, к которому личность получает доступ только через саму себя, без посредничества общественных учреждений. Царство трансцендентного, конечно, опосредствуется литературой, религией, семьей и общением с ближними. Но, в конечном счете, оно заключено в тишине каждой души.

Демократический капитализм не только допускает переживание индивидуума отчуждения, безликости, одиночества и небытия. Демократический капитализм к тому же еще и постоянно обновляет эти крайние переживания, которые неотделимы от опыта человеческой свободы. Человек, конечно, — общественное животное и существует множество опосредствующих институтов, благодаря которым он живет, действует и отправляет свои функции, но, в конечном счете, он не замкнут полностью институтами, в которых он обитает. Чувство своего одиночества, обособленности внушает ему сознание личной ответственности даже посреди поддерживаемых солидарностью действий. Совесть — вот стержневой корень демократического капитализма. Именно благодаря способности индивидуумов переживать ощущение обступающиего их со всех сторон небытия, — то есть, иначе говоря, благодаря их дару ставить под вопрос все общественные установления, порядок, цели и смысл, — утверждается принцип неотчуждаемости прав человека.

Плюралистическан концепция порядка решительно отличается от единообразного порядка традиционалистических (и социалистических) обществ. Плюрализм *предназначен* разрушать этот старый порядок.

---

* Michael Novak. The Spirit of Democratic Capitalism. New York. A Touchstone Book. 1982. *Отрывок из этой книги переведен с некоторыми сокращениями.*

"ГДЕ РАСЦВЕТАЕТ ПЛЮРАЛИЗМ, ТАМ ЭТО ВЕДЕТ ТОЛЬКО К ПОТЕРЕ ПАРТИЕЙ ЕЕ БОЕВИТОСТИ, К РАЗЛОЖЕНИЮ ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ И КЛАССОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ".

КОНСТАНТИН ЧЕРНЕНКО

ТЕОРИЯ

Михайло Михайлов

В МИРЕ САЛЬЕРИ

За последние двадцать лет в мире произошли чрезвычайно большие психологическо-духовные изменения, однако, до сих пор не только еще не осмысленные, но многими даже и не замеченные. Если во время Вьетнамской войны крылатые слова антивоенной активистки и известной певицы Джоан Баэз:"Я ненавижу все флаги, а не только американский" можно было принять как экстремистское заявление, вызванное чрезвычайной эмоциональностью, то в наше время, несмотря на якобы "пробуждение патриотизма" во многих частях света, большинство молодежи, — самое главное, талантливой, — воспринимает мысль Джоан Баэз как само собою разумеющееся.

Как-то мало замечена перемена в общественном сознании у молодого поколения на Западе, а есть все признаки, что такое же положение и на Востоке. Благодаря телевидению и фильмам, создалась духовная интеллектуальная общность целого поколения людей, ныне уже не только двадцатилетних, но и тридцатилетних, чувствующего и считающего *всю мировую историю*, а не только историю своей родины, *своей собственной историей*. Для этого поколения само собой разумеется, что *наши общие предки* разрушали Бастилию, взбирались на Синай с Моисеем, участвовали в американской войне за независимость, высаживались в Бретани в 1944 году, выходили с декабристами на Сенатскую площадь, поднимались на восстание в Бухенвальде и сталинских лагерях, сжигались на кострах инквизиции. Именно благодаря телевидению, в психологическом смысле наша планета в самом деле стала "мировой деревней" как этот процесс охарактеризовал Мак-Лухан. Нет ничего комичнее, чем попытки воспитать детей в школах в так называемых "традициях национальной истории" покуда существует свободное телевидение и кино.

Это новое до сих пор мало замеченное *сознание мировой исторической общности*, по-существу, является самым революционным событием XX-го столетия и психологически подготовляет почву для единого планетарного общества. Вся нынешняя политическая жизнь в мире, с точки зрения этого нового сознания, представляется чем-то вроде мышиной возни. Движение за спасение природы, за сохранение животных, за спасение биологического и зоологического мира в масштабах всей планеты — лишь результат этого нового чувства принадлежности не только всей человеческой истории, а и всей нашей планеты — каждому человеку.

С такой общемировой и общечеловеческой точки зрения в самом деле выглядит бессмыслицей факт, что нации, случайно оказавшиеся на географической территории, где впоследствии была найдена, например, нефть, ныне распоряжаются этой нефтью как своей собственностью.

Бессмыслица только увеличивается существующим ныне разделением планеты на отдельные государства, супергосударства и разные общественные системы. Бессмыслица нагромождается на бессмыслицу: почти что в миллиардном Китае все еще нигде официально не было сообщено о том, что люди уже долетели до Луны. Советская печать не сообщает не только о столкновении поездов, но даже и о землетрясениях, покуда про них не проведали заграничные корреспонденты. В печати же свободных стран почти ежедневно можно прочесть ужасающие новости о деятельности международных террористических организаций в любой точке земли. Но не только о террористах: в декабре 1980 года мир облетело сообщение о том, что ведется расследование в Индии, в Бихаре, где тюремщики в государственной тюрьме в наказание за какие-то проступки выкололи глаза двадцати девяти заключенным.

Но одновременно с укреплением этого общемирового и общепланетарного сознания в молодом поколении во всех частях света зарождаются модные движения, стремящиеся возвратиться в историческое прошлое: "Возрождение Ислама" в Иране; сильнейшая политическая активизация фундаменталистов так называемого "морального большинства" в США, и даже возрождение сильнейших национально-авторитарных стремлений в Советском Союзе.

Одновременно с чудесами науки и техники, с полетами межкосмических лабораторий на Марс, Венеру и Юпитер, человек,ныне вступающий в сознательную жизнь, также узнает, что существует и противоположный процесс, — не расширение, а сужение. В то время, как до начала нашей писаной истории человечество употребляло в пищу свыше 1500 сортов растений, с развитием земледелия, а особенно техники, число таких растений три-четыре столетия тому назад упало до только лишь 500 видов, а в наше время во всем мире употребляется только около 200 сортов растений. Но практически только самые важные 20 таких сортов, из которых три четверти производства занимает пшеница, рис и кукуруза, дают ныне человечеству всю пищу. И дело не только в уменьшении числа растений, употребляемых в пищу, а в уменьшении числа растений вообще, так как многие непотребляемые растения старательно выкорчевываются.

С одной стороны, развитие техники привело к тому, что вся нынешняя физическая работа человечества, включая все страны мира, все лагеря, где заключенные занимаются физическим трудом, — значит, вообще вся физическая работа, которую все люди мира ежедневно делают, — составляет только 0,01 процент от всей той работы, которая ежедневно проделывается в мире. Подавляющий процент работы делают машины и соотношение физического труда человека с машинным трудом можно сравнить с той физической энергией, которую затрачивает летчик новейшего реактивного самолета для надавливания кнопок и управления аппаратом, — с энергией, которую тратит сам аппарат. И в то же время полностью необъяснимым все еще остается, например, сон человека, — тот факт, что треть жизни человечество проводит во сне.

Вот подобные многочисленные парадоксы нынешнего мира странным путем привели ко второму малозамеченному изменению сознания нового поколения. Это — *второе* важнейшее изменение сознания можно назвать *повторным открытием духовного мира*.

В своем шедевре из цикла маленьких трагедий "Моцарт и Сальери" Пушкин психологически объяснил легенду о смерти Моцарта, которой верили в его время. Гениального композитора Моцарта якобы отравил Сальери из зависти. Пушкин описал Моцарта как гениального, но легкомысленного человека, любящего все жизненные удовольствия, и тем не менее, так сказать, "бесплатно" получавшего вдохновение. В то же время Сальери, по Пушкину, всю свою жизнь посвятил трудной работе в музыке, и остался посредственным композитором, которого не навещало вдохновение. Сальери в драме Пушкина дает яд Моцарту не из личной зависти, а чтобы восстановить "справедливость", как он ее понимает. И действительно, с человеческой точки зрения, талант, как незаслуженный дар, может показаться несправедливостью, — тем более, если его лишен человек, посвящающий все свои силы и труды одному делу. Сальери восклицает, что не только "правды нет на земле, но ее нет и выше", на небесах.

Можно сказть, что в некотором смысле вся наша нынешняя научно-техническая цивилизация — это мир Сальери, то есть замена мира, данного нам в дар природой, миром, созданным человеком, и, поэтому ограниченным и "закрытым", отделенным от других сфер, в которые человеческое творчество не может проникнуть. И тем не менее эти другие сферы бытия существуют, и *повторное открытие* этого факта после нескольких столетий — важнейшая перемена в сознании нынешнего человечества, наравне с тем, что я назвал общепланетарным сознанием.

Процесс повторного открытия духовной реальности шел

несколькими путями. Один путь — это открытия новейшей теоретической физики, особенно квантовой физики, с работами Гейзенберга и Шредингера, доказавшими существование принципиально ненаблюдаемой реальности, которая, однако, решительнейшим образом влияет на нашу физическую реальность. Наряду с книгой Эддингтона "Сущность физического мира" на Западе в 1980 году вышла книга советского ученого Виктора Тростникова "Мысли перед рассветом", делающая выводы из новейших физических открытий, выводы, прямо противоречащие убеждению о существовании одной только физической реальности, на которой несколько столетий основывалась вся наша наука.

В астрономии за последнии десятилетия тоже произошли революционные перемены. В результате усовершенствования наблюдательных средств, новейших вычислительных машин и новых физических открытий, стали реальностью совершенно новые невероятные понятия и процессы, — такие, например, как "черные дыры", поглощающие материю и пространство, зарождение и появление материи, то есть физического мира из полного вакуума, ит.д.

Совершенно другим путем шло открытие существования нефизической реальности в экзистенциальном плане — у людей, переживших концентрационные лагеря. Люди, попавшие в самые страшные условия физической несвободы, начинали реально осязать некую не физическую, а духовную силу в глубине собственной души, от которой зависело не только их личная внутренняя судьба, но и все, что происходило в физическом мире.

Конечно, нельзя сказать, что принципиально не наблюдаемая нынешней наукой и, однако, достоверно существующая внефизическая сфера бытия в новейшей физике и астрономии, — это та же самая нефизическая духовная реальность, которую постигли заключенные концлагерей. Однако нету никаких оснований утверждать и противоположное. Существование ненаблюдаемой реальности на уровне микрокосма в атомном ядре, скорее не исключает, а подтверждает то, что речь идет о той же духовной сфере, которая открылась заключенным в результате пытки максимальной несвободой. В средние века способность в человеке, которому доступен был *не-физический мир*, называлась "окулус спиритуалис". Можно сказать, в наше время все более рождается людей, для которых существование такой способности и духовного мира само собой разумеется.

Насколько широко распространилось осознание присутствия ненаблюдаемой внефизической реальности, показывает необыкновенный рост, не только на Западе, но в коммунистических странах интереса к парапсихологии, и вообще ко всем "ненаучным", — ранее говорили "эзотерическим", — духовным дисциплинам. Если в начале столетия очень глубокое духовное движение Рудольфа Штайнера осталось практически назамеченным в широких кругах публики и игнорировалось в научных и университетских кругах, то в наше время миллионы читают и комментируют идеи и факты из книг Новелса и Бержиера "Утро мага", Андреаса и Киллиана "Фантастические научные открытия", Кристофера Берда "Живущие растения", Муди "Жизнь после жизни", из книг Кастенада и т.д. Человечество вновь открывает то, что мы всегда в детстве знали — что растения живут своей жизнью и имеют чувства, что существует параллельно с нашим какой-то другой мир, из которого иногда приходят голоса и вести, что есть люди, обладающие неведомыми магическими силами и которые могут прикасанием руки лечить больных, или читать текст, находящийся за стеной. И это отнюдь не на уровне бульварной прессы. Даже советские газеты сообщают о фантастических успехах некоей Джуны в лечении высокопоставленных партийных лиц.

Итак, мы можем наблюдать повсюду и во всем *два противоположных по направлению процесса в нынешнем мире.* С одной стороны, — крайняя специализация во всех науках, сделавшая невозможным для одного человека обладать всеми познаниями даже в одной очень узкой специфической области одной отдельной науки, и, с другой стороны, все расширяющееся сознание общепланетарной и даже общекосмической связи между всеми жизненными сферами и отдельной человеческой личностью. Парадоксально то, что специализация во многих сферах привела к тому, что потеряли значение все специализированные вопросы, а важнейшие проблемы жизни, как это было несколько тысячелетий тому назад, встали перед каждым отдельным человеком и требуют его личного экзистециального решения. ■

в свое время Эмиль Золя
гневно писал:
Я ОБВИНЯЮ!

мы же позволим себе
лишь взывать:
люди опомнитесь!

люди, требуйте настойчиво
освобождения
самого гуманного,
самого доброго, милосердного,
справедливого ЧЕЛОВЕКА
в современной России —
великого ученого,
нобелевского лауреата

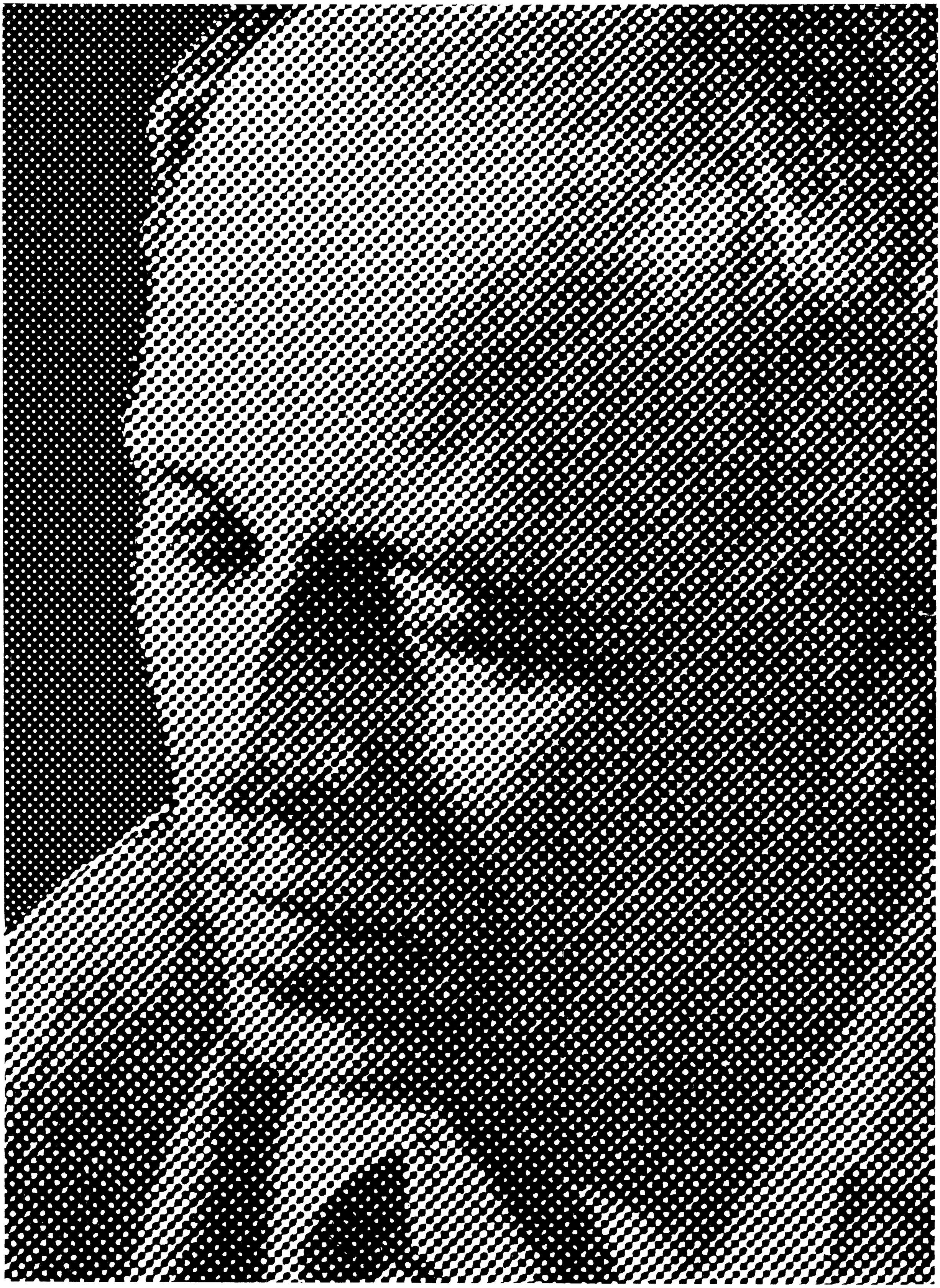
АНДРЕЯ САХАРОВА!

если он умрет в ссылке,
то мы все — все до единого —
будем стоять
перед судом истории
за свою нравственную глухоту,
за свою пассивность,
за свое молчание.

демонстрируйте в защиту
этого человечнейшего
ЧЕЛОВЕКА!

надо действовать
как можно быстрее,
СРОЧНО,
НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО,
ПОКА НЕ ПОЗДНО!

(из текста
Объединенного комитета
спасения Сахарова)



ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ

П. Абовин-Егидес

ДЕФИЦИТ ДОБРОТЫ

(О нравственном облике диссидентов)

Когда кто-то поносит диссидентов либо как "тех, кто нас обманул" (Лимонов), либо как "политических пенсионеров" (Зиновьев), либо как "лишних мальчиков ... крайних честолюбцев... людей, списывающих свою творческую импотенцию на счет режима" (Белоцерковский), то это вызывает справедливое возмущение и брезгливость; когда же кто-либо всех диссидентов поднимает "до небес", являя их мифическими героями, титанами типа Прометея, приписывая им — из любви к сенсационности — то, чего с ними и в помине не было, то это вызывает обоснованные скептические улыбки: диссиденты — живые люди, и все человеческое им присуще. Отличаются же они от "остальных", от недиссидентов "лишь" тем, что, постигнув, как и многие другие, фальшивую сущность нашего режима, они — и только они — находят в себе силу духа развенчивать этот режим и *явочным* порядком осуществлять себя как личность. Они преодолевают в себе вызванную тоталитаризмом раздвоенность души, заявляя вслух то, что подсказывает им изнутри Совесть, актуализируют таким образом записанные в Конституции свободы, презирая предстоящее тюремное заключение, которое с этим сопряжено.

И в этом прорыве стены деспотизма, в этом вставании с колен, в броске в безмерность, в дерзновенном нарушении корпоративных правил игры, диктуемых теми, кто узурпировал власть и кто заменил этими правилами принцип морали (которая — по определению — может быть только общечеловеческой, всеисторической) — именно в этом и состоит *нравственное* величие диссидентства. В е л и ч и е уже потому, что оно связано с подлинным мужеством.

Однако это лишь первый нравственный уровень диссидентов: сама по себе свобода, достигнутая даже огромной ценой — ценой презрения к тюрьме, лагерю, психушке, не является смыслом жизни, если она — свобода только д л я с е б я, если она не слита с добротой, проявляемой в бескорыстной заботе о других. Лишь синтез с в о б о д ы и д о б р о т ы (как вершины духовной красоты) может быть ипостасью подлинно человеческого смысла жизни. Доброту в себе можно воспитать, если она кому-либо и не дана от рождения. И т о л ь к о д е й с т в и т е л ь н о д о б р ы й ч е л о в е к м о ж е т б ы т ь п о д л и н н о д е м о к р а т и ч н ы м и т о л е р а н т н ы м, в том числе к своим оппонентам.

До уровня синтеза свободы и доброты, а стало быть, и до подлинного демократизма поднялся, например, Юрий Гримм, человек, для которого делать добро другим — естественное состояние: в небольшой комнате (причем — в коммунальной квартире), где он жил со своей семьей, всегда находили пристанище диссиденты, клебановцы, приехавшие из провинции; он делится с людьми последним куском; никогда не ожесточается он против тех, кто оспаривает его; дети его обожают; он не терпит, когда кто-либо обижает кошку или собаку. Таковы же Мальва Ланда, А.Лавут, Т.Великанова, В.Абрамкин и многие другие, отличающиеся добротой, отзывчивостью, чуткостью. Но, увы, далеко не все диссиденты, объявляющие себя демократами, поднялись до этого уровня. Это рельефно прорисовывается в условиях эмиграции. Часто можно слышать: "Диссидентов эмиграция портит... " Я бы сказал иначе: эмиграция (равно как слава, власть, удача) не портит, а п р о я в л я е т человека, проявляет то, что там, на родине, в нем было втуне, незаметно. Там диссиденты всегда помогали друг другу: взаимопомощь была необходимой из-за общей опасности; здесь же этой опасности нет — и взаимопомощь нередко исчезает, аки дым, если... нет внутренней доброты.

Именно из-за недостатка доброты, из-за гипертрофии себялюбия, из-за повышенной чувствительности к собствен-

ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ

М. Аксенов-Меерсон

МОЛИТВА В АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛАХ

В Соединенных Штатах религия отделена от государства. Американская конституция требует, чтобы государство охраняло свободу американских граждан, в том числе и свободу совести. Поэтому государство предоставляет определенные привилегии всем религиозным организациям в равной мере, т.е. освобождает их от налогов, и при этом не имеет права ни особо поощрять, ни дискриминировать какую-либо религию или вероисповедание.

С этим принципом, в частности, в настоящее время столкнулось желание большинства американцев вновь внести молитву в государственные школы. В стране создалась парадоксальная ситуация. Президент Соединенных Штатов ратует за введение в государственных школах минуты молчаливой молитвы-медитации, 80% американских граждан желают того же самого, однако ни президент, ни большинство американцев сделать этого пока не могут. Почему?

На их пути стоит Верховный Суд США, – наряду с президентом и конгрессом, третья независимая власть в стране. Верховный Суд – против молитвы в школах на том основании, что демократия – это не только права большинства, но и права меньшинства. Демократическая страна должна ограждать права как религиозных меньшинств, так и неверующих. Допустим, в классе сорок учеников: из них 20 – протестантов разных протестантских церквей, 6 католиков, трое евреев, один православный, один буддист, один мусульманин и остальные – неверующие. Какую молитву надо выбрать, чтобы удовлетворить всех. Чтобы избежать этого выбора было предложено ввести минуту молчаливой медитации: каждый ученик в глубине своего сердца сам произнесет свою молитву или подумает о Боге.

Однако Верховный Суд опасается, не будет ли эта минута молчаливой молитвы насилием над неверующими учениками, и не спешит отменить свое постановление 1962 года, признавшее чтение молитвы в классах неконституционным. Одна из газетных статей на эту тему так описывает положение вещей:

"Пока суд да дело, сторонники религиозного образования стараются всяческой контрабандой ввести его в классы. Так, в штате Кентукки, где государственные школы, согласно все тому же постановлению Верховного Суда, не имеют права держать в классных комнатах плакаты с Десятью Заповедями, вместо этого вывесили на стенах высказывания американских президентов (от Джефферсона до Рейгана) о значении Библии в американской истории. Как говорит инспектор местных государственных школ Дэвид Драйер, "все, – и мои ученики, и учителя, – были против того, чтобы снять со стен эти Десять Заповедей, однако мы отдавали себе отчет, что Верховный Суд высказался

ной персоне и отсутствия настоящей заботы о других, из-за чрезмерной влюбленности в собственное "имя", иные люди, заявляющие себя демократами, т.е. сторонниками *народо*власти, порой презрительно относятся к собственному *народу* же. И поэтому, касаясь статьи "Наши плюралисты", приходится признать: Солженицын весьма прав, возмущаясь такими суждениями как "Духовная структура русских ... застойна, неспособна к развитию, прогрессу", "Грузин Сталин больше всех приближается к русскому идеалу", "Русские — сильный народ, только голова у них слабая"... Неужели *такое* могли писать люди, считающие себя демократами? В самом деле, что это за *демо*краты, если они презирают собственный *демос*? Подобное могут скорее написать сторонники духовной *элито*кратии, нежели *демо*кратии, (А элитократия —правда, не духовная — у нас в стране, увы, наличествует).

Правда, Солженицын не замечает того, что сам себе противоречит, когда говорит, что нашему народу нельзя сразу давать демократию, а нужен раньше какой-то авторитарный переходный период, иначе народ устроит...резню, — значит, автор "Архипелага", выходит, тоже не доверяет своему же народу, за который ратует. Противоречит себе Солженицын и в другом: он хвастает тем, что "не организовывает комитеты", "не ездит... на конференции" и т.д. Каждый, конечно, вправе "не ездить...", но хвастать этим, высмеивать тех, кто так поступает, просто грешно: как же можно действенно любить свой народ и бороться за его свободу... в одиночку? Ведь давно всем известно, что антиличностные политические структуры давят любые разрозненные личности, если они не объединяются в организации, общества, комитеты, партии, союзы для отстаивания самого принципа л и ч н о с т и, давят они — эти структуры — и целые народы, если последние разрознены, атомизированы.

Слов нет, нам осточертели "монолитные ряды" организации, как пишет Синявский, — но не надо же смешивать "кислое с пресным" — организации безличностные и спектр организаций суверенных личностей, который необходим до тех пор, пока социум не избавлен от опасности возникновения в нем антиличностных сил и структур.

Между тем, и Солженицын, и многие из тех демократов, плюралистов, которых он критикует, выступают как "завзятые" индивидуалисты, больше того — эгоцентрики. Так, один из них, когда к нему обратились с предложением войти в Объединенный комитет спасения Сахарова, "сострил": "Я занят теперь тем, как бы выйти из всех комитетов, а не войти в новый"; другой ответил: "Я — индивидуалист-анархист..."; третий заявил: "Я т а м не вступал ни в какие комитеты, организации и тут тем более не собираюсь: я сам, один буду... спасать Сахарова" и т.д. (Да, наше время отличается виртуозным выкручиванием рук у логики, виртуозным вымучиванием аргументации, даже остроумной, — однако остроумие и глубокоумие далеко не тождественны). Но, извините, как же так: вас-то спасали именно комитеты, организации, выступающие в вашу защиту! Вы эту защиту демократических и социалистических организаций принимали, а сами отказываетесь вступать в организации для защиты других... Если это не эгоцентризм, то что же это? Не черствость ли, не нравственная ли глухота (или лишь приглушенность)? Не дефицит ли доброты?

Итак, следует со всей силой подчеркнуть: подлинный демократ — человек добрый, отзывчивый, великодушный, терпимый к критике в свой адрес.

Ну, а с чем мы порой сталкиваемся в эмиграции?

Мало того, что среди диссидентов-эмигрантов уже обозначилось определенное с о ц и а л ь н о е р а с с л о е н и е (к чему я еще вернусь в другой статье: это — особая проблема), — мы порой просто "забываем" спросить не только людей дальних, но даже близких, даже наших, так сказать, соратников, тех, кто т а м были участниками сопротивленческого движения, как они т у т устроены, с чего живут, не нуждаются ли? А бывают случаи, когда черствым, высокомерным, недоступным оказываются вдруг человек, который на родине воспринимался как отзывчивый и даже добродетельный... — и тогда его "преображение" приходится констатировать с болью в сердце.

Звоню, например, одному нашему политэмигранту, живущему в ФРГ. Сразу слышу упрек:

— А где Вы взяли мой телефон?

— Гм... а какая разница?

— Нет, где Вы взяли...

Меня словно ледяной водой облили... И откуда такой металл в голосе?

Оказывается, он — этот либерал, защитник прав человека, гуманист и чуть ли не социал-демократ — держит номер своего телефона в секрете от ... диссидентов (не от КГБ же). Он "велел никому не давать номер своего телефона" (так мне было сказано теми, кто дал его, — но я им не поверил, думая, что шутят).

— Понимаете, могут звонить тут, — подыскивает он слова, — всякие-разные эмигранты, просить о помощи...

— Что значит "всякие"? Никто, кроме эмигрантов-диссидентов, Вам звонить не станет. Разве что местные немцы, — но их-то Вы радушно принимаете. Как же при этом можно не отвечать своим, если они в чем-то нуждаются тут, на чужби- →

и закон надо уважать."

В другом штате один из врачей заказал на собственные деньги несколько тысяч маек с напечатанными на них Десятью Заповедями и раздал их всем желающим школьникам."

Поскольку школьники могут носить любые майки, вместо одного плаката с Десятью Заповедями в каждом классе оказалось по нескольку ходячих плакатов. Значит ли это, что в Америке не осталось места, кроме нательной майки, для религиозного образования? Конечно, нет. Ведь речь идет только о государственных школах, т.е. тех, которые содержатся на деньги штатных и городских властей. В Соединенных Штатах несметное число частных школ, из них большинство — религиозные: католические, протестантские, еврейские, мусульманские, буддийские; существуют и православные школы. В них наряду с общеобразовательными предметами преподается то или иное вероучение, дети посещают богослужения. Однако это — частные школы, в них образование платное, они не содержатся на деньги правительства, т.е. всех американских налогоплательщиков. Это значит, что католические школы поддерживаются католиками, лютеранские школы содержатся на деньги лютеран, православные собирают деньги на свои школы, еврейские — на свои. И конечно, в них и ученики и учителя могут молиться сколько и как им заблагорассудится.

Спор о введении молитвы или минуты - молчаливой медитации затрагивает только школы государственного сектора, содержащиеся на деньги штатных или городских властей. Но это не умаляет важности проблемы. Множество американских детей, в основном тех родителей, которые либо далеки от любой религии, либо не могут платить за частное образование, учатся в государственных школах.

В середине декабря президент Рейган снова обратился в Верховный Суд с просьбой разрешить минуту для медитации, заявив, что государственные школы не удовлетворяют религиозные потребности части учеников, что ведет к их исходу из этих школ. Это недавнее обращение Президента в Верховный Суд было за последние два года четвертой попыткой правительства убедить Верховный Суд снять запрет на разного рода религиозную реятельность по инициативе государства.

Вопрос о школьной молитве далеко еще решен, растет число американцев, желающих ввести ее в государственных школах. Однако у обеих сторон есть веские аргументы. Сторонники молитвы в школе считают, что она необходима для развития у школьников религиозного сознания, что она поможет вернуть Америку к ее традиционным религиозным ценностям. Ее противники опасаются, как бы религиозная свобода для одних не ущемила ее для других, поскольку область веры наиболее интимная и хрупкая и требует особо бережного отношения к себе, в особенности со стороны власти.

Надо сказать, что и среди сторонников молитвы в школах и среди ее противников равное число религиозных людей: это отнюдь не спор верующих с атеистами.

Так осуществляется в Америке свобода совести. Это и есть демократия в действии, где большинство проводит свои решения в жизнь таким образом, чтобы при этом сохранялись и фундаментальные права меньшинств и даже каждой отдельной человеческой личности. Ибо демократия — это прежде всего защита человеческой личности от любого произвола, — как государственного, так и коллективного. ■

не? А, может быть, они нуждаются в куске хлеба? Может быть, им жить негде, переночевать негде? Где же Ваша доброта, Ваша человечность?..

Но, как бы не слыша меня и не внемля тому, что я говорю, он переходит в "наступление":

— А Вас лично я не приглашаю потому, что Вы критиковали Любарского в "Русской мысли".

—Но, быть может, Вы скажете, что же неправильного в моей статье?

— Да нет, в ней все правильно, но дело не в этом, а в том, что вообще не надо критиковать друг друга...

—Но Вы же, например, критиковали Солженицына.

—Только один раз... Только один раз...

— А я Любарского тоже только один раз.

— Но Любарский — демократ.

— А разве демократы вне критики? Взаимокритика — это как раз ипостась демократии, да и плюрализма, если хотите.

— Но Вы же в "Русской мысли"?

— А разве Вы не печатались в "Русской мысли"? ...

Забыл я сказать ему, что вот и К.Любарский в той же "Русской мысли" в огромной статье критиковал Ларису Богораз, к тому же назидательно, по-менторски, — причем Ларису, которая находится т а м, а он отсюда похлопывает ее по плечу, отчитывает, как школьницу, между прочим по вопросу, который не так уж однозначен, как ему казалось.

Не стал я вспоминать нашему либералу-демократу, что он не ответил мне на письмо об аресте одного из членов редколлегии "Поисков" (в любви к которым он мне еще в Москве объяснялся), на просьбу что-то предпринять: мне стало очень больно, обидно и стыдно за него же... и я повесил трубку.

Удивил меня и другой уважаемый демократ. Когда я заговорил о доброте, он вдруг заявил категорично:

— Суть христианской морали не в доброте, не в том, чтобы быть добрым, а в том, чтобы любить Бога и стремиться ввысь...

Признаюсь: такое безапелляционное утверждение — причем в его устах — меня буквально поразило.

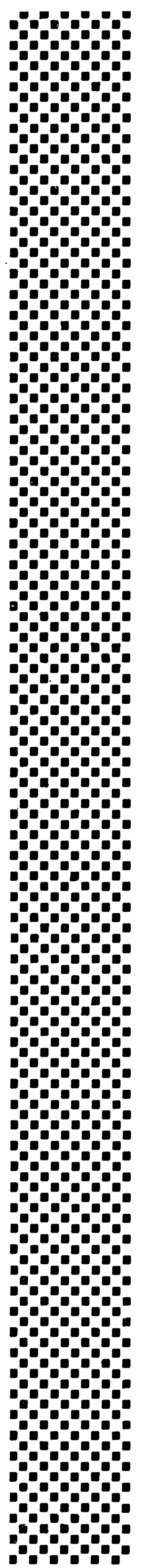
—Но это же одно и то же, — пытаюсь возразить.

— Вы атеист и посему ничего не смыслите в Евангелии...

И примечательно: узнав, что я написал статью, в которой упрекаю Солженицына в том, что призывая в Темплтоновской речи "вернуться к Богу" (что на моем, атеистическом языке называется вернуться к Доброте, Милосердию, Добросердечию, Добродетели), он забыл проявить должную доброту к Владимиру Гершуни, наш демократ воскликнул: "Правильно! Когда же будет опубликована эта статья?", не догадываясь, что "de te fabula narratur" ("О тебе эта речь").

И уже верхом нечуткости является наше отношение к памяти демократа Андрея Амальрика: до сих пор мы не собрали нужное количество денег для установления ему памятника и почти не интересуемся судьбой его жены — Гюзели. Я не называю здесь фамилий ни тех немногих, кто внес деньги на памятник, ни тех многих, кто этого до сих пор не удосужился сделать. Я вообще не называю здесь фамилий критикуемых лишь потому, что хочу заострить внимание на на персонах, а на *феноменах*, которые всем нам вредят. Об этих феноменах нельзя забывать.

Я пишу все это *не для того, чтобы* ущипнуть, укусить, уязвить кого-либо. О, нет: я пишу с болью в сердце о людях, которых страстно желаю видеть такими, какими я их изначально себе представлял — тогда, когда начинал их любить... Я стал писать эту статью лишь для того, чтобы побудить нас самих оглянуться и призадуматься над собственным поведением... Доброта же в поведении — основной атрибут, потеряв который человек перестает быть равным своему понятию. И не следует спекулировать на том, что главное — бороться с нашим общим врагом, — с режимом, *а не* акцентировать внимание на тех или иных изъянах у нас самих: это "а не" фальшиво, — ибо именно для борьбы с тоталитаристским, бесчеловечным, злым режимом, нам самим надо подниматься на самый высокий нравственный уровень. А для этого надо не загонять собственной болезни вглубь, а избавляться от них и как можно быстрее. ■



ВОСТОК-ЗАПАД

глазами американской студентки

Эту студентку наша семья знала давно. Прошлым летом она куда-то исчезла. И вдруг два дня назад – звонок:"Я только что вернулась из Советского Союза. Очень хочу вас видеть. Есть что рассказать". И вот мы сидим в нашей нью-йоркской квартире и Эллен (будем так ее называть) рассказывает о четырех месяцах, которые она вместе с 35 другими американцами провела в качестве студентки Ленинградского университета. Жили американцы в общежитии на Кронверкской набережной. Питались в студенческой столовой. Кроме Ленинграда Эллен повидала Таллин, Баку, Новгород, Москву и Киев. Туда американцев вывозили для более широкого ознакомления с советской жизнью. Но главное дело было, конечно, – русский язык, тяжелый русский язык, которым приходилось заниматься по 4–5 часов в день...

– КАК СКЛАДЫВАЛИСЬ ВАШИ ОТНОШЕНИЯ С ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ?

– Были более одаренные и менее одаренные учителя, более по-человечески приятные и менее симпатичные.К сожалению, темы бесед, которые они вели в аудитории, были крайне обеднены. Учителя говорили с нами относительно образования, на темы искусства, о природе, но явно боялись касаться политики и социальных вопросов. Однако раз в неделю к нам присылали каких-то неизвестных нам лекторов с полуторачасовыми докладами по страноведению. Нам, конечно, хотелось узнать как можно больше о стране, куда мы приехали, но лекции эти были на редкость скучны. Они не содержали никаких цифр или фактов, никаких запоминающихся деталей. Обычно во время этих "политических" лекций мы писали письма домой. Впрочем, иногда у преподавателей прорывались кое-какие высказывания, представляющие интерес. так, один, говоривший об охране природы в СССР, сказал, что вообще-то природу охранять не следует, наоборот, надо развивать промышленность. "Такова задача данного момента." А на лекции о религии в СССР мы узнали, что граждане СССР имеют полную свободу выражения своих религиозных чувств. Мы напомнили преподавателю несколько общеизвестных фактов относительно преследования верующих в Советском Союзе, но он продолжал твердить, что свобода есть, хотя ни одного аргумента в защиту своего тезиса привести не мог. В другом случае мы обратили внимание нашего лектора на обилие портретов вождей на улицах, в общественных учреждениях, в общежитиях. Мы спросили его, какую цель ставит перед собой советское государство, развешивая везде эти портреты. Он явно растерялся и сначала забормотал, что портретов вождей не так уж и много. Потом передумал и стал утверждать, что да, портреты есть, но это вполне естественно в стране, где есть традиция выражать свои идеалы в виде изображений. "В виде икон?" – спросили мы. "Нет, нет, – закричал испуганно преподаватель, – между иконами и портретами на стенах нет ничего общего!"

Впрочем, в целом американские студенты старались не спорить в аудитории, даже если не верили тому, о чем говорят учителя. Лично у меня в Ленинграде всегда было желание остаться в тени, не привлекать к себе внимания властей.

–НЕУЖЕЛИ СОВЕТСКИЙ СТРАХ РАСПРОСТРАНИЛСЯ ДАЖЕ НА ВАС, АМЕРИКАНЦЕВ?

– Да, да, да! Это даже не был страх за себя, но за тех русских, с которыми я подру-

жилась в этой стране. Их могли бы преследовать из-за меня.

–В КАКИХ УСЛОВИЯХ ЖИЛИ АМЕРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ?

– Я уже говорила об общежитии. Мне повезло: я жила в комнате только с двумя девушками, но большинство комнат было рассчитано на 4-5 человек. Питаться мы должны были в университетской студенческой столовой. Но есть там было совершенно невозможно. Пища была очень плохая. Приходилось готовить себе еду в общежитии. Я довольно непривередлива: покупала хлеб, масло , яйца, чай, сыр и этим ограничивала свой рацион...

– ЗНАЧИТ, ПРОДУКТЫ В ЛЕНИНГРАДЕ ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ?

– Относительно... Те, кто пытались найти в магазинах мясо или колбасу, рыбу или овощи, оказывались в более трудном положении, чем я. Мясо везде по стране – серьезная проблема... Мы очень страдали также от отсутствия фруктов. Очень редко удавалось купить яблоки или увидеть мандарины.

– Я ВИЖУ, ЧТО ЖИЗНЬ ВАША В ЛЕНИНГРАДЕ МАЛО ОТЛИЧАЛАСЬ ОТ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ?

– Это верно. На нас распространялись все особенности советской жизни, включая постоянную слежку. Когда к нам в общежитие приходили гости, они обязаны были оставить свой документ внизу у вахтера. Так что власти всегда могли проследить, с кем из русских мы общаемся. Далеко не все студенты Университета имели право вступать с нами в контакт. Для общения, а, вернее, для видимости общения, в наше общежитие были поселены некоторые, очевидно, особо доверенные студенты. Они заводили с нами разговоры с явной целью выяснить наши взгляды. Один из таких соседей признался американской девушке, что его заставляют каждую неделю писать отчет о поведении "иностранцев".

В СССР контролировали и нашу переписку. Письма из Соединенных Штатов и других стран часто не доходили до нас. В частности, я не получила поздравительную открытку с портретом президента Рейгана. Очевидно, цензура усмотрела в этом портрете элемент проамериканской пропаганды... Многие письма, доходившие до меня, носили следы предварительной цензуры. Правда, вскрыты были не все письма.

– БЫВАЛИ ЛИ ВЫ В ЛЕНИНГРАДСКИХ ТЕАТРАХ И КИНО?

– О, да. Нам, как иностранцам, театральные билеты были доступны, и я охотно ходила в театры, – особенно, на балетные спектакли. Русский балет прекрасен! В Университете нам показывали художественные и документальные фильмы. Особенно большое впечатление произвели на меня две картины: "Осенний марафон" и "Белое солнце пустыни". Последняя картина была особенно хороша. Меня поразило, как много советских художественных и документальных фильмов все еще посвящены войне, закончившейся почти сорок лет назад. Я понимаю чувства русских, которые понесли в войне большие жертвы. Среди моих знакомых была пожилая женщина, которая перенесла блокаду. Ее рассказы ужасали меня. И тем не менее мне показалось, что в советском искусстве спекулируют на этой теме ради политических целей.

– ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОИСХОДИТ ПРЕДНАМЕРЕННАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ?

– У меня слишком маленький опыт жизни в стране, чтобы я могла делать столь серьезные выводы. Я расскажу лишь о фактах. Когда я приехала в СССР в сентябре 1983 года, там только что был сбит корейский гражданский самолет. Обстановка там в эти дни была крайне накаленной. Я никогда не встречалась с такой атмосферой в Америке и даже подумывала о том, чтобы вернуться домой. В газетах и по радио постоянно раздавались милитаристские призывы. Несколько раз ко мне на улице обращались люди, которые спрашивали, почему американский президент хочет войны. Об этом же говорили со мной и шоферы такси, как только узнавали, что я американка. Иногда я пыталась объяснять моим случайным собеседникам, что они ошибаются, но чаще всего они не желали даже слушать меня. Их, а точнее, – официальная, – точка зрения казалась им неопровержимой. Было что-то затверженное, жесткое в их взглядах. Похоже, что им много лет говорят об Америке, как о враге Советского Союза.

– ВАМ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО В МАССЕ СВОЕЙ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ВЕРЯТ В ЭТО?

– Я боюсь обобщений. Могу только сказать, что почти все рабочие, которых я там встречала, относились к государственной пропаганде с доверием. Та часть интеллигентов, которым разрешено было с нами общаться, пытались убедить нас в своей преданности режиму, но я не очень верю, что они говорили нам правду. В России вообще нелегко понять, в чем состоит общественное мнение: люди ведут себя скрыто, открываются лишь с близкими друзьями. Тем не менее, несколько раз мне удалось услышать откровенные высказывания.

– О ЧЕМ ЖЕ ГОВОРИЛИ ВАМ БОЛЕЕ ИСКРЕННИЕ СОБЕСЕДНИКИ?

– Они жаловались на то, что всю жизнь мечтают повидать мир и не могут это сделать: сейчас даже в социалистические страны поездки резко сокращены. А о том, чтобы хотя бы на несколько дней побывать в капиталистической стране простой человек не может и мечтать. Я слышала жалобы на глушение западных радиостанций. Правду о Западе могут узнать, таким образом, только те, кто знают английский или немецкий язык. Между прочим, меня пригласили в одну квартиру, где собралась группа людей, изучающих английский. Не меньше двух часов они задавали мне вопросы о жизни Америки, о Нью-Йорке, об американской молодежи, о неграх, о движении женщин за равноправие, об американском театре и кино. Это были простые, трудовые люди в возрасте от 22 до 50 лет. Я чувствовала их искренний глубокий интерес к западной жизни, к западным идеям.

Во время других встреч я слышала от русских жалобы на низкую заработную плату. Разговаривала я и с евреями, которые мечтают о выезде из страны. Настроение у них скверное. Они считают, что возврата к массовой эмиграции ожидать в ближайшие годы не приходится. Брак с иностранцем (иностранкой) – последний выход для тех, кто жаждет перебраться на Запад. Это не легкий путь. В нашей группе был американский юноша, который четыре раза приезжал уже в СССР, чтобы добиться регистрации его брака с русской девушкой. Когда я была в американском посольстве, то видела там три русско-американские пары, добивающиеся выезда из Советского Союза.

– КАКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ВЫНЕСЛИ ВЫ ИЗ ВСТРЕЧ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА?

– Нам показали Киев и Таллин, Баку и Новгород. В каждом из этих городов предполагались встречи с молодежью. Но на этих встречах мы почему-то чаще всего обнаруживали мужчин и женщин в возрасте от 40 до 50 лет. Похоже на то, что эти люди приходили на встречу с нами лишь затем, чтобы произнести заранее подготовленный политический текст. Диалога они боялись и, как мне кажется, не были к нему приучены. Откровенно говоря, я устала от этих "односторонних действий" наших хозяев. Особенно формально выглядели встречи с "молодежью" в Киеве и в Баку. Вспоминается, как мы пытались вступить в обмен мнениями с мужчиной средних лет, который назвал себя преподавателем экономики. После его монолога одна наша студентка заметила, что у него, очевидно, нет достаточной информации о ситуации на Западе, потому что в СССР невозможно купить европейскую или американскую газету. Преподаватель экономики заявил, что это клевета и любой советский гражданин без труда может приобрести любую западную газету. Мы заметили ему, что живем в СССР уже более трех месяцев и газет такого рода не видали. "Я могу тотчас же добыть газету здесь, в Киеве." – настаивал наш оппонент. "Не удивительно, – сказала я, – Вы специалист в этой области и знаете, где именно такие газеты находятся." В разговор вмешался советский студент-физик, который тоже стал утверждать, что если у советского гражданина возникает профессиональная необходимость найти какое-нибудь западное издание, то он может получить такое издание. "А если нет профессиональной необходимости, а есть только интерес к западной жизни?" – спросили мы. Но наши оппоненты не решились дальше продолжать спор и поторопились переменить тему.

Большую степень откровенности мы стретили в Эстонии. Там во время встречи юноши и девушки с комсомольским значками прямо говорили американским студентам, что ненавидят русских. Слово "русский" символизирует для них все советское. Эстонский жесткий национализм привел однажды меня и моего случайного таллинского знакомого к забавному недоразумению. Этот эстонский парень лет 25, с которым мы познакомились на улице, был очень рад встретить американку. Однако он сказал, что не желает по принципиальным соображениям говорить со мной по-русски. Я, увы, не знала эстонского, так что мы вынуждены были разойтись в разные стороны, обменявшись лишь дружескими улыбками.

– А ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ О РУССКИХ?

– Мне и моим коллегам, изучавшим русский язык в Ленинграде, русские понравились. Мне кажется, что в массе своей люди России более душевны, более сердечны и мягки, чем американцы. Они очень гостеприимны и, насколько я могла понять, деньги не играют в их жизни столь важной роли, как в Америке. Между нами и русскими постоянно возникали товарищеские и дружеские отношения, а случалось, что дружба переходила в любовь. Один юноша из нашей группы был увлечен русской девушкой, а две студетки-американки очень нежно прощались на аэродроме с русскими ребятами. Мне кажется это вполне естественным.

– ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ЧТО СОВЕТСКИЕ ВЛАСТИ РАЗДЕЛЯЮТ ВАШУ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ?

– Отнюдь нет. Той советской девушке, которая подружилась с американским студентом, пригрозили, что если она не прекратит встреч с ним, ее выгонят из общежития и университета. Что касается двух американок, у которых возникли романы с русскими ребятами, то багаж этих студенток при отъезде из СССР подвергся в таможне самому жестокому досмотру. Таможенники явно стремились испортить девушкам настроение, давая им понять, что советская сторона не одобряет "неофициальных" отношений своих граждан с иностранцами...

– ЭТИ ИНЦИНДЕНТЫ НЕ ОТБИЛИ У ВАС ОХОТУ ПОСЕТИТЬ РОССИЮ ЕЩЕ РАЗ?

– Нисколько. Я полюбила народ России и надеюсь еще не раз побывать там.

Интервью взял Марк Поповский

ВОСТОК-ЗАПАД

Вилльям Таубман

РОССИЯ И США. СОВЕТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Эта книга была написана советскими авторами Н.В. Сивачевым и Н.Н. Яковлевым по заказу Чикагского университета для издаваемой им серии "Соединенные Штаты и мир". В кратком предисловии к этой книге издатель Акира Ирие объясняет, что цель серии — информировать американских читателей об отношении к Америке в других странах. Как подчеркивает издатель, один из путей обрести такую информацию заключается в ознакомлении с тем, что пишут об отношениях с Соединенными Штатами неамериканские специалисты. Что же касается книги "Россия и США", то Акира Ирие отмечает поддержку "широкими кругами" в СССР того, что высказано ее авторами — профессором истории МГУ Н.В. Сивачевым и старшим научным сотрудником Института социологии АН СССР Н.Н. Яковлевым. Акира Ирие утверждает также, что американские исторические исследования регулярно читаются в СССР.

Предваряя текст Сивачева и Яковлева, издатель отмечает, что эти авторы непривычно для американцев акцентируют некоторые события. Но, по его мнению, это лишь напоминает нам и помогает лучше понять "как любое общество добивается согласия с собственной своей историей и какой смысл оно приписывает отдельным историческим фактам, чтобы установить политическое и культурное равновесие" (стр. *VII, VIII*).

Не в правилах рецензентов — уделять слишком уж большое внимание кратким предисловиям издателей. Но в данном случае приходится делать исключение.

Прежде всего, допустимо ли отождествлять мнение того или иного автора с идеями страны и общества, к которым он принадлежит? Такого сорта сближения всегда условны и базируются на упрощениях. Но в данном случае оно особенно проблематично, если учитывать специфические условия научной деятельности в Советском Союзе и — прежде всего — в такой идеологически чувствительной области, как зарубежная политика советского руководства.

Советский историк международных отношений имеет дело с четкой партийной точкой зрения, которую он не может игнорировать, если рассчитывает на публикацию своей работы. Кроме того, ни один историк, если он не приемлет официальных установок, не сможет регулярно читать американские исследования, большинство которых хранится в специальных фондах и доступно лишь специалистам, получившим одобрение своей "любознательности" от своего начальства.

Рецензируемая книга наверняка была тщательно изучена советским академическим руководством, которое проверяло, согласуются ли приводимые в ней факты и соображения с установками международной политики Москвы, особенно с кампанией "сделать разрядку необратимой". Поэтому, когда Сивачов и Яковлев демонстрируют свое знакомство с американскими источниками, учитывают точку зрения американских историков и пишут так, чтобы быть понятными, а подчас даже привлекательными для американских читателей, — все это отнюдь не означает, будто перед нами — труд "независимой науки" в том смысле, в каком этот термин понимается в США. (Авторы, разумеется, ссылаются и на советские материалы, но любопытно отметить, что никаких неизданных архивных сведений они не приводят).

Но если дело обстоит именно так, то спрашивается: как подобная работа может отражать восприятие Америки населением Советского Союза или показывать, "как советское общество добивается согласия с собственной своей историей"? Парадоксально, однако, что именно по отмеченным выше причинам рецензируемая книга дает гораздо более полное представление об отношении советского руководства к Соединенным Штатам, чем мог бы подозревать автор предисловия к ней Акира Ирие.

В своей книге авторы применяют точку зрения марксизма-ленинизма, которую они сами характеризуют как историко-материалистическую методологию, примененную к изучению международных отношений. По их словам, такая методология требует учета исторических особенностей развития этих отношений. Она включает в себя раскрытие движущих сил и целей внешней политики наций, осуществляемой их правительствами, исходя из классовых интересов, защищаемых этими правительствами, принимая во внимание органическую взаимосвязь внутренней и внешней политики. От исследователя истории советско-американских отношений такой подход требует неустанного подчеркивания принципиальных различий между буржуазной и социалистической внешней политикой, а также признания "объективной неизбежности мирного сосуществования стран с разными экономическими системами".

История русско-американских отношений, рассмотренная сквозь призму исторического материализма, выглядит примерно так. Дореволюционные годы (1776-1917) сочетали периоды хороших и не очень хороших отношений, обусловленных как кооперацией, так и конкуренцией между развивавшимися тогда русским и американским империализмом. В первые годы после Октября большевики стремились к мирному сосуществованию с Соединенными Штатами, но вмешательство американцев в гражданскую войну в России все испортило на много лет (стр. 174). Поэтому "путь к признанию СССР" (так называется 3-я глава книги) оказался долог, мучителен и наполнен попытками американцев закрыть глаза на реальность существования в России советской власти. Позднее, в 30-е годы эта близорукая политика привела Запад, согласно уверениям авторов книги, к желанию вовлечь СССР в конфликт с Германией в Европе и с Японией в Азии.

Вторая мировая война, по мнению авторов, укрепила реализм Рузвельта, который верил, что другого пути, кроме продолжения сотрудничества между СССР и США, не существует (стр. 211). Но Трумен попытался использовать американскую монополию на атомную бомбу, чтобы диктовать СССР свою волю, а это, в свою очередь, вынудило Сталина, который искренне стремился "нормализовать отношения с США", позаботиться о мерах обороны. Позднее военно-промышленный комплекс, развиваемый правительством президента Кеннеди, имел скрытую цель принудить СССР к новому туру гонки вооружений, который должен был ослабить возможности Советского Союза в экономическом соревновании с империализмом (стр. 242). В конце концов, обнаруженная Советским Союзом устойчивость, а также новая обстановка, сложившаяся во Вьетнаме и других районах мира, вынудили Соединенные Штаты вступить на путь разрядки и мирного сосуществования.

Такой подход, при котором полностью игнорируются тщательные исследования американских историков-ревизионистов, представляется по меньшей мере спорным. Но вместо того, чтобы вступать с авторами в дискуссию, я предпочитаю указать на пункты, в которых даже их утверждения расходятся со стереотипными советскими утверждениями. Например, по словам авторов, хотя "доктрина Монро" была "продуктом американского буржуазно-рабовладельческого экспансионизма", она же явилась положительным фактором благодаря "содержавшемуся в ней принципу деколонизации" (стр. 6). Среди достоинств книги следует также указать изредка вспыхивающий интерес авторов к сравнению политических режимов обеих стран. Например, они ут-

верждают, что советская система позволяет руководителям СССР проводить хладнокровную и устойчивую политику, в то время как американские лидеры часто вынуждены уступать изменчивым настроениям общественного мнения. Надо признать такую оценку как положительный сдвиг по сравнению с временами, когда, согласно советским историкам, внешняя политика США целиком определялась акулами Уолл-стрита и большим бизнесом, а общественное мнение американцев вообще во внимание не принималось.

Иногда авторы нечаянно высказывают правду. Американский посол в Москве времен "показательных процессов" Джозеф Дэвис каким-то образом счел эти процессы юридически безукоризненными и был настолько наивен, чтобы считать, будто сталинская Россия эволюционирует в сторону капитализма или, по крайней мере, социализма фабианского типа. И вот, для Сивачова и Яковлева именно Дэвис служит образцом "буржуазного скудоумия и идеологической агрессивности" (стр. 141).

Для циника было бы достаточно указать на эти и подобные им достоинства книги "Россия и США", не распространяясь о ее недостатках. Однако, есть и недостатки, — особенно, с точки зрения нециника.

Например, по мнению авторов, очевидным доказательством того, что вмешательство американцев в гражданскую войну в России было ошибкой, служит тот факт, что царское правительство России не вмешивалось в американскую революцию. Поистине удачный пример, приведенный как раз к месту! Не правда ли?

В книге есть место, которое поражает читателя неприкрытым антисемитизмом. Там говорится, что в начале XX века американская еврейская община, — "значительная сила, ставшая к тому времени одним из главных рычагов мирового сионизма", — поставили свои интересы выше интересов Америки, воспрепятствовав развитию торговли между Соединенными Штатами и Российской империей, поскольку эта последняя запятнала себя погромами. Действительная же проблема, по мнению Сивашева и Яковлева, состояла в том, что "гуманистические лозунги использовались в интересах империализма, в защите которых активную роль играли сионисты, извлекая огромную выгоду для себя и с этой целью всячески способствуя ухудшению русско-американских отношений" (стр. 22, 23). Тут так и видится тень поправки Джексона, также довольно прозрачные намеки на современных противников советско-американской торговли.

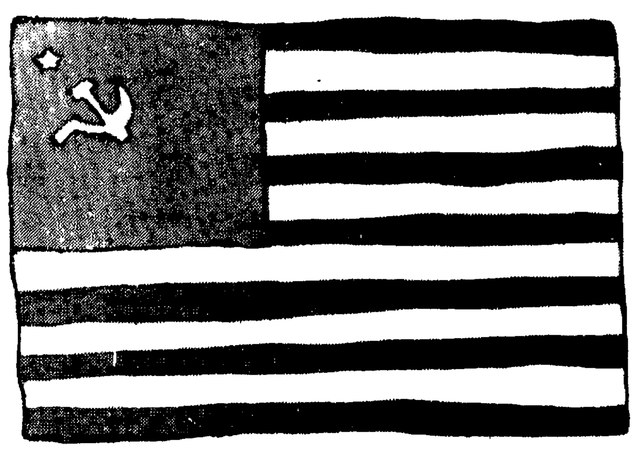
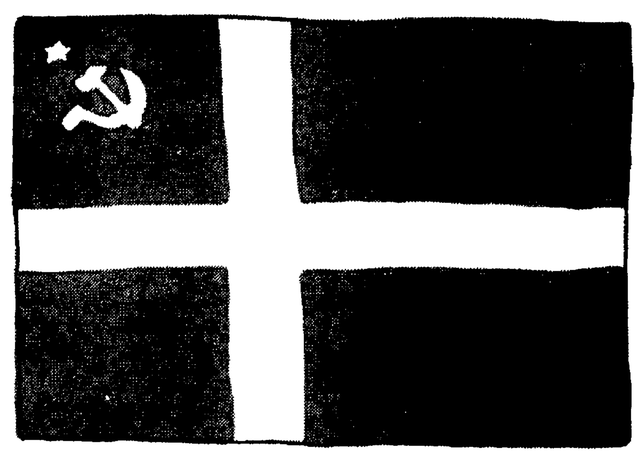
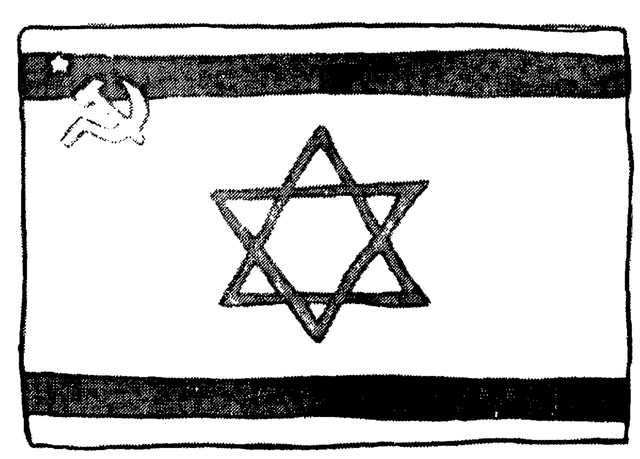
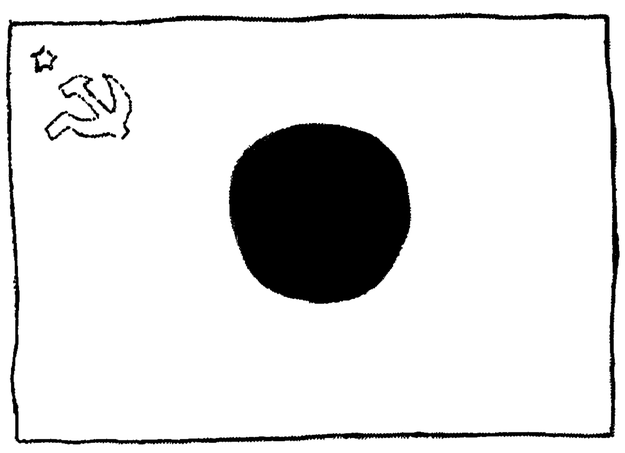
Описание отношений между Россией иСША содержит временами в книге плохо рассчитанную порцию лицемерия, которая делается от этого слишком заметна. Вряд ли хоть кто-нибудь поверит авторам, будто "советское государство никогда (даже при первой вспышке революционного экспансионизма) не принимало участия в экспорте революции" (стр. 35). Можно ли упоминать о "фантазиях" государственного секретаря Бейнбриджа Колби, который говорил, что само существование советской власти в России зависит от того, будут ли свергнуты западные правительства, умалчивая о том, что точно так же думали Ленин и его соратники не только непосредственно после Октября, но и на несколько лет позднее?

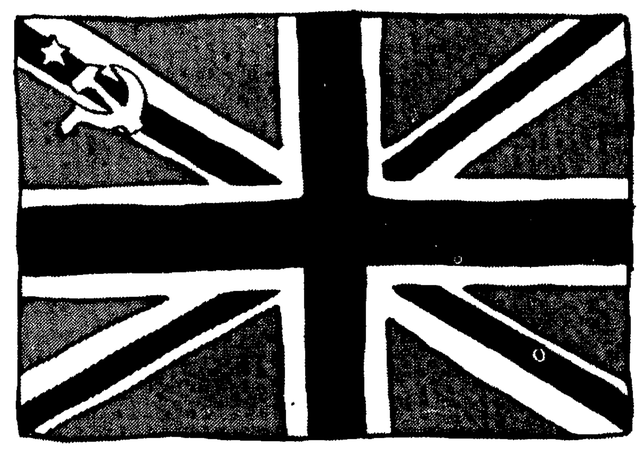
Авторы цитируют заявление Москвы о том, что советская коммунистическая партия была всего лишь "одной из многих" партий Коммунистического интернационала, а потому СССР не может нести ответственности за действия Коминтерна. Такое притворство могло еще одурачивать людей в 20-е и 30-е годы. Но повторять те же приемы сегодня — значит обнаруживать неуважение к исторической памяти и проницательности американских читателей.

При чтении книги возникает и много других вопросов. Почему, например, авторы, упоминая о советских "трудовых лагерях" 30-х годов, сочли нужным поставить эти слова в кавычки? Не хотели ли они тем самым намекнуть, что ничего подобного на самом-то деле и не было? Почему они упрекают американцев в нарушении англо-саксонской традиции, заключающейся в том, что "джентльмены держат свое слово"? Не имеется ли в виду, что коммунисты и — вовсе не англосаксы — неуклонно придерживаются этого джентльменского правила?

Что касается корейской войны, то она, по Сивашову и Яковлеву, просто "разразилась". Просто. Безо всякого упоминания, кто и как ее начал. Зато про венгерский кризис им точно известно, "кто" и "как": "СССР пришел на помощь венгерскому народу и помог ему удержаться против контрреволюционного путча" (стр. 238).

Некоторые из авторских формулировок звучат как примитивные агитки. Такое определение само собою напрашивается, когда авторы повторяют придуманные Сталиным для оправдания своих массовых убийств штампы про "троцкистско-зиновьевский блок" или рассказывают в эпилоге о "новых подрывных операциях западных средств информации", включая сюда Солженицына и "борьбу за права человека".



Рисунки Б.К.

Сивашев и Яковлев отмечают некоторое сближение точки зрения советских и американских историков. Однако, если бы это действительно так и было, конвергенция оказалась бы односторонней: американцам пришлось бы приблизиться к официальным советским версиям. Так в книге "Россия и США" и говорится: советская историография всегда занимала одну и ту же позицию, а теперь к ней "приближается с некоторыми оговорками американская ревизионистская школа" (стр. 214).

На самом деле картина, скорее, обратная. Советские историки несколько продвинулись от темных времен сталинского догматизма в сторону независимости и тщательности исследования. Однако, им предстоит еще долгий путь, прежде чем ожидания, вызванные публикацией в Америке такой книги, как "Россия и США", окажутся оправданы. ■

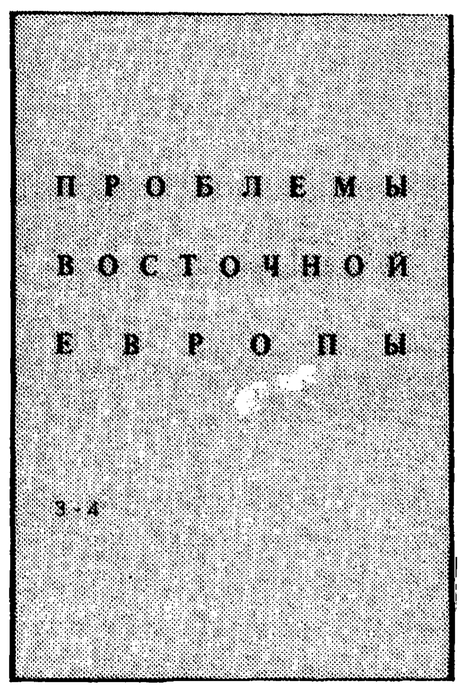
(Перевод с английского Максудова).

ЖУРНАЛЫ

"ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ"

Вопрос: *Уже напечатано 8 номеров Вашего журнала, но, несмотря на очень высокий уровень опубликованных Вами работ, в зарубежной русской прессе что-то нам не довелось прочесть почти что ни одного отклика, который оповестил бы публику хотя бы о существовании редактируемого Вами издания. Чем Вы это объясняете?*

Ответ: Мы не даем на это никаких объяснений, поскольку мы над этим вопросом не задумывались. Наш журнал, как, вероятно, и другие журналы, издается в первую очередь для читателей. Насколько нам известно, многие зарубежные русские журналы вообще не имеют таких рубрик: "Обзор печати" или "Рецензии". Кроме того, о нашем журнале упоминали. Так, журнал "Время и мы" перепечатал несколько статей из него. Обзоры Людмилы Алексеевой всех номеров журнала "Проблемы ВЕ" были опубликованы в американских газетах на русском языке. Мы полагаем, что редколлегия каждого журнала имеет право включать в него то, что она считает наиболее важным и нужным. Отметим также, что обзоры о журнале "Проблемы ВЕ", как и многие статьи из него передаются радиостанцией "Свобода" на русском языке и на языках нерусских наций, проживающих на территории Советского Союза. Мы убеждены, что важно издание *многих* и *разных* журналов, а не то, рекомендуют ли эти журналы друг друга.



Вопрос: *Ваш журнал печатается на русском языке в силу Вашей уверенности, что волей-неволей русский язык стал общепонятным языком для всех народов Восточной Европы. Какой отклик вызвал Ваш журнал в нерусской зарубежной восточноевропейской прессе?*

Ответ: Главная задача нашего журнала — обмен идеями, обмен опытом. Для осуществления этой задачи редакция широко сотрудничает с представителями всех стран Восточной Европы и СССР. Высокая оценка была дана нашему журналу в ежемесячнике "Листы", который издается на чешском языке в Италии. Но уже сам факт сотрудничества с нами специалистов из стран Восточной Европы и западных специалистов по Советскому Союзу и Восточноевропейским государствам свидетельствует о том, что они считают наш журнал серьезным, профессиональным изданием.

Вопрос: *А в западной печати, — особенно, американской?*

Ответ: Список американских авторов, которые предоставили свои работы нашему журналу, может быть ответом на этот вопрос. Кроме того, на журнал "Проблемы ВЕ" подписываются библиотеки ряда университетов Соединенных Штатов, Западной Европы, Израиля и Японии, а также библиотеки общественных и правительственных организаций.

Вопрос: *Как Вы смотрите на будущее Вашего журнала (мы имеем в виду, в частности, проблему финансирования, которая трудна для всех эмигрантских изданий)?*

Ответ: Мы надеемся, что журнал "Проблемы ВЕ" и работа всех его сотрудников будут оценены в такой мере, которая позволит редакции расширить свою деятельность и, помимо издания журнала, проводить семинары, посвященные важнейшим событиям прошлого и настоящего.

Вопрос: *Какова основная цель журнала "Проблемы Восточной Европы"?*

Ответ: Редакция считает, что цель журнала достаточно ясно сформулирована в его программе, которая печатается на обложке каждого номера. Но повторим еще раз: "Задача независимого журнала "Проблемы Восточной Европы" — способствовать ознакомлению читателей с политико-экономическим мышлением и политическим опытом наций Восточной Европы и СССР. Народы и государства этого региона отличаются друг от друга, что обусловлено их историческим развитием. В то же время во всех этих странах существуют аналогичные политические и экономические структуры, вследствие чего аналогичны и возникающие в этих странах проблемы. Существуют в этой области противоречия и конфликты. Многие из них культивируются на почве недостаточной информированности наций друг о друге и недостаточной связи между представителями этих наций и государств. Наша цель — по мере возможностей этот недостаток восполнить".

"ФОРУМ"

Вопрос: *Журнал "Форум" выходит уже целый год. Вышло уже 5 номеров. По мнению некоторых читателей, — например, Джиласа, — Ваш журнал не только издается на очень высоком уровне, но в некотором смысле заполняет пробел в русской зарубежной прессе как печатный орган демократического толка. Несмотря на это, что-то вообще не припомнится хоть какой-нибудь печатный отклик на существование "Форума". Как Вы это объясняете?*

Ответ "Форум" существует уже второй год. Вышло уже шесть номеров журнала. И хотя с самого начала пришлось столкнуться с опре-

ВОСТОК-ЗАПАД

Максудов

СТАРЫЙ ГАРВАРДСКИЙ ПРОЕКТ В ЭМИГРАНТСКОЙ КРИТИКЕ

Когда узнаешь что-то новое, хочется поделиться с друзьями, но тут-то и понимаешь, как они от тебя далеко. Эта заметка написана для читателей в СССР, которые, как и я, узнали о Гарвардском проекте (старом, в отличие от осуществляемого в настоящее время нового) лишь из заметки Кирилла Хенкина в 30-м номере "Континента".

Но, в отличие от них, я могу брать с библиотечных полок толстые машинописные тома и удивляться, с каким умением и аккуратностью собраны бесценные характеристики советского общества.

По грандиозности проделанной работы можно сопоставить этот проект разве что с "Архипелагом Гулагом", в котором обобщены, по словам автора, около 300 свидетельств очевидцев. И если десятки книг и статей, написанных по материалами Гарвардского проекта, не получили столь широкого читательского признания, как "Архипелаг ", то не приходится обвинять в этом научно-методическую сторону работы и добросовестность исследователей. Просто Бог раздает подопечным художественные дарования неравномерно.

Задачей проекта было изучение населения СССР, для чего в конце 40-х – начале 50-х годов опросили больше 3000 изгнанников из Советского Союза (беглецы и невозвращенцы времен второй мировой войны, перебежчики последующих лет). Им было задано свыше 150 вопросов в письменном виде и около тысячи человек прошли устные интервью-беседы, продолжавшиеся по три дня и более.

Было бы, конечно, любопытно взглянуть на нас, сегодняшних, вот так же со стороны. Что мы из себя представляем? Что нам успела внушить родная советская система? – Очевидно, сумела не так уж мало.

В частности, из СССР вынесено: неуважение к ценностям западного общества, его знаниям, представлениям, научным методам. Хорошим примером подобного подхода и служит статья Хенкина, упомянутая в начале заметки. (1) Автор рассказывает своим читателям о Гарвардском проекте, к которому относится с глубоким презрением. Он уверен, что западные "специалисты не унижались до постановки вопросов, навеянных здравым смыслом". По его убеждению цель всех этих специально сконструированных "да" и "нет" заключалась в том, чтобы "опрашиваемый поневоле признавал за советским строем всевозможные заслуги. Он вынужден даже хвалить партию (о Ленине я уже не говорю) ". Была, по мнению Хенкина, у руководителей проекта и другая коварная задача: они хотели, несмотря на обещание анонимности, выявить действительных авторов ответов и затем передать наиболее антисоветски настроенных в СССР на расправу: "...на всякий случай *сорок один* вопрос из *ста пятидесяти двух* имел только одно назначение – точно установить личность опрашиваемого".

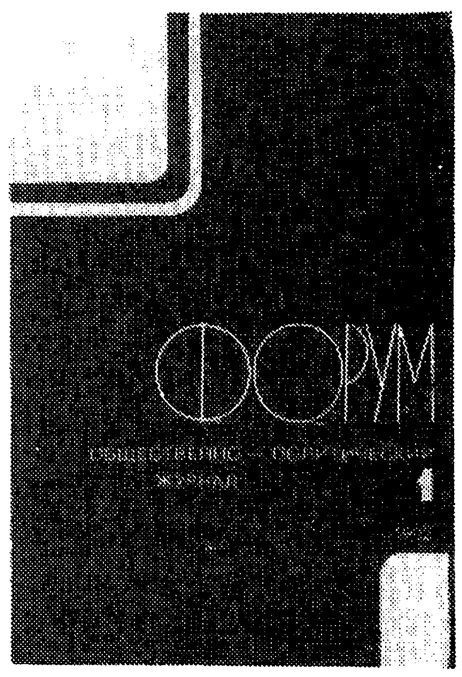
Размышления Хенкина не заслуживали бы внимания, если бы многие эмигранты не разделяли некоторых его убеждений. Очень часто можно услышать или прочитать, что все эти вопросы, анкеты – от лукавого, а надо просто спросить, и они тогда расскажут всю как есть "правду матку" о советской жизни (почерпнутую порой из передач западного радио).

Я не утверждаю, что эмигранты ничего не понимают или что на Западе нет тенденциозных и просто плохих исследователей. К сожалению, их не мало. Но также несомненно, что многие работы и, в частности, Гарвардский проект выполнены на высоком, достойном

деленными трудностями и далеко не все они преодолены, мне кажется, можно сказать, что журнал получился. "Форум" имеет свое лицо. Одним это лицо симпатично, у других вызывает раздражение. Это нормально, этого следовало ожидать.

С симпатией отнеслись к журналу многие представители национальной эмиграции из СССР (украинцы, литовцы, эстонцы, грузины, казахи, армяне). Газета "Украинське слово", например, публикует обзоры "Форума", написанные в весьма благожелательном тоне. Получили мы поддержку от диссидентов Югославии, Чехословакии и Польши. В Варшаве в подпольных изданиях "Солидарности" вот-вот должны выйти переводы некоторых статей из "Форума". Хорошую оценку журнал получил в украинском и русском центрах Гарвардского университета. Переводы отдельных статей опубликованы в Голландии, Германии и Японии. Обзоры "Форума" передавали на Советский Союз радио "Свобода" и Би-би-си. Есть положительные отклики на выход первых номеров журнала и из-за железного занавеса — с нашей родины (они особенно радуют). Одним словом, приятного немало.

Но вы правы: русская эмигрантская пресса почти не откликнулась на выход "Форума". Лишь в 1-ом номере "Трибуны" появился обзор двух первых номеров журнала, да



"Голос Зарубежья" поместил критическую заметку. Молчание, по-видимому, должно означать, что "Форум" не интересен, не заслуживает внимания. Некоторые противники журнала так прямо и говорят. Но я, честно говоря, не очень верю в их искренность. Один из довольно известных эмигрантских публицистов, например, прочитав первые два номера "Форума", заявил, что в журнале нет ничего любопытного, — тем более, что письма П.Чаадаева я, будто бы, перепечатал из недавно переизданного на Западе гершензоновского сборника. Создается впечатление, что этот "объективный" читатель не читал ни писем Чаадаева, в свое время изданных М.О. Гершензоном, ни "Форума" (иначе он не мог бы не заметить, что речь идет о совсем разных "философических письмах"), а лишь бегло пролистав журнал, высказал заранее подготовленное (или подсказанные?) мнение. Впрочем, молчание эмигрантской русской прессы меня, в общем-то, устраивает. Я не очень верю в благожелательное отношение большей части русской эмиграции к "Форуму".

Конечно же, не все публикуемое в "Форуме" равноценно. Но думаю, что эссе О.Хаксли, М.Алданова, В.Стуса, М.Михайлова, С.Глузмана, И.Померанцева, М.Хейфица, статьи А.Кронидова, Б.Гаврилишина, Г.Шкляреского, И.Клейнера, А.Михника, З.Ромашевского, И.Лендерера, Б.Енсена и ряд других должны представлять интерес для самых взыскательных читателей.

Понятно и то, что "Форум", как журнал общественно-политический, да еще ежеквартальный (т.е. без беллетристики и "актуалки"), может рассчитывать только на ограниченный контингент читателей. Но он и делается лишь для людей с обостренным интересом к внутренним проблемам Советского Союза. Причина недоброжелательного отношения к "Форуму" многих русских эмигрантов, на мой взгляд, заключается в неприятии целей, которые ставит перед собой журнал.

Вопрос: *Какие основные цели ставит перед собой журнал?*

Ответ: "Форум" — журнал демократической ориентации. Это означает противостояние существующему в СССР тоталитарному режиму (равно как и другим формам политической диктатуры), антиимпериализм, критическое отношение к историческому прошлому Российской империи, поддержку правозащитного движения и движения народов советской империи и всего Восточного блока за подлинное самоопределение и независимое развитие.

Казалось бы, во всем этом нет ничего нового. Но значительная часть русской эмиграции, да и некоторые русские в СССР, забывают, что прежняя Россия была государством антидемократическим, была колониальной империей, что имперские устремления царской России во многом унаследованы советским режимом. Любопытно, что многие эмигранты обижаются, когда на Западе подменяют "советский" понятием "русский" (и справедливо обижаются), но в то же время, не задумываясь, называют "Россией" весь Советский Союз — страну, где половина населения — нерусские и где далеко не все хотели бы, чтобы их родина рассматривалась как часть "России".

Очень многим русским присущ комплекс национальной мегаломании, очень многие понимают под национальными интересами русских — внешнее величие России (точнее — Российской империи). для очень многих Москва — по-прежнему — "Третий Рим".

Журнал отважился спорить с таким пониманием русского патриотизма, с таким представлением о русских национальных интересах. Печатая материалы о национальных проблемах в Советском Союзе, мы хотим, чтобы люди разных национальностей лучше узнали друг друга, увидели, что в их требованиях есть много общего — ведь это общее может стать основой для координации сил демократических движений подсоветских народов. Кроме того, мне кажется важным, чтобы русские узнали (хотя это, может быть, и не очень приятно), что далеко не все в национальных республиках Союза связывают надежды на лучшее будущее для своего народа с Россией. Лишь с учетом этого знания можно всерьез говорить и о русской национальной проблеме.

Поднимая эту тему, журнал выбрал нелегкий путь. Повлиять на устоявшиеся мнения и оценки очень трудно, и не следует обольщаться надеждой, что у журнала будет много приверженцев. Интересно, что и польские диссиденты вплотную столкнулись с томозящим

→

восхищения научном уровне. Статья Хенкина показывает, что стереотипы эмигрантского мышления опираются не на реальные недостатки американской советологии, а складываются из случайных, ошибочных и искаженных сведений.

Крайне сомнительно утверждение Хенкина, что США в начале 50-х годов выдавали СССР перебежчиков, определяя степень их бывшего "сотрудничества с немцами" по "накалу антисоветских настроений". Я ничего не слышал и не читал о таких "индивидуальных выдачах", а описание в литературе событий времен Маккарти убеждает, что такая возможность была маловероятной. И совсем нелепо звучит обвинение гарвардских профессоров, якобы так сформулировавших вопросы, чтобы опознавать антисоветски настроенных перебежчиков и выдать их Советскому Союзу. Как-то даже неловко доказывать, что это было абсолютно невозможно. Отмечу, что, к моему глубокому сожалению, в материалах проекта мне не удалось найти первичную документацию, которая могла бы во многом помочь в проводимых в настоящее время исследованиях. Бланки анкет были уничтожены, чтобы как раз обеспечить отвечавшим на вопросы возможно большую безопасность.

Подозрения Хенкина – не просто абсурд. В них видна глубокая аморальность, вынесенная "оттуда", но проектируемая на западное общество. Его обвинения особенно неприятны, когда мы невольно сопостовляем их с поведением автора в те годы.

Конечно, убеждения советских граждан, – особенно, эмигрантов, –меняются со временем. Счет за старые грехи и заблуждения может быть предъявлен почти каждому, и хотя бы поэтому не следует этой возможностью злоупотреблять. Однако, если автор активно пользуется правом "бросать камни", естественно рассмотреть и его собственное поведение в тот период.

Как описал сам Хенкин в своих мемуарах, в начале 50-х годов, когда в Гарварде "либералы" размышляли о том, как лучше изучать новый человеческий тип "гомо-советикус", он звонил по телефону Георгию Максимильяновичу Маленкову, просил посодействовать в получении квартиры в высотном доме на Котельнической набережной, построенном руками узников Архипелага. "В службу или в дружбу" он квартиру получил, а вместе с ней и возможность любезно раскланиваться в лифте с высокопоставленными начальниками Лубянки, пытавшими в те дни в своих кабинетах "врачей-убийц".

Самое же неприятное, насколько легко русскоязычная пресса предоставляет свои страницы для бездоказательных и дурно пахнущих обвинений. Обвинения эти направлены не только против Запада, грязнят они и оппозиционное движение в СССР. Хенкин пишет, например, что по сведениям руководства ЦРУ, "На территории СССР годами создавались фиктивные антисоветские центры, которые устанавливали связь с политическими центрами в эмиграции, а через них – с западными разведками. В обмен на информацию, которую поставляли эти контролируемые разведкой 'очаги внутреннего сопротивления', западные компетентные органы платили деньги... Один и тот же прием повторялся – и всегда успешно – с минимальными вариациями, в течение десятилетий (он и сегодня повторяется, только чаще без помощи эмигрантских организаций)".

Как это принято в некоторых эмигрантских изданиях, автор пользуется глобальными неконкретными обвинениями. Неясно, какие именно "антисоветские тресты", "поставляющие сегодня на запад информацию", созданы на Лубянке для выкачивания американских денег.

"Хроника"? Хельсинкские группы? Международная амнистия? Самиздатские журналы? Организации – христиан? социалистов? неославянофилов?

Читать подобное противно и, как ни странно, привычно. Дело в том, что перед нами отнюдь не издержки западной свободы слова. Это – хорошо знакомая советская свобода. Свобода дезинформации. ■

---

(1) Мне кажется, что "Континент" напрасно напечатал статью Хенкина вне рубрики "Носороги за работой". Автор ее не меньше других заслуживает почетного права быть занесенным в список работающих носорогов, который любезно взялась составить для нас редакция журнала.

влиянием на общественный прогресс национальной мегаломании и ксенофобии. Но общественное сознание в Польше уже достигло того уровня, когда эту тему можно спокойно обсуждать (в шестом номере "Форума", кстати, опубликованы заметки Яна Юзефа Липского о национальной мании величия и ксенофобии поляков). У нас же, — и в эмиграции, и, что еще более важно, на родине, — напротив, наблюдается новый подъем ультранационалистических и шовинистических настроений.

Некоторые противники советского тоталитаризма полагают, что в борьбе с ним все средства хороши, и ищут союза со всеми антикоммунистами. Подобный путь уже приводил в прошлом к тому, что часть эмигрантских организаций откровенно симпатизировала различным проявлениям фашизма. (Это касается не только русских, но и многих других эмигрантов). Да и сегодня многие политэмигранты из СССР оказываются правее самых правых в политическом спектре демократических стран.

Позиция "Форума" иная. Журнал стремится привлечь авторов с различными взглядами (верующих и атеистов, социалистов и сторонников либеральной экономики, националистов и космополитов), но объединенных лишь одним — убеждением в необходимости *демократических* изменений существующей в СССР системы.

Мне кажется ошибочной позиция людей, вещающих, что коммунизм — это зло, ниоткуда свалившееся на голову русского народа, а теперь распространяющееся по миру. И я вижу основную задачу "Форума" в том, чтобы свободно (и спокойно) обсуждая наши проблемы, попытаться определить те тенденции общественного развития, которые способствовали победе коммунистического режима, и те тенденции, которые могли бы помочь этот режим преодолеть.

Вопрос: *Как Вы смотрите на будущее Вашего журнала?*

Ответ: Задачи, которые стоят перед "Форумом", - колоссальны, и, прямо скажем: ему одному они не полечу. "Форум" нуждается в союзниках. Сегодня таких союзников немного: это — демократическая часть украинской эмиграции и журнал "Трибуна", у которого, увы, много своих проблем. Надеюсь на поддержку нового журнала "Страна и мир", на то, что получит более четкую демократическую направленность радиовещание на СССР, на более тесные связи с диссидентами из Восточной Европы.

Очень важно, чтобы как можно больше экземпляров журнала попадало в Советский Союз — ведь ради тех, кто т а м, мы издаем "Форум". И потому предстоит большая работа в этом направлении.

Как бы ни сложились обстоятельства, "Форум" будет следовать избранной им линии.

В этом году мы намечаем обсудить несколько новых тем: — отношение к возможности установления военной диктатуры в Советском Союзе (вопрос возник в связи с интервью Владимира Буковского газете "Фигаро", в котором, как это ни странно, этот известный правозащитник приветствует такую возможность); — отношение к возможности радикальных экономических преобразований в СССР (в связи с докладом акад. Т.Заславской, опубликованной в "Форуме" № 5); — вопрос об истоках русского империализма. Мы, кстати, приглашаем всех, кого интересуют эти проблемы, принять участие в их обсуждении.

В этом году "Форум" публикует материалы по истории Грузии, Украины и Средней Азии, подробный рассказ Б.Шрагина о коллоквиуме по проблемам демократии, проходившем в прошлом году в Страсбурге (нам, не имеющим собственного демократического опыта, не мешало бы, мне кажется, познакомиться с опытом западно-европейцев и американцев), отрывки из книги М.Михайлова "Тирания и свобода", свидетельства об условиях жизни в сегодняшнем ГУЛАГе, проблемные статьи участников движения "Солидарности", материалы Самиздата и т.д.

Одним словом, планов много. ■

Фото Ирины Баскиной.

В ПАРИЖЕ ПЕРЕД ЗДАНИЕМ СОВЕТСКОГО ПОСОЛЬСТВА СОСТОЯЛАСЬ АКЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ С ХУДОЖНИКОМ ВЯЧЕСЛАВОМ СЫСОЕВЫМ: "ПОРТРЕТ ОДНОГО ПОСОЛЬСТВА ИЛИ НАТЮРМОРТ ДЛЯ ХУДОЖНИКА".

ОКОЛО ДВУХСОТ ФРАНЦУЗСКИХ ЖИВОПИСЦЕВ, ГРАФИКОВ И КАРИКАТУРИСТОВ НА ЗАГОТОВЛЕННЫХ ЗАРАНЕЕ МОЛЬБЕРТАХ РИСОВАЛИ НА БУМАГЕ, ПИСАЛИ ПО ХОЛСТУ НА ТЕМЫ И СЮЖЕТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НАХОДЯЩЕМУСЯ В ТЮРЬМЕ СОБРАТУ ПО ИСКУССТВУ.

ДЕМОНСТРАЦИЯ БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА "МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИЕЙ В ЗАЩИТУ АРТИСТОВ" ПОД РУКОВОДСТВОМ ИЗВЕСТНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО РЕЖИССЕРА – АРИАН МНУШКИН.

НАЧАЛО ПЕРЕДВИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОСВЯЩЕННЫХ В.СЫСОЕВУ БЫЛО ПОЛОЖЕНО ЭКСПОЗИЦИЕЙ В ФОЙЕ ТЕАТРА "ДЮ СОЛЕЙ".

В первом квартале 1984 г. в Мюнхене начал выходить ежемесячный журнал:

СТРАНА И МИР

Журнал освещает события политической, экономической и духовной жизни в Советском Союзе и во всем мире. Журнал обращен ко всем читающим по русски, вне зависимости от их политической, национальной или религиозной принадлежности, — живущим в СССР и за рубежом.

Объем журнала 96 стр. большого формата.

Цена одного номера 6 нем.марок.
Стоимость годовой подписки 60 нем.марок.
Пересылка за счет редакции.
Подписка производится по адресу:
Das Land und die Welt e. V., Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Подписная плата принимается в виде чека, почтовым переводом или перечислением на банковский счет:
Deutsche Bank BLZ 700 700 10, Konto-Nr.331 9613 **или**
Postgiroamt München BLZ 700 100 80, Konto-Nr. 223981 804.
Справки по телефону (089) 272 18 99.

ПОПРАВКА

По вине редакции на стр. 16 в левой верхней колонке выпал следующий абзац:

Редакция "Трибуны" обратилась к редакторам журналов "Проблемы Восточной Европы" Франтишеку Силницкому и "Форум" Владимиру Малинковичу с просьбой ответить на вопросы, связанные с работой предпринятых ими периодических изданий. Мы публикуем их ответы на нашу анкету.

КНИГИ

Ефим Эткинд

РЫЦАРЬ "АБСТРАКТНОГО ГУМАНИЗМА"

В брошюре Льва Копелева сконцентрированы важнейшие мысли, излюбленные идеалы, отчетливые цели, за которые автор книг "Хранить вечно", "И сотворил себе кумира", "Держава и народ" сражается вот уже несколько десятилетий. Центральная проблема, волнующая Льва Копелева — свобода. Это понятие так затуманено демагогическим словоупотреблением, что нужно восстановить его смысл. Л. Копелев это и делает.

Без независимости и свободы отдельного человека не может быть культуры. В речи на церемонии вручения Премии Мира (18 октября 1981) Лев Копелев не делает различий между режимами и идеологиями, ущемляющими дух: "Ни одно государство, ни одна политическая партия не способны создавать культуру. Подкупленные или изнасилованные художники становятся бесплодными" (стр. 83). Впрочем, внутренняя свобода, свобода человеческого духа возможна и при самом страшном полицейско-государственном гнете: "подлинная духовная жизнь во всех странах, и особенно в авторитарных или тоталитарных государствах, развивается независимо от государственной власти" (82) и еще: в Советском Союзе "есть поэты и прозаики, философы и богословы, филологи, историки, художники, ученые, которые, несмотря на все идеологические табу, на все цензурные преграды публикуют работы, исполненные правды, человечности и воли к миру" (90). Политическая свобода людям необходима, и они борются за нее, рискуя жизнью, однако свобода интеллектуальная возможна и вопреки рабству. Лев Копелев решительно утверждает реальность и силу культуры — в тоталитарных условиях Советского Союза, противопоставляя свою точку зрения тем, кто тупо твердит: "там" не может ничего быть, потому что "там" не может быть ничего.

Свобода для Копелева — это, прежде всего, права человека, те самые, за которые испокон веку борятся демократы — начиная с автора Нагорной проповеди. Лев Копелев не делит угнетение на допустимое и отвратительное, на прогрессивное и реакционное, не считает, что убийства бывают справедливые. В статье "О смертной казни", опубликованной в журнале "Синтаксис" № 1 (1978), он писал: "Убийство даже злейшего преступника, но беззащитного, обреченного на заклание — всегда бесчеловечно... Смертная казнь вредна всем, и прежде всего тем, кто ее требовал, осуществлял, одобрял или просто был современником". Лев Копелев противник всех на свете фашизмов, больших и малых, расовых и классовых: "Защищать права человека сегодня опасно во многих государствах: от Южной Африки до Кореи, от Сантьяго до Москвы, в государствах, которые хотя и размахивают разными идеологическими знаменами, но в нетерпимости и в произволе родственно близки друг другу". Слева твердят: припертые к стене палестинцы имеют право на террор; справа уверяют: никарагуанских и сальвадорских марксистов нужно истребить физически, как вымаривают тараканов. Лев Копелев отсидел немало в советских лагерях по обвинению в абстрактном гуманизме; он остался верен себе и своим идеям.

Свобода для Л. Копелева — это и право определять самого себя как личность, — в отношении, например, нации. Не может быть роковой привязанности человека к той или иной общности, — все определяется вольным выбором. В споре с американским социологом Гарольдом Айзексом, автором книги "Идолы рода", Л. Копелев утверждает: "Каждая современная нация... — это прежде всего духовная, то есть культурно-историческая общность... Человек обретает национальную культуру и национальное сознание не с "кровью", не с генами и не с материнским молоком..."(69). Наследственность или антисемитизм окружающей среды не помешали Гейне стать немецким поэтом, Бертольду Аурбату — первым писателем немецкой деревни, русскими поэтами — Фету, Мандельштаму, Пастернаку, Самойлову, Слуцкому, Бродскому, Галичу... Разумеется, обо всем этом спорить можно и нужно; здесь же я излагаю точку зрения Льва Копелева, которая сводится к формуле: "Национальность не врожденна". Или, в другом месте: "Паспортное" определение национальности — это ирреальный абсурд" (62).

Впрочем, Л. Копелев высоко ценит национальную культуру, — "живое разнообразие племен и народов". Ему страшна мысль о том, что человечество может быть обезличено: "Надеюсь, что самые всеохватные потоки глобальной цивилизации и самые совершенные интернациональные общественно-политические структуры не превратят нашу землю в термитник..." (77).

Л. Копелев считает, что единства между нацией и государством нет и не может быть, а потому "нация, народ не могут быть виноваты... Все "национальные вины" — мифологичны" (9). Тут звучит полемика с А. Солженицыным, подробно развернутая в статье 1974 года, которая направлена против "Письма вождям". В этом споре Л. Копелев мягок, уважителен, спокоен и беспощаден. Он отдает должное гражданским заслугам и литературному дарованию автора "В круге первом" и "Архипелага ГУЛаг", но он тверд в опровержении его фундаментальных утверждений. Ограничусь несколькими цитатами:

"... известное требование "жить не по лжи" относится - лишь к одному виду лжи, опровергая которую полагается возможным очень далеко отступать от правды" (22).

"Проповедь национальной обособленности, возврата к старо-московскому, — чтобы не сказать китайскому, — "премудрому незнанью иноземцев" в наши дни звучит более чем наивно" (33).

"В бухгалтерских подсчетах — "у нас миллионы жертв, а у вас только тысячи" — ... можно обнаружить следы разных идеологий и пропагандистских опытов, — прежде всего советских, — но ни тени христианского человеколюбия" (34).

"Схема русской истории, так непоследовательно и внутренне противоречиво набросанная в "Письме", чтобы доказать необходимость авторитарного строя, основанного на старообрядческом православии, не менее далека от правды, чем все иные, предшествующие и сопутствующие ей схемы...

... Утверждение возможности авторитарного строя, основанного на свободных Советах, это абстрактно-логическая конструкция типа "жареное мороженое"... (47).

"Призывы к обособлению России от мира, к созданию некоего сверхнеобычного авторитарного строя, оказывается — несомненно против воли автора — всего ближе к идеалам сталинской автаркии "образца 1948-1953 гг." и к программе маоистской культурной революций..." (47).

И, наконец, беспощадное обобщение:

"... утверждаемые в "Письме" идеалы национальной обособленности и исключительности, апология авторитарного строя, органическая враждебность демократии и всем видам гуманизма (ренессансного и просветительского), методология произвольного манипулирования фактами, антифактами и фигурами умолчания, — все это, по сути, близко основным элементам советской идеологии" (51).

Лев Копелев написал эту свою работу не в эмиграции, а в середине 1974 года в Москве. проявив не только недюжинную проницательность, но и немалое мужество: ведь в ту пору А. Солженицын был в зените славы, в ореоле героизма, он считался непогрешимым праведником, надеждой и вождем оппозиции. Выступить против него в те дни — да еще в Самиздате! — было актом самоотверженного правдолюбия. Таким был Лев Копелев в конце войны, когда с риском для жизни вступался за мирных жителей Германии; таким он был, когда боролся за литературное признание рязанского учителя А. Солженицына, и когда выступал против антидемократических идей нобелевского лауреата А. Солженицына; таким остался он и теперь, продолжая в сложных условиях политической эмиграции отстаивать правоту своего "абстрактного гуманизма". ■

* Лев Копелев, О правде и терпимости. Хроника-пресс. Нью-Йорк, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Ю. Вишневская

РУССКИЙ НАБОКОВ

(К 85-летию со дня рождения)

В последних числах января этого года в Мосгорсуде рассматривалось дело бывшего начальника отдела объединения "Оргпищепром" Алексея Никифоровича Кузнецова. Кузнецова обвиняли в преступлениях, предусмотренных ст. 190-1 "распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй" и по ст. 228 "распространение... печатных изданий... порнографического характера". По ст. 228 УК РСФСР ему инкриминировалось распространение изъятого у него на обыске романа В.Набокова "Лолита". Суд был объявлен закрытым, поскольку рассматривалось дело о "порнографии". Кузнецова приговорили к 2 годам лишения свободы за "измышления" и к 1 году — по ст. 228 УК РСФСР, в совокупности — к двум годам лагерей общего режима.

Владимир Владимирович Набоков родился 10 апреля 1899 года по старому стилю в Петербурге, в доме №47 на Морской, и первые 60 лет его жизни делятся на три равных отрезка: 20 лет жизни в России, 20 — в Европе, 20 — в Америке. Затем, в 1959 году, он возвращается в Европу, где, в Швейцарии, 2 июля 1977 его и настигает смерть от таинственного вирусного заболевания. Свою первую книгу (сборник стихов) Набоков опубликовал на родине в 1916 году, и за первые сорок лет своей жизни он напечатал по-русски 8 романов, две пьесы, несколько сборников рассказов и повестей. Через год после его переезда в Америку, в 1941 году выходит в свет первый роман Набокова, написанный по-английски, — "Действительная жизнь Себастиана Найта". Затем следуют еще семь романов, которые были написаны по-английски и перевод Набоковым (иногда в соавторстве с сыном или с другими переводчиками) на английский язык всего, написанного им по-русски в 1920-30-е годы. В промежутке он публикует три рассказа, написанных им на французском языке.

Как мы знаем из классического стихотворения, семь городов древней Эллады спорили между собой, кому из них следует считаться родиной Гомера. Возможно, что и Набоков, которого еще при жизни многие называли "величайшим современным романистом, пишущим по-английски", стал предметом подобного диспута, если бы предусмотрительно не заявил в 1969 году, что он безусловно считает себя американским писателем.

С этой точки зрения Набоков являет собой еще один пример обогащения американской культуры за счет безумной расточительности Старого Света. Весь культурный запас, сделавший Набокова великим писателем, моральная и литературная традиция, оказавшая на него влияние (за исключением Эдгара По) — не американского, а европейского, прежде всего русского происхождения.

Даже его блестящий английский язык вывезен им из России: как пишет Набоков в своих воспоминаниях, в обиходе его семьи была давняя склонность ко всему английскому (от лондонской зубной пасты и английского "брекфеста" до чисто английского отношения к спорту). Он научился читать по-английски раньше, чем по-русски.

Чтение биографий Набокова, не только его автобиографии, но даже книг, написанных с позиций явно недоброжелательных открывает еще одну тайну его творчества. Писатель, которому его соотечественники ставят в вину "его отношение к литературе как к чисто формальному мастерству, равнодушие к общественным, моральным, политическим вопросам", бездушие и аморализм — отличался безукоризненной, почти нечеловеческой нравственностью в личной жизни. Как отмечают все, когда-либо писавшие о Набокове, его брак с Верой Евсеевной Слоним был идеальным — все книги Набокова посвящены жене. (Что, между прочим, несколько противоречит точке зрения советской критики об "авторе порнографический романов"). Однако Набоков был не только безукоризненным отцом и мужем, он был еще и идеальным сыном. И, скорее всего, именно влияние его отца и объясняет феноменальную чистоплотность Набокова по отношению к явлениям общественной жизни.

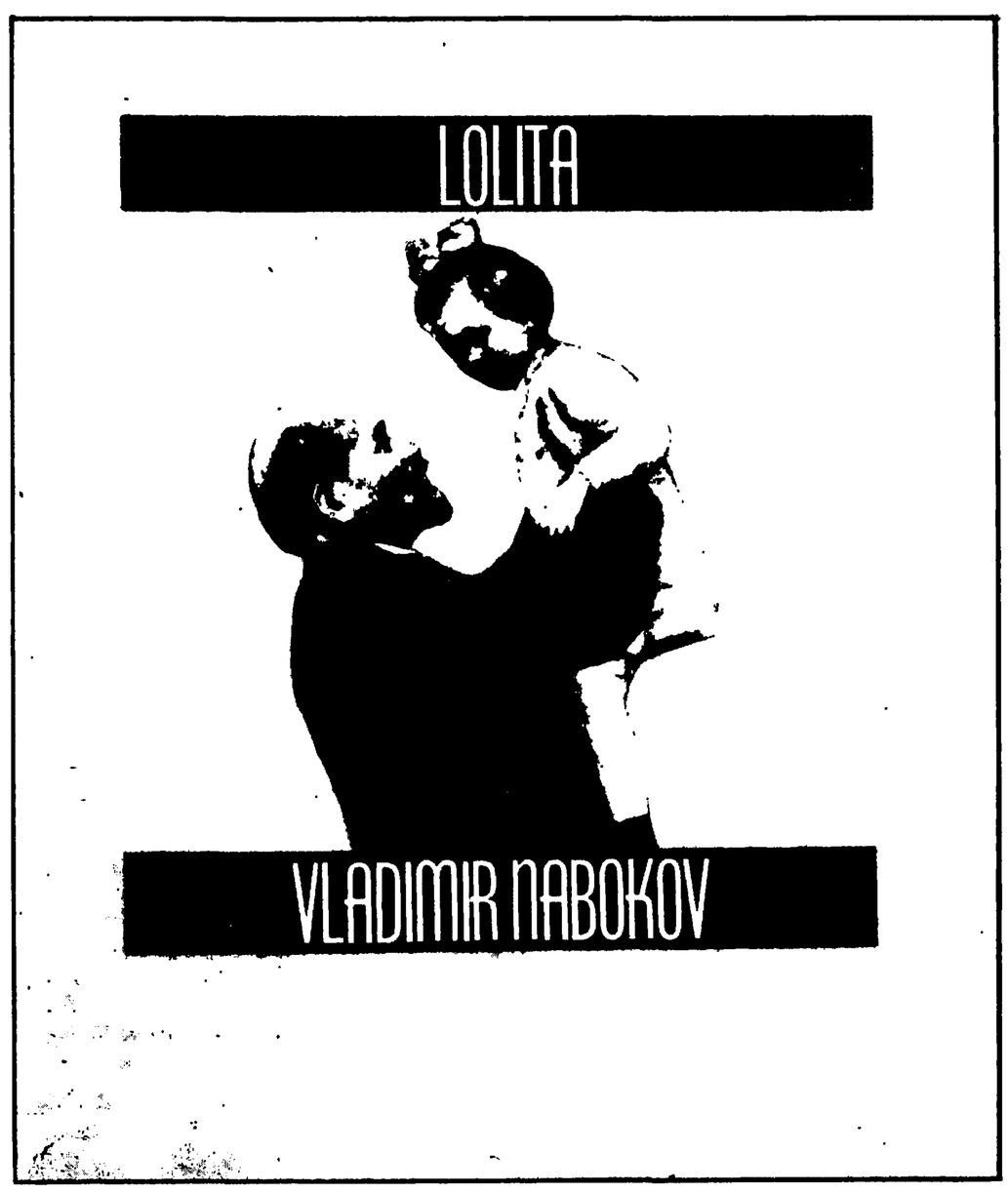
Трудно вспомнить кого бы то ни было из писателей - эмигрантов, современников Набокова, кто не соблазнился бы союзом с фашистскими или профашистскими элементами из ненависти к большевикам либо, наоборот, не испытал бы прилив советского патриотизма из ненависти к фашистам. Биография Набокова в этом смысле совершенно безупречна. Он не перенес даже того краткого романа с советским посольством, который пережил вскоре после войны Бунин. Точно так же никогда не оставляло Набокова его великолепное брезгливое отношение к погромщикам и черносотенцам всех мастей:

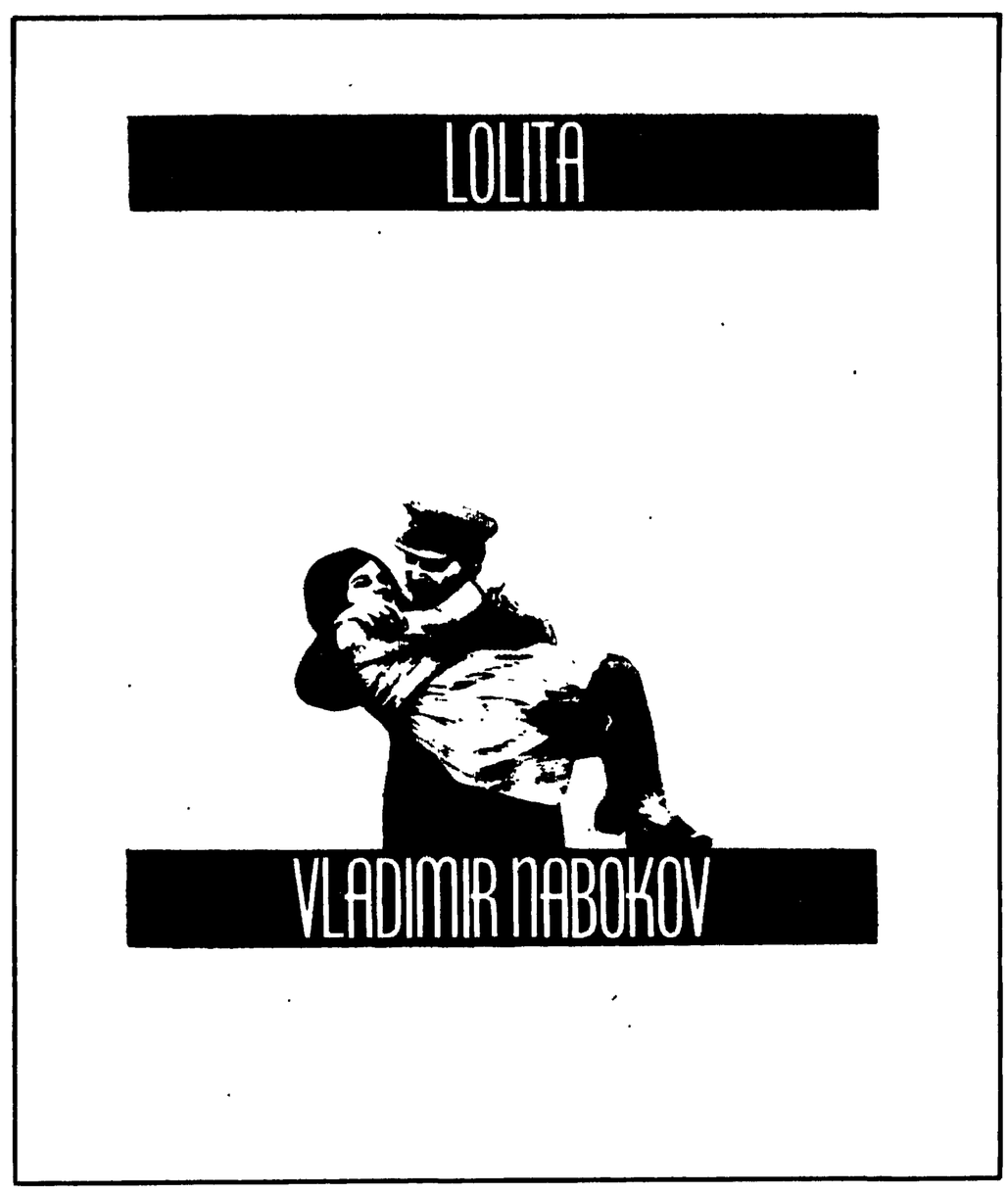
> Я кстати горжусь, что уже тогда, в моей туманной, но независимой юности, разглядел признаки того, что с такой страшной очевидностью выяснилось ныне, когда постепенно образовался некий семейный круг, связывающий представителей всех наций: жовиальных строителей империи на своих просеках среди джунглей; немецких мистиков и палачей; матерых погромщиков из славян; жилистого американца-линчера; и, на протяжении того же семейного круга, тех одинаковых, мордастых, довольно бледных и пухлых автоматов с квадратными плечами, которых советская власть производит ныне в таком изобилии после тридцати лет искусственного подбора (7).

Пока Солженицын оставался в России, Набоков поддерживал его, но от личной встречи — хотя они оба одновременно жили в Швейцарии и Нобелевский лауреат намекал — Набоков уклонился. В своем интервью Джоржу Файферу в 1976 году он обмолвился — назвав Солженицына "потенциальным диктатором" (8) Возможно, с присущей ему интуицией художника, Набоков предвидел предстоящее неуклонное скольжение Солженицына к партии тех, кто застрелил его отца.

В одном из своих писем к Эдмунду Вильсону Набоков называет своим "предшественником" Антона Павловича Чехова (9). Между прочим, Чехова, как и Набокова, упрекали в "беспринципности", что и заставило его сформулировать блистательную декларацию русского либерализма в своем знаменитом письме к Вукулу Лаврову от 10 апреля 1890 г. (10) С Чеховым Набокова роднит его непреодолимая страсть к независимости, его отвращение ко всяческой группировщине, его стремление избегать лобовых приемов в изложении свое нравственного кредо. В этом отношении Набоков — писатель еще более целомудренный, чем Чехов. Его моральная позиция скрывается за словесной игрой, за юмором и парадоксами. Верно, Набоков всегда утверждал, что литература существует не для каких-либо утилитарных целей типа исправления социальных или политических недостатков текущей действительности, что у нее есть свое собственное назначение. Но это вовсе не дает основание зачислять его в "аморальные" писатели.

> Читатель! Мелодия, которую я слышал, составлялась из звуков играющих детей, только из них, и столь хрусталeн был воздух, что в мреющем сиянии голосов, и величественных, и миниатюрных, отрешенных и вместе с тем волшебно близких, прямодушных и дивно загадочных, слух иногда различал, как бы высвободившийся, почти членораздельный взрыв светлого смеха, или бряк лапты, или грохот игрушечной тележки, но все находилось слишком далеко внизу, чтобы глаз мог заметить какие-





Рисунки В.Бахчаняна

либо движения на тонко вытравленных по меди улицах. Стоя на высоком скате, я не мог наслушаться этой музыкальной вибрации, этих вспышек отдельных возгласов на фоне ровного рокотания, и тогда-то мне стало ясно, что пронзительно-безнадежный ужас состоит не в том, что Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре (11).

В "Даре", который американские критики называют лучшим русским романом Набокова, особенно отчетливо звучит тема, считающаяся основной темой его творчества: "Вы как — по-настоящему любите литературу?" (12) Четвертая глава этого романа — исследование героя "Дара", писателя-эмигранта Годунова-Чердынцева о Чернышевском — может также служить прекрасной иллюстрацией того нравственного водораздела, который отделяет писателей поколения Набокова от его соотечественников последующих, уже советских поколений в русской литературе.

Чернышевский, основоположник крайне утилитарного, вульгарно-социологического направления в русской эстетике, как можно понять, олицетворяет все, что для Набокова в жизни отвратительно. Это, кстати, явствует не только из "Дара", но и, например, из книги Набокова о Гоголе (13). Тем не менее, не ненависть, а какая-то брезгливая жалость составляют основную доминанту этой главы.

> Вместо ожидаемых насмешек, вокруг "Что делать?" сразу создалась атмосфера благочестивого поклонения. Его читали, как читают богослужебные книги — и ни одна вещь Тургенева или Толстого не произвела такого могучего впечатления. Гениальный русский читатель понял то доброе, что тщетно хотел выразить бездарный беллетрист. (14).

В единоборстве ненавистного ему критика с безжалостной машиной неправого царского суда Набоков всегда — на стороне критика. Чернышевский-литератор ему глубоко мерзок, но он ни разу не оскорбляет Чернышевского-заключенного:

> ...никогда власти не дождались от него тех смиренно-просительных посланий, которые, например, унтер-офицер Достоевский обращал из Семипалатинска к сильным мира сего (15).

Последний роман Набокова, его "псевдовоспоминания" "Взгляните на арлекинов" открывается блестящей пародией на название его собственных книг, русских и английских. Последний "русский" роман рассказчика называется "The Dare" ("Вызов") — явный намек на "Дар".

Пожалуй, одним из самых увлекательных процессов советской культурной жизни последних десятилетий является постепенное, зачастую мучительное, отягощенное массой бюрократических (и не только бюрократических) барьеров, возвращение на родину великих мастеров русской литературы 20-го века. Замученные в лагерях, изгнанные за границу, затравленные перманентной борьбой советского партийно-просветительского аппарата за чистоту коммунистической идеологии, они доходят, наконец, до своего читателя в России. После многих лет забвения, когда не только их произведения не издавались в СССР, но и само имя такого автора невозможно было употребить в печати иначе, как только в ругательном контексте, сегодня эти авторы уже считаются классиками, их цитируют чуть ли не на официальных церемониях, по ним защищают диссертации в советских вузах.

Так вернулась к читателю поэзия Серебряного века русской культуры, проза Михаила Булгакова, Исаака Бабеля, Андрея Платонова, Андрея Белого и Алексея Ремизова. Среди тех, кого еще ожидает такая участь можно назвать имена Евгения Замятина, Владислава Ходасевича. Однако по некоторым косвенным признакам можно предположить, что первым среди них, среди тех, кого рано или поздно будет вынуждена уступить собственному народу советская цензура, будет Владимир Набоков.

---

1. "Вести из СССР", 1984, № 6-1
2. Saturday Review, Nov. 27, 1976, p.20
3. International Herald Tribune, July 5, 1977, p.4
4. В.Набоков, "Другие берега", Анн Арбор (Мичиган), 1978, стр.68
5. См. Зинаида Шаховская, "В поисках Набокова", Париж, 1979
6. "Литературная газета", №10, 4 марта 1970, стр.13
7. "Другие берега", цит. соч., стр.225
8. Saturday Review, op. cit., p. 24
9. ."The Nabjkov-Wilson Letters, 1940-1971", ed. by Simon Karlinsky, London, 1979, pp. 297-298
10. А.П.Чехов, Собрание сочинений, том 11, Москва, 1956, стр. 429-430
11. В.Набоков "Лолита", Анн Арбор, 1976, стр.286
12. В.Набоков "Дар", Анн Арбор, 1975, стр.82
13. V. Nabokov, "Nicolai Gogol", Norfolk, Connecticut, 1944, pp.40,128
14. "Дар", цит.соч., стр.309
15. Там же, стр.325

ИСКУССТВО

"НОНРЕСПЕКТАБЕЛЬНАЯ" КУЛЬТУРА И АВАНГАРД

Интервью "Трибуны" с редактором журнала "Мулета" Владимиром Толстым. Вопросы задают М.Розанова и А.Синявский.

"Трибуна": В чем специфика журнала "Мулета" и что означает такое — несколько странное — наименование?

Толстый: Специфика журнала определена в редакционной статье. Мы хотим собирать явления "нонофициозной" и "нонреспектабельной" культуры. Это стало необходимым потому, что здесь, в эмиграции, сложилось такое положение, когда лишь идеологически апробированные вещи попадают в литературу и искусство. Существует цензура и существует в связи с этим авторская самоцензура. Как там, в метрополии, есть Союз Советских Писателей, так и здесь, в эмиграции, есть Союз Антисоветских Писателей, которые поддерживают друг друга и очень жестко следят, чтобы никто не пробрался к литературному корыту. И даже тем людям, которые лишь хотят заявить о себе, заявить о своей творческой инициативе, нет возможности сделать это в печати.

В переписке между Парижем и Москвой, между Парижем и Нью-Йорком, когда я собирал авторский коллектив, я обсуждал этот вопрос с десятками людей. И сейчас я уже знаю, что в "Мулете" готовы публиковаться сотни разных авторов. Другое дело, что мы тоже вынуждены ввести какие-то ограничения, — правда, не по идеологическому принципу, а только по качеству.

Почему — "Мулета"? Ведь что происходит на корриде? Быка учат реагировать на красный цвет в течение трех-четырех лет до предстоящего поединка. Когда, наконец, его выпускают, помощники матадора, что в прямом переводе с испанского означает "убийца", размахивая своими плащами, заставляют быка носиться по арене. Утомляют его. Однако задача матадора не просто убить быка — это не бойня. Бык с возбужденными реакциями сам нарывается на пику пикадора. Мчится навстречу опасному изящному танцу бандерильеро и на встречных маршрутах получает в холку две лишь получает в холку две лишь слегка ранящие его бандерильи. Это — не смертельные уколы. Но бык много бегает по арене, а при его весе около 500 кг. это трудно. Он измучен, у него нет сил, и в какой-то момент он останавливается и прекращает схватку. И тогда матадор, поменявший плащ на мулету, идет к быку. Поднося ее, восхитительно и смертельно дразнящую быка мулету к самым его ноздрям, к самым его рогам, матадор возвращает быку силы перед последней схваткой. Матадор не убивает быка, если тот не встечает его рогами, если бык не дерется с ним. Матадор вонзает смертельную шпагу в быка, только бегущего ему навстречу, только стремящегося убить его, матадора-убийцу. Если в процессе корриды бык отказывается от борьбы, его уводят с арены. Матадор не убивает быка, который не борется.

И вот, поднося мулету к самой морде быка, матадор возбуждает в быке то, на что он натренирован всей своей предыдущей жизнью. Даже в безнадежной ситуации бык должен ударить навстречу. Даже когда у него нет шансов победить. В этом и животное, и человеческое. Потому, как последнее, что должен и человек сделать перед смертью — это ударить ей навстречу. Надо оговориться, что в 5-6% случаев бык наносит матадору разящий удар, иногда смертельный. У быка есть шанс! Это не мясная лавка по изготовлению бифштексов для любителей пожрать мясца и осудить при этом "бесчеловечность" корриды. Здесь за мясцо нужно рисковать жизнью! Вы жрете мясо животных, которых убиваете нечестным путем, в междусобойчике решая судьбу тех, кто не может вам ответить. Нет! Выходите на арену! У быка на корриде есть возможность поднять матадора на рога. Плохо ли?

И вот "Мулета" в названии — это вещь, предмет, субстанция, которыми даже измученного, в безнадежном положении, возвращают к жизни животно-человеческие инстинкты. Ну, ударьте, ударьте навстречу!

"Трибуна": У кого и какие инстинкты Вы хотели бы пробудить своим журналом?

Толстый: Это я оставлю читателям для размышления: кто там матадор, кто или что "Мулета" и кого пытаются вернуть к жизни авторы журнала. У кого пытаются возбудить некоторую силу или агонию. Это я оставляю читателям.

"Трибуна": Существуют несколько журналов на русском языке — авангардных, нонконформистских, ну, например, журнал "А—Я", "Эхо". Зачем еще понадобилась "Мулета"?

Толстый: Я считаю, что журналов, придерживающихся авангардистской традиции в эмиграции нет. Нет их и в метрополии. Ни один из названных вами журналов не похож на наш. Все они, эти журналы, по-своему журналы конформистские.

"Трибуна": Давайте сравнивать. Скажем, с журналом "Эхо" у Вас даже общие авторы. Например, Елена Шварц.

Толстый: Разные авторы творят в разном ключе. Разные авторы создают разные вещи. Вы назвали Елену Шварц. Вот сейчас под руководством Кублановского в Париже предпринимается попытка издать сборник Елены Шварц. Но все, что взяла "Мулета" — все было выброшено из этого сборника, т.к. не отвечало идеологическому клише, принятому в "официальной русской печати". В том блестящем, на мой взгляд, отрывке из Е.Шварц, который опубликован в "Мулете" несколько иная трактовка Божественного, иное отношение к добру и злу, иные отношения между человеком и Богом, — то, что ни журнал "Эхо", ни Кублановский позволить себе не могут.

"Трибуна": В журнале "А—Я" были опубликованы даже перформансы Толстого.

Толстый: Совершенно верно. Журнал "А—Я" наиболее свободен. Он больше может себе позволить, чем другие журналы, занимающиеся на Западе проблемами искусства. Но так или иначе, авангардность этого журнала ограничена, на мой взгляд. Основной вес приходится на группу Кабакова (Кабаков, Пивоваров, Янкелевский и т.д. —"группа Сретенского бульвара"). Это артисты, которые сыграли 10—15 лет назад очень серьезную роль в формировании нового взгляда на картину, на станковую графику, на принципиальные вопросы в русском искусстве. Но прошло много времени. Состояние искусства изменилось, и даже Илья Кабаков, как он представлен в 6-ом номере, сделал шаг назад. Это отход к американскому отношению в искусстве рекламы. Кабаков очень грамотный человек, он очень точно и тонко схватывает всякое в искусстве. Но то, что я видел в 6-ом номере, это совсем не авангардизм. Это испытанные, апробированные вещи, которые стали теперь классикой.

"Трибуна": Не хотите ли Вы сказать, что авангардизм это всегда риск?

Толстый: Именно это я и хочу сказать. Авангардизм это всегда смелость. Это всегда бесстрашие. Авангардизм — это совсем не то, как положить красочку на холст, это совсем не то, как нарисовать лица. Авангардизм — это сочетание человека с существующей на земле жизнью. Художник использует созданное жизнью, или художник пытается создать новые формы жизни и новые отношения. В этом смысле журнал "А—Я" очень, может быть, даже академичный, очень отстраненный, холодный журнал. Очень положительно, с профессорской щепетильностью рассматривающий то, что совсем безукоризненно и совсем не боязно.

Так, например, один из моих перформансов, который я с успехом сыграл на 1-ом Парижском фестивале Перформанса, был отведен журналом "А—Я" потому, что это, по его мнению, богохульство. Т.е. акт искусства был отведен от публикации не по причине его несовершенства, не по причине формальной ущербности, а по причине идеологического несоответствия его установкам редактора.Это право Шелковского, каждый издатель вправе определять собственные границы и степень свободы.

"Трибуна": Авангард, занявший в 20 столетии блестящие рубежи, вероятно, переживает кризис. Уже после "Черного квадрата" Малевича возникло ощущение конца искусства как такового. Поскольку авангард дошел до каких-то мыслимых границ, встал вопрос о конце искусства вообще. Возобновились ретроспективные или консервативные, традиции, как ход Кабакова назад в 6-ом номере "А—Я", к большему благополучию. Появился неоэкспрессионизм как некое отступление от самых авангардистских тенденций. Не думаете ли Вы, что здесь, в авангарде, все исчерпано, как думает консервативная публика, и что искусству пора вернуться на "круги своя"?

Толстый: Я так не считаю. Ощущение исчерпанности воз-

никает не в искусстве, а внутри людей, которые его делают. И когда люди не видят нового хода, не видят дальнейшего развития, тогда и возникает попытка что-то реставрировать, к чему-то вернуться. Это — человеческое. Ведь творческие потенции одного человека или даже группы людей не бесконечны. Человек устает от жизни и потом умирает, наконец.

Мы приветствуем то, что сделано человеком внове. А если он устанет, то спасибо ему за то, что он сделал то, что он сделал. И теперь нужно смотреть на то, что делать дальше. Это ситуация культуры. Те, кто еще движется, опираются на сделанное до них и делают следующий шаг.

Что же до "Черного квадрата" Малевича — то там важен не сам черный квадрат, как законченная форма. Его нельзя рассматривать, как Венеру Джорджоне. Но черный квадрат прекрасен! Потому что это поступок артиста. Потому что, самовыражаясь, Малевич сообщает нам, что таково состояние искусства в этот момент. Быть последователем Малевича это вовсе не значит размножать квадраты и кресты. Абстрактное искусство себя действительно исчерпало как жанр. Но это лишь исчерпанность жанра, а не всего искусства.

Пока жив человеческий интеллект — искусство будет жить. Интеллект, человеческий разум найдет выход из любой ситуации. Разум от Бога, и я верю в Бога. Известно, что все искусство вышло из Храма, все искусство от Бога, все получает в свое время импульсы, порождая то, а не другое действие. И я верю, что до тех пор, пока жива вера в Бога, у людей будет искусство. И я уверен, что все нам еще не дано в откровении, а что-то уже дано.

Я считаю, что следующим шагом в искусстве после "Черного квадрата" Малевича, ощутимым и весомым, является ВИВРИЗМ. Я стараюсь это обосновать и тем, что я делаю, и тем, что я пишу.

Настало время главное внимание потребителей и расчислителей искусства обратить не на то, что останется в ручках после артиста, после его жизни, а на то, КАК происходило движение секунд его жизни. Настоящий артист и живет как артист, он думает и размышляет как артист. Не может мясник, убивающий нечестным способом быков, быть создателем какой-то новой духовной или интеллектуальной формы.

Пустых мест в мире нет. Кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево. Артист должен знать и уважать прошлое. Но главное в нынешнем искусстве — это метод жизни, это способ реализации своих претензий. Сам процесс творчества сейчас важнее, чем результат. Произведение искусства — это процесс его создания. Это процесс собственного интеллектуального роста.

"Трибуна": Но были же теории — жизнестроения и жизнетворчества в искусстве, высказанные в ЛЕФе. Третьяков писал о стихах: "Прочти и разорви". Были так называемые "футуристы жизни". Попытки перейти из искусства в жизнь. На коммунистической основе развивали теорию, согласно которой индивидуальное искусство кончится и начнется творчество масс, когда каждый будет художником. Вы как-то соотносите это с вивризмом?

Толстый: Соотношу. Но что искусство станет искусством масс — это утопия. Искусство это дело элиты и на том стоит ВИВРИЗМ. И только уж разжеванное, ставшее всем понятным и доходчивым, оно становится потреблением масс.

Творцы искусства всегда были элитой и всегда элитой останутся. Но раньше это было говорить неприличным, раньше были иные этические требования к артисту, а вот у вивризма этой скромности нет. И мы от этого отказываемся декларативно.

"Трибуна": Нам известно, что "Мулету" замалчивают, рекламу на нее не дают, о ней не сообщают. И в обывательских, и в консервативных кругах Вас упрекают в порнографии и в кощунстве или в богохульстве. Что Вы думаете об этих высказываниях?

Толстый: Порнографии в "Мулете" нет. Древний философ сказал "Объясните слова и тогда 80% споров отпадут".Напишите формулировку, что есть порнография и вы увидите, что в "Мулете" этого нет.

В "Мулете" изображается иногда голое тело, которое всегда использовалось артистами как средство самовыражения. Одна из позиций вивризма: "тело человеческое прекрасно всегда, даже когда оно уродливо". И более того, для вивриста его собственное тело является и материалом, и инструментом, и полем деятельности, и критерием оценки сделанного. Не посторонний холст он хочет использовать в своей жизни и в творчестве, а собственное тело. И кощунства ни в "Мулете", ни в творчестве других вивристов, которые работают сейчас телом, на теле, с голым телом, никогда не было. Я считаю всех своих сподвижников очень духовными людьми. Они, может быть, не религиозны, но все они глубоко и широко мыслящие и духовные люди.

"Трибуна": Как отнеслись русские издания к выходу первого номера "Мулеты"?

Толстый: В Париже "Синтаксис" и "Эхо" дали сообщения о предстоящем выходе "Мулеты". В Америке — "Новый американец", "Новости" и "Н.Р.С". Газета "Русская мысль" отказалась от публикации даже платного объявления.

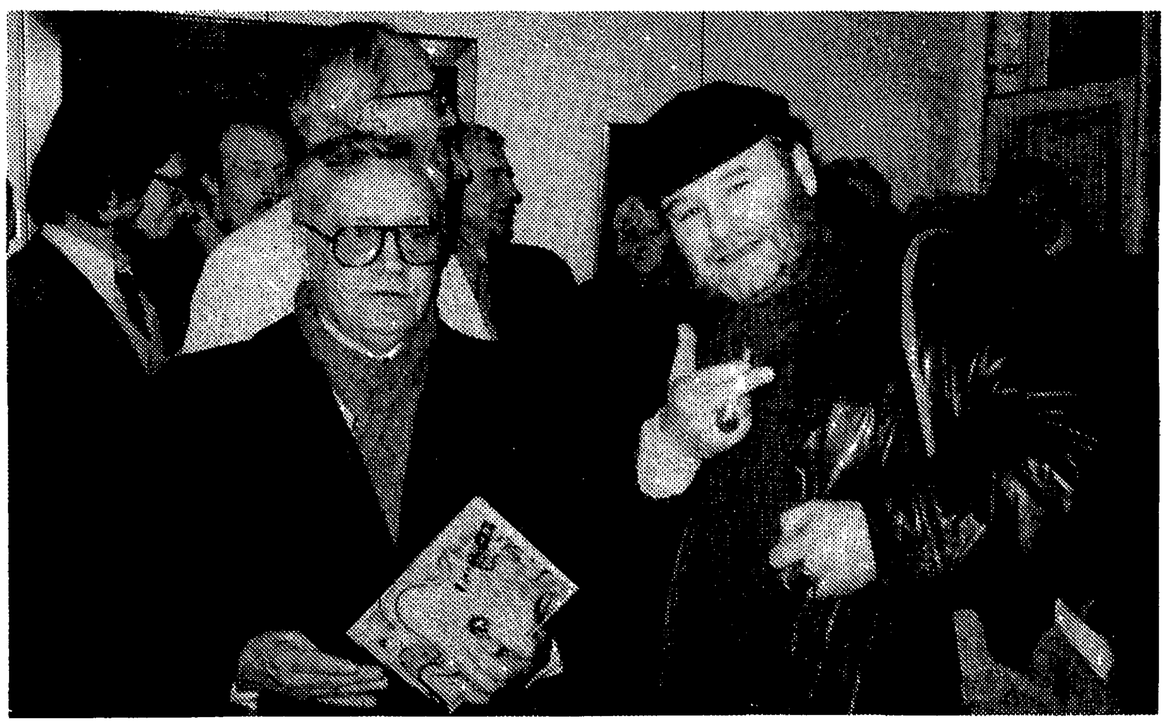
"Трибуна": А вот фотография, где В.Е.Максимов, редактор журнала "Континент", с доброжелательной улыбкой держит в руках "Мулету".

Толстый: Когда "Мулета" вышла, я почувствовал, что равнодушных людей нет. Одни осуждают, другие поддерживают, одни отрицают или хвалят, но равнодушных людей я еще не встречал.

И вот на одном из Парижских вернисажей В.Е.Максимов очень доброжелательно спросил меня, как он может с моим журналом познакомиться. Я ответил: "Купите, вот и все проблемы". И действительно, он тут же у меня купил этот журнал. Этот поступок мне понравился. Я почувствовал в нем живой интерес. Но что еще более интересно, не прошло и суток, как В.Е.Максимов позвонил мне по телефону и сказал, что на его взгляд этот журнал очень нужен русскому искусству и русской литературе, что он готов поддержать этот журнал не только морально, но и материально. Более того, он сказал , что он готов заплатить за издание второго выпуска.

"Трибуна": Будем надеяться, что с такой мощной поддержкой читатели скоро увидят второй выпуск "Мулеты".

Толстый: Я тоже хочу на это надеяться.



В Европе

ИМЯ. . . . . .

(печатными буквами)

АДРЕС . . . . . .

Подписка по адресу:
M-me ZVORYKINE
31, Jardins Boieldieu
92800 Puteaux, France

Прошу подписать меня на 10 номеров "Трибуны".....
Чек на 150 франков прилигается.....
Прошу выслать.....**номер "Трибуны"**
Чек на 18 франков прилагается.....

Подпись.....

НАША ПОЧТА

"ПОЛЕМИЗИРОВАТЬ С ИДЕЯМИ, А НЕ С ЛИЧНОСТЯМИ..."

В журнале "Континент" (№33) опубликовано "Открытое письмо четырем публицистам" Юрия Фельштинского, автор которого защищает Солженицына, его взгляды от критики этих публицистов. Но в тексте не указаны ни имена, ни ссылки на источники цитат, на даже названия работ, из которых взяты эти цитаты.

И сделано это, по всей видимости, уже в редакции "Континента". В "Письме", по недосмотру исполнителей этой ампутации, остался такой пассаж: "Вы, — упрекает Фельштинский одного из 4-х оппонентов, — ссылаетесь на *безымянных* "последователей" (Солженицына), да и из их статей приводите *без ссылок на источник* лишь одну неполную фразу... И вы допускаете, что я приму это *безымянное... и потому ничего не значащее* высказывание как веское доказательство в вашем споре с Солженицыным?" (стр.206. Подчеркнуто мною — В.Б.)

В "К" №34: "По просьбе редакции, автор опустил фамилии (оппонентов Солженицына) Мы придерживаемся правила *полемизировать с идеями*, а не с личностями". (1) (стр.368)

До сих пор считалось, что нельзя спорить с идеями, не называя их авторов и не указывая источников. Читатели должны иметь возможность проверить цитированное, ознакомиться с оригиналом. Впрочем, журнал уже довольно давно ведет полемику преимущественно без указания имен оппонентов и без ссылок на свои источники.

Примечательно, что разбираемая, точнее разносимая, в "Письме" Фельштинского статья В.Чалидзе была опубликована в самом "К" — №23. Где это видано, чтобы журнал скрывал свои публикации?! Но дело в том, что там же опубликовано и письмо А.Сахарова, из которого явствует, что "К" статью Чалидзе печатать не хотел, и пошел на это лишь под давлением авторитета Сахарова, решительно выступившего за ее публикацию.

"*Статья,* — читаем в том письме Сахарова, — *написана в стиле серьезной и хорошо аргументированной полемики... В статье Чалидзе я вижу талантливую дискуссию, которая кажется мне очень важной для всех*".

И напоминает Сахаров там о своей статье 74 года с критикой "Письма вождям" Солженицына, положившей начало дискуссии между авторитарным и демократическим крылом диссидентов.

"Континенту", видимо, хотелось бы, чтобы мир забыл об этой статье Сахарова. Ведь основа тактики всех защитников Солженицына в русской эмигрантской прессе — умолчание о том, что и Сахаров входит в число его критиков. По крайней мере, я не читал ни одного выступления в поддержку Солженицына, где у автора хватило бы смелости спорить и с Сахаровым.

Но это все было в прошлом, а сейчас "К" и его автор Фельштинский спорят только "с идеями, а не с личностями" — и это дает им уже полную свободу и Сахарова обходить, и мысли критиков безбожно извращать, и даже вот позволить себе такое хлесткое начало статьи: "Они не стоят слов: взгляни — и мимо!"

Откуда все это — извращения высказываний оппонентов, умолчания о невыгодных обстоятельствах и фактах, и вот это последнее — "полемика только с идеями"?

Ответ один. *От сознания, что честным образом, в открытом бою не устоять*. Не случайно, между прочим, защитники Солженицына чаще всего и его высказывания извращают или урезают, как это делает и Фельштинский в "К". Понимают, что в полном объеме и честном изложении взгляды Солженицына защитить бывает трудно.

Один пример. Фельштинский обвиняет меня, одного из "четырех", что это я извращаю Солженицына — его критику в адрес Сахарова в "Теленке", приписывая Солженицыну слова, которых он не говорил. (2) А именно, что: *"Сахаров стал выразителем того слоя, который без гнева не может слышать слов "русское национальное возрождение"*.

Но в моей статье (3) сразу же за кавычками идет ссылка: "К" — №2, стр.356-359". А в "Теленке", верно, Солженицын этих страшных и *незащитимых* слов не говорил. Фельштинский делает вид, что не замечает этой моей ссылки, относит эту цитату к предыдущей — из "Теленка" и пылает святым гневом: "держи вора!" А сам защищает слова из "Теленка", опять же вырезав из них *незащитимое*, а именно, что *"Сахаров ломает фронт, сдает уже взятые позиции... уступая чужим замыслам" группы "евреев, чужих стране, думающих как всегда о своем"*. (4)

Вся многотиражная пресса в русской эмиграции — фактически однопартийна. Различия носят лишь фракционный характер. Издания еврейской эмиграции на русском языке — не в счет: они имеют своего читателя и не идут в Россию. "Самиздат" оппозиционный, вроде "Синтаксиса", или вот новой "Трибуны" — малотиражен и нерегулярен, а то и недолговечен, увы.

И в этих условиях новоизобретенный метод "Континента" весьма эффективен. Инакомыслящие остаются на свободе, их работы не сжигаются и не изымаются, но вырубаются их имена и ссылки на их работы. Кто будет рыться: откуда — что? и кто есть что? — Эта цитата, видимо, из Х-а, или может, из У-а? — Они же против Него что-то где-то писали!..

Ответ же на атаку, протест против искажений и самого этого метода монопольная пресса не напечатает.

В итоге — знакомый эффект: Я Пастернака не читал, но он ведь наш народ оскорбляет!

В. Белоцерковский

1. *Ю.Фельштинский впоследствии на страницах "Русской мысли" послушно солидаризировался с этим заявлением, но затем, опубликовав статью отдельной брошюрой, почему-то имена все-таки открыл.*

2. *"Солженицын и социалисты" (стр.38, Париж, 83)*

3. *"Феномен Солженицына" ("Новый американец", 23-29 марта 82, стр.11)*

4. *"Бодался теленок с дубом"(стр.403-404)*

Дорогая редакция!

Я хотел бы обратить Ваше внимание, на то что материалы, взятые из туземной прессы, нуждаются в таком же уважительном и юридически безупречном обращении, что и документы отечественной словесности и публицистики. Недопустимо снабжать их доморощенным заголовком, обрывать не взлете мысли, пренебрегать многоточием и т.д.

На эти нехитрые мысли меня натолкнула статья Жана Клемантена "Если бы...", опубликованная в 5 номере "Трибуны", куда она попала из парижского еженедельника "Canard enchaîné" и где она называлась "Силлабус патриарха Александра".

Русский вариант этой статьи представляет сплошную и ядовитую сатиру на Солженицына. В оригинале же имеются и другие оттенки. "Есть в этом дяде мученик, и гений, и пророк, и просто старый хрыч. И все же какое везение быть его современником, знать, что в скольких-то верстах отсюда живет такой персонаж, который осыпает нас бранью и эпатирует!"

Здесь диатриба перерастает в своеобразное объяснение в любви, и его изъятие существенно нарушает психологическое и семантическое равновесие рецензии.

В переводе сняты без всякого отточия ссылки на Метерлинка, Набокова и ... Вашего покорного слугу. И если в случае с Метерлинком и Набоковым редактор обедняет язык рецензии, скашивает ее культурно-стилистический покров, превращает амбивалентную сочную литературную критику в однозначный агитпроп, то с Вашим корреспондентом он поступает как мелкий хам. Вот опущенный кусок:

— Чтобы разобрать "Август четырнадцатого", нужно не меньше трехсот страниц. И они у нас теперь есть: книга Эмиля Когана, вышедшая как нельзя кстати. Она называется "Du bon usage de Soljénitsyne" (в русской версии — "Соляной столп"). С проницательностью лазера Коган изучает пророка во всех его измерениях, от политических убеждений до литературной техники. С восхищением, которое причитается Солженицыну, и с хладнокровием, которого требует эта удивительная историческая реконструкция".

...Уже в первых своих номерах "Трибуна" отрекомендовалась воительницей за чистоту нравов в русской зарубежной печати. Однако высота любой трибуны определяется не только провозглашенными с нее принципами, но и тем, в какой мере она сама следует им.

17 февр. 84г. *Эмиль Коган*

От редакции: статья Ж.Клемантена печаталась с сокращениями.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: П.Егидес, П.Литвинов, С.Максудов, Михайло Михайлов (**ответственный за выпуск номера**), А.Синявский, Б.Шрагин, Е.Эткинд.

Адрес редакции: *TRIBUNA, Box 668 Tarrytouwn, N.Y. 10591. USA*

В Америке

ИМЯ. . . . . .
(печатными буквами)
АДРЕС . . . . . .

Прошу подписать меня на 10 номеров "Трибуны".....
Чек на 20.00 долларов прилагается.....
Прошу выслать.....**номер "Трибуны"**
Чек на 2.50 долл. прилагается.....

Подпись.....

Подписка по адресу:
TRIBUNA,
Box 668, Tarrytown,
New York 10591 USA